ВЕСТНИК

ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА ИГХТУ

Выпуск 3

Иваново 2008

Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Ивановский государственный химико-технологический университет

Посвящается
90-летию ИВПИ

ВЕСТНИК

ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА ИВАНОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОГО ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО

УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 3

Научный журнал

Иваново 2008

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н.К. Иванова, д-р филол.наук (отв.редактор)
О.Н. Масленникова, канд.филол.наук (зам.отв.редактора)
М.Г. Зеленцова, д-р филос.наук
Л.Н. Михеева, д-р филол.наук
Е.М. Раскатова, канд.истор.наук
С.В. Мощева, канд.филол.наук (отв.секретарь**)**

Издание Ивановского государственного химико-технологического университета

Адрес редакции: 153000, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 7

Email: ino@isuct.ru

Официальный сайт ИГХТУ: **www.isuct.ru**

Набор и верстка: И.Ю. Базлова, О.Ю. Барулина, Р.Ю. Блинов, Н.В. Холодкова

Ответственный за выпуск: И.И. Барбетов

Email: big@isuct.ru

Подписано в печать 24.12.2008. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая
Усл. печ. л. 40,32 Тираж 80 экз. Заказ _____

ГОУ ВПО Ивановский государственный химико-технологический университет

Отпечатано на полиграфическом оборудовании
кафедры экономики и финансов ГОУ ВПО «ИГХТУ»
153000, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 7

ISBN 978-5-9616-0254-8

© ГОУ ВПО Ивановский государственный
химико-технологический университет, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги-читатели!

Перед вами – третий выпуск периодического научного издания гуманитарного факультета ИГХТУ.

Нашему факультету еще нет и 20-ти лет (он был образован в 1991 году), но он успешно продолжает работу по гуманитарному образованию и воспитанию студентов, которая была начата преподавателями гуманитарных кафедр в Ивановском политехническом институте, 90-летию которого и посвящено данное издание «Вестника».

Исторические документы свидетельствуют, что до 1930 г. преподавание гуманитарных дисциплин осуществлялось преподавателями общеинститутской кафедры общественных наук. Студенты ИВПИ изучали курс исторического материализма, политической экономии, истории и др. В название общественно-политических дисциплин и их содержание часто вносились изменения. С 1920 года в вузе велось преподавание иностранного языка, хотя самостоятельная кафедра появилась только в 1930 году, после реорганизации ИВПИ.

С тех пор в нашем вузе многое изменилось, но осталась традиция сочетать преподавание с научно-исследовательской работой, стремление вооружить студентов современными знаниями, обеспечить их необходимой учебной и научной литературой.

В «Вестник» №3 включена статья **к.и.н. Ю.Л. Малковой** и **к.и.н. А.С. Сироткина** об издательской деятельности в ИВПИ, написанная на основе редких материалов и архивных документов. Из ее содержания очевидно, что важной составляющей молодого вуза, уже в первый год его существования, была подготовка собственных изданий и, прежде всего, научного сборника «Известия ИВПИ», который из-за отсутствия собственной полиграфической базы был напечатан в Петрограде.

Как и прежде, статьи «Вестника» отражают междисциплинарность наших научных исследований, но расширилась область гуманитарных знаний, которым посвящены публикации данного выпуска. Сегодня это не только археология, история, культурология, филология и философия, но и социальная психология, педагогика, социология, связи с общественностью.

Особенностью данного выпуска является публикация в нем статей **Е.М. Раскатовой, М.А. Миловзоровой, М.А. Гречихиной, М.Н. Трефиловой,** выполненных по гранту РГНФ и написанных на основе местного материала.

В этом же номере «Вестника» его читатели найдут материалы научного семинара «Фонетика и фонология языка и речи», посвященного памяти Л.В.Бондарко и проведенного кафедрой иностранных языков и лингвистики 13 мая 2008 года.

Кроме того, как никогда прежде, сборник включает 20 статей, написанных преподавателями ГФ вместе со студентами по итогам их научно-исследовательской работы в 2008 году. Студенческие исследования посвящены актуальным проблемам современной лингвистики и филологии (на материале русского и английского языков), истории и культурологии, PR.

Надеемся, что публикации «Вестника гуманитарного факультета» №3 вызовут интерес у наших коллег-гуманитариев. Напомню, что электронные версии этого и предшествующих выпусков размещены в удобном формате на сайте ИГХТУ: http://main.isuct.ru/ru/vgf.

Проф. Н.К. Иванова

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА 6

Сироткин А.С., Малкова Ю.Л. Страницы истории: издательская деятельность ИВПИ. 1918-1930 гг. 7

Раздел 1. Археология, история, культурология 15

Аверин В.А. Некоторые итоги археологического изучения Некрополя XVIII в. в городе Гаврилов-Посад 15

Егоров А.Д. Издание о русских православных монастырях России начала XX и XXI веков 22

Губина Н.М. «Синематограф царствует в городе, царствует на земле»: кино в повседневной жизни русского провинциального города начала XX века (на примере Иваново-Вознесенска) 27

Миловзорова М.А., Раскатова Е.М. «Другое искусство» столицы и провинции: к вопросу о структуре историко-культурной ситуации 40

Раскатова Е.М. 1968 год и проблема исторического самоопределения советской художественной интеллигенции 49

Трефилова М.Н. «Другие театры» провинции: опыт реконструкции намоленного пространства 62

Гречихина М.А.Творческое объединение АРС: три шага к свободе творчества 65

Трефилова М.Н. К вопросу об оценке семейно-брачных практик горожанами в 1890-1920 гг.: юридическая норма и жизненные реалии 69

Миловзорова М.А. «Публичная историософия» русского театра: феномен Н.А. Полевого 71

Страдымова В.И. Концепция дружбы в античной Греции (классический период) 80

Рыжкова Н.А. Оратор и слушатели: культурный образ в контексте эпохи (на примере деятельности народного проповедника Бернардино Сиенского (1380-1444)) 85

Столбов В.П. Влияние «капиталистых» крестьян – старообрядцев на развитие промышленного Иваново-Вознесенского района в 18-19 вв. 93

Раздел 2. Философия, психология, социология, PR 103

Зеленцова М.Г., Романова Е.А. О всеобщности понятия свободы 103

Портнов А.Н., Портнов А.А. «Консервативная революция»: сущность, дискурс, некоторые фигуры 107

Палей Е.В. Социальное и индивидуально-личностное содержание ценностного сознания 114

Сапожникова О.А. Логика становления понятий «Культура» и «Ценности» в социальной психологии СССР и России 120

Левицкая И.А., Торшинин М.Е. «Трудный» педагог как фактор дестабилизации психологического климата в педагогическом коллективе 124

Столбов В.П., Литова Э.П., Староста П. Социально-психологические установки и представления жителей промышленного города в условиях рецессии 130

Бартош А.В., Нечаева Е.А. Комплимент как главное средство гармонизации межличностных отношений 139

Алаева О.В., Нечаева Е.А. Особенности PR-сопровождения на рынке здравоохранительных услуг 147

Балдина Ю.В., Нечаева Е.А. Значимость профессиональной PR-коммуникации для коммуникативного пространства современной России 156

Раздел 3. Лингвистика 165

Атаева Е.В. Семантико-синтаксические условия функционирования союза «однако» в противительно-ограничительных конструкциях 165

Ганина В.В.Особенности выражения отрицательных эмоций с помощью сочетаний невербальных компонентов коммуникации различных видов 171

Ганина В.В., Песьякова А.А. Маскировка эмоций человека с помощью невербального поведения (на материале англоязычных детективных романов) 176

Здорикова Ю.Н. Конструкции противительного несоответствия на уровне предложения и текста 180

Здорикова Ю.Н., Коваленко Ю.О. Синонимы и антонимы в газетных заголовках ... 186

Емельянов А.А. О функциональных особенностях английского рифмованного сленга 188

Иванова Н.К. Имя собственное в английском языке: феномен графико-фонетической вариантности и его отражение в словаре (на материале орфоэпического словаря LPD) 196

Иванова Н.К., Киселева Е.Н. Лингвистический «заряд» товарных знаков 201

Лукашин И.С., Долинина И.В. Фоносемантическое значение звуков речи 206

Тихомирова О.В., Милеева М.Н. Фонетическая компрессия и ее проявление в деловом английском языке 212

Смирнова А.Н. О лексикографическом отражении американского стандарта английского литературного языка 216

Стрельчук Е.Н., Нгуен Хоанг Чанг Лингвокультурологический краеведческий аспект на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере творчества А.С. Пушкина и Ивановских художников Чернецовых) 222

Нечаева Е.А. Некоторые особенности формирования терминов предметной области PUBLIC RELATIONS 226

Е.Н. Золина, О.В. Миненко Лексикографический портрет термина «ГОТИКА» 234

Раздел 4. Филология и литературоведение 239

Благовестный А.Ю. Чарльз Кингсли и его роман «Ипатия» 239

Долинина И.В. Художественный концепт «праведный» в цикле Н.С. Лескова «Праведники» 243

Корнилова Л.В. Тенденция к акцентированию символистского плана в творчестве А. де Сент-Экзюпери 250

Шишкина С.Г. У истоков литературной антиутопии: роман Э.М. Форстера «Машина останавливается» 255

Фалина В.А. Новые тенденции оформления концовки неофициального письма середины XIX – начала XX века 262

Раздел 5. Материалы научного семинара «Фонетика и фонология языка и речи» 267

Иванова Н.К., Блинов Р.Ю. Звуковой и письменный код языка: поиск механизмов взаимовлияния 267

Наумов В.В. М.Лютер – первый немецкий фонолог 274

Лобанова И.В. Донаучные попытки отражения произносительных особенностей немецкого языка в словарях 275

Кузьмина Р.В. Фонетическая вариативность языковых единиц 280

Лобанов В.А. Фонологический слух и особенности восприятия слов неродного языка..... 285

Мощева С.В. Фонетические особенности оформления печатных рекламных текстов (на материале английского и русского языков)..... 288

Милеева М.Н. Некоторые особенности диалекта пенсильванских немцев США..... 295

Шастина Г.Н. Восприятие речи в свете экспериментально-фонетических данных..... 302

Раздел 6. Дебют..... 307

Бобкова Е.В., Миловзорова М.А. Иваново-Вознесенск (1871-1917): образ города в культурных текстах эпохи 307

Галкина Е.С., Губина Н.М. А.И. Коновалов: социокультурная составляющая российской модели предпринимательства..... 310

Кириллова М.А., Губина Н.М. Современные культурно-досуговые практики молодежи г. Иванова..... 314

Самотовинский Д.В., Афанасьева К.А. К вопросу о перспективах изучения творчества Пьера Шаррона - одного из «последних гуманистов» эпохи Возрождения..... 318

Самотовинский Д.В., Куренчанина О.В. Начало «холодной войны» и формирование образа внешнего врага в советской прессе (1945—1947 гг.)..... 322

Суверина Е.В., Масленникова О.Н. Культура как болезнь двадцать первого века: «степной волк», играющий в бисер 326

Петрова А.С., Миловзорова М.А. «И в легком облаке был виден город дальний…»: опыт культурологического проектирования на базе историко-художественного музея г. Юрьевец..... 330

Полуярова Д.Н., Миловзорова М.А. Культурные гнезда Ивановской области: усадьба Чернцы-Воротынских 333

Масленникова О.Н., Балашова Е.А. Андрей Белый и Федор Сологуб: «Провинциальный сюжет» 336

Хроника научной и научно-методической жизни факультета в 2008 г. 345

Участие преподавателей и аспирантов гуманитарного факультета в научных мероприятиях..... 349

Вышли из печати..... 350

Диссертации, защищенные в 2008 г. преподавателями гуманитарного факультета 351

Список авторов..... 351

А.С. Сироткин, Ю.Л. Малкова*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИВПИ. 1918-1930 гг.

*Ивановский государственный энергетический университет
Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена анализу издательской деятельности ИВПИ, а именно условиям ее организации, основным направлениям и итогам к моменту реорганизации ИВПИ в самостоятельные учебные заведения.

Период существования ИВПИ с 1918 г. по 1930 г. заслуживает особого внимания и изучения, поскольку именно первые годы деятельности института насыщены интересными и порой противоречивыми событиями и преобразованиями, какие не происходили с дореволюционными ВУЗами за многие десятилетия. Это период становления и развития учебного заведения, время создания базы, на которой впоследствии возникли четыре самостоятельные ВУЗа нашего города, один из которых – ИХТИ-ИГХТА-ИГХТУ.

ИВПИ осуществлял свою деятельность по разным направлениям, и одним из них, позволяющим оптимизировать учебный процесс и сделать его более эффективным, а также привлечь внимание к ВУЗу как российских, так и иностранных научных кругов, следует считать издательскую деятельность института. Однако прежде чем обратиться непосредственно к ее анализу, совершим краткий экскурс в историю возникновения ИВПИ, чтобы иметь представление об объективных и субъективных условиях его функционирования, а также о внешних и внутренних факторах, влиявших на процесс его организации и существования.

Известно, что решающая роль в создании института принадлежит М.В. Фрунзе. Период организации ИВПИ проходил достаточно интенсивно. К июню 1918 г. в Иваново-Вознесенске уже был создан Комитет по учреждению Политехникума. В него входили инициативная группа преподавателей Рижского Политехнического института (М.Н. Берлов, К.К. Блахер, П.Г. Борисов, В.М. Келдыш, Д.А. Ласточкин, Н.М. Озмидов, С.Г. Шиманский), Московского Общества Рижских политехников (П.П. Будников, С.Г. Гуревич, А.Ф. Момма, С.Ф. Федоров) и представители местных советских и общественных организаций (М.В. Фрунзе, И.Е. Любимов, С.К. Климохин, М.А. Чернов, М.З. Мануильский). Комитет решал главным образом материальные задачи, вопросами привлечения кадров и координацией учебной работы занималась созданная в те же дни Учебно-Организационная комиссия (первый председатель - С.Г. Гуревич). Кроме того, из профессоров и преподавателей был создан Совет Института, избравший на своем первом заседании первого ректора института (проф. М.Н. Берлов), первого и второго проректоров (А.Г. Кирсанов и Н.Г. Новиков) [6, с. 10].

Для первого года существования института характерны определенные трудности. Многие приглашенные из Москвы преподаватели не сразу переехали в Иваново-Вознесенск и продолжали приезжать лишь на занятия. По причине перерывов пассажирского железнодорожного движения зимой 1918-1919 гг. эти визиты не были регулярными, от чего сильно страдал учебный процесс. К лету 1919 г. благодаря усилиям организаторов факультетов, ректора, местной власти положение заметно улучшилось. Число преподавателей возросло и достигло 57 человек. Профессура была хорошо обеспечена продовольствием, жильем, между Москвой и Иваново-Вознесенском наладили курсирование «профессорского» вагона [6, с.4].

На момент открытия в 1918 г. в институте было 6 основных факультетов: агрономический, химический, факультет фабрично-заводских механиков (впоследствии инженерно-механический), инженерно-строительный, прядильно-ткацкий, социально-экономический. В 1920 году был организован рабочий факультет [6, с.10-11].

С началом НЭПа состояние подъема института сменилось крайне тяжелым его положением. Самыми напряженными в этом плане оказались 1922-1924 гг. Уменьшились ассигнования из центра, начался отток научных сил, сократился фонд зарплаты и объем средств на оборудование. Помимо этого, обстановка внутри института была крайне напряженной. Рост факультетов вызвал соперничество между ними за направление общей политики ВУЗа, за распределение кредитов, за места. В те же самые годы предпринимались попытки закрытия отдельных факультетов. Поднимался вопрос о закрытии текстильного факультета, был ликвидирован строительный факультет, социально-экономический факультет, на полгода был закрыт агрономический факультет. В итоге всех преобразований второе десятилетие своего существования институт встретил в составе 3 основных факультетов (химический, агрономический, инженерно-механический), 2 отделений (механическое, текстильное) и рабочего факультета [6, с. 5, 11]. Однако, несмотря на эти неблагоприятные условия начала 1920-х годов институт выстоял, и с 1924-25 гг. начался период его медленного подъема. Штат преподавателей увеличился и насчитывал уже 95 человек, число студентов достигло 1500. Преподаватели института в тот период пользовались высоким научным и педагогическим авторитетом. В качестве одного из примеров стоит сослаться на научную продукцию химфака: за 10 лет существования вуза было выпущено 214 работ (76 из них напечатано в иностранных журналах, вышедших в Германии, Англии, Франции, Америке), прочитано 136 докладов. Активная научная деятельность была характерной чертой химического факультета. С 1918 г. на факультете функционировал «Химический коллоквиум», сотрудники факультета принимали участие в работе 1, 2, и 3 съездов Российской Ассоциации физиков, в работе 3 Менделеевского съезда [5, с. 33].

Таким образом, рассматриваемый период существования ИВПИ, наполненный большим количеством разнообразных событий и противоречий, представляет собой череду «взлетов и падений», и, безусловно, руководству ВУЗа и местной власти необходимо было четко ориентироваться в условиях стремительно меняющейся действительности, находить решение сложных проблем и создавать базу для успешной деятельности института. Не могли не затронуть данные перемены и такой аспект в жизни ИВПИ как издательская деятельность.

Уже осенью 1918 г., в стадии организации, когда перед руководством института стояли более глобальные задачи, был впервые поднят вопрос о выпуске собственного периодического издания. На фоне сложностей с подысканием помещений для занятий, с формированием фундаментальной библиотеки, казалось, что появления своего журнала ИВПИ придется ждать не один год. Однако на заседании 14 декабря

1918 г. Совет института принял предложение президиума и приступил к подготовке издания «Известия ИВПИ». Эта работа была возложена на избранную редакционную комиссию, в которую вошли: редактором – профессор кафедры физики факультета фабрично-заводских механиков К.Н. Шапошников, членами – Э.Э. Понтович (секретарь социально-экономического факультета), П.П. Будников (секретарь химического факультета), Д.А. Ласточкин (секретарь сельскохозяйственного факультета) [2, Д. 15, Л. 4]. В феврале 1919 г. на очередном совете К.Н. Шапошников выступил с докладом о ходе подготовки к выпуску первого номера «Известий ИВПИ». Материалы для него уже были подготовлены и сданы в набор. Отпечатать номер бралось издательство Э.Ф. Мекс, в Петрограде. В своем докладе проф. Шапошников отметил, что «*успешному ходу работ по печатанию журнала редакционный комитет в значительной степени обязан профессору Института инженеров путей сообщения Николаю Николаевичу Георгиевскому*» [2, Д. 15, Л. 12].

Таким образом, первый номер «Известий ИВПИ» увидел свет уже через полгода после начала занятий в институте. Он содержал восемь научных статей преподавателей ИВПИ и краткие сведения по истории возникновения института и деятельности его факультетов. Публикациями отметились все четыре действовавших на тот момент факультета (инженерно-строительный и прядильно-ткацкий находились в стадии организации). Проблем с материалами для журнала не возникло – у большинства преподавателей молодого ВУЗа был значительный научный багаж. Достаточно сказать всего несколько слов об авторах первого номера «Известий ИВПИ», чтобы это оценить.

Например, член редакционной комиссии, секретарь социально-экономического факультета Эдуард Эдуардович Понтович являлся одним из крупнейших специалистов в области государственного права в России, имел опыт законотворческой деятельности – в 1917 г. он был включен в состав созданного при Временном правительстве Особого совещания для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Позднее Э.Э. Понтович был назначен членом Всероссийской по делам о выборах в Учредительное Собрание комиссии («Всевыборы»). В ИВПИ ему поручили возглавить кафедру общей теории права, а в 1921-22 гг. он занимал пост декана социально-экономического института. В первом выпуске «Известий…» Э.Э. Понтович поместил один из своих философско-правовых этюдов по проблеме государственной власти.

Константин Николаевич Шапошников – редактор сборника, профессор кафедры физики, председатель физико-математической комиссии института. Им была написана монография «Механика Ньютона и световые кванты» - одна из первых, выпущенных издательством ИВПИ.

Петр Петрович Будников – член редакционного комитета, ставший в 1919 г. профессором и заведующим кафедрой химии и технологии минеральных веществ. Впоследствии – член-корреспондент АН СССР, заведующий кафедрой общей технологии силикатов в МХТИ им. Д.И. Менделеева, лауреат трех Сталинских премий, герой социалистического труда.

Иван Иванович Заславский – доцент, а затем профессор по кафедре общей химии, с 1925 г. декан химического факультета, до 1954 г. заведовал кафедрой общей химии ИХТИ. На страницах первого номера «Известий…» была помещена его статья «Зависимость свойств химических соединений от их молекулярных объемов и от степени их сжатия». На эту и последующие статьи Заславского обратил внимание выдающийся ученый В.И. Вернадский, также занимавшийся проблемами полиморфизма [7, с. 56-62].

Все это говорит о том, что «Известия ИВПИ» с самого момента возникновения имели весьма высокий уровень научных публикаций. Но в сложные годы Гражданской войны институт не смог регулярно издавать журнал. Первоначально предполагалось, что журнал будет выходить отдельными выпусками 3-4 раза в год. Однако в 1919 г. удалось издать еще только один выпуск, затем финансирование приостановилось. В 1920 г. руководство ВУЗа неоднократно обращалось в Наркомпрос с просьбами вновь открыть финансирование. Вот фрагмент одного из них [2, Д. 163, Л. 11]:

В отдел научной литературы Народного комиссариата просвещения

Известия ИВПИ №1 и №2 вышли уже из печати, каковые были вам своевременно представлены. Приток научных работ ставит перед редакцией задачу о дальнейшем печатании журнала. Надеяться на то, что научные труды преподавателей ИВПИ могут быть в скором времени опубликованы в столичных центральных изданиях вряд-ли возможно... Печатание нашего журнала является вполне налаженным. Чрезвычайно было бы обидно в настоящее время прекратить издание, когда столько трудов и энергии было убито на организацию этого дела. Однако недостаток средств заставляет редакцию поставить вопрос о ликвидации издания. Поэтому ИВПИ обращается с просьбой разрешить дальнейшее печатание и оказать материальную поддержку изданию, ассигновать 300 тысяч рублей.

Ректор института М.Н. Берлов

Возможно, эти обращения сыграли свою роль: издание «Известий ИВПИ» прекратилось ненадолго – уже весной 1921 г. вышел третий выпуск журнала. А в тяжелом 1920 году у ВУЗа возникли проблемы не только с периодическим изданием, но и с публикацией методических указаний и авторских курсов лекций по предметам. Сложно было просто достать бумагу для печати – в феврале 1920 г. книжное бюро ИВПИ рассматривало вопрос о гектографическом печатании курсов лекций, для чего обратились в Государственное издательство с просьбой выделить 12 стоп бумаги [2, Д. 163, Л. 38].

В то же время у института появились стимулы к развертыванию собственной издательской деятельности. Это стало возможным с организацией Книжного бюро ИВПИ. Оно было образовано 20.08.1919 г. в соответствии с положением Народного комиссариата просвещения (в структуре Наркомата просвещения в 1919 г. произошли определенные изменения. Был создан Отдел научной литературы Государственного издательства. В целях улучшения его работы при ВУЗах создавались книжные бюро). В состав бюро вошли от преподавательского состава – П.П. Будников (председатель), от студенчества – С.А. Юшков, от губернского отдела народного образования – В.Н. Конецкий. Средства на содержание личного состава Книжного бюро, на приобретение книг и издательство предоставлялось Отделом научной литературы Госиздательства [3, с. 40]. Ближайшими задачами бюро назывались «*учет потребностей отдельных факультетов в научной и учебно-вспомогательной литературе, распространение книг, получаемых от книжного центра при Наркомпросе и содействие в организации на месте необходимого институту издательства*» [2, Д. 163, Л. 92]. В конце августа 1919 г. П.П. Будников совершил поездку в Госиздательство в Москву, где получил согласие центра пойти навстречу начинаниям института в области местного издательства. Сметы на отдельные издания необходимо было предоставлять в Книжный центр на утверждение.

До лета 1919 г. вопрос с изданием необходимой институту литературы решался путем прямых кредитов Наркомпроса на местное издательство. Однако факультеты ИВПИ к 1919 г. еще не определились с первоочередными требованиями на издания. Теперь предстояло решать вопрос в спешном порядке: каждый факультет составлял свои предложения об издательской деятельности на ближайший период. Быстрее всего в ситуации сориентировались преподаватели химического факультета (немалую роль в этом сыграл, наверное, тот факт, что председатель Книжного бюро П.П. Будников сам был секретарем химического факультета). Уже 5 сентября 1919 г. бюро рассмотрело заявку факультета о первоочередных изданиях (в основном, это были руководства к практическим занятиям). В результате именно заявки химического факультета удалось осуществить – в 1919-1920 гг. издательством ИВПИ было выпущено семь брошюр, авторами которых являлись преподаватели химфака К.К. Блахер, С.Н. Фадеев, П.П. Будников, П.В. Золотарев, С.Г. Шиманский [1, с. 34]. Практически все издания вышли в Петрограде, ивановские типографии сотрудничать с институтом на первых порах отказались.

Следует отметить, что Госиздательство находило средства для публикаций трудов преподавателей химического факультета еще и потому, что они имели важное производственное значение. Так, благодаря этому были изданы труды комиссии по котонизации льна (действовала при химфаке ИВПИ) и работа С.Г. Шиманского и П.П. Будникова «Руководство по крашению хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых изделий». К сожалению, самостоятельная издательская деятельность книжного бюро оказалась недолгой: в октябре 1920 г. Отдел научной литературы Госиздательства был упразднен. Наркомпрос фактически вернулся к прежней централизованной системе финансирования книгоиздательства.

В 1921 г. Иваново-Вознесенскому политехническому институту удалось выпустить два номера «Известий ИВПИ» и первый сборник с отчетом о деятельности ВУЗа за два года существования. Период 1921-1924 гг. принято считать самым тяжелым в истории ИВПИ. Упадок был вызван проведением в стране «новой экономической политики». Это вызвало улучшение условий жизни в Москве и Петрограде и сокращение ассигнований из центра на нужды института. В результате начинается сокращение факультетов и штатов преподавателей, уменьшение расходов на оборудование лабораторий. Кризис коснулся и издательской деятельности института, однако «Известия ИВПИ» продолжали выходить, в 1922 г. появились первые специализированные выпуски – физико-математический, инженерный. В 1921 г. К.Н. Шапошникова на посту редактора журнала сменил Н.П. Песков (декан химического факультета с 1922 г.). В связи с закрытием социально-экономического факультета покинул ВУЗ и выбыл из состава редакционной комиссии Э.Э. Понтович. В 1928 г. состав редакционной комиссии изменился еще раз: председателем стал В.И. Минаев (в 1925-27 гг. декан химического факультета), секретарем – Л.П. Шуйский.

Временные неурядицы уже не могли отразиться на судьбе журнала: издание выходило постоянно, составлялись тематические сборники научных сообщений и юбилейно-информационные выпуски. Таковые следует отметить особо: в 1924 и 1928 гг. (к пятилетию и десятилетию ВУЗа) вышло два специальных юбилейных выпуска. В них была отражена история возникновения ИВПИ и отчеты деятельности его факультетов, данные по научным организациям, преподавательскому составу и студенчеству. Эти выпуски содержат богатую справочную информацию по деятельности института за десятилетие существования. Всего за период с 1919 по 1930 г. вышло 16 выпусков «Известий ИВПИ» в двадцати томах. Последние выпуски (1930 г.) являлись фактически уже «пробой пера» организуемых отраслевых ВУЗов.

С налаживанием работы Иваново-Вознесенского отделения Государственного издательства появляется возможность издавать журнал «на месте» (первые три выпуска вышли в Петрограде). Вплоть до 1930 г. журнал печатался в Иваново-Вознесенске, книгоиздательским товариществом «Основа». Местное издательство берет на себя и печать монографий преподавателей ИВПИ – с 1926 до 1930 г. в издательстве «Основа» их вышло около десятка (работы П.П. Будникова, К.Н. Шапошникова, Ф.К. Шестакова, Н.Г. Новикова и других).

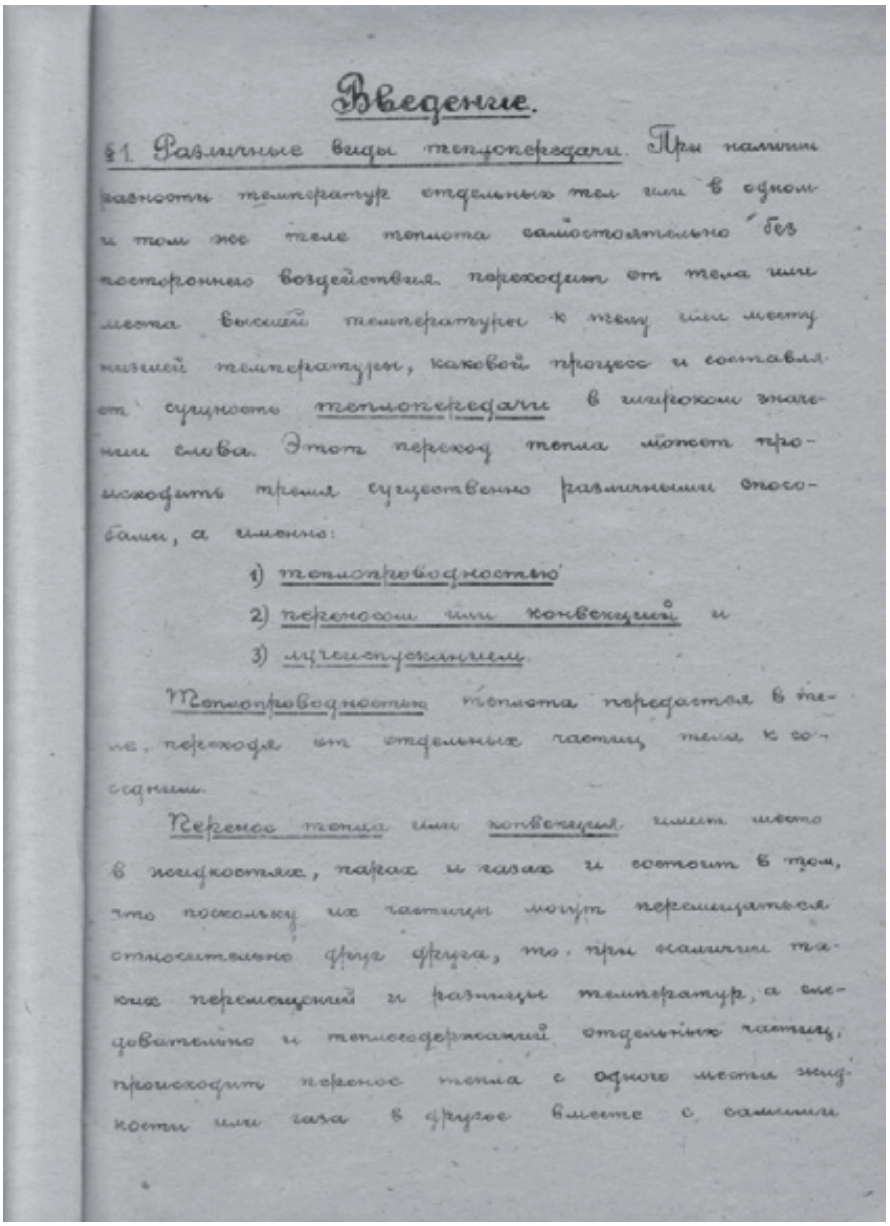
В то же время, необходимость издания учебных пособий и курсов лекций существовала задолго до возникновения «Основы». Неоценимую помощь институту в решении этой проблемы оказало студенческое издательство. Оно было организовано в декабре 1922 г. с целью печати необходимых учебных пособий непосредственно в Иваново-Вознесенске. В 1923 г. издательство было передано в ведение Губернского бюро Пролетсуда с целью обеспечения учебными пособиями учащихся всех учебных заведений губернии. Издательство работало *литографским* способом. При нем функционировало реорганизованное книжное бюро (впоследствии книготорговля – книжно-писчебумажный магазин), занимавшееся распространением изданий и комиссионной перепродажей. Кроме учебных пособий студенческим издательством выпускались и курсы, читаемые в институте.

За рассматриваемый период студенческим издательством были выпущены следующие основные пособия:

1. проф. К.Н. Шапошников «Механика» и «Теплота» (2 изд.)
2. доц. В.А. Зеленин «Начертательная геометрия»
3. проф. В.С. Федоров «Анализ 1» и «Анализ 2»
4. доц. Н.А. Власов «Статика»
5. проф. Н.Н. Гениев «Водостоки» и «Расчет водопроводов»
6. проф. В.М. Келдыш «Железобетонные сооружения»
7. проф. В.С. Федоров и В.Н. Депутатов «Сборник упражнений и задач по дифференцированному исчислению»
8. А.И. Панов «Геометрическое черчение»
9. Программа для поступления в ВУЗы
10. проф. А.Я. Хинчин «Аналитическая геометрия» 1 и 2 ч.
11. инж. С.Н. Шмидт «Геодезия»
12. инж. Л.Р. Феддер «Конспект проектирования центральной электрической станции»
13. проф. А.А. Борнеман «Центральные электрические станции. Тепловая часть»
14. доц. Г.Э. Проктор «Сопротивление материалов» 1 ч.
15. проф. С.Ф. Лебедев «Сопротивление материалов» 2 ч.
16. проф. И.И. Бобарыков и С.Ф. Лебедев «Задачник по сопротивлению материалов»
17. проф. В.В. Сушков «Двигатель внутреннего сгорания»
18. Тетрадь для лаборатории по сопротивлению материалов
19. доц. А.Ф. Момма «Машиностроительное черчение»
20. инж. Сорокин «Строительное дело» [5, с.68, 6, с.96-97].

В приложении приводится фотография страницы литографированного текста из учебного пособия профессора В.В. Сушкова.

Итак, издательская деятельность в рассматриваемый период стала одним из основных направлений в жизни ИВПИ. Ее возникновение и функционирование происходило в неразрывной связи с процессом становления и развития ВУЗа, при этом важную роль сыграло внимание и заинтересованность данным вопросом руководства института. Основные направления, согласно которым осуществлялось



Введение.

§1. Различные виды теплопередачи. При наличии разности температур отдельных тел или в одном и том же теле теплота самостоятельно без постороннего воздействия переходит от тела или места высшей температуры к телу или месту низшей температуры, каковой процесс и составляет сущность теплопередачи в широком значении слова. Этот переход тепла может происходить тремя существенно различными способами, а именно:

1) теплопроводностью
2) переносом или конвекцией и
3) лучеиспусканием.

Теплопроводность теплота передается в теле, переходя от отдельных частиц тела к соседним.

Перенос тепла или конвекция имеет место в жидкостях, парах и газах и состоит в том, что поскольку их частицы могут перемещаться относительно друг друга, то при наличии таких перемещений и разницы температур, а следовательно и теплосодержаний отдельных частиц, происходит перенос тепла с одного места жидкости или газа в другое вместе с самими

Фотография страницы литографированного текста из учебного пособия профессора В.В. Сушкова.

издательство, определялись желанием и стремлением коллектива ИВПИ и студенчества в повышении эффективности научной и учебной деятельности учебного заведения. За рассматриваемый период было издано достаточно большое количество печатных трудов научного, учебного и отчетного характера, что, несомненно, повысило статус ИВПИ и привлекло к нему внимание ведущих отечественных и зарубежных научных кругов.

Кроме того, в данный период были созданы условия и предпосылки для осуществления собственной издательской деятельности уже самостоятельными ВУЗами, возникшими в результате реорганизации ИВПИ. Печатная продукция ИВПИ рассматриваемого периода, сохранившаяся в музеях, библиотеках и архивах нашего города, представляет значительный интерес и служит ценным источником для изучения истории возникновения и процесса развития ВУЗа – ИВПИ-ИХТИ-ИГХТА-ИГХТУ.

Список использованной литературы

1. **Будников П.П.** Руководство к практическим занятиям в техно-химических лабораториях. Петроград, 1920.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1094. «Иваново-Вознесенский политехнический институт». Опись 2.
3. Деятельность Иваново-Вознесенского политехнического института за период 1919-1920 гг. Иваново-Вознесенск, 1921.
4. Известия Иваново-Вознесенского политехнического института. №1. Петроград, 1919.
5. Известия Иваново-Вознесенского политехнического института. Том VIII. Юбилейный выпуск (1918-1923 г.). Иваново-Вознесенск, 1924.
6. Известия Иваново-Вознесенского политехнического института имени М.В. Фрунзе. Том XIII. Итоги научной, учебной и общественной деятельности за десять лет (1918-1923 гг.) Иваново-Вознесенск, 1928.
7. Из «золотого фонда» ИГХТУ. Биографические очерки о преподавателях ИВПИ – ИХТИ – ИГХТА – ИГХТУ. Выпуск 1. Иваново, 2005.

ББК 63.3 + 73

Раздел 1 Археология, история, культурология

В.А. Аверин

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ XVIII В. В ГОРОДЕ ГАВРИЛОВ-ПОСАД

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье приводятся предварительные результаты спасательных археологических исследований некрополя XVIII в. в г. Гаврилов-Посад. Основной целью предлагаемой публикации является введение в научный оборот новейших материалов из раскопок в Ивановской области.

В мае 2008 г. сотрудниками Ивановской археологической экспедиции было осуществлено доследование частично разрушенного в ходе земельных работ некрополя XVIII в. в г. Гаврилов-Посад. Исследования носили экстренный характер и проводились в рамках выполнения историко-культурной экспертизы земельных участков, отводимых под застройку [1].

Некрополь находится в центральной части г. Гаврилов-Посад. Ранее здесь располагался храмовый комплекс, ограниченный кирпичной оградой. В состав комплекса входили церковь Николая Чудотворца (построена в 1765 г.), Колокольня и церковь Воскресения (выстроены в XIX в.). В XIX столетии на территории комплекса также были построены сторожка и часовня Александра Невского (возведена в конце 1860-х гг. по заказу купца Козлова в память об избавлении от смерти императора Александра II во время покушения 4 апреля 1866 г.) [2].

По имеющимся сведениям, в XVIII в. здесь начинает формироваться кладбище, просуществовавшее до 1800 г. включительно. В 1801 г. на основании записки губернского врача о неудовлетворительном санитарном состоянии участка кладбище было закрыто. После 1801 г. погребения здесь совершались лишь в исключительных случаях, и, по имеющимся данным, располагались в непосредственной близости от храмов.

Храмовый комплекс продолжал функционировать до 1920-х гг., после чего был закрыт, а впоследствии разрушен (1969 г.). В настоящее время сохранились лишь пристройки к бывшей церкви Николая Чудотворца (в советское время они использовались в хозяйственных нуждах), сторожка (в настоящее время используется как складское помещение) и часовня (сейчас здесь располагается продуктовый магазин).

В советское время на месте храмового комплекса и кладбища были проложены коммуникации, построены здания Дома культуры и Сбербанка. Участок, располагающийся между ними, не застроен, представляет собой пустырь, заваленный строительным и бытовым мусором. Именно эта территория и была передана под

новое строительство. При рытье котлована под фундамент на глубине 1,5 – 2 м от дневной поверхности обнаружены многочисленные человеческие останки, что послужило причиной приостановки работ и проведения археологических исследований.

Раскопки проводились согласно существующей в современной Российской археологии методике.

Уровень дневной поверхности изучаемого участка существенно повышается с северо-востока на юго-запад (с 122.1 до 119.9 по Балтийской системе высотных отметок). В качестве репера был взят опорный столб ЛЭП, имеющий на выкопировке из плана города высотную отметку 122.1. Для удобства работы был осуществлен перенос условного нуля на основание юго-западного угла бывшей часовни (ныне магазина). Была получена отметка 119.9. Все измерения глубин в раскопе осуществлялись от этого уровня.

Изучаемый участок, площадью 20 кв. м, был разбит на квадраты, размерами 2х2 м. При этом некоторые квадраты оказались неполными, поскольку часть грунта уже была выбрана экскаватором. Однако сохранились и небольшие участки не потревоженного экскаватором грунта размерами менее 1 кв. м, обозначенные номерами с литерой «а».

Верхние напластования (слои асфальта и гравийной подсыпки) мощностью до 50 см снимались экскаватором. Дальнейшая разборка слоев проводилась исключительно ручным способом.

В ходе работ прослежена следующая стратиграфия: 1 – асфальт – до 25 см; 2 – гравийная подсыпка – до 25 см; 3 – сероватая супесь с битым кирпичом, известью, строительным и бытовым мусором – данный слой образовался в результате неоднократных перекопов участка в советское время *(важно отметить, что в этом слое встречено большое количество человеческих костей из разрушенных ранее погребений);* 4 – желтый спрессованный суглинок с ожелезнениями – материк.

Главной задачей раскопок стало выявление и изучение сохранившихся погребений. Поисковые работы осложнялись особенностями материкового грунта – в плане могильные ямы практически «не читались», их наличие можно было определить лишь по плотности засыпки (несколько более рыхлая, чем на некопаных участках) и регулярной встречаемости мелких фрагментов кирпичей и иных предметов, указывающих на переотложенное состояние грунта.

В общей сложности было выявлено 5 погребений. Из них 3 сохранились полностью, а 2 – фрагментарно. Все захоронения выявлены в северной части раскопа, на площади не более 8 кв. м. Они залегали на разных глубинах, образуя два яруса. Расположение могил относительно друг друга напоминало «шахматный порядок», однако в одном случае часть могильной ямы из верхнего яруса перекрывала нижнюю. Обнаружение в вышележащих горизонтах многочисленных человеческих костей позволило предположить, что перекопами советского времени были разрушены верхние ярусы погребений (по имеющимся данным они залегали на глубине не более 1 м от дневной поверхности), тогда как нижние остались неповрежденными.

Погребение № 1 *(рис. 1)* совершено по обряду ингумации. Выявлено на краю строительного котлована, на границе квадратов 1 и 3, на глубине -110 см от условного нуля (119.9). Сохранилось фрагментарно – экскаватором была срезана нижняя часть скелета. Форма могильной ямы, судя по сохранившейся части – подовальная, размеры определить невозможно. Глубину могильной ямы можно определить лишь с уровня залегания скелета (выше располагается перекопанный слой) – дно ее имеет отметку -116 см от репера. Погребение ориентировано по линии З-В. Погребенный лежал вытянуто на спине, череп слегка повернут на северо-восток, руки скрещены на груди. Из нахо-

док встречен медный орнаментированный крест, относящийся к типу так называемых «фигурных» крестов *(рис. 6:1)*, распространенных во второй половине XVIII – начале

Рис. 1. Погребение № 1, вид с север-северо-востока *(фото автора)*.

XIX вв.[3]. Судя по размерам скелета и сохранности зубов, можно предположить, что здесь был похоронен подросток 14 – 17 лет.

Рис. 2. Погребение № 2, вид с север-северо-востока *(фото автора)*.

<u>Погребение № 2</u> *(рис. 2)* совершено по обряду ингумации. Выявлено в кв. 4, на глубине – 112 см от условного нуля. Скелет сохранился полностью. Форму могильной ямы определить крайне сложно, поскольку стенки ее сильно «оплыли». Приблизительные ее размеры – 160х45 см. Глубину ямы можно определить лишь с уровня залегания скелета (выше также располагается перекопанный слой) – дно ее имеет отметку -119 см от репера. Погребение ориентировано по линии ЗЮЗ-ВСВ. Погребенный лежал вытянуто на спине, череп повернут в сторону севера, кисти рук скрещены в области

таза. В стенках и на дне могильной ямы был прослежен древесный тлен – остатки гроба. Из находок встречен обломок верхней части медного креста, с изображением распятия, также относящегося к типу «фигурных», но более простого в исполнении *(рис. 6:2)*. Судя по морфологическим особенностям скелета и степени изношенности костных тканей (кости деформированы артрозом, зубы сильно сточены и др.) скелет принадлежал пожилому мужчине (точный возраст определить невозможно).

Рис. 3. Погребение № 3, вид с восток-юго-востока *(фото автора)*.

Погребение № 3 *(рис. 3)* совершено по обряду ингумации. Контур могильной ямы выявлен в кв. 4, на глубине -112 см от условного нуля. Скелет сохранился фрагментарно (нижняя его часть разрушена перекопом). Размеры могилы точно определить невозможно, примерные ее размеры 25х50 см. Глубина залегания костяка -120 см от условного нуля. Погребение ориентировано по линии З-В. Погребенный лежал вытянуто на спине, череп раздавлен, руки скрещены в области таза. В стенках и на дне могильной ямы был прослежен древесный тлен – остатки гроба. Из находок встречен небольшой фрагмент костяного гребня, крайне плохой сохранности. Размеры могильной ямы и самого скелета свидетельствуют, что здесь был погребен ребенок не старше 7 лет (сохранились молочные зубы).

Описанные выше погребения составляют верхний ярус захоронений. Судя по всему, они совершены в более позднее (либо, что также вероятно, в зимнее) время, нежели погребения нижнего яруса.

Погребение № 4 *(рис. 4)* совершено по обряду ингумации. Выявлено в границах квадратов 1, 3 и 4, на глубине -152 см от условного нуля. Могильная яма слабо оконтурилась с глубины -124 см. Размеры могильной ямы 175х50 см. Глубина ямы – 36 см (дно ямы после снятия костяка имеет отметку -160 см). Погребение ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Костяк лежал вытянуто на спине, череп повернут на юго-восток. Интересно положение рук покойника – правая рука согнута в локте под прямым углом и лежит на животе, перпендикулярно позвоночнику. Левая рука сильно согнута в локте, таким образом, что лучевая и локтевая кости располагаются практически параллельно плечевой. Запястье согнуто под прямым углом, так, что кисть руки располагается в области грудной клетки. Под костями пясти и фалангами пальцев был обнаружен крест с молитвенными надписями и изображением распятия *(рис. 6:3)*, изготовленный из сплава меди и серебра, завернутый в холщевый мешочек, от которого сохранились

остатки грубой ткани. Данный крест также относится к типу «фигурных», однако имеет более ранний облик (подобные кресты типичны для середины – второй половины

Рис. 4. Погребение № 4, вид с север-северо-востока *(фото автора)*.

Рис. 5. Погребение № 5, вид с севера *(фото автора)*.

XVIII столетия). В разрезе стенок и на дне могильной ямы был прослежен древесный тлен – остатки гроба. Судя по морфологическим особенностям скелета и степени сохранности костных тканей, здесь похоронена женщина в возрасте 30 – 40 лет.

Погребение № 5 *(рис. 5)* совершено по обряду ингумации. Выявлено в кв. 5,

на глубине -145 см от условного нуля. Могильная яма оконтурилась с глубины -125 см. Размеры могильной ямы 160х45 см. «Читаемая» глубина ямы – 30 см (ее дно имеет нивелировку -155 см). В отличие от предыдущих погребений, данное захоронение ориентировано по линии С-Ю, с небольшим отклонением к востоку. Погребенный лежал вытянуто на спине, череп повернут к западу, кисти рук скрещены на животе. В стенках и на дне могильной ямы был прослежен древесный тлен – остатки гроба. Никаких находок в погребении не встречено. Костяк плохой сохранности, пол и возраст погребенного определить весьма затруднительно. Можно лишь предположить, что здесь похоронен молодой человек (судя по сохранности зубной эмали).

Важно отметить, что данное погребение располагалось в непосредственной близости от кладбищенской ограды. По крайней мере, в кв. 5а, в бортах которого прослеживается ее фундамент, погребений не встречено. Возможно, этим объясняется нестандартная ориентировка данного погребения и отсутствие погребального инвентаря (в частности, нательного креста на покойном)*.

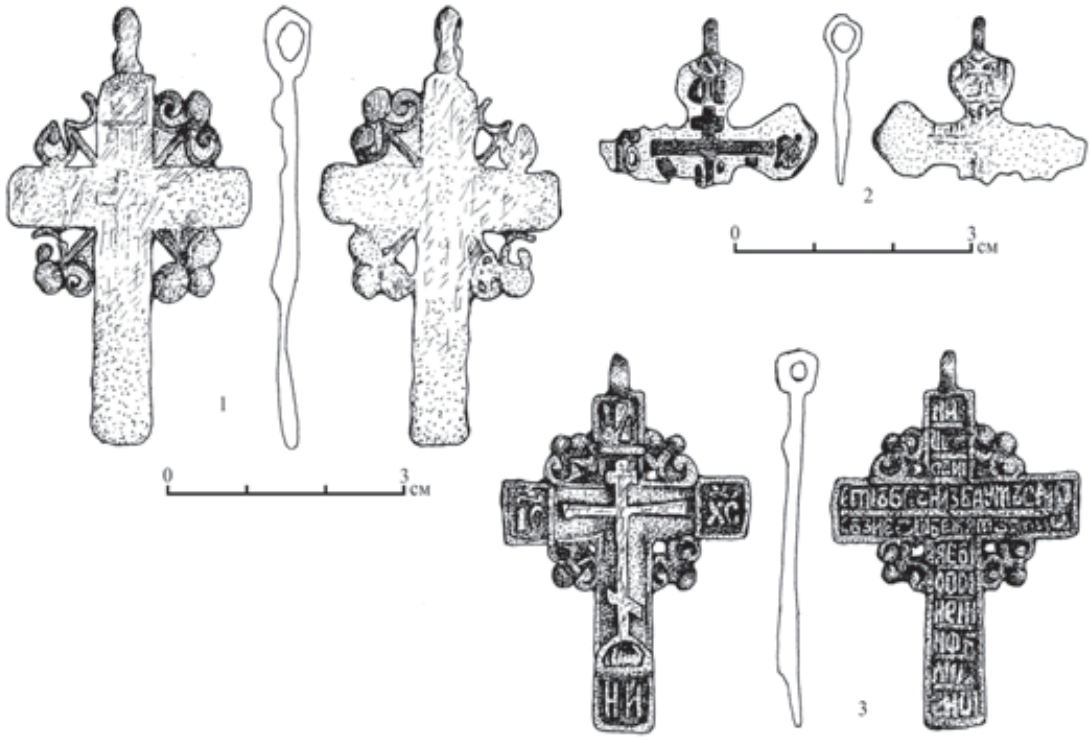


Рис. 6. Нательные кресты из погребений № 1 (1), 2 (2) и 4 (3) ***(рис. А.А. Цветкова)***

Полученные в ходе археологического доследования материалы подтвердили, что на данном участке располагалось кладбище, функционировавшее в XVIII столетии. Данные письменных источников прекрасно сочетаются с полученными в ходе раскопок артефактами. Расположение могил указывает на то, что хронологически более поздние погребения первоначально совершались в межмогильном

* Иногда на краю кладбища хоронили людей, умерших насильственной смертью при неясных обстоятельствах (но не самоубийц – их погребения совершались за пределами погоста).

пространстве существующих захоронений. По всей видимости, этим объясняется и меньшая глубина поздних могильных ям, поскольку при их копке работники опасались задеть уже существующие погребения. Впоследствии захоронения начинают совершаться в старых могильных ямах, в несколько ярусов*. Так, наличие в слое балласта большого количества руинированных человеческих останков позволяет утверждать, что значительная часть погребений из «верхних ярусов» была разрушена в советское время, при прокладке коммуникаций. И лишь отсутствие необходимости большего заглубления коммуникационных траншей спасло нижележащие захоронения от разрушения.

Следует также отметить, что полученные в ходе раскопок данные опровергают укрепившуюся в сознании местного населения легенду, что на данном кладбище хоронили исключительно священнослужителей. Обнаружение женских и, более того, детских погребений позволяет признать легенду недостоверной.

Изучение некрополя в г. Гаврилов-Посад позволило получить ценную информацию об особенностях погребального обряда населения Российской провинции второй половины XVIII столетия. К сожалению, археологам как всегда досталась лишь малая часть (за последние десятилетия более 70% некрополя разрушено в ходе строительных и хозяйственных работ).

В связи с вышеизложенным, хочется высказать сожаление, что в 2006 г. Государственной Думой РФ с одобрения Совета Федерации внесены изменения в 73-ФЗ (Закон об охране культурного наследия народов Российской Федерации), согласно которым был ликвидирован п. 1 ст. 36 данного закона, предусматривающий проведение предварительных археологических исследований на ***всех*** участках, отводимых под новое строительство. Это решение прямо провоцирует застройщиков к сокрытию выявленных в ходе строительства объектов культурного наследия и их целенаправленному уничтожению…

Список использованной литературы

1. **Аверин В.А.** Заключение об итогах археологического доследования участка, отводимого под застройку, расположенного по адресу: г. Гаврилов-Посад, ул. Р. Люксембург, 2б // Архив Департамента культуры и культурного наследия Ивановской области. Иваново, 2008.
2. **Свод** памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч. 2, М., 2000.
3. **Новиков А.В.** Исуповский некрополь – новый памятник археологии в Костромской области // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 2. Кострома, 2006.

* Это может указывать на родственные связи, поскольку традиция погребения потомков в могилы предков существует и по сей день (особенно на уже «закрытых» кладбищах).

А.Д. Егоров

ИЗДАНИЕ О РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЯХ РОССИИ НАЧАЛА XX И XXI ВЕКОВ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье представляется новое издание о Православных обителях России по состоянию на начало XX и XXI веков, приводятся картосхемы месторасположения монастырей в губерниях, областях и республиках в 1917 и 2001 гг.

Книги о монастырях появляются в последнее время очень часто. Это или красочные фотоальбомы, или описание наиболее известных обителей, или архитектурные описания храмов монастырей. Данное издание в корне отличается как по содержанию, так и по оформлению от указанных выше изданий. Новое издание как бы дополняет предыдущие и рассчитано больше на историков Отечества, паломников, всех кто интересуется историей православных обителей нашей Родины.

Основное отличие данного издания – множество составленных автором оригинальных картосхем месторасположения монастырей на территориях административных образований императорской России (начало XX века) и спустя век (начало XXI века), а также в современной Российской Федерации. Наличие большого числа схем расположения основных построек наиболее известных обителей России, разысканных и сведенных воедино в данном издании автором по большому числу источников, характерная особенность этой книги.

Впервые автор обратился к истории Православных монастырей Русской Церкви императорской России еще в 2004 г., когда была предпринята попытка дать не только списки обителей, но и показать их месторасположение в пределах тех губерний и областей, которые совпадали с границами соответствующих епархий до революции 1917 г. То есть рассматривалось начало XX века. При этом основой послужили старые справочные издания Булгакова С.В., Денисова Л.Н. и Сойкина П.Н.

Первый том содержит исторические свидетельства о монастырях по периодам истории: Древняя Русь (X – XIV вв.), Московское государство (XV – XVII вв.) и Российская империя (XVIII - начало XX в. (до 1917 г.)). Использовано было более 500 наименований источников, большая часть которых увидела свет до 1917 года, что говорит в пользу достоверности приводимых сведений. Эти сведения, расположенные в хронологическом порядке, кажутся не связанными друг с другом, но это лишь первое впечатление. Так же, как россыпь разноцветных стекол складывается художником в упорядоченную мозаику, так и эти сведения дают общую картину жизни обителей России. Жизни порою весьма неспокойной и непростой.

За сухими строками хроники событий встают не только наиболее значимые страницы истории русских обителей, но и судьбы отдельных деятелей церкви: основателей монастырей (Сергий Радонежский, Савва Сторожевский, Мефодий Пешношский, Сергей Обнорский, Авраамий Белозерский, Стефан Махрищенский, Димитрий Прилуцкий, Дионисий Суздальский и др.), известнейших живописцев (Андрей Рублев, Прохор с Городца, Феофан Грек, Даниил Черный, преподобные Дионисий Глушицкий, Антоний Сийский и Елеазар Анзерский и др.), строителей обителей и храмов (Антип Константинов, Ларион Ушаков, Трифон Шатурин, С.У. Ремезов и др.), монахов, известных своей ученостью (Евгений (Е.А. Болховитинов, 1767 – 1837), Иакинф

(Н.Я. Бичурин, 1777 – 1853), Нил (Н.Ф. Исакович, 1799 – 1874), митрополит Макарий (М.П. Булгаков, 1816 – 1862), Феофан (Г.В. Говоров, 1815 – 1894), Леонид (Л.А. Кавелин, 1822 – 1891), Макарий Оптинский (М.Н. Иванов, 1788 – 1860) и др.) и т.п. Зримо прослеживается, как нам кажется, история церкви и по приводимым из разных источников данным о численности храмов и обителей, числе монашествующих и белого духовенства, иным сведениям.

В материалах говорится и о «борьбе» церкви с властью, отмечаются случаи посягательств власти на церковное имущество со стороны Иоанна III, Иоанна IV, Федора Иоанновича, Лжедмитрия I, Петра I, Екатерины II и других властителей. Достаточно напомнить, что при секуляризации Екатериной II церковных и монастырских земель у церкви было изъято 910 801 душ крестьян, упразднено 589 монастырей (более половины всех обителей России). А «Духовные штаты» Екатерины II, разбившие все оставшиеся монастыри на классы, оговорили поименно все оставшиеся обители – мужские: 1-го класса – 15, 2-го – 40, 3-го – 100 и женские: 1-го – 4, 2-го – 18 , 3-го – 45, т.е. всего – 228 монастырей; остальные – заштатные монастыри в количестве 161 обители, оставшиеся на собственном материальном обеспечении.

В издании (правда, фрагментарно) показано устроение обителей в разное время, системы организации, Уставы, на основании которых действовали монастыри; приведены основные законодательные акты светской власти, касавшиеся порядка управления, состава, прав и обязанностей органов высшего церковного управления (организация Монастырского приказа, введение «Духовного регламента», «Правил причта церковного и чина монашеского», «Правил благоустройства монашеских братств в Московских ставропигальных монастырях», «Закона о состояниях» и т.п.); приводятся степени и порядок епархий и архиереев по летописям; показано первенство наиболее значимых обителей среди монастырей России и как это главенство переходило от одного монастыря к другому; уделено внимание и архитектуре, планировке и застройке обителей. Показанные в первом томе схемы расположения строений на территории наиболее значимых монастырей позволяют не только знакомить историков с месторасположением тех или иных храмов, соборов и зданий в ограде обители, но и показывают, сколько и каких храмов имели монастыри (при этом, как правило, указывается полное наименование церковного здания, год его постройки или освящения). Подобное может сослужить добрую службу и при планировке новых, и при возрождении старых монастырей.

В издании дано подробное описание старинных церковных строений древних городов России: Архиерейского двора во Владимире, Спасо-Прилуцкого Дмитриева монастыря, Ферапонтова Белозерского монастыря, Воскресенского Глушицкого монастыря на реке Шексне и других обителей Севера России.

Интересна и поучительна подборка данных о сословном составе монашествующих в начале – середине XIX века, приведенных как в абсолютных, так и в относительных цифрах по 35 монастырям Московской епархии. Приводимые цифры сопоставления статистических данных по годам (середина XIX в.) показали, что более всего в обителях состояло лиц, поступивших в монашество из духовенства (почти 48% от общего числа поступивших), затем шли представители купечества (20%) и крестьянства (16%). Дворяне составляли всего 6% от числа принявших монашество. Однако представители аристократии за счет наличия хорошего образования быстро занимали высокое положение в монашеской иерархии (монахиня Евгения, дочь сенатора и внучка князя, стала игуменией Аносина Борисоглебского монастыря, а монахиня Митрофания, бывшая баронесса, – игуменией Серпуховского Владычного монастыря и т.д.).

Не менее интересна информация, приводимая по настоятелям и настоятельницам монастырей и общин за 1906 г. (для 42 епархий России): по возрасту – старше 70 лет (16%), от 70 до 61 года (36,8%), от 60 до 51 года (24%), от 50 до 41 года (17,6%), от 40 до 31 года (6%); по образовательному цензу – из 603 лиц с образованием: 48% имели «домашнее» образование, 17% - среднее, 16% - начальное, 7,5% - монастырское, 3,98% - высшее, 3,8% - были малограмотны, 0,166% - неграмотны (одна настоятельница); по социальному происхождению – 33,7% из крестьян, 25,4% из духовенства, 15% из мещан, 8,9% из дворян и т.д.

Характерно, что выходцы из крестьянского сословия чаще поступали в северные обители (так, в Соловецком монастыре в 1885 г. из 228 монахов и послушников было 137 бывших крестьян).

В книге приводятся статистические данные, касавшиеся не только собственно монастырей, но и духовных училищ, школ, богаделен и больниц, состоявших при церквах и обителях.

Заметим, что по монастырям начала XX века было выполнено большое исследование, опубликованное ранее в «Церковно-историческом ежегоднике» Иваново-Вознесенской Свято-Алексеевской Православной Духовной семинарии и включенное в данное издание. Оно отразило: численность и типы обителей по районам России (Северный район – 9 губерний, Московский (Центральный) – 17 губерний, Юг и Юго-Восток – 12 губерний и областей, Западный и Юго-Западный – 16 губерний, Бессарабия (Бессарабская губерния), Крым (Таврическая губерния), Кавказ – 6 губерний и областей, Сибирь – 12 губерний и областей), т.е. всего рассмотрено было 1023 обители, из которых в анализ вошли – 767 монастырей, 86 пустыней, 59 скитов, 37 подворий, 56 общин, 6 архиерейских домов, 4 киновии, 2 пещеры, 1 общежитие и 1 отдельный монастырь, 4 Лавры.

Определено было число обителей и монастырей по всем административным образованиям России; найдена численность населения губерний и городов и определены пространства в тыс. кв. верст, приходившиеся на один монастырь; подсчитана численность жителей, приходившаяся на одну обитель (как для мужского, так и для женского населения). Автором составлены картосхемы по всем губерниям и областям императорской России с указанием числа мужских и женских монастырей. Анализ показал, что максимальное число православных обителей было в начале XX века в Новгородской губернии – 45, Владимирской – 40 и Вологодской – 33; мужских обителей – в Новгородской (29), Вологодской (28), Владимирской (24), Архангельской (23), Московской губерниях (22), а женских – в Нижегородской (25), Новгородской, Владимирской и Тамбовской губерниях (по 16). Наименьшее число православных обителей было: мужских – в Слуцкой, Сувалкской губерниях и Черноморской области, Ставропольской и Лифляндской губерниях (по 1), женских – в Ставропольской, Сувалкской, Минской, Ковенской и Лифляндской губерниях (по 1). Если в польских губерниях это не удивительно, то в «русских» - Ставропольской и Черноморской – явно недостаточно.

В конце каждого раздела даны списки монастырей, основанных в это время.

Большое место в первом томе занимает «Приложение», т.е., казалось бы, то, что должно быть в конце второго тома. Но у автора не было уверенности в возможности издания второго тома (само решение о выходе в свет второго тома издательством принималось в отрыве от проблем издания первого тома – этого решения могло бы не быть совсем), иначе компоновка и расположение материала были бы несколько иными.

В приложение вошли отдельные очерки и материалы, связанные причастнос-

тью к теме «Монастыри и их история». Так, очерк «Старинные русские города и их монастыри» показал и рассказал о древних городах России: Новгороде, Пскове, Чернигове, Владимире, Суздале, Киеве, Вологде, Ростове Великом, Переславле-Залесском, Угличе, Ярославле и их монастырях, об истории их строительства и особенностях архитектуры.

Очерк «Монастыри Москвы и Московского Кремля» рассказывает обо всех монастырях Москвы и, самое главное, о храмах и обителях Московского Кремля. При этом автором разысканы и воспроизведены последовательные изменения в месторасположении основных храмов и монастырей Кремля за XIV – XV, XVI, конец XVI, 1-ю половину XVII, середину XVII, XVIII, 1-ю половину XIX, конец XIX – начало XX, начало XX, середину XX и 2-ю половину XX вв., за 2001 г. Это позволило проследить все изменения в топографии храмов и монастырей Московского Кремля, связав их со строительством административных зданий на территории Кремля.

Очерк «Список Предстоятелей РПЦ и глав Русской Светской власти», составленный автором, позволяет в хронологической последовательности проследить время, занимаемое главами церкви (митрополитами в Киеве, во Владимире и в Москве, патриархами – в Москве (с 1589 по 1721 г. и с 1918 г. по настоящее время), обер-прокурорами Святейшего Синода – в Петербурге) кафедры Предстоятеля РПЦ, и соотнести это время с действующей светской властью: Великими князьями в Киеве, во Владимире и в Москве, царями в Москве, императорами и императрицами в Петербурге, главами государства в Москве (советский период).

Материал «Епархии РПЦ и их месторасположение» показывает административные образования, наименование епархий и число монастырей в них для начала XXI века.

Таблица «Наиболее значимые обители (Лавры и ставропигальные (или ставропигиальные) монастыри в начале XXI века» показывает месторасположение и наименование наиболее значимых обителей РПЦ.

Очерк «Обители РПЦ в начале XXI века: регионы постсоветского пространства» приводит большое статистическое исследование автора ситуации с обеспечением населения православными обителями в начале XXI в. по 7 федеральным округам Российской Федерации, Украине, Белоруссии и Ближнему Зарубежью; показывает, что наиболее благоприятные условия для населения по возможности посещения монастырей в начале XXI века наблюдались в регионах: Центральный федеральный округ Российской Федерации – 253 256 человек (без г. Москвы), приходившихся на один монастырь, затем шел Северо-Западный округ – 336 860 человек и на последнем месте стоял Дальневосточный округ – 1 342 320 человек населения приходилось на один монастырь; по площадям пространств административных образований, приходившихся на один монастырь, имели наиболее благоприятные условия в Центральном федеральном округе РФ – 4 338 кв. км и республике Украина – 4 680 кв. км, на последнем месте – Дальневосточный федеральный округ РФ – 903 500 кв. км.

Если учитывать лишь более мелкие административные образования – области и края, то по России, Украине и Белоруссии имели: по численности населения, приходившегося на один монастырь, лучше всех дела обстояли в Винницкой области (Украина) – 48 600 человек, затем шли республика Мордовия (РФ) – 63 478, Владимирская область (РФ) – 63 537 человек и др.; по площадям пространств, приходившихся на один монастырь, лучше всего дела обстояли в Черниговской области (Украина) – 736 кв. км на один монастырь, Закарпатская область (Украина) – 753 кв. км, Владимирская область (РФ) – 1 208 кв. км, Московская область (РФ) – 1 516 кв. км и т.д.

Выделяются разделы приложения:

- «Святые обители Севера России: история, судьба, исследования» представляет краткую библиографию (328 наименований) по монастырям;
- «Словарь отдельных терминов…» говорит сам за себя, облегчая чтение основного текста;
- «Проектирование и строительство зданий… храмов…» приводит краткое изложение Свода Правил (СП 31-103-99), оговаривающих требования по различным вопросам проектирования и строительства православных храмов и прилегающих к ним территорий, показывая тот минимум знаний, которыми должен владеть настоятель любого храма в настоящее время, чтобы говорить «на равных» и с проектными организациями, и со строителями, и с контролирующими службами;
- «Библиографический список…» указывает как использованные в работе, так и рекомендуемые источники по истории монастырей РПЦ, т.е. может служить «путеводной нитью» для всех, кто хотел бы изучить жизнь русских обителей. Список содержит 2 050 наименований и является наиболее полным из опубликованных до настоящего времени.

Том второй приводит оригинальные (составленные автором) картосхемы месторасположения монастырей на начало XX века (до 1917 г.) и на 2001 год (начало XXI века). Каждая картосхема имеет таблицу со списком обителей, которые обозначены на картосхеме соответствующим номером. Все картосхемы несут обозначение губернского, областного или республиканского центра, а монастыри указаны в соответствующем масштабе по удалению от ближайших городов (всего – 250 картосхем месторасположения монастырей в царской России (начало XX века – до 1917 года) и в современной России (начало XXI века – 2001 год)).

Указанный материал позволяет делать интересные выводы. Так, на начало XXI века мало было монастырей в областях, краях и республиках Сибири и Дальнего Востока, что можно объяснить незначительной плотностью населения. Но как объяснить полное отсутствие монастырей в Калининградской области? Так же их мало было в Ростовской области, почему? Тем более что казаки, как известно, выдают себя за оплот православия, а это земли бывшего Войска Донского…

И хотя второй том, на мой взгляд, главный и наиболее оригинальный, но о нем можно много и не писать…

К сожалению, тираж издания* всего 100 экз. Издание, не успев выйти из печати, стало библиографической редкостью. Должен заметить, что издание было выпущено по Издательской программе Правительства Ивановской области.

Список использованной литературы

1. **Егоров А.Д.** Православные обители Русской Церкви в начале XX и XXI веков: В 2-х томах: Т. 1: Православные монастыри России: хроника основных событий по свидетельствам источников. – Иваново: Талка, 2005. – 380 с. (44 п.л.); Т. 2: Альбом картосхем: месторасположение православных обителей. – Иваново, Изд-во «Талка», 2006. – 292 с. (34 п.л.).

Н.М. Губина

«СИНЕМАТОГРАФ ЦАРСТВУЕТ В ГОРОДЕ, ЦАРСТВУЕТ НА ЗЕМЛЕ»: КИНО В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА)

Ивановский государственный химико-технологический университет

Предметом исследования в статье стал процесс становления кино как нового социокультурного института в повседневной жизни российского общества начала 20 века. Автором предпринята попытка проанализировать эти проблемы в региональном, провинциальном контексте российской истории, остановив вполне сознательно свой выбор на городе Иваново-Вознесенске, переживавшим в то время период интенсивного роста, урбанизации свого пространства и изменения характера повседневной жизни. В статье показано быстрое и органическое вхождение кино в начале 20 века в структуру повседневной жизни иваново-вознесенцев, проанализирован характер новых форм организации досуга, которыми овладевали иваново-вознесенцы, и выяснены некоторые особенности функционирования раннего кинематографа в провинциальной среде.[1]

При слове «провинция» в нашем сознании возникает образ небольшого городка где-то в российской глубинке с его неторопливым течением жизни и ощущением удивительного постоянства привычек и обычаев. Но двадцатый век внес в эту традиционную картину новые акценты.

В начале XX в. вместе со всем цивилизованным миром Россия переживала последствия промышленного переворота, технического прогресса, развития промышленности, связанные с ними и идущие синхронно процессы урбанизации и демократизации, зримые результаты которых часто обнаруживали себя на окраинах не меньше, чем в центре. И одним из таких событий, радикально менявших представление о неподвижности и неспособности провинции к инновациям, стало стремительное вхождение в жизнь российского общества начала XX века кинематографа - европейского по свому генезису, рожденного западной цивилизацией продукта. Кино первое из искусств и первое из всех технических достижений человечества ломало традиционные представления о вечно дремлющей провинции и не делило мир на центр и периферию. Кинематограф на глазах двух-трех поколений из технической новинки и ярмарочного развлечения превратился в часть повседневной жизни, в новое искусство и масштабное зрелище миллионов. Как пишет известный польский историк кино Ежи Теплиц, «кино не вознеслось на Парнас, а обосновалось в ярмарочных палатках, став приманкой для участников праздничных народных гуляний. Предшественниками современного искусства кино были великие художники прошлого, но у колыбели кинематографа стояли ярмарочные аттракционы — театры китайских теней, панорамы, кабинеты восковых фигур, волшебный фонарь и прочее»[2].

По степени и скорости распространения интереса к кинематографу по всей территории России, даже в самой глубинке, а, главное, готовности ее предпринимательского слоя к практическому освоению новшества равных ей, наверное, не было. Россия очень быстро и естественно стала органической частью пространства, на котором происходило рождение кинематографа.

Изучение проблемы раннего кинематографа в региональном, провинциальном контексте представляется необходимым, прежде всего для понимания его становления как важнейшего современного социокультурного института. Между тем, региональная тематика ранней истории российского кино по степени изученности значительно уступает другим аспектам его исследования. Среди немногих работ такого характера можно назвать исследования В. Ватолина «Синема в Сибири», Е. Косых и К. Фадеева «Сибирский кинематограф» (1896-1917 гг.), Алексеевой Е.П. «Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской Губернии: 1897-1917 гг».[3] Анализ становления кинематографа в Иваново-Вознесенске, тогда одного из самых стремительно росших городов России Центрального промышленного района России, несомненно, может дать важный материал для понимания механизма массового, интегрального успеха кинематографа в провинции.

Городское сообщество Иванова-Вознесенска уже вскоре после первых гастролей Синематографа Люмьера весной и летом 1896 г. в Санкт-Петербурге, Москве и Нижнем Новгороде смогло собственными глазами увидеть знаменитые люмьеровские фильмы. Данные о времени показа кинематографического номера в программе гастролировавшего в Иваново-Вознесенске передвижного цирка Никитиных, а, значит, и дате вхождения кинематографа в повседневное пространство Иванова-Вознесенска, теперь, кажется, окончательно установлены. К настоящему времени все, кто так или иначе включен в процесс реконструкции кинематографической истории нашего города, склоняются к отнесению этого события к осени 1897 года, а это значит, что в 2007 году мы отметили 110-летие ивановского кино[4]. Вполне вероятно, что целенаправленный поиск в архивах или региональной периодике сведений об этом событии поможет более полно представить, как происходило это событие. По сохранившейся в Ивановском государственном архиве афише цирка братьев Никитиных известно, что в программе кроме первых французских лент «Прибытие поезда», «Выход рабочих с фабрики», «Политый поливальщик» оказалась картина из российской жизни, изображавшая грязь около одного из российских вокзалов.[5]

При работе в архиве с документами по истории становления иваново-вознесенского кинематографа поражает социальный состав людей, решившихся заняться рискованной сферой предпринимательства с еще не вполне предсказуемыми результатами – купцы, мещане, крестьяне, уже сложившиеся предприниматели и люди без всякого начального капитала.

Как известно, в начальную эпоху формирования кинематографа как нового социокультурного института кино не существовало в виде самостоятельного зрелища, а включалось в программы варьете, цирков, ярмарочных балаганов. И только постепенно, по мере развития самого кино как искусства, увеличения длительности кинолент, увеличения количества производящихся фильмов и развития системы кинодистрибьюции, оно стало существовать в виде самостоятельных представлений, конкурирующих с другими социокультурными практиками в жизни горожан. Этот процесс вызревания предпосылок для становления кино как самодостаточного социокультурного организма занял около десяти лет. В течение их постепенно вырабатывались формы его бытования в повседневной культуре иваново-вознесенцев. В 1899 «движущиеся картины» демонстрировались в Летнем театре Демидова в местечке «Ямы» (на месте построенного впоследствии Дома специалистов). С 1902 по 1905 годы на летние ярмарки в Иваново-Вознесенск приезжал предприниматель Тихлер со своим балаганом, в котором устраивал киносеансы. Тогда же кинематограф начал прокладывать дорогу к зрителям уездных центров - Кинешмы и Шуи, сначала на открытых площадках, а затем в залах, приспособленных для просмотра «фильм».[6]

Несколько лет до 1908 г., когда в Иванове-Вознесенске начался настоящий кинематографический бум и стали открываться стационарные кинотеатры, предприимчивые горожане оборудовали помещения для постоянного проведения киносеансов в своих собственных или арендуемых частных домах. В 1906 открылись недолго просуществовавшие первые маленькие стационарные «синематографы» *«Первый»* на Напалковской ул. (ныне ул. Степанова) и *«Родина»* - на Часовенной (ныне ул. Смирнова) в здании, где после революции находился Дом крестьянина.[7].

Новый этап более интенсивного увлечения иваново-вознесенцев кинематографом, когда кино все более становилось привычной сферой досуговых практик, связан, как и во всей России, с двумя факторами общероссийского масштаба.

Первый – это начало производства в России собственных игровых фильмов: поставленная в киноателье Дранкова в 1908 г. «Понизовая вольница» символически очертила эту границу.

Второй стимул для более глубокого укоренения кино в повседневной жизни иваново-вознесенцев дала сложившаяся к 1908 г. в России система проката фильмов. Связанный железной дорогой с Москвой и Нижним Новгородом, Иваново-Вознесенск активно включился в эту систему, наладив отношения с представителями крупных прокатных контор в стране. Железная дорога, как видно из всех исследований, так или иначе анализирующих движение кинематографа из центра страны в регионы, сыграла колоссальную роль в скорости распространения кинематографа по городам и весям России. Тогда именно этот транспорт обеспечивал перемещения кинопродукции по России, а значит, и приносил прибыль предприимчивым горожанам, рисковавшим браться за это очень сложное в техническом отношении дело. Активный бизнес на этом делали и сами железнодорожники, в частном порядке участвовавшие в передвижении кинофильмов от прокатчиков к зрителям. «Успех распространения картины зависел от той системы рассылки, которую мы применяли, - говорит в своих мемуарах А. Ханжонков. - Согласно установившемуся и распространенному по всей стране нелегальному обычаю, картины мы отправляли с проводниками поездов. Это был вернейший способ доставки картин: несмотря на то, что посылка, стоимостью на сотни, а иногда и на тысячи рублей, сдавалась проводникам отходящих поездов всегда наспех и без всяких расписок, о случаях пропажи никогда не было слышно, видимо, между проводниками было установлено нечто вроде круговой поруки, так как выполнением этих нетрудных поручений они зарабатывали больше, чем исполнением своих трудных служебных обязанностей»[8].

Наиболее надежным способом выявления сложившейся в Иваново-Вознесенске сети кинотеатров на сегодняшний день является ежедневная городская газета «Ивановский листок», которая регулярно печатала объявления о графике работы кинотеатров и их репертуаре. Наши подсчеты показали, что число кинотеатров в 10-е годы вплоть до 1917 года было стабильным, примерно 6 - 8. Но количество мест в них должно было расти, поскольку именно в эти годы в Иваново-Вознесенске, как и в других больших городах России, появляются респектабельные, специально обустроенные или построенные здания с относительно большими для того времени залами (300-400 мест). Интересно, что российская кинопериодика, и в частности журнал «Сине-фоно», неоднократно отзывались на события в иваново-вознесенских кинематографических кругах. Видимо, быстро росшее количество кинотеатров и кинозрителей в безуездном городе было весьма неординарным событием на общероссийском фоне.

В 1910 г. предприниматель Ф.Ф. Полтев специально для кинематографа построил двухэтажное здание у Соковского моста. 1 января 1912 в нем открыл электротеатр *«Аванс» предприниматель Гаврила Ерастович Варзин,* арендовавший здание у Ф.

Полтева. Судя по активности и изобретательности, с которой он вел свое дело, и по результатам, которых он в новом бизнесе добился, в его лице мы - ивановцы имеем самого яркого иваново-вознесенского мастера «горячего проката». Поэтому приведем и внимательно прочитаем, имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы, которые раскрывают некоторые сложные хитросплетения истории создания этого кинотеатра. В сентябре 1912 г. в Иваново-Вознесенску городскую управу поступило письмо от крестьянина Шуйского уезда Афанасьевской волости, д. Максимцева, Гавриила Варзина, владельца электрокинотеатра «Аванс» в котором он пишет, что в дополнению к открытому «кинематографу в каменном доме Ф.Ф. Полтева на Соковской ул.», хочет устроить «в том же доме в верхнем этаже фое, зрительное зало и проекционную будку», и что «настоящим» он имеет «честь покорнейше просить Гор. Управу назначить комиссию для осмотра вновь отстроенного синематографа в арендуемом мною доме Ф.Ф. Полтева». 10 ноября 1912 г. «комиссия в составе члена управы Е.Е Бубунова, городского. инженер-строителя И.И Керпе, электротехника В.В Лебедева, санитарного врача С.И Полыковского и помощника городского пристава Шишко, производила осмотр помещения в доме Полтева на Соковской ул., где Варзин, владелец электротеатра «Аванс», ходатайствует об открытии второго синематографа в верхнем этаже дома, принадлежащего Полтеву»[9].

При осмотре оказалось, «что электротехническое устройство соответствует правилам инструкции М.В.Д. 4 июня 1904 г. за №925 и в строительном и санитарном отношении удовлетворяет законным требованиям. Двигатель и динамо-машина были осмотрены при первом открытии синематографа в 1-ом этаже дома Полтева. Он же и будет обслуживать синематограф и второго этажа». Городская Управа, рассмотрев прошение, «постановила: просимое свидетельство выдать при условии исполнения Варзиным всех законных требований, предъявляемых к зданию кинематографа, двигателю и электрической проводке и с тем, чтобы были приняты все меры к устранению шума и заражения воздуха и почвы». Комиссия пришла к заключению, что «открытию синематографа во 2-ом этаже дома Полтева препятствий не встречается»[10]. Так в Иванове-Вознесенске открылся первый двухзальный кинотеатр, который стабильно просуществовал не только все изучаемые нами годы, но и до 1990 г. Каждый из двух его залов (один - на первом, другой - на втором этаже) вмещал по 300 зрителей. Варзин больше других заботился о подборе картин, удобстве публики. Вместе с входным билетом зрители бесплатно получали журнал «Иваново-Вознесенская жизнь» с программой электротеатра. За время демонстрации фильмов в этом здании мраморные ступени его лестниц на входе и выходе были вытоптаны поклонниками кино.[11] К сожалению, личная история Г. Е. Полтева пока практически не исследована, материалов, которые бы могли приоткрыть его судьбу, пока не обнаружены.

Помощником киномеханика в кинематографе Г. Е. Варзина работал М. Шиканов, в течение 30-ти лет руководивший в советское время управлением кинофикации Ивановской области. В своих воспоминаниях он пишет: «В 1912 году в Иваново-Вознесенске открывался стационарный кинотеатр «Аванс». Кинотеатр «Аванс» работал ежедневно, сеансы начинались в будни с 6 часов вечера, по праздникам - с 12 дня, а заканчивались в полночь. В мои обязанности входило привозить с вокзала картины, расклеивать по городу афиши, мыть полы в зале, а во время сеанса крутить ручку проектора. Хозяин платил мне копейки, я сильно уставал, но тяжесть моих невзгод с лихвой окупалась возможностью смотреть все фильмы».[12]

Второе здание в городе специально для электротеатра построено на углу улиц Петровской (пр. Фр. Энгельса) и Негорелой (ул. Советской). Здесь в 1913 открылся

электротеатр *«Яр»,* позже переименованный в *«Арс»* (работал до реконструкции пр. Фр. Энгельса в 1971).

Длительность описанных выше процедур с открытием и проверкой деятельности кинотеатров, судя по текстам рассмотренных нами документов, не была результатом чиновничьей волокиты. Порядок разрешения эксплуатации зрелищных пространств для кинематографа в связи с их насыщенностью сложной техникой и в связи с неоднократными в истории мирового и российского кино катострофическими пожарами, требовал жесткой экспертизы, жесткого регламента и системы правил их эксплуатации. Местные органы самоуправления руководствовались предписаниями вышестоящих организаций, Министерства внутренних дел, распоряжений губернатора.

Благодаря найденным нами архивным материалам мы можем приблизительно точно реконструировать внутреннее пространство кинотеатров Иванова-Вознесенска во втором десятилетии 20 века. Из акта осмотра кинотеатра «Марс» в момент передачи его в муниципальную собственность в 1918 г., находившегося на 2-й Троицкой улице (район железнодорожного вокзала). Мы видим, что это было одноэтажное каменное здание, крытое железом, снаружи освещенное электрическими лампочками. «Стены в фойе штукатуренные, покрытые клеевым колером, сильно загрязненные, потолок, своды по железным балкам, пол деревянный крашенный, сильно вытоптанный. Два окна с двойными глухими переплетами. Две двойные двухстворчатые, полусветлые филенчатые двери, выходы на улицу (в дверях и окнах некоторые стекла выбиты) освещаются 21-ой электролампочками. Стены и потолок зрительного зала цементные с трещинами и выбоинами, под стульями деревянный наклонный досчатый помост, сильно изношенный, освещается 12-ю электролампочками; 158 стульев, 11 скамеек, электропианино. Машинное отделение в подвале. Стены кирпичные, не отштукатуренные, потолок - бетонный свод по железным балкам, пол кирпичный с выбоинами.».[13]

Рассмотрев устройство и процедуры открытия кинотеатров, нам бы хотелось, насколько это возможно, реконструировать, воссоздать, сам характер представляемого публике в кинотеатрах нашего города зрелища и выявить наиболее востребованные горожанами виды кинематографической продукции, их соотношение и содержание.

На самом начальном этапе киносеанс в стационарных кинотеатрах обычно длился 40 минут, за это время зрителю предлагались: драма, 1-2 комедии, хроника, так называемый видовой (географический, этнографический или научно-популярный) фильм. К середине второго десятилетия 20 века по мере развития киноискусства и кинопроизводства и формирования экранной культуры в самом обществе продолжительность сеанса достигала одного часа и более.

В начале 20 века драматический игровой фильм, как единодушно считают все наши видные исследователи дореволюционного кинематографа (Н. Лебедев, Н. Зоркая, С. Гинзбург), чаще всего эксплуатировал уголовные, мистические, приключенские сюжеты, носившие, по возможности, элементы сенсационности[14]. Страницы газеты «Ивановский листок», пестрят такими названиями, как «Сонька - золотая ручка», «Сашка-семинарист», «Антон Кречет».

Ни один сеанс не обходился без комедийного фильма, часто такие фильмы имели характер сериала – не связанные между собой они имели одного главного героя-комика – Поксона («Каприз Поксона», «Любопытная прислуга», «Соседи Поксона», «Поксон не прочь от кутерьмы», «Поксон заступник молодежи», «Прекрасная Лолотта»), Макс Линдер («Запутанное родство», «Максу не везет в женитьбе»), Гаврошь («Гаврошь без ума от романов»), Прэнс («Брачная ночь Прэнса») Часто сюжетами комических сцен служили семейные отношения, повседневные бытовые моменты: «Вот пообедали», «Водяная дуэль», «Настойчивый муж», «Неудавшийся пикник», «Из-за

прислуги», «Кто кого перехитрит», «Полидора семейная ссора», «Без билета».

Практически всегда в общем сеансе с драматическим и комедийным жанрами демонстрировались фильмы-иллюстрации, вольно трактовавшие содержание популярных песен, романсов, стихотворений, рассказов, повестей.

В структуре киносеанса были представлены и картины, воссоздающие на экране живописные ландшафты Отечества и зарубежья – так называемые «видовые картины», несущие познавательное содержание. Вот фильмы, с которыми смогли познакомиться наши земляки, покупавшие билеты на сеанс в любимые кинотеатры (по данным кинорекламы в «Ивановском листке» за 1909 – 1916 г.г.): «По Волге», «По Кавказу», «Виды Египта», «От Лондона до Бирмингама», «Живописные уголки Норвегии», «Среди Албанских гор», «У берегов Бельгии», «Современная Греция», «Виды города Джибути», «Поездка в Занзибар», «Корфу и его окрестности» и др. В некоторых фильмах отражены трудовые процессы: «Завод рыбных консервов в Астрахани», «Рыбные промыслы в Норвегии», «Охота на тюленей», «Фабрикация спичек». Физическую культуру пропагандировали фильмы: «Молодое поколение Голландии», «Коньки в Норвегии», «Медвежья охота», «Автомобильные гонки в Одессе», «Изучение человеческого тела».

Жадный интерес у провинциальной публики в первые годы существования кинематографа вызывали и документально-хроникальные сюжеты: о жизни царской семьи, о событиях в мире и стране. Современным зрителям, буквально погруженным в информационные потоки, этого чувства уже не дано пережить. С началом Первой мировой войны на экранах иваново-вознесенских кинотеатров появились хроникальные фильмы с сюжетами из фронтовой жизни: «Слава нам, смерть врагам», «Осада и бомбардировка Антверпена», «Падение и сдача Перемышля», «Боевой флот Англии», «Священная война», «Трофеи наших войск», «Отступление австрийцев», «Страница черной книги германских зверств», «Пребывание государя императора в действующей армии», «На врага». Характеристика последнего фильма в рекламе (приводим ее оригинальную орфографию – Н.Г.) выглядела следующим образом: «сенсац. Др. из соврем мировых событий в 3ч.: «Англия объявила войну Германии», «Под арестом на адмиральском броненосце», «Раненый герой»)[15].

Однако вкусы публики, а следовательно, и отношения ее к кино не были статичными. Этого не могла не фиксировать пресса того времени. «За два последние года резко изменились вкусы и требования широких народных масс по отношению к экрану, - писалось в «Киножурнале'» - Не то кинематограф поднял публику к себе, не то - обратное. Мы пережили уже полосы: дурашкинскую, линдеровскую, натпинкертоповскую, «сашко-сонькинскую» - и вышли наконец на простор: просто грамотного и даже художественного отражения настоящей «живой жизни». Публика пошла на картины без сенсации... И даже - без «имен»; без Арцыбашевых как авторов и «наших знаменитых» как исполнителей».[16]

Программа всех кинотеатров, заранее широко разрекламированная, шла в солидных иваново-вознесенских кинотеатрах 2-3 дня. Вероятно, это определялось количеством публики, которая регулярно ходила в кино. Новые картины прежде, чем попасть на экран, получали разрешение у городского полицмейстера. Практически 2-3 раза в неделю владельцы электротеатров отправляли в городское полицейское управление списки картин, подготовленных к показу, для получения разрешения на печать афиш, программок и рекламы в прессе. Иногда проверяющий вносил изменения в списки и не допускал некоторые картины к «демонстрированию». В резолюции на прошение электротеатра Благотворительного общества кинопредпринимателю А.Антропову было запрещено демонстрировать несколько сюжетов «Пате-журнала».

Приведем этот интересный документ полностью и в оригинальной орфографии, потому что он хорошо иллюстрирует сложившуюся к тому времени в провинциальных городах практику составления программы кинопоказа.

«Электротеатр Иваново-Вознесенского Благотворительного общества

Ноября 10. 1910 г.

Иваново-Вознесенск

Господину Иваново-Вознесенскому Полицмейстеру.

Получено 10 нояб.

При сем имею честь представить Вашему Высокоблагородию программу картин, предполагаемых к демонстрированию в заведываемом мною театре с 15 ноября сего года.

Приложение: программа № 245

Заведывающий театром.

№245 Программа на 12, 13 и 14 ноября

Эстер (львы Вавилона), драма.

Шалун, комическая.

Величие души, драма.

Изучение деятельности желудка с помощью икс-лучей.

Первый дебют Макса Линдера в синематографе.

Пате-журнал. Содержание:

Брюссель. Авиатор. Винмалень улетает в Сен-Кентень.

Исси м – Мулино. Винмалень спускающийся по авиационному полю.

Ла Моть-Брейль. Дерижабль Клемент Боярд, отправляющийся в Лондон.

Лондон. Король и Королева английские провожают герцога Концаутского.

Ватерлоо. Брюссель. Посещение Голландского отдела Брюссельской выставки.

Раздача наград.

Париж-Брюссель на аэроплане в пять часов.

Копенгаген. Нобелевская премия мира присуждена Л.Н. Толстому.

Бухарест. Большие маневры румынской армии.

Примечание: Исключен из программы снимок «Барцелона. Годовщина событий 13 окт.».[17]

Но одновременно, несмотря на сложные отношения Льва Николаевича Толстого с церковной властью, сюжеты о нем в Иваново-Вознесенске не были запрещены[18], хотя в Москве по просьбе родных Л. Толстого, посчитавших оскорбительной экранную трактовку личной жизни писателя, показ картины «Жизнь Л.Н.Толстого» был запрещен [19]. Еще один случай, когда кинопредпринимателю нашего города, владельцу электротеатра «Мир» в его «прошении» пришлось увидеть вычеркнутые красным карандашом сюжеты «Пате-журнала №79», связан с программой от 25 ноября 1917 г. К показу не были допущены сюжеты, имеющие политический характер, в них содержалась информация о волнениях в Брюсселе и Берлине.[20]

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что составление программы картин, предназначенных для демонстрации в кинотеатрах, не было исключительно личным делом владельца театра, программа подвергалась предварительному цензурному досмотру и согласованию с властями, нередко редактировалась и изменялась. Но кинопредприниматели Иванова-Вознесенска работали очень оперативно (здесь действовали восемь - девять кинотеатров, сеансы проходили каждый час - полтора и репертуар менялся каждые два - три дня), приобретая и показывая все новые и новые картины. Полицмейстеру, загруженному массой более «горячих» обязанностей и в отсутствии самостоятельного цензурного органа, контролировать этот поток было исключительно слож-

но. Можно согласиться с исследователем дореволюционной кинематографии России С. Гинзбургом, что хотя цензура бдительно следила за тем, чтобы «крамола» и фильмы на библейские сюжеты не попадали в кинематограф, в целом кинематограф ей забот не доставлял. Идейная направленность кинофильмов определялась крупными прокатчиками. Именно они осуществляли репертуарную политику в кинематографе».[21]

За десятилетие (1908—1918), по сведениям Н. Зоркой, было выпущено более 2000 игровых картин и около 3000 научных и видовых лент, сняты десятки тысяч метров хроники; была создана мощная сеть кинофикации и проката; работало 6 крупных кинофабрик, выдвинулись талантливые профессионалы, организаторы и руководители кинопроизводства. Русское кино обрело собственное творческое лицо, достигло высокого уровня постановочного и исполнительского мастерства; в России за этот период издавалось 27 специальных киножурналов и свыше 40 рекламных периодических изданий для зрителей. Публика горячо любила свой кинематограф. Это была набирающая силы, процветающая, уверенная в себе, благоденствующая отрасль.[22] Происходила переориентация киноотрасли на ценности мелкобуржуазного зрителя. Владельцы киноиндустрии, сами мелкие буржуа, решили преуспеть в формировании своей, более материально обеспеченной аудитории, которая могла бы давать им стабильный доход. Фильм становился выгодным товаром, права на продажу которого надо было охранять.[23] В 1908 году появилась получившая широкую известность статья Корнея Чуковского «*Нат. Пинкертон и современная литература»*. Здесь впервые формулировалась мысль о том, что раннее кино - это эпос городского мещанства. Для многих будущих исследователей раннего русского кино эта мысль станет едва ли не аксиомой.[24]

Опровергая мнение о себе как об аттракционе, фокусе, ярмарочном развлечении, преодолевая неприятие определенной части публики, главным образом интеллигентной, «синема» постепенно становится всеобщим любимцем. Восторженно отзывается о «движущейся фотографии» В.В.Стасов, кинематографу посвящают статьи Максим Горький и Леонид Андреев, на съемочные площадки приходят известные актеры театра, в том числе Московского Художественного. Не отставали в восторженной оценке кинозрелища и провинциалы: «*Сегодня последний день в электросалоне «Яръ» демонстрируется дивная по своей постановке художественная картина «Симъ побъдиши». Въ глазах зрителя воскресают первые века христианства и воочию представляется живая картина – мучения первых христианских подвижников, преданных в руки жестокосердых мучителей. Все это отчетливо проходит перед взорами зрителей и невольно на глазах навертываются слезы – так жаль становится пострадавших за Христа подвижников*»[25].

Как мы уже отмечали, в 10-е годы 20 века, как и в других регионах России, в Иваново-Вознесенске на смену «балаганного» кинематографа пришла эра специально построенных и респектабельных кинотеатров; эпоха трансформации кинематографа в самодостаточное зрелище, эпоха, когда в кинозалах, кроме рабочих, появился благополучный средний класс. В кинотеатрах появились благоустроенные залы, фойе, зимние сады, буфеты, в антрактах и во время киносеансов звучала музыка. «В самом начале в кино вовсе отсутствовала какая бы то ни было музыка, – вспоминает очевидец и первый исследователь истории российского кинематографа В.В Чайковский, - но, начиная с 1905 г., появляется таперша в виде сонной старушонки, зачастую засыпающей под свою же собственную импровизацию. В фойе же ставят граммофон, а несколько позже, в 1906 г., появляются оркестры… »[26].

Знаток истории дореволюционного московского кинематографа В. П. Михайлов собрал очень интересные сведения о работе таперов и музыкантов, которые имеют ценность для понимания характера этой работы и в провинции: «На роль тапера чаще

всего шли учащиеся музыкальных училищ да «нуждающиеся дамы». Поскольку претенденток на эту должность всегда было много, женщины соглашались на каторжную работу в кинемо за самое скромное вознаграждение - 45 и даже 30 рублей в месяц, лишь счастливцам перепадал «высокий» заработок в 60-70 рублей. За это они должны были в воскресенье и в праздничные дни, когда был наплыв публики и антракты отменялись (чтобы увеличить количество сеансов), работать зачастую без перерывов 6-8 и более часов. Часто владельцы электротеатров, желая сэкономить и на этих сторублевых музыкантах, приглашали любителей, умеющих более или менее играть на балалайках и мандолинах. В афишах их называли «любимцами публики», а бренчали на балалайках приказчики из соседних магазинов да ремесленники-подмастерья [27].

В кинотеатрах Иваново-Вознесенска музыка стала органической частью кинозрелища. Чаще всего здесь, как и в большинстве провинциальных городов, сеансы шли под рояль, иногда под гармошку. В иваново-вознесенском кинотеатре «Марс» при муниципализации его в 1918 г. в описи его имущества значился электророяль. Киновладельцы в рекламных объявлениях в «Ивановском листке» старались детально информировать горожан о характере музыкального оформления киносеансов. Например, рекламное объявление кинотеатра «Буфф» в апрельском выпуске «Ивановского листка» 1914 года уведомляет, что *«в продолжение всей пасхальной недели играет духовой оркестр музыки Исаева».* [28]

Кинотеатр «Яръ» мог удивить зрителя «поющей картиной», озвученной не просто пианистом или оркестром, а игрой сорока оперных артистов! *«Сверх программы картин. Только 3 гастроли 18, 19 и 20 мая. Сенсации Петрограда. Грандиозная поющая картина. Впервые целая оперетта на экране (участв. до 40 чел). Злоба дня! Пение! Танцы! «Каска», «Феска» и «Колпакъ» Оперетта-обозрение. При участии оперных-опереточных артистов петроградских театров».* [29]

В фойе кинотеатра «Яр», судя по объявлениям, практически постоянно, играл оркестр: *«По понедельникам, средам и пятницам играет струнный салонный квартет».* [30] Нередко приглашались иногородние оркестровые труппы, о таких гастролях также особо отмечалось в периодической печати.[31]

Из показа кинофильмов владельцы кинотеатров устаивали целые шоу, включая в основную программу выступления танцоров, певцов, людей с необычными способностями: *«Сверх программы гастроли пятилетней девочки МАНИ УМНИЦКОЙ, поразительно точно отгадывающей и определяющей всякие предметы, качеств, количество и место их, монеты, время на часах, дни рождения и пр. пр. По своим местам и точности исполнений является бесспорно феноменом 20 века.».* [32]

Или*: «Эл-р Модерн открывается 1 окт. в помещении бывшего театра Буфф. Театр заново отремонтирован. Фойе расширено. Устроена усиленная вентиляция и отопление. Приглашаем салонный оркестр под управлением скрипача г. Гуменика. Картины будут демонстрироваться лучших русских и заграничных фабрик. Приглашен опытный пианист. Новая дирекция ничего общего с театрами «Буффъ» и «Колизей» не имеет».* [33]

«Сегодня 11 февр. Сверх программы картин артистами театра «Миниатюр» будет поставлен разнохарактерный дивертисмент, состоящий из пения». [34]

«<…>Сверх программы 2 атракциона: Выход неподражаемой исполнительницы разнохарактерных танцев красавицы Веры Бельской и балетмейстера Покровского. Костюмы и танцы меняются после каждого сеанса, Будет исполнено в этот вечер 44 разнохарактерных танца, в заключении «Танго» и «Танец апашей», а также сегодня первая гастроль неподражаемого виртуоза балалаечника и исполнителя народных песен Я. Пропащего.». [35]

О доступности билета в кино для горожан. Цены билетов на сеансы непременно сообщались на афишах каждого синематографа города. В газетных объявлениях, помещаемых владельцами театров в ежедневно выходящий «Ивановский листок», после перечня демонстрируемых картин и очень эмоционально окрашенной информации об их содержании называлась и цена билетов. В январском выпуске «Ивановского листка» 1908-го года мы видим одно из первых рекламных объявлений, приглашавших иваново-вознесенцев на сеанс: «*1, 2 и 3 янв. в помещении Атлетического общества (против Графского сада», где должны быть «показаны ЖИВЫЕ КАРТИНЫ КИНЕМАТОГРАФОМ! Земная жизнь Иисуса Христа в 35 переменах. Начало в 7 ½ часов веч. Цены местам от 25 до 85 к.»*. Благодаря ему можем знать самые первые цены на билеты в иваново-вознесенские кинотеатры.[36]

Поскольку на протяжении первого десятилетия своей истории (до Первой мировой войны) цены мало менялись и горожане их хорошо знали, писали просто: «*Цены местам обыкновенные*» или «*Цены местам повышены*». По существу в Иваново-Вознесенске в это время они были мало дифференцированы в зависимости от местонахождения синематографа и качества демонстрируемых лент. Как показывают объявления в прессе, только постепенно, по мере строительства специально спроектированных зданий для кинотеатров и общего подъема кинопроизводства, роста количества и качества выпускаемых на экраны зарубежных и отечественных фильмов, начинает формироваться ценовая политика, критериями которой являлись и содержание фильмов, и присутствие в них кинозвезд, и музыкальное и техническое сопровождение кинопоказа, уровень комфортабельности кинотеатра, и даже – социокультурные факторы (праздничные – выходные дни, дети- взрослые).

Продемонстрируем это на примере двух самых успешных и принадлежащих в указанный период одному и тому же кинопредпринимателю Г. Варзину кинотеатров «Аванс» и «Буфф» В «Ивановском листке» от 27 марта 1914 года владелец кинотеатра сообщает, что в кинотеатре «Аванс» *«только 2 дня: сегодня и завтра «Миг счастья … годы страданий» (сильная драма художественной Серии «Нордиск» в 3-х. больших частях). Участвуют лучшие артисты: Вольдемир Гаррисов, Роза и др. любимцы публики. Кроме этой картины ставятся: очень веселая комедия, роскошная видовая и одна комическая. Цены местам обыкновенные. Начало сеансов в 6 ч., в 8 ч. и в 10 час».*[37] *В объявлении кинотеатра «Буфф» весной того же 1914 года: «Театр открыт с 12 ч. Дня до 12 часов ночи. Цены местам: 15, 20, 30, 40 и 50 коп. В продолжение всей пасхальной недели играет духовой оркестр музыки Исаева».*[38]

Цены взлетали, когда кинопредпринимателям удавалось получить исключительные права на демонстрацию сенсационной картины: «Сегодня 19 марта, только 1 день специально прибывшими из Москвы техниками ставится знаменитая серия картин *«Ужасы человеческого ЗВЕРСТВА». Вековая картина в 10 отделениях. Картина с сопровождением световых и звуковых эффектов, как-то: сверкающая молния и раскаты грома, а также комедия-фарс в 6 частях: «Влопался». И «Гимнасты Ломбардосъ» (с натуры). Начало в 1 час дня. Цены повышены».*[39]

Даже в условиях быстрорастущих цен в военном 1915 году цены в кинотеатры их владельцы старались сохранять практически на довоенном уровне, обеспечивая доступность зрелища для всех категорий горожан: «*Цены: учащиеся и детские - 20 к., взрослые – 25, 30, 40, 50, 75 к., и ложи 3 р. С почтением, Дирекция кинотеатра «Буфф»*».[40]

Для сравнения цен на билеты в кино со стоимостью основных продуктов питания приведем данные одного современного издания об Иваново-Вознесенске. Там указывается, что ржаная мука в 1915 году в Иваново-Вознесенске стоила 1 р. 50 коп. за

пуд, пшеничная – 2 р. 80 коп., пшено – 2 р. 40 коп., сахарный песок – 5 р. 40 коп., соль – 50 коп. за пуд, молоко – 40 коп. за полведра, сено – 80 коп. за пуд.[41] Примерная цена велосипеда в 1913 году в Иваново-Вознесенске (по сведениям периодической печати) была 75-80 руб.[42] Водка 1 л – 12 коп (начало 20 века). Корова дойная – 59 руб. (1913).[43] Промышленный рабочий в центре России (1912-1914) получал ежемесячно 8 - 20 руб. [44] Ткач в Иваново-Вознесенске в 1904 году получал 13,5 р. месяц, гравер - 48 р. в месяц. [45] В общем, цена билетов в электротеатры была и не такая мизерная, но это не мешало числу кинотеатров в безуездном рабочем городе и количеству посадочных мест в них стабильно расти и превышать соответствующие показатели многих и многих губернских городов. По данным опроса, проведенного в 1913 году в Киеве, российский рабочий тратил на увеселительные зрелища (цирк, кино и т.д.) в среднем около 10 руб. в год, в то время как на лечение у него уходило 7, 44 руб., а на табак и алкоголь – 24, 57 руб.[46] Кинематографы стали главным развлечением для горожан со средним достатком.

Как считает Н. Хренов, к 1917 г., несмотря на то, что большинство людей уже привыкли к «движущимся» картинкам и не пугались мчавшегося на них паровоза, для некоторых кинематограф еще сохранял таинственно-сакральные черты века пара и технической мощи, был диковинкой научного прогресса. Поэтому часто обыватели ходили не на конкретную ленту, разрекламированный фильм, а в электрический театр сам по себе. Целью такого похода было не столько знакомство с кинематографом, сколько совершение определенного ритуала, являвшегося частью культуры городской повседневности. Именно в соблюдении данных норм и обычаев городского быта, городской субкультуры, происходила самоидентификация обывателей в качестве горожан.[47] Несмотря на заметно отличающийся по продолжительности от сегодняшнего рабочий день (на фабриках - 9-11 часов), кино невероятно влекло к себе иваново-вознесенцев. Чем? Об этом, может быть, лучше скажут стихи безвестного россиянина, приславшего их в газету «Кинематограф» в 1911 году. Они очень хорошо передают атмосферу первых кинотеатров.

«...Толпа, затаивши дыханье, заглавье картины читает.
«Влюбленный до гроба» — отчаянно сильная драма.
Мелькают фигуры, картина картину сменяет —
Целуются, плачут, страдают, ревнуют, уходят...
Толпа реагирует живо на все их движенья. ...
Извлечь из пьянино старается страсть пианистка.
И слюнки глотает, сидя одиноко, безусый подросток.
Но вот изменила коварная мужу с влюбленным,
И муж умирает, бедняга, в чахотке, покинутый всеми.
Толпа затаила дыханье, кто-то украдкою всхлипнул,
И грустным аккордом кончает играть пианистка [48].

Такое, безусловно очень быстрое и тотальное вхождение кино в повседневную жизнь многих, если не всех, горожан вызывало беспокойство за его воздействие на умы и психическое здоровье людей не только у столичной интеллигенции, но и у провинциальной общественности. На страницах «Ивановского листка» 21 июня 1913 появился целый памфлет в связи с самоубийством двух молодых людей. *«Жили два никем незамеченных ничтожных человека, захотелось блеска, славы, внимания <...> Две пули – и мечты сбылись. Что ж тут удивительного? Не об этом же мы перечитали столько книг? Не это ли видели и видим постоянно в кинематографах? Поцелуи и выстрел, - вот сюжет «кине - героев». Прежде, чем уйти от жизни, они – Шумаков и Рыбина, идут в кинематограф, смотрят как люди стреляются и <...> сами живут не своей жизнью, а жизнью героев дешевого театра. Это: - психическая за-*

раза»[49]. Педагогическая общественность на родительском собрании в самых темных тонах предостерегает родителей от беспечности в отношении увлечения своих чад кинематографом. Начальница женской гимназии «обрисовывая важность внешкольного надзора за учащимися», указывает, что «*приходилось не раз наталкиваться на факты, когда девочки, отпущенные родителями в кинематографы и театры, приходили домой в 3 часа утра, тогда, как известно, что театры открыты только до 12 час»*. Речь заканчивалась предостережениями*, «не выпускать на прогулку девочек одних без старших после 7 ч. вечера. Предостерегалось также пускать их на ярмарку без старших, а равно и во все городские кинематографы, театры и иные увеселительные зрелища, куда можно идти только с дозволения гимназического начальства и при классных дамах*».[50]

Так закладывались ставшие сейчас привычными социокультурные функции кино и формировалась экранная культура не только в столицах, но и в российской глубинке. В тесном взаимодействии с социальными трансформациями в стране экран сыграл решающую роль в демократизации культуры, в становлении ее новых форм, оказавших значительное влияние на самые широкие слои населения.

В целом развитие кинематографа в регионах мало отличалось от столичного кинематографа – процедура открытия кинотеатра, система проката, репертуар, цензурная политика, предпочтения зрителей – существенных, принципиальных различий в этих вещах практически не было. Все это вместе взятое говорит об очень быстрой интеграции новых моделей поведения, связанных с кинематографом в повседневную жизнь иваново-российского провинциального города в начале 20 века.

Настольная адресная справочная книга «Вся кинематография» за 1916 г. (которая, как и ряд других очень ценных изданий дореволюционной кинопериодики, частично стала более доступной исследованиям благодаря Интернету), содержит уникальную статистику российского кино в региональном разрезе. Даже на фоне губернских городов количество кинотеатров (9), которые содержали, несмотря на всю рискованность кинобизнеса в безуездном городе, иваново-вознесенские предприниматели было очень большим (Владимир – 2, Кострома – 4, Ярославль – 8). Это свидетельствует, что становление социальных функций российского кинематографа в начале 20 века шло в провинциальных городах весьма успешно и что иваново-вознесенские горожане кино приняли, а рождение иваново-вознесенской кинопублики состоялось.[51]

Примечания

1 Автор выражает благодарность студентке ИГХТУ Е. Ануфриевой за совместную работу в течение двух лет над данной темой и возможность использовать полученные ею расчеты по доступности кино горожанам Иванова-Вознесенска и информацию о музыке в кинотеатрах города начала 20 века.

2 **Теплиц Ежи.** История киноискусства 1928-1933. М.: Издат-во «Прогресс». 1971. С.23.

3 Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сборник статей / под ред. В.А. Скубневского. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005, С. 305-318; Ватолин В. Синема в Сибири. Очерки истории раннего сибирского кино 1996-1917 // «Киноведческие записки», № 60, С. 312-338; Алексеева Е.П. Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской Губернии: 1897-1917 гг.: Дис.... канд. ист. наук: 24.00.01 Казань, 2004.

4 **Демин А.** «Гришка, кажи!». 110 лет любви ивановцев к синематографу // Наша Родина – Иваново-Вознесенск, 2008, № 7. С.44.

5 Там же.

6 **Демин А.** Популярная энциклопедия кино Ивановского края. Иваново, 2002. С.22-23.

7 Там же.
8 **Ханжонков А.А.** Первые годы русской кинематографии. М.: Искусство, 1987. С. 21.
9 ГАИО. Ф.2. Оп. 1. Д.5141. Л. 36.
10 ГАИО. Ф. 2. Оп. 1 Д. 5141. Л.л. 36, 37; Д. 4884, Л.л. .33, 50.
11 **Демин А.** Популярная энциклопедия кино Ивановского края. Иваново, 2002. С.22-23.
12 **Демин А.** «Гришка, кажи!». 110 лет любви ивановцев к синематографу // Наша родина Иваново-Вознесенск, 2008, № 7. С. 44.
13 ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5897. Л. 118-119.
14 **Зоркая Н.М.** На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России. М., 1976; **Лебедев Н.А.** Кинематограф в дореволюционной России. М., 1958; **Гинзбург С.С.** Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963.
15 «Ивановский листок» № 88 26 апр. 1915 г.
16 Цит. по: Хренов Н. Кино: реабилитация архетипической реальности. М: Аграф, 2006. С. 161.
17 ГАИО. Ф. 4, Оп. 1, Д. № 1145.
18 Там же.
19 **Михайлов В.П.** Рассказы о кинематографе старой Москвы М.: Материк, 2003. С. 244.
20 ГАИО. Ф. 4. Оп.1. Д. № 1145.
21 **Гинзбург С.С.** Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963.
22 **Зоркая Н.М.** История советского кино. СПб.: Алетейя, 2005. С.22-23.
23 **Хренов А.** Утраченные иллюзии невидимого кино. // Киноведческие заметки, № 54, 1998.
24 История отечественного кино. Учебник. Отв. Ред. Л.М. Будяк. М.: 2005. С. 42.
25 «Ивановский листок», № 254. 1 дек. 1913 г.
26 **Чайковский В.В.** Младенческие годы русского кино. М., Теа-кино-печать, 1928 г. // ttp://shka.livejournal.com/tag/early+film.
27 Михайлов В.П. Рассказы о кинематографе старой Москвы М.: Материк, 2003. С. 70.
28 «Ивановский листок». № 76. 4 апр. 1914.
29 «Ивановский листок». № 102.17 мая 1915.
30 «Ивановский листок». № 66.1 апр.1915.
31 «Ивановский листок». № 204. 23 сент. 1916.
32 «Ивановский листок». № 17. 21 янв. 1917.
33 «Ивановский листок». № 204. 23 сент.1916.
34 «Ивановский листок». № 31. 11 февр. 1915.
35 «Ивановский листок». № 13. 18 янв. 1915.
36 «Ивановский листок». № 1. 1 янв. 1908.
37 «Ивановский листок». №69. 27марта. 1914.
38 «Ивановский листок». №76. 4 апр. 1914.
39 «Ивановский листок». №63. 19 марта 1914.
40 «Ивановский листок». №78. 15 апр. 1915.
41 Иваново-Вознесенск: история в открытках. Составитель каталога В.А Барсуков. Иваново, 2008.
42 «Ивановский листок». № 125. 14 июня 1913.
43 Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. М., 1995, С. 319.
44 Там же. С.84.
45 **Экземплярский П.М.** История города Иванова. Ивановское книжное издательство, 1958. С. 178.
46 Мастера горячего проката // Экономический еженедельник «Коммерсант ДЕНЬГИ» №19(575) от 15.05.2006
47 См.: Хренов Н.А. Зрелища в эпоху восстания масс. М. 2006.
48 **Вострышев М.И.** Частная жизнь москвичей из века в век. М.: Алгоритм, 2007. С.344-346.
49 «Ивановский листок». 21июня 1913 г.
50 «Ивановский листок». 15 сент 1913 г.
51 Вся кинематография. М.,1916. С. 17-60.

М.А. Миловзорова, Е.М. Раскатова

«ДРУГОЕ ИСКУССТВО» СТОЛИЦЫ И ПРОВИНЦИИ: К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ*

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье рассматривается такой феномен эпохи позднего социализма, как неофициальное, «другое» искусство, которое стало значимой альтернативой господствующим прогосударственным культурным формам. Предметом анализа стали тексты непосредственных участников художественного процесса 1970–1980-х гг. (создателей, критиков, исследователей), представляющие опыт определения и самоопределения «другой» культуры в столице и провинции.

Сегодня не вызывает сомнения тезис, что в поздние эпохи советской истории параллельно официальной, поддерживаемой государством культуре сформировалась и развивалась «другая культура», «неофициальная», «культура андеграунда», ставшая значимой формой духовного сопротивления государственной системе. Прежде всего, к категории «неофициальной культуры» можно отнести достаточно заметные в 1970-е годы авангардные художественные поиски, затронувшие все сферы искусства. Это и литературный авангард (близкий к эстетике постмодернизма): творчество Дм. А. Пригова, Л. Рубинштейна, А. Хвостенко, К. Кузьминский и др.[1], и собственно художественный: группа Э. Белютина, концептуализм (И. Кабаков), экспрессионизм (А. Зверев,), соц-арт (Комар, Меламид, Булатов)[2], и, конечно же, театральный авангард: Студия «На Юго-Западе» Беляковича. Студия «Человек» Л. Рашкован, Университетский театр (МГУ) Р. Виктюка и др. в Москве; «Чет-нечет» Б. Понизовского[3] и др.

Несмотря на признание и широкое изучение феноменов «другой культуры», до настоящего времени еще нет ни строгого определения понятия, ни точного представления о хронологии возникновения и существования самого явления. Чаще всего по поводу дефиниций высказываются непосредственные участники процесса, в основном, столичная гуманитарная интеллигенция, для которой, при всем различии творческих программ и общественных позиций, важно общее ощущение масштабной реализации «отрицания действительности» (К. Рогов[4]), нашедшего выражение в многообразных, прежде всего, художественных формах, преимущественно в 1970-х – начале 1980-х годов, до политической «перестройки», когда пропала необходимость этого отрицания[5].

Причины возникновения «второй культуры» большинство авторов склонно видеть, в первую очередь, в ситуации, сложившейся в официальной культуре, которая, подчиняясь выражению государственной идеологии, обрекала себя на застой и деградацию и кроме этого накладывала запрет на все творческие проявления, не вписывающиеся в официальный контекст, – в эпоху кризиса системы эта ситуация нередко принимала особенно уродливые, гротескные формы. Яркое свидетельство тому – официальные документы, воспроизводящие «программные» выступления «ответственных» за развитие отдельных сфер культуры лиц, например – текст доклада на тему «Партийность искусства как научное понятие марксистско-ленинской эстетики» для XXII сессии АХ СССР,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект «”Другое искусство” провинции в контексте эпохи», № 08-01-54502 а/ц).

подписанный вице-президентом АХ В. Кеменовым и направленный в Отдел культуры ЦК КПСС в 1975 году. Доклад, собранный из различных материалов, содержит такие красноречивые реплики, как: «Свобода творчества – это буржуазный индивидуализм. Не случайно Ленин говорил: “Долой литераторов – сверхчеловеков!”…»[6], или своеобразные «афоризмы»: «Индивидуализм разъедает психику художника ядом элитарного высокомерия»[7]; основной задачей высших учебных заведений (АХ, видимо) провозглашается «воспитание отвращения» ко всем проявлениям «буржуазного индивидуализма». Это рождало соответствующую реакцию, как чисто эстетическую – известный современный критик В. Руднев именно так определяет причины появления одного из направлений неофициального искусства – концептуализма: «…направление в искусстве, прозе и поэзии последних 20 лет советского строя, возникшее как эстетическая реакция на «зрелый» социалистический реализм, на искусство застоя и его реальность»[8], так и общечеловеческую – «адепт» неофициального искусства И. Кабаков, анализируя художественную и культурную ситуацию 1970-х пишет: «Одна из причин появления неофициальных художников есть решение гордиева узла, который в 60-е годы затянулся до упора. «Если ты советский человек, ты должен говорить в общественных местах, на работе так, как положено, так как все кругом говорят, под страхом гибели <…> Свое приватное мнение ты можешь высказать жене, теще, другу, это уже твоя «человеческая» черта, особенность <…> Появление неофициального искусства – реакция на эту разведенность, предположение, что в своей художественной практике человек может и должен делать то, за что он лично несет ответственность»[9].

Есть и другие мнения, связывающие появление неофициальной культуры с приходом нового поколения художников, с тем, что: «Каждое молодое поколение совершает диверсии против существующих авторитетов, стремится раздвинуть рамки возможного поведения, творчества. Оно не способно к глубокой ревизии состояния общества, оно его передразнивает, эпатирует, оно стремится упростить те нормы, которым окружающие следуют… Этим я хочу подчеркнуть независимость молодежной культурной ситуации от конкретной политической ситуации. Советский тоталитаризм имел в ее лице постоянного оппонента. Возрастной протест, в сущности, является онтологическим аргументом общественных и культурных изменений вообще»[10]. В целом, такие суждения довольно редки, большинство участников процесса развития неофициальной культуры все же склонны напрямую связывать его с современной политической ситуацией, когда культура и искусство мыслились реальной формой противостояния режиму, угрожавшему не только свободе творчества, а посягавшему на человеческое достоинство вообще: «До определенного момента мы были просто поэтами, а в 1968 году, когда танки вошли в Прагу, стали неофициальной литературой»[11].

Дать строгое и однозначное определение «неофициальной культуры» вряд ли возможно. По мнению И. Кабакова: «Слова „официальная” и „неофициальная” в приложении к культуре возникли сравнительно поздно - в конце 70-х годов. А в 60-е годы было одно понятие – подполье: подпольное искусство, подпольная поэзия, подпольный джаз и т.д. Подпольность была точным определением атмосферы 60-х годов. Надо сказать, что термин „неофициальная культура” претерпевает сильные изменения с каждым годом, и вот сейчас, к концу 80-х, он уже сильно размыт, и даже высказываются соображения, что не существует такой культуры, что это искусственная атрибуция, а на самом деле существует просто „хорошее” и “плохое” искусство»[12]. Изобразительное искусство наиболее ярко воплощало идеи ”другой культуры”, так как художники не только непосредственно наглядно в живописи нарушали или разрушали установленные каноны, но часто это нарушение сопровождалось соответствующими, эпатирующими публику, формами жизненного, бытового поведения, художественными акциями и т.д.

Следствием сознательно выбранной позиции становится чрезвычайно широкий процесс развития «другого искусства» в Москве и Ленинграде, приблизительно с середины 1960-х годов, когда это искусство было еще абсолютно «подпольным» (после скандала в Манеже 1962 г.) – до конца 1970-х – начала 1980-х, когда оно, постепенно отвоевав себе нишу в культурном пространстве (материализованную в официально открытых залах), становится реальностью, с которой уже не может не считаться власть, вынужденная отказаться от жестких репрессивных мер по отношению к художникам, правда, по-прежнему, старающаяся вытеснить альтернативное искусство в маргинальное пространство. За это время «другое искусство» стало мощным пластом современной художественной реальности, по многообразию форм, стилей и концепций не уступающим западному авангарду и постмодерну, что и позволило ему, в конечном итоге, органично войти в европейско-американский художественный контекст (художники «третьей волны» эмиграции, выставки, организованные коллекционерами)[13].

В 1970-1980-х годах «неофициальное искусство» становится тем культурным полем, где осуществлялось развитие современного российского искусства в целом, таким же, каким была «неофициальная литература» и некоторые другие формы проявления нонконформизма. О культурном значении этого явления убедительно высказался И. Бродский: «Неофициальная культура … привлекательна уже хотя бы потому, что это антитезис, а он всегда более приятен и занятен и более живое явление, чем тезис, по крайней мере, открывает возможности для развития … в ней куда в большей степени, чем в культуре первой, официальной (если она вообще тянет на понятие «культура»), проявилась главная тенденция русской культурной жизни – тоска по мировой культуре, этой тоски она и была порождением <…> вторая культура – это все-таки явление куда более заслуживающее внимание, нежели literary Establishment»[14].

В первую очередь, именно представители «неофициального искусства» и его исследователи пытаются дать определение этому феномену.

Пожалуй, наиболее интересное, широко развернутое размышление на указанную тему мы встречаем у И. Кабакова, который на нескольких станицах своей книги методом «от противного» (от официального искусства) формулирует оригинальное понятие сущности и характера «неофициального искусства», шире – «неофициальной культуры»: «В основе официального и неофициального мирочувствия лежат совершенно разные, психологические установки. И, прежде всего, это разные взаимоотношения со зрителем. Официальная художественная жизнь ориентируется на абстрактного зрителя, не существующего в действительности. Это обращение к зрителю, которого нет на самом деле, который не имеет ни плоти, ни психологии, это как бы абстрактный, бумажно-синтетический персонаж, к которому и обращается художник, поэт, музыкант. <…> Неофициальная культура всегда обращается к отдельному, конкретному человеку. Упущенный официальной культурой зритель, слушатель и является адресатом, объектом интереса и субъектом восприятия неофициальной культуры. <…> Что это за субъект? Это прежде всего – существо, которое рефлектирует и способно лично, в своем опыте оценить произведение искусства <…> То есть, неофициальное искусство адресовано человеку, способному вступить с тобой в диалог на равных, а не участвовать в известной игре: вождь – толпа, учитель – ученик, пророк – адепт, доктор – пациент и т.п.»[15].

Это определение, конечно, нельзя назвать строгим, но далее И. Кабаков проводит чрезвычайно интересное исследование «мнений», затрагивающих различия «официального» и «неофициального» искусства по всем возможным параметрам существования[16], из которого можно составить достаточно подробное представление о том, как самими художниками осмысливался интересующий нас феномен, а также сделать эмоциональный вывод вместе с И. Кабаковым: «…по моему глубокому убеждению, все самое ценное,

интересное, важное и прекрасное существует только в неофициальном искусстве»[17].

Вообще, нужно сказать, что в определении представителями «неофициального искусства» сути феномена своего творчества, которое с полным основанием можно назвать самоопределением, очень большое значение имеет момент индивидуальности художника, психологически-личностный компонент, в результате чего часто «неофициальное» искусство и культура воспринимаются как совокупность «личных акций», что, в свою очередь создает трудности для исследователей, пытающихся дать обобщающее определение культурного явления.

Как заявляет в своих воспоминаниях В. Немухин: «Часто спрашивают, что такое художественный андеграунд – тип культуры, особое духовное измерение, социальная общность или нечто, не поддающееся строгому определению? Наверное, с позиции философии или социологии можно получить достаточно убедительное определение, но для меня, лично, важно не обобщение, а частность: что происходит с отдельным человеком [18].

Он же формулирует в связи со своей позицией еще одно оригинальное определение «неофициальной» культуры: «…ненавижу слово “мы”, но “мы” андеграунда – это сумма отражений, противостоящих коммунальному единомыслию, возможность разноуглубленного разнопонимания, стремление к разновидению, понимаемому как качество, органически присущее искусству»[19].

Из трудностей определения феномена логически следуют трудности установления точной хронологии, исторических рамок развития неофициальной культуры, даже относительно столиц, где это развитие было наиболее интенсивным. Для современных исследователей и для участников процессов представления об этом весьма различны. Исследователи «другого искусства» чаще всего считают, что реальные плоды художественной дифференциации, имевшей место в конце 1950-х годов, нашли свое выражение в начале 1960-х в феномене «подпольного искусства», продолжавшего существовать до эпохи легализации и свободы (перестройки)[20]. Представители «неофициального» искусства часто склонны индивидуализировать видение конкретной художественной ситуации со своим участием, и поэтому можно встретить различные точки зрения – одни утверждают, что эпоха «неофициальной культуры» наступила: «…после краха социалистической утопии – по мере дискредитации идей «оттепели», достигла апогея развития в годы застоя и исчезла накануне политических потрясений второй половины 1980-х годов»[21]; другие считают, что искусство андеграунда перестало быть актуальным в связи с образованием живописной секции московского Горкома графиков (1976 г.) и открытием выставочного зала на Малой Грузинской (1978 г.), когда определенна часть представителей «другого искусства» получила возможность легальной выставочной деятельности[22]; иные же связывают конец «подполья» с временем полной свободы и независимости бывшего советского художника. В связи с этим приведем интересный фрагмент беседы Д. Пригова и Г. Брускина: «**Д.П**. – Если отсчитывать от того времени, когда тебя начали выставлять, то для разных людей андеграундное искусство кончилось в разное время. Если уж следовать каким-то более объективно верифицируемым фактам и определениям, андеграундное искусство в России, которое в отличие от западного, противостояло не столько истеблишменту эстетическому, сколько социокультурному и политическому, кончилось, конечно, тогда, когда исчезла возможность какой-то властной институции запретить кого либо выставить. Это не значит, что его могли выставить, но никто не мог запретить. Все кончилось в 1991 году. Как только управления культуры и парткомы перестали существовать, когда поэтам, чтобы собраться стало ничего не нужно, кроме их воли, помещения и денег, а не обращения в какие-то официальные организации, тогда и кончилось, собственно говоря, андеграундное искусство.

Г.Б. – Андеграундное искусство существовало до тех пор, пока существовала советская власть. Эпоха кончилась. И то и другое перестало быть актуальным»[23].

Вообще, если сравнивать точки зрения творцов «неофициального» изобразительного искусства и литературы, также можно встретить различные представления о хронологии явления в целом. Что касается ленинградской «неподцензурной литературы» и «неофициальной» культуры, в первую очередь связанной именно с этой литературой, то эпоху ее формирования и расцвета многие (как литераторы, так и критики) склонны помещать непосредственно в 1970-е годы, когда разрозненные литературные кружки и группы, противостоящие официальной советской литературе, консолидировались и перешли к общекультурным акциям, когда произошло становление устойчивых форм неофициальной культурной жизни и т.д.[24]. Здесь также можно говорить о различиях в хронологии московской и ленинградской культурной жизни.

Но, так или иначе – определенно можно говорить о значительном феномене «неофициальной культуры», в столичной культурной жизни, особенное историческое значение которого исследователи, критики и создатели связывают с эпохой «позднего социализма», т.е. с «длинными 1970-ми», когда эта культура стала значимой альтернативой господствующим прогосударственным культурным формам, стремилась выйти к широкой зрительской аудитории, представляла собой обширный и многообразный культурный мир, который, как высказался один из участников процесса: «…своей самодостаточностью и полнотой напоминал средневековое натуральное хозяйство»[25].

Можно ли говорить о сознательном выборе столичным андеграундом политического имиджа противостояния советской государственной системе и прогосударственной системе культуры? Однозначно – нельзя, потому что реальная дифференциация художников позволяет увидеть за их творческими и человеческими поступками, не только общественно-политические, но и личные, и сугубо художественные стратегии. Но при этом известные акции (1974 г. «Бульдозерная выставка», 1979 г. – выпуск альманаха «МЕТРОПОЛЬ» и др.) подтвердили, что, даже не ставя в тот или иной момент политические цели, эти художники своими действиями вызывали у государства отчетливо-политические сомнения и опасения, демонстрировали, с точки зрения чиновников, не просто «инакотворчество», но и идеологически опасное «инакомыслие», что заставляло государство, в целях самосохранения, выводить, «выталкивать» «другое искусство» в маргинальное пространство – пространство андеграунда.

Как было отмечено – «другое искусство – это не только столичная реальность – это явление характерно и для провинции, тем более такой близкой к столице и имеющей большой культурный потенциал, как Иваново.

Художественная культура города Иваново – явление, в чём-то парадоксальное. С одной стороны, на протяжении всей советской эпохи Иваново было тем местом, где настойчиво и сознательно выполнялась программы создания соцреалистического искусства, что должно было соответствовать высокому статусу «самого советского» города, поэтому в культурном сознании общественности прочно укрепилась неприязнь ко всякого рода художественным экспериментам, угрожающим канонам и пафосу соцреализма, и устойчивое предпочтение официального искусства, представленного производственными жанрами и местной школой реалистического пейзажа.

С другой стороны, в силу той же исторической специфики (отсутствие традиций средневековой культуры и необходимости консервировать художественные традиции) культурная среда способствовала появлению и внутреннему разнообразного творческого радикализма молодых художников, поэтов, музыкантов, воплощавших своим творчеством авангардные или иные, альтернативные официальным, художественные тенденции (В. Бахарев, С. Кузьмичева, Е. Куваев, И. Жуков, А. Сокуров и др.).

Такая ситуация обусловила своеобразную аккумуляцию художественных сил, способных создавать произведения «другого», неофициального искусства. Вероятно, это стало особенно заметным, как раз, со второй половины 1970-х годов, кода местная художественной жизнь, по меткому выражению одного из участников процесса, приобрела вид «старой замученной школы».

Очевидно, что с конца 1970-х годов и до настоящего момента в региональной культуре складывался (возможно, сложился) особый пласт художественных явлений, который можно, с большей или меньшей степенью определенности назвать неофициальным искусством, или «другим искусством», как было заявлено.

Говорить о какой-либо устойчивой хронологии его существования достаточно сложно – если неофициальное искусство столиц можно определенно связать с изменением политической ситуации в стране в целом, или с конкретными политическими событиями (даже с поправкой на отчетливое отмежевание от политики ленинградского андеграунда), то для представителей «другого» искусства Иванова эта связь была заметно менее отчетливой, и современная общественно-политическая ситуация провинции воспринималась ими, скорее, как «атмосфера» – «удушливая», антитворческая, культивирующая застывшие формы соцреалистического канона или «псевдоклассику». Поэтому, назвав какие-либо конкретные даты, связанные с появлением в местной культуре тех или иных феноменов (например, создание театра Р. М. Гринберг в 1957 году) мы неизбежно упустим из поля зрения другие – не менее значительные, означающие для каждого из участников процесса начало или какие-то вехи самоопределения в пространстве неофициальной культуры.

Вообще нужно сказать, что провинциальная художественная среда является заметно менее плотной, чем столичная, несмотря на узость прослойки художественной интеллигенции, в частности, в Иванове. В первую очередь, это касается именно художников «неофициального» круга – они чрезвычайно редко объединяются в группы (АРС, созданный уже практически в годы перестройки, в общем, редкое исключение), даже считая себя единомышленниками, предпочитают индивидуальную, независимую траекторию развития. Поэтому «точка отсчета» почти у каждого своя – приезд/возвращение в Иваново, осознание своего творческого кредо, попытка занять нишу в культурном пространстве города и т.д. Если все же пытаться обозначать какие-либо временные рамки, то они будут чрезвычайно широкими – с конца 1950-х годов (первый спектакль молодежного театра) до начала 2000-х (последние авангардные спектакли «Орлов-театра») – между которыми коллективные художественные и поэтические акции, попытки продвинуть местную театральную культуру и многое другое. Поэтому, нам кажется, более продуктивным не устанавливать «крайние» даты, а определить момент концентрации творческих сил представителей «другого искусства», который нашел выражение в довольно многочисленных «точках пересечения» художников и их проектов, что позволило неофициальному искусству стать интересным явлением в культуре города.

Материалы интервью с художниками[26] позволяют говорить о несколько иных временных параметрах «всплеска» в развитии неофициального искусства в провинции относительно столиц – если в Москве и Ленинграде он приходится на «семидесятые», то в провинции, в частности, такой как Иваново, в середине «семидесятых» не могла идти речь о каком бы то ни было открытом, публичном проявлении альтернативных устоявшимся канонам художественным программ. Хотя, можно сказать, что именно в эти годы начинался процесс самоопределения «другого» искусства в провинциальной культурной среде – молодежный театр Р. М. Гринберг из общественно-политической трибуны постепенно трансформировался в пространство интеллектуальных и духов-

ных поисков интеллигенции; В. М. Бахарев, работая в художественном училище, пытался формировать новые эстетические установки у своих студентов, делал выставки, которые снимали через 15 минут, но, тем не менее, это были шаги, требовавшие, не только творческой убежденности, но и определенного мужества; из столичных вузов возвращались в Иваново художники, усвоившие художественные принципы более свободных школ (С. И. Кузьмичева); наконец, проявлялось новое поколение художников, которое уже совсем иначе смотрело на мир и представляло себе цели и смысл творчества (Е. Н. Куваев, А. П. Белов, И. Жуков и др.).

Тем не менее, момент «концентрации» творческих сил неофициального (может быть, лучше сказать «неканонического») искусство Иванова приходится лишь на начало – середину 1980-х годов, когда неизбежность смены исторической парадигмы стала ощутимой и в провинции. При этом уникальность ситуации заключалась в том, что, поскольку на уровне повседневности, в том числе и культурной это практически не сказывалось – аккумуляция авангардных художественных сил и в середине 1980-годов была, скорее, своеобразным актом сопротивления сложившейся системе бытования искусства в провинциальной среде, чем следствием некоторых политических послаблений околоперестроечного периода. Так, всем участникам процесса развития неофициального искусства памятна масштабная акция середины 1980-х годов – коллективная выставка в парке 1905 года, где были представлены работы нетрадиционных направлений, сопровождаемая демонстративным шествием с флагами и вызывающе скандальной для провинциальной публики акцией сжигания бумажного чучела чиновника. Для одних эта акция имела конкретные причины (Бахарев говорит о возмутившем многих отказе в приеме в официальный Союз художников талантливой молодой художницы С. И. Кузьмичевой), для других – нестандартной формой самовыражения, но так или иначе – это событие стало масштабной акцией, объединившей художников в чем-то не совпадающих с официальными программами и доктринами существования искусства и давшей возможность им почувствовать творческую и общественную силу такого объединения. После этого с середины 1980-х годов процесс развития неофициального искусства в Иванове становится масштабным и приобретает различные формы – образуется объединение художников АРС, организовывается театр абсурда «Орлов-театр», авангардная «Студия-3» В. Щекина, определяются индивидуальные художественные стратегии, кроме того, художники все чаще испытывают необходимость предпринимать коллективные акции.

Необходимо отметить, что по мере продвижения в общественную жизнь идей перестройки в лучшую сторону меняется баланс в отношениях представителей «другого» искусства и государственных организаций сферы культуры. Несмотря на то, что Союз художников, по-прежнему игнорирует не соответствующие официальному канону художественные проявления, в то же время некоторые официальные площадки становятся местом проведения нетрадиционных художественных и поэтических акций («Полтора батона», Областной художественный музей; поэтические вечера в доме-музее Б. И. Пророкова и др.), знакомства зрителей с творчеством представителей вчерашнего «андеграунда» (выставки Бахарева, Кузьмичевой, Куваева, Белова, Ершова); официальные государственные структуры довольно благосклонно относятся к продвижению театральных коллективов в культурное пространство (поддержка «Орлов-театра» в определенный период); указанные события в культурной жизни города получают положительную прессу (в первую очередь в новом издании – «Ивановская газета»).

Но, что интересно, указанных действий, было, видимо, недостаточно для того, чтобы неофициальное искусство стало частью легального пространства местной культуры и заняло прочное место в общественном сознании, поэтому, когда в Москве и

Ленинграде процесс развития этого искусства был практически завершен (о чем свидетельствуют его участники), в культуре провинции происходит особенно отчетливое обособление «другого» искусства от официального форм культуры, удерживающего свои позиции в культуре, несмотря на глобальные общественно-политические изменения. Вторая половина десятилетия середины 1980 – середины 1990-х – становится временем наиболее интересных как индивидуальных, так и коллективных творческих проявлений представителей «другого искусства»: выходит несколько интереснейших образцов самиздата, проводятся коллективные художественные, музыкальные и поэтические «подпольные» акции, готовятся наиболее авангардные театральные постановки и т.д. То есть, мы, действительно, можем говорить о собственной, независимой от столиц хронологии развития «другого искусства» в провинции, что, с одной стороны, свидетельствует о ее «культурном опоздании», но с другой – становится интересным явлением в не только в местном, но и в общероссийском культурном контексте.

Специфика историко-культурной ситуации, когда «полулегализированное» неофициальное искусство все же было вынуждено вести «полуподпольное» существование стала причиной своеобразного отношения к определению самого его феномена, в первую очередь, его создателями. В силу заметно меньшей политизированности процесса развития неофициального искусства, для большинства художников характерно, прежде всего, ощущение себя не «противостоящими» официальному искусству или организациям, а «отверженными» ими и обществом в целом. В большей или меньшей степени принимая относительно своего творчества определение «андеграунд», художники вкладывают в него смысл, не всегда совпадающий с пониманием этого феномена столичными художниками. Как уже было отмечено, политический оттенок наименее характерен для понимания сути «андеграунда» художниками провинции – они склонны считать его, в первую очередь, пространством свободного, независимого самовыражения, не совпадающего с официальным каноном и поэтому неизбежно выключенного из легального художественного процесса, не имеющего организационно, финансовой и иной поддержки. Подобное понимание «андеграунда» (в данном случае более соответствующее понятию «другое искусство») можно встретить и у столичных художников, как правило, изначально пребывающих (в силу самых различных причин) в маргинальном пространстве, различие в том, что для художников провинции это ощущение характерно относительно в большей степени. Видимо, в определенной степени следствием такого самоощущения является и более философичное истолкование понятия «андеграунд» частью представителей «другого искусства» провинции – когда он определяется не как временное состояние «подпольного» существования искусства, обусловленное конкретной общественно-политической ситуацией, а некое «извечное» пребывание отдельных форм творчества, в принципе противостоящих усредненным требованиям и притязаниям к искусству массового зрителя и публики. Этот феномен, на наш взгляд, характерен именно для провинции (может быть, для Иванова, даже в большей степени, чем для других регионов), что связано с коллективными эстетическими установками носителей культуры места, о чем мы уже говорили.

Так или иначе, можно с уверенностью говорить о значимом феномене «другого искусства» провинции (г. Иваново), формирующемся на протяжении нескольких десятилетий и составившем интереснейшую страницу истории региональной культуры. Структура историко-культурной ситуации бытования «другого искусства» в провинции представляется своеобразной, имеющей существенные отличия от процессов формирования неофициальной культуры в столицах, ее конкретные параметры (личное участие художников, детальная хронология) требуют тщательного исследования.

На наш взгляд, проект изучения «другого искусства» Иванова решает, в первую очередь, культуротворческие задачи. Если для художественного пространства страны в целом дилемма «инакотворчества – инакомыслия» практически снята, то пространство провинциальной культуры до настоящего времени склонно ревностно охранять границы культурного канона, который может в любой момент стать каноном идеологическим. Только объективное, заинтересованное, культурологическое осмысление феномена «провинциального андеграунда», включение его в общекультурный региональный контекст, презентация его достижений широкой публике даст реальную возможность местной художественной культуре найти новые параметры развития, обеспечивающие ее включение в цивилизованный культурный контекст.

Примечания

[1] См.: Антология самиздата: Неподцензурная литература в СССР 1950-е – 1980-е / Под общ. ред. В. В. Игрунова; Сост. М. Ш. Барбакадзе. – М.: Международный ин-т гуманитарно-политических исследований, 2005. – ТТ. 1-3.

[2] См.: «Другое искусство». Москва 1956-1988. – М.: Издательство «Галарт»; Государственный центр современного искусства, 2005 и др.

[3] См.: Герои ленинградской культуры: 1950-е – 1980-е / Автор-составитель Л. Скобкина. – СПб., Лариса Скобкина, 2005. – С. 146-159 и др.

[4] См.: Семидесятые как предмет истории русской культуры / Ред.-сост. К.Ю.Рогов. – М.-Венеция: О.Г.И., 1998. – № 1 (9). – С. 10.

[5] Представление о многообразии форм «неофициальной культуры» позволяет составить «Хроника культурной жизни семидесятых», опубликованная в указанном издании: Семидесятые как предмет истории русской культуры / Ред.-сост. К.Ю.Рогов. – М.-Венеция: О.Г.И., 1998. – № 1 (9). – С. 29-73.

[6] Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), – Ф. 5 (фонд отдела культуры ЦК КПСС), – Оп. 68. – Д. 626. – Л. 81.

[7] РГАНИ. – Ф. 5, – Оп. 68. – Д. 626. – Л. 91.

[8] **Руднев В.П.** Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1999. – С. 137.

[9] **Кабаков И.** 60 – 70-е … Записки о неофициальной жизни в Москве. – Wien, 1999. –С. 146.

[10] **Иванов Б.** Эволюция литературных движений в пятидесятые – восьмидесятые годы. // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950 – 1980-е годы. Сборник статей. – СПб.: Издательство «Деан», 2000. – С. 20-21.

[11] **Сапгир Г.** Цит по: Савицкий С. Андеграунд (История и мифы ленинградской неофициальной литературы). – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – С. 57.

[12] **Кабаков И.** 60 – 70-е … Записки о неофициальной жизни в Москве. – Wien, 1999. – С. 210-211.

[13] См.: Аймермахер К. От единства к многообразию: Разыскания в области «другого» искусства 1950-х – 1980-х годов. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 2004.

[14] **Бродский И.** Интервью Д. Савицкому // В кн.: Иосиф Бродский. Большая книга интервью / Второе, исправленное и дополненное издание. Сост. В. Полухина. – М.: Захаров, 2000. – С. 227.

[15] **Кабаков И.** 60 – 70-е … Записки о неофициальной жизни в Москве. – Wien, 1999. –С. 145.

[16] См.: Кабаков И. 60 – 70-е … Записки о неофициальной жизни в Москве. – Wien, 1999. – С. 211-212.

[17] **Кабаков И.** 60 – 70-е … Записки о неофициальной жизни в Москве. – Wien, 1999. –С. 215.

[18] **Уральский М.** Немухинские монологи (Портрет художника в интерьере). – М.: Издательство «Бонфи», 1999. – С. 35-36.

[19] **Уральский М.** Немухинские монологи (Портрет художника в интерьере). – М.: Издательство «Бонфи», 1999. – С. 56.

[20] См.: Аймермахер К. От единства к многообразию: Разыскания в области «другого» искусства 1950-х – 1980-х годов. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 2004.

[21] **Савицкий С.** Андеграунд (История и мифы ленинградской неофициальной литературы). – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – С. 84.

[22] См.: Другое «Другое искусство». Москва 1956-1976. К хронике художественной жизни. – В 2-х тт. – М., 1991. – С. 5.

[23] Брускин Гриша. Пригов Дмитрий Александрович. Героическое время кончилось // Искусство кино, 2003. – №3. – С. 143-144.

[24] См.: Долинин В.Э., Северюхин Д.Я. Преодоление немоты: Ленинградский самиздат в контексте независимого культурного движения 1953-1991. – СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова. 2003. – С. 63-65.

[25] **Маневич Г.** Художник и время, или Московское «подполье» 60-х // «Другое искусство». Москва 1956-1976. К хронике художественной жизни. – В 2-х тт. – М., 1991. – С 15.

[26] В статье проанализированы материалы интервью авторам художников В. М. Бахарева, С. И. Кузьмичевой, Е. Н. Куваева, А. П. Белова, Е. А. Орлова, В. В. Ломоскова и др.

Е.М. Раскатова

1968 ГОД И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Автор статьи на основании анализа различных документальных материалов восстановливает более детальную, чем отражают имеющиеся публикации, историю драматических отношений художественной интеллигенции и власти на этапе смены вектора исторического развития с целью не только уточнения факторов, времени и признаков перехода власти к «новому курсу», но – исследования сложного процесса внутренней дифференциации в художественной среде, своеобразным «катализатором» которого стал ввод советских войск в Чехословакию в августе 1968 года.

«И ударили вдруг холода
В середине зеленого лета.
Никому не понравилось это,
Но никто ничего не сказал.
Григорий Поженян

«...Мы не готовы и никогда не будем готовы называть ложь правдой и несправедливость – необходимостью. Силой можно уничтожить людей, но нельзя уничтожить их мысли...»
Из заявления актива чешских писателей, принятого в Праге 31 октября 1968 г.

Уже довольно долгое время мы является свидетелями непрекращающихся дискуссий о значении в отечественной истории периода, который когда-то называли

«развитым социализмом», затем, с негативными коннотациями, – «застоем», сегодня, более объективно и спокойно – «поздним социализмом». Несмотря на стремление почти каждого выступающего в этих дискуссиях встать «над схваткой» – можно сказать, что отношение к «брежневской эпохе», во многом, определяют современные социально-политические позиции интеллигенции, как обычно, неравнодушной к перипетиям общественного развития. «Внутри» же периода «позднего социализма», безусловно, есть некие символические даты, самоопределение относительно которых становится своеобразным камертоном для отношения к эпохе в целом. Одной из таких дат (едва ли не самой важной) является 1968 год, конкретно – известные «пражские события», обозначившие, как принято считать, политический перелом и переход советской системы в новую стадию своего исторического существования. В 2008 («юбилейном») году этой исторической дате было посвящено довольно значительное количество материалов СМИ – как печатных, так и теледискуссий[2]. Анализ этих материалов позволяет утверждать, что и сегодня, несмотря на то, что все меньшее количество граждан России имеют содержательное представление о событиях августа 1968 года, для интеллектуальной элиты российского общества они, по-прежнему, являются «краеугольным камнем» определения отношения (изменения отношения) к советской системе[3], платформой исторической самоидентификации бывшей советской и современной российской интеллигенции.

Вышесказанное свидетельствует, в первую очередь, о том, что никакие точки над ***i*** еще не расставлены и что проблема понимания исторических вех эпохи «позднего социализма» – актуальная задача, как исследовательская, так и гражданская.

Ситуация 1960-х годов в отечественной культуре рождает немало ассоциаций со временем 1920-х годов, когда многообразие и относительная свобода художественных поисков интеллигенции отражала особенности «литературно-художественного НЭПа», ставшего на какое-то время приоритетом политики советской власти в сфере культуры. Зная подробности последующих событий художественной жизни (конец 1920-х гг.; конец 1960-х гг.) и находя очевидные исторические аналогии во взаимоотношениях власти и художественной интеллигенции (обличительные кампании в СМИ, показательные политические процессы, включение властью репрессивных механизмов для борьбы с неугодными художниками, победа художественного единомыслия и монометода в официальном творчестве и др.), нетрудно определить основные тенденции культурно-исторического развития в 1970-е годы.

Несмотря на то, что основные события художественной жизни страны в 1960-е годы уже становились предметом специального анализа в отечественной и зарубежной историографии[4], нам кажется интересным и необходимым восстановить более детальную, чем отражают имеющиеся публикации, историю драматических отношений художественной интеллигенции и власти на этапе смены вектора исторического развития, определить ключевые моменты во внутренней и внешней политике, выявить действия власти, приведшие к значимым трансформациям политического режима, изменениям условий развития художественной культуры в стране.

В настоящей статье мы проанализируем собранные нами свидетельства (документы архивов, материалы СМИ, источники личного происхождения) о событиях 1967-1968 гг., реконструируем ряд *отдельных* событий в культурной жизни страны в конце 1960-х годов с целью уточнения факторов, времени и признаков перехода власти к «новому курсу», абсолютизировавшему жесткие запретительные меры по отношению к художественной интеллигенции, а также попробуем показать не только сходные, повторявшиеся черты художественного процесса, сближающие 1960-е и 1920-е годы, но и выявить качественные отличия внешне похожих исторических моментов.

Для характеристики культурной ситуации «оттепели» чрезвычайно важное значение имело положительное решение ЦК КПСС о публикации произведений М. Булгакова, А. Платонова, о возобновлении постановки оперы Д. Шостаковича “Катерина Измайлова”[5] и др. Таким образом восстанавливалась «связь времен» русского искусства (дореволюционного, 1920-х годов и настоящего), вновь обретались традиции отечественной художественной культуры, начался трудный процесс возвращения российской культуры в мировой художественный процесс.

В эти годы в стране сложилась, действительно, уникальная ситуация, когда общество, казалось, имело реальную возможность альтернативного развития. Через официальные (в первую очередь, журнал «Новый мир») и неофициальные («самиздат», «тамиздат») каналы стали известны такие произведения, как повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», поэма А. Твардовского «Теркин на том свете», воспоминания Е. Гинзбург «Крутой маршрут», «Реквием» А. Ахматовой, «Наследники Сталина» Е. Евтушенко и др. Конечно, их читали и обсуждали не широкие массы трудящихся, но эти произведения заметно влияли на формирование общественного мнения.

Казалось бы, несмотря на противоречивость процесса десталинизации духовной жизни, основной и определяющей стала официальная линия, декларированная XX съездом КПСС. Более того, документы свидетельствуют, что даже критически мыслящая художественная интеллигенция разделяла в то время позицию неоленинистов. Уловив опасные тенденции сворачивания демократизации, они критиковали партийно-государственных чиновников, ссылаясь на документы партийных съездов. Так, еще в марте 1961 года В. Гроссман в беседе с работниками отдела культуры ЦК КПСС не только не отрекся от книги «Жизнь и судьба», которая, по его мнению, «нужна нашему читателю, так как литература должна жить только правдой, какой бы тяжелой она не была», уверенно заявив, что в «будущем его роман будет правильно понят», но и выразил искреннее недоумение происходящим, резонно поинтересовавшись: «восстановлены ли принципы демократии?» в соответствии с решениями XX съезда КПСС – «величайшего и светлого события в жизни страны»[6].

Но мы знаем, что теоретически осудив сталинский и хрущевский методы руководства художественной культурой, декларируя свободное выражение и столкновение мнений, признание различных школ и направлений в искусстве, КПСС в то же время выступила организатором ряда карательных действий в отношении видных деятелей литературы и искусства *(процесс* А. Синявского и Ю. Даниэля, *суд* над И. Бродским, травля А. Т. Твардовского и авторов «Нового мира» и др.)[7]. Именно к тем, кто не желал мириться с окончанием «оттепели», продолжал критиковать недостатки и обсуждать в художественных произведениях проблемы развития советского общества, чиновники от культуры и власти прикрепили ярлык «отщепенцев». Именно против них разворачивались основные обличительные кампании, именно этих представителей художественной интеллигенции публично осудили на XXIII съезде КПСС Л. И. Брежнев и М. А. Шолохов[8], что стало официальным сигналом свертывания начавшегося процесса демократизации.

Официальные СМИ отреагировали на менявшуюся «линию власти» публикацией в 1967 году статей Деборина и Тельпуховского в журнале «Вопросы истории КПСС»; мемуаров К. Ворошилова в журнале «Октябрь», романов В. Кочетова, В. Закруткина, поэмы С. Смирнова, которые свидетельствовали о начавшемся процессе реабилитации Сталина. Например, у С. Смирнова: «...Не о нем ли как о капитане / Мы трубили тоже неспроста! / Это он в годину испытаний / Не сходил с командного поста / Это мы, по-своему законно, / Чтили в нем могущество свое / Из живого делали

икону, / И молились глядя на нее» (Москва, № 10)[9]. Подобные публикации сигнализировали о начале консервативных перемен в стране. Угроза реставрации сталинизма становилась все более очевидной.

Однако либеральная интеллигенция продолжала надеяться на устойчивость демократических тенденций и верить в возможность вести открытый диалог с неосталинистами. Об этом убежденно говорил литературовед, германист Л. Копелев в статье «О реставраторах сталинизма», опубликованной в югославской газете «НИН» 18 февраля 1967 года: «Реабилитация Сталина в настоящее время была бы равнозначна клевете на социализм. Защищать Сталина теперь могут или невероятно наивные глупцы из числа поседевших бюрократов-пенсионеров или совершено бессовестные и циничные сторонники иезуитского принципа “цель оправдывает средства”. Эти люди не в состоянии понять, что сталинские “средства” скрывают в себе отрицание той самой цели, которой оправдывались эти средства». Но, как высоконравственный человек Л. Копелев не мог допустить даже мысли о возможном запрете публикаций неосталинистов, и утверждал следующее: «Мы не должны мешать ни Деборину, ни Кочетову и им подобным писать и публиковать все, что им нравится. Но точно также и они не должны чинить препятствия тем, которые хотят их критиковать. «…» Исторический опыт учит, что идеологическая цензура наносит вред силам культурного и литературного развития. «…» Желательно … объективное, критическое изучение этих реставрационных тенденций…»[10].

Помимо зарубежных выступлений, отечественная художественная и научная интеллигенция пыталась активно влиять на общественное мнение, публично (на собраниях, творческих вечерах и т.п.) заявляя о своем возмущении некоторыми действиями власти: «…Мне кажется, что в нашей многонациональной культуре есть огромный, действительно неисчерпаемый золотой запас, – утверждал, по данным КГБ, научный сотрудник Института международного рабочего движения Ю. Карякин на состоявшемся в Центральном Доме литераторов вечере, посвященном творчеству писателя А. Платонова, – эта культура представлена многими людьми, травившимися в последнее десятилетие. Скажем, такой скульптор-художник Э. Неизвестный, гениальный искусствовед - сделавший бы честь любому университету мира – М. Бахтин, написавший книги о Достоевском и Рабле. Есть масса людей, которые могут достигнуть этих вершин: и Можаев, и Максимов, и Коржавин, и Белов, и Окуджава». И пророчески предупреждал: «Если мы спокойно посмотрим на все Освенцимы, в которое попадало человечество, то мы должны признать, что больше всего об этом предупреждали люди искусства…, а меньше всего их слушали политики»[11].

На подобные выступления власть реагировала с опасением, квалифицировала их как демагогические. Так, например, назначенный заведующий Отделом культуры В. Ф. Шауро докладывал ЦК КПСС о заседании расширенного секретариата Правления СП СССР, состоявшемся 26 апреля 1968 года. В его сообщении – косвенные свидетельства о «недостойном поведении» литератора Б. Балтера – одного из организаторов сбора подписей под различного рода «заявлениями» и «письмами», а также – А. Костерина, Л. Копелева, А. Галича и некоторых других, систематически допускающих клеветнические высказывания против нашей действительности. Упоминалось также имя известного писателя В. Каверина, который допускает серьезные идейные ошибки в своих устных выступлениях перед читателями[12].

Важно отметить, что сама художественная интеллигенция все еще считала возможным и необходимым обращения к власти, в первую очередь – ЦК КПСС. В этих массовых коллективных обращениях второй половины 1960-х годов проявились, с одной стороны, традиционные надежды на мудрость и силу власти, стремле-

ние искать компромиссные решения, вера в КПСС как силу, способную реально влиять на развитие художественной культуры в стране, с другой – и это новая тенденция – потребность открыто заявить власти о своей позиции, высказать свое несогласие с ее действиями.

Принципиально важно, что и в этих открытых выступлениях художественная интеллигенция апеллирует, по-прежнему к решениям самой власти, а именно к документам XX съезда КПСС, противопоставляя Коммунистическую партию, в которую еще, видимо, верят, некоторым государственным и общественным структурам. Например, запретительные меры чиновников Главного управления по охране государственных тайн в печати некоторые склонны оценить как самостоятельные и наивно увидеть в этих действиях ведомства проявление «антипартийной» политики. В связи со сказанным, симптоматичен и по-своему показателен текст выступления писателя Г. Свирского на общем партийном собрании писателей г. Москвы 16 января 1968 года[13]. Внимательно проанализировав важнейшие события литературной жизни страны 1960-х годов, Г. Свирский сделал вывод о сворачивании демократических процессов, главный симптом он увидел в участившихся запретах Главлита на публикации отдельных произведений: «Наблюдается ли какая-нибудь закономерность в том, что разрешают и что запрещают? По каким целям ведется огонь? Порой огонь на уничтожение... Годами не печатается Солженицын – это известно. Не печатают произведения Аксеновой-Гинзбург и других коммунистов, вернувшихся из бериевских застенков. Это недостойный и, как показало время, бессмысленный акт…» Г. Свирский ищет поддержку у Генерального секретаря ЦК КПСС Л. Брежнева, ссылается на официальные и, казалось бы, основополагающие документы Коммунистической партии, видимо убежденный, что «там наверху» все еще верны принципам десталинизации, а выступления С. Смирнова и Ф. Чуева – опасная, но досадная случайность. На наш взгляд, выступавший, в эмоциональном запале, несколько преувеличивал и глубину, и необратимость даже внутрипартийных процессов: «Генеральный секретарь ЦК КПСС т. Брежнев еще раз подтвердил незыблемость позиций партии в своем юбилейном докладе[14], а С. Смирнов – в юбилейной же поэме! – твердит наперекор партии: “я и сам еще не знаю объективной истины о нем”. Значит по прямому смыслу смирновских строк, основополагающие документы нашей партии объективной истины не выражают! Пусть, мол, там в ЦК пишут что хотят, а мы тут знаем свое. Поразительно»[15]. Он убежден, что произвол Главлита противоречит линии партии, что «искоренение Главлитом книг» А. Солженицына, Е. Гинзбург и т.п. только компрометирует власть, создает представление, что «… не нужны мыслящие люди. Мыслящий в условиях произвола – это в потенциале – инакомыслящий». Таким образом, по мнению Г. Свирского отдельные звенья политической системы, в первую очередь – Главлит, обюрократившееся руководство творческих союзов и др. провоцируют появление инакомыслия в среде художественной интеллигенции. Соответствовал этой позиции и главный вывод писателя: «Мы требуем свободы творчества не от партии, кровь от крови, плоть от плоти которой мы сами. Мы требуем свободы от извращенной линии партии» – вот таким был *неоленинизм* конца 1960-х годов. При этом традиционное убеждение российской общественности в том, что «наверху не всю правду знают», проявилось и в представлении Г. Свирского о наличии мешающих делу недобросовестных посредниках между писателями-коммунистами и руководителями КПСС. Не случайно, его пожелание партийным чиновникам, идеологическим работникам, даже членам Политбюро, чтобы они «время от времени приезжали сюда и говорили с нами без посредников», было встречено аплодисментами писателей[16].

Без сомнения, такое поведение писателя должно было стать предметом разбирательства в партийных инстанциях. Тем более, что выступление получило широкий общественный резонанс, а его текст полностью опубликовали ряд западных издательств. При этом, как часто бывает у художников, его догадки оказались глубже и опаснее для власти, чем он мог предположить. Именно тогда Г. Свирский точно и умно сказал об *иезуитском* стиле партийного руководства деятельностью художественной интеллигенции[17]. Выступление, на наш взгляд, явилось своеобразным предупреждением, по сути, пророческим. Незамедлительно последовала реакция партийного комитета. Однако все складывалось не по заранее известной схеме, и в этом отношении ситуация, сложившаяся вокруг выступления Г. Свирского, на наш взгляд, симптоматична. Нам представляется важным обратить внимание на подробности рассмотрения персонального дела коммуниста Г. Свирского Фрунзенским райкомом КПСС г. Москвы в марте 1968 года. В справке руководителей Отдела культуры ЦК КПСС от 10 апреля 1968 года подведены своеобразные итоги: «Вопрос о недостойном поведении Г. Свирского рассматривался на бюро Фрунзенского РК КПСС г. Москвы в марте сего года. Г. Ц. Свирский исключен из рядов КПСС. Дополнительных мер принимать не следует».

Однако документы свидетельствуют, что к делу Г. Свирского члены бюро Фрунзенского РК КПСС обращались дважды 21 и 27 марта 1968 года[18]. Из протокола первого заседания следует, что члены бюро РК КПСС, не зная истинного положения вещей в современной художественной литературе, интуитивно уловили опасность в позиции демагога Г. Свирского, и потому обвинили его в «искажении фактов», но главное – в выступлении «...не столько против цензуры, сколько против партийного руководства литературой и искусством». Свое первоначальное решение объяснили следующим образом: «За демагогическое, политически вредное выступление Свирский Григорий Цезаревич должен быть исключен из членов КПСС, но, учитывая его признание своих ошибок, просьбу оставить в рядах партии – объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку».

Вскоре последовало другое решение. Причины изменения позиции членов бюро объяснял секретарь Фрунзенского РК КПСС Г. Грузинов: «В связи с тем, что на бюро РК КПСС Свирский признал ошибочность своего поведения, но в письменном объяснении не дал принципиальной оценки своему поведению, постановили – решение от 21.03 отменить и «за демагогическое, политически неправильное поведение Свирского Г.Ц. исключить из рядов членов КПСС».

Позволим предположить, что отчасти первый вариант решения был продиктован все еще существовавшей верой некоторых членов бюро райкома в незыблемость решений XX съезда, их убежденностью в необратимости процессов демократизации. Второй, как нам представляется, – свидетельствует о корректировке решения райкома вышестоящими партийными органами, а следовательно, убеждает в том, что на уровне ЦК КПСС поворот к неосталинизму уже совершался. Диалог с либерально мыслящей интеллигенцией власти был не нужен.

Почему сталинизм возвращался? Г. А. Арбатов считает, что «…на руководящих постах, то есть у рычагов власти, осталось множество людей, придерживавшихся сталинистских воззрений, которым было трудно, если не невозможно, найти себе место в жизни в любой иной политической структуре»[19].

«Власти перешли в наступление – дело Гинзбурга, события в Польше, угроза, заключенная в Дубчеке, возглавившем пражское руководство, – все вместе побуждало их к действиям и “упреждающим ударам”, – вспоминал и анализировал события лета 1968 года Л. Зорин, – волна исключений, запретов, закрытий – Биргер изгнан из Сою-

за Художников, Секретариат Союза писателей принимает решение о невозможности состоять «подписантам» в рядах Союза, то же самое происходит в издательствах – отставлены неугодные авторы, останавливаются книги на выходе... *Заморозки наступали стремительно*. Обвинитель Синявского и Даниэля Аркадий Васильев стал парторгом столичной писательской организации. Редакции утроили бдительность. <…> Все, что пробивалось и сгущалось в спертом политическом воздухе событий “пражской весны” настраивало на мрачный лад»[20].

И все-таки определенная часть художественной интеллигенции страны не была сломлена. Летом 1968 года было особенно заметно ее сопротивление Системе.

Комитет государственной безопасности СССР в июне 1968 года сообщал ЦК КПСС о распространении среди творческих работников Москвы так называемой речи В. Каверина, «непроизнесенной им на IV съезде писателей». Специальный раздел он посвятил «машинописной» литературе, считая, что именно произведения таких авторов, как Солженицын – «отражение вглядывания страны в себя и в то, что случилось с нею в прошлые годы... Каждый из них – если он подлинный художник – является общественным деятелем, который вольно или невольно участвует в борьбе против страха, искажающего контуры искусства, против произвола и бессмыслицы, все еще господствующих в нашей литературе. Что же делать с этой новой, не желающей лгать и притворяться, литературой, – спрашивает Каверин и с радостью и гордостью отвечает, – с ними ничего нельзя сделать, они будут работать в безвестности и одиночестве... Они множатся и будут множиться, если те, от кого зависит литература не возьмутся, наконец, за ум и не пересмотрят со всей серьезностью того, что нельзя, а что можно и должно»[21].

В адрес руководителей страны и других влиятельных лиц шли письма-предостережения с протестами против ущемления творчества. Большинство из текстов становилось известным современникам через «самиздат».

В одном из таких писем (к К. Федину, от которого «зависела литература»), «ходившем в списках» у московских писателей весной 1968 года, ставил принципиальные нравственные вопросы В. Каверин – об отвественности художника за судьбу другого художника, об участии художественной интеллигенции в политических конфликтах, компромиссах с властью и совестью…, считая поведение К. Федина следствием «душевной деформации»[22]. Убеждая К.Федина отказаться от принятого решения о запрещении уже набранного в «Новом мире» романа Солженицына «Раковый корпус», В. Каверин пишет: «…Неужели ты не понимаешь, что самый факт опубликования “Ракового корпуса” разрядил бы неслыханное напряжение в литературе, подорвал незаслуженное недоверие к ней, открыл бы дорогу другим книгам, которые бы обогатили нашу литературу?» Удивительно пророчески звучали для современников заключительные слова письма: «...Заграница накажет его мировой славой, которой наши противники воспользуются для политических целей. Как они надеются, что Солженицын «исправится» и будет писать по другому? Это смешно, по отношению к художнику, который представляет собой редкий пример поглощающего призвания, пример, который настоятельно напоминает нам, что мы работаем в литературе Чехова и Толстого. Но твой шаг означает еще и другое. Ты берешь на себя ответственность, не сознавая по-видимому всей огромности её значения. Писатель, накидывающий петлю на шею другого писателя – фигура, которая останется в литературе независимо от того, что написал первый, и в полной зависимости от того, что написал второй»[23].

В июле 1968 года КГБ направил в ЦК КПСС копию письма Л. К. Чуковской «Ответственность писателя и безответственность “Литературной газеты”», распространяемого среди отдельных лиц города Москвы. В нем она не скрывала возмущения

публикацией в журнале «Москва» произведений С. Смирнова тогда, как «гениальный “Реквием” Анны Ахматовой, этот плач обо всех замученных и убиенных до сих пор не напечатан». Предчувствуя свертывание процессов демократизации художественной жизни, Л. К. Чуковская восклицала: «Какая у нас нынче погода?»[24].

Надо признать, что убеждения, выраженные в подобных текстах художественной интеллигенции, разделяли далеко не все современники. Определенная часть общества все настойчивее требовала возвращения к старому, наведения «порядка» в стране. В известной степени менявшаяся власть должна была учитывать в своей политике «неготовность значительной части общества к переменам»[25].

Удивительно, как долго интеллигенция продолжала верить в необратимость процессов демократизации советского общества и как стойко боролись редакторы журналов, издательств за возможность опубликовать произведения, авторы которых так или иначе пытались осмыслить происходившее и происходящее в нашей стране. Симптоматично появление на страницах журнала «Наука и жизнь» статьи А. Горбовского «Дубинка для слишком умных»[26]. Ее значение можно оценить по-настоящему можно лишь в контексте событий тех лет (уже 1968 год, но не август – танки в Прагу еще не вошли) – в «верхах» совершался поворот к новому курсу, который по-разному встретили и оценили представители «низов». В. А. Козлов документально подтверждает одобрение и поддержку ресталинизации отдельными слоями и категориями советских граждан[27], об этом же свидетельствуют документы органов госбезопасности[28] и др. Интеллигенция (определенная ее часть) еще радовалась «пражской весне» и негодовала по поводу каждого факта, подтверждавшего сворачивание «оттепели», именно интеллигенция восприняла статью как определенное предостережение о растущей тенденции поддержки властью антиинтеллигентских настроений, особенно ярко выражавшихся в отношении к диссидентам и т.п. [29].

Нам кажется, что эта публикация, одной из первых, начинала новую страницу в открытой официальной печати СССР, – использования «эзопова языка» для выражения актуальных идей, что стало чрезвычайно популярным публицистическим приемом в 1970-е годы. А. Горбовский, ссылаясь на опыт развитых капиталистических стран, предостерегал, по сути, об опасности последствий «антиинтеллектуальных» настроений в советском обществе: «Растущий разрыв между интеллигенцией и другими классами свидетельствует об отставании общества в целом, говорит о том, что движение его по пути социального прогресса затормаживается и происходит медленнее, чем это диктуется логикой социального развития» и ставил диагноз: «Именно в этом смысл «антиинтеллектуализма», именно об этом свидетельствует та массовая неприязнь и враждебность к интеллектуалам, о которой с такой тревогой говорят на Западе сегодня»[30]. Появление статьи вызвало широкий резонанс в среде интеллигенции, а публикация (в соответствии с логикой официальной государственной цензуры) попала в разряд антисоветской литературы.

Опубликованные документы и научный комментарий к ним подтвердили «стихийный народный сталинизм» многих, если не большинства представителей советского населения. Не случайны подобные настроения и в среде художественной интеллигенции, своеобразной трибуной выражения которых стали журналы, подобные «Октябрю» периода В. Кочетова. Это противостояние либеральной и консервативной интеллигенции получило своеобразное отражение в двух очень разных, но связанных между собой текстах: хорошо известный современникам роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?» и появившаяся на него пародия, автором которой, по предположению КГБ, мог являться З. Паперный[31]. Настроения предчувствия перемен очень точно выражены в пародированном диалоге «отца и сына»:

«– Прости, отец, – опять к тебе, – сказал Феликс, входя. – Так как же все-таки, был тридцать седьмой год или нет? Не знаю, кому и верить.

– Не был, – ответил отец отечески ласково, – не был, сынок, но будет».

И действительно власть все чаще, открыто и цинично, прибегала к репрессивным мерам. Борьба из идеологической сферы все чаще переходила в область судебной практики, физического насилия. И все-таки, по-нашему убеждению – июль 1968 года – это еще не окончание «оттепели». Не случайно Л. Зорин вспоминал, что «… при всех предощущениях, предчувствиях, ожиданиях взрыва вторжение казалось немыслимым. <…> Можно ли было, не брать в расчет поистине глобальных последствий? Как многие, я упустил из виду, что единственная цель диктатур – самосохранение, и только!» [32].

Помимо внутренних, власти был нужен существенный внешний фактор, ускоривший бы введение «нового курса» в нашей стране, во многом определивший особенности будущей официальной художественной политики.

21 августа 1968 года советские войска в составе войск союзников по Варшавскому договору вошли в Прагу. Введение войск в Чехословакию в соответствии с «доктриной Брежнева» для защиты социалистических завоеваний, установление там «нового порядка» носило превентивно устрашающий характер и для населения других стран, входящих в мировую систему социализма, в первую очередь, самого СССР.

Практически все представители художественной интеллигенции говорят об этом событии как о важнейшей вехе личной судьбы: «В прозрачное августовское утро, когда я услышал о совершившемся, мне показалось, что на меня рухнуло почерневшее небо. Настала пора беды и позора. Вечерами ... слушали разворошенный мир, посылавший в эфир сигналы бедствия. Помню крик пражского диктора: “Женя Евтушенко, не молчи!”... Всего отвратительнее и бесстыдней была наша славная пропаганда. Трудно забыть идиллический тон, сопровождавший движение войск» (Л. Зорин)[33].

Спустя много лет о собственном мироощущении размышлял артист, режиссер С. Юрский, оказавшийся в августовские дни 1968 года непосредственно в Праге: «... Возбуждение сменялось унынием. И стыд. Все время было стыдно — говорить по-русски, предъявлять советские паспорта, объяснять, что мы возмущены, испытывать страх перед будущим... На следующий день пошли в большой поход по городу – местами бурлящему, местами абсолютно вымершему. Пошли сдавать кровь... Пишу, как было. На станции переливания крови могли дежурить «наши люди». Или могли спросить паспорта и записать данные. Власть в стране двоилась. Последствия любого поступка были абсолютно непредсказуемы. <…> Вопрос — зачем мы шли? Разве мы не понимали, что с кровью обойдутся и без нас? Понимали, конечно. Может быть, мы хотели поразить своей самоотверженностью людей с кровяной станции? Вряд ли. А может быть, спрашивая по-русски дорогу к станции переливания, мы всем этим случайным прохожим хотели намекнуть, что не все советские поддерживают вторжение, есть и другие? Как это мелочно, думаю я, глядя из сегодняшнего далека, — капля в море! Но выплывает уже затертая цитированием, но, тем не менее, прекрасная чеховская фраза: «Я по капле выдавливал из себя раба». Это лучше, чем: «С этой минуты я перестал быть рабом!» — лучше, потому что честнее. *Так вот, это и была первая капля государственного непослушания.* Первое миллиметровое отклонение маршрута от указующей стрелки, микроскопическое самоопределение *не в художественной, а в гражданской сфере»*[34].

События в Чехословакии оказали особое влияние на общественное сознание и самосознание советских людей, в том числе – интеллигенции. Официальная пропаганда, разъяснительная работа компетентных органов делали затруднительным откровенное выражение собственного мнения, а репрессии в отношении участников событий на

Красной площади – даже опасным. Тем не менее, именно в те дни, для многих из честных художников начался процесс осмысления политической реальности и самоопределения, наступало время самостоятельных решений, индивидуального нравственного выбора, что требовало в условиях новой реальности гражданского мужества и смелости.

Осудить вторжение публично значило в тех условиях оказаться вне официального социума. Несмотря на это, некоторые формулировали свое мнение о происходящих в стране событиях не только как частное и глубоко личное, но, понимая важность сохранения гражданской позиции, делали сознательные попытки формировать общественное мнение. Это вызывало соответствующую реакцию власти. Так, в мае 1969 году КГБ информировало ЦК КПСС о выступлении в Харькове члена СП СССР Риммы Казаковой: «… стихи, отличающиеся идейной неточностью и двусмысленной тенденциозной направленностью, были отрицательно встречены частью интеллигенции и молодежи»[35]. Стихи, приведенные в данном документе в качестве примера, показывают насколько глубоким и масштабным было осмысление конктерной исторической реальности: «Смогли без бога (маленькая буква в тексте – Е.Р.) – /Сможем без вождя/ Вожди, вожди – народец ненадежный/ Попробуй угадай, какая там под хвост вожжа, / Когда опять натягивают вожжи / «…» Я больше лба себе не расшибу/Ни об одну державную икону!», – можно только предполагать, какое влияние оказывали такие выступления на «другую часть интеллигенции и молодежи» и Харькова, и страны в целом.

Поздние свидетельства подтвердили предположение, что несогласных с действиями Советского правительства было значительно больше, чем открыто заявивших протест против введения иностранных войск в ЧССР. Сведения об этих лицах «в порядке информации» регулярно направлялись из КГБ в ЦК КПСС. Но, кроме этого, власть считала необходимым собирать информацию «с мест», для того чтобы, с одной стороны, лучше представлять положение вещей в масштабах страны, с другой, – заручиться поддержкой «широких слоев населения». В архиве Отдела пропаганды ЦККПСС хранятся специальные папки, содержащие «отклики на события в Чехословакии». Мнения художественной интеллигенции, вероятно, представляли для власти значительный интерес, так как именно эта категория могла оказывать наибольшее влияние на советского обывателя. В качестве характерного примера можно привести справку, подписанную секретарем Ленинградского ОК КПСС Г. В. Романовым об активе Ленинградской партийной организации: «Творческие работники БДТ имени Горького с чувством глубокого возмущения встречают сообщения о провокациях правых элементов в ЧССР «…» Мы верим и надеемся, что благодаря постоянной помощи ЦК КПСС процесс нормализации пойдет быстрее»[36]. Конечно, подобные «справки» не всегда отражали истинное положению вещей, но они свидетельствуют о том, насколько власть была заинтересована в поддержке общества.

Но анализ источников личного происхождения все же дает понять, что значительная часть художественной интеллигенции воспринимала чехословацкие события как личную драму – рушились последние надежды на возможность реализации в СССР концепции гуманного социализма, социализма «с человеческим лицом»[37], а именно так понималась некоторыми суть «оттепельных» процессов[38]. Ведь первоначально предложенная идеологами «Пражской весны» модель социализма воспринималась многими честными художниками 1960-х как некий идеальный, альтернативный сталинскому путь развития Советского Союза[39]. Начался трудный, для некоторых мучительный, процесс преодоления идеологических, мировоззренческих иллюзий. Дальше – отчуждение, отделение, отстранение художника от власти: для большинства это была не оппозиция, тем более, не открытая конфронтация художественной интеллигенции с властью, но уже иная, характерная для будущих 1970-х годов модель пове-

дения – эскапизм. «Душа закрылась» – по точному и грустному определению С. Юрского[40]. На смену романтизму приходит ирония, часто переходящая в сарказм и иногда оборачивающаяся цинизмом.

«Общество раскололось» – это выражение, отразившее суть происходящих в советской стране после августовских событий 1968 года процессов. Именно август 1968 года ускорил и интенсифицировал уже начавшуюся идейно-политическую дифференциацию в среде художественной интеллигенции. Глубина осмысления изменений вектора социалистического общественного развития определялась многими факторами (образования, воспитания, жизненных обстоятельств и т.п.) и была глубоко индивидуальна. Более того, для многих это был первый опыт индивидуального, личностного переживания, опыт личного, а не коллективного прозрения. Чем более тоталитарной становилась власть, тем ценнее становилась самостоятельность решений, тяжелее ответственность художника за совершенный им нравственный выбор. «Жить не по лжи» – этот своеобразный нравственный постулат, по А. Солженицыну, даже следовавшими ему художниками на практике реализовывался очень индивидуально. Наступало время одиночек, умевших сохранить свою творческую свободу и свое человеческое достоинство в условиях несвободы[41].

Именно в конце 1960-х–начале 1970-х годов, в условиях восстановления репрессивных методов управления художественной культурой формировались все известные и апробированные модели поведения художественной интеллигенции по отношению к власти (официальной идеологии, официальному искусству): открытая оппозиция, скрытая оппозиция, конформизм, конъюнктурная и искренняя поддержка КПСС и Советского правительства и др.) Но каждый раз, анализируя документы о типичных или уникальных событиях художественной жизни 1970-х, в каждой конкретной ситуации мы помнили, что, несмотря на типологические модели, это всегда был *индивидуальный* путь отношений с официальной властью и официальной культурой, *личный* выбор служения, компромисса или ухода в андеграунд.

Своеобразным продолжением внешней политики, реакцией на «пражскую весну» внутри страны стало секретное постановление Секретариата ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» (1969г.). Оно практически восстановило административно-командный стиль руководства художественной культурой. На рубеже 1960-х – начале 1970-х годов завершилась перестройка всей системы руководства художественной культуры: утверждения нового штатного расписания отдела культуры ЦК КПСС, принятия нового Положения о Министерстве культуры РСФСР, возвращение *Главлиту* специальных функций, смена руководителей соответствующих ведомств и т.д., и т.п.

В начале 1970-х годов все звенья советской политической системы вновь могли слаженно осуществлять тотальный контроль над творчеством художественной интеллигенции. Следствием этой политики стало возвращение страха перед системой: «Правда, это было не то чувство, – писал уже в 1980-е годы В. Каверин в “Эпилоге”, – которое... испытывали в тридцатых-сороковых годах, когда страх был тесно связан с арестом, пытками, расстрелом, смертельной опасностью во всех ее проявлениях. Но это был прочно устоявшийся страх, как бы гордившийся своей стабильностью, сжимавший в своей огромной лапе новую мысль... Это был страх, останавливавший руку писателя, кисть художника...»[42]. В результате наиболее характерной чертой творчества деятелей литературы и искусства стал конформизм, разумный компромисс воспринимался ими как прием.

Таким образом, мы видим, что различные события 1967 – 1968 годов не только обозначали изменение политического курса советской власти, в том числе и в сфере культуры, но и показывали, насколько сложным было восприятие происходящего самой художественной интеллигенцией. Для многих – это был крах социально-политических идей, заставивший творческую элиту отделить себя от государства и даже противопоставить себя ему. Утрата иллюзий в реальности была чрезвычайно сложным, для некоторых мучительным процессом, художники, часто вопреки очевидности, пытались выстроить конструктивный диалог с властью, искали в ее лице реального сторонника и защитника декларируемых демократических идей. В то же время в среде художественной интеллигенции постепенно увеличивалась категория тех, кто понимал смысл происходящего, но, тем не менее, вставал на сторону государства и власти, видя в неосталинизме перспективы общественного развития. Ввод советских войск в Прагу в августе 1968 года стал «катализатором» всех общественно-политических процессов, заставил практически каждого художника (как и любого представителя «мыслящего сословия») определить свою позицию по отношению к этому историческому событию. Это непростое самоопределение, выбор, имеющий подчеркнуто личностный характер, усугубили процессы дифференциации художественной интеллигенции, что стало важнейшей характеристикой культурных процессов эпохи «позднего социализма».

Примечания

[1] См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ) – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 61. – Л. 178.

[2] См., например: Русская жизнь, 2008. – №10 (ряд публикаций посвящен событиям 1968г.); Теледискуссия «Тем временем», канал «Культура», 2008. – 15 сен. – 22:40 и др.

[3] Большинство участников обсуждения проблемы 1968 года все же сходятся в мысли, что «в августе 1968 г. все иллюзии отброшены, социализм может быть только один и лицо его ужасно» (Н.Сванидзе), хотя возможны и другие точки зрения, показывающие, насколько была (и сейчас остается) сильна вера в идеи социализма (Ст. Куняев).

[4] **Зезина М.Р.** Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е - 60-е годы. – М.: Диалог - МГУ, 1999; Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953-1970 гг. – М.: «АИРО-XX», 1999 и др. В частности, М. Р. Зезина в своей монографии подробно исследовала особенности взаимоотношений власти и художественной интеллигенции в 1950-1960-е годы, показала, что официальная художественная политика периода «оттепели» была своеобразным отражением понимания властью сути процесса демократизации в духовной жизни страны; а «корректировка курса» с середины 1960-х годов, спровоцирована резким идейным размежеванием в среде художественной интеллигенции, что, в свою очередь, привело к консолидации власти и консервативной интеллигенции.

[5] РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 36. – Д. 135. – Л. 4-5, 7-8; Там же. – Д. 144. – Л. 137-139.

[6] РГАНИ. – Ф. 5, – Оп. 36. – Д. 133. – Л. 103-104.

[7] Интересна реакция, отношение современников к героям процесса не только во время самих заседаний (об этом (письма протеста, демонстрации и др.) много и подробно написано), но и после, во время ссылки: опубликованные письма Ю.Даниэля, тексты А.Синявского свидетельствуют о поддержке многих, порой совсем незнакомых, людей; одно это дает основание предполагать о менявшейся в обществе на рубеже 1960-1970-х годов ситуации – страх перестал быть всеобщим, имея опыт «оттепели» граждане не боялись выражать свою позицию, что порой требовало немалого мужества.

[8] Л.И.Брежнев клеймил “ремесленников от искусства..., которые избирают своей специальностью очернение нашего строя, клевету на наш героический народ”. Ему вторил М.А.Шолохов: “Попадись эти молодчики (А.Синявский и Ю.Даниэль - Е.Р.) с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи уголов-

ного кодекса, а, руководствуясь революционным правосознанием /аплодисменты/, ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни!" /аплодисменты/ // XIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. – М., 1966. – Т. 1. – С. 83, 358.

[9] Статьи Деборина и Тельпуховского в журнале «Вопросы истории КПСС» № 9, мемуары К. Ворошилова в журнале «Октябрь» № 10, романы Закруткина и Кочетова «Октябрь» № 6-10, репортажи, вошедшие в книгу В. Кочетова «Город в шинели», поэму С. Смирнова в журнале «Москва» № 10.

[10] См.: РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 60. – Л. 20-26, л.26

[11] РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 61 (ролик 9706), -- Л. 38-39.

[12] См.: РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 61 (ролик 9706).

[13] РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 61 (ролик 9706). – Л. 4-16. Обеспокоенный складывавшейся в стране культурной ситуацией, письма с этим же текстом он направил и Секретарям ЦК КПСС.

[14] Это о докладе, где впервые официально упоминалось в положительном контексте имя И.В. Сталина.

[15] РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 61 (ролик 9706). – Л. 10.

[16] РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 61 (ролик 9706). – Л. 16.

[17] «…В архитектуре существует такое понятие: иезуитский стиль. Наружная церковная стена продолжается и на втором этаже, но уже как стена ложная, декоративная. За ней – совсем иное, чем кажется с первого этажа…«Этот иезуитский стиль, оставшийся от прежних лет, все еще не преодолен в нашей идеологической работе. Да он и не мог быть преодолен, коль сама организационная структура руководства искусством оказалась прежней. Снаружи – декоративная стена: правильные речи, посулы, цитаты. А за ними, за этой стеной, Главлит – секрет полишинеля в идеологии. Главлит, получивший неслыханные права, Главлит, чаще всего некомпетентный, но всегда обладающий правом запрета... Создается впечатление, что Главлит нередко дезинформирует Политбюро, оперируя выхваченными цитатами…» // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 61 (ролик 9706),. – Л.15.

[18] РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 61. – Л. 21-23.

[19] **Арбатов Г.А.** Человек Системы. – М.: ВАГРИУС, 2002, – С. 217.

[20] **Зорин Л**. Авансцена. Мемуарный роман. – М.: Слово/Slovo, 1997. – С. 266.

[21] РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 60. – Л. 84-86.

[22] РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 61 (ролик 9706). – Л. 43.

[23] РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 61 (ролик 9706). – Л. 45.

[24] РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 60. – Л. 120-125.

[25] Об этом: Арбатов Г.А. Человек Системы. – М.: ВАГРИУС, 2002, – С. 217.

[26] См.: Горбовский А. Дубинка для слишком умных // Наука и жизнь, 1968. – № 1.

[27] О стихийном «народном сталинизме» см. в кн.: Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953-1982 г. Рассекреченные документы Верховного суда и прокуратуры СССР. / Сост. В.А. Козлов, О.В. Эдельман, Э.Ю. Завадская. Под. ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко. – М.: Материк, 2005. – С. 48.

[28] КГБ при СМ СССР сообщал в ЦК КПСС о реакции на доклад товарища Брежнева Л.И. на торжественном собрании 8 мая 1965 года: «...военнослужащие одобряют данную в докладе оценку деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны и упоминание заслуг товарища И.В.Сталина» // См: РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 89 перечень 65 документ 13, л.1-6

[29] Об антиинтеллигентских настроениях в советском обществе писал и Н.Я. Эйдельман: «…еще один момент важен: при Хрущеве мы стали задумываться о роли народа… До этого как-то все было ясно: мы хотим того же, чего хочет народ… в обществе вдруг стала появляться какая-то свобода высказываний… и вдруг выяснилось, что очень широкие народные массы насыщены антиинтеллигентскими настроениями…» // «Другое искусство»: Москва 1956-1976 / Сост. Л.П. Талочкин, И.Г. Алпатова. – М.: Художественная галерея «Московская коллекция», СП «Интербук»; 1991. – Т. 1: К хронике художественной жизни. – С. 10.

[30] **Горбовский А.** Дубинка для слишком умных // Наука и жизнь, 1968. – № 1. – С. 107.

[31] РГАНИ. – Ф. 89. – Оп. 37. – Д. 22. – Л. 6.

[32] **Зорин Л.** Авансцена. Мемуарный роман. – М.: Слово/Slovo, 1997, – С. 266.
[33] **Зорин Л.** Авансцена. Мемуарный роман. – М.: Слово/Slovo, 1997, – С. 266-280.
[34] **Юрский С.** Игра в жизнь. – М.: Вагриус, 2002. – С. 41-42.
[35] РГАНИ, ф.5 , оп.61, д.86, Л.84-86.
[36] РГАНИ. ф.5, оп.61, д.21, Л.85
[37] На самом деле, эта драма имела значение, значительно превосходящее масштабы личности и даже «отдельно взятой страны». Об этом ярко свидетельствует интересный документ – докладная записка посла СССР в ЧССР С. Червоненко, в которой тот, сообщая в ЦК КПСС о выставке «второй Пражский салон», обращал специальное внимание на тенденциозные произведения, в том числе работу Петера Ориешека «Без названия», выполненную в стиле «поп-арт»: «на подушке лежит исполненный из оргстекла макет мертвого человека с деформированной головой и оторванной рукой ребенка, который зрителю аллегорически должен напомнить о гибели или удушении, так и не родившегося, «недоношенного социализма с человеческим лицом». Кроме чувства отвращения ничего другого это «произведение» не вызывает» // РГАНИ, ф.5 , оп.61, д.87, л.255-257.
[38] «Сегодня закончились шестидесятые годы», – сказал историк и философ Григорий Померанц 21 августа 1968 года встретившемуся на улице литературному критику Льву Аннинскому. // Баевский В. Давид Самойлов. Поэт и его поколение. – М.: 1986. – С. 91.
[39] «… Считали они, что в самом деле спасают будущее социализма? Может быть, кто-то из них в это верил. Я слышал и в Московских квартирах, что, раздавив идеалистов, мы упустили последний шанс в соревновании двух систем. Не думаю, что был этот шанс, что социальный Эдем достижим, что наш жизнепорядок мог выжить. Бесспорно, он мог бы продлить свой век, если бы был разумнее и гибче, но что такое десятилетие, даже и три десятка лет, для богатырского бега времени? /См.: Зорин Леонид. Авансцена. Мемуарный роман. – М.: Слово/Slovo, 1997, – С. 278.
[40] **Юрский С.** Игра в жизнь. – М.: Вагриус, 2002. – С. 47.
[41] См.: «Трудно быть собой». Интервью А.Германа – В.Выжутовичу // Российская газета, 2008. – №157 (24 июля). – С. 20-21.
[42] **Каверин В.А.** Эпилог: Мемуары. – М.: Русская книга, 2002. – С. 3.

М.Н. Трефилова

«ДРУГИЕ ТЕАТРЫ» ПРОВИНЦИИ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ НАМОЛЕННОГО ПРОСТРАНСТВА*

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье автор осмысливает закономерности развития театральной культуры Иванова в последней четверти XX века, ставит проблему феномена «другого театра» в культуре провинции. Работа создана на основе материалов интервью с режиссерами народных театров Е.В.Бычёнковой и Е.А.Орловым.

Развитие театрального искусства в Ивановской области с конца 1950-х вплоть до начала 1990-х годов представляет собой уникальный культурный процесс, прохо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект «Другое искусство» провинции в контексте эпохи», №08-01-54502 а/ц)

дивший под знаком смещения «центра» театральной жизни на её «периферию». Областью притяжения зрительской аудитории, точками стечения наиболее мощных культурных сил, мыслящей части общества становились любительские, самодеятельные театры, в которых концентрировалось всё «лучшее, всё самое новое, интересное, что происходило в культуре страны» [Е.А.Орлов]. Любительские народные, а не профессиональные государственные театры являлись центрами внимания самых известных - «столичных» - и чаще всего авангардных музыкантов, актёров, поэтов, художников, фотографов. В большей степени эта тенденция отразилась в работе Ивановского молодёжного театра Регины Гринберг, в меньшей – театра «Студия-3» Владимира Щекина, «Орлов-театра» Евгения Орлова, народного театра «Аура» Елены Бычёнковой.

Чем была обусловлена центробежность процесса развития театрального искусства Иванова? Классические формы, методы создания постановок на площадках профессиональных театров, привычный, «канонический» репертуар, исполнительская манера актёров позволяли говорить о «классичности» самого профессионального театрального искусства, включённого в систему государственной пропаганды, подчинённого первоочередной цели трансляции государственной идеологии. В свою очередь, самодеятельные театральные студии были призваны скорее стать местами организации досуга, а не центрами создания качественных образцов агитации и пропаганды. В результате именно их добровольный характер позволил соединиться внутри данных коллективов представителям интеллигенции, мыслящей молодёжи, находившимся не просто в состоянии поиска возможностей реализации собственных творческих способностей, но в ситуации предощущения некой степени свободы. В несвободном государстве свобода данных союзов, свобода собраний и со-творчества (хотя бы относительная, прощаемая непрофессионалам) была необычайной и обладала огромной значимостью.

Работа самодеятельных театров-студий была важна не только для их участников, но и для зрителей. По мнению активных участников культурной жизни Иванова 1960-1980-х годов, преимущественное значение народных театров для них определялось художественным методом и содержанием спектаклей, в которых «говорили о таких вещах, о которых не принято было говорить – о любви, о сострадании... об активности каждого человека в обществе...» [Е.А.Орлов] привлекательность театра основывалась на тяге к тому, о чём молчало «официальное искусство», продолжавшее транслировать со сцены идеологию государства, в котором «не было места человеку» со всеми его внутренними противоречиями, вопросами, сомнениями.

Возможно, опыт самодеятельных театров оказался «культурным взрывом», «полной неожиданностью», поскольку он транслировался на совершенно новом театральном языке. Прежний был обесценен штампами и «выговорен», новый создавался на основе творчества «новых» писателей, поэтов, на основе форм и методов, разрушавших представление о классическом, привычном, «официальном» театре. Народные театры по-разному «говорили» со зрителем, в результате чего возник «поэтический театр» Р.Гринберг, театр абсурда Е.Орлова, фольклорный, сказочный театр Е.Бычёнковой. Рождение «чувственной мысли», одухотворённая агитация («Идите, живите, любите...»), создание «непонятного театра абсурда» были призваны изъять зрителя из одномерного пространства государственной идеологии, а позднее – полного ценностного вакуума – и ввести его в состояние сопричастности-сочувствия, ощущения многомерности жизни и личной ответственности за свои действия, а также – окружающих, общества, государства. В то время, как в Ивановском молодёжном театре ставились спектакли на основе произведений «опальных»-опасных поэтов (Е.Евтушенко, А.Вознесенский, В.Высоцкий. Б.Окуджава и др.), народные теат-

ры конца 80-х более склонялись к переосмыслению классики (Еврипид, А.Пушкин, А.Островский), вместе со зрителем анализируя культурные трансформации, свойственные переходной эпохе.

По своей форме и содержанию деятельность народных – режиссёрских – театров-студий данного периода скорее являлась «другим» - в противовес «официальному», параллельным театральным движением, при всем различии творческих установок и форм воплощавшим общее настроение сопротивления, задачи построения на сцене и трансляции с неё «иного жизненного пространства», создания своего «Собора» и «атмосферного театра». Многие режиссёры самодеятельных театров, несмотря на принципиальные отличия их художественных, эстетических театральных принципов и методов, говорят о «театре» в его наиболее древнем, первоначальном смысле (theatron, греч. - «место для представления»), о «намоленном пространстве Молодёжного театра, пропитанном..., удерживавшем,... помнящем...» [АфанасьевА.И., с. 301], «месте, напитанном энергетикой» [Е.В.Бычёнкова], «доме, где концентрировалась аура» [Е.А.Орлов].

Культурный феномен народных театров Иванова был обусловлен не только «глубокой внутренней потребностью», но и ролью ведущих личностей – режиссёров театров, – объединивших вокруг себя единомышленников, транслировавших новые творческие идеи и умевших сохранить любительский по своей форме (но не по уровню мастерства) коллектив, основанный на добровольном участии и отсутствии административных ресурсов и материальных стимуляторов. Вместе с тем, участников театров-студий объединяла глубокая внутренняя заинтересованность в творческом *процессе*, в возможности получения некой степени свободы и реализации протеста, борьбы с существующей действительностью через искусство театра, призванное скорее не изобразить жизнь, а изменить её в соответствии с общечеловеческими принципами, ценностями, о которых снова заговорил самодеятельный театр в 1960-1980-х годах.

Режиссёры любительских театров крайне болезненно отзывались-отзываются на включение собственной деятельности в рамки «официальной культуры», считая театры-студии «единственной отдушиной думающих людей» [Афанасьев А.И., 153, 195], полностью изгнанной из культурной жизни страны в начале 1990-х годов в итоге лишения театров помещений и какой-либо материальной поддержки со стороны государства. Но именно в этом заложено значимое противоречие, характеризующее форму бытования театров-студий. Самодеятельные театры изначально существовали в ситуации вызова, борьбы и протеста, выступая создателями новых театральных – иносказательных – методов, позволявших обеспечивать передачу «других» смыслов и являвшихся причиной прений с властными структурами в области художественного творчества. В то же самое время, внешние противоречия сопровождались назревавшим глубоким внутренним конфликтом, поскольку материальный ресурс для продолжения собственной деятельности самодеятельные театры могли получить исключительно от системы государственного управления, которая была разрушена в начале 1990-х годов.

Таким образом, возникновение и существование любительских театров в конце 1950 – начале 1990-х гг. было противоречивым явлением, требующим углубленного и расширенного исследования. Их роль в истории театральной культуры Иванова, огромное значение для участников и зрителей позволяют говорить о «феномене самодеятельных театров», определяют широкий спектр возможностей для дальнейшего изучения и анализа связанных с ними проблем, вопросов, смыслов в контексте «другого» искусства провинции.

Список использованной литературы

1. **Афанасьев А.И.** Регина. Театр нашей молодости. - Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007.
2. Интервью с режиссёром народного театра «Аура» Е.В.Бычёнковой взято автором 1 октября 2008 г.
3. Интервью с режиссёром народного театра «Орлов-театр» Е.А.Орловым взято автором 4 октября 2008 г.

М.А. Гречихина

ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ АРС: ТРИ ШАГА К СВОБОДЕ ТВОРЧЕСТВА*

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье мы попытались определить условия, которые привели отдельные проявления «другого искусства» в сферу частичной публичности и способствовали свободе творчества в эпоху «позднего социализма», когда андеграундное искусство стало значимой формой сопротивления государственной системе.

XX век подарил художнику массу способов, альтернативных классическому искусству, для выражения своих мыслей и эмоций. Он наглядно показал, что искусство может быть прекрасным, но может быть и страшным. Отталкивающим, агрессивным, шокирующим искусство XX столетия было не только по содержанию, но и по форме, что повлекло за собой неоднозначное его восприятие, иногда отторжение и даже запрет, как это, например, произошло в советский период нашей истории.

Сегодня можно считать общепризнанным научным мнением, что в эпоху «позднего социализма», параллельно официальной, поддерживаемой государством культуре, сформировалась и развивалась на протяжении как минимум двух десятилетий «другая культура», «вторая», «неофициальная», «культура андеграунда», ставшая значимой формой духовного сопротивления государственной системе, усилившей в это время давление на культурные процессы. Искусство наиболее ярко воплощало идеи «другой культуры», так как художники не только непосредственно в живописи нарушали или разрушали установленные каноны, но часто это нарушение сопровождалось соответствующими, эпатирующими публику, формами жизненного, бытового поведения, художественными акциями и т.д. Следствием подобной сознательно выбранной позиции становится чрезвычайно широкий процесс развития «другого искусства» в Москве и Ленинграде. «Другое искусство» стало мощным пластом современной художественной реальности, по многообразию форм, стилей и концепций не уступающим западному авангарду и постмодерну, что и позволило ему, в конечном итоге, органично войти в европейско-американский художественный контекст. Вопрос о том, представляет ли провинция подобные феномены «неофициальной культуры» и «другого

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект «”Другое искусство” провинции в контексте эпохи», № 08-01-54502 а/ц)

искусства» в обозначенную эпоху практически не изучался.[1]

Эта статья – лишь небольшая часть коллективного проекта, цель которого рассмотреть формы и практики «другого искусства», определить черты своеобразия данного феномена в Иванове, в том числе по отношению к известным и изученным формам неофициального искусства Москвы и Санкт-Петербурга.

Художественная культура Иванова 1970-1990-х – уникальное явление. Иваново всегда привлекало наиболее радикально мыслящих для своего времени молодых художников (также как и поэтов, и музыкантов), воплощавших в своем творчестве художественные тенденции, альтернативные официальным. Именно они были способны аккумулировать культурные смыслы, формирующие пространство «другой культуры». Но в силу тотальной монополизации художественного пространства официальными художественными организациями, открытое самовыражение художников, творивших за рамками канона, практически не было возможным на протяжении не только «семидесятых», но и всего последующего десятилетия – в результате чего процесс развития «другого искусства» оказался заторможенным и надолго вытесненным за границы реальной художественной жизни. О более или менее значимом явлении «другой культуры» и «другого искусства» в Иванове можно говорить лишь во второй половине 1970-х, особенно в 1980-е годы, когда здесь начали активно работать молодые художники. На протяжении 1980-1990-х годов талантливые, прогрессивно мыслящие творческие личности продолжали созидать актуальное искусство, по сути, в «параллельном» официальному, полумаргинальном пространстве. Эта проблематика была впервые поднята в статье М.А. Миловзоровой «Изобразительное искусство провинции в эпоху «застоя»: поиск альтернатив».[2]

Вместе с тем, отдельные проявления «неофициального искусства» стремились существовать публично. Примером может послужить существовавшее с 1985 года творческое объединение АРС, лидером которого являлся художник Александр Павлович Белов.[3] Деятельность АРСа объединяла художников, «отверженных» официальным Союзом художников. Несмотря на запрет демонстрации результатов художественной деятельности АРСа в государственных структурах, художники находили альтернативные выставочные площадки, своего зрителя и критика.

В данной статье мы попытались ответить на вопрос, что позволило АРСу приблизиться к возможности полупубличного существования. В связи с этим мы проанализировали условные «шаги», которые сложились в своеобразный алгоритм.

Шаг первый: время (историческое).

Без сомнения, само время было на стороне неофициальных художников. Как заметил А.П. Белов: «с властью отношения складывались хорошо, к тому времени хорошо. Самое интересное заключалось, как раз, в этом». Начиналась перестройка – в воздухе витал запах перемен. Чиновники это тоже понимали, поэтому, несмотря на то, что выставки и акции альтернативных художников были официально под запретом, на деле их никто не разгонял, не закрывал, гонений и увольнений с мест работы тоже не было. Чуть позже даже официальный Союз художников изменил политику, принимая в свои ряды некоторых ранее «отверженных». Именно в это время возникла идея создания творческого объединения АРС.

Кроме этого у «другого искусства» был зритель, который при господстве единого обязательного взгляда на мир истосковался по многополярности, многозначности, по вопросительным, а не утвердительным интонациям – такие возможности представлял вчерашний андеграунд. Судя по тому, что сохранилось в книгах отзывов, люди удивлялись, восхищались, писали, что многое непонятно, но все равно хочется ходить и смотреть, потому что это заставляет думать, мыслить.

Шаг второй: обретение места.

Беда «другого искусства» в эпоху господства единой точки зрения на то, каким должно быть искусство, – невозможность выставиться. «Другим» художникам отказывали в возможности выставиться в государственных структурах – будь то музей или Союз художников. Да, Союз художников давал объявления о выставке и приглашения к участию, но каждый художник проходил своеобразную цензуру, и, как закономерное следствие для художника, который творит не по канону, – отказ. Комментарии А.П. Белова: «Члены Союза художников как бы говорили: вот кто у нас выставляется, тот художник, все остальные – нет. А человек, каждый человек, – художник в душе. Мы-то думали, что Союз художников – это профессиональный союз, оказывается – нет, это клан определенных людей, которые захватили определенные места и которые знают, что они должны выполнять то и то, и за это им будут платить деньги, и не пускать в союз тех, которые, может, и не будут выполнять то и то». В данном случае официальный Союз напоминает концентрацию не творческих людей, а людей-чиновников, которые выступали продолжением государственной идеологии. Художник, член Союза художников, имел предоставляемую Союзом мастерскую, где мог творить и хранить картины, стабильный доход и гарантированную выставочную деятельность.

В то время альтернативный художник был поставлен в абсурднейшую ситуацию: работал, где мог, тем самым принося пользу государству, на заработанные деньги покупал материалы (холст, краски и т.п.), и этим поддерживая государство, часть денег уходила на оплату съемных помещений под мастерские. Например, Александр Павлович Белов до работы в парке 1905 года снимал 2-хкомнатную квартиру на ул. Большой Комсомольской: в одной комнате хранились картины, в другой он работал. Оплачивал А.П. Белов свою мастерскую тем, что вел кружок художественного творчества для детей. Вся цепочка затруднений, с которыми сталкивался «другой художник» при создании произведения искусства, вела, по сути, в тупик – невозможность показать результат своего творчества. Необходима была площадка, которая выполняла бы функции такого бытования андеграундного искусства как «квартирник», но с выходом на публичную выставочную деятельность.

Мечта стала реальностью, когда у А.П. Белова, как у художника, появилась возможность свободно выставляться в парке 1905 года. Он пришел туда работать, и первое, что предложила администратор – сделать персональную выставку. «Она (выставка) выбивалась на общем фоне: весь зал был затянут красным кумачом и черным рубероидом. И на нем выставлены коллажи!!! – в нашем официальном искусстве коллаж мог позволить себе выставить только Илья Глазунов, и то у него он на историческую тему. А здесь коллаж в подражание Пикассо, когда коллаж – свободная интерпретация, никакой литературы, просто предметы, когда это живопись, на которую смотрели очень странно – говорили: а это живопись? И потом я стал делать выставки практически каждый год».

В этом смысле парк 1905 года стал базой, такой необходимой художникам, которые не вписывались в общий идеологический строй, стал базой для другого искусства, которое отвечало своему времени, но не отвечало идеологическим штампам. Это было искусство вне времени, чистое искусство.

Шаг третий: человеческие ресурсы.

Человеческие ресурсы, обеспечивавшие жизнеспособность «другого искусства», условно можно разделить на две группы. Это сами художники-единомышленники и творческая интеллигенция, не принимавшая непосредственного участия в художественном процессе, но имевшая отношение к учреждениям культуры, ко-

торые могли продвигать андеграундное искусство, симпатизировавшая ему и понимавшая, что без их минимальной поддержки феномен «другого искусства» так и останется «другим».

Предоставление помещения на государственной территории – парка 1905 года – факт достаточно любопытный. По словам А.П. Белова, так совпало, что в тот период он встретился с людьми, которые оказались неравнодушны к новым поискам в сфере искусства. Интересы художника и директора парка, только что занявшего эту должность, совпали – это было желание сделать что-то новое, неординарное.

Во всех каналах связи с общественностью – пресса, радио, телевидение – были «свои» люди, которые тоже хотели перемен, хотели увидеть что-то новое. По большому счету, можно было проигнорировать происходящее неофициальное действо, однако, беря на себя ответственность, они, как сейчас говорится, пиарили его.

И, конечно, нашелся круг единомышленников – художников, которых так же, как и Белова, официальный Союз не принимал. В середине 1980-х годов многие художники хотели выставлять свои работы, но получали бесконечные отказы в Союзе. Многие из них и стали в будущем основными участниками выставок творческого объединении АРС, основная цель которого – показать, что есть другое, не похожее на официальное, искусство. Невольное сопротивление признанным канонам шло по двум направлениям – либо тема, которая не затрагивается в официальном искусстве, либо способ презентации. Конечно, это было самовыражение, способ донести свой мир. Главный принцип, что любопытно, – не столько оппозиция официальному искусству, сколько элементарное отсутствие цензуры. По словам А.П. Белова, «художник волен выставлять любую работу и получать за нее награду в виде и тухлых помидор, и золотых монет. Только художник отвечает за работу. Цензуры нет. Мы хотели призвать искусствоведа, который бы и давал оценку». Как следствие – отсутствие какого-либо единого художественного направления: реализм соседствовал с импрессионизмом, абстракционизмом, постимпрессионизмом и т.д.

В этом отношении очень важную функцию медиатора, посредника, на наш взгляд, между государственными структурами и неофициальным искусством – представляла деятельность искусствоведа Марии Наумовны Меллер, которая входила в Союз художников, посещала мастерские альтернативных художников, была в курсе многих событий. Во многом благодаря именно ее усилиям художественный музей собрал значительную коллекцию произведений ивановских художников.

В итоге творческое объединение АРС продемонстрировало, что выход, хотя бы частичный, искусства подполья на свет возможен при использовании формулы «время+место+люди» и при сохранении условия наличия всех компонентов. Конечно, были и будут художники, для которых андеграунд будет существовать вечно (например, В.Бахарев и Е.Куваев), но пример АРСа показал и обывателю-зрителю, и государству альтернативные пути общения художника со зрителем. И это, на наш взгляд, повлияло на создание более свободных условий для творчества.

Примечания

[1] **Раскатова Е.М.** Художественная интеллигенция и власть российской провинции в 70-е гг. XX в.: специфика диалога. // Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI век. Россия – Сибирь – Казахстан: Материалы VI Всерос.науч.и науч.-практ.конф.с международным участием (Омск, 3-5 октября 2006 г.). Омск, Международ. ин-т стратегического проектирования, 2006. Ч.2.

[2] **Миловзорова М.А.** Изобразительное искусство провинции в эпоху «застоя»: поиск

альтернатив. // Интеллигенция России и Запада в XX-XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. Материалы науч. конф., 28-30 мая 2004 г. – Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та. 2004.

[3] Статья создана на основе материала интервью с А.П. Беловым (интервью взято автором статьи 23.09.2008 года).

М.Н. Трефилова

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ПРАКТИК ГОРОЖАНАМИ В 1890-1920 ГГ.: ЮРИДИЧЕСКАЯ НОРМА И ЖИЗНЕННЫЕ РЕАЛИИ

Ивановский государственный химико-технологический университет

На основе анализа архивных источников, материалов периодической печати и семейно-брачного законодательства 1890-1920-х гг. в статье рассматривается вопрос изменения практик семейно-брачных отношений горожан в указанный период. Показывается соотношение юридических норм и существующих в городской среде супружеских союзов, ставится вопрос о специфике ценностного сознания в реформируемом обществе.

Рубеж 19 – 20 веков и первые десятилетия, последовавшие за революцией 1917 года, являются временем кардинальных преобразований семейно-брачного законодательства, трансформаций российской семьи, обусловленных как закономерными историческими процессами, так и экспериментами в области создания «нового быта».

С точки зрения гуманитарных наук, семья представляет собой малую, первичную социальную группу, которая, в то же время, имеет все признаки социального института, включённого в нормативную систему общества и представляющего собой ценностно-нормативный комплекс, посредством которого регулируется поведение членов семьи и определяются присущие им социальные роли и статус [4, с.3-4]. В свою очередь, брак – это санкционированная и регулируемая общественно-историческая форма отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям [3, с.36].

Согласно дореволюционному законодательству, единственно возможной формой существования супружеской семьи в России был церковный брак, отменённый (но не запрещённый) 18 декабря 1917 года введением стандартизированной и упрощенной гражданской процедуры бракозаключения. Смысловая граница между фактическим сожительством и понятием «брак» устранялась с вступлением в силу с 1 января 1927 года нового Кодекса законов о браке, семье и опеке, уничтожившего отличия между зарегистрированными и незарегистрированными семейными союзами.

В то время как в законодательстве однозначно конструировались и разграничивались понятия «семья», «брак», «незаконное сожительство», основная масса населения страны иначе оценивала семейно-брачные практики и некоторые характеризующие их термины.

Формально запрещённые, в России рубежа веков были распространены «неза-

конные сожительства», в большинстве случаев определяемые как «гражданский брак» представителями интеллигенции, мещанства, рабочими, «бывшими крестьянами», уходившими в город на заработки и пополнявшими слои городского населения.

Термин «гражданский брак», изначально обозначающий брак секуляризованный, регулируемый светскими законами, приобрёл в обыденном словоупотреблении другие значения. С одной стороны, «гражданским браком» стал называться союз, «когда мужчина и женщина открыто живут вместе как муж с женой, и только в силу каких бы то ни было соображений отказались от церковного обряда» [1, с.22], с другой строны - «всякая незаконная и предосудительная связь», «этикет для прикрытия того, что не всегда удобно называть собственным именем» [10, с.116-117].

Корреспондент журнала «Женская жизнь» писал, что «за последнее десятилетие [с 1906 по 1916 год] рабочие почти совершенно перестали венчаться, часто за отсутствием средств, и семей, живущих в гражданском браке, в Нарвском районе [Санкт-Петербурга] наберется больше двух третей всего числа семейных рабочих» [9, с.17]. Ввиду того, что подобные «незаконные сожительства» зачастую длились довольно долгое время и результатом союза становились рождение детей, общее домохозяйство и приобретение совместного имущества, их участниками они оценивались и осознавались как законные брачные отношения [7, л.1, 6об.].

Иногда в так называемый «гражданский брак» «бывшие крестьяне» вступали, имея в деревне законных жен, но, не желая жить с ними после приобретения статуса городских жителей: «… я теперь занимаю такое общественное положение, что с тобой деревенской бабой мне будет стыдно; в городе я имею другую гражданскую жену, которая ни чета тебе…» [6, л.1-2], – пояснял подобную ситуацию своей жене Василисе крестьянин села Гуково Фёдор Максимов, работавший приказчиком в Иваново-Вознесенске.

Тем не менее, представления участников подобных союзов об их законности и постоянно растущее число внебрачных сожительств среди жителей городов не изменили ни законодательства, ни признаваемой обществом нормы: «правилом» оставался церковный брак и в ряде случаев его заключение было обусловлено исключительно желанием соответствовать норме, не вызывать неодобрения со стороны окружающих [2, с.673].

С другой стороны, ситуация внедрения кардинальных изменений семейно-брачного законодательства, последовавших за революцией 1917 года, позволяла говорить о том, что трансформация практик семейно-брачных отношений не приобрела масштабов, достаточных для принятия подобных революционных юридических норм. Браки, оформленные в отделах записей актов гражданских состояний, не всегда удовлетворяли «невест», требовавших также «совершить церковный обряд бракосочетания» [5, л.1]. Включаясь в полемику об уравнивании зарегистрированных и незарегистрированных союзов, преимущественно женщины указывали на сохранение в обществе представлений о необходимости заключения брака и негативной оценке поведения девушек, согласившихся на простое сожительство [8, с.2].

Таким образом, анализ преломления юридической нормы в реальной жизненной практике, трансформации либо устойчивости системы ценностей, являющихся ориентирами в выборе стратегий семейно-брачных отношений, позволяет рассмотреть сложный процесс отторжения-формирования социальных норм и ценностей, выявить специфику ценностного сознания в реформируемом обществе, что, в свою очередь, даёт возможность сформировать историческую основу для изучения проблем и перспектив современной российской семьи.

Список использованной литературы

1. Беседы Джоконды // Женская жизнь. 1916. №7.
2. **Варенцов Н.А.** Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. – М.: НЛО, 1999.
3. **Голод С.И.** Стабильность семьи: социологический и демографичсекий аспекты. – М.: Наука, 1984.
4. **Гончаров Ю.М.** Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). – М., 1999.
5. Государственный архив Ивановской области. Ф. р-1373. Оп.1. Д.47.
6. Государственный архив Ивановской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 101.
7. Государственный архив Ивановской области. Ф. р-259. Оп. 1. Д. 24.
8. Нужен ли брак? Ответы читательниц // Приволжская правда. 1923. №227.
9. Против гражданских жен // Женская жизнь. 1916. №2.
10. Проф. Н.С. Суворов. Гражданский брак. Юридическая библиотека №11. Изд. 2-ое. – СПб: Изд. Я. Канторовича, 1896.

М.А. Миловзорова

«ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИОСОФИЯ» РУССКОГО ТЕАТРА: ФЕНОМЕН Н. А. ПОЛЕВОГО

В данной статье автор размышляет о месте и роли Н. А. Полевого в процессе развития русской драматургии и театра, выявляет особенности формообразования оригинальной исторической пьесы в творчестве драматурга, делает выводы о специфике художественного воплощения писателем значимых идей национальной культуры.

Судьба Николая Алексеевича Полевого в истории русской культуры уникальна и в чем-то парадоксальна. Оценка его творческой эволюции, сформулированная еще В. Г. Белинским, драматически пережившим отказ редактора «Московского телеграфа» от своих идейных и критических позиций начала 1830-х годов, послужила причиной тому, что на долгие последующие годы Н. А. Полевой занял место далеко на периферии культурной памяти образованного общества. Два последних десятилетия, вернувших культурной памяти многое из того, что сознательно или бессознательно вытеснялось за ее пределы, в отношении Н. А. Полевого продемонстрировали избирательность, в результате которой акцент был поставлен на исторической беллетристике автора, а его исторические научные труды, с одной стороны, и его довольно обширное драматургическое наследие, с другой, так и остались вне генеральных линий «нового» осмысления культурного процесса XIX века.

Драматургия Н. А. Полевого представляется нам не менее интересным явлением, чем его теоретическая историософия, так как последняя, в общем, действительно, не выходила за рамки актуальных в первой трети XIX века исторических идей романтизма, тогда как первая была ярким, оригинальным и, во многом, экспериментальным

явлением на русской сцене и в русской драматической литературе. Подобно тому, как А. Н. Островский сказал о себе в 1869 году: «…он написал целый русский театр…»[1] , Н. А. Полевой мог бы утверждать подобное, например, в 1844, и, хотя по общей численности созданных пьес он уступает Островскому, его драматургия (прежде всего, на сюжеты национальной истории) была не менее важна для формирования театральных идей, популярных не только при жизни драматурга, но, как показывает репертуарная история русских театров, на протяжении всего столетия.

Сложившаяся в XX веке научная традиция вообще склонна недооценивать репертуарную драматургию (сценическую литературу), как не соответствующую высоким требованиям литературного вкуса. На самом же деле, именно такая драма на протяжении всего XIX века была одной из важнейших форм историко-культурной самоидентификации театрального зрителя. Целый ряд драматургов, к числу которых можно отнести и Н. А. Полевого, поставив цель создания национальной исторической пьесы, доступной в отношении содержания широкой публике и способной своей сценической формой воздействовать на его патриотические чувства, по сути, создавал своеобразную «публичную историософию», не дополнительную и не эпигонствующую по отношению к философской или поэтической историософии романтизма, но вполне самодостаточную, выстраивающую собственные ценностные иерархии в осмыслении исторического процесса.

Н. А. Полевой является, пожалуй, самым интересным автором репертуарной драматургии 30-40-х годов XIX века. Он интересен уже тем, что и при жизни вызывал диаметрально противоположные отзывы критиков. Преобладали положительные, даже восторженные: «Н. А. Полевому досталась пальма первенства. В краткое время он постигнул сцену и превозмог все её трудности. Почти все его пьесы имели блистательный успех, и все до одной имеют большое достоинство»[2]; «Такого блестящего приема пьесам на Александринском театре давно уже не было как *“Параше-сибирячке”*. Автор её Н. А. Полевой был три раза вызван, при громких рукоплесканиях и криках браво. Новое произведение нашего любимого литератора исполнено занимательности, неподдельных чувств и верных характеров; действующие лица этой пьесы списаны с натуры; одни из них заставляют невольно плакать, другие возбуждают непритворный смех. Многие монологи приводили публику в восторг»[3]. Были и другие, где критический пафос иногда перерастал в полное неприятие автора, как, например, у В. Г. Белинского: «Мы напротив, думаем, что г. Полевой в своих драмах несравненно выше, чем А. А. Орлов в своих романах, и что в драмах г. Полевого есть немножко и вкуса, много грамотности и смысл везде налицо. Но вот в том-то и беда наша, что мы не любим посредственности, она для нас хуже бездарности»[4]. Определенная правота Белинского и других, критически оценивающих драматический талант Полевого, тем не менее, не мешала феноменальной популярности его исторических пьес у публики. Эта культурно-историческая ситуация рождает целый ряд вопросов. Нам хотелось бы поставить здесь те из них, которые характеризуют драматурга как участника поисков новых идей и форм национальной драматургии.

Как драматург, Н. А. Полевой был наиболее разносторонним экспериментатором – он творил практически во всех жанрах – писал и переделывал с французского комедии и водевили, писал романтические драмы, подобно Н. В. Кукольнику с его «фантазиями», где действуют романтические герои в романтической обстановке, «драматические представления», грандиозность замысла которых не позволяла, очевидно, придать им какую-либо привычную сценическую форму, наконец, создал особый «жанр», получивший у него название «быль» с различными прилагающимися к нему эпитетами: «драматическая», «русская», «историческая»[5]. Этот жанр, наиболее люби-

мый Н. А. Полевым и, по всей видимости, публикой, вызывал устойчивое недоумение и насмешливое отношение критики, даже той, которая, в целом, высоко оценивала творчество автора: «От времени до времени являются на сцене пьесы под названием драматических, исторических, анекдотических былей, представлений, водевилей и пр. Мы почитаем сии оговорочки ограждением автора от нашествия критики. Сохрани нас Боже осуждать это безгрешное подготовление зрителей к грешкам, которые сам родитель видит в новорожденном»[6]; «Полевой выдумывает, например, новую кличку для драматических пьес – драматическое представление. Иногда он отделывается названием *русской были*, чтоб сильнее польстить национальности, или прозвищем драматическая повесть, когда пьеса кажется ему почему-то непохожею даже на драматическое представление, то вдруг у него выходит какая-то *историческая быль* или *военный анекдот*, или *исторические сцены* и проч. Все эти прозвища совершенно произвольны и ни на чем не основаны. В сущности, все эти драматические представления, русские были и драматическая повесть "Ломоносов" были те же драмы, без всякого изменения в общепринятой форме»[7]. С последним утверждением, наверное, можно не согласиться и попробовать объяснить, по возможности глубже, особенности индивидуального творческого мышления драматурга, приводившего его к результатам, которые он сам считал вполне оригинальными.

Необычные жанровые определения, возникавшие у Н. А. Полевого при попытке идентифицировать свои творения, свидетельствуют о сознательном обращении автора к эпическому началу для того, чтобы осмыслить форму драматического произведения.

Существует прочная литературоведческая традиция – считать взаимовлияние эпических и драматических жанров характерной чертой русского литературного процесса. Однако сложность такого взаимодействия в структуре реальных художественных форм обычно остается за границами исследовательских интересов. Исходная противоположность форм драмы и эпоса обуславливает то, что если эпическое начало просто «входит» в драму, то оно неизбежно разрушает её (примеры тому – многочисленные «драматические хроники» XIX века), предназначая произведение, прежде всего читателю, а не зрителю. Драма же, соответствуя своей природе, должна быть сценична, и это диктует специфические особенности её формы. В основе сценической драмы классического европейского образца всегда лежит умело построенная интрига. Попытки понять конструктивное различие между интригой (основой драмы) и повествованием (основой эпоса) привели нас к выводу о том, что закономерность, устанавливаемая исследователями для художественного диалога: «<…> в этих связях существует определенная закономерность, которая заключается в том, что драматическое действие все время возвращается к тому, что произошло ранее: в какой-то момент очередная реплика вытекает не из предшествующего драматического поступка-реплики противодействующего лица, но из всего совокупного драматического действия, совершенного до этого момента. И тогда мы имеем скачок в развитии драматического действия, оно переходит на новый композиционный уровень»[8], – можно отнести и к особенности структуры интриги вообще, обозначив её как своеобразную поэтику «возвращения действия», актуальную для композиции драматического произведения; повествование же предполагает (в исходном композиционном варианте) последовательное изложение событий текста. Тяга к повествовательности в русской драме очень заметна на всех этапах её развития – она и в многочисленных переделках в пьесы прозаических произведений (главным образом, повестей), и в самой организации речи персонажей, которая всегда излишне монологична, а монологи имеют описательный характер. Это посто-

янно присутствующее в русской драматургии повествовательное начало, наверное, можно объяснять по-разному – в самом общем и широком смысле – стремлением к воплощению мира эпически целостного, не разрываемого и не разрушаемого изнутри конфликтами, демонстрирующего изначальную и конечную примиренность контрастов. «Надсюжетный» смысл эпоса заключается, наверное, в том, что он дает представление о полноте бытия в его принципиальной ненарушаемости, поэтому он и противоположен драме, которая обращается именно к критическим моментам его существования. Нам, в данном случае, важно другое: перед теми, кто считал себя создателями национального репертуара, стояла масштабная задача – соединить в сценическом тексте оригинальное «эпическое мироощущение» с традиционной театральной интригой; задача, попытки решения которой и представляют нам 30–40-е годы XIX века.

Мы сосредоточим внимание на «драматических былях» Н. А. Полевого, созданных в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века, так как именно в них, на наш взгляд, драматург пришел к таким формальным (сценическим) результатам, которые позволили ему завоевать расположение публики – «пальму первенства» среди современных ему других драматургов. «Были» Н. А. Полевого – это короткие драматические произведения в одном или двух действиях, сюжеты которых чаще имеют историческое (или легендарно-историческое) происхождение. Это ***«Дедушка русского флота»***, историческая быль в 1 д. Предст. СПб. 09.11.1838 г. (Бен. Асенковой)[9]. ***«Иголкин, купец новгородский»***, историческая быль в 1 д.[10], ***«Параша Сибирячка»***, русская быль в 2 д. с эпилогом[11], Предст. СПб. 17.01.1840 г. (Бен. Асенковой) ***«Солдатское сердце или Бивуак в Саволаксе»***, военный анекдот в 2 д. с эпилогом[12], Предст. СПб. 09.07.1840 г. (Бен. Сосницкой) – тогда же 2 последующие пьесы. ***«Костромские леса»***, быль в 2 д.[13]. Предст. СПб. 24.09.1841 г. (Бен. Сосницкой). ***«Русский моряк»***, историческая быль в 1 д.[14] Предст. СПб. 11.01. 1844 г. (Бен. В. А. Каратыгина).

Во-первых, необходимо отметить, что для Н. А. Полевого, как и для многих других русских драматургов, «эпической идеей», подходящей для драмы, была, преимущественно, идея героическая, во всяком случае, возвышенная до таковой. Основания, содержащие такие идеи, Н. А. Полевой, так же, как и другие, прежде всего, находил в отечественной истории. Но у него, в отличие, например, от Н. В. Кукольника, мы часто видим сознательное, присутствующее уже как прием, сведение «эпического» и «героического» к бытовым по характеру коллизиям, наиболее узнаваемым и воспринимаемым в качестве сценического действия. Но, в случае Н. А. Полевого, действия очень небольшого, несложного, которое не мешало бы выражению заявленной идеи.

Вышесказанное можно отнести не только к «былям», но также и к близкому к ним по содержанию «военному анекдоту из финляндской кампании в 2 действиях с эпилогом» – «Солдатское сердце, или Бивуак в Саволаксе». Прозаический элемент здесь налицо – это «случай», возможно, вымышленный, внешнего драматизма практически не имеющий, пересказанный в форме диалогов. Следует отметить также «эпилог» – характерную деталь структуры эпического произведения, в котором автор считает необходимым донести до слушателя, читателя или зрителя в концентрированной форме главную идею произведения, опасаясь, как бы та не оказалась потерянной за многословным и сложным текстом. Ощущение «драматической недостаточности» своих пьес заставляло Н. А. Полевого иногда заключать их эпилогами, может быть, в чем-то схожими с заключительными куплетами водевиля, но, в отличие от тех, нарочито серьезными, морализующими или патетическими, в монологической или диалогической форме.

В соответствии с вышесказанным – первое действие «анекдота» действия как

такового не имеет и состоит из русских песен, бытовых зарисовок русского военного лагеря и лирически-ностальгических разговоров о русской земле, царе и пр. В качестве элементов драматического действия зрителям предлагается информация о каких-то военных событиях и решение принять в них участие. Это элементы интриги, где нечестный шведский поселянин (Кауце) по корыстным соображениям оговаривает перед русскими солдатами честного шведского поселянина (Крузе), которого они и собираются «наказывать».

Второе действие имеет свою внешнюю драматургию – идиллическая картина сельской жизни (семейство Крузе, подготовка к свадьбе и т.д.) нарушается появлением русских солдат, исполненных жаждой праведной мести, от них прячут Крузе и происходят другие соответствующие мизансцены. Этот драматический отрезок (вернее, драматизированный эпизод повествования) не является по форме и структуре частью драматического произведения – его драматургия слабо связана с предшествующим фрагментом и не подразумевает никакого драматургического продолжения. Она является лишь поводом для обнаружения высоких моральных качеств русского солдата, обобщенный образ которого был создан в первом действии. «Солдатское сердце» оказалось способным понять драму мирных жителей, оказавшихся перед лицом военной угрозы, это повлекло за собой прекращение карательных действий, дружбу с шведскими поселянами и их вывод: «Если русское оружие покорило Финляндию – дела русских покорят наши сердца!». Чтобы достигнутый результат не показался только имеющим отношение к данному драматическому эпизоду, автор сразу же после него помещает «эпилог», где русские солдаты опять (повторяя мотивы первого действия) рассуждают о «моральности» войны, родине и т.д. После этого мы еще видим «финал» «локального действия» – Крузе приходит в русский лагерь сообщить, что для него все закончилось благополучно, наглядно реализуя идею дружбы между понимающими друг друга «простыми людьми». Таким образом, в итоге решаются две задачи, одна – завершение локального драматического сюжета, который вследствие незначительности и ограниченности назван анекдотом, другая – доведение до конца логики «моральной идеи» – торжества гуманизма русского воина, которую здесь, может быть, нельзя назвать «эпической», но и «драматической» по содержанию и форме воплощения она также не является. Можно сказать, что это – два самостоятельных плана произведения, где «разговоры» не являются «драматическим действием», а «драматическое действие» не является достаточной причиной для «разговоров». В результате мы имеем такое качество пьесы как «недостаток драматизма» (согласно имевшему место в первой половине XIX века определению) и вообще – отсутствие целостности драматической структуры, что, впрочем, охотно прощалось Н. А. Полевому публикой, ждавшей от сценического действия кроме «живости» еще и выражения национальных идей, что и давал ей автор в доступной форме, как в данном случае – почти сведенной к лирическим рассуждениям, оперирующим речевыми штампами морально-патриотического характера.

Но, безусловно, такое сценическое произведение не может быть до конца убедительным, потому что лирические или патетические реплики и монологи не выполняют функций драмы, которая должна достигать своих целей и убеждать публику действием, причем, хорошо организованным. Нам кажется, что попыткой достичь единства действия и идеи как раз и являются «были» Н. А. Полевого, к которым он относился как к серьезным драматическим опытам.

Сам автор дал им интересную характеристику: «В ***Дедушке Русского Флота*** – очерк исторической картины и Русское народное чувство; в ***Иголкине*** – простое изображение фантастического чувства любви к отечеству без всяких декораций сценичес-

ких <…> в ***Русском человеке*** – сцену, сведенную на самые простые события и чувства ежедневные, в которых многие не находят предмета для художника <…> в ***Прасковье Лупуловой*** опять коснуться простого изображения любви детской, которая провела простую девушку из снегов Сибири к царскому престолу, для испрошания милости виновному отцу ее»[15]. Свойственная эпохе свободная публицистическая манера высказывания не лишает его, однако, конструктивности. Можно заметить, насколько часто для объяснения идеи драматического произведения и соответствующих особенностей формы, автором употребляется слово «чувство». Выражение чувства – всеобъемлющего, простого и сильного – обуславливает, с точки зрения Н. А. Полевого, не совсем обычную драматическую структуру, которая получает у него название «были» (преимущественно «русской были»). Дело, наверное, в том, что «чувства», которые автор стремился выражать своими пьесами – это не «любовь, страсть по преимуществу» (в отсутствии которой критика иногда упрекала Н. А. Полевого), но «чувства», близкие к тому эпическому содержанию «национального сознания», «народного духа», о котором мы говорили выше. У Н. А. Полевого эта категория переведена именно в плоскость «чувства», несложного, но сильного ощущения, хотя принадлежит это чувство все тому же философско-этическому плану.

Может ли такая идея стать органичным основанием для полноценной драматической структуры? Опыты Н.А. Полевого свидетельствуют о попытке найти собственный путь для создания «серьезной» драмы.

Определенная общность между Н. А. Полевым и другими современными ему создателями национального репертуара, конечно, была. Мы уже говорили, что так же, как и другие, в поисках драматического сюжета, способного обеспечить выражение важной национальной идеи, писатель обращался, в первую очередь к истории Отечества. Однако, если, с одной стороны, Н. В. Кукольник представлял историю в сложности, близкой к реальной исторической картине, а с другой – для П. Г. Ободовского реальная историческая основа вообще не имела значения, то Н. А. Полевой, всегда имея ввиду определенную историческую реальность, предельно мифологизировал её, выбирал такие исторические моменты, которые давали бы возможность сконцентрироваться на одной героико-патриотической или героически-страдательной ее стороне, упрощая даже эти моменты до состояния условной схемы, а часто даже обходился без конкретных исторических сюжетов, домысливая фабулу в соответствии с заданными параметрами.

Собственно исторический характер имеет «русская быль в 2 действиях» «Костромские леса», представляющая хорошо известный зрителям подвиг Сусанина. Здесь мы видим сознательный отказ от функции героя в драме. Сусанин не герой в драматическом понимании – он «один из многих», производная «народа», а главное – «народного духа», производная без личного характера, без каких-либо реалистических черт, к тому же ещё исполненная мистического содержания. Такое отношение к центральному персонажу закреплено как названием пьесы («Костромские леса» – символ русской земли), так и посвящением: «Жителям Костромы, землякам Сусанина»). Что интересно, реального исторического действия здесь почти нет – первое действие представляет обоснование замысла действие, а второе – итог действия и смерть Сусанина. «За текстом» остаются и реальные исторические фигуры – царица Марфа Ивановна и молодой Михаил Романов. Что же является драматическим содержанием? Разрешение сложной духовной коллизии (являющейся, для автора «надсюжетным» смыслом данной исторической фабулы) – изменение самоощущения «национального духа», который от неуверенности и сомнений, связанной со Смутным временем, что слышится даже в словах Сусанина: «…(угрюмо) Хле-

бу-соли так, а Царю песен не пойте <…> А то, что у нас теперь в Русском царстве время горькое, безгосударное. Хоть Господь и привел нас видеть матушку-Москву, царскую столицу, от врагов свободную, но Царя православного ещё у нас нет. Будем молиться Богу, да ниспошлет он нам Царя достойного», приходит к укреплению, самообретению и торжеству, несмотря на трагическую ситуацию реальной физической смерти конкретного лица (Сусанина).

В данном случае мы видим такое конструирование действия, в котором главенствующее значение приобретает уже не «локальная» драматическая ситуация (конкретный исторический подвиг Сусанина), а ситуация «эпическая», утверждающая принципиальную, вечную победу «национального самосознания» над всеми временными историческими трудностями. И здесь Н. А. Полевой делает значительный шаг на пути создания иной формы сценического диалога (имеющей непосредственное отношение к тому, что потом у А. Н. Островского примет форму «речевого театра» – не вполне объясненное определение). То, что мы назвали «эпической идеей», предопределяющей смысл сценических произведений Н. А. Полевого, идеей, носящей позитивный исторический или моральный характер, появляется в структуре пьес в качестве настойчиво звучащей речевой темы. В анализируемых «былях» можно наблюдать развитие тенденции использования значимых речевых тем и они важны уже как фактор, создающий интригу в её новом «мелодраматическом» качестве. Характер создаваемой интриги, действительно, с некоторой условностью можно определить как мелодраматический (конфликт, разрешаемый благодаря участию привходящих, независимых от действия факторов), понимаемую как своеобразную «чудесность», где роль факторов, внезапно и счастливо изменяющих или создающих драматические события, выполняют те же «затекстовые» силы, которые являются выражением «эпической идеи». В данном случае – это «чудесный» Сусанин, наполненный мистическими предчувствиями, следующий указаниям «сна» и почти «бестелесный», это «чудесно» избранный на царство Михаил Романов, без чего «драматургия» не была бы законченной.

«Костромские леса» представляют такой способ создания драматической структуры, где реальная историческая ситуация, максимально усеченная, является лишь необходимым материалом, дающим возможность составить некоторые обстоятельства действия, служащие, в свою очередь, представлению более важной «интриги» – драматургии, выражающей состояние «национального духа». Поэтика «возвращения действия» здесь соблюдена, но возвращается действие не к каким-то фабульным своим моментам, а именно к заявленной идее и связанным с ней речевым темам. Её присутствие определяет движение сюжета и делает оправданным финал – торжество заданной эпической идеи» – любви к Отечеству, верности Царю, чести, победы «Русского духа». Так и построено действие «Костромских лесов» – «завязка» здесь – рассуждения Сусанина о «горьком времени»; определяющим сюжетным моментом является «вещий сон» Сусанина, а дальше все события зависят от развертывания этого смысла в реальном пространстве, – завершается композиционно пьеса также обращением ко «сну», реализуя обозначенную идею, – «сон» сбывается. Таким образом, драматическая ситуация исчерпывается и даже умирает счастливый Сусанин уже «за рамками» сюжета.

Несколько иначе обстоит дело в тех случаях, когда нет или недостаточно конкретных исторических обстоятельств и их можно домысливать, согласно пафосу основной идеи. Это и есть, собственно говоря, «русская драма» – «русская быль» в драматической форме, в представлении Н. А. Полевого. В результате автором могли быть использованы в качестве материала почти водевильная интрига («Дедушка русского

флота»), «слёзная» мелодраматическая коллизия («Параша-сибирячка») или вообще никакой интриги или коллизии («Иголкин, купец Новгородский»).

В первом случае зрителям предлагается привычная водевильная коллизия – соединение влюбленных через устранение препятствий, каковыми являются не очень устойчивое общественное и материальное положение жениха и старый богатый претендент на руку невесты. Поставленная же автором «надсюжетная» цель – прославление и укрепление русского имперского духа, выражение национальной монархической идеи, внешне никак с этой коллизией не связана, не является ни её причиной, ни следствием. Но тут-то и начинается «волшебство» драматурга, который для решения водевильной коллизии наиболее приемлемым считает вмешательство «высшей силы», которой в данном случае является царская власть (именно Петра I). Правда, все не так просто, и полное представление «высшей силы» в её драматическом функционировании требует дополнительных усилий, оправдывающих её присутствие здесь, в результате чего расширяются функции второстепенного персонажа (отец невесты), который оказывается полноправным участником российской истории, построившим первый ботик дедушке Петра I. Действие загружается «сказочными» повествовательными мотивами – о русской истории, Смутном времени, Стеньке Разине и т.д., но поскольку они имеют условно-фольклорную окраску – не очень мешают водевильной интриге, благодаря этому второстепенному персонажу (который уже не является таковым в полном смысле слова) становится «проводником» выявленной «эпической идеи» – в характерной водевильно-мелодраматической специфике подачи, приукрашенной нарочито «фольклорной» манерой речи, близкой к манере народного «сказа». В результате «чудесных» открытий Петра I относительно этого персонажа происходят все последующие «чудеса», вследствие чего и разрешается счастливо первоначальная водевильная коллизия. Характерным признаком и этой пьесы является то, что все «чудесные мотивы» имеют существование «за текстом», составляя определенный независимый и целостный план, необходимый для успешного функционирования «первого плана», локального действия. Апофеозом совместного существования разных планов, доказывающим возможность соединения драматического конфликта с «эпической идеей» является финал пьесы, где в туманной дали, невидимой зрителю, но угадываемой им, персонажам «видится» приближающийся Царь и «Боже, Царя Храни» в оркестре.

Анализ своеобразной драматической структуры других «былей» Н. А. Полевого приводит практически к тем же выводам, позволяющим говорить о неожиданных и интересных результатах, достигнутых им на поприще трансформирования устойчивых представлений о драматической форме, с целью внести в нее новые элементы, выражающие значительные национальные идеи, которые мы определили как «эпические». И нужно сказать, что наиболее органичными были те структурные результаты, где «эпическая идея» становилась неотъемлемой частью речевой организации, такой составляющей диалога, которая была необходима для существования целостной композиции.

Итак, мы можем сказать, что Н. А. Полевой, так же как и другие русские драматурги первой половины XIX века, считавшие своей главной задачей создание национального репертуара или обогащение его оригинальными пьесами, искал возможность выразить, в форме сценического произведения, обобщенные, национально значимые идеи, актуальные в эпоху становления национального самосознания – идею целостности «народного духа» и народного сознания, идею героического участия русского народа в движении истории, идею важности православно-монархических начал для русского общества. Категории, имевшие значение основных со-

держательных начал для авторов драматических произведений, являются по своему характеру, скорее, эпическими, чем драматическими, характеризующими именно «эпическое» состояние мира, что обусловило объективные трудности на пути создания драматической формы, но также послужило причиной интересных находок и «нововведений», вообще интересных для этого «экспериментального» периода. В результате, в границах «массовой» сценической драматургии, как мы уже отмечали, создавался своеобразный вариант «публичной историософии», не во всем (насколько позволяют судить драматические тексты) совпадающий с научной и литературной философией истории. Вопрос о содержании этой «публичной историософии» еще только должен быть поставлен.

Примечания

[1] **Островский А.Н.** Полное собрание сочинений. – т.14. – М.,1953. – с.179.

[2] **Булгарин Ф.В.** Драматические письма. Письмо первое (К князю А.А. Шаховскому). // Репертуар русского и Пантеон иностранных театров. – 1843. – Т.I. В за– С.119.

[3] Хроника Санкт-петербургских театров с 13.12.1839 по18.01.1840. // Репертуар русского театра. – 1840. – №2. – С.5.

[4] **Белинский В.Г.** Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. // Отечественные записки. – 1842. Т.XXV. – №11. Цит. по изданию: Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9 тт. – Т. 5. – М.,1979. – С.335.

[5] Наиболее полный и упорядоченный список драматический произведений Н. А. Полевого можно найти в книге: Боцяновский Вл. Н. А. Полевой как драматург. СПб.,1896.

[6] Отчет за истекшее полугодие о достоинстве пьес и выполнении их артистами на Александринском театре. // Репертуар русского театра. – 183. – Т.II. – Кн.8. – С.5.

[7] А. Л-въ Полевой как драматический писатель. // Пантеон. – 1848. – Кн.12. – С.4.

[8] **Садикова В.А.** Специфика композиции и языка драматического произведения… Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М.,1993. – С.8.

[9] **Полевой Н.А.** Дедушка русского флота. Русская быль в одном действии. // Репертуар русского театра. 1839. ТТ.I-II.

[10] **Полевой Н.А.** Иголкин, Купец Новгородский. Историческая быль в одном действии, с эпилогом. // Репертуар русского театра. 1839. ТТ.I-II.

[11] **Полевой Н.А.** Параша-сибирячка. Русская быль в 2 д. с эпилогом. // Репертуар русского театра. 1840. – Кн.1.

[12] **Полевой Н.А.** Солдатское сердце, или Бивуак в Саволаксе. Военный анекдот из финляндской кампании, в двух действиях, с эпилогом. Посвящено Ф.В. Булгарину. // Репертуар русского театра. 1840. Т.II. №8.

[13] **Полевой Н.А.** Костромские леса. Русская быль в двух действиях. Посвящается жителям Костромы, землякам Сусанина. // Репертуар русского театра. 1841. Т.II. Кн. 11.

[14] **Полевой Н.А.** Русский моряк. Историческая быль в 1 д. // Библиотека для чтения. 1844. Т. 62.

[15] **Полевой Н.А.** Несколько слов о русской драматической словесности (Письма к Ф.В.Булгарину) // Сын Отечества. 1839. VIII. С.112-113.

В.И. Страдымова

КОНЦЕПЦИЯ ДРУЖБЫ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ (КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД)

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена исследованию одного из аспектов межличностных отношений – феномену дружбы в Древней Греции в классическую эпоху. Для исследования привлекаются тексты античных философов (Демокрита, Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Эпикура, высказывания, приписываемые Сократу). Анализ именно античных источников дает возможность более точно показать, как изменялись представления о дружбе и каковой стала сущность этого феномена во время жизни вышеуказанных философов.

Античность представляет завершенный цикл развития дружбы. Возникнув на стадии общинно-родового строя, дружба (и как феномен этики, и как вербальное его выражение) имела отношение к кровным родственникам или ко всем лицам, принадлежавшим к одному роду или племени. С разрушением общинно-родовых связей идеал дружбы приобретает новые качества: друзьями становятся соратники в бою, принадлежащие к одному коллективу и преследующие общие цели. Утратив связь с родством, дружба становится избирательной и рациональной. В гомеровский период дружба приобретает черты политического товарищества.

В классической Греции картина постепенно усложняется. Появление классов и государства существенно ослабляет узы родства, а свободно выбранные дружеские связи все чаще не совпадают с родственными. Друзьями теперь называют приверженцев, единомышленников, людей, объединенных общими интересами.

Древнегреческая философия оформилась в борьбе против мифологии, своими истоками уходившей в первобытно-общинный строй и тесно связанной с религиозными представлениями древних греков. В этой борьбе выделились материалистические учения, целью которых была победа науки над религией. Уже первые философские школы Древней Греции VI в. до н.э. вели острую идеологическую борьбу: материалистические школы Милета и Эфеса боролись с пифагорейской и элейской школами философии, в которых обнаруживались идеалистические тенденции. Позднее (в V-IV вв. до н.э.) это противостояние сменилось еще более упорной и глубокой борьбой между «линией Демокрита» и «линией Платона».

Этико-социальные воззрения Демокрита позволяют выявить в его учении о нравственности некоторое представление о дружбе. Исходя из этого учения, тот не достоин жить, у кого нет хорошего друга. Демокрит особо выделяет истинную и разумную дружбу, единственно достойную почитания. Разумность как умственное и моральное качество выдвигается философом на первое место: «Дружба одного разумного человека дороже дружбы всех неразумных» (Зол. изр., LXIV), при этом Демокрит утверждает, что истинную дружбу создает лишь «единомыслие» (Стобей, II,33,9,).[1] Самое трудное в дружбе – это уметь отличать истинных друзей от мнимых, для чего нужна мудрость. Наряду с прославлением полезности и необходимости дружбы Демокрит говорит еще и о ее неустойчивости, предупреждая о возможном коварстве и неверности друзей: «Многие отворачиваются от своих друзей, если последние, потеряв достаток, впадут в нужду» (Зол. изр., LXVII). Но, несмотря на зыбкость и край-

нюю нестабильность дружеских отношений, Демокрит все же полагает, что дружба – одно из самых ярких и важных видов связи между людьми: «Не стоит жить тому, у кого нет ни одного истинного друга» (Зол. изр., LXV).

Идеал дружбы индивидуализирован и экспрессивен в философском окружении Сократа и Платона. Эти философы переосмысливают феномен истинной дружбы и возводят индивидуальные, глубоко субъективные чувства и межличностные отношения в ранг наивысших и ценнейших.

По утверждениям Сократа дружба строится на тотально-личностном отношении, окрашенном всем спектром человеческих эмоций. Нет ничего истиннее человеческих чувств, поэтому дружба у Сократа индивидуализирована (Ксен. Восп. о Сократ.IV,III,11-12).[2]

Вслед за Сократом Платон ставит дружбу выше всех остальных чувств, присущих человеку, акцентируя свое внимание прежде всего на эмоциональной и духовной природе этой формы человеческого общения. Платон подвергает глубокому анализу весь ряд эмоциональных аспектов этого феномена. Дружба, по мнению Платона, коренным образом отличается от товарищества, и основное ее отличие кроется в «душевных движениях» (Плат. Пир. 192c). В связи с этим возникает вопрос о соотнесении дружбы с другими эмоциональными привязанностями, прежде всего с любовью.

Слова φιλία и ’έρος по своему первоначальному смыслу противоположны: первое означало близость и соединение подобного, а второе – борьбу и последующее соединение противоположного [1, с.57]. Позднее эти слова стали обозначать разные виды или оттенки любви: ’έρος – стихийная страсть и жажда обладания, φιλία – любовь-дружба, обусловленная социальными связями и личным выбором. По Платону, любовь и дружба не столько различные чувства, сколько разные его аспекты – духовный и чувственный (Плат. Пир. 192d). Духовность дружбы раскрывают взаимоотношения людей, такие взаимоотношения строятся на доверии, искренности, честности. Польза становится побочным продуктом дружбы, а вовсе не ее конечной целью.

В классической Греции, таким образом, происходит переоценка идеала дружбы, которая уже не мыслится союзом соратников, связанных общим делом, а приобретает черты расчетливого товарищества, преследующего достижение материальных ценностей. По мере разложения общинных связей дружба становится более или менее временным союзом, основанном на общности интересов. Дружба теряет свое героическое величие, каковое имела в гомеровскую эпоху, отстраняясь тем самым от нравственного идеала. Как протест против этого возникает идеал бескорыстной и безотчетной, основанной только на эмоциональном притяжении дружбы – любви.

Наиболее развернутое учение о дружбе представлено в VIII и IX книгах «Никомаховой этики» Аристотеля. В труде Аристотеля основной акцент делается на исследовании добродетели как некоей субстанции, разновидностью которой является «φιλία». Слово φιλία в древнегреческом языке носит многозначный характер и обладает многими значениями. Автор общепринятого перевода рассматриваемого трактата Аристотеля Н.В. Брагинская слово φιλία переводит как «дружба», «дружественность», «дружеские связи», «любовь».[3] Во избежание терминологической путаницы и ложной трактовки некоторых позиций теории Аристотеля, изложенной в VIII и IX книгах «Никомаховой этики», слово φιλία будет пониматься нами как «дружба».

Первоначальное объяснение феномена дружбы Аристотель выводит через сферу родственных отношений (Н.Э., VIII, 1, 1155a), тем самым давая понять, что φιλία – некое свойство, приобретаемое человеком при рождении. Аристотель утверждает, что дружба необходима человеку на любой стадии взросления, будь то

юноша, зрелый мужчина или старик (Н.Э., VIII, 1 1155a). Со словом φιλία у Аристотеля связаны такие понятия как «дружеская приязнь» – φιλητόν (Н.Э.,VIII, 2, 1155b), «предмет дружбы» – τό φιλητόν (Н.Э., VIII, 2, 1155b), «дружеское чувство» – φιλήσις (Н.Э., VIII, 2, 1155b), «взаимное расположение» – ’′ευνοια (Н.Э., VIII, 2, 1155b). Дружеская связь построена на желании блага для друга, блага вообще – τό ’αγαθόν (Н.Э., VIII, 2, 1155b). Идею того, что дружба – это чувство глубоко бескорыстное, не требующее взамен ничего, кроме привязанности и взаимного расположения, подкрепляет понятие «ответного чувства» – ’αντιφιλήσις (Н.Э., VIII, 3, 1156a), именно оно делает дружбу полноценным чувством.

Аристотель различает три вида дружбы: дружбу, основанную на взаимной пользе; дружбу, преследующую взаимное удовольствие; дружбу, основанную на добродетели (Н.Э., VIII, 3, 1156a). Первые два вида дружбы являются низшими: здесь ценят не друг друга, а только ту пользу или то удовольствие, которые достигаются в общении двух человек. Такая дружба не может быть положительной, так как с исчезновением пользы или удовольствия исчезает и сама дружба (Н.Э., VIII, 3, 1156a). Истинной является дружба, основанная на добродетели: такая дружба имеет цель сама в себе и сохраняется до тех пор, пока люди, ее разделяющие, остаются добродетельными (Н.Э., VIII, 4, 1156b). Вместе с тем, дружба, основанная на добродетели, включает в себя взаимную пользу и удовольствие (Н.Э., VIII, 4, 1156b). Предполагая равенство участвующих в ней лиц, дружба тесно связана со справедливостью и теми условиями государственной жизни, в которых проявляется эта справедливость (Н.Э., VIII, 13, 1161-1162a).

Природа человека настолько сложна и противоречива, что иногда трудно определить границы ее возможностей. Чувство дружбы, заложенное в человеке, может иметь два вида самореализации: дружба по отношению к самому себе и дружба по отношению к другому. Аристотель, анализируя сложность этого вопроса, приходит к выводу о том, что дружбу необходимо питать прежде всего к тому, кто является истинным другом (Н.Э., IX, 8, 1168a), иначе следует ввести понятие «себялюба» – φίλαυτος (букв. «друг для себя») (Н.Э., IX, 8, 1156a). Аристотель ставит в вину дурным людям желание благ ради них самих (Н.Э., IX, 8,1168b), поскольку это расходится с его пониманием добродетельности друга (Н.Э., VIII, 4, 1156b). Поэтому себялюбы порицаются за их желание благ в первую очередь для самих себя: большую долю в имуществе, почестях и телесных удовольствиях (Н.Э., IX, 8, 1168b). Добропорядочный же человек желает в первую очередь благ друзьям и многое делает ради них (Н.Э., IX, 8, 1169a). Таких людей Аристотель наделяет нравственной красотой, как наградой за их собственно добродетельные поступки (Н.Э., IX, 8, 1169a). Таким образом, «себялюбы», желающие благ для самих себя, не получают ничего, кроме порицания (Н.Э., IX, 8, 1168b); добропорядочные же люди обладают нравственной красотой как мерилом их добродетельных поступков (Н.Э., IX, 8, 1169a).

Аристотель вводит понятие «расположение» – ’′ευνοια (Н.Э., IX, 5, 1166b), которое следует отличать от дружбы, поскольку оно может быть тайным, а в дружбе это невозможно (Н.Э., IX, 5, 1166b). Аристотель, считая расположение началом дружбы, подчеркивает значимость этого понятия, отмечая, что нельзя быть друзьями, не став расположенными друг к другу (Н.Э., IX, 5, 1167a). Однако расположение не является собственно дружбой, поскольку последняя рождается по прошествии долгого времени (Н.Э., IX, 5, 1167a).

По мнению Аристотеля, сущность дружбы – это союз добродетельных (Н.Э., VIII, 5, 1157a), а истинным другом может стать только человек, достойный дружбы и доверия (Н.Э., VIII, 4, 1156b). Дружба реализуется во взаимном общении, которое при-

носит наслаждение, а это и есть главный признак дружбы – наслаждение общением: μάλιστα φιλικά (Н.Э., VIII, 7, 1158a).

В понимании Аристотеля дружба (φιλία) уже не является ни традиционным социальным институтом, ни разновидностью расчетливого товарищества, ни проявлением эротического влечения, как это трактовалось до мыслителя, а самостоятельным, высокоиндивидуализированным видом межличностных отношений.

Продолжателем линии Демокрита был греческий философ Эпикур (конец IV в до н.э. – начало III в. до н.э.), учение которого тоже вполне индивидуалистично. В центре эпикурейской этики находятся блаженство и невозмутимость духа (’αταραξία – атараксия) [2, с.110]. Основное требование эпикурейской этики – «живи незаметно» (λάθε βίωσας), и ее индивидуализму не противоречит и восхваление Эпикуром дружбы. По мнению философа к дружбе стремятся ради нее самой, но ценится она ради приносимой ею безопасности, ради безмятежности души. В сохранившемся труде «Главные мысли» Эпикур утверждает: «То же самое убеждение, которое дает нам безбоязненность относительно того, что ничто страшное не бывает вечным или долговременным, усмотрело и то, что безопасность, даже в нашем ограниченном существовании, наиболее полно осуществляется благодаря дружбе» (XXVIII).[4] Отсюда ясно, что этическое мировоззрение Эпикура – утилитаризм, которому соответствует также и его учение о происхождении справедливости из договора: «Справедливость, происходящая от природы, есть договор о полезном – с целью не вредить друг другу и не терпеть вреда» (XXXI). Позднее идея договора в сфере дружеских отношений найдет свое отражение в Риме в концепции Цицерона. Согласно этике Эпикура, справедливость, как и дружба, являясь результатом договора, соглашения между людьми, в своем содержании обусловлена личными особенностями их жизни.

Таким образом, в этических учениях Древней Греции классического периода феномен дружбы претерпевает значительные изменения. Историческая смена поколений влечет за собой и изменение идеала дружбы, наполняя его все новыми и новыми компонентами. Так, в классическую эпоху происходит индивидуализация идеала дружбы, которая превращается в самостоятельный институт; роль друга приобретает самодовлеющее социальное значение. Уже Сократ видит дружбу как глубоко личностное отношение, окрашенное всем спектром человеческих эмоций. Платон также ставит дружбу на одну ступень с любовью, акцентируя свое внимание, прежде всего, на эмоциональном и духовном началах этой формы человеческого общения.

Дальнейшая дифференциация социальной структуры приводит к тому, что межличностные отношения определяются отличными от социально-индивидуализированных. Так, Аристотель возводит дружбу в ранг высокоиндивидуализированных межличностных отношений. Это повышает индивидуальную избирательность дружбы, но одновременно делает ее социальные функции и взаимные обязанности друзей менее определенными и проблематичными. Отсюда – психологизация, интимизация дружбы и спор о соотношении ее экспериментальных и экспрессивных функций, а также возникновение идеала бескорыстной и безотчетной, основанной только на эмоциональном притяжении, дружбы-любви.

Примечания

[1] Фрагменты из работ Демокрита приводятся по изданию: Материалисты Древней Греции. М.,1955. (Этика).

[2] См.: Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.,1993.

[3] «Никомахова этика» в переводе Н.В. Брагинской цитируется по изданию: Аристотель. Сочинения в 4-х т. М., 1983. Т. 4.
[4] Цитируется по: Эпикур. Главные мысли // Лукреций. О природе вещей. Фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.,1947.

Список использованной литературы

1. **Кон И.С.** Дружба. М.,1987.
2. **Кукарцева М.А., Коломоец Е.Н.** Античная философия. Иваново, 1996.

Н.А. Рыжкова

ОРАТОР И СЛУШАТЕЛИ: КУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНОГО ПРОПОВЕДНИКА БЕРНАРДИНО СИЕНСКОГО (1380-1444))

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье рассматриваются малоизученные вопросы культуры Итальянского Возрождения. Объектом исследования служит личность и ораторское мастерство Бернардино Сиенского, проповедника, которым в XV в. восхищались не только простые горожане, но и многие гуманисты. В научной литературе народная проповедь как явление средневековой культуры изучена лишь фрагментарно (главным образом, в силу ограниченности круга источников). Тем больший интерес представляют для нас проповеди Бернардино, средневековые по жанру, но столь органично вошедшие (как по форме, так и по содержанию) в культурный контекст эпохи Возрождения.

Искусство красноречия в культуре Итальянского Возрождения признавалось большой ценностью. Это было связано как с необычайным интересом к античному наследию, так и с бурным развитием интеллектуальной (в частности, педагогической) деятельности в гуманистической среде. Однако в числе знаменитых ораторов той эпохи были не только гуманисты, но и их идейные оппоненты - католические монахи-проповедники. Пожалуй, самым знаменитым из них в Италии XV в. был Бернардино Сиенский (1380-1444). Его популярность, близость к самым широким кругам городского населения и положительные оценки его красноречия, звучавшие даже из уст гуманистов, побуждают нас рассмотреть его личность и ораторское мастерство, а также его взаимодействие с аудиторией.

В предшествующий период деятельность народных проповедников составляла типичный для эпохи, но и необыкновенно интересный пласт средневековой культуры[1]. Проповедь сама по себе всегда была неотъемлемой частью христианства, поскольку она включена в богослужение. Но в Западной Европе она приобрела специфический характер в связи с появлением странствующих проповедников – монахов

францисканского и доминиканского орденов. Они путешествовали из города в город, выступая перед слушателями на городских площадях. Нам известны такие ораторы в Италии, Германии. Многие из них пользовались большой популярностью. Их речи доходили до самых широких слоев населения, поэтому записи этих выступлений представляют огромный интерес для исследователей. Тексты проповедей могут стать ценнейшим источником изучения культурной среды средневекового города, в частности, обыденного сознания горожан, а также влияния личности проповедника, его взглядов на аудиторию.

Все сказанное прямо относится к проповедям Бернардино Сиенского. Тем более что он затрагивал самые актуальные проблемы городской культуры Кватроченто. Но его наследие представляется еще более интересным в силу его сосуществования с культурой новой эпохи - гуманизмом. Ведь в Италии XV в. гуманизм превратился в широкое культурное движение, вокруг которого формировалась научная и культурная среда. В силу своей яркости, новизны и своеобразия гуманистическая культура и в историографии практически заслонила собой другие исторические явления эпохи. Возможно, поэтому интерес к деятельности Бернардино, столь значимой для его современников, появился у историков-исследователей лишь в последние годы.

Тексты Бернардино сохранились до настоящего времени в двух видах - на итальянском и латинском языках. Из итальянских источников до нас дошли тексты 45 проповедей, прочитанных в Сиене в период с середины августа до конца сентября 1427 г. Они сохранились в записи одного из слушателей и почитателей Бернардино, стригальщика шерсти Бенедетто ди Бартоломео [17]. Нанесенные на покрытые воском таблички[2], эти тексты передают всю специфику живой речи проповедника.

Г. Кантини подчеркивает, что tachigraphi (быстрые записи), которые практиковались в XV в., были очень точными [22, p.229]. М.А. Гуковский отмечает, что дошедшие до нас тексты речей Бернардино сохранили весь их колорит: «Когда читаешь эту запись, кажется, что стоишь в густой толпе народа, ловящей каждое слово, произносимое любимым учителем», - пишет исследователь [9, с.553].

Проповедническая деятельность воспринималась Бернардино как средство исправления нравов народа. Он высоко ценил возможность донести истинные ценности до своей аудитории: «Если мы рассмотрим эти три причины, - говорил он, обращаясь к народу на городской площади,- вы пойдете домой con uno saco di verit`a (с мешком истины)» [17, v.2, p.157]. В этом с ним был вполне согласен его старший современник купец Паоло да Чертальдо, также подчеркивавший моральный аспект деятельности проповедника: «Плоха та проповедь, - писал он, - которая не направляет и не улучшает» [14, с.345].

Бернардино предъявлял серьезные требования к проповеднику. Он призывал его честно, прямо и открыто говорить людям об их пороках: «Горе мне»,- восклицал францисканец,- «Если из-за ужаса или стыда я не буду говорить о том, что вам необходимо!» [17, v.2, p.122]. Он обращался ко всем ораторам: «О, ты, который проповедует, говори прямо, никогда не криви – ни из страха, ни из угроз. Всегда говори правду людям…»[17, v.2, p.280]. Бернардино сравнивал проповедника с петухом, идущим «по грязи…с поднятыми вверх нарядными крыльями, чтобы не испачкаться». «Знаешь, что символизирует этот петух? – спрашивал он у слушателей, - Он символизирует проповедника, который должен начать разговор о ваших грехах, и сделать это так, чтобы не испачкать себя» [17, v.2, p.122].

Большим достоинством оратора Бернардино считал умение быть понятным слушателям. Бесполезной будет проповедь, подчеркивал он, если ее смысл не дошел

до аудитории. Источники сохранили его рассказ о монахе, который умел говорить красиво и образно, но один из слушателей, восхищавшийся его красноречием, так и не смог объяснить, о чем же тот говорил [23, p.165].

Непосредственное общение с аудиторией и стремление быть ей понятным во многом определило специфику проповедей Бернардино. Он говорил на простом народном итальянском языке. И хотя нередко он использовал также латинские цитаты (из Священного Писания или сочинений церковных авторов), но всегда тщательно разъяснял смысл каждой фразы по-итальянски[3].

Постоянно обращаясь к кому-то из слушателей, проповедник создавал иллюзию общения не с аудиторией в целом, а с конкретным человеком, на месте которого слушатель легко мог представить себя. Источники изобилуют подобного рода обращениями: «Ты, женщина, и ты, мужчина», «Ты слышал об этом», «Ты знаешь, что», «Я хочу тебе сказать» [17, v.1, p.37, 39, 41 109, 114; v.2, p.88, 90, 106, 109, 117, 122; v.3, p.204 - 205], - находим мы в текстах. Так проповедник сокращал дистанцию между собой и аудиторией, становясь ей ближе и понятнее. Разговор со слушателями по форме уподоблялся личной беседе с отдельным человеком.

Бернардино использовал в проповеди разные виды диалога. Диалог мог быть реальным, если проповедник действительно общался с кем-то из своих слушателей: «Эй, ты, иди скорей, отыщи своего мужа…Иди, позови его, я тебе говорю!» – обращался он к одной из женщин. «Да я звала его!» - отвечала та, - «Я тебе говорю, иди, позови его! – настаивал Бернардино, - А если я потеряю место, - продолжала женщина, - Нет, ты не потеряешь места. Иди. К тому же еще много места, - Хорошо, но мне не выйти, - вновь говорила она, - Я говорю тебе: иди и позови его, - повторил проповедник, - А! Наконец-то!» – завершил он разговор [17, v.2, p.240].

Прием диалога с аудиторией Бернардино употреблял также для привлечения все новых слушателей. Он говорил кому-то: «Помнишь, что вчера я говорил тебе, чтобы ты пришел /сюда/ узнать то, что тебе необходимо, и чтобы ты привел свою дочь, дабы и она усвоила то, что нужно ей» [17, v.2, p.130]. В другой раз проповедник мягко порицал: «И ты, женщина, не поступай /больше/ так, как ты поступала со своей дочерью, которую ты держала в комнате, /вместо того, чтобы отправить слушать проповедь/» [17, v.1, p.109].

Бернардино использовал также мнимый диалог, создавая видимость беседы. В этом случае он говорил одновременно от себя и от имени своего собеседника: «Ты хочешь, чтобы твоя жена оставалась верной тебе? - спрашивал проповедник, и сам же отвечал: - Да, - а затем опять добавлял от своего имени: /Тогда/ сохраняй верность ей» [17, v.2, p.104]. «Ты любишь Бога? – читаем мы в другом отрывке. - Да. - Ты знаешь, почему?» [17, v.2, p.87].

Эмоциональной и яркой делало речь проповедника частое использование речевых оборотов: «О, знай», «Хочешь увидеть это?», «Che vorrei, che vorrei», «О, я понимаю кое-что» [17, v.1, p.179, 182]. Довольно часто он использовал различные восклицания. «О, о, о, о»; «Оу, оу, оу (ou)», «Увы, увы, увы (oimè)», «Eh, eh!» [17, v.1, p.179, 341; v.2, p.411; v.3, p.265].

Проповедник дополнял свою речь мимикой, жестами, звукоподражанием. «Видел ты, как кто-нибудь сердится на другого?» – спрашивал Бернардино и сам отвечал: «Он показывает это свиным рылом, вот так, видишь?» [17, v.1, p.154]. Или еще: «Те, которые так сплетничают, и желают остаться незамеченными, похожи на лягушку. Знаешь, как квакает лягушка? Лягушка делает /так/: qua, qua, qua, qua. Я уже шел к вам», - добавил он, - «когда они /лягушки/ так квакали: ква, ква» [17, v.1, p.184]. В этом отрывке мы находим и звукоподражание, и меткие сравнения, и элементы описания

окружающего мира. Звукоподражание мы встречаем и в других текстах: «Гусь (оса) взлетает, и кричит, и бежит: «Га, га, га, га», - а потом садится на землю» [17, v.1, p.337]. Все это превращало его проповедь в настоящее зрелище, причем без ущерба для ее содержательной части.

Выразительные жесты, возгласы, звукоподражания и другие приемы красноречия Бернардино (как и темы, которые он поднимал), по мнению М.А. Гуковского, свидетельствуют о народном характере проповедей сиенца. Причем исследователь противопоставляет жизнерадостность Бернардино «суровой, строгой, органически отрицающей реальную действительность церковности феодальных времен» [9, p.553-554]. И это несмотря на то, что народная проповедь была в целом традиционным для средневековой культуры жанром! Но речи Бернардино действительно свидетельствуют о его близости по духу к народным пластам культуры Возрождения.

Есть сведения, что для привлечения внимания своей аудитории Бернардино использовал некоторые нетрадиционные приемы. Тирабоски приводит свидетельства, что во время проповеди он раздавал специальные таблички из обожженной глины (le tavolette) с написанным на них именем Иисуса Христа [27, p.364; 26, p.41]. Таким образом, видимо, он стремился усилить в народе почитание Христа и побудить своих слушателей жить по евангельским заповедям. После его проповедей порталы домов так же украшались этими табличками.

Однако столь нетрадиционное поведение Бернардино вызвало определенную реакцию в католической церкви. Сиенского проповедника дважды обвиняли в ереси, подчеркивая, что он использовал имя Иисуса Христа как некий мистический символ и предмет культа. Бернардино вызывали в Рим, и дважды после нелегкого судебного разбирательства с него были сняты все обвинения: в 1427 г. – папой Мартином V и в 1432 г. – папой Евгением IV [26, p.41].

Речи Бернардино заметно обогащали «примеры», которые он активно включал в свои выступления. Сиенский оратор использовал все возможности, которые мог дать этот традиционный для средневековых проповедей прием[4].

Довольно часто проповедник облекал в форму рассказа какой-нибудь случай из реальной жизни. Он с юмором повествовал о том, как однажды ему «пришла мысль стать монахом-отшельником и жить, питаясь водой и травами». Решив сначала испытать себя, он «начал срывать листья салата и другие травы, и /у него/ не было ни хлеба, ни соли, ни масла». Проповедник колоритно описывал свои чувства, когда он начал есть эту траву: «Я принялся есть салат и, положив его себе в рот, стал жевать его. Жевал, жевал, а он все не может пройти вовнутрь». Бернардино попробовал запить салат водой, но это не помогло: «Вода прошла вовнутрь, а салат остался во рту. В общем, - закончил он, - я выпил немало глотков воды с салатом, но не смог его проглотить» [18, p.124].

Нередко Бернардино в качестве примера приводил свой опыт встреч и общения с людьми из разных итальянских городов: «В Риме, откуда я иду сейчас, я не видел ни одной принаряженной /женщины/», - говорил он в проповеди против роскоши в одежде [17, v.3, p.205]. «Есть большая разница между вами и жителями Перуджи», - читаем слова проповедника в другом месте источника [17, v.1, p.349]. Г. Кантини подчеркивает, что richiami personali (рассказы из своего опыта) из итальянских проповедей Бернардино могут служить ценным источником биографических сведений о его жизни [22, p.235-236].

Бернардино включал в проповеди также «примеры», взятые из Священного Писания. Мы находим в текстах рассказы о Содоме и Гоморре, о Лоте, сцены из Апо-

калипсиса [17, v.3, p.108, 136, 260-261]. Исследователи отмечают, что это был, пожалуй, самый традиционный для средних веков прием сиенского оратора [22, p.237-238].

Бернардино использовал и «примеры» из традиционных средневековых сборников «exempla», из «Цветочков» Франциска Ассизского и других текстов. Так, в одной из проповедей мы находим знаменитый рассказ о монахе, мальчике и ослике [17, v.1, p.172-174] (он известен и в нашей отечественной культуре в стихотворном переводе С.Я. Маршака). Примечательно, что ту же историю приводил в «Фацециях» гуманист Поджо Браччолини [6, с.78-79].

Как и в традиционных средневековых «exempla», в «примерах» сиенского проповедника был важен синтез рассказа и назидания. Собственно, то и другое объясняет нам саму цель включения «exempla» в его речи. «Примеры» служили для «развлечения» слушателей, облегчая восприятие наставлений. Но истинный смысл рассказа заключался не в нем самом, но в той истине, которую Бернардино стремился передать через него. Исследователи, подчеркивая эту двойственность средневековых «exempla», отмечают, что как рассказ нуждался в идеологической санкции, так и мораль не могла обойтись без эмпирической почвы [2, с.240-241].

Exempla у Бернардино чаще всего как раз и использовались для подтверждения высказанной перед этим мысли. Свое осуждение подделки товара он подтверждал историей о продавце, который держал пряности мокрыми, чтобы обмануть покупателя. Но в итоге продавец сам оказался обманутым [17, v.3, p.232-233]. Рассказом о молодоженах, которые первые три дня и три ночи супружества провели в молитве, и только потом вступили в супружеские отношения, Бернардино иллюстрировал тезис о святости брака [17, v.2, p.145-146].

Жанр «примера» был одним из наиболее действенных средств дидактического воздействия на слушателей [11, с.136]. Иной раз через exempla Бернардино довольно жестко предупреждал слушателей о возможных последствиях их греховных поступков. Он рассказывал об аптекаре, который, не потрудившись точно запомнить рецепт врача, изготовил лекарство по-своему. Последствия этого легкомысленного шага были самые печальные: больной, принимавший приготовленное таким способом снадобье, умер. А виновный в его смерти аптекарь был приговорен к смертной казни [17, v.3, p.235].

«Exemplum» мог иметь форму рассказа, то есть быть нарративен, хотя это было совсем не обязательно. Нередко в источниках встречаются очень короткие «примеры». Так, Бернардино говорил о женщинах, которые заставляли мужей заключать «дурные контракты», чтобы иметь средства на модную одежду [17, v.2, p.71]. В другой раз он описывал, как женщины перекраивали свою одежду, чтобы она выглядела по последней моде [17, v.3, p.204].

Проповеди сиенца были наполнены не только назидательными рассказами и «примерами» (exempla). Они содержали также апологи (нравоучительные басни) и даже анекдоты. В одно из своих выступлений Бернардино включил басню о лисе, упавшей в колодец и спасшейся в ведре, и волке, которого плутовка обманом заманила в колодец [17, v.1, p.319]. Во время проповеди во Флоренции в 1424 г. оратор рассказал две басни о вороне и лисице. В том же выступлении Бернардино сам пояснил слушателям, что такие рассказы легче запоминаются, чем какие-либо доказательства [22, p.238].

Примечательно, что далеко не все религиозные проповедники средних веков и эпохи Возрождения считали приемлемым использовать этот риторский прием. Кантини считает, что в тот период имела место целая дискуссия о допустимости включения в проповедь шутливых историй и басен. В числе противников этого

приема исследователь называет Убертино Казальского, Бартоломео Пизанского, а в числе сторонников (помимо Бернардино) – Сервасанто да Фаэнца, Джакомо да Витри [25, p.238-239].

«Примеры», как видим, играли существенную роль в проповедях Бернардино Сиенского. Они не только делали их яркими и зрелищными, но и облегчали запоминание тех истин, которые они были призваны иллюстрировать. Но без ораторского и сценического мастерства проповедника невозможно было бы столь результативное применение exempla в проповеди.

Стремление донести свои мысли до аудитории побуждало Бернардино предъявлять определенные требования не только к себе как проповеднику, но и к слушателям. Он предлагал им целую программу действий, которые помогли бы усвоить содержание проповеди. Бернардино советовал пересказывать его другим людям: «Рассказывайте своим детям, своему мужу, своей немощной старушке-матери, которая не может прийти послушать проповедь…А также в лавке один должен рассказать другому: «Вы слышали то-то и то-то?» И также крестьянин во время работы может рассказывать другому, который не слышал: «О, брат сказал то-то и то-то» [17, v.1, p.108]. Оратор подчеркивал, что так проповедь запоминается лучше. Пересказывая услышанное, человек, по словам Бернардино, «поступает так же, как ты, когда у тебя есть полный мешок, и ты его встряхиваешь, чтобы вместить в него больше; так же он укладывает Слово Божие…И ты, женщина, - добавлял проповедник, - когда ты вспоминаешь что-то из услышанного, чтобы рассказать другим, это закрепляется в памяти» [17, v.1, p.109].

Еще один способ лучшего усвоения проповеди, на его взгляд, – как можно чаще вспоминать самому содержание услышанного: «Тебе, погрязшему в гордыне, - о том, что я говорил против твоего греха, и тому другому, погрязшему в содомском грехе; тому, кто погряз в лихоимстве; той, которая воровка, и той другой, тщеславной и лживой» [17, v.1, p.109]. Проповедник призывал каждого: «Из всего, что ты услышишь и запомнишь, из всего извлекай полезное, но самым полезным для тебя будет все, что касается тебя самого» [17, v.1, p.110].

По мнению Бернардино, не правы те, кто отказываются слушать проповедь, ссылаясь на то, что они ничего не могут запомнить. Он рассказывал историю о монахе и отшельнике, который как раз по названной причине не хотел идти на проповедь. Разум этого отшельника напоминал ему грязную сковороду, которую нужно вымыть несколько раз, чтобы он стала чистой. Устами монаха он разъяснял: «Ты говоришь, что ничего не запоминаешь? Знаешь, почему? Потому что твой разум грязный, как эта сковородка. Иди и налей туда воды, и вдруг ты увидишь, как разум будет очищаться. Налей туда еще, и он станет еще чище, и освободится от всякой грязи» [17, v.1, p.110].

Совокупный образ аудитории Бернардино складывается, как мозаика, из многих мелких составляющих. Это были жители итальянских городов и крестьяне городской округи, которые собирались на площади, чтобы послушать знаменитого оратора: бедные и богатые горожане, торговцы, цирюльники, лавочники; мужчины, и женщины. Они на время оставляли свои повседневные дела, чтобы с помощью знаменитого проповедника осмыслить свою жизнь и повседневное поведение, взглянуть на себя и общество как бы «со стороны». Скорее всего, в их числе было много пришедших из чистого любопытства, с целью послушать известного всей Италии оратора. Но наверняка среди них было немало людей, которые стремились извлечь пользу из услышанного и применить рекомендации проповедника в повседневной жизни.

Примечательно, что в числе слушателей были и представители «интеллек-

туальной элиты» его эпохи - гуманисты. Не зря Леонардо Бруни в одном из писем благодарил Бернардино за его проповеди – «Божественные трапезы, которыми нельзя насытиться» [26, p.41]. Красноречием и убедительностью проповедника восхищались также Франческо Барбаро, Бернардо Джустиниани, Амброджио Траверсари. Бартоломео Фацио писал: «Сиена снискала /себе/ немало славы /деятельностью/ Бернардино, теолога и философа. …Он был человеком красноречивым и искусным в рассуждениях, обладал невероятной памятью и столь изящной манерой говорить, что никогда не вызывал у слушателей чувства пресыщения. …Он оказал помощь и поддержку душам многих людей»[5]. Даже Поджо Браччолини, который весьма нелестно, едко и насмешливо отзывался о деятельности народных проповедников, вынужден был признать ораторское мастерство Бернардино [5, с.73-107].

Проповеди Бернардино были построены, как правило, по одной схеме. Сначала он высказывал ключевую мысль, которая поясняла тему дальнейших рассуждений. Далее изложение материала шло по пунктам: первое, второе, третье. Таким образом, тема проповеди разбивалась на подтемы, те в свою очередь – на ряд тезисов, каждый из которых находил свое обоснование в аргументах Бернардино и подтверждался примерами [17, v.3, p.107-112, 115-116, 216]. Прием расчленения исходной мысли на ряд тезисов с последующим разъяснением каждого из них применялся сиенским оратором во всех проповедях, независимо от темы. В конце проповеди он подводил итоги, кратко повторяя те мысли, которые прозвучали в ходе разговора с аудиторией [17, v.2, p.84, 172; v.3, p.106]. Это должно было облегчить для его аудитории усвоение услышанного.

Источники подчас дают живое свидетельство о том, как проходила проповедь. В текстах мы встречаем слова Бернардино, обращенные к человеку, который записывал его речи (видимо, это был Бенедетто ди Бартоломео): «О, ты, который записывает, обрати внимание и запиши это по частям» [17, v.3, p.254].

Построение проповедей, ораторские приемы, которые использовал Бернардино, а также его суждения о проповедниках дают нам возможность обрисовать совокупный образ хорошего оратора эпохи Возрождения. (Отметим, что тематика речей в данном случае касалась как религиозных вопросов, так и самых разных проблем жизни и культуры повседневности итальянцев XV в.) Целью его деятельности в данном случае было стремление улучшить нравы социума через общение с аудиторией. Главным условием достижения этой цели служило хорошее знание проповедником социальной действительности и учет насущных потребностей и проблем горожан.

Стремясь найти живой и неравнодушный отклик в сердцах своих слушателей, оратор должен был быть с ними «на равных», чтобы те воспринимали его как близкого человека. Для этого использовался понятный язык, простые, а подчас и грубоватые выражения, а также различные возгласы, звукоподражания и т.д. Чтобы высказанные мысли легче запоминались, они сопровождались яркими примерами, рассказами, баснями, даже анекдотами. С успехом использовал оратор жесты и мимику, подчас превращая свои речи в мастерски разыгранные спектакли.

Аудитория не могла остаться равнодушной к такому оратору, что подтверждает и реальная практика выступлений Бернардино, объездившего с проповедями почти всю Италию. Будучи чрезвычайно пестрой и неоднородной по своему социальному составу, его аудитория, тем не менее, была едина в другом - в порыве внимания и доверия к сиенскому проповеднику. Наиболее ярким примером такого доверия служат так называемые «костры для суетного». Их нередко зажигали женщины после эмоциональных речей Бернардино, обращенных против роскоши. В этих кострах, пылавших здесь же, на площади сжигались богатые одежды в знак готовности реально исполнить призыв оратора к умеренности и скромности в одежде [6].

Примечания

[1] Обычно под термином «народная проповедь» понимают проповедь, которая произносилась не на латыни, а на одном из простонародных языков (в данном случае – итальянском), и была адресована самой широкой аудитории. Теоретически этот термин был разработан в трудах А.Я. Гуревича. См.: Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. - М., 1990. С.179-180; он же. Проблемы средневековой народной культуры. - М., 1981. С.26-28.

[2] Специальные таблички для записей преходящего значения были созданы еще в античности. Сохранились многочисленные упоминания в источниках об их широком применении и в средние века. Таблички изготавливались из дерева или слоновой кости, затем по всей поверхности делалось углубление, которое заполнялось воском. Отсюда пошло их название – восковые или вощеные. Две таблички клали одну на другую воском внутрь, сбоку просверливали отверстия и с помощью шнурка соединяли вместе. Иногда соединяли три и более табличек, и такую книгу называли кодекс (codex). Нередко внешнюю сторону деревянных табличек обтягивали кожей. Восковые таблички использовали для счетов, черновиков, личной переписки, иногда также для записи торговых сделок или договоров аренды. Писали на них специальной палочкой из кости или металла. Поскольку на них помещали обычно записи преходящего значения, то долго их не хранили, так что до нас такого рода памятников дошло совсем немного. (Киселева Л.И. Письмо и книга в Западной Европе в средние века. СПб., 2003. С.24-27, 40).

[3] Латинские цитаты присутствуют в каждой проповеди. См., напр., Bernardino da Siena. Le prediche… V.1. P.89, 90, 95, 103; V.2. P.215, 217, 239.

[4] Exemplum (пример) – это небольшой рассказ, который в средние века обычно включали в проповедь для придания ей максимальной эффектности, для оживления повествования. Создавались целые сборники exempla, из которых проповедники могли почерпнуть материал для своих речей. Содержание таких рассказиков отличалось простотой и бесхитростностью. Оно было доступно для восприятия самой широкой аудитории. Поэтому изучение «примеров» максимально приближает историка к рядовому человеку той эпохи, открывает различные стороны его повседневной жизни, о которой мы не можем судить на основании произведений «большой литературы». О средневековых exempla см.: Гуревич А.Я. Средневековый мир…; Словарь средневековой культуры… С.249; Андреев М.Л. «Новеллино» в истории итальянской литературы и европейской новеллы//Новеллино. – М., 1984.

[5] Цит. по: Tiraboschi G. Op. cit. P.365. Ту же цитату на латыни приводит Р. Гвиди: Guidi R.L. Op. cit. P.1025.

[6] Mesini C. La sociologia di San Bernardino da Siena// San Bernardino da Siena. Saggie e ricerche pubblicati nel guinto centenario della morte (1444-1944) - Milano, 1945. P.358; S. Bernardino da Siena.(Introduzione)// Prosatori volgari del Quattrocento Prosatori volgari del Quattrocento. Milano, Napoli, 1955. P.41.

Список использованной литературы

1. **Абрамсон М.Л.** Человек итальянского Возрождения: частная жизнь и культура. М., 2005.
2. **Андреев М.Л.** «Новеллино» в истории итальянской литературы и европейской новеллы // Новеллино. – М., 1984.
3. **Баткин Л.М.** Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995.
4. **Баткин Л.М.** Итальянское Возрождение и религия// Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 109-159.
5. **Браччолини Поджо**. Застольный пир о жадности, расточительстве, о брате Бернардино и других проповедниках // Сочинения итальянских гуманистов эпохи

Возрождения (15 в.). М., 1985.
6. **Браччолини Поджо**. Фацеции. – М., 1984.
7. **Буркхардт Я.** Культура Италии в эпоху Возрождения: опыт исследования. М., 1996.
8. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. В 4х тт. Т.1-4. - М., 1999.
9. **Гуковский М.А.** Итальянское Возрождение. – Л., 1990.
10. **Гуревич А.Я.** Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
11. **Гуревич А.Я.** Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. - М., 1990.
12. **Киселева Л.И.** Письмо и книга в Западной Европе в средние века. - СПб., 2003.
13. Словарь средневековой культуры/ под ред. А.Я. Гуревича. - М., 2003.
14. **Чертальдо Паоло да**. Книга о добрых нравах // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах. М., 1996. С. 321-370.
15. Agosti M. La pedagogia di S.Bernardino da Siena// San Bernardino da Siena. Saggie e ricerche pubblicati nel guinto centenario della morte (1444-1944). Milano, 1945.
16. A Documented History of the Franciscan Order (1182-1517). Washington, 1944.
17. Bernardino da Siena. Le prediche volgari di S. Bernardino da Siena, dette nella Piazza del Campo l'anno 1427. Siena, 1880-1888. V. 1-3.
18. Id. Dalle prediche volgari dette nella Piazza del Campo //Antologia della letteratura italiana. V.1. Warszawa, 1968.
19. **Bernardinus Senensis.** Quaddragessimale de cristiana religione. Basel, 1490.
20. Id. Sermones de Evangelio aeterno. Basel, 1490-1495.
21. Bisticci V. da. Vite di uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859.
22. G. S.Bernardino da Siena perfetto predicatore// San Bernardino da Siena. Saggie e ricerche pubblicati nel guinto centenario della morte (1444-1944). - Milano, 1945.
23. Gli uomini della penitenza.- Milano, 1977.
24. Mesini C. La sociologia di San Bernardino da Siena// San Bernardino da Siena. Saggie e ricerche pubblicati nel guinto centenario della morte (1444-1944) - Milano, 1945.
25. Novellette esempi morali e apologi di S. Bernardino da Siena, Bologna, 1868.
26. Prosatori volgari del Quattrocento. Milano, Napoli, 1955.
27. **Tiraboschi G.** Storia della letteratura italiana. T.VI, pars.2. Modena, 1776.
28. **Rossiaud J.** Il cittadino e la vita di citta// L'uomo medievale/a cura di J. Le Goff. – Bari, 1989. P.157-200.

В.П. Столбов

ВЛИЯНИЕ «КАПИТАЛИСТЫХ» КРЕСТЬЯН – СТАРООБРЯДЦЕВ НА РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ИВАНОВО–ВОЗНЕСЕНСКОГО РАЙОНА В 18-19 ВВ.

Ивановский государственный химико-технологический университет

В современной социально-экономической литературе переосмысливается вопрос о природе генезиса и развития экономики страны. Доминирование в недавнем прошлом марксистского тезиса в понимании этой проблемы идеологически ограничивало возможности использования других подходов российскими учеными. В настоящее время из множества взглядов на проблему понимания природы российской экономической жизни получил признание тезис о влиянии на нее экономической этики особой социальной группы в России, старообрядцев.

Оценка деятельности старообрядческих общин в экономической жизни России в настоящее время переходит из плоскости постановки вопроса к глубоким исследованиям данной проблемы. Если исходить из тезиса о том, что старообрядческое движение есть «местное течение европейского протестантизма», то методологически было бы правильным исходить в анализе вопроса о влиянии его на экономическое развитие России не столько с позиций М.Вебера о соотношении духа капитализма и протестантской этики, сколько из идеи русского религиозного философа С.Булгакова *«…человек есть не только познавательный, но и хозяйственный логос, ему принадлежит право и обязанность труда в мире как для собственного существования, как для оказания помощи ближнему, так для совершения общего дела человечества на земле во исполнение заповеди Божьей при сотворении человека: « обладайте ею (Землею) и владычествуйте». В хозяйственной жизни человек живет одной жизнью с миром как в потреблении, так и в производстве…., он являет себя в труде не только как логос мира, но и его деятель*»[2,с. 345-369]. Такой подход позволяет обратить внимание не только на сходство «homo economicus» для европейского и российского общества, но и выделить различия, коренящиеся в социальных условиях и традициях хозяйственной жизни, русской ментальности, религиозности и др.

Постановка вопроса о влиянии религиозных конфессий, и в частности старообрядчества, на экономическое развитие страны в прошлом приобретает все больший интерес, в настоящее время появились публицистические и научные издания, исследующие эту проблему (Бурышкин.П.А. Москва купеческая. М., 1994; 1000-летие русского предпринимательства. М., 1995; Барышников М. История делового мира России. М., 1994; Предпринимательство и предприниматели России: от истоков до начала 20 века. М., 1997; Кузнецова О.А. «Человек экономический» в истории промышленного предпринимательства (конец XIX – начало XX вв.) Иваново., 2005). В этой литературе мы находим пусть не развитые, но прямые доказательства влияния этических принципов старообрядчества на хозяйственную жизнь и предпринимательскую культуру. Получила широкое развитие точка зрения, согласно которой нравственные основы старообрядческого предпринимательства вырабатывались в общинах старообрядцев-беспоповцев, которые основали династии промышленников и купцов в центральной части России.[5, с. 169-170]. Однако системного и фундаментального исследования по этому вопросу пока еще нет. В меньшей степени в этой проблеме выделен региональ-

ный аспект, позволяющий видеть более четкие ориентиры подобного влияния в деятельности отдельных представителей этого движения.

Активная экономическая деятельность русских людей старообрядческого вероисповедования началась уже после раскола русской православной церкви в середине 17 века, а ее активизация связана с Указом Екатерины II от 1762 года «О материнских щедротах», в соответствии с которым разрешалось старообрядцам возвращаться на их родные места, отправлять религиозные обряды, заниматься торгово-промышленной деятельностью. Отражением использования таких льгот для старообрядцев явилась деятельность в Москве Преображенского кладбища (беспоповцы) и Рогожской заставы (поповцы), в которых накапливались солидные капиталы от хлебного извоза, торговой и промысловой деятельности, передачи имущества от бездетных старообрядцев общине. Эти капиталы использовались зачастую для предпринимательской деятельности членов общины в виде льготных или безвозвратных кредитов. Известны факты поддержки со стороны Преображенского кладбища предпринимательской деятельности купеческой семье Гучковых в 12 млн.рублей, московским фабрикантам Носову и Егорову; Рогожская застава оказала значительную финансовую помощь выходцу из калужских крестьян Яковлеву, впоследствии известной фамилии фабрикантов и банкиров Рябушинских.

Иваново-Вознесенский экономический район до 1917 года не являлся самостоятельной административной единицей страны; основой его формирования являлись село Иваново и Вознесенский посад (с 1871 года город Иваново-Вознесенск), а также торговые села Середа, Тейково, Вичуга, Родники, Яковлевское, Писцово, Лежнево, город Шуя, в которых издавна занимались ярмарочной торговлей и текстильным холщовым промыслом. Село Иваново территориально располагалось в окружении этих сел в 30-50 километрах. По числу жителей село Иваново превосходило даже соседние уездные центры. В 1795 году здесь проживало 4388 душ обоего пола, тогда как в уездном городе Шуя - всего 1365 человек. В административно-правовом отношении все эти села относились к Владимирской, Ярославской и Костромской губерниям.

В селах вокруг Иванова и в нем самом, по свидетельству местных священников, проживало большое количество старообрядцев. Об их присутствии в селе Иванове писал составитель 3-х томного издания о религиозных течениях в России Ф.В.Ливанов: «*…хозяева многих фабрик и рабочие села Иваново издавна слыли как приверженцы раскола*» [10, с. 2,115]. Среди старообрядцев упоминаются капитоновцы, центр этого течения сформировался в окрестностях Шуи, в Юрьевце на Волге свои проповеди осуществлял протопоп Аввакум в годы священнического служения. В наибольшей степени среди старообрядцев в данной местности выделялись два течения: поповцы и беспоповцы. В селе Иванове находились беспоповцы федосеевского согласия, их было множество, а также старообрядцы-поповцы. Федосеевские организации старообрядцев существовали там, где имелись признаки высокой деловой активности. Крупнейший ивановский предприниматель, бывший крепостной крестьянин Е.Грачев, беспоповец федосеевского согласия, был признанным столпом «раскола». Определенное время Е.Грачев в статусе московского купца 1-й гильдии фактически управлял делами московской организации старообрядцев-федосеевцев в Преображенском кладбище, ему также было доверено вынести капитал общины перед вступлением Наполеона в Москву. Документ того времени гласит о следующем: «*…при приближении Наполеона к Москве из Преображенского кладбища были вынесены 250 лицами во главе с купцом Грачевым наличный капитал и драгоценности в село Иваново Владимирской губернии*». [11,с. 120]. Поиск документов о состоянии имущества Преображенского кладбища привел к описи имущества этой

старообрядческой общины в конце 1811года, по которой видно, что капитал общины и ценности составляли примерно сумму в 2 млн. рублей [12, с.120]. С определенной осторожностью можно высказать мысль, что данный капитал был использован в развитии промышленного предпринимательства на предприятиях фабрикантов - старообрядцев.

Следует отметить, что у предпринимателей старообрядцев-федосеевцев существовали особые хозяйственные отношения, способствующие накоплению капитала в старообрядческой общине. Они вносили свой вклад в общинную казну и оставляли часть капитала на развитие собственного предпринимательства. Это позволяло их родственникам, если они, конечно, являлись старообрядцами, получать единовременное пособие вплоть до потомков седьмого колена. Старообрядцам, получавшим ссуду, ее возврат оговаривался общиной лишь в определенном случае (например, при увеличении оборота, большой коммерческой операции или обзаведении фабрикой и др.). В случае невозвращения займа заемщику давались льготные сроки, а нередко долг просто прощался. В федосеевском согласии исключался принцип индивидуального наследования: полноправным наследником являлась сама старообрядческая община [6, с. 11.]

В среде другого течения старообрядцев, поповцев в селе Иванове выделялся бывший крепостной крестьянин М.Ямановский, который выкупившись на свободу, в начале 19 века стал главой этой старообрядческой общины. Он же передал старообрядцам-поповцам свое фабричное помещение под молитвенный дом.

В старообрядческих общинах сложился особый хозяйственный менталитет людей**,** обусловленный православной аскезой, осуждавшей показное богатство, как «проявление гордыни человеческой и греха», процветал дух аскетических «рациональных традиций хозяйственной жизни, рационалистическая парадигма поведения способствовала отбору и формированию в людях стойких личных качеств, ответственности за свою судьбу. Сплав духовных и поведенческих качеств, связанный с аскетической мотивацией, давал импульс к занятию предпринимательской деятельностью, которая характеризовалась такими **чертами**, как:

- чувство меры, уравновешивающее порывы, эмоции, страсти и соизмеряющее важность различных целей;
- практический расчет, позволявший жертвовать ближними целями во имя возвышенной цели;
- трезвость характера и сила воли, поддерживающие бодрость духа, господство рассудка над порывами чувств [13].

Село Иваново и рядом располагавшиеся торговые села являлись вотчинами Татищевых, Шереметевых, Хрущевых и других дворянских родов. Поэтому отношения между их жителями, зачастую крепостными крестьянами, и вотчинниками складывались в соответствии с духом и правом времени, права дворянина-собственника земли, дворянина-администратора. Механизм взаимоотношений выстраивался традиционно для того времени посредством организации вотчинных контор во главе с их управляющими, которым на местах передавалась власть. Регламент деятельности вотчинной конторы определялся Инструкциями о 20 пунктах (что должен был делать приказчик или управляющий), в них оговаривались вопросы судебного характера (творить суд и расправу), как должно было обеспечивать сбор с крестьян как «государевых», так и хозяйских оброков. В селах была избранная администрация в лице старост, сборщиков, коробейных целовальников (лицо, ведущее записные книги прихода и расхо-

да ценностей). Вотчинные управляющие в Шереметевых землях были в основном из грамотных и предприимчивых людей, которые поощряли «добрых» крестьян вести торговую и промысловую деятельность. Нередко крестьяне вследствие нивелирования и круговой поруки в платежах и повинностях крестьянской общины скапливали большие капиталы. Как замечала Екатерина II в своих письмах, характеризуя русских крестьян, «*...они часто закапывают в землю свои деньги, боясь пустить оные в оборот, боятся богатым казаться, чтобы богатство не навлекло на них гонения и притеснения, под рубищем нищеты нередко скрывали свое богатство»* [1, с.85].

Среди массы крестьян выделялись и наиболее оборотистые из них, которые с разрешения вотчинной конторы осуществляли торговый промысел как легально, так и нелегально. Это объяснялось тем, что таможенный Устав 1755 года разрешал крестьянам вести только мелочную торговлю, но уже в конце 18 и начале 19 вв. по Указам от 1799 г., 1804 г., 1806 г., крестьянам разрешалось осуществлять и оптовую торговлю. В самом селе Иванове, по данным Генерального межевания, было на то время 16 ярмарок и 12 торгов, действовала также годовая ярмарка, торги два раза в неделю - воскресенье и четверг, причем число торговых лавок достигало до 180 единиц. Зачастую эти оборотистые крепостные крестьяне торговали по доверенности знакомых купцов или тайно через их приказчиков в крупных городах России. Известны факты такой торговой деятельности Грачевых и Гарелиных в Москве и Санкт-Петербурге, крестьянин Сеземов занимался торговым откупом в южных землях страны, на Белгородчине, и обязывался при этом выплачивать ежегодно шереметевской вотчине до 1000 рублей. Шереметевы смотрели на деятельность оборотистых капиталистых крестьян одобрительно. Так, сам фельдмаршал Б.П.Шереметев писал своим управляющим: «… *надеюсь, нам от торгов будет не без прибытку»* [20, с. 192].

Однако торговля не была единственным промыслом жителей сел вокруг Иванова, издавна они занимались холщовым промыслом, о чем знал даже английский парламент, вынеся однажды решение о покупке дешевых российских холстов для пошива одежды своим солдатам и парусов для флота, знал также об этом виде деятельности Петр I, посетивший в 1722 году Шую. Наиболее предприимчивые крестьяне скупали у односельчан вытканное ими полотно, а затем с выгодой его перепродавали. На базе развитого холщового промысла в селах вокруг Иванова в 40-50-х годах 18 в. появились мануфактуры, организаторами которых являлись крепостные крестьяне. «… *В том селе Иванове... у обывателей имеются фабрики полотняные, на которых штуки разные ткут, канифасы, салфетки и прочие тем подобные*».[19, с. 104].

Первая мануфактура в селе Иванове появилась в 1742 г. у крепостного крестьянина Григория Бутримова, она была зарегистрирована указом Мануфактур - Коллегии. В 1748 (1749)г. появилась мануфактура у Ивана Грачева. В 1751г. Михаил Ямановский завел набоечное производство и организовал раздаточную контору, которая закупала у окрестных крестьян пряжу, а затем раздавала пряжу для изготовления полотен. Этот тип организации ручного предприятия назывался рассеянной мануфактурой. В середине 18 в. в Иванове и округе появились подобные предприятия Ивана Ишинского, Мирона Бабенкова, Степана Удина, Григория Каменева, Ивана Кубасова, Мефодия Гарелина - у последнего было самое крупное заведение, на долю которого в начале 19 века падало почти 16% всех изделий, выпускаемых предприятиями Иванова. В 1758г. по указу сената крестьянам предоставлялась свобода заниматься лишь примитивными видами набивного производства - печать «синей краской на масле». Все остальные виды набоечного производства по-прежнему подлежали правительственной регламентации. Развитие первых мануфактур встречало сильное

сопротивление скупщиков, богатевших на скупке и перепродаже холщовой продукции местных крестьян. В 1749 г. в прошении владельцу села графу Шереметеву 130 крестьян «*…слезно просили и молили…чтобы Грачеву от заводу фабрики отказать, того ради…что не точию от двух фабрик обиды нам не явится, но от первой Бутримова фабрики пришли до нас многие озлобления и помешательства*».[15, с.216]. Граф Шереметев голосу схода не внял. Владелец села Иваново активно поощрял торгово-промышленную деятельность подобных крестьян, владельцев мануфактур. В 1763г. Ефиму Грачеву (сыну основателя) резко был понижен оброк: вместо взимаемых прежде 3 рублей 25 коп. со стана указано брать 2 рубля 50 коп. В 1770г. размер налога понижен еще на 50 коп. с ткацкого стана. Графским указом от 23 января 1792 года касательно Е.Грачева определялось особое положение, «*…впредь его ни в какие послуги без особого письменного повеления не наряжать*» [22, с. 54]. Первые мануфактуры приносили Шереметевым значительные доходы.

С конца 80-х годов 18 века в Иванове возникает ситцепечатное производство, оно было связано деятельностью Осипа Сокова, который узнал секреты крашения на предприятии Лимана. В 1787 г. он завел ситценабивную мануфактуру. Этот крепостной крестьянин также принадлежал к старообрядцам, в 1800 году он заложил строительство молитвенного дома, который позднее был реконструирован в церковь, освященную во имя иконы Казанской Божьей Матери, и в ней официально была учреждена Казанская старообрядческая община.

Предприимчивые крестьяне вопреки решению Мануфактур-коллегии достаточно широко развили набоечное производство бумажных и полотняных материй. Этот промысел обеспечивал торговые обороты, которые достигали в середине 18 века от 2 до 5 тысяч рублей. Бутримов, Гарелин, Грачевы, Соков, Куваевы и другие «капиталистые» крестьяне обустроили к концу 18 века в селе 49 фабрик и заводов с общим производством на сумму 426 тысяч рублей. Уже в начале 1801-1803 гг. общая сумма производства составляла свыше 1 млн. рублей. К 1810 году на более чем 80 промышленных заведениях, принадлежащих крепостным крестьянам, общая сумма производства доходила уже до 2 и более млн. рублей. К 1817 году в селе Иванове выделывалось различных мануфактурных изделий на более чем 7 млн. рублей, а торговые обороты составляли около 6 млн. рублей[16, с.16-17].

Владельцы мануфактур заметно выделялись своим богатством среди других крестьян. Если в 1756 году на мануфактуре у Бутримова было задействовано 69, у Грачёва - 216, Гарелина – 200 ткацких станов, то в начале 19 века в селах и деревнях вокруг Иванова ткачество производилось на 1000 станах. Е.Грачев уже после выкупа на волю имел к 1800 году капитал в 100 тысяч рублей, что позволяло ему не только поддерживать своих единоверцев, но и практиковать благотворительность. М. Гарелин - один из богатых крестьян-старообрядцев, будучи еще в крепостном состоянии, выделил землю на строительство старообрядческой каменной молельни. Богатый старообрядец-поповец Д. Бурылин, обладавший капиталом в 200 тысяч рублей, дал деньги на постройку Благовещенской церкви. М.Ямановский имел капиталу до 300 тыс.рублей, О.Гандурина и ее братья - до 100 тыс.рублей [23, с.165]. Ивановские предприниматели-старообрядцы поддерживали тесные связи со старообрядцами-купцами Поволжья, державшими в своих руках торговые пути по Волге.

Богатство местных предпринимателей значительно возросло в связи с событиями 1812 года. Пожар в Москве 1812 года, вследствие которого сгорели все московские текстильные мануфактуры, и разорения подмосковных текстильных предприятий войсками Наполеона способствовали наступлению «золотого века» для ивановских промышленников. Наиболее наглядно это проявилось в набоечном производстве (на

рубль затрат прибыль составляла 500%, набойщики без особого труда зарабатывали до 100 рублей ассигнациями в месяц) [16, с. 204-205]. С 1812 по 1823 гг. для крестьян-предпринимателей текстильных сел произошло временное устранение конкурента в лице московских хлопчатобумажных предприятий, это, в свою очередь, вызвало взлет ивановской промышленности и укрепило материальное положение ивановских предпринимателей. Ф.Нефедов, сын крепостного крестьянина, местный бытописатель замечал: «*...завестись в это время фабрикой не требовалось большого капитала, стоило приобрести 2-3 горшка, чтобы было в чем варить краску, да купить на целковый материалу - и фабрика пошла в ход; миткаль был свой, его ткали в каждой избе. Таких фабрикантов звали горшечниками*» [9,с.20-22].

Завершение «золотого века» ивановских предпринимателей характеризовалось тем, что к 1825 году в селе Иванове функционировало уже 125 крупных ситцепечатных и бумаготкацких фабрик. На фабрике Грачевой было 900 станов и 103 набойных стола, у Ямановского около 1 тысячи станов и 110 набивных столов, у Гарелина – более 1000 станов и 85 набивных столов. Набойщики, по замечаниям Владимирских губернских ведомостей, были народом смышленым и грамотным, они знали письмо, ткачи и шпульники - самые неопрятные и необразованные. Заработная плата на фабриках ивановских «капиталистых крестьян»- предпринимателей была следующей: на фабриках Е. и Д.Грачевых в конце 18 - начале19 века ткачи и набойщики получали до 10 рублей в месяц (1 пуд муки в то время стоил 66-99 копеек), в середине 19 века прядильщики - 20, ткачи -7, помощники – 7.5, колористы от 83 до 416 рублей серебром в месяц. По замечанию Гакстгаузена, денежная (номинальная) и реальная зарплата у русских текстильщиков была выше, нежели в Германии [17, с. 242].

Предпринимательская деятельность крепостных крестьян-старообрядцев в селе Иванове свидетельствовала о таком факте, что, с юридической точки зрения, они были в крепостной зависимости, а в действительности – будучи сами крепостными - они нередко имели от 300 до 1000 крепостных крестьян, скапливали большие капиталы у себя [19, с.166]. Возникала парадоксальная ситуация, когда богатый «капиталистый» крепостной, если не юридически, то фактически, владел такими же как он, но только бедными крепостными. На их предприятиях работало также множество купленных крестьян, так называемых мизинных крестьян (крестьян последней статьи). В селе Иванове таких купленных крестьян насчитывалось около 9 тысяч человек, а в шуйском уезде (по данным шуйского предводителя дворянства) их насчитывалось около 88,5 тысяч душ. Операции купли крестьян приобрели легальный характер с 1764 года. Владельцы предприятий скупали у помещиков на имя графа целые деревни вместе с пахотной землёй, лесами и крестьянами, многие из которых шли работать на предприятия новых хозяев. Купленные крепостные крестьяне выполняли различные виды работ в заведениях у «капиталистых» крестьян, их положение было тяжелым вследствие двойного подчинения, с одной стороны, юридически, надо было платить подати вотчинной конторе, а с другой - крестьянину-предпринимателю. Нередко вследствие кончины «капиталистого» крестьянина или выкупа на волю работавшие в их промышленных заведениях переходили в собственность вотчины, увеличивая тем самым численность крепостных душ. Так, после смерти Никифора Сеземова и его жены в 1791 году в собственность Шереметевым перешли 429 душ в Галичской провинции, Костромской губернии; после выкупа Грачевых в 1795 году на имя Шереметевых были записаны 881 душа мужского и 2000 душ женского пола.

Вряд ли в этих промышленных заведениях царил всегда лад и благополучие между работниками и крестьянами-хозяевами**.** Рабочий день в этих заведениях длился

до 14 часов, средняя оплата труда составляла в месяц до 2,5 рублей. Нередко наблюдалось жесткое отношение к работникам, вызывавшее протест и жалобы в вотчинную контору. Известны факты угроз со стороны работников по отношению к хозяевам промышленных заведений (например, частыми были угрозы в адрес к Н.Сеземова, даже угрозы физической расправы).

Вотчинная контора взимала с «капиталистых» крестьян плату (ренту) за их предпринимательскую деятельность. Так, Бутримов платил сначала натурой, затем в деньгах (180 рублей в год); Грачев по 3 рубля 25 копеек со стана в год, позднее за услуги в ссуде Шереметевым он стал платить 2,5 и 2 рубля в год; Торопов с фабрики платил 1200 рублей, затем 700 рублей; Сеземов платил 248 рублей в год. С 1796 года была введена единая норма 0,5% в год с капитала свыше 500 рублей.

Шереметевская вотчинная контора осуществляла и операции по имущественным сделкам крепостных крестьян (купля-продажа), причем в пользу графа поступал процент от стоимости купленного (проданного) имущества. В хозяйственных отношениях с крестьянами вотчинная контора развивала и такую форму, как аренда мельниц, которых насчитывалось около 40 единиц, причем предпочтение в аренде отдавалось прежним их владельцам. Иногда Шереметевы брали взаймы у предприимчивых крестьян определенные суммы денег (в 1793 году у Грачева Е. было взято в заем 10 тысяч рублей на 4 месяца, а 1794 году - 5 тысяч рублей на 2 месяца). Иногда крестьяне отказывали Шереметевым по тем или иным причинам, Известен факт, когда крестьянин Сеземов не только отказал графу в сумме 10 тысяч рублей, но в ответ на угрозу графа провел операцию через банкирскую контору Тамеса о получении последней векселя с графа на эту сумму.

«Капиталистым» крестьянам вменялась уплата вотчине оброка за недоимки односельчан по 75 - 87 рублей ассигнациями в год, это зачастую приводило к закабалению последних для работы на фабриках.

Крестьяне в вотчинах выполняли и государственные повинности: платили подушную подать (74 коп. с души), доставляли провиант и фураж в армию, выставляли рекрутов и за мундир платили (1-2 рубля), выделяли мастеровых людей на строительство домов « на реке Неве в Петербурге» и на строительство мостов и улиц в Москве.

Шереметевы неоднозначно относились к принадлежности своих крепостных крестьян к старообрядчеству. С одной стороны, можно свидетельствовать об их толерантном отношении, так как на их землях строились молитвенные дома, перестраивавшиеся затем в старообрядческие церкви, при которых формировались старообрядческие общины (в селе Иванове их было 2: каменная церковь иконы Казанской Божьей Матери, заложенная в 1800 году О.Соковым и подвергшаяся позднее перестройке; деревянная Успенская церковь, построенная в архитектурном стиле 17 века, которая сохранились до настоящего времени в первоначальном виде). Все это, конечно, объяснялось тем, что предприимчивые «капиталистые» крестьяне Соков, Грачевы, Гарелины, Бурылины, Солдатенковы, Куваевы, Ямановские, Гандурины (с.Иваново) своей деятельностью представляли своеобразное самовозрастание капитала вотчины. С другой стороны, имеются свидетельства о том, что Шереметевы считали раскол злом и предписывали управляющим в вотчинах, где проживали старообрядцы, отдавать в первую очередь их «*сыновей в рекруты, девушек в другие вотчины в замужество не выдавать, чтобы не размножали раскола»* [20, с.162].

Как бы не ощущали «капиталистые» крестьяне - старообрядцы на себе отношение вотчинника, они делали свое предпринимательское дело и тем самым заложили династии текстильных фабрикантов, деятельность которых определила судьбу

целого экономического района промышленно-текстильного направления. Это были не только ивановские Гарелины, Грачевы, Бурылины, Ямановские, Зубковы, Гандурины, Куваевы, но и Коноваловы (с.Вичуга), Красильщиковы (с.Родники), Скворцовы и Павловы (с.Середа и Писцово) и др.[18, с.215, 255, 259, 278, 284, 413].

Среди старообрядцев сложилась своеобразная форма протеста против крепостнической системы в российском обществе, которая выражалась в выкупе старообрядческими общинами крепостных крестьян на волю[14, с.476]. Однако нередко этот выкуп сопровождался следующими условиями, выкупившиеся крепостные крестьяне должны были работать на предприятиях купца, который выделял деньги на этот выкуп. Можно предположить, что подобная помощь была оказана при выкупе Ефима Грачева (лидера раскола в селе Иванове) и сына его, Дмитрия, которые за свое освобождение в 1795 году выплатили Шереметевым 135 тысяч рублей серебром. Грачевы при выкупе отдали в собственность Шереметевым 3 тысячи десятин земли, 40 пустошей, около 400 станов. Выкупившись на свободу Е.Грачев записался в московское купечество I гильдии. Вотчинная контора Шереметевых не смогла наладить производство и сдала его в аренду Грачевым, которые довели текстильное производство до технического совершенства, характерного для того времени. Е.Грачев в статусе московского купца I гильдии был известен царю Александру I и награждён медалью на Андреевской ленте, он также был представлен графу Аракчееву и получил золотую медаль за развитие текстильной промышленности. Е.Грачев значился благотворителем развития народного образования, известно, что он пожертвовал значительные суммы денег в Московский университет, имя его перечислялось среди имен других меценатов на мраморной доске актового зала университета.

Процедуры выкупа «капиталистых» крестьян на волю из шереметевской вотчины в первой половине 19 века сопровождались выплатой в 20-30 тысяч рублей серебром (всего к 1861 году из вотчины выкупились 50 семейств).

Выкупившиеся крепостные оборотистые крестьяне вступали зачастую в купеческое сословие, это вхождение давало им многочисленные преимущества. Запись в купечество регламентировалось Указами от 20 и 24 октября 1804 года [24, с.140]. В отличие от крестьян и мещан купцы были неподатным сословием и платили государству лишь фиксированный гильдейский сбор. Они освобождались и от телесных наказаний. Кроме того, купцы первой гильдии имели практически неограниченные права на торговлю, в том числе и с иностранными государствами. Запись в шуйское или юрьевецкое купечество вовсе не означало того, что новоиспеченные купцы обязаны были переехать на жительство в город. В промышленных селах гильдий не было, и «капиталистые» крестьяне записывались в купеческое сословие ближайших уездных центров. Из выкупившихся ивановских крестьян-старообрядцев записались в купцы Д.Бурылин - Шуйским купцом 2-й гильдии, братья Гарелины вступили в купечество второй гильдии города Шуи, а в 1839 году перешли в купечество первой гильдии по городу Юрьевцу, П.Коновалов – купцом 2-й гильдии в Кинешме.

Вторая четверть 19 века вплоть до начала 20 века была связана с началом в России промышленного переворота, который в текстильном производстве осуществлялся значительно быстрее, нежели в других отраслях экономики. На ивановских мануфактурах уже производились не только льняные, но и хлопчатобумажные ткани из привозной пряжи. В производстве применялись усовершенствованные приемы: ткачество при помощи челнока-самолета, крашение ситца прочным заварочным способом и др. Как следствие развития текстильного производства в селах вокруг Иванова стал формироваться региональный промышленно-текстильный центр, само Иваново по своему экономическому состоянию в это время могло быть сравненным с

традиционными российскими текстильными центрами - Калугой и Ярославлем.

В этот период среди старообрядцев, особенно старообрядцев-поповцев, стало распространяться единоверие как форма воссоединения старообрядцев с официальной церковью, как «ступень к православию». Шуйский уезд, к которому относилось и село Иваново, становится в это время одним из центров распространения единоверия во Владимирской губернии. На его территории формируются единоверческие приходы. В селе Иванове единоверческий приход оформился в 1839 году, после освящения Благовещенской единоверческой церкви. Процесс перехода в единоверие поддержали довольно активно предприниматели. В 30-е годы ивановские промышленники Зубковы, Бурылины, Гандурины, Дурденевские, Гарелины перешли в единоверие. Такой переход стал наблюдаться и среди беспоповских согласий, что объяснялось тем, что жесткий традиционализм федосеевского согласия становился тормозом для участия его членов в экономической жизни страны. В 40-е годы 19 века некоторые представители федосеевского толка стали переходить в менее радикальные согласия, например, в том же селе Иванове некоторые из старообрядцев-предпринимателей перешли в поморский толк [7, с.315].

Вторая половина 19 века в развитии Иваново-Вознесенского экономического района связана с деятельностью детей и внуков бывших крепостных крестьян-старообрядцев. Это 2-е и 3-е поколение не просто продолжили дело своих дедов и отцов, но и внесли существенный вклад в завершение промышленного переворота в текстильной промышленности, ее конкурентоспособность на внутреннем и мировом рынках. Реформа 1861 года способствовала раскрепощению крестьян и увеличению числа старообрядцев, которые к концу 19 века составляли уже 20% населения страны. Указ Александра III начала 80-х годов запрещал всякие преследования старообрядцев, что еще больше способствовало вливанию их в предпринимательскую и хозяйственную деятельность.

Иваново-Вознесенский промышленно-текстильный район, сформировавшийся в 18-19 вв., уже на рубеже 19 и 20 вв. демонстрировал свою конкурентоспособность и динамичность, это, в свою очередь, характеризовало высокий уровень отечественного предпринимательства, у истоков которого стояли бывшие крепостные крестьяне-старообрядцы. Представители этой части русского общества, по словам старообрядца Бугрова, высказанных в беседе с М.Горьким , «*… относились к труду почти религиозно, с твердой верой в его внутреннюю силу,...в единую разумную энергию – цель ее: претворить нашу грязную землю в райский сад»* [8, с.41].

Список использованной литературы

1. **Берлин П.** Русская буржуазия в старое и новое время. М.,1922.
2. **Булгаков С.** Православие и хозяйственная жизнь // Православие. М.,1991.
3. **Гарелин Я.** Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад (Владимирской губернии). Ч.I. Шуя., 1884.; Предпринимательство и предприниматели в России: от истоков до начала XX века. М., 1997.
4. **Гарелин Я.** Указ. соч.
5. **Ионов И.** Российская цивилизация XIX - начала XX века. М.,1995.
6. **Иванов Ю.** Шуйские раскольники. Шуя.,1997.
7. **Миловидов В.** Старообрядчество в прошлом и настоящем. М.,1969. Отечественная история. Энциклопедия. М.,1994.Т.1.
8. Красная новь. М.,1924. N2.
9. **Нефедов Ф.** Повести и рассказы. Т.I. Иваново., 1937.

10. Острожники и раскольники. В 3-х томах. Составитель Ф.Ливанов. СПб.,1872.
11. Острожники и раскольники. Указ. соч.
12. Острожники и раскольники. Указ.соч.
13. **Рындзюнский П.** Городское гражданство в дореволюционной России.М.,1958; М.Рощин. Старообрядчество и труд //Материалы Второй научной конференции «Человек и природа - проблемы социоестественной истории».Феодосия, 21-25 сентября 1993 г. М., 1994.
14. **Рындзюнский П.** Указ. соч.
15. **Степанов А.** Крестьяне-фабриканты Грачевы. Записки историко-бытового отдела Государственного русского музея. Т.1., Л.,1928.
16. Статистическое обозрение состояния Владимирской губернии в 1817 году. // Влад. историко-статистический сборник. Владимир.,1869.
17. **Туган-Барановский М.** Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в 19 веке. М., 1997.
18. 1000 лет русского предпринимательства. М., 1995.
19. **Фёдоров А.** «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале XVIII в.» Временник императорского московского общества истории и древностей российских». Кн.22. М.,1855.
20. **Шепетов К.** Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М.,1947.
21. **Шепетов К.** Указ. соч.
22. **Экземплярский П.** История города Иванова. Ивановское книжное издательство, 1958.
23. **Экземплярский П.** Село Иваново в начале 19 века. Труды Иваново-Вознесенского губернского общества краеведения. Иваново.,1923.
24. **Якоцевский В.** Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М.,1953.

ББК 87.6 + 88.5 + 74 + 301

Раздел 2 Философия, психология, социология, PR

М.Г. Зеленцова, Е.А. Романова

О ВСЕОБЩНОСТИ ПОНЯТИЯ СВОБОДЫ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена анализу понятия свободы как философской категории, следовательно, имеющей всеобщее содержание. Предложено новое, по сравнению с распространенным в отечественной философской литературе, понимание специфики человеческой свободы на основе синтеза идей волюнтаризма и фатализма.

Понятие свободы – одно из наиболее актуальных социально-политических и философских понятий. В общественном сознании оно трактуется весьма неоднозначно – в соответствии с интересами различных политических и экономических сил. Чтобы найти истину в толковании смысла этого понятия, необходим его философский анализ, который отличается предельной общностью, а поэтому позволяет установить общезначимые моменты в различных конкретных проявлениях свободы, служащие необходимой основой для ее истинного понимания.

На наш взгляд, обычно даваемые в литературе определения понятия свободы не вполне адекватны его подлинному содержанию. Здесь мы хотим обратить внимание на то, что в этих определениях свобода соотносится только с человеком и человеческим обществом, отождествляется с познанной человеком необходимостью и (или) с результатом ее познания. Так, в «Философском энциклопедическом словаре» свобода определяется как способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости [5, с. 595]. Это определение воспроизводится в учебнике философии П.В. Алексеева и А.В. Панина. Здесь прямо утверждается, что «свобода есть высшая форма…, присущая только человеку» [6, с. 445]. Тем самым наличие свободы в других сферах бытия – в живой и неживой природе – исключается. В некоторых случаях по отношению к ним предлагается говорить о квази- или протосвободе. В этой статье делается попытка обосновать положение о всеобщем характере понятия свободы.

Приведенное понимание свободы как познанной необходимости основывается на древнейшем фаталистическом мировоззрении, согласно которому ход жизни человека предопределен стоящим над ним мировым законом, высшим разумом, или Богом (богами), является его «судьбой», то есть заранее сужден ему свыше. И удел человека – следовать предназначенной ему «судьбе». В древней философии это мировоззрение наиболее полно и последовательно разработано в учении стоиков. Оно проходит через всю историю науки и философии. Его сторонником был Г. Гегель, на учение которого в определенной мере опирался и Ф. Энгельс в своем понимании свободы. Но сходство

взглядов Энгельса с учением Гегеля по этому вопросу было внешним, и он, конечно, не был сторонником фатализма. Когда Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит, что свобода – познанная необходимость, то, очевидно, что он излагает точку зрения Гегеля, а не свою, так как дальше он определяет свободу совсем иначе, как «основанное на познании необходимостей природы господство над нами самими и внешней природой» [7, с. 116]. Тем самым он высказывает идею об основе свободы в «нас самих», т.е. о внутренней необходимости, а не о внешней, господствующей над нами. Но эта идея не была у него, как и в последующей марксистской литературе, оформлена и развита в учении о собственной необходимости человеческой природы.

С точки зрения фатализма, свобода заключается в добровольном принятии «судьбы», но это, по сути, не свобода, а подчинение, покорность, так сказать, свобода несвободы. Между тем в изречении «fata volentem ducunt, nolentem trahunt» фактически признается, что человек может принять «судьбу», а может и не принять, следовательно, обладает свободой воли, не зависящей от этой «судьбы», от внешней необходимости. Это начало иного миропонимания, прямо противоположного фаталистическому. Мы имеем в виду не волюнтаризм, но разумную точку зрения, состоящую в признании лежащей в основе свободы внутренней необходимости. В древней философии это понимание высказал Аристотель, согласно которому свободным надо считать такое действие, принцип которого заключен в самом действующем лице [2, с. 351]. Очевидно, что принцип – это форма выражения собственной внутренней необходимости. Этого же взгляда придерживался Эпикур, выдвинувший идею о способности атомов отклоняться от прямой линии падения, а значит и способности человека действовать свободно, по собственному усмотрению.

Философ Нового времени Б. Спиноза высказал понимание свободы, сходное с аристотелевским, но выраженное в форме всеобщности: свободною называется такая вещь, которая существует по одной необходимости собственной природы и определяется к действию только сама собой [4, с. 1]. Спиноза приписывал свободу субстанции, миру в целом, человек же становится свободным лишь в том случае, если познает общую необходимость и следует ей. Тем самым он становится на позицию стоиков. Но его понимание свободы, если его применить к отдельным вещам, к людям, коренным образом меняет дело: становится очевидным сходство его точки зрения с позицией Эпикура и Аристотеля. Переосмысление сферы истинности определения Спинозы является логически необходимым. Мир в целом не может рассматриваться как субъект свободы, ибо для этого нужен объект, по отношению к которому осуществляется свобода. Но система Спинозы не предусматривает наличие такого объекта.

В литературе, говоря о свободе, нередко указывают на два вопроса: «для чего» и «от чего». Можно прибавить еще третий: «благодаря чему» или «с помощью чего». Свобода всегда, прежде всего – свобода от внешних (для данного субъекта) препятствий, мешающих ее реализации, кроме внутренней необходимости здесь обязательно должна иметь место внешняя необходимость. Иначе говоря, свобода – это отношение между собственной и «чужой» необходимостью. Вне учета этого отношения нельзя дать правильной дефиниции. Если по Аристотелю, свобода состоит в том, что лицо действует по внутреннему принципу, то это означает, что не по принципу другого лица. Прямо это не говорится, но, безусловно, подразумевается. Примерно то же самое можно сказать об определении Спинозы. В определении Энгельса мысль о внутренней необходимости содержится, хотя и в неявном виде: если человек осуществляет господство над собой и над природой, то, очевидно, что он это делает ради самого себя, по собственной необходимости. В то же время Энгельс связывает свободу с познанием внешних необходимостей. Остается выразить первый момент в прямой форме.

В фатализме есть доля истины. Познавать необходимости как внешней, так и собственной природы, подчиняться и следовать им, конечно, нужно для осуществления свободы. Но для этого нужно не только им подчиняться, а, по мере возможности, подчинять их себе, преодолевая негативное действие одних сил с помощью других, им противоположных, и используя благоприятное действие тех или иных сил в своих интересах. Фатализм должен быть подвергнут диалектическому отрицанию: в целом его надо признать ложным, но содержащим «рациональное зерно», без учета которого не может быть достигнута истина в понимании свободы. То же самое правильно будет сказать и о волюнтаризме. Свобода человека выражается в том, что он руководствуется своими интересами, желаниями, принципами, своей собственной волей, но если его действия не основаны на познании объективных необходимостей, внешних и внутренних, то его свобода будет лишь кажущейся, ложной, не свободой, а произволом, который, в конце концов, приведет его к негативным результатам. Рациональные моменты, имеющиеся в фатализме и в волюнтаризме, надо соединить в диалектическом синтезе, ибо взятые изолированно, по отдельности, они не дают истинного понимания свободы, и только взяв их в единстве, в соотношении, взаимопроникновении, мы можем достигнуть такого понимания. Исходя из всего вышесказанного, можно дать следующее определение свободы: свобода – это беспрепятственность осуществления собственной, внутренней необходимости субъекта (ее «носителя»), основанная на ее соответствии ряду внешних (непреодолимых) необходимостей, достаточной имеющейся или достигаемой независимости от негативных воздействий (противодействий) и использования благоприятных, содействующих условий (необходимостей). Здесь не сказано о познании необходимости, но это и не нужно. Задача определения – раскрыть сущность, основной смысл понятия. Раскрывает ли данное определение смысл понятия свободы? Мы не видим оснований, чтобы это отрицать. Познание – не сущность свободы, а средство ее достижения человеком. Свойственна ли свобода только человеку? Если нет, то такой признак, как познание, нельзя включать в дефиницию понятия свободы, ибо познание присуще только человеку, и понятие будет лишено статуса всеобщности.

Нужно ли доказывать, что понятие свободы применимо к миру животных, а также к миру растений? Дикая лошадь в степном табуне и лошадь, пойманная человеком, птица на свободе и птица в клетке и т.п. – в таких случаях без раздумья говорят о свободе и несвободе. О растениях тоже говорят, есть ли в том или ином случае свобода для нормального развития: например, не тесно ли саженцам, не затенены ли молодые деревья старыми и т.д. Термин «свобода» здесь полностью соответствует данному выше определению понятия свободы. Употребляется этот термин и применительно к явлениям неорганической природы. Так можно прочитать и услышать выражения: свободное падение тела, свободное качание маятника, свободное (без помех) протекание какого-либо физического процесса; если во время ледохода у моста не образуются заторы, то это значит, что лед проходит свободно и т.п. Эти примеры, а аналогичных им можно привести великое множество, показывают, что категория свободы относится ко всем сферам бытия, то есть является всеобщей. Разумеется, применительно к каждой из них она приобретает особое, конкретное содержание. Но это не отрицает факта ее всеобщности.

Свобода в неживой природе крайне проста, бедна содержанием. Здесь нет деятельности, специально направленной на достижение или увеличение свободы. Такая целесообразная деятельность возникает вместе с возникновением жизни. Достижение свободы здесь становится необходимым как элемент деятельности, направленной на самосохранение живого тела. По своей сложности и активности эта составляющая деятельности у животных выше, чем у растений, а у людей – чем у животных. Общее понимание свободы – логическая основа понимания свободы на каждом этапе разви-

тия природы в широком смысле, включая и человека. На этой основе можно правильно истолковать качественное своеобразие и конкретные особенности каждого из этих этапов. Чтобы понять специфическое содержание человеческой свободы, надо знать, по словам Маркса, «какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» [3, с. 623].

Человек отличается тем, что, как существо разумное, познает мир, его законы и на основе полученных знаний изменяет условия своей жизни. Люди – существа социальные. Для них характерны сотрудничество, взаимопомощь, подчинение нормам общественного поведения, без чего социальная жизнь была бы невозможна. В этом они сходны со своими животными предками. Как и у них, у людей есть социальные чувства. Но в отличие от них у людей эти чувства приобретают осознанную форму, возникает моральное сознание. Мораль (нравственность) выступает как воплощение социальной природы человека. Моральное сознание – сознание коллективистское, «соборное» и, вместе с тем, гуманистическое.

Оба эти момента находятся в единстве, и только в этом единстве они выражают сущность морали, ее главную цель, а именно: согласование, гармонизацию личного и общественного. Характерным для морали является элемент альтруистичности, самоограничения и самоотвержения в интересах других, общности в целом. Это ярко выражается в формах морального сознания: в чувстве и сознании долга, в уважении человеческого достоинства, в справедливости, ответственности и др. Существует мнение, что мораль может быть индивидуалистической, что именно такова «буржуазная» мораль. Но это недоразумение, нонсенс. Правила достижения личного успеха, отражающие индивидуалистические нравы в классовых обществах, нельзя принимать за нормы морали. Мораль как раз противоположна индивидуализму, ее специфической функцией является его минимизация, в пределе – исключение из социальной психологии и практической жизни. В классовом обществе, на базе отношений частной собственности, эта функция не может успешно выполняться. Но мораль никогда полностью не исчезает из сознания и практики отношений между людьми, ибо она составляет сущность общей природы человека, и пока люди сохраняются в качестве биологического вида, будет существовать и мораль. В благоприятных же для ее функционирования условиях, на базе общественной собственности на средства производства, т.е. при социализме, она будет определяющей формой регуляции поведения людей, их взаимоотношений между собой и с общественным целым. Человеку присуща склонность к индивидуализму, эгоизму, обусловленная свойственным всему живому стремлением к самосохранению и благополучию. Но для общей природы человека характерно главенство коллективизма, гуманности, добра над индивидуализмом, эгоизмом, злом. Не случайно слово «человечность», символизирующее истинно моральное, доброе отношение к людям и вообще ко всему живому (благотворному для людей) образовано от слова «человек». Только человечный человек является социально-нормальным, подлинным человеком, соответствует своему понятию.

Не учитывая сказанного, нельзя правильно понять, в чем заключается внутренняя необходимость общей природы человека, а значит его подлинная свобода и та общественная форма, которая может обеспечить достижение этой свободы. Ясно, что либеральное, индивидуалистическое толкование природы человека и его свободы, как возможности лично обогащаться любыми «эффективными», хотя бы антигуманными, жестокими и разрушительными для общества способами, является абсолютно аморальным и научно несостоятельным. Близко к либеральному взгляду на свободу ее понимание экзистенционализмом, согласно которому свобода изначальна для индивида и «безосновна», ничем не детерминирована, предшествует сущности, ибо индивид «свободно» выбирает свою сущность. Свобода, таким образом, отделяется от необходимо-

сти и вырождается в чистый произвол. Признание ответственности никак с таким пониманием свободы не связано. О научно-теоретическом понимании свободы при этом говорить не приходится, эта категория считается неопределимой и не определяется.

Без определения понятие не может быть логически ясным, допускает употребление в противоречащих друг другу смыслах, что вносит в текст элемент иррациональности, обрекает его на потерю качества научности. Ошибочное определение понятия заводит все исследование в тупик. В нашей литературе иногда дает себя знать понимание свободы как причинной необусловленности воли. Например, это понимание является основой концепции М.А. Абрамова, изложенной в статье «Неопределенность свободы» [1]. Как видно из названия, категория свободы так и осталась для автора неясной. В какой-то мере эта неясность проглядывает и в таких солидных изданиях, как учебник философии П.В. Алексеева и А.В. Панина, учебник по современной западной философии А.Ф. Зотова и других работах.

Исходное определение должно быть максимально кратким, содержащим только необходимые, но, конечно, достаточные признаки. Как мы показали, признак познания не является необходимым для определения понятия свободы. Исключив его, мы получаем такое понятие свободы, которое имеет значение всеобщности, охватывает все сферы бытия, а не только бытие человеческое. Но зато оно позволяет лучше, точнее исследовать особенности свободы человека, как и других форм свободы. Оно также служит основным логическим критерием для проверки истинности различных теорий свободы.

Список использованной литературы

1. **Абрамов М.А.** Неопределенность свободы// Вопросы философии, 1996, № 10.
2. **Аристотель.** Большая этика// Соч. в 4-х томах, т. IV, М., 1983.
3. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
4. **Спиноза Б.** Этика. М.; Л.: Соцэкгиз, 1933.
5. Философский энциклопедический словарь. М. 1983.
6. Философия. Учебное пособие. Под ред. П.В. Алексеева и А.В. Панина. М. 1997.
7. **Энгельс Ф.** Анти-Дюринг// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20.

А.Н. Портнов, А.А. Портнов

«КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: СУЩНОСТЬ, ДИСКУРС, НЕКОТОРЫЕ ФИГУРЫ

Ивановский государственный химико-технологический университет
Ивановский государственный архитектурно-строительный университет

В статье рассматривается понятие «консервативной революции», определяются основные составляющие ее дискурса и некоторые основные фигуры периода 1918-1945 годов, намечаются последующие перспективы исследования.

То, что в западной литературе получило название «консервативной революции» и «консервативных революционеров», представляет собой весьма интересное явле-

ние, как с точки зрения политической теории, так и в аспекте социальной философии. На первый взгляд, это понятие внутренне противоречиво, то, что в стилистике называется оксюмороном – соединением противоположных, а то и противоречащих свойств. Это так и есть, но в современной политической науке и реальной политике понятие «консервативной революции» достаточно прочно утвердилось и перестало вызывать отторжение. До недавних пор это относилось в основном к немецкой политической мысли. Более того, многие западные авторы относят это явление в основном к движению национал-социалистов и их правлению в 1933-1945 гг. [12; 29; 30], тогда как другие видят его в более широком системном контексте, причисляя к нему деятелей «национально-революционного» характера и тех, кого обычно относят просто к консервативному лагерю. Сам термин «консервативная революция», появившийся первоначально в работах А. Мёллера ван ден Брука [15], получил сначала определенную известность, а затем стал достаточно распространенным (соответствующие статьи есть, например, в энциклопедии «Википедия» – как в немецком, так и в английском ее вариантах). Большое значение для распространения этого термина имела книга А. Молера [16], первоначально защищенная как докторская диссертация под руководством К. Ясперса, а впоследствии многократно переиздававшаяся. Последнее издание вышло как совместный труд А. Молера и К. Вайссманна, одного из интеллектуальных лидеров современных немецких «новых правых», историка и философа, талантливого писателя и интересного критика многих аспектов развития современного немецкого общества и mutatis mutandum западного общества в целом [17].

Говоря о двадцатых и тридцатых годах, следует иметь в виду обстановку перманентного политического и экономического кризиса, которая вполне могла бы спровоцировать гражданскую войну, и вызвала создание радикальных левых и правых партий, каждая из которых имела свои вооруженные отряды, почти армии («Штурмовые отряды», «Стальной шлем», «Союз красных фронтовиков» и др.). Вообще полувоенный стиль поведения (ритуалы приветствий, докладов, стояния навытяжку, нарукавные повязки, значки, знамена, штандарты), как отмечает Хаймо Швилк, одинаково нравилось как правым, так и левым, отражая тоску по «прусским» моделям «порядка». «Тотальная мобилизация все еще лежала тяжким грузом на сознании нации» [27, s.293].

Естественно, кризисная обстановка требовала решений. Хорошо известно, что Коминтерн (за которым стояло руководство СССР) настаивал, используя финансовый кризис 1922-1923 гг., на вооруженных восстаниях, которые затем должны были перерасти в нечто подобное Октябрьской революции в России. Тогдашние руководители немецких коммунистов Август Тальхаймер и Хайнрих Брандлер были категорически против вооруженного восстания, прекрасно понимая, что, несмотря на серьезные экономические трудности, немецкий народ совсем не готов к революции широкого масштаба. Возникшие в 1918 году рабочие и солдатские советы в Мюнхене, Берлине, Штутгарте были быстро ликвидированы силами полиции, рейхсвера и так называемой «военно-морской бригады» (Marinebrigade Ehrhadt), набранной из добровольцев – офицеров и матросов военно-морских сил. Восстание 1923 года под руководством коммунистов в Гамбурге также было подавлено очень быстро (равно как и попытка Гитлера захватить власть в Баварии, а затем, возможно, и во всей стране).

Вместе с тем эти события, как и последующие выборы в рейхстаг, еще раз показали, что парламентская республика в Германии покоится на шатком основании. В стране были достаточно сильны антидемократические настроения. Коммунисты, национал-социалисты, определенная часть консервативного лагеря выступала за упразднение или, во всяком случае, значительное изменение парламентской демократии.

В 20-е годы ни одна из партий не могла добиться решающего успеха, поэтому фракционная борьба часто принимала «превращенную форму» (Гегель, Маркс) настоящих сражений, как на улицах, так и в залах, где проводились политические собрания. Следует иметь в виду и приниженное положение Германии, обусловленное положениями Версальского и некоторых последующих договоров: запрет иметь армию, превышающую 100 000 человек, иметь резервистов, производить военные самолеты (когда Гитлер прищел к власти, Германия имела 70 военных самолетов), танки, необходимость выплачивать огромные репарации до 1988 года, утрату всех союзников и территориальные потери (колонии, некоторые местности на границе с Польшей, Эльзас и Лотарингию), оккупация Рейнской области. Все это создавало атмосферу неуверенности в завтрашнем дне. Роджер Гриффин, один из наиболее глубоких исследователей этого периода, дал наиболее емкую характеристику: «The Weimar Republic as a «stressed» society» [11, p.268-271]. И нет ничего удивительного, что в стране, «подверженной стрессу», было немало политических сил, мечтающих кардинально изменить обстановку.

После 30 января 1933 года национал-социалистическая пропаганда трубила о «национальной революции». В отечественной литературе этот термин никогда серьезно не воспринимался. В зарубежной литературе политические режимы Италии 1922-1943 и Германии 1933-1945 годов также обычно воспринимаются как враждебные духу модернизации и модернизма. Однако и итальянский, и немецкий фашизм, также как и «построение социализма в отдельно взятой стране», тесно связаны с духом модерна как идеологического течения, так и модернизации в целом. Соответственно, это порождает и определенный дискурс, с помощью которого осмысляются настроения и идеи подобного рода.

Для дискурса фашизма, национал-социализма, национал-большевистской партии Германии, большинства представителей консервативной революции, равно как и их врагов-друзей в СССР, действительность определяется «борьбой и сражениями, которые в будущем распространятся в планетарном масштабе». Георг Фридрих Юнгер писал: «Кто больше не хочет господствовать сам, станет объектом господства», «за гуманной маской нашего времени скрывается другой лик – живой, жестокий и безжалостный как сталь» [цит. по 17, s.291]. Современный национализм, пишет Ф. Г. Юнгер в «Марше национализма» (1926), больше не хочет знать никаких партий, парламентов, избирательных прав, так как партии представляют только часть населения и ведут к расколу нации. Националистическое государство как «боевое содружество, связанное узами крови» будет авторитарно и осуществит социализм «строгий, несущий благо всем». Для обуздания масс, потерявших свои национальные корни, требуется сильная личность вождя [цит. по 17, s. 292]. Шпенглер писал во втором томе «Заката Европы»: Руссо и Маркс отталкиваются от понятийных идеалов вместо фактов крови, не замечая этой колоссальной силы внутри исторического мира, а потому клеймили ее следствия как презренные и реакционные. «Однако они налицо, причем с такой явственной силой, что сама символика высоких культур может их одолеть лишь искусственно и на время…» [2, с.397]. Но Шпенглер не имел какой-либо официальной должности, он был тем, что в Германии называют Privatgelehrter. А вот высказывания Ф. Г. Юнгера на первый взгляд плохо сочетаются с должностью прокурора в Земельном суде Саксонии, которую занимал Ф. Г. Юнгер. Но вот в этом и состоит слабость Веймарской республики, позволявшей распространение парафашистских и откровенно фашистских идей. В этом слабость всякой последовательной демократии, что хорошо понимают определенные круги на Западе (идея «постдемократии» [32;33]).

Но вернемся к теме модерна и модернизации. Как проницательно отмечает Р. Гриффин, фашизм (или, добавим мы, то, что считается «классическим фашизмом»), можно и нужно рассматривать как политический вариант модернизма, и возникает он в обществах, «пронизанных модернистскими *метанарративами*» [11; p.6]. Основное содержание в данном случае формируется таким смысловыми моментами как «очищение общества от элементов упадка» (носителями которого могут быть «клоуны, дилетанты, легкомысленные интеллектуалы» [1, с.42], «еврейский большевизм», «мировая закулиса», масоны, Weltjude), обновление, мыслимое не как универсальное явление, но как «творческое разрушение», и создание новой породы людей. Экзистенциальным фундаментом этой новой человеческой породы должны быть не некие «общечеловеческие ценности», не «права человека и гражданина», а мистические и расовые представления. Очень важным моментом, в большей или меньшей степени осознаваемым почти всеми деятелями «консервативной революции» и соответственно вошедшим в ее дискурс, было представление о том, что история находится в данный момент на переломе, и ее течение может быть изменено: нация будет возрождена, а Запад спасен от неминуемого коллапса. Добавим, что для метанарратива «социалистического» характера, прежде всего того, что существовал в СССР, также было характерно представление о переломном этапе современной истории. Отсюда стремление к насильственному изменению мирового порядка, (что всегда прикрывалось демагогией о «миролюбивой политике») вплоть до войн в Индокитае и Афганистане, каждая из которых длилась 10 и более лет, попыткам организации государственных переворотов в ряде стран. Возрождение нации не представлялось таким актуальным; с определенного момента стало понятно, что более важным является консолидация многочисленных национальностей, что, впрочем, не удалось не только СССР или Югославии, но даже чехам и словакам.

Настроения такого рода и соответствующий им дискурс были характерны, как мы уже упомянули, практически для всех направлений внутри консервативной революции. Различия, как нам представляется, носят в основном стилистический характер. Так Артур Мёллер ван ден Брук полагал, что возрождение Германии (а, может быть, и всего Запада) возможно только в союзе с революционным Советским Союзом [15]. Лидер немецких национал-большевиков Э. Никиш также надеялся на союз немецкого народа с Советским Союзом, который, как он полагал, со временем обязательно станет «национальным» государством. Никиш (1889-1967), фигура в нашей литературе практически неизвестная, был последовательным борцом как против того, что он считал окостенелым марксизмом (именно потому, что марксизм говорит об исчезновении государства, тогда как задача рабочего класса состоит в овладении государством [20, s.8], так и против национал-социализма [21]. Скорее его можно рассматривать в идейной близости с той частью НСДАП, которая стремилась установить в Германии нечто вроде национального рабочего социализма. Как известно, большинство из них было убито в «ночь длинных ножей» в 1934 г. Никиш последовательно искал точки соприкосновения с «новыми правыми», с представителями «прусского социализма», и тем самым всегда оказывался между двух стульев.

Никиш представляет собой крайне левый фланг рассматриваемого движения. Крайний правый – это фигуры типа Эдуарда Штадлера, организатора «Генерального секретариата по изучению большевизма для борьбы с ним», который, согласно его собственным словам, убедил лидеров правого крыла социал-демократии Носке и Эберта направить размещенные в Берлине войска против Берлинского совета рабочих и солдатских депутатов, дать согласие на убийство Р. Люксембург и К. Либкнехта. Эта акция была оплачена из денег «Антибольшевистского фонда», организованного опять же Штадлером с помощью директора «Немецкого банка» Пауля Манкивица [30].

Для дискурса консервативной революции, по крайней мере, в Германии, был характерен не просто национализм, но такая его форма, которая опиралась на представления о том, что именно «народ», члены «народной национальной общности» (Volksgemeinschaft), организованные по принципам «корпоративизма», т.е. посословно, являются: а) субъектами права, б) именно в таком качестве они могут противостоять «омассовлению» и «западническому культу цивилизации» и в) государство не может обеспечить все это, но обязано признавать права Volksgemeinschaft [цит.по 5, см. также 10]

В списке требований, который сформулировала НСДАП еще в 1922 г. прямо указывается, что гражданами Германии могут быть только Volksgenossen, т.е. этнические чистокровные немцы. Евреи не являются Volksgenossen, следовательно, не могут быть гражданами Германии и должны жить согласно законодательству, специально созданному для иностранцев. Сейчас это структурное место в правом дискурсе заняли турки и другие мусульмане, число которых в современной Германии превышает 4 миллиона.

Моменты национализма и расизма занимают, вне всякого сомнения, важное место в дискурсе консервативной революции. Но не менее важное место занимают идеи «перелома», «нового начала», того, что особенно после 1933 года получило обозначение Aufbruch (от немецкого aufbrechen – «отправляться в путь, начинать что-то заново» но при этом, как это часто бывает в немецком языке, корневая морфема играет немалую роль в номинации – brechen, Bruch, т. е. «ломать, взламывать, порывать с чем-то или кем-то», «разрыв, разлом»). Иными словами чувство, зародившееся еще в первой половине 20-х гг. и окрепшее после 1933 года, состоит в том, что закончился некий период истории и начинается Новая Эра. Это умонастроение было характерно не только для Германии или Италии. Ирландский поэт Вильям Батлер Йетс, член «Celtic Revival» (Кельтского Возрождения), движения, которое без всякого сомнения должно быть причислено к парафашистской ветви консервативной революции, писал, имея в виду «дух эпохи» :

Surely some revelation is at hand;
Surely the Second Coming is at hand.
The Second Coming! <…>
A shape with lion body and the hand of a man,
a gaze blank and pitiless as the sun…

И, как пишет Р. Гриффин, в то время как ночная дрема (night slumber) разума порождает только воображаемых чудовищ, действия, с помощью которых фашистские мечтатели (dreamers of the day) были готовы реализовать свои фантазии о новой эпохе, нашли свое воплощение в зданиях, технологических изобретениях из железа, камня и стали и в умах и телах будущих «новых людей», готовых приносить жертвы, особенно если речь идет о других людях, на алтарь возрождения нации [11; p.7].

Еще одна тема, проходящая красной линией через дискурс исследуемого нами направления, мистика «*крови и почвы*» и «*третьего рейха*». Начнем с последнего. Сам термин «третье царство» или в немецкой традиции «das Dritte Reich», появился в трудах итальянского мистика и хилиаста Йоахима Флорского (Gioachino di Fiore, около 1135 – 1202), картина мира которого включала ветхозаветное «царство Отца», ныне существующее «царство Сына» и будущее и вечное «царство Спасения» или «царство Святого духа». Французский король Франциск I, стремясь стать императором Священной Римской империи, приказал построить для себя замок Шамбор (Chambord), воспроизводящий в своем облике и символике Небесный Иерусалим, упоминаемый в Откровении св. Иоанна. В немецкой традиции существовало понятие «Священного

Рейха Немецкой нации» – «das Teutsche Reich» (который возник в X веке и был ликвидирован Наполеоном в 1806 году); в определенные периоды он включал в себя земли, населенные вовсе не немцами – Северную Италию, часть Франции, нынешней Швейцарии, Бельгии, Голландии, Польши, Чехии, Венгрии, Литвы, Хорватии. После 1871 года возникло новое государство, объединившее большую часть немцев (кроме Австрии). Его, особенно после 1933 г., часто называли «Das Kleindeutsche Reich».

А. Мёлер Ван ден Брук в своей книге «Das Dritte Reich», обрисовал образ нового государственного образования, которое в своей структуре должно было бы объединять черты национализма и социализма. Государство, существовавшее между 1918 и 1933 годами, так же как и до 1918 года носило официальное обозначение Deutsches Reich, но на языке национал-социалстов и младоконсерваторов его обычно называли «Systemzeit» – «эпоха системы» или «Zwischenreich» – «Промежуточный рейх». В пропаганде правых сил широко было распространено название «Тысячелетний Рейх», «Третий Рейх». Правда, использовалось оно не долго. По приказу Гитлера от 10. 07. 1939 года было запрещено использовать понятие «Третий Рейх». Пропагандист и публицист Георг Бюхман писал в 29 выпуске своего журнала «Крылатые слова»: «Не столько национальные круги, сколько их противники часто использовали это слово, к тому же с хамским подтекстом. Адольф Гитлер и НСДАП никогда не заявляли, что они установят Третий Рейх, и в официальной речи слово употреблялось редко» [цит. по 8]. После присоединения Австрии использовалось наименование «Großdeutsches Reich» – сначала неофициально, а затем с 26 июня 1943 как официальное обозначение государства. [4; 5; 8; 18; 26].

Но дело вовсе не в том, как менялось обозначение государства. Мистический момент в идеологии «консервативной революции» проявляется со всей отчетливостью. И он не случаен. Не имея возможности опереться на сколько-нибудь рациональную идеологию, деятели консервативной революции сплошь и рядом заимствовали мифологические образы – даже не столько из германской мифологии (а таких образов было немало – Вотан, Тор, Фрейя, Зигфрид, Хаген), сколько из Ветхого и Нового Завета («кровь и почва», «огонь и кровь», «Тысячелетнее царство»). Само обозначение Das Reich в определенный период было сравнительно нейтральным, подобно тому, как парламент в Швеции называется «Riksdag», а один из главнейших музеев Нидерландов «Rijksmuseum». Здесь корень «rik» или «rijk» обозначает просто «государство». Но в дискурсе «консервативной революции», а тем более после 1933, слово это обозначает не просто «имперское образование», подобно тому, как до 1918 г. император Австро-Венгрии именовался König und Kaiser т.е. «король (Венгрии) и император» (того, что осталось в Австрии от Священной Римской империи). Для деятелей «консервативной революции» в сознании или подсознании всегда имелось в виду то Тысячелетнее царство, которое упоминается в Откровении Св. Иоанна, и которое уже наступило и будет длиться почти вечно. Те, кому этот арсенал казался недостаточным, создавали новые религии, совмещающие в себе черты язычества и христианства [22]. Ограниченный объем статьи не позволяет нам рассматривать неоязыческие корни консервативной революции, которые сложились по большей части еще в конце 19-начале 20 веков, в частности деятельность кружка «мюнхенских космистов» под руководством А. Шулера.

Рациональное обоснование консерватизма мы находим в теории государства и права К. Шмитта, одного из крупнейших немецких теоретиков права. Смеем надеяться, что анализ его теории составил бы предмет особого и весьма продуктивного изучения, тем более что типологически многие его мысли близки если не теории, то практике российского государства в последние 100 – 120 лет его существования. Три основные идеи, в становлении которых значительную роль сыграл К. Шмитт, пронизывают все консервативное и «консервативно-революционное» движение последнего

столетия. Во-первых, это примат государства по отношению к правам личности; во-вторых, сущностью государственной власти является определение «врагов» и «не врагов» и борьба с последними; наконец, идея «*децизионизма*», т.е. права и обязанности государственной власти на решительные действия, независимо от конституции и существующего права, в условиях, когда можно предполагать угрозу для существования государства [23; 24; 25]. Сама идея децизинизма, как указывает К. Шмитт, уходит своими корнями к Т. Гоббсу, писавшему в «Левифане»: «autoritas, non veritas facit legem» («власть, а не истина осуществляет законы»). Как раз фигура К. Шмитта демонстрирует нам, насколько противоречиво было и остается то движение, которое получило название «консервативной революции». Работы Шмитта часто подвергались порицанию, в том числе и за его критику «плюрализма». Но необходимо иметь в виду, что Шмитт, будучи сторонником сильного государства, опасался, что пропаганда плюрализма, в конечном счете, разрушит остатки государственной власти во имя самоопределения и «свободы» [31; 33]. В Германии развитие пошло по другой линии, и Шмитт активно включился в создание законодательства 30-х годов, что, в конечном счете, привело его в одиночную камеру Нюрнбергского трибунала в качестве обвиняемого.

Заканчивая статью, мы констатируем, что еще предстоит выработать типологию тех движений, которые впоследствии обозначали себя как консервативно-революционные или числят себя таковыми ныне (современные «консервативно-революционные» движения в Голландии, США, Германии, Австралии, Франции и т. д.), точно определить их соотношение с левацкими и другими экстремистскими движениями, более подробно рассмотреть их социальную базу.

Список использованной литературы

1. **Гелен А.** Образ человека в свете современной антропологии // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2007. вып. 3 (37).
2. **Шпенглер О.** Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. М., 1998.
3. Boehm Max Hildebert // de.wikipedia.org/wiki/Max_Hildebert_Boehm
4. **Brentjes B.** Der Mythos im dritten Reich: Drei Jahrtausende Traum von der Erlösung. Hannover, 1999.
5. **Butzer H.** Das «Dritte Reich» im dritten Reich: Der Topos «Drittes Reich» in der nationalsozialistischen Ideologie und Staatsleere // Der Staat: Zetschrift für Staatslehre und Verfassungsgeschichte, deutsches und europäisches öffentliches Recht. 2003, Bd. 42.
6. Conservative revolutionary movement // http: en. wikipedia.org/wiki/Conservative_Revolutionary_movement
7. Conservative Revolution, National Revolution and National Bolshevism revisited // http://home.alphalink. com./~radiant/conservativerev.html
8. Drittes Reich // http// de.wikipedia.org/wiki/Drittes_Reich
9. **Griffin R.** Revolution from the right // Revolutions and the revolutionary tradition in the West 1560 – 1991/ Ed. Parker D. London, 2000.
10. **Griffin R.** Völkischer Nationalismus als Wegbereiter und Fortsetzer des Faschismus: Ein angelsächsischer Blick auf ein nicht nur deutsches Phänomen // Faschismus – alte und neue Gesichter / Ed. Kaufmann H., Kellersohn H., Jobst P. Münster, 2005.
11. **Griffin R.** Modernism and fascism: The sense of a beginning under Mussolini and Hitler. Basingstoke, 2007.
12. **Herf J.** Reactionary Modernism. Cambridge, 2002.
13. **Jünger F.** G. Der Aufmarsch des Nationalismus. Leipzig, 1926.

14. **Jünger E.** Feuer und Blut. Magdeburg, 1925.
15. Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Berlin, 1923.
16. **Mohler A.** Die konservative Revolution in Deutschland: Ein Handbuch. 5. Aufl. Graz; Stuttgart. 1999.
17. **Mohler A, Weißmann K.** Die konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932: Ein Handbuch. Graz, 2005.
18. **Neumann F.** L. Behemoth: Struktur und Praxis des Nationalsozialismus 1933-1944., Frankfurt am Main, 1984.
19. **Neurohr J.** F. Der Mythos vom Dritten Reich. Stuttgart, 1957.
20. **Niekisch E.** Der Weg der deutschen Arbeiterschaft zum Staat. Berlin, 1925.
21. **Niekisch E.** Das Reich der niederen Dämonen: Eine Analyse des Nationalsozialismus. Hamburg.
22. **Schmidt I.** Der Herr des Feuers: Friedrich Hielscher und sein Kreis zwischen Heidentum, neuem Nationalismus und Widerstand gegen Nationalsozialismus. Köln, 2004.
23. **Schmitt C.** Der Begriff des Politischen. 7. Aufl., Berlin, 2002
24. **Schmitt C.** Politische Theologie: Vier Kapitel zur Lehre von der Souverenität. 8. Aufl., Berlin; 2004
25. **Schmitt C.** Legalität and Legitimität. 7. Aufl., Berlin, 2005.
26. Schmitz-Berning C. Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin, 1998.
27. **Schwilk H.** Ernst Jünger: Ein Jahrhundetleben. München; Zürich, 2007.
28. **Stadler E.** Lebenserinnerungen. Düsseldorf, 1935, Bd. 3. Als Antibolschewist 1918- 1919.
29. **Stern F.** The politics of cultural despair: A study in the rise of cultural ideology. Stanford, 1974.
30. **Travers M.** Critics of Modernity. N.Y., 2001.
31. **Weißmann K.** Neues von Carl Schmitt // Sezession, August 2008; № 25.
32. **Weißmann K.** Postdemokratie // Sezession, August 2008; № 25.
33. **Waldstein Th.** von. Der Beutewert des Staates: Carl Schmitt und der Pluralismus. Graz; Stuttgart, 2005/
34. **Zakaria F.** Das Ende der Freiheit? Wieviel Demokratie verträgt der Mensch? Frankfurt am Main, 2005.

Е.В. Палей

СОЦИАЛЬНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Автор рассматривает соотношение индивидуальных и социальных ценностных представлений. В статье анализируются условия формирования индивидуальной системы ценностей, ее зависимость от общественных установок и идеалов, обосновывается взаимообусловленность всеобщего и единичного в ценностном сознании.

Существует одно традиционное противопоставление ценностей отдельного человека как менее значимых системе ценностей всего общества как более значи-

мой (целевой). В современной западной аксиологии господствует точка зрения, настаивающая на социально-релятивистском толковании ценностей. При этом каждая социальная общность, каждая культура обладает своими ценностными системами, представляет собой единство с отчетливо выраженными образцами. Представители данной точки зрения (например, М. Херсковиц) считают, что ценностный горизонт индивида всецело обусловлен культурной средой и человек воспринимает только те ценности, которые узаконены его временем [2, с. 24, 26]. В этом случае культурная обусловленность неизбежно заставляет членов данного общества предпочитать свою собственную систему ценностей. В действительности соотношение индивидуальных ценностных представлений с системой ценностей общества выглядит более сложно-организованным.

Ценность оказывается утверждением всеобщности в мире единичного бытия. Индивидуальное и общественное ценностное сознание сосуществуют, противостоя друг другу. Разрешение противоречия между ними лежит в анализе освоения индивидом общественной культуры. Человеческая среда - это особая среда, в ней кристаллизован опыт многих поколений. И социально-исторический опыт передается не через биологическую наследственность, а в форме объективных продуктов человеческой деятельности. Этот опыт задан человеку. Будучи порождением жизнедеятельности конкретного социума, социальные ценности отражают в себе его основные черты. Но альтернатива обще-коллективистской или индивидуальной ценностной направленности существует только в теории. Как отмечает И.С. Кон, все поступки совершаются в конкретной ситуации, которая всегда предполагает какой-то процент отхода от нормы. Сплав единично-личностного и социально-всеобщего достигается в действии [6, с. 317].

Любая ценностная категория обладает значением, в котором выражено соотношение индивидуального и общего, элементы которых теснейшим образом взаимообусловлены. Этот аспект в истории аксиологических представлений исследовался в рамках социологических теорий. Социологизм использует в трактовке ценностей понятие интереса как ценностно-порождающего фактора, но не в виде индивидуальной характеристики. Согласно М. Веберу, социология не имеет дела с метафизическими реальностями и не является наукой нормативной. Вебер трактует ценность как установку эпохи, как свойственное эпохе направление интереса. Тем самым ценность из области надисторической переносилась им в область историческую. Интерес эпохи является фактором более устойчивым, чем просто частный интерес, но все же он относителен, так как у каждого времени свои «абсолюты» [5, с. 257].

Индивидуальное ценностное сознание формируется в значительной степени как эмпирическое, непосредственно испытывающее влияние повседневного опыта. Но человек есть и продукт воспитания. Отражение жизни всегда опосредовано для него социальным опытом. Социальный опыт заставляет человека относиться к ценностям своей культуры как к «вечным». Но социальный опыт конкретной культуры нельзя признать всеобъемлющим. Различные системы ценностей всегда находятся в прямом или опосредованном взаимодействии. Особенно это относится к современному состоянию ценностной сферы человечества, где в условиях плюрализма культур человек способен приобщиться к другой системе ценностей. Признание подавляющего характера обусловленности человека границами определенной культуры может привести к потере индивидуальности как важнейшей особенности человеческой личности. Ценностные представления личности не полностью погружены в общественные идеалы и нормы. Это обусловлено, во-первых, неповторимыми особенностями психического и физического склада каждого человека, зависящими, в свою очередь, от бесконечного

разнообразия наследственных комбинаций и от столь же бесконечного разнообразия той микросреды, в которую попадает человек. Во-вторых, личность обладает свободой, способностью самостоятельного осмысления происходящего.

В сознании каждого человека наряду с ценностными ориентациями существуют и другие ценностные представления, имеющие социальную природу. Это могут быть ценностные стереотипы, отражающие ожидания, предъявляемые человеку обществом и осознаваемые им, причем в сознании одного человека может быть несколько ценностных стереотипов разных социальных групп. Еще одна составляющая – это ценностные идеалы, выступающие в качестве конечных ориентиров развития субъекта. Причем наблюдается явное возможное несоответствие всех этих ценностных образований. Одним из важнейших путей формирования ценностных представлений личности является путь, при котором социальная ценность вначале присутствует в сознании человека только как знаемая, не имеющая реального личностного смысла и побудительной силы, и лишь впоследствии, приобретая и то, и другое, становится ценностью конкретного человека.

Общественные нормы невозможно отделить от индивидуального самосознания. При этом и индивидуальные представления и общественные формируются в результате отношений субъекта с внешним миром и фиксируют значимость этого мира для человека и общества. Должное, общественная норма, с одной стороны, противостоит индивиду, поскольку дана ему как всеобще-значимое. Но вместе с тем, человек в ходе общественной жизни может сделать должное своим индивидуальным ценностным представлением. В литературе проанализированы этапы становления морального сознания. Нам кажется правомерным провести аналогию между усвоением нравственных норм и ценностной культуры в целом. Так, в литературе мы можем встретить анализ трех этапов становления морального сознания: 1) доморального (базирующегося на подсознательных основаниях); 2) уровня элементарной моральности или конвенциональной морали (уровень подражания, исполнения извне данных требований); 3) уровня автономной морали, или уровня совести. На этой стадии общественная норма, переживаемая как должное, становится предметом личных устремлений, собственным убеждением [3, с. 37-39]. Должное становится для человека значимой целью не потому, что человеку этого непосредственно хочется, а потому, что он осознал значимость этого требования.

Анализ процесса усвоения общественных идеалов и формирования индивидуального ценностного сознания показывает, что противопоставлять индивидуальные и общественные представления как субъективные – объективным или как абсолютные – относительным неправомерно. Общественные идеалы, нормы рождаются в процессе общественно-исторической практики. Но актуально они могут существовать только в индивидуальном сознании. В общественных идеалах выражаются тенденции социально-исторического процесса. Но сведение представлений к их реальному содержанию не устраняет их субъективной формы. Люди не могут реализовать законы истории иначе, как действуя в соответствии со своими интересами. И эти интересы необходимо приобретают идеально-субъективную форму. Создается определенный комплекс представлений, закрепляющих наиболее существенные моменты объективной и субъективной сторон отношения. По своей природе ценностное сознание всеобщее, но при этом глубоко личностное, индивидуальное. Человек осуществляет себя, достигает своих целей в обществе, среди людей. Социальные представления создают ту меру, которая определяет место и значение системы ценностей каждого. И хотя каждый член данного общества воспитывается в определенных рамках ценностного сознания, но каждый в силу особенностей характера, жизненного опыта истолковыва-

ет ценностные категории особым образом. Способность индивида к усвоению общественных норм и представлений есть условие ее социализации, а способность к формированию индивидуальной оценки окружающего создает человека как личность.

Существует как бы две «системы отсчета» - нормативно-общезначимая и индивидуально-прагматическая. Истинное бытие ценности связывалось со всеобщностью, а личностные представления о ценностях в сравнении с ними выглядят преходящими, не подлинными. Всеобщие ценностные нормативы обосновывались как средствами чистой рациональности, так и на путях обоснования ценностных явлений обращением к сверхреальному. Подобные попытки не стоит отбрасывать как абсолютно не соответствующие действительности. Они указывают на некоторые свойства ценностей, способные служить основанием представлений о всеобщности их бытия.

Рассмотрим для примера моральные нормы. Мораль регулирует поведение и сознание человека практически во всех без исключения сферах общественной жизни. Выполнение моральной нормы отвечает общественной потребности. Поэтому форма выражения нравственной нормы – не правило внешней целесообразности, а безусловно-императивное требование. Общество обладает в моральном плане одной главной задачей – сохранение своей целостности и обеспечение своего развития. Данная задача сохраняет свою значимость безотносительно к конкретной исторической общности. В этом смысле личность оказывается несравненно менее значима, чем общественное целое. Наиболее ярко эта черта отражена в категорическом императиве И. Канта, требующем от человека полного безусловного подчинения своих побуждений моральному закону. Моральные системы практически не отличаются в представлениях о морально-идеальном.

Человек как существо социальное предполагает социальное взаимодействие в качестве условия организации индивидуальной жизнедеятельности. А следовательно, гармоничное взаимодействие человека с социумом позволяет ему полнее реализовать данные ему возможности. Как указывает Бидни, природные задатки человека, направленные на применение его разума, развиваются полностью не в индивиде, а в роде. Человек обладает разумностью, совершенствующейся в ходе всей человеческой истории, а не в индивидуальном опыте. Ту же идею мы находим у Х.Р. Нибура. С его точки зрения, развитие личности есть благо, но все моральные качества личности скорее благо для других, и лишь во вторую очередь они являются благом для самой личности как социального существа. Он настаивает на социальной теории ценности, так как основой ценности является не отношение существа к сущности, а взаимоотношение существ между собой [7, с. 132]. В этом случае каждая ценность может рассматриваться и как конечная цель, и как инструментальная ценность-средство.

Любая ценностная категория обладает значением, в котором выражено отношение индивидуального и общего. Поэтому анализ ценностных категорий невозможен без учета социальной опосредованности ценностных отношений. Развитие личности всегда обусловлено освоением индивидом ценностей культуры. Исходным моментом индивидуальных характеристик человека как личности является его статус в обществе, равно как и статус общности, в которой складывалась данная личность. В работе В.Ф. Сержантова делается вывод, что всякая ценность характеризуется двумя свойствами – значением и личностным смыслом, при этом значением называется совокупность значимых свойств – ценностей общества [9, с. 39]. Источником для мотивационной деятельности личности, регулятором ее поведения выступает система фиксированных ценностных установок. Основной базой возникновения таких установок служит общественно-исторический опыт человечества и личный опыт, интегрирующиеся в сознании каждого индивида. При этом

среди ценностных установок выделяются наиболее актуальные, имеющие особый вес, - ценностные ориентации личности. Это понятие отражает систему наиболее весомых фиксированных установок (в сравнении с оценкой, которая конкретна и ситуативна). Ценностная ориентация есть, с одной стороны, конкретное проявление отношения личности к факторам действительности, а с другой – система установок, регулирующих поведение в каждый данный отрезок времени. В понятии ценностной ориентации речь идет о мировоззренческой позиции личности в отношении к важнейшим ценностям своего времени, об идеалах, стремлениях, жизненных целях. Одновременно с этим ценностные ориентации личности оказывают воздействие на нормы и ценности социума: индивидуальные ценностные ориентации через межличностные отношения воздействуют на коллективные.

Таким образом, иерархия средств и целей существует не только внутри определенного отношения человека к миру. Ценностные убеждения, установки и ориентации личности регулируют реализацию потребностей человека в различных социальных ситуациях. В работе М.С. Яницкого отмечается, что структурный характер системы ценностных ориентаций личности, ее многоуровневость и многомерность определяют возможность реализации ею целого ряда разноплановых функций [11, с. 237]. Система ценностных ориентаций личности, таким образом, занимает промежуточное положение между внутренними установками и нормами социальной среды, между мотивационно-потребностной сферой и системой личностных смыслов, обеспечивает общее взаимодействие этих элементов системы «человек» [1; 10]. Отдельные ценности складываются в установки, а системы установок – в ценностную ориентацию, которая, в свою очередь, встроена в системы социальных ценностных установок и ориентаций. Мы отмечали выше, что во множестве аксиологических концепций вершина этой иерархии выводится за пределы реального мира, в область трансцендентного. Но высшие духовные ценности могут располагаться и в самой жизни: не изолированный от жизни абсолют, а сама человеческая жизнь несет в себе смысл. В качестве такого абсолюта могут рассматриваться ценностные универсалии культуры как кристаллизация опыта предшествующих поколений, обобщение типического в ценностном сознании.

Всеобщее выражается реально в единичном, и эта диалектическая закономерность в полной мере относится к ценностным представлениям. При этом, проявляясь в единичном, всеобщее не сводится к нему. Ценности как общественные нормы и идеалы возникают до и независимо от сознания индивидуального лица, они шире отражают действительность. Все люди в чем-то тождественны, все общества имеют немало постоянных черт. «Общезначимость» ценностей не подразумевает буквального толкования данного понятия. Как отмечает Н.С. Розов, общезначимые ценности – это понятийное выражение главных условий самореализации людей. Он выделяет два класса таких ценностей: кардинальные, означающие первичные условия выполнения каких-либо конкретных ценностей (жизнь, здоровье, достоинство личности) и субкардинальные, означающие условия, необходимые для реализации кардинальных ценностей (формы социальной защиты, экологические характеристики) [8, с. 165].

Человек как часть общества несет в себе все богатство общественного ценностного развития и идеалов культуры, но сохраняет относительную самостоятельность своей системы ценностей. Все уровни ценностных представлений сосуществуют, взаимно проникая друг в друга, но сохраняя свою автономию. Общественные ценностные представления раскрывают всеобщие условия духовного и практического соприкосновения с миром, они суть выражение типического в ценностном сознании индивидов, составляющих данную общность [12, с. 349]. Они сформировались на основе конкрет-

ных ценностных отношений, повторявшихся многократно в истории человечества или отдельной социальной группы. Как указывают С.С. Гусев и Б.Я. Пукшанский, можно говорить о сходстве условий жизни людей. Практика больших социальных групп имеет дело с достаточно узким набором сходных ситуаций, требующих воспроизведения одних и тех же действий [4, с. 44]. Общественное сознание собирает крупинки значимости всех предметов и явлений, с которыми сталкиваются люди на протяжении всей своей жизни, и как бы «выносят за скобку» их общую составляющую, осмысляя ее в форме высших ценностей. Ценностные ориентации как один из механизмов целеполагания ориентируют человека среди объектов природного и социального мира, создавая упорядоченную и осмысленную картину мира. Система ценностных ориентаций определяет жизненную перспективу личности. Поэтому ценности как элементы культуры являются силой, включающей все потенциальные ситуации проявления реальности, - силой, способной онтологизировать самые смелые порождения духовной деятельности. Это отражение всеобщих условий существования человека в мире и есть то, что можно назвать моментом абсолютного в ценностях, в то время как каждая конкретная ценностная ситуация относительна.

Список использованной литературы

1. **Алексеева В.Г.** Ценностная ориентация как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал. – 1984. - № 5.
2. **Бидни Д.** Понятие ценности в современной антропологии // Культурология XX век: Антология. – М., 1996.
3. **Блюмкин В.А**. Мир моральных ценностей. – М., 1981.
4. **Гусев С.С., Пукшанский Б.Я.** Обыденное мировоззрение: Структура и способы организации. - СПб., 1994.
5. История буржуазной социологии XIX-XX в. – М., 1979.
6. **Кон И.С**. В поисках себя: Личность и ее самосознание. - М., 1984.
7. **Нибур Х.Р**. Средоточие ценности // Культурология XX век: Антология. – М., 1996.
8. **Розов Н.С.** Общезначимые ценности и смысл истории // Философия и теория истории. – М., 2002.
9. **Сержантов В.Ф.** Человек, его природа и смысл бытия. – Л., 1990.
10. **Хайду П**. Воспитание ценностных ориентаций // Моральные ценности и личность. - М., 1994.
11. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово, 2000.
12. **Bloch E.** Das Prinzip Hoffnung. - Frankfurt am Main, 1990.

О.А. Сапожникова

ЛОГИКА СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «КУЛЬТУРА» И «ЦЕННОСТИ» В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ СССР И РОССИИ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В данной статье проведен анализ развития теоретических взглядов в отечественной социальной психологии начиная с дореволюционного периода. В настоящее время духовность признается в социальной психологии системообразующим свойством социального взаимодействия, которое разворачивается в ходе обмена оценками, создавая тем самым ценностные отношения. Отмечена тенденция к переходу социальной психологии от отношения «индивид-группа» к отношению «группа-группа» и далее, «группа-общество». Логика такого движения свидетельствует о том, что предметом социальной психологии становится процесс формирования, функционирования и отмирания ценностных отношений в обществе как системе социальных субъектов различного масштаба. Онтологически эти ценностные отношения представлены соответственно мировоззрением индивида, групповым сознанием и идеологией.

В организационных науках ход мысли определяется поиском средств, позволяющих повышать эффективность деятельности. Воздействие на личностные особенности становится недостаточным, практика это подтверждает. Специалисты обращаются к категории культуры как одному из самых эффективных «средств» воздействия на «человеческий фактор» в организации. Однако понятия «организационная культура», «организационные ценности» носят междисциплинарный характер и в некоторых теоретических работах так и не получили определения как социально-психологические категории.

Если взглянуть на путь, пройденный социальной психологией в XX веке, то можно выявить закономерность движения научного исследования от изучения сугубо внешнего поведения, через включение опосредованных переменных в виде установок, когнитивных схем и т.п., ко все более глубоким уровням человеческой сущности: ценностям, жизненным смыслам, идеалам.

В России в дореволюционный период многие проблемы: роль языка, эмоции и переживания как выражение отношения, значение социального обмена, связь психологии и идеологии, - были поставлены задолго до их разработки в Западной Европе. Следует отметить работу М. Троицкого, представителя того течения в русской психологии, которое соединяло позитивистские установки с религиозно-философским учением православной церкви. В работе «Наука о духе. Общие свойства и законы человеческого духа» еще в конце 19 века он поднимал проблему взаимоотношения личности и общественности как осуществляющиеся посредством особых форм психических отношений, отличающих человека от животных. Главную роль в образовании этих форм выполняет то, что М. Троицкий называет «общественной символикой», к которой относятся язык, обычаи, обряды, игры и другие символические действия: «... понятия, составляющие культурную форму человеческого мышления, являются могущественнейшим органом общественных отношений» [1, с.25].

В социологии психологическую линию развивал Н.Н. Кареев, который считал основным объектом социальной психологии процессы интерментальной жизни. Тем не менее, он не отрицал, что объективированный результат этого взаимодействия:

религия, философия, наука и т.п., так же подлежит психологическому исследованию, так как всякое идейное содержание культуры пребывает именно во внутреннем мире отдельных лиц.

Культура стала основным объектом исследования в этнографии и лингвистике. В середине 19 века К.Д. Кавелин (задолго до В. Вунда) предложил метод исследования духовной стороны человека по продуктам духовной деятельности – памятникам культуры, верованиям, фольклору. В трактовке русского лингвиста того времени А.А. Потебни язык – это основа народной психологии.

Работу религиозного философа С.Л. Франка. «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» можно назвать методологической основой социальной психологии. В концепции С.Л.Франка: «...человек на всех стадиях своего бытия, во всех исторических формах своего существования есть как бы медиум, проводник высших начал и ценностей, которым он служит и которые он воплощает, - правда, медиум не пассивный, а активно соучаствующий в творческом осуществлении этих начал» [4, с.75]. Предмет социальной психологии С.Л. Франк определяет следующим образом: «...возможна также психология самого «мы» как анализ душевных состояний, владеющих целой группой… . Социальная психология в этом смысле действительно существенно отличается от психологии индивидуальной; и она, правда, как всякая психология, имеет дело с явлениями индивидуального сознания, ибо иных психических явлений мы вообще не знаем; но так как само индивидуальное сознание здесь берется в его первичной связи с надындивидуальным много единством, в котором оно укоренено и которое оно как бы носит внутри себя, то его познание есть вместе с тем познание самого этого надындивидуального единства» [4, с.68-69].

Таким образом, можно отметить, что еще на заре отечественной социальной психологии проблема соотношения индивидуальных и общественных ценностей была поставлена одной из первых.

Начальный период развития советской социальной психологии характеризуется отказом от научного наследства, оставленного предшественниками в отечественной науке. Социальная психология строилась заново на основе марксизма. Несмотря на материалистическую позицию, В.М.Бехтерев пытался дать в своих работах объяснение таким сложным социальным процессам, как развитие и преемственность культурных традиций. В.М. Бехтерев оценивал общение как условие обеспечения исторической преемственности общественных ценностей. Определил средства общения как знаковую систему, используемую для кодирования и передачи коммуникативного воздействия. В число посредников общения он включил материальные вещи, памятники истории и культуры, людей, живущих в разные исторические периоды. В работах А.С. Макаренко коллектив рассматривается как субъект, имеющий своеобразие, не сводимое к сумме качеств индивидов, входящих в него.

С сожалением следует отметить, что социальная психология СССР практически исчезает как область знания на период с 1930 по 1960 гг., так как идеологический контроль значительно ограничивал возможности ее развития. Перерыв имел место лишь в относительном значении, так как отдельные исследования, по своему предмету социально-психологические, продолжались в философии, педагогике и общей психологии.

СССР явился единственной страной, в которой версия «второй» психологии В. Вундта обрела известность. Направление, разрабатывавшееся Л.С. Выготским, А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьевым позволило узаконить культурную психологию В. Вунда. По мнению занимающегося продолжением научных исследований в этом направлении М. Коула, «если бы их подход возобладал, вся психология рассматривала

бы культуру наряду с биологией и социальными взаимодействиями как центральный фактор» [2, с. 130].

Центральный тезис советской культурно-исторической школы состоит в том, что структура и развитие психических процессов человека порождаются культурно опосредованной исторически развивающейся практической деятельностью. Не предлагалась ни новая дисциплина – культурная психология, ни поддисциплина, посвященная культурным исследованиям. Л.С. Выготский и его коллеги полагали, что культурно-исторический подход в принципе мог бы привести к разрешению проблемы «двух психологий». На наш взгляд, в данной научной школе можно проследить остро назревшую проблему - поиск предмета социальной психологии и точек соприкосновения двух психологий - общей и социальной. На основе учения Л.С. Выготского о культурно-исторической детерминации психики была разработана психологическая теория деятельности. Положение о роли общественных отношений и позиции в них личности и концепция коллектива А.С. Макаренко стали в СССР единой методологической идеей для общей и социальной психологии.

Марксистское положение об общественных отношениях после 1960-х гг. перестало быть принципом для исследования конкретно-исторических общественных социалистических отношений, но оказалось методологическим ориентиром для выявления общественной сущности личности - исследуются межгрупповые отношения (В.С. Агеев). В 1980-х гг., основываясь не только на советских научных исследованиях, но и на работах зарубежных социальных психологов (Г.Тэджфел, С.Московичи), продолжается работа над проблемой межгрупповых отношений (И.Р.Сушков).

С 1960-х гг. наметилась тенденция сближения этики и психологии личности (О.Г. Дробницкий, В.Э. Чудновский, В.А. Ядов и др.). Психологов, философов и социологов привлекает высший ценностно-мировоззренческий уровень в иерархической личностной структуре. В этот период был конкретизирован методологический принцип соотношения индивидуального и общественного. Это позволило связать психологию личности с социальной психологией. Нарастает гуманистическая тенденция в подходе к личности. Развитие научного знания в области психологии личности приводит к тому, что 1980-е гг. становятся периодом возрождения концепции субъекта. Понятие «субъект» применяется в двух основных значениях – для обозначения оптимальных уровней, стадий совершенствования и развития личности и для обозначения специфического качества, в котором выступает личность в каждой системе связей и отношений.

Представляет интерес разработанная А.С.Петровским стратометрическая теория коллектива, в которой центральное звено групповой структуры имеет под собой еще один, более глубокий – нравственный (этический, духовный) – слой. По аналогии с этим рассуждением то же самое можно сказать и о диспозиционной теории личности, разработанной В.А.Ядовым. В высший уровень предлагаемой им структуры личности легко интегрируются те же духовные, нравственные ценности.

С началом перестройки вклад в развитие социально-психологических концепций вносят ученые из смежных отраслей знания: этнической и политической психологии. Методологической основой исследований в этнопсихологии 1980-1990 годов стали труды русских религиозных философов, в первую очередь И.А. Ильина, его идеи о связи духовности, национального характера и патриотизма. Ссылаясь не только на свои, но и на зарубежные исследования, Н.М. Лебедева полагает, что к концу 20 столетия было получено эмпирическое подтверждение философских идей, высказанных русскими религиозными философами в начале века. Н.М. Лебедева предлагает осуществлять в этнопсихологии поиск путей взаимопонимания и тождественности культур в их духовно-нравственных основах, потому что они – общие у всего человечества.

Ведущий специалист в области политической психологии Г.Г.Дилигенский отмечает, что социальных психологов обычно интересует то, как протекают психологические процессы, а «не что представляет собой запечатленный в их психике образ всего мира, стимулируемые им мотивы, цели, ценности», что социальная психология не особенно дружит с историей, она предпочитает в основном заниматься человеком вообще, а не конкретно-историческим человеком. В изучаемом ею отношении «человек-общество» вторая его сторона представлена довольно расплывчато, ведь общество всегда имеет конкретно исторический характер. Отсюда Г.Г. Дилигенский делает вывод о необходимости разработки соответствующей методологии и теории для анализа взаимоотношения и взаимосвязи человека и общества, отношений макросоциального уровня для познания психической жизни людей одновременно как продукта и движущей силы функционирования и развития общества.

В 1990-е годы в России начала складываться социальная психология предпринимательства (А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев). В 1996 году по инициативе Торгово-промышленной палаты РФ была начата национальная программа «Российская деловая культура», научная основа которой была разработана большей частью упомянутыми авторами. Ее ядро составляет социально-психологическая концепция деловой культуры, основанная на понимании этического как сути социального. В 90-е годы было опубликовано несколько работ, в которых впервые российская хозяйственная и экономическая культура была рассмотрена не в традиционной советско-марксистской интерпретации, а в сопоставлении с существующими в мировой науке теоретическими моделями и эмпирическими данными. В исследованиях предпринимательства четко проявились те же тенденции теоретического и эмпирического развития социальной психологии, которые отличают новые подходы в этнической и социально-политической психологии. К ним можно отнести:

- выход за рамки отношения «личность-личность» и «личность-группа» на уровень отношения «группа-группа», «личность-общество (государство)» и даже далее «личность – культура»;
- осознание значения этического, духовного аспекта общественной жизни, хотя и не всегда определяемого как таковой;
- стремление к комплексному исследованию своего предмета, ориентация на междисциплинарное взаимодействие;
- сензитивность к отечественному интеллектуальному наследию.

Проводя анализ развития теоретических взглядов в социальной психологии России, следует подчеркнуть, что сегодня духовность признается системообразующим свойством социального взаимодействия, которое разворачивается в ходе обмена оценками, создавая тем самым ценностные отношения.

В 1999 году опубликована монография И.Р. Сушкова «Психология взаимоотношений», в которой автор предпринял попытку осуществить системный анализ межгрупповых отношений, применяя междисциплинарный подход и синтезируя данные различных наук на единой философской методологической основе. Новое значение в этой системе понятий приобретают взгляды и данные зарубежных и отечественных исследований. По мнению автора «система взаимоотношений группы составляет суть ее культуры, которая затем реализуется в конкретных нормах, ролях и социальных установках, регулирующих реальное межгрупповое взаимодействие» [3, с.196]. Структура межгрупповых отношений, по мнению автора, включает в себя три компонента: когнитивный (образ группы); аффективный или эмоциональный (система ценностей,

сложившихся в культуре сообщества); действенный (социальные установки группы). Особенно плодотворной И.Р. Сушков считает идею о необходимости концентрации внимания социальных психологов на ценностном аспекте психологических отношений субъекта к действительности.

Таким образом, в социальной психологии России намечается тенденция к переходу социальной психологии от отношения «индивид-группа» к отношению «группа-группа» и далее «группа-общество». Логика такого движения ведет к выводу о том, что предметом социальной психологии становится процесс формирования, функционирования и отмирания ценностных отношений в обществе как системе социальных субъектов различного масштаба. Онтологически эти ценностные отношения представлены соответственно мировоззрением индивида, групповым сознанием и идеологией.

Список использованной литературы

1. **Будилова Е.А.** Социально-психологические проблемы в русской науке. – М.: Наука, 1983.
2. **Коул М**. Культурно-историческая психология: наука будущего. – М.: Когнитоцентр, 1997.
3. **Сушков И.Р.** Психология взаимоотношений. – М.: Академический Проект, ИП РАН, Екатеринбург: Деловая книга, 1999.
4. **Франк С.Л.** Духовные основы общества. - М.: Республика, 1992.

И.А. Левицкая, М.Е. Торшинин

«ТРУДНЫЙ» ПЕДАГОГ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье предпринята попытка раскрытия дефиниции «трудный» педагог как фактора дестабилизации психологического климата в педагогическом коллективе, анализ проблемы в психолого-педагогической теории и практике, формирование данной категории работников в образовательных системах сад-школа-вуз. Представлен анализ эмпирического материала, выявлены основные факторы, влияющие на формирование в педагогическом коллективе «трудного педагога».

Среди множества психолого-педагогических проблем, связанных с совершенствованием деятельности педагогических коллективов, особое место занимают проблемы регулирования межличностных конфликтов и формирования конфликтно-опасных категорий работников.

Как показывает опыт, наиболее частыми являются конфликты в сложных коллективах, включающих работников со специфическими, но тесно взаимосвязанными функциями, что порождает трудности в координации их действий и отношений как в

сфере деловых, так и в сфере личных контактов. К числу таких коллективов относится и педагогический коллектив. Факторы «заболевания коллективов» зафиксировал в своей «Педагогической поэме» А.С. Макаренко. Он полагал, что процессы «гниения коллектива» коренным образом меняют характер взаимоотношений в трудовом коллективе, а процесс выздоровления идет медленно и стоит огромных усилий, напряжения и руководителю, и всем воспитуемым.

Сегодня проблема «болезней» педагогических коллективов не менее актуальна, поскольку именно от педагогических коллективов, степени сформированности в них оптимальных взаимоотношений, зависит становление творческой личности будущего специалиста. Главным симптомом «болезни», как определил А.С. Макаренко, явилось превалирование личной жизни, что проявлялось в не желании работать с детьми, оставлять их на втором плане, и, тем самым, переходить в роль «трудного» педагога. До сих пор проблема «трудного» педагога как-то терялась среди множества других педагогических проблем, о ней даже стеснялись говорить. Сегодня имеется острая необходимость говорить о ее существовании и привлечь к ней внимание исследователей. «Трудный» педагог существует.

В психолого-педагогической литературе мы находим характеристики «трудных» педагогов и методики «перевоспитания» их, направленные на регуляцию межличностных отношений и стабилизацию социально-психологического климата в коллективе (И.В. Андреева, Л.В. Байбородова, Н.В. Барабошина, Н.В. Попель, М.И. Рожков, Л.И. Уманский, Н.П. Фетискин и др.).

Первый, наиболее распространенный тип «трудного» педагога - ***НЕКОНТАКТНЫЙ.*** Он имеет негативные установки к руководителям, проявляющиеся, прежде всего, в нетерпимости к их замечаниям и советам, агрессивных реакциях. Это, как правило, хороший учитель, но с гипертрофированной самооценкой и с ранимым самолюбием.

Второй тип «трудного» учителя - ***БУНТАРЬ***. Чаще всего трудность проявляется в чрезмерно резкой, часто беспричинной критике руководителей. Такое поведение вызвано неудовлетворенностью своим положением. Учитель считает, что его заслуги не получают должного признания, что ему следовало бы играть в коллективе более активную роль.

Третий тип «трудного» педагога - ***НЕДОБРОСОВЕСТНЫЙ,*** разболтанный педагог. Главный метод его психологической перестройки - коллективное осуждение. Но воздействовать на личность через коллектив не всегда удается. Порой встречаются такие недобросовестные учителя, которые привлекательны в личном общении и пользуются эмоциональной поддержкой своих коллег.

Иногда для психологической перестройки учителя обсуждение в коллективе можно дополнить другим методом - постановкой условия. Когда педагог не очень «трудный» или «трудность» связана с его низкой профессиональной компетентностью, можно эффективно использовать методы просвещения, индивидуальной беседы, рассчитанные, скорее, на переучивание. При этом успех достигается обычно лишь после длительной индивидуальной работы. Как видим, каждый тип «трудного» педагога требует использования специфических методов воздействия. Но приведенная выше типология далеко не полная. По сути удается объединить педагогов в определенные группы по типу «трудности», индивидуальные различия остаются не учтенными. Поэтому работа с «трудными», как и вообще воспитательная деятельность, может увенчаться успехом лишь при творческом подходе к делу.

Изучая проблему конфликтности и формирования оптимального психологического климата в педагогических коллективах, нами были установлены некоторые зако-

номерности образования в преподавателе, самостоятельном и креативном, элементов «трудного» педагога.

Проведенное исследование охватило разные по своему составу коллективы педагогических работников:

- Педагогический коллектив детского сада НДОУ № 87 г. Иваново;
- Педагогический коллектив Ивановской муниципальной средней общеобразовательной школы № 63;
- Педагогический коллектив кафедр химического профиля и гуманитарного профиля Ивановского государственного химико-технологического университета;

В эксперименте принимали участие 110 сотрудников педагогических учреждений, работающие в коллективе более двух лет.

Сейчас насчитывается уже несколько десятков отечественных исследований, в которых уточняются показатели благоприятного социально-психологического климата. Рассматриваются такие показатели, как общая удовлетворенность работой и отдельными ее сторонами, характер взаимоотношений в группе по горизонтали, между руководителями и подчиненными, способность педагогов к рефлексивной деятельности и т.д.

Среди таких методик можно выделить методику И.В Андреевой «Исследование межличностных отношений в коллективе», которая позволяет определить социометрический статус и индекс эмоциональной экспансивности каждого члена коллектива. Эта методика также дает возможность оценить степень адаптации каждого члена коллектива к совместной деятельности [1].

Эффективность совместной деятельности во многом зависит от оптимальной реализации личностных и групповых возможностей. Благоприятная атмосфера в группе не только продуктивно влияет на результаты ее, но и перестраивает человека, формирует его новые возможности и проявляет потенциальные. В связи с этим возникает необходимость в оптимизации стиля межличностного взаимодействия. Основной целью данной методики является изучение влияния стратегии поведения индивидов в конфликтных ситуациях на социально-психологический климат коллектива.

На основании подготовленной социограммы и социоматрицы мы определили социометрический статус и индекс эмоциональной экспансивности каждого работника. Социометрический статус демонстрирует отношение членов коллектива к данному человеку и характеризуется суммой «+» и «-» выборов. Величина социометрического статуса находится в интервале от -1 до +1. Индекс эмоциональной экспансивности демонстрирует отношение человека к коллективу и характеризуется количеством «+» и «-» выборов отданных в группу, соотнесенное с количеством единичных вариантов.

В зависимости от соотношения социометрического статуса и индекса эмоциональной экспансивности выделяют шесть групп: 1) люди, получившие 2 и более выборов и имеющие положительную экспансивность — «звезды», «лидеры»- Л; 2) люди со средним социометрическим статусом и положительной экспансивностью - «принятые»- П; 3) работники с отрицательным социометрическим статусом и положительной экспансивностью - «черные овечки» - Ч.О.; 4) работники с положительным социометрическим статусом и отрицательной экспансивностью - «белые вороны» - Б.В.; 5) работники, которых никто не выбрал, а их экспансивность положительная - «изолированные» - И; 6) работники с отрицательным социометрическим статусом и отрицательной экспансивностью - «аутсайдеры» - А.

Если рассмотреть классификацию И.В. Андреевой с точки зрения формирования «трудного» педагога в педагогическом коллективе, то, несомненно, 3,4,5,6 пункты - потенциальные «трудные» педагоги. Проведенное исследование позволило

сопоставить и выявить соответствующие черты, схожие с классификацией И.В. Андреевой с представленными видами «трудного» педагога. Получилось, что «черные овечки» - это недобросовестный «трудный» педагог, «белые вороны» - бунтари, «изолированный» и «аутсайдер» - неконтактный трудный учитель. Результаты наших исследований представлены на рисунках 1,2,3:

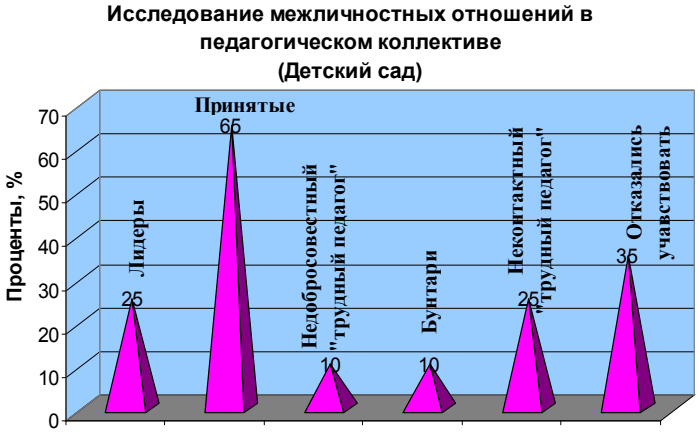


Рис. 1.

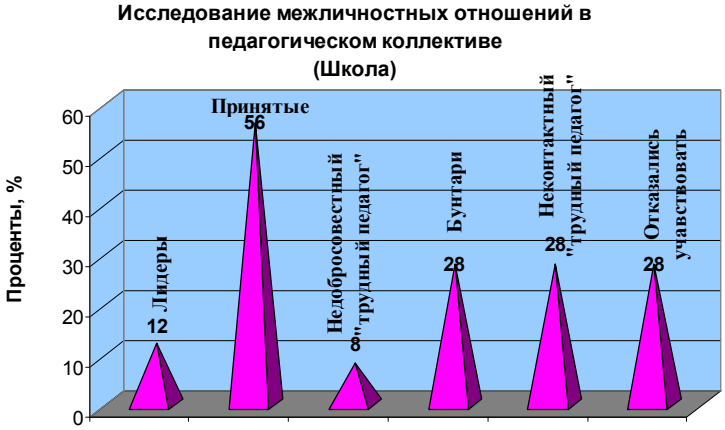


Рис. 2.

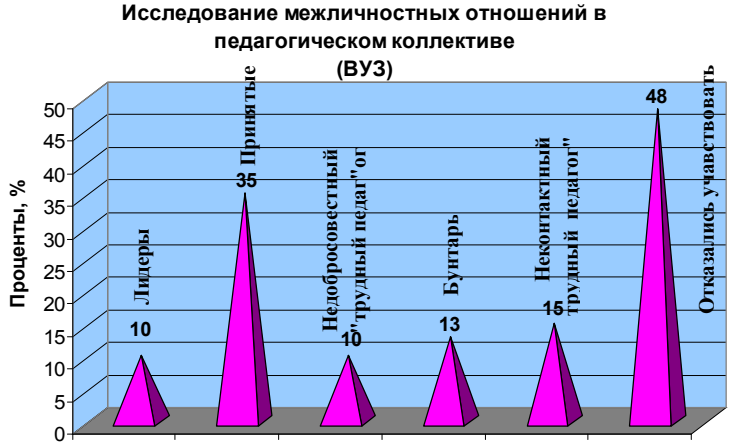


Рис. 3.

Согласно данной методике отметим, что психологический профиль педагогического коллектива в детском саду в целом благоприятный. Число принятых членов коллектива составляет 65% из них 25% лидеров. Количество лидеров адекватно численному составу. Однако, подсчитав социометрический статус и индекс эмоциональной экспансивности видно, что в коллективе есть неконтактные «трудные» педагоги – 25%, а также недобросовестные «трудные» педагоги 10% и бунтари - 10%. 35% отказались участвовать в исследовании.

Исходя из рис.1 видно, что в педагогическом коллективе детского сада представлены все вышеперечисленные группы «трудных» педагогов. По результатам методики можно сделать вывод, что коллектив в целом, имеет большой творческий потенциал. К сожалению, есть когорта работников, для которых вознаграждение является основным стимулом к деятельности. Именно данные работники и являются «трудными» педагогами.

При исследовании с помощью данной методики межличностные отношения у педагогов школы (рис.2), получаем в целом не благоприятный психологический профиль коллектива. Число принятых членов коллектива составляет 56% из них 12% лидеров. Количество лидеров не адекватно численному составу. Подсчитав социометрический статус и индекс эмоциональной экспансивности видно, что в коллективе есть неконтактные «трудные» педагоги- 28%, а также недобросовестные «трудные» педагоги 8% и бунтари - 28%. 28% отказались участвовать в исследовании. Следовательно, в этом педагогическом коллективе в большей степени присутствуют отрицательные качества, такие как враждебность, несогласие, неудовлетворенность, равнодушие, непродуктивность, холодность, отсутствие сотрудничества, недоброжелательность, скука.

Исходя из данного рисунка видно, что педагогический коллектив школы неоднороден по своему составу. Есть учителя, исключительно добросовестные в работе и постоянно нацеленные на творчество. Они часто являются кумирами для ребят, добиваются высоких результатов в своей деятельности. Для них не существует проблемы психологической перестройки: они идут в ногу с жизнью или в чем-то даже опережают ее. Но есть учителя и противоположного типа. По тем или иным причинам они тянут школу назад: в одних случаях - из-за низкой профессиональной культуры; в других - неуживчивости, неумения сотрудничать с коллегами и руководителями.

Исходя из рисунка 3, для ВУЗа получаем благоприятный психологический профиль коллектива, число принятых членов коллектива составляет 35% из них 10% лидеров. Количество лидеров адекватно численному составу. Подсчитав социометрический статус и индекс эмоциональной экспансивности видно, что в коллективе есть неконтактные «трудные» педагоги – 15%, а также недобросовестные «трудные» педагоги 10% и бунтари - 13%. 48% отказались участвовать в исследовании. Как показал опрос, «трудных» педагогов можно встретить почти во всех педагогических коллективах.

Анализируя психологический портрет самого «трудного» педагога, оказалось, что он в наибольшей степени отличается от среднестатистического учителя, «которого ждут», по умению правильно воспринимать критику, скромности, добросовестности и трудолюбию, готовности хорошо выполнять любую работу (а не только ту, за которую платят), доброте и отзывчивости, любви к учащимся и своему предмету. Наименьшие различия обнаружились в степени самостоятельности в работе, эрудированности и разносторонности интересов, в уровне преподавательского мастерства, требовательности к коллегам и творческого подхода к делу. Это значит, что чаще всего делают учителя «трудным» или «легким» особенности характера, выражающие отношения к людям, к работе, а не низкая профессиональная компетентность.

Отсюда следует, что для руководителей образовательных учреждений самые важные достоинства педагога - это управляемость (прежде всего в отношении к критическим замечаниям), добросовестность в работе (творчество необязательно), доброжелательность в общении. Если этих качеств нет, учитель становится, как правило, «трудным».

В целом в психологической перестройке «трудных» педагогов главную роль играет изменение их реальных отношений с коллективом, с руководителями. Это помогает и в установлении с ними психологического контакта, и в перестройке их отношения к работе, и в формировании ценностного отношения к педагогической деятельности и личности в целом. Особую важность и значимость имеет формирование доброжелательного, но в то же время критичного общественного мнения в педагогическом коллективе, создание в нем атмосферы взаимной требовательности. Без этого невозможно осуществление глубокой нравственной перестройки личности, изменение негативных черт характера (недобросовестность, безответственность, косность и др.) «трудного» педагога. Все исследователи истории развития просвещения отмечают удивительный консерватизм педагогического организма. Ведь душа педагогического коллектива - это преподаватель. Нельзя сделать в одночасье переворот в характерах и привычках сотен тысяч педагогов.

Учитывая запросы сегодняшней педагогической теории и практики, необходимо проводить открытые семинары на тему «Пути перестройки поведения «трудного» педагога». На них обсуждать конкретные ситуации из опыта работы руководителей. Одновременно разъяснять особенности формирования «трудного» педагога и определения возможных методов воздействия на него в зависимости от типа «трудности». «Трудный» педагог чаще всего нуждается в перевоспитании, в изменении отношений с людьми, определенных черт характера. Достаточно важно наладить с ним эмоциональный контакт, а затем оказать необходимое влияние через ценностное отношение к педагогической деятельности.

Метод работы с неконтактным педагогом должен быть рассчитан на разрушение негативных установок и формирование межличностного контакта (опираясь на механизмы «ответного отношения» и «содействия» и др.). Но здесь надо учесть следующее. В обычных, нормальных условиях эти учителя очень трудно идут на контакт - обращение к ним с добрым словом или улыбкой, надеясь на взаимность, практически невозможно, так как это натыкается на эмоциональный барьер: на недоверие, неприязнь. Успех приходит обычно лишь тогда, когда учитель оказывается в неблагоприятной ситуации и остро нуждается в поддержке (ситуация «дефицита поддержки»).

Главный метод воздействия на бунтаря - смена роли и возвышение их личности, удовлетворение притязаний (если этого они заслуживают). Примечательно то, что бунтари особенно агрессивны по отношению к новому руководителю - пришельцу со стороны. Они часто объявляют ему настоящую войну, пытаются помешать ему войти в коллектив и утвердить себя в качестве руководителя.

Для категории недобросовестного «трудного» педагога в качестве перевоспитания «безотказно» действует лишь общественное мнение того педагогического коллектива, который сплочен на основе интересов общего дела и привык к гласности, к свободному, открытому выражению своих мыслей и оценок. Чтобы получить поддержку у коллектива, руководителям нередко приходится вести большую подготовительную работу. Иногда она может длиться месяцами. В это время главные усилия направляются на сплочение наибольшего числа педагогов вокруг руководителей и на психологическую изоляцию «трудного» учителя от коллег. Опираясь на общественные организации, на яркие убедительные примеры, важно показать всем, какой боль-

шой вред наносит недобросовестный преподаватель общему делу. В это время нежелательно обращать внимание на мелкие недостатки в работе других педагогов: нельзя одновременно бороться со многими. Критика обычно на какое-то время отдаляет членов коллектива от руководителя. Перед решающими действиями руководитель должен твердо знать, кто его поддержит, а какая часть коллектива будет молчать. Для успеха дела вовсе не обязательно, чтобы выступило очень много людей. Если 4-5 человек дружно выразят свое искреннее возмущение, это прозвучит как коллективный протест против нерадивого работника и окажет на него достаточно сильное эмоциональное воздействие.

Развитие аксиопространства педагога, в котором одно из ведущих мест отводится ценности педагогической деятельности, поможет формированию ценностно-ориентационного компонента профессиональной психолого-педагогической готовности к педагогической деятельности и сыграет системообразующую роль в перевоспитании «трудного» педагога, в ломке стереотипов, и постепенной перестройке сознания и поведения. Именно формирование ценностного отношения к педагогической деятельности, видение своего предназначения поможет «трудному» педагогу перестроить свое поведение и не быть фактором дестабилизации психологического климата в педагогическом коллективе.

Список использованной литературы

1. **Андреева И.В.** Социальная психология. Учебное пособие для вузов./ И.В. Андреева,- М.: Наука, 2006.- 360 с.

В.П. Столбов, Э.П. Литова, П. Староста*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ РЕЦЕССИИ

Ивановский государственный химико-технологический университет,
*Институт социологии, Лодзинский университет (Польша)

Город как объект научного исследования представляет собой междисциплинарную проблему таких областей знания, как урбанология, архитектура, социология, социальная психология, культурология. В настоящее время выделилась особая область научного исследования - социология города.

Город как объект исследования рассматривается, в первую очередь, в виде социально-территориального пространства, в котором субъектами данного пространства воспроизводится широкая гамма производственных и социально-коммуникативных связей, управленческих решений, культурологических сетей. Во-вторых, город рассматривается с позиции его структурно-пространственного ландшафта и изменений в нем, урбанистических проектов и их решений. В-третьих, город представляет собой «единство непохожих» (Аристотель), т.е. в нем развиваются различные городские сообщества, характеризующие уровень функционирования в нем

гражданского общества. В-четвертых, город – это историко-культурологический феномен, формирующий определенные символы в жизни людей, ценностные ориентации, традиции, создающий возможности для карьерных и профессиональных целей у его жителей. В-пятых, город формирует определенный социально-психологический склад (ментальность) жителей.

Глобализация, ускорившая вхождение постсоциалистических стран в рыночные отношения, обусловила и смену социально-экономического уклада в них, вызвала изменения жизни в городских сообществах, в системе коммуникативных связей, пересмотр оценок и установок, ценностных ориентиров в социальном капитале городских жителей. В городах, занимавших периферийное положение, где доминировало монокультурное экономическое развитие, наблюдается снижение роли и значения промышленных градообразующих производств, что существенным образом меняет жизнь города и людей в нем.

Глобализация вызвала кризисные процессы в социально-экономической жизни страны, которые наиболее четко просматриваются в социумах российских промышленных городов, и особенно это заметно в городах, где преобладали предприятия легкой промышленности, к коим относится и город Иваново. Текстильная отрасль страны и ее основной цех, Иваново, находятся в подобном состоянии и в настоящее время. Кризис в экономической сфере в 90-е годы характеризовался банкротством крупных текстильных предприятий, в социальной жизни - всплеском безработицы, уровень которой превышал 27% (с таким уровнем безработицы в стране были 3 территории: Дагестан, Ингушетия и Ивановская область). Кризисное состояние в жизни города вместе с тем повлияло и на развитие пространственно-профессиональной мобильности людей, что, в свою очередь, способствовало поиску новых ниш приложения своего труда и профессиональных знаний, вызвало «утечку» из городского социума квалифицированной рабочей силы и интеллектуально подготовленной вузами города молодежи. Отражение подобной ситуации нашло свое выражение в изменениях умонастроений людей, критической оценке состояния экономики города, уровня и качества жизни в регионе, переосмыслении политических и идеологических жизненных ориентиров. Качественно изменились коммуникативные связи в городской среде, произошел пересмотр ценностных установок в социальном капитале жителей городов, пессимистические настроения стали доминировать над жизненным оптимизмом – все это в социологии характеризуется понятием «аномия».

Такие изменения находят свое подтверждение и в других городах России, а также и в текстильных центрах Польши (например, в Лодзи). Это обстоятельство объективно вызвало необходимость проследить динамику изменений, используя в качестве объекта исследования вышеуказанные центры текстильной промышленности - Иваново (Россия) и Лодзь (Польша). Похожесть историко-экономического развития этих городов в дореволюционное время и в период социалистических преобразований (нередко эти города называли «города-побратимы»), а также во время перехода к рыночной экономике повлияла на их выбор в качестве объекта исследований.

Группа социологов из России и Польши в период с 2002 г. и по настоящее время провела ряд исследований по выявлению изменений в социальной жизни городов, которые нашли своеобразное отражение в сознании и мнениях респондентов-жителей Иванова и Лодзи. Результаты эмпирических исследований, полученные учеными кафедры социологии Wsie i Miasta (деревни и города) Института социологии Лодзинского университета (Польша) и кафедры социально-

экономических теорий Ивановского государственного химико-технологического университета (Россия) в рамках проектов «Структура и обусловленности общественных связей в периферийных городах Центральной и Восточной Европы в эпоху глобализации», «Социальный капитал и его экономическая база», касаются только городов Иваново и Лодзь.

Все данные были получены на основе интервью, проведенных среди 797 респондентов города Лодзи в 2002 году (в среднем каждый тысячный житель), выборку и группировки которых сделал М. Фриковски. Полевые исследования проходили под руководством П.Старосты, А. Михалска-Зила, А.Буйвиска. В Иванове исследования проводились с 2005 по 2008 гг. (выборку и группировку по районам города осуществляли В.П.Столбов и Э.П.Литова), в ходе которых было проведено около 1500 интервью (каждый трехсотый житель города Иванова). Анкета на этапе первоначального исследования содержала более ста вопросов, затем круг вопросов был ограничен 30-40 вопросами. Исследование в Иванове проводилось в три этапа: первый - осенью 2005г., второй - весной 2006г. и третий – весной 2008г. В качестве объекта исследования выступали жители города Иванова в возрасте от 18 лет и старше. Выборка на каждом из этапов составляла 500 респондентов, в т.ч. мужчины-респонденты составили - 32.9%, женщины-респонденты - 67.1%.

Основной целью исследования являлось измерение составляющих социального капитала современного городского общества и определение динамики изменений его оценки. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. определить отношение жителей Иванова к месту проживания, посредством самоидентификации их в качестве «коренного ивановца (ки)» и предпочтений на будущее;
2. выявить размер (совокупности) социальных сетей (контактов);
3. определить индекс доверия ивановцев к различным социальным институтам (местной власти, СМИ, милиции, суду и адвокатуре, школе, медицине) и окружающим людям (коллегам по работе, соседям, друзьям, близким родственникам);
4. определить степень активности жителей Иванова в общественной жизни и их включенности в общественные организации;
5. определить отношения жителей города к религиозным институтам и ценностям;
6. выявить влияние объективных и субъективных факторов городской среды на жизнь людей в городе;
7. определить наличие или отсутствие социальной «трещины» в городском социуме;
8. провести сравнительный анализ результатов, полученных на всех трех этапах исследования;
9. изучить (дать оценку) социального настроения жителей города Иваново. Обработка данных происходила с помощью программы SPSS.

Идентификация респондентов в качестве коренных жителей города осуществлялась посредством постановки ряда вопросов с учетом возрастных, образовательных и профессиональных особенностей респондентов.

Таблица 1.

Как часто в разговорах Вы определяете себя как коренные жители города?

Варианты ответов	общее	мужчины	женщины
Всегда	49.0%	50.6%	48.2%
Иногда	31.5%	28.6%	32.9%
Никогда	19.5%	20.8%	18.8%
Итого:	100%	100%	100%

Таблица 2.

В каком поколении Вы считаете себя коренным жителем города?

Варианты ответов	общее	мужчины	женщины
В первом поколении (дети)	50.1%	50.0%	50.2%
Во втором поколении (родители)	29.3%	28.0%	29.9%
В третьем поколении (родители моих родителей)	13.0%	12.9%	13.0%
Далекие предки	7.6%	9.1%	6.9%
Итого:	100%	100%	100%

Таблица 3.

Идентификация респондентов – жителей Иванова в возрастных группах

Варианты ответов	18-29 лет	30 - 54 лет	55 лет и старше
Всегда причисляю себя к коренным ивановцам	43.5%	42.4%	12.9%
Иногда	11.1%	47.7%	48.3%
Никогда не причисляю себя к коренным ивановцам	44.4%	9.9%	38.8%
Итого:	100%	100%	100%

При анализе ответов в Таблицах 1-3 следует отметить одну из характерных для текстильных городов страны особенностей. В 1930-е и начале 1970-х гг. состав жителей города постоянно обновлялся и пополнялся за счет приехавших из других регионов СССР (Татарии, Удмуртии, Башкирии, Чувашии и др.), этому способствовало действовавшее в те годы Распоряжение Совмина СССР о привлечении кадров в текстильную отрасль. Пополняли армию текстильщиков и приехавшие из периферийных поселений области, создавая тем самым зоны трудодефицитности в сельских районах. Для быстрой подготовки кадров текстильщиков в областном центре и городах области было создано множество профессионально-технических училищ (ПТУ). Таким образом формировался «текстильный цех страны». В конце 1970-х годов распоряжение Совмина было отменено и «насос» кадров из других регионов страны был перекрыт, что стабилизировало количество жителей города, а резервы кадров пополнялись в основном за счет сельской молодежи области. Анализ идентификации горожан в возрастных группах показал, что к коренным жителям относят себя респонденты в активном возрасте от 18 до 30 лет (43.5%) и 30-54 лет (42.4%), можно сказать, что это коренные жители первого и второго поколения, среди респондентов 55 и старше таких лишь 12.9%. Никогда не считают себя в качестве «коренных жителей» города 19.5% респондентов, причем среди мужчин - 20.8%, женщин-18.8%. Учитывая все вышеска-

занное можно сделать вывод: ивановский городской социум сформировался как маргинальный, из общего числа респондентов только 49.9% определили себя в качестве «коренных жителей» города.

В ходе исследования выяснилась и такая особенность: большая часть ивановцев, проживших в городе 20 и более лет, также не считают себя коренными жителями города. У этой категории жителей нет ощущения близости с ивановской городской средой, их менталитет устойчив по отношению к месту своего рождения и проживания родственников на другой территории. При учете значения коэффициента Пирсона (коэффициент коммуникативных связей) выяснилась обратная зависимость: чем старше житель города, тем меньше он чувствует себя ивановцем (такими среди респондентов пенсионного возраста было 38.9%).

К особенностям ивановского городского социума следует относить следующее обстоятельство: доминирование текстильного производства в городе повлияло на проявление половозрастной диспропорции среди его жителей (преобладание женского населения), особенно это четко наблюдалось в 30-70-е годы прошлого века. Данная проблема решалась особым постановлением Совмина СССР, по которому в городе были выстроены ряд промышленных предприятий с сугубо мужской рабочей силой, а также размещены крупные воинские подразделения. Реализация этих мероприятий меняла пространственно-экономическую структуру города и характеризовала его как город промышленной индустрии с доминированием текстильной промышленности и с ведущей профессиональной группой, работников текстильных предприятий. Однако и в настоящее время сохраняется определенный уровень феминизации (на 1000 мужчин приходится 1260 женщин), что характерно для жителей старшего возраста, в основном 60 лет и старше. Эта диспропорция имеет место и в малых поселениях, в которых градообразующим центром является текстильная фабрика.

Идентификация респондентов-жителей Иванова по образовательному профессиональному критерию выявила следующую картину, характеризующую интеллектуальный потенциал «коренных ивановцев». Из 49% респондентов, признающих себя таковыми среди жителей города, имели высшее образование 44,1%, незаконченное высшее – 16,6%, среднее специальное образование – 25,3% и другие виды образования – 14,0%. Большое количество среди «коренных ивановцев» лиц со средним специальным образованием объясняется широкой подготовкой кадров на базе средних специальных профессиональных учебных заведений, в первую очередь, для потребностей текстильного производства. Образовательный уровень респондентов-жителей города, не заявивших о себе в качестве его «коренных жителей» (19,5%), таков: имели высшее образование 35,2%, незаконченное высшее – 22,0%, среднее специальное образование – 28,6% и другие виды образования – 14,2%. Таким образом, можно отметить, что образовательный и интеллектуальный потенциал жителей города достаточно высокий, это объясняется наличием множества вузов в городе и ценностной установкой молодежи на получение высшего образования. Объективно это свидетельствует о том, что в городе имеются достаточно высокие возможности для его жителей состоятся в профессиональном плане. Исходя из вышеуказанных критериев обрисуем социально-профессиональный портрет «коренных ивановцев», среди которых высококвалифицированные рабочие составляют 16.9 %, неквалифицированные рабочие – 13.3%, представители ИТР – 15.0%, гуманитарии – 22.6%, занятые в сфере обслуживания – 30.7% респондентов.

Резкие перемены в российском обществе повлияли на изменения социально-психологического состояния людей. В этой связи использование бытующего на Востоке афоризма: «*Не пожелай даже врагу своему жить в эпоху перемен*» соответствует

нашей действительности. Российская провинция получила довольно сильный стресс от преобразований в 90-е годы, последствия которых у жителей городов вызвало неоднозначные оценки. Начался пересмотр целей и смысла жизни, перспективы проживания в данном месте, усилилось ощущение социального дискомфорта и опасения за свою жизнь, жизнь детей, в городской среде по отношению к отдельным индивидам и группам людей сформировалось социальное исключение и отчуждение. Все эти оценки и опасения стали предметом социологического исследования и анализа, а также предметом размышлений о возможных путях решения данных проблем. В исследовании был поставлен блок вопросов:

- Довольны ли Вы своим проживанием в городе?
- Как оцениваете Вы возможности города для будущего проживания в нем своих детей?
- Вам жалко было бы в силу определенных причин покинуть город?
- Какие опасения в городской среде вызывают у Вас тревожное состояние?

Обработка данных позволила увидеть следующую статистическую ситуацию.

Таблица 4.

Довольны ли Вы своим проживанием в городе?

	Полностью доволен		Доволен частично		Совсем недоволен		Итого	
	2005г.	2008г.	2005г.	2008г.	2005г.	2008г.	2005г.	2008г.
Всего	19.9%	20.7%	63.1%	67.9%	17.4%	11.4%	100.0%	100.0%
мужчины	20.0%	21.1%	61.0%	67.5%	19.0%	11.4%	100.0%	100.0%
женщины	18.3%	21.0%	64.6%	68.2%	17.1%	11.0%	100.0%	100.0%

Возникало ли у Вас желание в силу определенных причин покинуть город?

- Нет 40.4%.
- Да - 59.4%

Образовательный уровень потенциальных мигрантов из Иванова:

- 31.0% респондентов с высшим образованием,
- 45.5% с незаконченным высшим образованием,
- 16.4% -со средним специальным образованием.

Распределение потенциальных мигрантов по территориальному признаку:

- Ленинский р-н (62.7%)
- Октябрьский р-н (61.3%)
- Фрунзенский р-н (56.7%)
- Советский р-н (44.2%)

По каким причинам стремятся выехать ивановцы из своего города:

1. *Возможность получения удовлетворяющего меня заработка в городе невелика – **76.8%***
2. *Город не имеет экономического динамизма - **45.8%***
3. *Мне не нравится этот город **-31.7%***

4. *В этом городе я не могу найти применение своим профессиональным и интеллектуальным способностям – **29.6%***
5. *В городе высокий уровень преступности **-18.3%***
6. *Мне так советуют родители и друзья – **7.7%***
7. *В городе проживает много представителей других этнических групп, что вызывает у меня неудовлетворенность **-8.5%***

Прослеживается некоторая положительная динамика в сокращении количества недовольных проживанием в городе Иваново и росте количества жителей, которых удовлетворяет городская среда. Однако, несмотря на положительные сдвиги в экономической сфере, город пока еще остается депрессивной территорией, поэтому большая часть респондентов не связывает с ним будущей жизни своих детей (около 60.0% респондентов высказали желание покинуть в силу определенных причин Иваново). Свое желание выехать из города высказывают респонденты с высоким профессиональным и интеллектуальным потенциалом. В реальной действительности это так, наблюдения показывают, что многие выпускники вузов города, особенно его Ленинского района, где доминирует большинство высших учебных заведений, покидают город или высказывают желание выехать из него в экономически активные регионы страны. Анализ причин, которые подталкивают к осуществлению этого действия, показывает, что основные из них кроются в слабой экономической динамике города, при которой респонденты не могут найти применения своим профессиональным и интеллектуальным способностям (29.6%), а отсюда и реализации возможностей для получения в городе удовлетворяющего заработка (76.8%).

Наряду с анализом «утечки умов» и профессиональных кадров из города в исследовании был проведен анализ обстоятельств, которые сдерживают или могут сдерживать миграцию людей из города.

Какие обстоятельства сдерживают желание отъезда ивановцев из города?

1. *Здесь проживают мои родственники и друзья, которые оказывают мне поддержку в сложных жизненных обстоятельствах –**76.7%***
2. *Здесь проживают мои родители, требующие ухода за ними – **51.8%***
3. *Где родился, там и пригодился – **34.3%***
4. *Я не знаю как решить вопрос с моим имуществом (дом, квартира, машина, земельный участок)- **26.5%**.*
5. *Полагаю, что город «воспрянет» и экономически разовьется- **19.4%**.*
6. *Из прессы я имею информацию, о том, что в других городах не лучше положение **18.8%**.*
7. *Я наблюдаю позитивные изменения в городе и считаю, это даст возможность зарабатывать достойный моим представлениям доход **-17.1%***
8. *Мне не советуют это делать родственники и друзья- **8.8%**.*

Как показывают данные социологических исследований, для многих людей отъезд из города связан с возможной утратой родственных и дружеских связей, которыми они дорожат; у большого количества жителей города сохраняется привязанность к малой родине независимо от сложных социально-экономических обстоятельств – все это характеризует определенную часть ивановцев как патриотов своего края, в котором «дым Отечества и сладок и приятен».

Социально-психологический климат, как феномен городской среды, редко исследуется социологами в силу сложности его измерения и большой чувствительности

оценок его состояния и изменений в нем. Целью нашего исследования было выяснение оценок места проживания с позиции социального комфорта или социального дискомфорта. Для этого ответы респондентов были сгруппированы в блоке мнений жителей города о социальных опасениях для них в городской среде.

Как видно из данных таблицы 5, наших респондентов в большей степени беспокоят вопросы, связанные с физическим здоровьем и потерей близких им людей, не в меньшей мере их тревожат социальные вопросы, которые имеют природу в системе управления общественными процессами.

Таблица 5.

Социальные опасения в городской среде

потеря собственного здоровья и близких	91.0% респондентов	мужчины-87.7%,женщины-90.4%
боязнь остаться без средств к существованию	60.4% респондентов	мужчины -48.1%, женщины- 58.3%
несправедливость к окружающим	53.0% респондентов	мужчины -57%, женщины-62.1%,
угроза безопасности жизни семьи или детей	50.4% респондентов	мужчины -50.0%, женщины 50.6%,
потеря работы	43.4% респондентов	мужчины -37.0%, женщины -46.5%
рост жилищно-коммунальных платежей и стоимости жилья	35.5% респондентов	мужчины -31.0%, женщины-39.5%
Рост понимания того, что жить так дальше нельзя	30.5% респондентов	мужчины-30.5%, женщины -30.5%

Примечание. Выборка социальных опасений была осуществлена не по всем видам опасений, а по наиболее значимым для респондентов.

Исследование предусматривало также оценку респондентами субъективного и объективного факторов городской среды, влияющих на жизнь и карьерные устремления жителей города. Перед респондентами был поставлен вопрос: «*Можете ли Вы утверждать, что в этом городе состоялись как…?»,* ответ на который предусматривал субъективные оценки своей жизни как состоявшегося или несостоявшегося факта.

Таблица 6.

Можете ли Вы утверждать, что в этом городе состоялись как:

Варианты ответов	Да, скорее Да	Нет, скорее Нет	затрудняюсь ответить
Семейный человек	62.8%	30.3%	6.8%
Профессионал в какой-либо деятельности	66.6%	20.3%	12.4%
Друг и единомышленник	81.7%	9.2%	8.1%
Лидер в группе	43.4%	35.7%	20.1%
Общественный деятель	22.4%	64.1%	12.2%
Самодостаточный и независимый индивид	60.9%	26.0%	11.8%
Творчески мыслящая личность	58.9%	27.3%	12.4%
Уважаемый человек	78.2%	5.6%	15.0%
Член определенного коллектива	80.5%	13.5%	5.3%

Второй вопрос «*Согласны ли Вы с тем, что в Вашем городе есть возможность…?»* предполагал ответы об имеющихся условиях как объективного фактора для организации жизнедеятельности людей, т.е. социетальных возможностей как то: социальных, экономических, политических и духовных институтов, в которые «встраивается» индивид, социализируется в соответствии с их требованиями и нормами, становится элементом городской жизни, и для которого город становится местом его жизнедеятельности.

Таблица 7.

Согласны ли Вы с тем, что в Вашем городе есть возможность

Варианты ответов	Да, скорее Да	Нет, скорее Нет	Затрудняюсь ответить
Встретить интересных людей	82.3%	12.1%	5.3%
Установить социальные контакты	76.1%	12.0%	11.5%
Стать членом коллектива, общественного движения	70.9%	17.1%	11.5%
Обустроить свой быт (дом, квартира, дача, имущество)	75.5%	18.4%	6.0%
Изменить свой социально-профессиональный статус	29.4%	25.4%	14.5%

Социально-психологический климат находит также отражение в социальном настроении жителей города, оценки которого в исследовании были сгруппированы по критериям оптимистического и пессимистического состояния людей. Исходя из анализа высказанных мнений респондентов была построена таблица с учетом распределения их по возрастным группам.

Таблица 8.

Соотношение пессимистов и оптимистов в городском социуме.

Варианты ответов	Всего	17-29 лет	30-54 лет	55 лет и старше
пессимисты	62.4%	55.5%	72.9%	55.3%
оптимисты	35.3%	44.5%	27.1%	44.7%
Итого		100%	100%	100%

Результаты проведенного социологического исследования показали, что в условиях нахождения города в депрессивном состоянии большая часть его жителей, несмотря на преобладание пессимизма в оценках различных возрастных групп респондентов, все же характеризуют Иваново своим родным городом (так считают 59.0% респондентов), они его патриоты. Существующая определенная социальная напряженность в городской среде вызвана перестроечными процессами 90-х годов, невниманием в прошлом вопросами социальной экологии города и недостаточно оперативным решением многих проблем на местах, не всегда эффективными затратами на проблемы городской жизни (трамвайные пути заливали асфальтом, а затем восстанавливали, в настоящее время вообще их убрали, город превратился в место хронического ремонта), а поиск резервов социально-экономического развития города не всегда согласован с мнением его жителей. Видимо, улучшения в городе имеют место, но в сознании части его жителей (21.8% респондентов) сохраняются стереотипы оценки статуса Иванова как текстильного цеха страны. В оценке будущих перспектив разви-

тия города большая часть респондентов (50.2%) связывает их с приобретением нового статуса Иванова в качестве торгово-обслуживающего места. Это будущее реально прослеживается в современной экономической жизни города и вселяет определенный оптимизм на улучшение жизни горожан и на состояние городской среды.

А.В. Бартош, Е.А. Нечаева

КОМПЛИМЕНТ КАК ГЛАВНОЕ СРЕДСТВО ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ивановский государственный химико-технологический университет,
Ивановская государственная сельскохозяйственная академия

В данной статье сообщается об актуальности избранной темы. В статье приводится определение слова «комплимент» и его отличие от лести и похвалы. Также дается информация о той роли, которую может сыграть удачно сказанный комплимент в межличностном общении, об основных правилах и стратегиях комплимента, и о том, как правильно принять комплимент, чтобы ваш ответ не стал причиной коммуникативной неудачи.

«Жизнь не настолько коротка,
чтобы людям не хватило времени на вежливость».
Р. Эмерсон.

В последние годы чрезвычайно актуальным стал вопрос о национальной идентичности, о пути к открытому демократическому обществу, об интеграции в Европейское Сообщество. В связи с этим возрос интерес к процессу межличностной и межкультурной коммуникации, к способам достижения эффективности общения. Предметом нашего исследования стал один из неотъемлемых компонентов современной коммуникации, средство гармонизации межличностного взаимодействия – комплимент.

Понятием «комплимент» интересуются различные области научного знания: психология, социология, лингвистика. Отдает ему должное внимание и риторика – наука о средствах и способах убеждения. В современных исследованиях по риторике комплимент включается в систему жанров эпидейктической речи. Однако исследований, дающих представление о комплименте как о риторическом жанре, о его специфике, и о комплименте как коммуникативном феномене практически нет [25, с. 12].

Многие люди на долгое время сохраняют мнение, сложившееся в самом начале знакомства. Поэтому немаловажно при встрече с новым человеком сразу произвести на него благоприятное впечатление [11, с. 23].

Хорошим началом разговора при знакомстве может быть какая-то приятная собеседнику фраза. Дать понять человеку, что вы им интересуетесь можно с помощью небольшого комплимента. Разумеется, если этот комплимент сделан умело и к месту. Если ваше высказывание оказалось удачным, то это поможет установить первоначальный контакт и создать позитивный настрой для дальнейшего развития беседы. Мы считаем, что всем людям работающим в сфере человек-человек (врачи, педагоги,

менеджеры, руководители организаций, PR-специалисты и т.д.) просто необходимо говорить комплименты, но для начала надо научиться правильно это делать.

Для того, чтобы умело пользоваться искусством говорить комплименты, нужна некоторая тренировка. Если вам еще не удалось достаточно потренироваться и выработать собственные навыки, то постарайтесь запомнить некоторые простые принципы: делайте комплименты открыто, сохраняя чувство независимости, уверенности и определенную степень игривости. Сюда еще можно добавит некоторый элемент сексуальности. Но это уже в том случае, если вы являетесь мастером и можете правильно оценить уместность такого хода, сделать это тонко, предусмотреть возможные последствия и способы влияния на эти последствия. Просто необходимо следить за тем, чтобы ваши движения, поза, мимика и интонация не выглядели театрально [18, с. 45].

Существует ли такая наука - наука делать комплименты? Эта наука нужна современному социуму с его многочисленными межличностными и межкультурными конфликтами, вследствие которых общество живет в постоянном напряжении, из всего вышесказанного можно сделать вывод, перефразируя крылатое выражение, принадлежащее Мольеру: “Если бы такой профессии не существовало, ее следовало бы придумать”. Искусство делать комплименты – часть культуры. И часть бизнес-культуры [3, с. 67].

В настоящее время в России и за рубежом появилась профессия комплимейкера. Задача его заключается в том, чтобы составить и озвучить наиболее подходящий набор эффективных комплимент-фраз. Дело это довольно сложное, специалист по комплиментам должен проявить себя в нескольких ипостасях: знатока русской словесности, психолога, актера и т. д.

На первый взгляд, трудно придумать более циничную и бессовестную фразу. Как можно говорить женщинам комплименты за плату, если мужчины и так по долгу и факту своей специфики сильного пола обязаны восхищаться противоположным полом, да еще и считать это огромной честью и великим благом для себя? Растерянность “клиентов” вполне объяснима, для них сама возможность услышать профессиональный комплимент за деньги немного необычна и экстравагантна. Довольно часто «покупатели» комплиментов, бывшие робкими и стеснительными при первом комплимент-сеансе, через некоторое время преображаются в уверенных и решительных людей, которые четко знают, чего они хотят от жизни [6, с. 78].

Если есть спрос на какой-либо товар (услугу), он должен быть удовлетворен (речь идет только о легальных матеральных и моральных потребностях). Любой желающий имеет право купить комплименты у профессионального комплимейкера когда захочет, если он не получает их в достаточном количестве от окружающих. Ведь лучше получить востребованную услугу за плату, чем совсем не иметь возможности удовлетворить потребность в тех же комплиментах [2, с. 34].

Российская практика показывает, что услугами комплимейкеров пользуются в основном женщины. Женщины так устроены, что положительная оценка их внешности, качеств, достоинств и черт со стороны мужского контингента - сильнейший допинг. Женщины хотят слышать комплименты постоянно, по любому поводу, во всех жизненных ситуациях. Вот только мужчины, большей частью, говорят комплименты дамам в Международный женский день, в дни рождения, то есть, нерегулярно, от случая к случаю, без души и огонька. Отдельный вопрос - качество таких комплиментов: стандартные, повторяющиеся «избитые» фразы [1, с. 14].

На самом же деле платный комплимейкинг - занятие не менее важное, чем профессиональная психологическая помощь. Если человек приходит к психологу и платит ему деньги за то, чтобы тот его слушал, почему нельзя платить специалисту по комплиментам за слова и фразы, которые обладают чудодейственным эффектом?

Поэтому комплименты за деньги - это не чудовищное извращение основ человеческих взаимоотношений, комплименты за деньги - это серьезная психологическая работа, которая помогает людям справиться с жизненными трудностями, получить заряд бодрости, с оптимизмом и задором смотреть в будущее.

Еще Дейл Карнеги в начале прошлого века вывел правило трех плюсов. Тех самых плюсов, которые откроют любую дверь, которые помогут установить контакт с любым человеком без приложения особых усилий.

Вот эти три плюса:

1. Улыбка.
2. Имя.
3. Комплимент [10, с.69].

Многие помнят советские плакаты в магазинах и столовых «Ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как вежливость». И как улыбка без отмены вежливости. От улыбки станет всем светлей… Великолепная правильная детская песенка! Имя. Что самое сладкое для человека? - Имя. Как писал Д. Карнеги: «Запомни имя, повтори его в разговоре – и человек это оценит». И, наконец, комплимент.

Что же такое **хороший** комплимент? Прежде всего, необходимо обратиться к точному определению этого понятия.

Комплиментом называется небольшое преувеличение достоинства, которое собеседник желает видеть в себе [13, с. 52].

Как много радости можете вы принести людям - близким, коллегам и случайным встречным - если не будете стесняться делать комплименты. Удачным комплиментом можно добиться большего эффекта, чем тысячами долгих и скучных убеждений [15].

На данном этапе нашего исследования, мы считаем возможным обратиться к историческим примерам использования комплиментов. Люди во все времена умели проявлять свое одобрение, расположение и заинтересованность, но наиболее устойчиво традицию комплимента связывают именно с куртуазной рыцарской культурой и творчеством трубадуров средневековья. Даже само слово compliment (лестное замечание, похвала) – французского происхождения. В более позднее время искусство комплимента высоко ценилось в обществе, и было непременным элементом светской беседы [19, с. 87].

История изобилует множеством примеров того, как даже известные люди боролись за обретение сознания собственной значительности. Джордж Вашингтон хотел, чтобы его называли «*Ваша светлость президент Соединенных Штатов*», а Христофор Колумб ходатайствовал о титуле «*адмирал океана и вице-король Индии*». Екатерина II не желала вскрывать писем, на которых не было адресации ей как «*Ее императорскому величеству*».

Человека на «троне его дел» играет не он, а мы, показывающие ему, что мы видим его, его трон, его восседание на троне. Видим не кого-то, а именно его: единственного, заслуженного, из всех лучшего и выражаем это комплиментами [8].

В наше время приоритеты сместились от игры и образности в сторону информативности и функциональности.

Современная модель любого речевого послания подразумевает:

1. четкость;
2. понятность;
3. оправданность [22].

В современном коммуникационном пространстве коммуникатор понимает, что наиболее универсальный прием, при мастерском исполнении которого практически

всегда удается расположить к себе коммуниканта, — это быть вежливым с ним. Речь идет о настоящей вежливости, но ни в коем случае не о пародии на нее [24].

Комплимент в значительной мере утратил свою роль и иногда воспринимается, как неправда и преувеличение истинных достоинств. Нередко считается, что комплименты говорят только тем людям, от которых что-то хотят. Вероятно, такое представление возникло благодаря обстоятельствам, в которых комплимент делается с расчетом извлечь из реакции человека на одобрение прямую или косвенную выгоду [5, с.61]. При отсутствии должной практики сделать такой комплимент - это как раз самая сложная ситуация, так как объект знает, что вы будете ему как-то льстить. Поэтому велика вероятность, что ничего у вас не получится. Эксперимент, проведенный с группой людей в Северной Каролине, показал, насколько беспомощными мы оказываемся тогда, когда сталкиваемся с лестью. Мужчинам, принимавшим участие в этом исследовании, дали возможность узнать, что говорили о них люди, которые в чем-то зависели от них. Одни узнали только положительное, другие — только отрицательное, а третьи — смесь хорошего и плохого. Исследователи сделали четыре интересных вывода [15].

Во-первых, больше всего участникам эксперимента понравились те люди, которые их только хвалили.

Во-вторых, симпатия к этим людям возникла несмотря на то, что участники эксперимента прекрасно понимали, что льстецы стремились извлечь выгоду из их благорасположения к ним.

В-третьих, в отличие от всякого рода критических замечаний, лести не обязательно быть точной, чтобы действовать.

В-четвертых, одобряющие замечания вызывали расположение к льстецу и тогда, когда они были верными, и тогда, когда они были неверными.

Очевидно, мы склонны автоматически реагировать на лесть. Поэтому мы можем оказаться жертвами любого, кто использует их с целью добиться нашего расположения [20].

Действительно, жанр комплимента допускает некоторую гиперболу, но совсем не подразумевает обмана и неискренности. Этим комплимент существенно отличается от лести. Можно сказать, что основными свойствами хорошего комплимента являются именно искренность и естественность. В противном случае, комплимент будет выглядеть наигранным и может вызвать нежелательную реакцию.

Комплимент отличается от лести именно тем, что даётся небольшое преувеличение. Льстят кому-либо в надежде на покровительство, благосклонность или услуги в будущем. Лесть - тайное оружие корыстных и подлых людей. Людей, которые, в сущности, любят только самих себя. Но наиболее опасна лесть, используемая с откровенным намерением обмануть, ослабить волю, заставить человека вести себя менее достойно. Именно это имеется в виду в Псалмах, где сказано: «Льстивы их речи и двоедушны сердца». Лести никогда нельзя доверять. С лестью не может быть ни любви, ни дружбы, ни каких-либо взаимовыгодных отношений. Когда вы прибегаете к льстивым словам только ради своих корыстных целей, подумайте: какая выгода может стоить обмана».

Льстец сильно преувеличивает достоинства собеседника. Чтобы доказать наше предположение приведем два примера: «*Тебе очень идёт этот цвет*» (комплимент) и «*Ты самая краси*вая» (лесть). Лесть - сильное преувеличение достоинств собеседника. А комплимент - это просто добрые слова о человеке. Лесть грубее и имеет больше шансов быть отвергнутой из-за вопиющей неправдоподобности. Слова «не люблю комплиментов» относятся не к комплиментам, а к лести. Хотя есть люди, которым и

лесть по душе. Впрочем, многих лесть отталкивает. Поэтому, особенно в деловом общении, явное преимущество за комплиментом, так как он более тонок и действен [17].

Комплимент и похвала не одно и то же. Действительно, похвала — это положительная оценка. Ясно, что оценку нижестоящему производит вышестоящее лицо (старший по должности или положению), а не наоборот. При комплименте же в отличие от похвалы происходит пристройка снизу, собеседник как бы возвышается вами над собой. Практика показала, что самый эффективный комплимент — это комплимент на фоне антикомплимента себе, когда, возвышая другого, мы дополнительно обращаем внимание на свой неуспех. В литературе можно встретить такой пример: один начальник отдела говорит другому: «Как тебе удаётся говорить с шефом? Я вчера час его уговаривал и всё без толку, а ты за пять минут тот же вопрос решил». Хороший комплимент коллеге на фоне антикомплимента себе.

Положительному восприятию комплимента способствует использование в нём фактов, известных обоим партнёрам. Даётся интерпретация этого факта, представляющая собеседника в выгодном свете. Отсутствие фактической основы делает комплимент неубедительным и может низвести высказывание до уровня банальной лести.

Если есть сомнения, поймёт ли собеседник, о каком факте речь, то лучше не рисковать и прежде напомнить о нём, а затем уже обыгрывать его.

Хуже всего, если комплимент противоречит фактам. Можно привести такой пример, сотрудница не спала ночь, мучаясь от зубной боли, а ей скажут, что она прекрасно выглядит. Эти слова будут восприняты только как насмешка [18, с. 92].

Наибольший успех имеют комплименты, будящие воображение того, кому они предназначены, дающие ему возможность мысленно продолжить их. Например, женщине с ребёнком говорят: «Какой красивый ребёнок!» Мать зарделась от удовольствия. Ещё бы: ребёнок бывает красивым у красивых родителей, сам он ухожен, хорошо одет — всё это комплименты родителям. Хвалим ребёнка, а родители воспринимают похвалу как комплимент себе.

Основные правила комплимента заключается в следующем:

1. Комплиментарная часть высказывания должна быть как можно более краткой, содержать одну-две мысли, не более. Быть простой по конструкции.
2. Комплимент не должен содержать поучений: «Ты хороший парень, но успеваемость надо подтянуть».
3. Необходимо также избегать двусмысленных оборотов, могущих вызвать совсем не те чувства и ассоциации, на которые рассчитываете. Например, улыбка делающего комплимент может придать словам обратный смысл, который воспринимается уже как насмешка [13].

Только проявив эмпатию, можно понять, что собеседнику будет приятно услышать. Однако любой психолог сразу скажет вам, что есть вещи, приятные каждому. Во все времена люди хотят:

1. хорошо выглядеть (особенно женщины);
2. добиваться успеха во всём;
3. пользоваться уважением;
4. иметь признание в обществе;
5. быть любимыми;
6. иметь хорошую семью;
7. иметь умных, здоровых детей и т. д.

Общение с человеком даёт дополнительную информацию. Чем более персонифицирован комплимент, тем он ценнее, т.к. полнее учитывает приоритеты данного человека [9, с.14].

Действительно, для того, чтобы сказать комплимент нужно иметь самую минимальную информацию о человеке. В одной из монографий мы обнаружили такой интересный пример — автор попытался сказать комплимент человеку, про которого он знал только то, что это – очень жадный человек. Автор начинает строить свой комплимент с мысли о том, что скупые люди, как правило, не считают себя таковыми. Такие люди полагают, что они - бережливые, хозяйственные, рачительные. Иногда скупые гордятся своей скупостью, осуждая других за расточительность. Вот и основа для комплимента, который из уст автора звучит так: «Мне так не хватает вашей бережливости!» Комплимент на фоне антикомплимента себе. Всё оказалось просто.

Многие задаются вопросом, как часто следует говорить комплименты, чтобы межличностное взаимодействие стало как можно продуктивнее? В данной ситуации ответ один ─ как можно чаще. Спрос на комплименты не поддается количественному описанию! Людская аудитория выслушает столько комплиментов, сколько их будет озвучено, и еще захочет! Комплимент можно произнести в адрес любого человека. Именно практикой достигается лёгкость и непринуждённость в комплименте, что делает его неотразимым.

Психологи дают несколько советов тем, кто поставил себе цель овладеть в полной мере искусством комплимента.

1. Для начала поставить себе задачу: ни дня без комплимента! Ведь, как известно, мысль материальна, поэтому и комплимент начинается с желания его сказать.
2. Найти в собеседнике то качество или черту характера, которую вы хотели бы позаимствовать у него.
3. Сказать собеседнику о его достоинствах прямо, не забывая о том, что у вас таких достоинств нет [16].

Несколько общих стратегий комплимента, которые также предлагают психологи:

1. Избегайте избитых фраз. Такие формулировки, как: «Вы очаровательны», «Вы сегодня прекрасно выглядите» уже настолько банальны, что стали всего лишь формой приветствия, хотя и весьма милой. Подобно вопросу: «Как дела?», эти слова никто не понимает буквально. Вы же не станете действительно рассказывать как у вас дела? Формула: «Что и почему». Подметив в человеке что-то конкретное, важно не просто указать на деталь, а обоснованно объяснить, почему оно произвело на вас такое впечатление, например: Вы очень эрудированны, - общаясь с вами, всегда узнаешь что-то новое и интересное.
2. Найдите то, что вам **действительно** приятно. Говорите о своих **реальных** чувствах. При таком подходе вы никогда не ошибетесь, ведь вы говорите только о **своем мнении**. При этом вы лучше узнаете этого человека, ведь поиск привлекательного требует неравнодушного взгляда. И, что не менее важно, вы получите пример для подражания, вам же это действительно понравилось.
3. Ищите то, что не заметили другие. Всякий знающий себе цену человек догадывается о своих достоинствах. Конечно, длинноногой красавице прият-

но будет лишний раз услышать похвалу своим ногам, как и эрудита в сотый раз будет радовать восхищенное: «Откуда ты столько знаешь?». Но эти комплименты они слышали уже не раз, и они не вызывают таких сильных эмоций, как раньше. Если же обратить внимание на иные достоинства, можно порадовать человека и напомнить ему, что он действительно неисчерпаем, как космос.

4. Старайтесь обращать внимание на **внутренние** достоинства человека, а не на внешние. Людей гораздо больше радует, когда в них ценят не наружность, а духовные и интеллектуальные качества. Поэтому, если ваш собеседник проявляет волю, фантазию, дисциплину или работоспособность - не упускайте случая дать знать, что вы это заметили [4, с.41].

Теперь обратимся к гендерным различиям при произнесении комплимента. Мы можем отметить, что принято делать комплименты женщинам, так как им это нравится. На самом деле выслушивать комплименты (но не лесть!) любят все, просто реакция мужчин бывает не так заметна. Такая слабость к комплиментам объясняется тем, что комплимент удовлетворяет важнейшую психологическую потребность человека — потребность в положительных эмоциях. Собеседник, удовлетворяющий эту потребность, становится желанным собеседником. Нередко мужчины считают, что путь к завоеванию женщины лежит, в том числе, и через обильные комплименты. Это не совсем так. Осыпая красивую девушку комплиментами по поводу ее внешности, мужчина, скорее всего, поставит себя в большой список неудачников, которые уже пытались делать именно это, и о которых вожделенная красавица уже давно забыла.

С другой стороны, некоторые мужчины считают, что не нужно делать вообще никаких комплиментов, чтобы не выглядеть заискивающим в глазах женщины. Такой подход тоже вряд ли можно считать оправданным.

На наш взгляд, наилучшим вариантом в этой ситуации является идея компромисса: во всем следует знать меру. Вы сможете выделиться и снискать еще большее расположение, если вам удастся заметить то, на что девушка, возможно, потратила время и усилия, но что осталось незамеченным другими людьми. Ведь чем вы более внимательны, тем более неподдельными кажутся ваши слова. Надо заметить, что комплименты могут отличаться в зависимости от степени ваших отношений с девушкой.

Что касается мужчин, то они не избалованы комплиментами и менее требовательны к их качеству. Поэтому учиться делать комплименты лучше на мужчинах.

Люди принимают комплименты весьма благосклонно, это объясняется тем, что всякому приятно уже то, что ему хотят сказать что-то хорошее. И легко прощают возможные ошибки при высказывании комплимента. Особенно, если не будет посторонних свидетелей (присутствие посторонних может тревожить вас). Поэтому учиться делать комплименты лучше один на один.

Однако если комплимент хороший, то большее впечатление он производит, когда делается «при свидетелях».

Не менее существенным, чем умение делать комплименты, является способность принимать комплименты и достойно отвечать на них. Некоторые люди не только получают комплименты без благодарности, но и с трудном их выслушивают, стараются всячески опровергать их. Если человек от души хотел сделать комплимент, доставить радость своему партнеру, то в описанной нами ситуации, он попадет в неловкую ситуацию и вряд ли снова захочет в ней оказаться.

Намного приятнее как другим, так и себе самому с признательностью встречать комплименты и наслаждаться ими. Как это сделать? Не стоит отвергать

комплименты, оправдываться или отвечать на них одним словом. «Спасибо» - будет слишком формальной реакцией на искренний комплимент. Посмотрите вашему собеседнику в глаза, улыбнитесь и поблагодарите его. Вы можете выразить свое мнение по поводу комплимента, пошутить, но не принижать себя. Если вам кажется, что комплимент не очень искренен, то все равно не стоит выражать противоречие, просто согласитесь с собеседником.

Заканчивая свою статью, мы хотим вспомнить высказывание американского психолога Уильяма Джема: «Глубочайшим свойством человеческой природы является страстное стремление людей быть оцененными по достоинству». Никогда не следует забывать о том, что любой человек в любую эпоху нуждается в общественном признании. То есть в признании обществом, людьми. Да хотя бы одним человеком! Нам, людям, это очень важно, без этого мы просто можем зачахнуть и умереть. Но именно этот элемент требования людской натуры и является как раз главным дефицитом в современной жизни.

Эта проблема не новая для российского общества. Сошлёмся на высказывание нашего великого соотечественника - Ивана Ильина: «*Самое легкое - порицание, а именно: необъективное, страстное, безмерное порицание. Самое трудное - похвала, а именно: объективная похвала, которую так редко услышишь в жизни и которой так сильно недостает*». Эти строки им написаны в эмиграции в далеком 1936 году. Но как современно они звучат! Возникает извечно русский вопрос: кто виноват и что делать?

На наш взгляд, причина кроется в установках, которые мы закладываем своим детям. Нас воспитывали в критике: почему плохо учишься, почему опоздал, почему не уважаешь старших и т.д. С такой же установкой «конструктивной» критики мы рассматриваем окружающих людей: «сам виноват», «вот здесь ты сделал плохо, а здесь совсем плохо». При этом о себе мы хотим слышать только хорошие слова - слова, подчеркивающие нашу значимость [17,с.32].

Учитесь видеть в людях только хорошее. Когда вы делаете искренний комплимент, то вы не только передаете информацию на вербальном уровне, но и излучаете позитивную энергию. Люди улавливают исходящие от вас положительные волны, и это располагает их к вам. Поэтому, говоря комплименты, вы не только доставляете удовольствие другому человеку, но и помогаете себе. Когда комплимент пришёлся по душе собеседнику, лицо его озаряется улыбкой. Хорошее настроение вместе с улыбкой имеет приятное обыкновение передаваться собеседнику. И вы также непроизвольно улыбнётесь и почувствуете, что и ваше настроение улучшилось. Так что польза от комплиментов всем! Остаётся только пожелать вам успеха в этом благом деле!

Список использованной литературы

1. **Аскоченский Д.М.** Проблема национального характера и политики (по зарубежным исследованиям). Социально-психологические проблемы идеологии и политики. М., 1991.
2. **Белянко О.Е., Трушина Л.Б.** Русские с первого взгляда. Что принято и что не принято у русских. Книга для чтения и тренировки в коммуникации. М., 1994.
3. **Бодалев И.П.** Психология общения. М., 1996.
4. **Большакова А.Ю.** Феномен русского менталитета : основные направления и методы исследования // Русская история : проблемы менталитета. Тезисы докладов науч.конф. М., 4 –6 октября 1994.
5. **Борисов В.В.** Роскошь человеческого общения. М., 1998.
6. **Брудный А.А.** Другому как понять тебя? М., 1990.
7. **Брудный А.А.** Понимание и общение. М., 1989.

8. **Вольф И.** Современный этикет. М., 1996.
9. **Горелов И.Н., Житников В.Ф.** Умете ли вы общаться ? Л., 1989.
10. **Гойхман О.Я., Надеждина Т.М.** Основы речевой коммуникации. Учебник. М., 1997.
11. **Граудина Л.К., Миськевич Г.И.** Теория и практика русского красноречия.М., 1992.
12. **Гуревич С.Н.** Культурология. М.,1996.
13. **Гуревич С.С., Погорелко В.Ф., Герман М.А.** Основы риторики. К., 1988.
14. **Михальская А.К.** Основы риторики. Мысль и слово. Учебное пособие для учащихся 10 – 11 классов общеобразовательных учреждений. М., 1996.
15. **Марченко О.И.** Риторика как норма гуманитарной культуры. М., 1994.
16. Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
17. **Ножин Н.А.** Основы советского ораторского искусства. М., 1981.
18. **Обозов Н.Н.** Психологическая культура взаимных отношений/ М., 1986.
19. Правила светской жизни и этикета. Хороший тон: Сборник правил и наставлений /сост.Юрьев, Владимирский/ . Репринт. изд-во 1889. – М., 1991.
20. **Петелина Е.С.** Некоторые особенности речевых актов похвалы и лести // Синтагматический аспект коммуникативной семантики. Нальчик, 1985.
21. Прагматика, стилистика, риторика смежных речевых жанров // Речь города: Тезисы докл. Всероссийск. межвузовск. научн. конференции. Омск, 1995.
22. **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка. Изд.3, испр.и доп. М., 1974.
23. Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991.
24. Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981.
25. **Стернин И.А.** Практическая риторика. Воронеж, 1993.

О.В. Алаева, Е.А. Нечаева

ОСОБЕННОСТИ PR-СОПРОВОЖДЕНИЯ НА РЫНКЕ ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Ивановский государственный химико-технологический университет
Ивановская государственная сельскохозяйственная академия

В статье авторы сообщают о специфике рынка здравоохранительных услуг в России на современном этапе и об эффективных мероприятиях по Public Relations, которые могут быть проведены для продвижения в сфере здравоохранения. Авторы дают сведения о важности изучения данной проблематики для российского общества и о том, как грамотно должны PR-команды налаживать коммуникацию с социумом и дирекцией организации.

Вопрос о паблик рилейшнз в сфере здравоохранения приобрёл сейчас большую актуальность, т.к. в современной ситуации рыночная конкуренция проникла во

все сферы жизни общества, в том числе и в сферу здравоохранения. Каждый сейчас понимает, что имидж здравоохранительного учреждения является визитной карточкой не только данного учреждения в целом, но и каждого сотрудника в частности. От благоприятного отношения к учреждению зависит спрос на здравоохранительные услуги со стороны населения. Немаловажно наладить доброжелательные отношения и взаимовыгодное сотрудничество с другими здравоохранительными учреждениями города, страны и зарубежья. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что тема PR в сфере здравоохранения в настоящее время актуальна.

Степень разработанности данной проблематики в отечественной монографической литературе равна нулю. В периодической литературе вопросы, связанные со здравоохранением затрагиваются только в специализированных изданиях, в Inter-net представлены лишь сайты, посвященные проблемам здравоохранения, проанализировав которые можно сделать выводы, каким образом должен осуществляться PR в здравоохранении. Учитывая то, что проблема PR в российском здравоохранении не исследована, нами была предпринята попытка теоретически обобщить имеющуюся литературу по здравоохранению, что представляет собой новизну избранной темы.

Надо заметить, что на Западе проблеме PR в сфере здравоохранения уделяли и уделяют большее значение, чем в России. Было бы неправильным утверждать, что в нашей стране здравоохранительные учреждения никогда не имели определенного своего образа в глазах общественности (все в Советском Союзе представляли, что такое Кремлевская больница), но такой образ складывался стихийно и никогда не создавался преднамеренно специалистами, следовательно, мы можем говорить о репутации, а не об имидже. Развитие рыночной экономики повлекло за собой увеличение категорий субъектов, заинтересованных в правильном и действенном формировании собственного положительного образа в сознании общественности. В то же время наработанные Западом схемы решения подобных задач не соответствуют в полной мере условиям жизни российского общества (это связано с рядом причин). Поэтому ощущается настоятельная необходимость в создании собственной теоретической базы, то есть фундаментальных трудов по проблеме PR в сфере здравоохранения.

Необходимость PR в сфере здравоохранения.

Мы можем говорить о том, что связи с общественностью отсутствовали в медицинской сфере в советский период, препараты не нуждались в рекламе или какомлибо другом PR, их было мало, да в том числе и те, которые иногда невозможно было достать, хотя некоторые здравоохранительные учреждения имели определенную репутацию, но она складывалась стихийно, а не целенаправленно [2].

Модернизация общества и развитие рыночных отношений в России значительно изменили сферу здравоохранения [9]. Сейчас в условиях рыночной экономики прежде, чем обратиться в какое-либо здравоохранительное учреждение, клиент подумает и ответит сам для себя на многие вопросы [2 ,С. 23]. Хотя на эти вопросы должно ответить именно PR – подразделение, включенное в структуру учреждения, либо работающее вне данного учреждения [2].

В России PR в сфере здравоохранения лишь начинает складываться как самостоятельное направление. Приходит понимание того, что PR необходим, им нужно заниматься, чтобы эффективно и грамотно позиционировать себя на рынке здравоохранительных услуг. В России еще нет алгоритма работы в этой сфере, только складывается коллекция профессионального опыта, но есть огромное пространство для эксперимента, для творчества, обусловленного целесообразностью.

Перемены в сфере здравоохранения, необходимость стратегически обусловленного позиционирования и открытого диалога с общественностью, понимания того,

что сфера здравоохранения, несмотря на ее коммерциализацию, является в первую очередь сферой созидания «человеческого ресурса» - именно эти факторы определяют специфику PR-деятельности в здравоохранении.

Отсюда и вырисовывается необходимость в грамотном PR–сопровождении, призванного поддерживать имидж, а если необходимо, то повышать его, а также вести постоянную коммуникацию с общественностью, прежде со своей целевой аудиторией [7].

Но PR–сопровождение в рамках здравоохранения можно осуществлять поразному.

Во-первых, создать PR-отдел в структуре здравоохранительного учреждения. Данная модель хороша, если это учреждение крупное и если оно действительно нуждается в постоянном PR-сопровождении. В основном к этому прибегают частные клиники, которые оказывают платные услуги населению, к тому же их услуги очень дорогие и им действительно нужно, чтобы клиент пришел именно к ним. У данной модели есть свои плюсы и минусы. Самый большой минус – это финансовые затраты, направленные на содержание собственного PR-отдела, а преимущество в том, что перманентно существующий PR-отдел хорошо знает данную организацию, ее специфику, ее структуру, коллектив и их проблемы.

PR - отдел в структуре здравоохранительного учреждения функционирует также как и PR - отдел в структуре любой организации. Взаимоотношения между PR отделом и организацией должны быть четко сформулированы. Отдел должен представить себя или как советник руководства или в качестве коммуникационного центра, или в ином качестве, в котором ему определено выступать в организации. PR-отдел должен осуществлять непрерывный мониторинг своих действий, с тем чтобы определить, правильно ли выполняются запланированные мероприятия и та ли реакция их сопровождает. Результаты каждого направления деятельности должны быть тщательно проанализированы для того, чтобы определить, что сработало, а что нет, и для того, чтобы подготовить рекомендации на следующий год.

В мировой практике место PR-службы в структуре организации разнообразно, это во многом зависит от цели организации и ее отраслевой направленности, масштабов корпорации и т.д.

<table>
<tr><td colspan="5">PR менеджер</td></tr>
<tr><td colspan="5">Секретарь</td></tr>
<tr><td colspan="5">Зам. PR менеджера</td></tr>
<tr><td colspan="5">Секретарь</td></tr>
<tr><td>Редактор внутреннего журнала</td><td>Организатор экскурсии</td><td>Фотограф</td><td>Ответственный за издательскую деятельность</td><td>Пресс - служба</td></tr>
<tr><td>секретарь</td><td colspan="3"></td><td>секретарь</td></tr>
</table>

Работа самостоятельного подразделения или специалиста по PR должна проходить в атмосфере полной свободы действий, располагающей к инициативе и творческой отдаче. Таким образом, оптимальное взаимоотношение между специалистами по связям с общественностью и руководителями организации возникают тогда, когда отдельный специалист или подразделение PR непосредственно подчиняются главному управляющему организации или когда специалист по PR входит в руководство фирмы, корпорации, государственного учреждения.

Деятельность специалиста отнюдь не сводится, как это иногда считается, к второстепенным по значимости акциям вроде рекламы и «организации» каких либо

публикаций. Реальный специалист в области связи с общественностью – это управленец высокого уровня, чьим инструментарием является социально – психологический менеджмент. Поэтому важен статус самого PR-отдела и его руководителя, ведь от этого зависит уровень их полномочий. PR-отдел любой организации существует для того, чтобы поддержать ее основную миссию, поэтому разработка PR-отделом годового плана либо для себя, либо для всей организации должна начинаться с формулировки миссии организации, или ее стратегических целей. Формирование миссии организации является прерогативой высшего руководства, как правило, в нем принимают активное участие PR-отдел организации.

Вторая модель – на российском рынке существует PR-организация или PR-команда, которая занимается исключительно PR-сопровождением в сфере здравоохранения и позиционирует себя на рынке услуг с данной стороны. К ним могут обратиться любые субъекты российского рынка (коммерческие фирмы, крупные корпорации, благотворительные организации и т.д.), а возможно, не только российского, за квалифицированной помощью. Данная модель получила за рубежом название out-sourcing – привлечение со стороны грамотных специалистов, работающих в организации небольшой период времени, необходимый для выполнения определенного заказа. Преимущества данной модели – это относительная дешевизна по сравнению с первой. Еще одно достоинство – PR-профессионалы в данном случае – специалисты, занимающиеся только здравоохранением, хорошо изучившие данный рынок, знающие все его особенности. Из недостатков можно выделить то, что специалисты не знают специфику данной организации и долго вовлекаются в работу, изучая детали. Надо отметить, что мировой опыт показывает более широкое распространение второй модели.

PR в сфере здравоохранения.

Медицинский рынок - один из наиболее конкурентных потребительских рынков. Для завоевания лояльности потребителей здесь недостаточно иметь высококачественный продукт или услугу. Надо иметь сильный бренд. Команда делает бренды своих Клиентов сильными, предоставляя им услуги высокого качества по оптимальной цене.

Принципы PR можно осуществлять не только в сфере бизнеса и политики, но и в здравоохранении. Известно, что существует 3 основополагающих потребности человека, которые проходят через всю его жизнь; могут трансформироваться, но не могут утратиться:

1. быть здоровым,
2. быть счастливым,
3. быть богатым;

Как мы видим, что здоровье человека является первейшей приоритетной потребностью, за которой следуют профессиональные достижения, успехи в бизнесе, признание и т.д.

Потребность быть здоровым заставляет человека проявлять активность в поиске способов оздоровления и придает ей определенную направленность [8].

В зарубежной литературе проблема PR в здравоохранении освещена применительно к частной и страховой медицине [4]. Что касается PR в условиях государственного регулирования здравоохранением, то в настоящий момент эта проблема изучена явно недостаточно [6].

В отличие от советского периода, в современном мире и также в современной России мы видим наличие рынка медицинских услуг, рыночных отношений между врачом и пациентом, конкуренции врачей (медицинских услуг), производителей медицинских препаратов и товаров [1].

В сфере здравоохранения PR может включать такие аспекты, как PR здорового образа жизни, медикаментов, отношение к здравоохранению, здравоохранительного учреждения, возможности выбора лечения, реабилитации и т.д.

Рынок здравоохранения отличается высокой конкуренцией и задача его игроков - удержать позиции своих компаний за счет создания новых, сильных брендов не только для медикаментов, медицинской техники и медицинских услуг, но и для медицинских учреждений, следовательно, можем говорить уже об имидже. Именно поэтому брендинг и имиджинг в здравоохранении – одно из направлений развития.

PR в сфере здравоохранения можно условно подразделить на шесть направлений: 1) PR медицинских услуг; 2) реклама лекарственных препаратов; 3) PR медицинской техники; 4) PR медицинских технологий; 5) PR научных идей; 6) PR медицинских учреждений [9].

PR медицинских услуг (включая оздоровительные мероприятия) имеет важное значение для формирования у населения мотивации укрепления здоровья и соответствующего стиля жизни, создания имиджа здорового человека, системы здорового образа жизни.

Потребность в PR медицинских услуг обусловлена тем, что потребительский спрос на медицинские услуги всегда был, есть и будет. Анализ медицинской статистики показывает, что, несмотря на значительные успехи здравоохранения в определенных областях, общество в целом не становится здоровее. Снижение смертности от ряда заболеваний в развитых странах сопровождается демографическими сдвигами (постарение населения, снижение рождаемости), обусловливающими рост хронической патологии и инвалидности. Все это способствует увеличению потребности в медицинских услугах, которая, вероятно, и в дальнейшем будет возрастать.

PR медицинских услуг возможен и даже необходим в условиях не только частной и страховой, но и государственной медицины.

Он должен включать:

1. изучение потребностей населения в различных медицинских услугах,
2. информацию о возможностях их предоставления,
3. формирование и регулирование медицинских услуг.

Технологии PR универсальны для многих сфер здравоохранения. Исходными являются ответы на следующие вопросы: какая медицинская помощь необходима; почему, для кого, когда, где, кем и как она будет оказываться; кем, как и в каком объеме она будет финансироваться.

PR имеет непосредственное отношение к самым разнообразным областям здравоохранения, в том числе к системе обеспечения качества медицинской помощи (КМП). При этом в PR широко применяются методы социологии: интервьюирования, анкетирования пациентов и медицинского персонала, независимой экспертизы. Исследования И.В. Полякова, К.А. Ланкина показали, что, по мнению опрошенных, самые главные составляющие КПМ – это:

1. Обеспеченность лекарственными средствами,
2. уровень цен на оказываемую помощь и медицинские товары,
3. доброжелательное отношение медицинских работников,
4. материально-техническое состояние медучреждений,
5. научно-технический уровень оказываемой медицинской помощи.

Основные направления PR исследований:

- в получении и анализе объективной информации [3],
- в разработке прогнозов развития рынка лечебно-профилактических услуг,
- в оптимизации стратегии оказания медико-санитарной помощи,
- в решении проблем создания новых услуг для более полного удовлетворения спроса на них.

Таким образом, сфера здравоохранения обладает соответствующим информационным полем, которое поддается изучению, измерению и оценке.

Организация PR исследований проводится по специально отработанным социологическим методикам [9]. Функциональная система исследований направлена на изучение определенного вида лечебно-диагностической, рекреационно-оздоровительной, фармацевтической деятельности и ее информационного обеспечения [28,С.10].

Главная особенность PR медицинских услуг и товаров заключается в активном воздействии на этот рынок и на формирование потребностей граждан в медицинских услугах.

PR в фармацевтической промышленности (лекарственных препаратов) существенно отличается от других сфер производства тем, что продукция производится в строго необходимых количествах, не поставляется непосредственно потребителю, ценообразование прямо или косвенно определяется правительством [6, С.14], на национальных рынках присутствует огромное количество конкурентов и ни одна из фирм не имеет существенной доли рынка [4].

При продвижении на рынок рецептурных препаратов, когда нельзя использовать рекламные и промо-инструменты в их полном объеме, предлагается комплекс эффективных PR-технологий. Профессиональная PR-кампания прекрасно (иногда эффективнее прямой рекламы) справляется с задачей популяризации нового бренда и увеличения уровня продаж.

Основные виды работы PR в фармацевтике:

1. Разработка комплексных программ продвижения отдельных торговых марок и/или имени Компании (брендинг/имиджинг).
2. Создание и поддержка общественных и благотворительных организаций и фондов.
3. Формирование положительного образа компании, в том числе через участие в социально-значимых мероприятиях и спонсорских программах.
4. Генерация информационных поводов, рассылка пресс-релизов.
5. Лоббистские программы, в том числе на уровне органов здравоохранения.
6. Оптимальное сочетание PR-инструментов с рекламными и промо-технологиями.

Рынок фармацевтических препаратов оценивается более чем в 208 млрд. долларов в год. При этом на долю России приходится лишь 0,5% [5].

Спрос на лекарственные препараты представляет собой форму выражения потребностей (действительных, реализованных и неудовлетворенных) и может выявляться социологическими методами [7]. Анализ закономерностей, влияющих на потребление лекарств, позволяет совершенствовать систему удовлетворения потребностей населения и лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ) в лекарственных средствах [1].

В последние годы на российском рынке фармацевтических препаратов появилось множество новых лекарственных средств [3], о которых практические врачи не имеют необходимой информации, отсутствует опыт их реального использования [8]. По данным Б.Л. Парновского с соавт., из всей номенклатуры лекарственных средств врачи активно используют лишь 10% [6,С.12 -15]. В то же время многие из этих препаратов достаточно хорошо известны в развитых странах Европы и Америки. Это указывает на необходимость повышения эффективности рекламы, целенаправленного PR фармацевтической информации.

Сложившаяся в настоящее время система фармацевтической рекламы ориентирована на рекламу лекарственных препаратов среди населения (телевидение, средства массовой информации), что в определенной степени способствует распространению различных форм самолечения. Это обусловлено тем, что зарубежные фирмы и их представительства в большей степени заинтересованы в оптовой реализации, а розничной продажей занимаются аптеки. Более целесообразной нам представляется комплексная система PR , направленная на PR лекарственных препаратов в первую очередь среди врачей, а во вторую очередь – среди населения. При этом профессиональный PR может быть нескольких уровней: для специалистов, отвечающих за оптовые закупки лекарственных препаратов (конъюнктурная и аналитическая информация и т.д.), и для врачей практического здравоохранения (информация о показаниях и противопоказаниях, обзорная и аналитическая информация о различных группах лекарственных препаратов, о практическом опыте использовании рекламируемых препаратов), которые непосредственно назначают лекарственные препараты, в том числе по рецептам. PR для населения должен осуществляться в большей степени аптечной сетью, реализующей лекарства в розницу, а также через телевидение и другие средства массовой информации; профессиональный PR — через научные медицинские журналы [6 ,С.63].

PR лекарственных препаратов должен осуществляться не только на макроуровне (государство, крупные фирмы-производители), но и на микроуровне — в аптечной сети [6,С.47 - 48].

PR в медицинской технике условно можно разделить на следующие секторы: изделия медицинского назначения, предназначенные для населения (медицинская техника для использования на дому); медицинская техника, предназначенная для частнопрактикующих врачей; медицинская техника для учреждений (независимо от типа собственности).

На западном рынке ежегодный прирост сбыта медицинской техники, предназначенной для использования на дому (устройства для измерения температуры, тренажеры, контактные линзы и очковая оптика), составляет 10,4%.

О необходимости PR в области медицинской техники свидетельствует тот факт, что только в США в производстве изделий медицинского назначения занято 2 600 фирм с общим числом работающих в них — 179 тыс. человек. Выпускаемая ими продукция отличается не только стоимостью, но и условиями поставки, послепродажного сервиса, сроками гарантии и т.д. Все это обусловливает необходимость проведения PR исследований со стороны и производителей, и покупателей медицинской техники.

Самые распространенные PR-приемы осуществляемые в этой области – это создание символики и слогана.

Символика. Большинство медицинской техники за рубежом имеет свою символику, которая, как правило, присутствует не только на самом товаре т.е. на технике, но и само предприятие изготовитель использует эту же самую символику: символика может украшать фронтоны зданий и также изображаться на бланках и различной

сувенирной продукции, например, это может быть обыкновенная шариковая ручка на которую нанесена эмблема (способов нанесения может быть множество: тампопечать, круговая шелкография, лазерная гравировка). По возможности эмблема должна «присутствовать» на всех конференциях, презентациях, днях открытых дверей, выставках и т.д [4].

Вообще вопрос о символике как воплощении какой-либо идеи или какого-либо символа в визуальную форму пришел в сферу здравоохранения, безусловно, из маркетинга (речь идет об эмблеме товара). Что касается символики в здравоохранении, то специалисты советуют в этой сфере использовать преимущественно зеленый цвет, т.к. он ассоциируется у клиентов с экологией фармацевтической промышленности, аптеками, натуральными продуктами питания [2].

Слоган. На сегодняшний день важнейшим фактором является слоган.

Вот почему фирма, желающая добиться успеха, всегда использует слоган. Слоган привлекает внимание и позволяет отличаться от конкурентов. Он, как правило, помещается рядом с названием фирмы как на бланках, так и на медицинской технике.

Требования к составлению слогана:

- Стремитесь привлечь и удержать внимание.
- Высказываетесь просто, по возможности следует пользоваться обычными словами, смысл которых понятен каждому.
- Высказывайтесь интересно, текст должен быть привлекательным и вызывать любопытство.
- Высказывайтесь убедительно, не следует делать заявлений отрицательного характера.
- Обращайтесь не в пустоту, а к личности.
- Используйте фразы, рождающие мысленные образы, а также слова часто используемые, т.к. они лучше понимаются и запоминаются.
- Руководствуйтесь здравым смыслом, ваш лозунг должен быть понятен человеку со средними умственными способностями.
- Будьте лаконичны: максимум информации при минимуме слов.
- Будьте оригинальными и не похожими на других [1, с. 39].

PR медицинских технологий — совершенно неизученная область здравоохранения. Под медицинскими технологиями следует понимать совокупность последовательно осуществляемых стандартизованных процессов, логически завершающих определенное медицинское вмешательство или манипуляции, регламентированных директивными или иными документами либо традициями. В структуре медицинских технологий можно выделить лечебно-профилактические воздействия, технологии получения лекарственных препаратов, способы диагностики и реабилитации и т.д.

В здравоохранении широко используются различные медицинские технологии — от наиболее простейших (системы переливания крови и т.д.) до сложных (пересадка костного мозга, почек и т.д.). При этом даже в одном учреждении (не говоря уже о городах и странах) одна и та же операция или метод могут выполняться по различным медицинским технологиям. К сожалению, рынок медицинских технологий широко используется только в таких его сегментах, как технологии изготовления лекарственных препаратов, технологии эксплуатации сложных технических лечебно-диагностических комплексов и т.д. В Западной Европе и США широкое распространение получили так называемые клинико-статистические группы и протоколы лечения, осуществляющие не только стандартизацию медицинских технологий, возмож-

ность технико-экономической характеристики методов диагностики и лечения, но и возможность широкого использования методов PR . PR в этой сфере здравоохранения должен включать сбор информации об используемых медицинских технологиях, их анализ (как с медицинской, так и с экономической точки зрения), стандартизацию, рекламу, мероприятия по продвижению на медицинский рынок. Крайне важной представляется проблема тиражирования и обучения специалистов новым медицинским технологиям.

PR научных идей также является практически неизученной областью науковедения, определяющей процессы их продвижения к реальному использованию в науке, технике, производстве или общественной практике.

Важный аспект PR научных идей — их правовая защита, которая осуществляется через систему патентования охраноспособных технических решений, авторское право и практику научного приоритета при их публикации. PR научных идей включает проведение патентно-информационных исследований, экспертизу планируемых и завершенных НИР, технико-экономические и конъюнктурные исследования, инновационный процесс.

Одним из этапов PR научных знаний является изучение спроса общества на научно-технические достижения. Практика показывает, что при отсутствии спроса на новые научные идеи процесс их реализации откладывается на многие годы.

К сожалению, многими учеными и руководителями науки до сих пор не осознана сама возможность существования рынка научных идей с присущими ему элементами конкуренции, состязательности, рентабельности, целесообразности и т.д. Вместо этого проповедуется концепция науки ради науки, исследования мотивированы личными устремлениями и удовлетворением собственной любознательности [6,С.21].

Реформы здравоохранения в России, направленные на внедрение новых форм хозяйствования, платной медицины, обусловливают практический интерес к PR как одной из форм организации и управления здравоохранением и оказания медицинской помощи населению.

Вероятно, целесообразно регулярно проводить курсы по PR в здравоохранении, создавать справочно-информационное бюро по PR , активно выявлять новые медицинские технологии и обучать им врачей практического здравоохранения. Ограничение ресурсов, выделяемых на научные исследования в области здравоохранения, обусловливает необходимость в проведении тщательной технико-экономической экспертизы каждой вновь планируемой НИР с учетом этапа инновации научных результатов, а также возможного коммерческого или социального эффекта.

Следует помнить о том, что PR в области здравоохранения — это особая сфера бизнеса, в котором интересы фирмы, получение прибыли не должны вступать в противоречие с интересами общества и каждой личности. Исходя из этого реклама должна быть максимально объективной, а исследования — всесторонними и нетенденциозными. Основу медицинской рекламы и PR должны составлять интересы пациента. Несомненно, что государство в лице Министерства здравохранения и его организаций обязано осуществлять контроль за объективностью рекламы.

Продвижение медицинских услуг и товаров медицинского назначения, лекарственных препаратов, медицинских технологий и новых идей должно осуществляться на основе свободной конкуренции с учетом интересов каждой личности, населения и общества в целом, что будет способствовать совершенствованию здравоохранения, повышению качества лечебно-профилактической помощи, улучшению здоровья нации.

Список использованной литературы

1. **Голубков В. В.** Методические указания по рекламе. Иваново, ИГЭУ, 2005.
2. **Лукнарова Н., Фолтан В., Брозман И. и др.** // Фармация. 1990, № 6. С. 12-15.
3. **Мешковский А.П.** // Сов. здравоохранение. — 1990. — № 11. — С. 62—65.
4. **Налимов С.П., Яникезинг Л.Р., Меллер Н.Э.** // Фармация. 1987,№ 2. С. 5-9.
5. **Сбоева С.Г., Суханова Л.А., Медведев В.Г.** // Фармация.1986.№ 3.С. 12—17.
6. **Усенко В., Устинова И., Варпаховская И.** // Ремедиум. 2000, № 4.С. 26-29.
7. **Шарабчиев Ю.Т., Улащик В.С.** // Здравоохр. Беларуси. 1995,№ 4. С. 20-23.
8. **Эванс Дж. Р., Берман Б.** Маркетинг. — М.: Экономика, 1990. —352 с.
9. Chemistry and Industry. — 1992. — N 8. — P. 298—300.
10. Chemistry and Industry. — 1994. — N 8. — P. 21-40.
11. Market letter. — 1992. — V. 19, N 46. — P. 4-21.

Ю.В. Балдина, Е.А. Нечаева

ЗНАЧИМОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ PR-КОММУНИКАЦИИ ДЛЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ивановский государственный химико-технологический университет
Ивановская государственная сельскохозяйственная академия

В статье авторы сообщают о том, какую роль играет PR-коммуникация в современном мире, в частности в условиях российского рынка, с какими основными трудностями может столкнуться PR-специалисты при работе с клиентами и прессой. А также, какие существуют общие правила успешного коммуникативного диалога с прессой.

Для обоснования темы определимся с терминами, что же такое коммуникация и PR? Коммуникация представляет сегодня не только вид социальных взаимосвязей в обществе, но и принцип организации социального пространства. Появление коммуникативных механизмов в информационном обществе обусловлено историческим развитием общества. Коммуникация как принцип социального взаимодействия представляет собой нормативную форму социального общения.

Определение коммуникации универсально для PR, менеджмента и маркетинга.

Коммуникации - это обмен информацией между двумя или более людьми. Функция PR в современных коммуникациях состоит в кодировании и декодировании сообщения, отсылаемого источником.

Источник - это лицо или организация, генерирующее сообщение (президент компании или страны, пресс-секретарь, информационное агентство, компания-рекламодатель, агент по личным продажам). Обычно источник имеет представление о том, как бы он хотел, чтобы сообщение интерпретировалось получателем. Однако результат интерпретации, т.е. толкование сообщения получателем, определяется рядом факторов, и прежде всего, кодированием.

Кодирование - это представление идеи, которую стремится донести до получателя источник, в кодах, или символах.

Коды - это символы или знаки, переводящие идею на язык, понятный получателю. Кодирование должно обеспечить интерпретацию сообщения получателем в соответствии с целью коммуникации, поставленной отправителем. В качестве кодов могут использоваться слова устной и письменной речи (лексика, а также темп, стиль речи), визуальные образы (людей, товаров, предметов интерьера) и их движение, запахи (цветов, духов, сигарет, мыла), звуки (мелодии, интонация и тембр голоса, модуляция), цвет (яркий, приглушенный), жесты (статуса, отношения к чему-либо).

Public Relations, в просторечии именуемые пиаром, — вполне цивилизованный способ продвижения фирмы. Он давно известен и широко используется на Западе, но российские предприниматели только начинают его осваивать [4, с.21].

В настоящее время, как теоретическое изучение, так и практическая работа в области коммуникации сталкиваются с рядом экономических, социальных и культурных вызовов. Очевидно, что роль коммуникации в жизни современного общества все более и более возрастает. Коммуникация как социокультурный феномен более напряженно пронизывает деятельность различных корпоративных субъектов, вследствие чего качественно усложняется самоопределение человека-деятеля в подвижной, постоянно изменяющейся социальной реальности. Соответственно нужен новый взгляд на коммуникацию и новые публикации и монографии, которые помогут человеку жить в новых условиях. Наиболее отчетливо эта потребность проявляется в прикладных теориях коммуникации, в частности в Public Relations. Прикладные теории коммуникации выступают своего рода “сенсорами”, с помощью которых происходит движение общей системы теории и практики коммуникации, а также осуществляется непрерывная адаптация коммуникативных практик к изменяющемуся социально-культурному ландшафту.

Круг обязанностей современного PR-специалиста включает в себя не только формирование благоприятного общественного мнения и положительного имиджа организации, но и стратегическое развитие, прогнозирование экономических и социальных изменений, актуализирование скрытых возможностей компании и мобилизацию ее внешних ресурсов для установления непосредственных контактов с представителями различных групп общественности. Появляется понимание того, что необходимо не столько “найти” пути стратегического развития компании, сколько “проложить” их в социальной среде в процессе взаимодействия с различными социальными институтами и целевыми аудиториями. Из романтического “вестника доверия” PR-специалист все больше превращается в “проектировщика” и “конструктора” социальных процессов - в “созидателя” социальной реальности.

Тенденции усложнения современной PR-коммуникации отмечают многие теоретики и практики. Об этом говорит появление наряду с PR-коммуникациями GR-коммуникаций, а также «интегрированных маркетинговых коммуникаций» (integrated marketing communications — IMC), затем переход от последних к «интегрированным коммуникациям» (integrated communications — IC), использование которых является одной из основных тенденций в маркетинге последнего десятилетия, наибольшую активность в разработке этого понятия принимали специалисты в области PR, рассматривая их в качестве развития идей и концепций стратегического PR [2].

Изменение понимания социальных процессов в науках об обществе, в частности, в философии и социологии, а также возникновение целого ряда комплексных PR-задач влечет за собой необходимость пересмотра прежней классической парадигмы в PR-коммуникации, основанной на естественнонаучном понимании процессов, происходящих в обществе и в сфере социальной коммуникации. Разграничение классических

и неклассических подходов в PR-коммуникации не совпадают с трактовками этой проблемы в современной философии науки. Неклассические подходы в PR-коммуникации определяются целым рядом собственных специфических факторов и предпосылок. К ним относятся изменения в интерпретации моделей PR-коммуникации, ее общего предназначения и используемых в ней средств и технологий.

Согласно классическому подходу (Дж. Грюниг и Т. Хант) в PR-коммуникации можно выделить четыре модели:

1. манипулирование, пропаганда, паблисити, или «пресс-агентство»;
2. общественная осведомленность или информирования общественности;
3. двусторонняя асимметричная;
4. двусторонняя симметричная модель. Упомянутые выше модели основываются по понимании коммуникации как линейного одностороннего либо двустороннего процесса, происходящего между коммуникатором и коммуникантом.

Таблица

Характеристики четырех моделей паблик рилейшнз

Характеристика		Цель	Характер коммуникации	Где практикуется в настоящее время	Распространенность в США %
Манипулирование, паблисити		Пропаганда	Односторонняя, правдивость и объективность не обязательны	Спорт, театр, промоушн	15
Информирование общества		Распространение правдивой информации	Односторонняя, правдивость обязательна, но только позитивная	Правительство, некоммерческие объединения, бизнес	50
Двусторонняя модель	Асимметричная	Убеждение	Двусторонняя, «прагматическая»	Конкурентно-ориентированный бизнес	20
	Симметричная	Взаимопонимание	Двусторонняя, результаты одинаково эффективны для организации и общественности	Регулируемый бизнес, агентства	15

Модели паблисити и информирования общественности являются односторонними моделями PR и имеют дело с коммуникационными программами, которые не требуют исследований и стратегического планирования. Двусторонняя асимметричная модель отражает более сложный подход, который предполагает использование результатов исследований при подготовке сообщения, которое сможет с наибольшей степенью вероятности убедить стратегическую аудиторию принять желательные для организации модели поведения. Исследования свидетельствуют о том, что наиболее эффективная PR-практика связана с моделью, получившей название «двусторонние симметричные коммуникации». При этом основу PR-коммуникации составляет стратегическое применение исследований и использование коммуникации для управления конфликтами и улучшения взаимоотношений со стратегической общественностью. Неклассический подход в методологии PR-коммуникации характеризуется постепенным переходом от опосредованного средствами массовой информации общения с общественностью к интегрированию компании в свои целевые аудитории, от взаимодей-

ствия с отдельными общественными группами к гармонизации социальной среды производственной деятельности компании в целом (концепция социальной ответственности компании). Описанный сдвиг в понимании задач современной PR-коммуникации обусловлен рядом социокультурных факторов, а также распространением неклассического подхода в гуманитарном знании, вызвавшем изменения в методологии теории менеджмента и организационного развития [3].

Определяющее влияние на современную PR-коммуникацию оказала общая культурно-историческая динамика и социально-производственные факторы. Распространение культурного плюрализма в рамках постмодернистских подходов социально-гуманитарного знания изменило представления о целях и задачах PR-коммуникации. В то время как классические трактовки PR во многом были связаны с освоением и воспроизводством уже существующих культурных образцов, неклассические подходы к PR-коммуникации сопряжены с непрерывным инновационным и культурным творчеством, с порождением смыслов и ценностей деятельности «здесь и теперь». В этой связи возрастает ответственность PR-специалиста за последствия своей деятельности, за те культурные «хорошее» и «плохое», которые с помощью масс-медиа непрерывным потоком выливаются в окружающую социальную среду.

В становлении неклассических моделей PR-коммуникации также необходимо отметить роль новых информационных технологий, данной проблематикой в настоящий момент занимаются многие такие ученые, как: В. Андрианов, К. Антипов, Э.Л. Бахарева, Э. Болотов, В. Шумаев и другие. В частности, к новым информационным технологиям относятся технологии конструирования и поддержки различных виртуальных или сетевых сообществ и самоуправляющихся команд в глобальной информационной сети Интернет.

Ключевые характеристики Интернета как среды PR-коммуникаций:

- Интернет – это сравнительно новое, динамично развивающееся средство массовой коммуникации. Интернету, как каналу коммуникаций, свойственны следующие характерные тенденции.
- Интернет является нетрадиционным средством и каналом коммуникации, который характеризуется отсутствием централизованной организационной структуры. Интернет обладает сходными свойствами с механизмом действия толпы: и в том, и в другом случае имеется реализующийся поразному технически феномен неуправляемой никем структуры и «случайной среды». Данный механизм эффективен при проведении PR-кампаний с использованием психотехнологий. Также этот канал характеризуется скоростью распространения информации. Так, появившееся на информационном сайте сообщение может быть мгновенно растиражировано сетевыми изданиями, а затем даже печатными. Таким образом, данная особенность Интернета дает благоприятную среду для того, чтобы грамотно созданное и запущенное сообщение распространялось самостоятельно и не требовало значительных материальных затрат на его поддержку.
- Интернет дает прекрасную возможность фокусировать воздействие на конкретную узкопрофильную целевую аудиторию, в которой заинтересована организация; выделять подгруппы в этой аудитории для составления более персонализированных PR-обращений; порой даже учитывать индивидуальные особенности и характеристики каждого посетителя (например, случай использования сетевой рассылки). Выделение целевой аудитории важно, так как позволяет построить коммуникацию максимально эффективно, быстрее достичь ее цели. Если рассматривать коммуникативный аспект,

то коммуникация всегда удается лучше, если есть четкое представление о реципиенте, в том числе его убеждениях, знаниях, ценностях, возможной реакции на посланное ему сообщение. Чтобы убедить реципиента и избежать коммуникационных барьеров, надо представлять, кому сообщение адресовано: это поможет построению успешного ключевого сообщения и выбору канала коммуникации. Именно Интернет предоставляет прекрасную возможность использования механизма таргетинга — воздействия на целевую аудиторию путем выделения из всей имеющейся только той ее части, которая удовлетворяет заданным критериям.

- По данным разных исследований по изучению Интернет-аудиторий, большой процент аудитории Интернета составляют активные слои населения, которые участвуют в процессе принятия решений.
- Коммуникация в Интернете интерактивна. Это подразумевает возможность активного взаимодействия между сторонами. Интерактивность означает возможность вступать в прямой диалог с аудиторией, а также то, что представители данной аудитории также могут общаться между собой. Например, на новостном сайте rbc.ru появляется сообщение (вектор коммуникации «инициатор сообщения, адресант» - «адресат»), которое читатели потом могут обсудить на форуме (адресаты сами начинают выступать в роли адресантов, вступать в диалог).
- Кроме всего прочего интерактивность позволяет получать обратную связь, адекватно анализировать сложившуюся ситуацию и своевременно реагировать в случае необходимости.
- Предрасположенность пользователей Интернета к получению информации способствует более позитивному восприятию и высокой усвояемости PR-материала.
- Глобализация. Интернет — это глобальный виртуальный электронный рынок, не имеющий каких-либо территориальных или временных ограничений. Конечно, локальные отличия пользователей разных регионов и стран надо учитывать при составлении PR-обращения. Однако очень важно, что Интернет позволяет реализовывать PR-стратегии с точечно-выраженным географическим охватом, с учетом временных зон и другой спецификой аудитории.
- Электронное коммуникативное пространство в отличие от печатного или эфирного практически не ограничено. Здесь может быть размещено сколько угодно много информации, объем которой не зависит от рамок эфирного времени передачи или от количества печатных знаков.
- Сравнительно невысокая стоимость коммуникации среди остальных СМК (имеется в виду стоимость одного контакта).

Развитие различных виртуальных и сетевых исследовательских сообществ, занимающих пустующую нишу в традиционной дисциплинарной организации науки, могут способствовать как продвижению имиджа компании среди целевых групп, так и мобилизации ее «внешнего ресурса», притоку новых идей и кадров, дополнительных капиталов. Также можно отметить новую тенденцию среди небольших компаний, работающих на рынке интеллектуальных услуг, к созданию профессиональных сообществ сетевого типа (например, консультантов по организационному развитию, PR-менеджеров и проч.). Если раньше в условиях относительно стабильного и определенного социального окружения предпочтителен был механистический тип управления организацией, основанный на принципе консервативности, иерархичности, закрыто-

сти от остальных социальных субъектов, то в современном динамичном окружении, которое характеризуется высшей степенью неопределенности, набирает силу органический тип управления. Ему свойственны следующие признаки: гибкая структура, не жестко определенные задачи, готовность к изменениям, самоуправляемость, высокий уровень интенсивности внутренних и внешних коммуникаций [1].

Традиция рассматривать PR как одну из функций управления, популярная после второй мировой войны, обусловила прямую связь между самой PR-коммуникацей и теории менеджмента. Применение неклассических подходов в управленческой деятельности привело к повышению значимости системного подхода в теорией менеджмента, постепенному преодолению административного и бюрократического стилей управления, значительному росту роли самостоятельности и творческой активности субъектов управления в принятии решений. Кроме того, особую важность обретает учет воздействия социальной среды на производственную деятельность предприятия, следствием чего явилось появление энвайеронментальных подходов к управлению.

Распространение неклассического подхода в теории организаций вызвало появление гуманитарно-ориентированных концепций организационного строительства, в которых подчеркивается особая роль так называемого “человеческого фактора”. Неклассические подходы в теориях организации связаны с повышенным вниманием к важности не только организационных структур, но и организационной или корпоративной культуры, а также значительное место в этих концепциях занимают опосредованные, знаково-символические механизмы коммуникации внутри организации. При этом исследователи рассматривают интерпретационные, вероятностные моменты, пытаются учитывать роль неопределенности в функционировании и развитии организаций.

В настоящее время в западной теории коммуникации все большее распространение получают аналитические, конституирующие и формообразующие дискурсы. Эти тенденции, безусловно, вызваны необходимостью решения PR-специалистом все более усложняющихся задач, которые ставит перед ним заказчик. Для успешной работы PR-профессионалу на нынешний момент требуется не просто время от времени прибегать к помощи внешних консультантов, а выстраивать прочные, долговременные отношения с представителями научного сообщества. Причем в этой работе, как правило, приходится задействовать не только штат PR-службы компании, но и всю совокупность менеджеров высшего и среднего звена. Именно на их плечи ложится обязанность выступать на различных мероприятиях и устанавливать межличностные контакты с представителями целевых аудиторий. Если мы говорим о проблемах межкультурной коммуникации. Они часто возникают из-за плохого владения иностранным языком. Также они могут быть связаны со знанием профессиональной терминологии, сюда же относится недостаточное владение фоновыми знаниями слов-реалий, приемами перевода терминов в зависимости от способов номинации, территориальная дифференциация терминов, наличие параллельных терминов, соотносящихся с различными формами собственности и т. д.

Таким образом, в соответствии с современной европейской концепцией PR-компания не только информирует различные группы общественности о своих планах, но и приобщает их к своей деятельности [5, с.236].

Говоря о паблик рилейшнз, как о коммуникационном управлении, репутации руководства и внешних отношениях руководства, можно выделить 10 основных принципов PR, сформированных Фрейзером Лайкли из Канадского общества паблик рилейшнз:

1. Паблик рилейшнз имеют дело с реальностью, а не с внешними фасадами. Политика паблик рилейшнз – это продуманно составленные программы, отдающие приоритет интересам общества.

2. Паблик рилейшнз – это служебная сфера деятельности, где преобладают не личные выгоды, а общественные интересы.
3. Так как PR-специалист обращается к общественности за поддержкой программ и политики, то именно общественные интересы составляют главный критерий, по которому эти программы и политика выбираются. (PR-специалист должен иметь мужество, чтобы сказать «нет» своему клиенту или отвергнуть деструктивную программу, если это может повредить обществу.)
4. Так как PR-специалист вступает в контакт с широкими массами через СМИ, представляющими собой каналы всеобщей коммуникации, нельзя наносить вред этим каналам. (PR-специалист не должен обманывать СМИ, будь то явно или скрыто.)
5. Поскольку PR-специалист является посредником между организацией и ее сотрудниками, он должен в совершенстве владеть мастерством контактов – передавать информацию от одной стороны к другой до тех пор, пока не будет достигнуто понимание.
6. Чтобы обеспечивать двусторонние коммуникации и делать это с полной ответственностью, PR-специалист должен широко использовать научные исследования в области общественного мнения. (PR-специалист не может позволить себе играть в «угадайку».)
7. Чтобы понять, что говорят люди и эффективно взаимодействовать с ними, PR-специалист должен привлекать общественные науки – психологию, социальную психологию, общественное мнение, теорию общения и семантику. (Нельзя опираться только на интуицию.)
8. Так как к PR имеют отношение разные сферы деятельности, PR-специалист должен проводить свою работу в сотрудничестве с другими, смежными дисциплинами, в том числе теорией педагогики, другими психологическими теориями, социологией, политологией, экономикой и историей. (Сфера PR требует подготовки в разных областях знаний.)
9. PR-специалист обязан оповещать общественность о проблемах, прежде чем эти проблемы обернутся кризисом. (Он должен своевременно подавать сигналы тревоги и советовать что делать, чтобы люди не были застигнуты врасплох.)
10. PR-специалиста можно «измерить» только одной меркой – этической. (Деятель PR ровно настолько хорош или плох, насколько хороша или плоха репутация, которой он добился) [6].

Теперь перейдем к целенаправленной коммуникации через СМИ – как мы выяснили – это одна из важнейших функций PR-специалистов.

Перед фирмой, продвигающей свою продукцию на рынок, стоит множество различных задач. Предприятия, выпускающие товары первой необходимости, хотят иметь преимущество в условиях высокой конкуренции. Другие, выпуская на рынок новый товар, стремятся завоевать определенную группу потребителей. Третьим важна известность в среде поставщиков продукции и деловой элиты региона. Однако в любом случае речь идет не о том, чтобы сообщить потенциальным покупателям о своей продукции и реквизитах, и даже не о том, чтобы сформировать у них некий образ фирмы, — эти задачи решает реклама. Задача PR в том, чтобы правильно позиционировать компанию в общественно-политической жизни общества. Эта задача осуществляется, прежде всего, посредством целенаправленной коммуникации, в первую очередь при помощи СМИ.

Благодаря СМИ предприятие занимает свою нишу в информационном поле.

СМИ, в свою очередь, заинтересованы в получении информации, представляющей интерес для их аудитории. Поэтому умело налаженное сотрудничество может принести выгоду обеим сторонам. Деньги как средство оплаты за оказанные услуги в этом случае применяются далеко не всегда — ведь услуги взаимны.

Российская специфика взаимоотношений субъектов PR-деятельности отчасти изменила само понятие PR. Классики западной теории считают, что PR-коммуникации непосредственно с расходами не связаны. В России же за их реализацию в большинстве случаев приходится платить.

Если предприятие решило сотрудничать со СМИ, нужно выбрать постоянного автора материалов о вашем предприятии, чтобы каждый раз не вводить в курс дела нового человека. Некоторые предприятия предпочитают иметь специалиста по PR в штате, а не пользоваться PR-услугами со стороны. Чаще всего потребность в такой вакансии возникает в отделе маркетинга. Так как профессия PR-менеджера сравнительно новая, то готовых должностных инструкций нет. Фактически PR-менеджер сам определяет план своих действий. Поэтому в идеале он должен быть знаком с теорией PR, маркетинга, иметь опыт работы журналиста, менеджера проекта, знать рекламный рынок. Он должен уметь не только преподнести материал, но и владеть корпоративной информацией, а также облекать её в выигрышные PR-коммуникации. Этот человек не только должен уметь писать статьи, но и готовить информацию, на основе которой тележурналисты будут снимать сюжеты. Организаторские способности также не менее важны. Одного умения творчески разрабатывать приемлемые по расходам планы PR-кампании недостаточно, важно обеспечить их реализацию. Эффективность коммуникаций достигается за счет гармоничного сочетания стоимости, содержания и размещения коммуникации. При игнорировании одного из условий все усилия могут быть сведены к нулю.

Можно дать несколько простых советов для всех PR-специалистов:

Все контакты с прессой на предприятии должен осуществлять PR-менеджер, и об этом необходимо предупредить персонал предприятия. Прежде чем сообщать информацию прессе, менеджер по PR должен выяснить, какое СМИ представляет журналист, на какую тему он хочет написать материал, будут ли в нем сведения о других предприятиях отрасли.

Следует избегать предоставления журналисту информации по телефону, если ранее вы с ним не работали. Все, что вы говорите, может записываться. Избегать устных объяснений следует и из-за их возможного искажения. Поэтому лучший вариант — изложить все в письменном виде.

Пресс-релиз в СМИ отправляйте в тот же день, когда к вам обратились за комментариями. Информационщики работают оперативно, и то, что им нужно сегодня, пройдет именно сегодня в новостях или в завтрашних утренних газетах. Отсутствие вашей оперативной реакции СМИ могут прокомментировать по-разному, а в другие дни тема потеряет актуальность, и интерес к ней угаснет. Если готовится PR-материал в вечерние новости, необходимо дождаться, когда журналист напишет его, и проверить.

Требуйте, чтобы журналисты согласовывали материалы перед их выходом в свет и, если они платные, вносили в них все ваши коррективы.

Сообщения для прессы не должны быть безличными. Актуальность и важность теме придают комментарии специалистов, курирующих её. Менеджер по PR заранее решает, кто из сотрудников и какую информацию может предоставить и привлекает его к работе с прессой. Например, директор может комментировать значимость для предприятия подписанного контракта или установленного оборудования. Если речь идет непосредственно о продукции, ее качестве или каких-то свойствах, то

необходимы пояснения специалистов или сотрудников государственных проверяющих структур. Если PR-коммуникации связаны с социальной тематикой, то интерес вызовет статья или сюжет, оформленный в виде истории о рядовом человеке.

При этом если в PR-коммуникациях фигурирует представитель предприятия, то по каждому кругу вопросов это должен быть всегда один и тот же человек. Именно с ним общественность будет ассоциировать это предприятие. Если речь идет о стратегических вопросах, то роль публичного лица (public figure) обычно берет на себя директор или другое высшее должностное лицо. При выборе такого человека необходимо учитывать, чтобы он был приятной наружности, имел хорошую дикцию, объяснялся без профессиональных терминов, кратко выражал свои мысли, не робел перед микрофоном, камерами и умел располагать к себе зрителей. Этот человек должен быть доступен для связи специалисту по PR и адекватно реагировать на запросы СМИ.

Что касается мероприятий, проводимых PR-специалистами для прессы, то можно дать сдедующий совет - если мероприятия для прессы проходят на территории предприятия, то менеджер по PR должен быть единственным источником информации. Лучше предоставить её в форме пресс-релиза, содержащего информацию о повестке мероприятия, перспективах, которые в связи с этим ожидаются для предприятия, города, потребителей. Обязательно должны быть указаны инициалы и должности участников. Нужно учитывать, что журналисты часто опаздывают к началу мероприятия и впечатление о нем складывается из тех выступлений, что они успели услышать. Информация из пресс-релиза поможет им расставить нужные акценты. К пресс-релизу приложите справку о вкладе предприятия в развитие отрасли, его роли в межрегиональных связях, совместных с органами власти проектах, вкладе в решение социальных проблем и т.п. Также PR-менеджеру необходимо пригласить для интервью нужного специалиста. Информацию пресса должна получить «из первых рук». Поэтому прессу лучше оградить от общения с некомпетентным персоналом, иначе нежелательная информация может просочиться в СМИ и отрицательно повлиять на имидж предприятия. И, наконец, не нужно забывать о фуршете для журналистов после пресс-конференции. Тем самым предприятие продемонстрирует свое уважение к прессе, что положительно скажется на качестве публикаций.

Список использованной литературы

1. **Власенко Н.И.** Соблюдение принципов и норм коммуникации в деловом общении. //Язык, познание, культура на современном этапе развития общества. Саратов, 2001. С. 93 -95.
2. **Клягин С.В.** Образовательное партнерство - новые тенденции во взаимодействии производства и образования на рубеже столетий: По материалам зарубежной печати // Консультант директора. 1999. № 18. с.7-8.
3. **Кузнецов В. Г.** Причины коммуникативных неудач в процессе межкультурного профессионального общения //Язык. Культура. Словари. Иваново, 2001. С. 37.
4. Материалы научно-методической конференции «Статус специалиста по связям с общественностью и его профессиональная подготовка». СПб., 1999
5. **Музыкант В. Л**. Теория и практика современной рекламы. М.,1998.
6. **Grict P.** Logic and conversation//Syntax and Semantics. New York. 1975. Vol.3. P. 45

ББК 81 + 81.2

Раздел 3 Лингвистика

Е.В. Атаева

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЮЗА *ОДНАКО* В ПРОТИВИТЕЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена исследованию актуального вопроса о взаимодействии индивидуальной семантики сочинительных союзов с частными значениями связываемых компонентов. Проанализированы семантико-синтаксические условия функционирования союза ***однако*** *в противительно-ограничительных конструкциях, отличающихся наибольшим разнообразием видов и высокой частотностью употребления в современном русском языке. На обширном языковом материале в соответствии с принципом изоморфизма синтаксических отношений рассмотрены различные модели со значением препятствующего и уточняющего ограничения, а также контексты, осложненные значением возмещающего и выделительного ограничения. Сделан вывод об индивидуальной семантике союза* ***однако****.*

Для современной синтаксической науки характерен все возрастающий интерес к изучению семантического аспекта. При этом особое внимание уделяется так называемым реляционным единицам, в частности сочинительным союзам, которые играют важную роль в оформлении синтаксических связей и отношений. Исследование семантических видов синтаксических конструкций с отдельными союзами является особенно актуальным в связи со сложностью и неразработанностью вопроса о взаимодействии индивидуальной семантики сочинительных союзов с теми значениями, которые складываются на базе взаимодействия лексико-грамматического наполнения связываемых компонентов.

Предмет нашего исследования – союз *однако* – давно привлекал внимание филологов своей полифункциональностью и обширностью синтаксического бытования в современном русском языке. Он активно используется на всех уровнях и глубинах текста (от простого предложения до текстовых отрезков значительных объемов, вплоть до целых разделов и глав), а также в различных типах текста (монологическом, диалогическом и диалого-монологическом). Некоторые ученые предлагают называть слова типа *однако, зато* «экспликаторами отношений логической обусловленности (ОЛО)», т.к. их основное назначение в языке – обозначение смысловых отношений [2, с. 204].

В данной статье мы предпримем попытку проанализировать особенности функционирования союза *однако* в противительно-ограничительных синтаксических конструкциях, которые отличаются наибольшим разнообразием видов и высокой ча-

стотностью употребления в современном русском языке. При этом сложные предложения и небольшие текстовые построения с союзом *однако* мы рассматриваем вместе в соответствии с принципом изоморфизма синтаксических отношений в единицах разных уровней. В таких контекстах содержание второго компонента подается или как нечто *препятствующее* реализации того, о чем говорится в первом компоненте (ограничивающий фактор), или как *уточняющее* содержание первой части, высказанное в общем, более широком для данной ситуации плане. В связи с этим можно выделить два основных типа противительно-ограничительных построений: 1) со значением препятствующего ограничения; 2) со значением уточняющего ограничения. Ср. соответственно: 1) *Она отговаривала его от этой затеи, однако Ленька настоял на своем* (В. Мазурин. Второе лето); 2) *Отлаженный механизм такого настроения обычно заводился легко, однако сегодня что-то не срабатывало* (Д. Гранин. Однофамилец).

Значение препятствующего ограничения, по определению И.Н. Кручининой, является значением «внешнего предела следования», формула которого имеет вид: «Событие В кладет предел/прерывает течение события А» [3, с. 83]. Из данного определения следует, что ограниченное внешним пределом действие (событие, ситуация) может быть охарактеризовано с точки зрения продолжительности с помощью специальных лексических определителей (отдельных слов и словосочетаний, уточняющих обособленных членов) или придаточных предложений со значением времени. Например: *Один местный батюшка, разведав ход семги, приспособил как-то у падуна ящик, так что в него попадала вся семга. Однако выгозерские рыбаки* ***скоро*** *потребовали от батюшки, чтобы он убрал свой ящик* (М. Пришвин. В краю непуганых птиц); *Ехать было легко. Однако* ***часа через два*** *стало темнеть* (В. Шишков. Угрюм-река); *Об этой простейшей мудрости твердила Прохору и Нина. Однако Прохор,* ***на грани двух десятилетий****, стал слеп и черств гораздо более, чем прежде* (В. Шишков. Угрюм-река); *Толпа гуляющих плотным кольцом окружила нас и стала начала с удивлением, а потом с интересом слушать чтеца. Однако,* ***когда стихи приняли явно кощунственный характер****, в толпе заволновались* (С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Сост. А. Козловский).

Как видно из данных примеров, время прекращения действия или продолжительности ситуации может быть обозначено во второй части конструкции как в абстрактной, так и в конкретной форме. Прекращение действия может быть внезапным, неожиданным, что подчеркивается наречиями соответствующей семантики: *Николай Никитич поторопился во двор. Однако на крыльце он* ***неожиданно*** *что-то вспомнил и вернулся* (Е. Федоров. Каменный пояс).

Действие или ситуация, ограниченные каким-либо внешним пределом, могут быть охарактеризованы также по степени их реализации, полноты проявления. С данной точки зрения необходимо рассматривать и такие конструкции (первая подгруппа), в которых сообщается о гипотетических действиях, возможных или необходимых. В нашем материале наиболее часто такие действия обозначаются инфинитивами, употребляемыми при словах модального значения (с частицей *бы* или без неё) или (реже) глаголами в форме сослагательного наклонения. Например: *Правда, сам он не очень устал и* ***мог бы идти*** *еще долго, однако ему жаль было Зоську* (В. Быков. Пойти и не вернуться); *Если мы хотели застать хотя бы конец официальной церемонии на главном пункте передачи пленных,* ***надо было*** *немедленно* ***ехать*** *назад. Однако когда мы подошли к машинам, то выяснилось, что машина полковника Харада в третий раз испортилась* (К. Симонов. Далеко на Востоке); *С превеликим удовольствием я* ***исполнил бы*** *это законное требование. Однако тема не допускает этого сделать* (М. Зощенко. Перед восходом солнца).

Приведенные нами синтаксические конструкции отличаются одной особенностью. Гипотетическое предложение всегда как бы двунаправлено: с одной стороны, оно сообщает об ирреальном событии, которое не существует, а с другой – в нем содержится некоторая информация и о реальной действительности [6, с. 134]. При этом факты реальной действительности препятствуют реализации гипотетических действий.

В синтаксических построениях второй подгруппы сообщается о нереализованных намерениях, которые обозначаются инфинитивом в совокупности с глаголами типа *хотеть, приготовиться, решить, задумать*, относящимися к «проспективному плану» [1, с. 26] и в той или иной мере указывающими на «активность субъекта желания, направленную на достижение желаемого» [6, с. 160-161]. Например: *Он **захотел занять** у соседа, с которым был в довольно-таки приятельских отношениях. Однако сосед сказал, что сегодня он решительно не может одолжить* (М. Зощенко. Веселое приключение); *Она схватила карандаш и **приготовилась записывать**. Однако Звезда на полуслове замолчала и уже больше не говорила* (Э. Казакевич. Звезда); *Я **решил наблюдать** за ней (куницей). Однако она вскоре заметила меня, остановилась, затем осторожно опустилась на брюшко и припала к колодине вплотную* (В. Арсеньев. Сквозь тайгу); *Хубилай **задумал поставить** поперек Корейского пролива десять тысяч судов, чтобы соединить их деревянным настилом… Однако этот гигантский флот был уничтожен внезапно налетевшим тайфуном* (В. Овчинников. Сакура и дуб).

В синтаксических построениях третьей подгруппы содержится информация о приостановленных и предотвращенных действиях. Показательными в этом смысле являются частица *было* при глаголах прошедшего времени и фазисные предикаты *начать, попробовать*, употребляющиеся при инфинитивах с частицей *было* или без неё. Например: *Герцог **раскрыл было рот**, чтобы начать о соколиной охоте; однако же герцогиня прервала своего мужа* (А. Гастев. Леонардо да Винчи); *Он **начал было** вновь **набирать** нужный номер телефона, однако еще звучавший в ушах сухой и враждебный голос Ольги Васильевны будто остановил его* (И. Стаднюк. Война); *Под пронзительным взглядом Дана он начал путаться, однако Голицын выручил его* (Д. Гранин. Иду на грозу); *Сергей опять **попробовал усмехнуться**, однако усмешки не получилось: губы только дрогнули* (О. Смирнов. Северная корона).

В синтаксических конструкциях четвертой подгруппы действия представлены уже не как намеченные к осуществлению, желаемые или возможные, а как уже реализующиеся, но прерванные в своем осуществлении или как уже реализованные, но не достигнувшие цели, что подчеркивается глаголами в форме прошедшего времени. Например: *Она **барахталась** в снегу, однако сил её никак не хватало раскопать самое себя, и Саша стихла* (В. Астафьев. Индия); *Спрашивая, безусый лихач все-таки **газанул, показал характер**, однако съехавшие к переносице кусты бровей начальника строительства заставили его переключить скорость* (В. Горбачев. За далью непогоды); *Для Есенина **принесли** взятый напрокат фрак. Однако он совершенно не подходил ему* (С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Сост. А. Козловский).

Конкретная цель действия может быть обозначена так называемыми «целевыми выражениями», заключенными в сложную модальную рамку [4, с. 43], а именно: 1) обстоятельственными полупредикативными оборотами; 2) придаточными цели. Например: 1) *Александр Яковлевич несколько раз внимательно перечитал заключения, **пытаясь увязать факты в единую логическую цепь**, однако ничего не получалось* (В. Безымянный. Тени в лабиринте); *Вера подбежала к окну, открыла его, **чтобы лучше слышать разговор Марченко с Сенькой**. Однако командир уже говорил с Забаровым* (М. Алексеев. Солдаты).

Анализируя синтаксические конструкции со значением препятствующего ограничения, обратим внимание на характер помех, препятствий, обозначенных во второй части и мешающих реализации намерений, действий, событий, представленных в первой части. Во-первых, ограничивающий фактор может носить объективный и субъективный характер. В тех случаях, когда ограничивающий фактор привнесен как бы «извне» и обозначен реальным ходом событий, конкретными обстоятельствами или даже предметами, он носит объективный характер. Например: *Её (станцию) начали строить в 1939 году, однако развязанная фашистской Германией* ***война*** *нарушила ход строительства и надолго затянула сроки пуска станции* (Н. Анов. Каширская легенда); *Макеев прислушивался к их разговору, однако мешали* ***стоны*** *сержанта Друщенкова* (О. Смирнов. Обещание жить); *Но плывшая белая лошадь остановилась у самого моего окна и пыталась выскочить на улицу. Однако* ***решетка*** *ей мешала; она скоро выбилась из сил, и её понесло по течению* (А. Панаева. Воспоминания).

В роли ограничивающего фактора может выступать эмоциональное состояние самого субъекта (его желания, интересы, способности и возможности) – в этих случаях он имеет субъективный характер. Например: *Петя полюбил рояль по-детски крепко: «поиграв» на нем, он целовал своего «друга», выражая этим накопившиеся в душе чувства. Однако вскоре его внимание привлекло другое «музыкальное существо»* (Л. Сидельников. Чайковский); *Дальше у меня описывались два ростовских огольца – дети улицы. Однако место это я забыл и сразу перескочил на середину* (В. Авдеев. Моя одиссея); *Она принялась копаться руками и ногами в сугробе у пошатнувшегося тына и зацепила валенком второй конец провода. Однако соединить разрыв никак не могла* (В. Астафьев. Индия).

Ограничивающий фактор может быть представлен не только в конкретной, но и в абстрактной форме: *Моя жизнь входила в новую колею. Однако судьбе было угодно вмешаться вновь* (А. Шахурин. Крылья победы); *Душа потихоньку болит – тревожно, охота домой. Однако надо выходить в люди* (В. Шукшин. Самолет); *Наконец «Мздоимец» отцепился, и мужик, думая, что вина ему уж прощена, тоже начал проворно становиться на ноги. Однако ж не тут-то было* (М. Салтыков-Щедрин. Игрушечного дела людишки).

Кроме того, ограничивающий фактор может быть выражен: 1) в категоричной форме (при наличии глаголов с волюнтативной семантикой или с семантикой противодействия – типа *заставить, отвергать, мешать*); 2) в так называемой смягченной форме (с ослабленной активностью субъекта противодействия). Ср.: 1) *Некоторые из знатных юношей пытались нашептывать Анне любовные признания, однако она* ***отвергала*** *мольбы, больше всего страшась покрыть позором имя будущей королевы Франции* (А. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции); 2) *Сейчас он уже не дежурил на лавке против немца, а примостился на корточках рядом с ординарцем Левашова и с таким наслаждением курил оставленный соседом бычок, что грех было отрывать его от этой солдатской радости. Однако* ***ничего не поделаешь, пришлось приказать****, чтоб шел к старшине за харчами* (К. Симонов. Живые и мертвые).

Таковы основные особенности синтаксических конструкций с союзом *однако*, имеющих значение препятствующего ограничения.

Синтаксические построения второго типа имеют значение уточняющего ограничения (или ограничения общего частным). В них, как отмечает Н.П. Перфильева, «названы две ситуации, связанные отношениями целого, типичного, и части, единичного, ограничивающего целое в локальном, временном или субъектно-объектном плане» [5, с. 80]. Приведем примеры: *Он тоже не принадлежит к числу блестящих ораторов, однако* ***на этот раз****, видимо, разогретый кипевшими вокруг страстями, Эттли говорил*

ярко и остро (И. Майский. Воспоминания советского дипломата, 1925 – 1945); ***Обычно*** *интервал составлял полгода – год. Однако* ***были исключения*** (Н. Соболева. Российская городская и областная геральдика XVIII – XIX вв.); ***По большей части****, сих мероприятий бывает достаточно; однако* ***может случиться и так****, что толпа, как бы окоченев в своей грубости и закоренелости, коснеет в ожесточении* (М. Салтыков-Щедрин. История одного города); *Огненная река растекалась вдали медленно. Однако брызги пламени перебрасывались бурей далеко вперед* (В. Шишков. Угрюм-река).

Как видно из данных примеров, семантика общего и частного в большинстве случаев поддерживается специальными лексическими элементами. При наличии таких противопоставляемых элементов в обеих частях конструкции отчетливо наблюдается принцип структурного параллелизма, симметрии, характерный для собственно противительных синтаксических построений. Например: *Разговаривать с женщинами Тулину* ***всегда*** *было легче, чем с мужчинами, однако* ***здесь*** *он натолкнулся на нечто особое* (Д. Гранин. Иду на грозу); *Нет,* ***никогда*** *не имел он оснований упрекать в чем-либо жену. Однако* ***временами*** *досадовал на её, может, безвинное, но все-таки кокетство* (И. Стаднюк. Война).

В данных конструкциях противопоставляются лексемы *всегда – здесь* (в значении «сейчас»), *никогда – временами*. В отличие от противопоставляемых лексем в собственно противительных построениях, они являются не равновеликими (ср.: *всегда – никогда*), а соотносящимися как целое и часть – в данном случае, во временном плане. Эта «часть», т.е. именно то, что исключается из «общего», «целого», и составляет сущность уточняющего ограничения, что может специально подчеркиваться глаголами соответствующей семантики во второй части конструкции. Например: *Руководила нами мать; к ней мы были гораздо ближе и её по-своему любили, хотя и страдали по временам от припадков её воли. Однако её заботы* ***ограничивались*** *преимущественно внешней стороной воспитания и, вероятно, немногими моральными внушениями общего характера* (П. Милюков. Воспоминания).

Среди различных синтаксических конструкций со значением уточняющего ограничения выделяются модели, построенные на аксиологических противопоставлениях, т.е. такие, в которых положительный факт уточняется с помощью более частного отрицательного или наоборот. Опираясь на данные нашего языкового материала, мы можем констатировать тот факт, что синтаксические конструкции с союзом *однако*, как и с союзом *но*, специализируются на диссимиляции, противопоставлении оценок (модели с полярными оценками). Среди таких моделей выделяются две подгруппы: 1) со значением ограничения отрицательного положительным и 2) со значением ограничения положительного отрицательным. Ср.: 1) *Суп – картовная вылупка, получился мутный. Однако жиров было много, и мы хорошо нахлебались горячего варева* (В. Астафьев. Последний поклон); *Учитель географии по своему виду ничем особенным не отличался. Однако у него были золотые часы, которые он довольно часто вынимал из жилетного кармана* (С. Коненков. Мой век); 2) *Суд присяжных в июле 1900 года оправдал Мамонтова. Однако он был разорен и к делам уже не вернулся* (В. Бахревский. Виктор Васнецов); *Достойны удивления такая сила духа в малом теле и подобное стремление к воинским трудам. Однако по своему характеру Цезарь отличался склонностью к предательству и большим притворством* (А. Ладинский. В дни Каракаллы).

Отметим, что если в конструкциях первой подгруппы ограничивающий фактор является значительным и может конкурировать по своей важности с ограничиваемым, то эти конструкции приобретают значение возмещающего ограничения. В этих случаях создаются наиболее благоприятные условия для субституции союза *однако* на союз *зато*. Ср.: *В целом картина художественной жизни Нидерландов в XVI веке была*

менее яркой, хотя и более разнообразной, чем в XV веке. ***Однако всё искупает*** *и все в себе концентрирует колоссальный талант Питера Брейгеля* (Н. Дмитриева. Краткая история искусств). – *В целом картина художественной жизни Нидерландов в XVI веке была менее яркой, хотя и более разнообразной, чем в XV веке.* ***Зато всё искупает*** *и все в себе концентрирует колоссальный талант Питера Брейгеля.*

Кроме моделей аксиологического характера, среди синтаксических конструкций со значением уточняющего ограничения выделяется подгруппа таких построений, в которых наблюдается значение ограничения уже ограниченного в каком-то плане явления, факта, события. Приведем примеры: *Свободным в неделе у меня было* ***только воскресенье****. Однако в этот день, наверное,* ***и редакторы*** *гуляли (*В. Авдеев. Моя одиссея); *В доме нашем остался* ***один игрок*** *– я, и мне бабок доставалось изрядно. Однако был я в игре не в меру горяч, азартен… и потому продувался в пух и прах* (В. Астафьев. Последний поклон); *Под сильнейшим влиянием итальянского барокко находилась немецкая архитектура –* ***преимущественно в тех провинциях Германии****, где католическая религия оставалась сильной (например, в Баварии). Однако* ***и в Германии*** *стиль барокко приобретал национальные черты* (Н. Дмитриева. Краткая история искусств).

Как видим, в первой части таких конструкций обычно употребляются слова ограничительной семантики типа *только, один, преимущественно* и т.д., а во второй части почти всегда используется частица *и.* Наиболее показательной в этом плане (ограничения) является частица *только*, которая так или иначе подразумевается в первой части конструкции, даже не будучи эксплицитно представленной в тексте. Ср.: *Вся надежда теперь была на шест, предусмотрительно захваченный Селиваном на реке.* ***Однако и*** *шест не помог* (М. Алексеев. Наследники). – *Вся надежда теперь была* ***только*** *на шест, предусмотрительно захваченный Селиваном на реке.* ***Однако и*** *шест не помог*; *Наиболее занятные картинки вырывали,* ***однако и*** *их с каким-то мстительным чувством предавали затем огню* (В. Мазурин. Второе лето). – ***Только*** *наиболее занятные картинки вырывали,* ***однако и*** *их с каким-то мстительным чувством предавали затем огню.*

С употреблением частицы *только* связана еще одна особенность ограничительных конструкций. В тех случаях, когда частица *только* употребляется во второй части конструкции, на её основное значение препятствующего или уточняющего ограничения накладывается выделительное значение, и в данных случаях, пожалуй, можно говорить о моделях, осложненных значением выделительного ограничения. Например: *Её, вороночку эту точеную, игрушечную, непременно захочется положить не в лукошко, а сразу в рот.* ***Однако*** *сырой гриб по вкусу* ***только*** *червякам и улиткам, к человеку он идет в соленом виде* (С. Залыгин. Комиссия).

В заключение отметим, что среди синтаксических построений со значением уточняющего ограничения встречаются такие, в которых наблюдается ограничение сходств какого-либо явления определенными различиями (при других обстоятельствах). В первой части таких конструкций обычно употребляются слова *так же, тот же самый*, актуализирующие сходство, а во второй части употребляются слова, указывающие на обстоятельства, ограничивающие данное сходство. Например: *Но, по мере того, как Бруно рассказывал, Зинаидой Степановной сильнее и сильнее овладевали навязчивые впечатления,* ***те самые****, что и на Мясницкой, смешиваясь с запахом ремонта и колокольным звоном,* ***однако сейчас*** *они не перетекали одно в другое, а сливались друг с другом, вызывая необыкновенное душевное состояние* (Ю. Давыдов. Соломенная сторожка).

Итак, мы рассмотрели противительно-ограничительные синтаксические построения с союзом *однако*, выделив при этом модели: 1) со значением препятствующего ограничения; 2) со значением уточняющего ограничения; 3) осложненные

значением возмещающего и выделительного ограничения. В целом анализ системы частных значений синтаксических конструкций с союзом *однако* свидетельствует о том, что необходимым условием функционирования в речи данного союза является наличие семантического согласования между индивидуальным значением *однако* и содержанием связываемых им частей конструкции, что может «поддерживаться» различными типами противопоставлений: антонимических (или стремящихся к тому), аксиологических, модально-временных. Другими словами, союз *однако* в многообразной семантике связываемых компонентов актуализирует именно то, что согласуется с его собственным инвариантным значением – усиленной противоположности. Крайние члены градуально-стилистической оппозиции союзов *да – но – однако* противопоставлены друг другу по степени ослабления/усиления признака противоположности в своей семантической структуре: у союза *да* это значение ослаблено, у *однако* усилено, а у *но* – средней степени. Сопоставительный анализ контекстов с данными союзами представляет собой, на наш взгляд, одну из ближайших исследовательских перспектив.

Список использованной литературы

1. **Гак В.Г**. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка: Ментальные действия: Сб. статей. М.: Наука, 1993.
2. Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис / Под ред. Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1991.
3. **Кручинина И.Н**. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М.: Наука, 1988.
4. **Левонтина И.Б**. Целесообразность без цели // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 42 – 58.
5. **Перфильева Н.П.** Семантика и особенности функционирования союза *однако* в современном русском литературном языке // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: Межвузов. сб. науч. тр. Новокузнецк, 1992. С. 76 – 82.
6. **Рябова А.И.,** Одинцова И.В., Кулькова Р.А. Структурные и семантические связи осложненного русского предложения. М.: Изд-во МГУ, 1992.

В.В. Ганина

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ С ПОМОЩЬЮ СОЧЕТАНИЙ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена исследованию особенностей выражения отрицательных эмоций с помощью невербального поведения, в котором одновременно используется несколько невербальных компонентов. Анализ проводится на основе англоязычных художественных текстов с учетом гендерного аспекта.

Невербальные компоненты коммуникации (далее НВК) в условиях реального общения чаще всего употребляются не в изолированном виде, например, только жест

или только прикосновение, или взгляд. Исследователи невербального поведения человека неоднократно подчеркивали «многоканальный» характер несловесной коммуникации, имея в виду, что то или иное эмоциональное состояние выражается чаще всего с помощью нескольких (различных) видов НВК. В исследовании Г.Е. Крейдлина вводится понятие «внутренний синтаксис жестов», под которым понимается «комбинаторика, то есть особенности сочетаемости и упорядочивания, жестовых элементов при образовании комплексных жестовых выражений – сочетаний» [1, с. 127].

Факт одновременного использования в коммуникации нескольких видов НВК подтверждается в исследовании количественными данными, которые отражены в таблице и соответствующей ей диаграмме. Так, в маскулинной группе сочетания разных видов НВК для выражения отрицательных и положительных эмоций составляют 34,2% от общего количества материала. В фемининной группе сочетания НВК составляют 37,4%.

Таблица

Соотношение использования отдельных НВК и сочетаний нескольких видов НВК в маскулинной и фемининной группах, %

НВК	**Маскулинная группа**	**Фемининная группа**
Отдельные	65,6 (*1311**)	62,4 (*1249*)
Сочетание	34,4 (*689*)	37,6 (*751*)

* В скобках дано общее количество проанализированных примеров

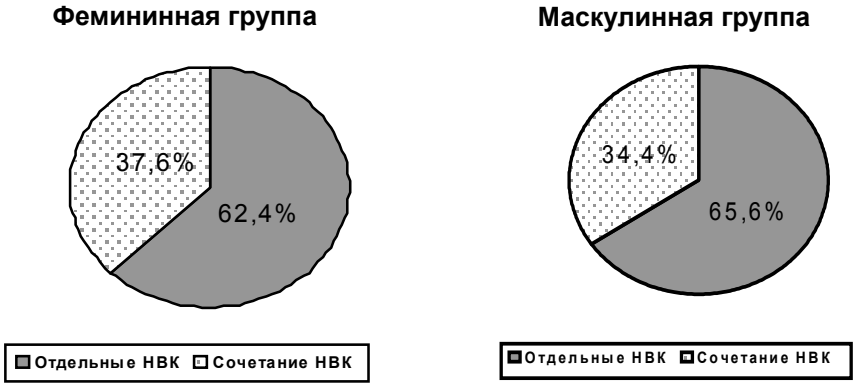


Рис.

Необходимо отметить, что обсуждаемые сочетания являются однонаправленными, в которых все компоненты отражают либо отрицательную, либо положительную эмоциональную реакцию. В данном случае они дополняют и подтверждают значение друг друга.

Последовательное использование нескольких видов НВК, характерных для отражения одной эмоции, дает возможность проследить интенсификацию выражения рассматриваемых эмоциональных реакций.

На уровне текстов формированию категории интенсивности способствуют различные лексические средства [2]. При описании невербального поведения используются такие средства интенсификации, как прилагательные (*happy, angry, feverish, desperate, strong, quick, long, deep, broad* и др.), синонимические ряды глаголов (*to look*

– to stare – to gaze – to glare, to go – to pace – to race, to cry – to shout – to scream – to yell, to touch – to pat – to hit – to kick и др.) и наречия-интенсификаторы при предикатах (*vehemently, fiercely, frantically, aggressively, sharply, shortly, abruptly, tightly, unsteadily, gravely, exultantly, softly, happily* и др.).

Анализируя сочетания НВК, представленные в корпусе фактического материала, можно отметить, что чаще встречаются сочетания трех типов, которые состоят 1) из двух компонентов, 2) из трех компонентов и 3) из четырех компонентов.

Обратимся к рассмотрению использования различных сочетаний НВК коммуникантами-мужчинами и коммуникантами-женщинами с целью выражения отрицательных эмоций.

Отметим, что в маскулинной и фемининной группах при отражении отрицательных эмоциональных реакций среди сочетаний НВК, состоящих из двух компонентов, самыми распространенными являются следующие: *фонационный НВК + миремический НВК*; *мимический НВК + миремический НВК*.

“I didn’t enter into this lightly. I didn’t want to get involved with Alex, as much for his sake, as for my own. There is very little I can give him. My life belongs entirely to my husband and he is a very sick man.” <u>Her voice was weighted down</u> with sorrow as she spoke, and <u>her eyes were full</u> [10, с. 238].

В приведенном примере при выражении отрицательной эмоции печали коммуникант-женщина использует фонационный НВК и миремический НВК, представленные в тексте соответственно предикативными фразами «her voice was weighted down” и “her eyes were full”. Испытываемая коммуникантом эмоция названа– *sorrow*. Эмоция печали передается в данном отрезке художественного текста путем описания голоса и через визуальный канал.

«**Believe me, concentrating on the sessions was the best possible medicine for me.”**

“Why? Because it took your mind off your family? Or because the hospital was depending on you to bring all the latest advances back with you?” <u>His voice was angry, his eyes flickering with fire</u> [5, с. 213].

В данном примере фонационный НВК описан предикативной фразой «his voice was angry”, миремический НВК представлен в тексте языковым коррелятом “his eyes flickering with fire”. Фонационный и мимический НВК способствуют передаче эмоции гнева, на которую указывает прилагательное angry, использованное при описании голоса коммуниканта. Прагматический контекст подтверждает выражение коммуникантом-мужчиной эмоции гнева, которая вызвана поведением другого коммуниканта.

Преобладающей структурой сочетаний НВК, состоящих из трех компонентов и использующихся для выражения отрицательных эмоций, является следующая: *фонационный НВК + пантомимический НВК + миремический НВК* (для коммуникантов-мужчин и коммуникантов-женщин).

“No! You’re not getting my baby!” Beth <u>yelled</u>, <u>kicking out with her legs</u>.

“Listen to me, Beth. I can help you.”

Beth’s <u>eyes were glazed with fear</u>, and she <u>shrank away</u> from Merry. “No! You killed Liza” [7, с. 238].

В приведенной коммуникативно-прагматической ситуации, испытываемая коммуникантом-женщиной отрицательная эмоциональная реакция передается по нескольким невербальным каналам. Фонационный НВК описан в тексте глаголом *yelled*, словарное толкование которого – “to shout or say very loudly, esp. in fear, anger or excitement” [8, с. 1225]. Пантомимический НВК отражен с помощью двух языковых кор-

релятов: “kicking out with her legs” и “shrank away”. Обе фразы, передающие невербальные действия, имеют негативную окраску, поскольку ключевыми для их состава являются глаголы с отрицательной словарной семантикой: *to kick* – “to strike (something or somebody) forcefully with the foot” [11, с. 768], *to shrink* – “to move back and away, esp. because of fear [8, с. 973]. Миремический НВК представлен предикативной фразой “eyes were glazed with fear”, в состав которой входит существительное *fear*, называющее испытываемую коммуникантом эмоцию. Таким образом, описания всех трех видов НВК согласуются по эмоциональной направленности и способствуют отражению отрицательной эмоциональной реакции страха.

Рассмотрим аналогичный пример из маскулинной группы.

“You’re not even good enough to follow in my father’s footsteps!”

“No, I’m not,” she agreed sadly. “I’m not denying he was a great man, Gideon, but any professional historian will shoot his theory down. It’s full of holes.” <…>

“He was right!” Gideon <u>interrupted vehemently</u>, and wheeled away from her, <u>pacing the floor like a goaded lion</u>. “He has to be right! It can’t be any other way! I won’t have it any other way!” <u>His eyes flashed a scathing indictment at her</u>. “I’ll get someone else to prove it. You’re the one who’s incompetent” [4, с. 91].

В приведенном коммуникативном акте эмоциональная реакция, испытываемая коммуникантом, передается через НВК трех видов: фонационный, пантомимический и миремический. Языковой коррелят, отражающий в тексте фонационный НВК, представлен глагольным словосочетанием «interrupted vehemently”, где наречие *vehemently*, которое эксплицирует отрицательный вектор эмоции,– дериват прилагательного *vehement* со значением “characterized by great energy, vigour, or force; furious” [3, с. 1688]. Пантомимический НВК связан с описанием особенностей походки, его языковым коррелятом в тексте является причастный оборот “pacing the floor like a goaded lion”, где ключевыми для передачи направленности эмоциональной реакции являются причастие I от глагола *to pace* со словарной дефиницией “to walk with regular slow or fast paces, as in boredom, agitation, etc.” [3, с. 1111] и адъективированное причастие «goaded» (словарное толкование глагола *goad* – “to drive with or as if with a goad; spur; incite” [3, с. 656]). Предикативное словосочетание «his eyes flashed a scathing indictment at her» описывает миремический НВК, для которого в данной ситуации также характерна отрицательная эмоциональная направленность, которая, главным образом, передается через семантику прилагательного *scathing* – “bitterly cruel in judgment” [8, с. 932] и существительного *indictment* – “any formal accusation of crime” [3, с. 784]. Таким образом, анализ ключевых языковых единиц, входящих в описание рассматриваемых НВК, свидетельствует о негативном векторе эмоциональной реакции. Прагматический контекст данного эпизода общения подтверждает, что сильная отрицательная эмоциональная реакция коммуниканта связана с сомнениями другого коммуниканта в правильности и достоверности идей близкого коммуниканту человека, что явилось для него – личным оскорблением, вызвавшим отрицательную эмоцию гнева, отраженную в приведенном примере.

Сочетания из четырех и более видов НВК являются менее распространенными в художественном тексте (что вполне понятно, поскольку здесь невозможна фиксация всех проявлений “многоканального” невербального поведения) и реже встречаются при описании как маскулинного, так и фемининного невербального поведения. В анализируемом корпусе фактического материала сочетания из четырех видов НВК более частотны в фемининной группе.

Одной из преобладающих структур сочетаний НВК является следующая: *пантомимический НВК + миремический НВК + жестовый НВК + фонационный НВК*.

“But Alison, it’s a police matter. It’s official, you must realise that.”

“I don’t care. I don’t give a damn about the police. What can they do to bring Jasmine back?”

“Ssh, dear, ssh. You rest here quietly, and later on I’ll bring – “

Alison rolled over and sat up. Her eyes were feverishly bright, her fists clenched. “Just leave me alone,” she said in a low, angry voice. “Do you hear? That’s all I want, from any of you. For God’s sake leave me alone” [9, c. 104].

Здесь пантомимический НВК представлен глагольными словосочетаниями «rolled over» и «sat up», миремический – предикативным словосочетанием «her eyes were feverishly bright», жестовый – предикативной фразой – «her fists clenched» и фонационный– глагольным словосочетанием «said in a low, angry voice». Описания нескольких представленных в данном примере НВК способствуют передаче негативной окраски испытываемой коммуникантом эмоции. Так, использующееся при описании миремического НВК наречие *feverishly* эксплицирует силу проявляемой эмоциональной реакции – “with intense emotion, activity, or instability” [11, c. 512]. Жестовый НВК, посредством которого представлено движение рук, сжимающихся в кулак, согласно “The Nonverbal Dictionary of Gesture, Signs and Body Language Cues”, свидетельствует о следующем: “clenched fists signal an aroused emotional state, as in anger, excitement, or fear” [6]. В описании фонационного НВК содержится указание на переживаемую отрицательную эмоцию “said in a low, angry voice” → feeling anger. Следовательно, используемые НВК являются маркерами отрицательной эмоциональной реакции гнева.

Таким образом, при выражении отрицательных эмоций и в маскулинной, и в фемининной группе преобладают *миремический* и *фонационный* типы НВК. Наименее частотными видами являются: в маскулинной группе – *тактильные* НВК, в фемининной группе – *респираторные* НВК.

Список использованной литературы

1. **Крейдлин Г.Е.** Невербальная семиотика. М., 2002.
2. **Туранский И.И.** Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990.
3. Collins English Dictionary. Glasgow, 2000.
4. Darcy E. Mistress of Pillatoro. Richmond, Surrey, 1988.
5. **Edwars A.** Say it with Flowers. Richmond, 1988.
6. **Givens D.B.** The Nonverbal Dictionary of Gestures, Signs and Body Language Cues. Washington, 2003. http://members.aol.com/nonverbal2/diction1.htm
7. **Hamilton C.** A Fine Spring Rain. Richmond, Surrey, 1989.
8. Longman Dictionary of Contemporary English. L., 1987.
9. **Radley Sh.** The Chief Inspector’s Daughter. L., 1982.
10. **Steel D.** A Perfect Stranger. N.Y., 1985.
11. The New Penguin English Dictionary. L., 2001.

В.В. Ганина, А.А. Песьякова

МАСКИРОВКА ЭМОЦИЙ ЧЕЛОВЕКА С ПОМОЩЬЮ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ)

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена особенностям невербальных компонентов, используемых в коммуникации с целью контроля человеком выражения эмоций. В фокусе исследования находится подавление и маскировка истинных эмоций с помощью невербальных компонентов коммуникации, которые изучаются на основе англоязычных детективных романов.

Большинство людей не отдает себе отчета в значении невербальных компонентов коммуникации, полагая, что большую часть информации человек получает благодаря языку. Однако исследователи невербального поведения отмечают, что приблизительно три четверти информации о коммуниканте, о его истинных чувствах и намерениях, можно получить, наблюдая за едва уловимыми деталями его поведения. Как правило, использование тех или иных невербальных компонентов является результатом не сознательной тактики поведения, а подсознательных импульсов, поэтому элементы невербального поведения так трудно подделать, и доверять им можно значительно больше, чем словам.

Выражение человеком эмоций имеет свои особенности. Отсутствие внешнего проявления той или иной эмоции не означает, что человек ее не испытывает. Это может свидетельствовать о том, что человек скрывает свои переживания, загоняет их вглубь. Важными при этом являются невербальные компоненты коммуникации, используемые для контроля выражения эмоций. Исследователями было выделено несколько форм контроля: подавление, маскировка, симуляция. В фокусе данного исследования находится подавление («сокрытие выражения переживаемых эмоциональных состояний») и маскировка – «замена выражения переживаемого эмоционального состояния выражением другой эмоции, не переживаемой в данный момент» [3, с. 268].

Признаки преднамеренного контролирования выражения переживаемых эмоций проявляются в невербальном поведении человека широко: в мимике, голосовых модуляциях, телодвижениях, в слишком глубоком или, наоборот, поверхностном дыхании, в длинных паузах между словами, неточной жестикуляции. Анализ фактического материала свидетельствует о том, что подобные случаи весьма разнообразны и играют важную роль в коммуникативных стратегиях.

Так, говорящий может испытывать ту или иную эмоцию, которая внешне проявляется через соответствующий ей вид невербального поведения, затем в силу разных причин он маскирует ее с помощью невербальных компонентов, характерных для проявления других эмоций. Таким образом, коммуникант способен манипулировать отдельными компонентами невербального поведения, чтобы скрыть истинные и выразить лишь сознательно отобранные чувства в соответствии с ситуацией.

Для изучения проблемы маскировки в невербальном поведении исследователи Экман и Фризен избрали модель неискренней коммуникации, в которой испытуемые могли словами выражать что-то отличное от того, что они в действительности чувствуют или переживают [11]. Гипотеза ученых заключалась в том, что части тела, обладающие меньшей емкостью каналов, дают больше информации о неискренности. Дальнейшие результаты подтвердили представление о том, что при обмане обычно

более информативные источники (например, выражение лица) являются менее полезными показателями, чем менее информативные источники (например, движения рук, ног или ступней).

Изучение факторов, маскирующих истинное состояние говорящего, встречалось и в исследованиях филологов. Так, Л.М. Шелгунова вводит понятие жест-«маска», под которым понимается «жест, призванный скрыть настоящий, истинный (спонтанный) жест; жест дезориентирующий, назначение которого состоит в том, чтобы создать заведомо ложное впечатление о чувствах, отношениях, намерениях говорящего; жест, являющийся результатом подделывания под жест, тон, манеру собеседника или окружающих» [8, с. 76]. Несмотря на то, что основная цель подобного жеста – маскировать истинное состояние говорящего и его спонтанный жест, в то же время он играет и разоблачительную роль, если ложность его информации осознается собеседником и присутствующими [8, с. 76].

Специалисты в области невербального поведения считают, что манипулировать своими эмоциями удается не каждому, а если это удается, то это приводит к несогласованности между вербальными проявлениями и невербальными, что сразу бросается в глаза и свидетельствует о неискренности. Данное рассогласование свидетельствует о том, что имеют место неконгруэнтные высказывания, в которых эмоциональная направленность вербальных и невербальных составляющих не совпадают по знаку, что является одним из проявлений маскировки истинного эмоционального состояния [2, с. 99-101].

Примеры манипулирования различными видами невербального поведения можно найти в детективных художественных произведениях, что обусловлено особенностями этого жанра литературы. Существуют различные трактовки термина детективная литература. Так, в Краткой литературной энциклопедии детективная литература определяется, как «литература, посвященная раскрытию запутанной тайны, обычно связанной с преступлением» [5, с. 601]. Согласно Большой Советской Энциклопедии термин детективная литература обозначает «вид литературы, включающей художественные произведения, сюжет которых посвящен раскрытию загадочного преступления, обычно с помощью логического анализа фактов» [1, 135]. Таким образом, основным жанрообразующим признаком является присутствие тайны или загадки, а основным событием становится раскрытие тайны. При этом, раскрывая тайну преступления в детективе, читатель зачастую соревнуется с сыщиком, действия которого описывает автор. Для того чтобы читатель и без помощи сыщика догадался, кто виновен в преступлении, писатель закладывает в текст определенные «следы». Автор не утаивает информации, но распределяет ее так, чтобы улики не бросались в глаза, а подозрение попеременно переходило от персонажа к персонажу [6, с. 34].

Подобными «следами» часто являются случаи манипулирования невербальными компонентами, когда персонажи детективных романов пытаются подавить те или иные чувства или маскируют истинные эмоции другими, не переживаемыми в данный момент. С этой целью коммуниканты (как мужчины, так и женщины) используют разнообразные кинетические и паралингвистические невербальные компоненты. Причем их применение происходит с разной частотностью. Так, например, для маскировки или подавления эмоций очень редко используется пантомимический вид невербального поведения.

Фонационный вид невербальных компонентов, входящий в паралингвистический класс, применяется коммуникантами для маскировки истинного эмоционального состояния достаточно часто, что наглядно иллюстрирует следующий пример.

“I think I know who did kill him – and Rosemary Barton too.”

“Who is it?”

Race said musingly:

“Curious how we have all selected women as suspects. I suspect a woman, too.” He paused and said quietly: “I think the guilty person is Iris Marle.”

With a crash Anthony pushed his chair back. For a moment <u>his face went dark crimson</u> – then with an effort, he regained command of himself. <u>His voice</u>, when he spoke, <u>had a slight tremor but was deliberately as light and mocking as ever</u>.

“By all means let us discuss the possibility,” he said. [10, c. 281]

Анализ прагматического контекста дает основание утверждать, что коммуникант-мужчина в приведенном примере сильно переживает за любимую женщину, обвиняемую в двойном убийстве. Эмоциональное потрясение коммуниканта иллюстрирует психофизиологический симптом (изменение цвета лица), который в тексте отражен языковым коррелятом “his face went dark crimson”. Но он старается скрыть свое волнение, используя фонационный невербальный компонент. Однако сделать это полностью ему не удается, так как в описании голоса коммуниканта использована фраза “a slight tremor”, где существительное *tremor* имеет словарное значение “a slight shaking movement in your body or your voice that you cannot control, for example because you feel a sudden excitement or fear” [14, c. 1535]. Факт неудачной маскировки проявляется в языковом корреляте “deliberately as light and mocking as ever”, в котором маркером намеренности и непроизвольности одного из компонентов невербального поведения является наречие *deliberately*, образованное от прилагательного *deliberate* со значением “done on purpose or as a result of careful planning; intentional” [13, c. 270]. Таким образом, фонационный невербальный компонент в анализируемом примере остался неподвластным контролю коммуниканта, и неубедительность сознательно используемого невербального компонента выдает истинную эмоциональную реакцию тревоги.

Кроме фонационного вида, одним из наиболее широко используемых в англоязычных детективных романах для маскировки тех или иных эмоциональных реакций является мимический невербальный компонент. В основном он представлен улыбкой, которая часто дополняется такой разновидностью фонационного вида невербального поведения, как смех.

По мнению исследователей, когда эмоции берут верх, человеку труднее всего выглядеть бесчувственным, спокойным или безучастным [9, c. 27]. В качестве маскирующих отрицательные эмоции используются невербальные компоненты, с помощью которых принято выражать положительную эмоцию. Чаще всего для этих целей применяется мимический вид – улыбка, являющаяся противоположностью всех отрицательных эмоций: страха, гнева, возмущения и тому подобного.

Детальному рассмотрению улыбка, как невербальная единица в соотношении с языковыми выражениями, подверглась в исследовании Г.Е. Крейдлина и Е.А. Чувилиной. В данной работе был проведен лингвистический анализ русских жестов-улыбок, долгое время остававшийся в стороне от основного русла исследований в области кинесики и лингвистики, и создана семантическая типология русских улыбок [4].

Отмечается, что “хотя улыбка – это типичное, стереотипное проявление счастья, радости, удовольствия, благодарности, восторга и других позитивных чувств, люди не так часто в каждый данный момент испытывают ровно одно, причем именно положительное, чувство, и улыбка передает всю сложность и разнообразие испытываемых переживаний и ощущений” [4, c. 69].

Следующий пример иллюстрирует маскировку отрицательной эмоции с помощью невербального поведения: **Trying to make light of the whole story, Merry <u>forced a smile</u> and <u>shrugged</u>. «Well, I divorced him two years ago, and it’s over and done with. I hardly ever think about him.»**

«Oh really?»

<u>Her smile faltered</u> under Sam's shrewd look. His eyes could see more than she would ever tell him. He probably knew she still cried over the unfortunate accident her marriage had turned out to be [12, c. 123-124]**.**

Из прагматического контекста известно, что коммуникант-женщина в процессе общения с другим коммуникантом рассказывала о неудачном замужестве, воспоминание о котором вызывало у нее отрицательные эмоции. Однако с целью показать, что негативные переживания в прошлом, коммуникант 1 использует мимический вид невербального поведения в качестве маскировки. Языковой коррелят, описывающий мимический невербальный компонент в тексте, представлен глагольным словосочетанием «forced a smile". Семантика глагола *to force*, который имеет словарное толкование "to produce with difficulty or by unwilling effort" [13, c. 402], свидетельствует о том, что возникшая на лице коммуниканта улыбка не является естественной и непринужденной. Пантомимический невербальный компонент, отражаемый с помощью глагола "shrugged", характерен для выражения отрицательной эмоции сомнения, неуверенности, которая в описании данного коммуникативного акта является превалирующей. Второй языковой коррелят, описывающий мимический невербальный компонент в приведенной ситуации, представлен предикативной фразой "her smile faltered", где ключевым для определения направленности эмоциональной реакции является глагол *to falter* со словарным значением "to lose strength or effectiveness; weaken" [13, c. 366]. Таким образом, пантомимический невербальный компонент и второй мимический невербальный компонент отражают истинную отрицательную эмоцию, испытываемую коммуникантом, в то время как первый мимический невербальный компонент используется как манипулирующий.

Анализ художественных произведений детективного жанра показывает, что авторы часто используют описание маскировки и подавления истинных эмоций коммуникантами в качестве доказательства их неискренности. Почти всегда автор упоминает об этом вскользь, лишь намекая читателю на виновность того или иного персонажа. Но существуют примеры, в которых писатель открыто заявляет о желании коммуниканта замаскировать свои эмоции. В этом случае часто используется либо существительное *mask* либо глагол *to mask* со словарным значением "to hide your true feelings, thoughts, or character" [14, c. 877]. Следующий пример иллюстрирует анализируемое явление в фемининном невербальном поведении.

Sandra Farraday had been charming to them – the perfect manner to neighbours who were already friends <…>

And behind <u>the mask of her pale smiling face</u> no one could know what she was thinking. A woman like a sphinx [10, c. 39].

Прагматический контекст данной ситуации свидетельствует об умелой манере коммуниканта-женщины скрывать свои переживания. С годами воспитание и статус способствовали ее умению «надевать» различные маски, соответствующие коммуникативной среде. По мнению исследователей, «необходимость носить маску часто настолько велика, что процесс становится самопроизвольным, и снять ее невозможно. Но существуют определенные ситуации, когда маски сбрасываются или «соскальзывают». В эти моменты, сняв привычную личину, человек становится таким, какой он есть, становится доступным для нежелательного истолкования своей личности» [7, c. 73]. Однако отметим, что подобные примеры немногочисленны, поскольку персонажи детективных романов редко проявляют свою настоящую сущность, что, несомненно, только усиливает атмосферу таинственности, подозрительности и недосказанности.

Анализ контроля эмоций коммуникантами с помощью невербальных компонентов на примере англоязычных детективных романов показал, что чаще всего ма-

скировка и подавление эмоций происходит за счет мимического, фонационного и миремического видов невербального поведения. Однако истинное эмоциональное состояние коммуникантов, даже при умелом манипулировании невербальными компонентами, может проявляться через непроизвольные виды реагирования, такие как психофизиологические явления.

Список использованной литературы

1. Большая советская энциклопедия. М., 1985.
2. **Вансяцкая Е.А., Карташкова Ф.И.** Невербальные компоненты коммуникации в художественном тексте (На материале английского языка). Иваново, 2005.
3. **Ильин Е.П**. Эмоции и чувства. СПб., 2002.
4. **Крейдлин Г.Е., Чувилина Е.А.** Улыбка как жест и как слово // Вопр. языкознания. 2001. № 4.
5. **Наркевич А.Ю.** Детективная литература // Краткая литературная энциклопедия. М., 1964.
6. **Рычагова А.В.** Традиции готического романа в творчестве Агаты Кристи: Дипломная работа. Иркутск, 2005.
7. **Фаст Дж.** Язык тела. М., 2006.
8. **Шелгунова Л.М**. Взаимоотношение языковых и параязыковых факторов в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Филол. науки. 1978. № 3.
9. **Экман П.** Психология лжи. СПб., 2003.
10. **Christie A.** Sparkling Cyanide. M., 2007.
11. **Ekman P., Friesen W.V.** The Repertoire of Nonverbal Behaviour: categories, origins, usage and coding // Semiotica. 1969. Vol. 1. №1.
12. **Hamilton C**. A Fine Spring Rain. Richmond, Surrey, 1989.
13. Longman Dictionary of Contemporary English. L., 1987.
14. Macmillan English Dictionary. Oxford, 2006.

Ю.Н. Здорикова

КОНСТРУКЦИИ ПРОТИВИТЕЛЬНОГО НЕСООТВЕТСТВИЯ НА УРОВНЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТЕКСТА

Ивановский государственный химико-технологический университет

Предметом данного исследования являются сложносочиненные предложения и текстовые построения с союзом НО, характеризующиеся отношениями противительного несоответствия. Подробно рассматриваются структурно-семантические особенности конструкций, анализируются их разновидности. Исследование проводится на материале художественных произведений 19-20 вв.

В современном русском языке широко представлены сложносочиненные предложения (ССП) и текстовые построения (ТП) с союзом НО, характеризующиеся отношениями н е с о о т в е т с т в и я.

В науке нет единого понимания конструкций с отношениями несоответствия. Одни ученые их вообще не выделяют, выявляя, однако, противительно-уступительные предложения (И. А. Попова, Л. Л. Бабалова, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, В. А. Белошапкова, Л. Д. Беднарская). Другие ученые, в частности Ю. И. Леденев, Н. С. Валгина, различают конструкции с отношениями несоответствия и с уступительными отношениями, не показывая, однако, различий между ними. Н. Н. Холодов, Л. К. Капралова отождествляют уступительные отношения и отношения несоответствия. Исследователи признают близость противительной и уступительной семантики. Об этом пишет М. В. Ляпон, определяя п р о т и в и т е л ь н ы й компонент как неотъемлемый элемент у с т у п и т е л ь н о г о значения [Ляпон 1986]. Вслед за Л. К. Капраловой и Н. Н. Холодовым мы будем исходить из того, что отношения несоответствия и противительно-уступительные отношения – это отношения одного типа.

ССП и ТП с отношениями несоответствия, на наш взгляд, в максимальной степени выражают идею различия, противоположности как на глубинном, содержательном уровне, так и на внешнем, что эксплицируется разнообразными средствами выражения различий в языке. В семантической сфере несоответствия отражаются противоречивые свойства человеческого мышления, способного воспринимать и фиксировать диалектические противоречия, которые составляют структуру каждого объективно данного предмета [Оруджев 1979, с.87].

Можно выделить несколько разновидностей ССП и ТП с отношениями несоответствия.

В конструкциях *первой разновидности* несоответствие усматривается в том, что второй компонент ССП и ТП представляет собой некое “обратное следствие”, реализовавшееся вопреки ожидаемому. Покажем это на примере ТП:

Он профессор московского вуза. *Но* в Англии его знают больше, чем в России (А. Мариенгоф. Циники).

В данном ТП несоответствие усматривается между тем, что должно закономерно вытекать из первого предложения, и реальным проявлением факта, названного во втором предложении. Сравните:

Он профессор московского вуза (следовательно, его хорошо должны знать в России). *Но* в Англии его знают больше, чем в России.

Обязательным семантическим элементом ССП и ТП такого вида является имплицитный компонент (в данном случае “следовательно, его хорошо должны знать в России”), определяемый лингвистами по-разному: “нереализовавшееся ожидание” [Усова 1986], “имплицитное ожидание” или “предполагаемое, вытекающее следствие” [Бакалова 1980], “обманутое ожидание” [Апресян 1990; Николаева 1997]. “С и с т е м а о ж и д а н и й, - как пишут М. И. Черемисина, Т. А. Колосова, - исключительно важная вещь в жизни каждого общества, на любой ступени развития цивилизации… О ж и д а н и е (разрядка наша – Ю. З.) заключается в сознании раньше, чем формируется способность критически, то есть “логически” мыслить” [Черемисина, Колосова 1987, с. 71].

По мысли М. В. Ляпон, союз НО в таких конструкциях реализует сему “вопреки ожиданиям” [Ляпон 1982, с.73]. В одном случае в нашем материале эта сема эксплицирована:

Несмотря на таинственно доброжелательные намеки горничной, я все-таки настроился на неприятный разговор – по аналогии с вчерашней свирепой администрацией. *Но*, *вопреки ожиданиям*, наше объяснение прошло на уровне дружеской беседы (А. Апасов. Разгуляй).

ССП и ТП с отношениями несоответствия обязательно содержат п р е с у п п о з и ц и ю. Пресуппозиция, как отмечает Н. Д. Арутюнова, “входит в семантику пред-

ложения как “ф о н д о б щ и х з н а н и й” (разрядка наша – Ю. З.) собеседников, как их предварительный договор” [Арутюнова 1973, с.85], представляя собой “подразумеваемый семантический компонент предложения, не выраженный в нем с достаточной эксплицитностью” [Падучева 1981, с.23].

Пресуппозиционально очерченный компонент в анализируемых предложениях представляет собой закономерное следствие, которое должно вытекать из того, что сообщается в первой части высказывания. Приведем примеры ССП и ТП этой разновидности, заключая пресуппозиционально очерченный компонент в скобки:

1) Глаза maman были открыты (значит, она должна была видеть), *но* она ничего не видела (Л. Толстой. Детство.Отрочество.Юность); По прямой до церкви тут было чуть больше трех километров (Максимов должен был идти недолго), *но* Максимов прошел целый час (А. Жуков. Вечерний благовест); Я посмотрел на него в упор (он должен был узнать меня), *но* он меня не узнал (В. Каверин. Два капитана); Был довольно холодный зимний день (значит, стол следовало накрыть в доме), *но* стол накрыли на веранде дачи (В. Ардаматский. Суд);

2) Разбудил Вильсона легкий стук в дверь (он должен был прореагировать на это). *Но* он не вздрогнул (И. Лазутин. Крылья и цепи); С тех пор прошло четыре года (за это время он должен был забыть лицо секретаря райкома). *Но* Шадрин отчетливо, до родинки на верхней губе, представил себе лицо второго секретаря райкома Кругликова (И. Лазутин. Крылья и цепи); Страх давно уже сдавил Федора Ивановича (поэтому он должен был остаться). *Но* сжав затвердевшие губы он заставил себя идти (В. Дудинцев. Белые одежды).

Имплицитный компонент, представляющий собой предполагаемое следствие, может эксплицироваться в первом компоненте конструкций данной разновидности, приобретая при этом оттенок долженствования. Соотносительные предложения противопоставляются как должное (предполагаемое) / реальное:

1) От резкого шума рой должен был привиться скорее, *но* тут хоть в колокола бей – без пользы (С. Алексеев. Рой); Без сомнения, этому должны быть естественные причины, *но* для простого взгляда эта разница поразительна и непостижима (В. Солоухин. Третья охота); Его огромный объем, его медленное возрастание, его долголетие, крепость и прочность древесного ствола, питательная сила его корней, всегда готовых к возрождению погибающих сучьев и к молодым побегам от погибшего уже пня, и, наконец, многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушать уважение и пощаду… *но* топор и пила промышленников не знают их… (С. Аксаков. Записки ружейного охотника…);

2) Соразмерная архитектура должна была способствовать спокойствию духа. *Но* на душе у Андерсена спокойствия не было (К. Паустовский. Ночной дилижанс); Пирог должен был окончательно убедить меня в преимуществе своего дома перед “чужим”. *Но* я съела два куска, потом поцеловала бабушку и сказала только, что очень вкусно (В. Каверин. Два капитана); По его расчетам, он уже давно должен был встретить мальчика. *Но* мальчик не показывался (В. Катаев. Сын полка); Ведь за таким письмом, как первое, тотчас же должно было последовать что-то еще более прекрасное и радующее. *Но* Катя молчала (И. Бунин. Митина любовь).

В ССП и ТП *второй разновидности* значение несоответствия базируется на совмещении в одном целом противоречивых и несовместимых фактов, явлений и т.д. Если в конструкциях первой разновидности акцентируется различие компонентов, то ССП и ТП второй разновидности отражают онтологическое единство тождеств и различий, их диалектическую природу. Отражение в языке представлений об одновременном существовании противоречивых сторон одного объекта, явления свидетель-

ствует о том, что тождества и различия взаимно предполагают друг друга. Неслучайно в философии противоречие понимается как “такое отношение между сторонами, свойствами, тенденциями предмета, когда они взаимно предполагают и взаимно отрицают друг друга” [Вяккерев 1979, с.77].

Структурным условием употребления союза НО в ССП и ТП второй разновидности является построение конструкций по типу “Я…Но я…” и т.д., то есть речь идет о предикативных признаках какого-то одного субъекта:

1) Да, мы много ждали от этого номера, *но* мы просчитались, забыв о публике (А. Куприн. Ольга Сур); Конфуцианское общество, воздействуя на сознание человека, вынуждало его стать предельно лояльным к государству, отринуть любую попытку добиться успеха индивидуалистическим методом, *но* оно же и предоставляло ему возможность возвыситься посредством чиновничьей службы (Д. Травин. Реформы и реформации); Все, кажется, было как прежде, *но* все было уже совершенно другим (В. Каверин. Два капитана);

2) Великая княгиня, в ожидании ребенка, затаилась. *Но*, рискуя головой, Екатерина все же умудрилась переслать Вильямсу свое последнее дружеское письмо… (В. Пикуль. Пером и шпагой); Нет, у него не хватило духу рисовать на коробке собачку по совету Кеши Кондакова. *Но* не было сил и отказаться от замысла (В. Дудинцев. Белые одежды).

В приведенных ССП и ТП совмещены *различные,* противоречивые предикативные признаки одного (тождественного самому себе) субъекта.

В ССП и ТП этой разновидности используются конкретизаторы ВМЕСТЕ С ТЕМ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, например:

Он был смешон, был неприятен своей ироничностью, *но вместе с тем* он внушал невольное уважение своей беспредельной преданностью идее (Л. Толстой. Война и мир); Часто ей бывало больно от этого, *но вместе с тем* хотелось смеяться от странной новой радости (Л. Толстой. Анна Каренина); Он боялся взглянуть на нее, *но вместе с тем* ему этого непреодолимо хотелось (Л. Толстой. Война и мир);

2) Покоем и дремной покорностью дышали они, отзываясь в груди молодого изгнанника непокоем, тревогой, вызывая горячую думу. *Но в то же самое время* все эти мысли и ощущения не рождали еще никакого определенного вывода, они возникали и отлагались на глубине, оставаясь как бы мыслями впрок (И. Новиков. Пушкин в изгнании).

В ССП и ТП *третьей разновидности* эксплицитно выражено ожидание, передаваемое глагольными формами с соответствующей семантикой; несоответствие усматривается между ожидаемым и результатом, например:

1) Годы она ждала нового назначения, *но* его не давали (А. Рыбаков. Тридцать пятый и другие); Он ждал еще чего-то, *но* она замолчала, не поднимая глаз (Д. Гранин. Картина); Иван Ильич ждал места председателя в университетском городе, *но* Гоппе забежал как-то вперед и получил это место (Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича); Он не услышал в себе ответа. Подождал, *но* все в нем обезмолвилось (Ю. Нагибин. Терпение);

2) Дмитрий ждал последнего звонка. *Но* его все не было (И. Лазутин. Крылья и цепи); Он ожидал чуда, потрясения. *Но* чуда не произошло (А. Крон. Дом и корабль); Всего могла ожидать Лиля: критических выступлений оппонентов, каверзных записок, злых реплик с места… *Но* ничего этого не было (И. Лазутин. Крылья и цепи); Он терпеливо ждал от “богом данного” батюшки других подарков. *Но* вместо них отец прислал наставление, в котором поучал ее благонравию и скромности (Е. Федоров. Каменный Пояс).

В приведенных ССП и ТП в первом предложении сообщается об ожидании определенного результата, а во втором – о противоположном результате, отношения различия актуализируются на семантическом уровне.

Следующую группу составляют конструкции со значением несоответствия между субъективными представлениями говорящего о каком-либо факте, явлении и реальным его проявлением. В первом соотносимом компоненте ССП и ТП употребляются глаголы речи, мысли:

1) Думал увидеть Никита уныние на челе царского сподвижника, *но* Александр Данилович был весел, блестел драгоценными перстнями (Е. Федоров. Каменный Пояс); Я думал, что она вдруг разразится слезами, как и вчера; *но* она преодолела себя (Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные); Доктор расспрашивал Алексея с интересом, *но* за всеми его расспросами и возражениями чувствовалось что-то тускло-серое и бездеятельно-скептическое (В. Вересаев. Проездом);

2) Пропадет девка – сказал двор. *Но* девка не пропала (А. Крон. Дом и корабль); Вильямс думал, что под игривую музыку Франческо Арайя веселая Елизавета скорее подпишет конвенцию. *Но* он ошибся... (В. Пикуль. Пером и шпагой); Лиля полагала, что Светлана лежит в постели. *Но* дверь ей открыла сама Светлана (И. Лазутин. Крылья и цепи); Пришвин думал о себе как о поэте, “распятом на кресте прозы”. *Но* он ошибся… (К. Паустовский. Давно задуманная книга).

Семантика противоположно разного в ССП и ТП этой разновидности поддерживается противопоставлением субъективной модальности (первое предложение), создаваемой вводно-модальными словами со значением персуазивности высказывания типа *может быть*, *разумеется*, *кажется*, *без сомнения* и др. и объективной модальности (второе предложение), например:

1) *Разумеется*, все это были одни клеветы, как и оказалось впоследствии, *но* князь поверил всему и при свидетелях назвал Николая Сергеевича вором (Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные); *Может быть*, он и действительно был такой; *но* Оленину он показался, несмотря на его добродушное, хорошенькое лицо, чрезвычайно неприятен (Л. Толстой. Казаки); Ему, *видно*, хотелось подобострастного внимания к себе, *но* друг сидел перед ним, заострив нос кверху, и ни о чем не расспрашивал (В. Лихоносов. Наш маленький Париж);

2) *Казалось*, он вот-вот грохнется на пол. *Но* он справился с собой и, поддерживая левой рукой саблю, глядя перед собой неподвижными глазами, точно лунатик, медленно прошел к двери (А. Куприн. Брегет); Между тем кто-то расхаживал у меня в комнате – *без сомнения*, воры. *Но* это были не воры (В. Каверин. Два капитана); *Наверное*, он думал, что ему за этот документ воздвигнут в Версале памятник. *Но* ни король, ни его министры в суматохе событий не обратили на эту бумагу никакого внимания (В. Пикуль. Пером и шпагой).

Как видим, в первом предложении данных конструкций передаются субъективные представления об определенном факте, используются слова со значением предположения (*может быть, видно*, *казалось, наверное*), уверенности (*разумеется*, *без сомнения*), во втором предложении сообщается реальный факт, противоречащий этим представлениям.

В конструкциях со значением несоответствия, таким образом, отношения противоположного организуются через противопоставление определенных явлений предполагаемому (имплицитному) ожиданию, выводятся из представления о совмещении в одном целом несовместимых фактов или являются результатом столкновения субъективных и объективных представлений.

Список использованной литературы

1. **Апресян Ю. Д.** Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) //Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке.- М., 1992.- С.45-64.
2. **Арутюнова Н. Д**. Понятие пресуппозиции в лингвистике //Известия АН СССР.- 1973.- т.32.- вып. 1.- С.84-89.
3. **Бабалова Л. Л.** Об употреблении союзов и, а, но в сложном предложении //Русский язык за рубежом.- 1980.- №4.- С.57-62.
4. **Бакалова З. Н**. Системная организация сложносочиненных предложений с противительными союзами: Дисс. …канд. филол. наук.- Кемерово, 1980.- 261 с.
5. **Беднарская Л. Д.** Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы XIX-XX столетия: Дисс. …докт. филол. наук.- Орел, 1995.
6. **Белошапкова В. А.** Современный русский язык. Синтаксис.- М., 1977.- 248 с.
7. **Валгина Н. С.** Синтаксис современного русского языка.- М.: Высшая школа, 1978.- 439 с.
8. **Вяккерев Ф. Ф**. Предметное противоречие и его теоретический «образ» //Диалектическое противоречие.- М., 1979.- С.59-77.
9. **Капралова Л. К**. Семантическая структура сложносочиненного предложения // Филологические науки.- 1986.- №2.- С.47-54.
10. **Крючков С. Е., Максимов Л. Ю.** Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения.- М., 1977.- 135 с.
11. **Леденев Ю. И.** Слово, предложение, текст (концепция системного исследования и обучения) //Вестник Ставропольского гос. пед. Ун-та.- 1995.- №1.- С.126-134.
12. **Ляпон М. В.** Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений.- М., 1986.- 199 с.
13. **Ляпон М. В**. Структура отношения и ситуативные условия его реализации в сложном предложении //Русский язык: Текст как целое и компоненты текста.- М., 1982.- С.63-77.
14. **Николаева Т. М.** Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства и различия //Славянские сочинительные союзы.- М., 1997.- С.3-24.
15. **Оруджев З. М.** Формально-логическое и диалектическое противоречие: Различие структур //Диалектическое противоречие.- М., 1979.- С.78-96.
16. **Падучева Е. В.** Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении //Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы.- 1981.- №11.- С.23-30.
17. **Попова И. А.** Сложносочиненное предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка.- М., 1950.- С.355-396.
18. **Усова Н. В.** Противительные конструкции с союзом «но» в современном литературном языке: Автореферат дисс. …канд. филол. наук.- Томск, 1986.- 18 с.
19. **Холодов Н. Н.** Строение и значение сложносочиненных предложений с союзом «но» //Русский язык в школе.- 1974.- №1.- С.71-77.
20. **Черемисина М. И., Колосова Т. А.** Очерки по теории сложного предложения.- Новосибирск, 1987.- 197 с.

Ю.Н. Здорикова, Ю.О. Коваленко

СИНОНИМЫ И АНТОНИМЫ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье рассматриваются особенности употребления и функционирования синонимов и антонимов в газетных заголовках. Исследование проводится на материале, собранном из современной публицистики за последние пять лет.

В газетных заголовках для создания художественной выразительности широко используются синонимы и антонимы. Анализ материала показал, что наиболее частотны антонимы: они встречаются в 83% случаев, в то время как на долю синонимов приходится лишь 17% заголовков.

В речи антонимы используются для создания контраста, выражения противоположности, противопоставления одного явления другому. Антонимы нередко используются в газетных заголовках для привлечения внимания читателя к острым, полемичным вопросам: «Работать или учиться?» («Твой чердачок», 2006), «Орел или решка?» («А и Ф», 2005), «Не хочется, а надо» («А и Ф», 2005). Антонимы могут обозначать:

противоположность качеств. В рассмотренных примерах часто встречаются пары плохой – хороший, большой – маленький: «Плохая вода из-за хорошей памяти» («А и Ф», 2005), «Хороший закон – лучшее средство от плохих пилюль» («А и Ф», 2005), «Область живет хорошо, а люди – плохо» («А и Ф», 2005), «Плохие хорошие русские» («Комсомольская правда», 2007), «Большие кредиты для малого бизнеса» («А и Ф», 2005), «Маленьким детям – большие праздники» («А и Ф», 2005), «Ловись, скайфиш, большой и маленький» («Комсомольская правда», 2007);

противоположность обозначений времени и пространства: «Запад есть Запад, Восток есть Восток» («Комсомольская правда», 2007), «Апокалипсис вчера и сегодня» («А и Ф», 2005), «И дольше века длится день» («Комсомольская правда», 2007), «Тайны прошлого в настоящем» («А и Ф», 2005), «Дима Голубев: «Звезды на небе, а я на земле» («Твой чердачок», 2004);

противоположность чувств, состояния здоровья: «И грустно, и смешно» («А и Ф», 2005), «Между отчаянием и надеждой» («А и Ф», 2005), «Чтобы болеть, нужно быть здоровым» («А и Ф», 2005);

противопоставленность действий: «Ломать – не строить» («А и Ф», 2005), «Отдай долги – возьми другие» («А и Ф», 2005), «Рубль дали, два забрали» («А и Ф», 2005), «Имидж учителя: смеяться или плакать?» («Твой чердачок», 2003) и др.

Антонимические пары обозначают актуальные для наших дней понятия: «Богатые бедные» («А и Ф», 2005), «Платная бесплатная медицина» («А и Ф», 2005), «Ограбь бедного, чтобы прокормить богатого» («А и Ф», 2005), «Браки и разводы подорожали» («А и Ф», 2005), «Российская история 20 века: темная и светлая стороны» («А и Ф», 2005), «От теории – к практике» («Комсомольская правда», 2007). Часто встречаются антонимические пары жизнь – смерть, живой - мертвый: «Жизнь назло смерти» («А и Ф», 2005), «Дружба не на жизнь, а на смерть» («Твой чердачок», 2007), «Живая и мертвая» («А и Ф», 2005), «Мифы о живой и мертвой воде» («Комсомольская правда», 2007).

Как отмечают ученые, «годы политической и экономической нестабильности породили не только социальные различия между людьми, но и новые явления в общественной жизни, нередко контрастирующие друг с другом. Непостоянство, изменчи-

вость признаков многих явлений не могли не отразиться в сознании и в языке, и в частности, не могли не сказаться на моделировании новых смысловых противоположностей» [3, с.74], например: «Тюрьма и воля» («А и Ф», 2005), «Роскошь – власти, нищета – народу» («А и Ф», 2005), «Холодная «девочка» и горячий «мальчик» («Комсомольская правда», 2007).

Пары антонимов могут противопоставляться по аксиологическим характеристикам (положительная/ отрицательная оценка): «Оптимизм и пессимизм региона» («А и Ф», 2005), «Вред и польза цветных очков» («А и Ф», 2005), «Правда и ложь о легендарном подводнике» («А и Ф», 2005), «Щедрость или жадность – что губит крупный бизнес…» («А и Ф», 2005).

В газетных заголовках могут использоваться контекстуальные антонимы – слова, которые становятся таковыми в определенном контексте, например: «Майкл Джексон: тюрьма или дурдом» («А и Ф», 2005), «Жилье и коммуналка» («А и Ф». 2005), «От извержений до оледенений» («А и Ф», 2005), «В Париже – тундра, на Чукотке – пляж» («Комсомольская правда», 2007).

Картина антонимических связей интересна как отражение современного состояния общества, его общественной и экономической жизни.

Актуализация синонимов в современной речи часто связывается с их способностью с помощью языковых средств дать пояснения, растолковать непонятное, что особенно важно при введении в текст новых иноязычных слов, профессиональных терминов, жаргонизмов. Синонимы также используются в газетных заголовках, например: «Секреты и тайны «Волкодава» («Комсомольская правда», 2007), «Миссия согласия и примирения» («А и Ф», 2005).

Синонимы, как правило, различаются определенными смысловыми компонентами, в частности, степенью интенсивности качества, действия: «Сурово и беспощадно» («Комсомольская правда», 2007), добавочными признаками значения.

В синонимические отношения могут вступать отдельные значения многозначного слова: «Смотреть – значит, видеть» («А и Ф», 2005), «Смотрят глаза, но видит мозг» («А и Ф», 2005).

Различия между синонимами становятся особенно заметными при намеренном столкновении (сопоставлении или противопоставлении) их в тексте: «День победителей, а не завоевателей» («А и Ф», 2005).

В газетных заголовках могут встречаться перечислительные ряды синонимов. Обычно главная их роль – усилить экспрессивность высказывания: «Кадет кадету – друг, товарищ и брат» («Твой чердачок», 2003).

Среди рассматриваемых единиц можно выделить контекстуальные синонимы, используемые в газетных заголовках для усиления эмоциональности речи. Они могут характеризовать как отрицательные явления: «Холод и голод» («А и Ф», 2005), так и положительные: «Великий и прекрасный» («Комсомольская правда», 2007).

Сегодня лексическая синонимия активно обновляется прежде всего за счет заимствований и лексики, пришедшей из жаргонов. Это особенно характерно для газетной речи последних лет с ее принципиальной открытостью, готовностью к обновлению. Использование синонимов дает возможность по-новому взглянуть на старые реалии, а стремление найти новые средства – обновить синонимические ресурсы. Например, понятие успеха сейчас отождествляется с известностью, эти лексемы становятся синонимами: «Успех и известность» («Комсомольская правда», 2007).

Использование синонимов и антонимов в газетных заголовках способствует выразительности речи, позволяет автору заострить внимание на актуальных вопросах современной жизни.

Список использованной литературы

1. **Костомаров В.Г.** Языковой вкус эпохи. – СПб., 1999.
2. Русский язык и культура речи: Учебник/ Под ред. проф. **В. И. Максимова**.- М., 2000.
3. Русский язык и культура речи: Учеб. для вузов/ А. И. Дунев, М. Я. Дымарский, А. Ю. Кожевников и др.; Под ред. В. Д. Черняк. – М., С.-Пб., 2002.

А.А. Емельянов

О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНГЛИЙСКОГО РИФМОВАННОГО СЛЕНГА

Российский государственный торгово-экономический университет

Работа посвящена исследованию английского рифмованного сленга, его функциональным особенностям. В данной работе рассматриваются территориальные и социальные разновидности РС; освещается проблема мнимой терминологической синонимии; затрагивается проблема перевода английского рифмованного сленга на русский язык.

В последние годы в лингвистике наблюдается все возрастающий интерес к изучению уникального явления живой разговорной речи – английского рифмованного сленга, не имеющего, по мнению ученых [2,3,5], корреляций в литературном стандарте. Рифмованный сленг впервые начал использоваться в середине XIX века уличными торговцами восточной части Лондона как тайный шифр, недоступный посторонним, с помощью которого торговцы общались между собой. Рифмованный сленг современного английского языка – это одно из средств кодирования звучащей речи в узком или профессиональном круге общения. По способу образования РС можно определить как разновидность сленга английского языка, в котором каждое подразумеваемое слово заменяется на рифмующееся с ним, но, в основном, далекое по смыслу словосочетание:

Mate ~ *China Plate*: Hello, my old *China Plate*!

Look ~ *Butcher's Hook*: Take a *Butcher's Hook* at this!

В настоящее время РС – явление весьма распространенное, в связи с чем представляет интерес изучение характерных особенностей употребления в речи единиц РС с позиции территориальной и социальной стратификации. В русле этого подхода рассматривается проблема использования синонимов рифмованного сленга в различных вариантах английского языка.

Данные лексикографического анализа словарей Дж. Мередита, Дж. Франклина и Дж. Айто [7,9,11] позволили нам выделить следующие основные территориальные разновидности РС: ***American pacific coast (***piano ~ *apple and banana*; hat ~ *ball and bat*; hair ~ *Barney fair*); ***Australian (***ram ~ *Amsterdam*; leeches ~ *cries and screeches*); ***New Zealand*** (butter ~ *Gordon Hutter*); ***Irish*** (stew ~ *boy in blue*; street ~ *Channel fleet;* wide ~ *cowhide*); ***Scottish*** (stranger ~ Glasgow ranger; shilling [shillun] ~ Barney Dillon); ***West London*** (stranger ~ *Queens Park ranger*); ***East London \Cockney*** (concertina ~ *constant*

screamer); ***South African*** (time ~ *bird lime*).

Социальная стратификация английского рифмованного сленга, на наш взгляд, может быть условно разделена на следующие социально-профессиональные группы: ***bookmakers*** (tote [totalizator] ~ *canal boat*; book ~ *Captain Cook*; prices ~ *cheese and spices*); ***players of baseball*** (forehead ~ *centre lead*); ***players of darts*** (stick of chalk ~ *careless talk*; a damp swab ~ *couple of bob*); ***costermongers*** (horse ~ *charing cross*; barrow ~ *cock sparrow*); ***theatrical*** (box ~ *Charles James Fox*; guard ~ *Christmas card*; boil ~ *Conan Doyle*); ***vegetable trade*** (onions ~ *corns and bunions*).

Среди многочисленных синонимов РС в британском и американском ареалах можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся рифмованные сленгизмы: eyes ~ ***Brit.*** *mince pies* \ ***Amer.*** *apple pies;* suit ~ ***Brit.*** *whistle and flute* \ ***Amer.*** *bag of fruit*; hair ~ ***Brit.*** *Barnet Fair* \ ***Amer.*** *Barney Fair.*

Как видно из вышеприведенных примеров английского рифмованного сленга данная языковая реалия распространена как на территории Великобритании, так и в США, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки. Единицы РС широко используются в речи букмекеров, спортсменов, актеров, уличных торговцев – всех тех, кто желает привнести ноту экспрессивно-эмоциональной оригинальности в обозначение тривиальных предметов и явлений действительности. Наличие рифмованных синонимов в британском и американском языковых ареалах является ярким свидетельством проявления языковой креативности носителей данных вариантов английского языка.

Следует отметить, что наряду с термином ***рифмованный*** в исследованиях можно встретить на первый взгляд синонимичный, но, как нам видится, имеющий кардинальное отличие термин ***рифмующийся*** сленг. В данной статье мы задаемся целью обозначить статус сленга рифмованного и рифмующегося, исключая, тем самым, их мнимую терминологическую синонимию. Задача в данной ситуации осложняется тем, что в отечественных работах по рифмованному сленгу англоязычный термин “rhyming slang” трактуется одновременно и как сленг рифмованный, и как сленг рифмующийся.

Не подлежит сомнению тот факт, что в основе того и другого термина лежит понятие рифмы как основного формообразующего фактора. Но в первом случае (в сленге рифмованном) рифма служит средством кодирования звучащей речи путем использования рифмованного субститута вместо оригинала; во втором же случае рифмуется сам оригинал, состоящий из двух или более элементов. Таким образом, целью использования ***рифмованного*** сленга является стремление говорящих к определенной социальной индивидуализации в процессе речевого общения, направленной на исключение возможности участия посторонних “непосвященных” или “нежелательных” коммуникантов. Цель же наличия в речи единиц ***рифмующегося*** сленга видится нам в желании участников коммуникации обогатить звучащую речь разнообразными приемами фоносемантического характера.

Рифмованный сленг, как уже было упомянуто, представляет собой наличие рифмованных субститутов, в характере образования которых можно выделить следующие основные принципы. В первом и наиболее распространенном варианте используется полная рифма, например, подразумеваемое слово “mate” заменяется на “China Plate”, при этом произносятся оба эти слова-заменителя:

Mate vs *China Plate*: Hello, my old *China Plate*!

Look vs *Butcher's Hook*: Take a *Butcher's Hook* at this!

Feet vs *Plates of Meat*: Get your *Plates of Meat* off my table!

Данная рифма также может состоять из одного или трех слов, например:

Bottle vs *Aristotle:* Finish your *Aristotle* and let's get out of this bar!

Shoes vs *Canoes:* Do you ever take off your *canoes*?

Hell vs *Ding Dong Bell*: Yesterday it was a real *Ding Dong Bell* here!

Неполная рифма представлена двумя вариантами – использованием первой или второй части рифмы:

1) Phone vs *Dog And Bone*: I was on the *Dog* when you knocked at the door.

Hair vs *Barnet Fair*: My *Barnet* is so long, I'll get it cut!

2) Thief vs *Tea Leaf*: Come here, you little *Leaf*!

Boozer vs *Battle Cruiser*: He's a bit of a *Cruiser*!

В образовании единиц ***рифмующегося*** сленга наиболее существенным является то, что рифмуется здесь не подразумеваемое выражение с целью кодирования звучащей речи, а сама звучащая форма. Последняя может иметь как *непосредственную* связь с денотатом, так и связь *опосредованную*. Примеры первой группы:

Culture-vulture (supporter of the art for monetary gain)

Funny-money (substitute money)

Near-beer (non-alcohol beer)

Примеры второй группы:

boozy-woozy (drunk)

fuddy-duddy (old-fashioned)

low-blow (unfair)

При этом нередко наблюдается явление полисемии, когда одно и то же рифмованное выражение может иметь несколько значений. Например:

bow-wow (dog, authoritative person)

gruesome twosome (lovers, army boots)

Вышеприведенные примеры рифмованного и рифмующегося сленга являются ярким свидетельством того, что каждый из данных терминов имеет свой определенный статус, свои особенности словообразования и свои цели использования в процессе речевого общения.

Таким образом, рифмованный сленг можно определить как разновидность сленга английского языка, в котором каждое подразумеваемое слово заменяется на рифмующееся с ним, но, в основном, далекое по смыслу словосочетание. Рифмующийся сленг, на наш взгляд, следует трактовать как разновидность сленга английского языка, в котором первая часть словосочетания или выражения рифмуется со второй его частью, создавая различные комбинации написания (однословное, дефисное, раздельное, многословное).

Говоря об особенностях английского рифмованного сленга, следует отметить, что особого внимания заслуживает связанная с этим термином проблема восприятия и понимания данного явления как в звучащей речи, так и в письменных источниках. Интерес в области данного явления обусловлен различными особенностями лексического и фонетического плана, в частности, особенностями эквивалентной субституции и степенью рифмованности.

Основные принципы рифмованной субституции обусловлены тенденцией формирования так называемого рифмованного ряда, в котором подразумеваемому слову соответствует целый ряд рифмованных эквивалентов. Так, для обозначения существительного "hair" используются следующие схожие по звучанию фразы: "Barnet Fair", "Tony Blair", "Fred Astair"(1):

Hair vs *Barnet Fair*: My *Barnet* is so long, I'll get it cut!

Hair vs *Tony Blair*: Do you ever get your *Tony* cut?

Hair vs *Fred Astair*: Didn't you know long *Fred* is out of fashion today?!

Существительное "shoes" также имеет ряд фонетических аналогов: "Canoes",

“Dinky Doos”, “Ones and Twos”:

Shoes vs *Canoes*: I’ve seen such a pair of *canoes* today!

Shoes vs *Dinky Doos*: How do you like these *dinky doos*?

Shoes vs *Ones and Twos*: These *ones and twos* are very becoming to you!

Также заслуживающим внимания является использование в рифмованном сленге имен выдающихся людей прошлого и современности в качестве рифмованного аналога. Примерами здесь могут послужить следующие выражения:

Pill vs *Damon Hill*: Two *Damon Hills* three times a day and in a week you’ll be OK!

Overpriced vs *Jesus Christ*: I would have bought the statue if it hadn’t been *Jesus Christ*.

Physician vs *Titian*: Oh, that looks nasty! You ought to go and see a *Titian*!

Заимствования из французского языка также нашли свое отражение в образовании рифмованных эквивалентов:

Pong vs *Chaise Longue*: Whatever is that *chaise longue* in the drawing room?

Nerve vs *Hors d’Oeuvres*: It must have taken Percy a lot of *hors d’oeuvres* to propose to Fenella!

Manure vs *Cote d’Azure*: The gardener assures me that a little *Cote d’Azure* will revitalize the roses.

Следует отметить, что не всегда звучащая рифма полностью совпадает с подразумеваемым оригиналом. Так, выбор рифмованного эквивалента и степень рифмованности детерминированы фактором отношения говорящего в звучащей речи, что проявляется в выборе фонетических аналогов слова-оригинала, как в примерах:

Shoes vs *Canoes, Dinky Doos* или *Ones and Twos*;

Boozer vs *All Time Loser, Battle Cruiser* или *Cabin Cruiser*.

Выбор звучащей рифмы, в свою очередь, обусловлен употреблением как 1) *полной*, так и 2) *неполной* степени рифмованности, например:

Heaven vs *First Eleven*: The weather in Monte Carlo was pure *first eleven*.

Places vs *Ascot Races*: Well my dear, they’re to be seen together at all the right *Ascots*.

2) Poem vs *Stately Home*: I can’t imagine why Percy thinks his *stately homes* are so important!

Health vs *Glorious Twelfth*: Frankly I don’t think it was Aswas who ruined the Brig’s *Glorious Twelfth*? More like a few too many snifters I’d say!

Примечательной является способность подразумеваемого слова-оригинала функционировать в речевом общении в качестве различных частей речи:

Существительное:

<u>Speech</u> vs *Normandy Beach*: They listened gloomily to the Queen’s *Normandy Beach*.

Прилагательное:

<u>Sly</u> vs *Old School Tie*: I know he was at Eton, but I still think he’s terribly *old school*.

Глагол:

<u>Iron</u> vs *Lord Byron*: I can assure you that it is only the lower classes who no longer *Lord* their undergarments.

Наречие:

<u>Hard</u> vs *Avant Garde*: Getting into Oxford is not as *avant garde* as you might think.

Причастие II:

<u>Eaten</u> vs *Cecil Beaton*: Who’s gone and *Ceciled* the last of the black forest gateau?

В английском рифмованном сленге можно встретить аббревиатуры, имеющие целью еще более «запутать» неискушенного данным языковым пластом слушателя. Таковыми являются:

Skive vs *MI5*: I don't think the Brigadier was ever in danger in India – if you ask me the whole job was just an *MI5*;

Alive vs *Chanel №5*: I'm just glad I'm *Chanel*!

Таким образом, основными принципами рифмованной субституции данного языкового явления можно считать следующие:

- формирование ряда фонетических аналогов;
- употребление полной и неполной степени рифмованности;
- использование в рифмованном сленге аббревиатур;
- способность подразумеваемого слова-оригинала функционировать в речевом общении в качестве различных частей речи и в самых разнообразных сферах и явлениях.

Рифмованный сленг характеризуется ярким проявлением богатства фантазии говорящего, желанием выработать свой неповторимый стиль речи, способствующий определенной социальной индивидуализации и самовыражения в процессе речевого общения. Вышеперечисленные атрибуты реализуются благодаря использованию в речи данной разновидности английского сленга, целью которого, как нам видится, и является юмор, разнообразие различных приемов, коими изобилует рифмованный сленг английского языка, новизна, повышенный интерес к предмету речи и определенная стилистическая обособленность, то есть, по-детски простое и юмористическое отношение к подобным вещам и явлениям.

Заслуживающим внимания является сравнительно-сопоставительная характеристика двух социальных разновидностей РС - рифмованного сленга кокни и рифмованного сленга английской аристократии - так называемого *upper class rhyming slang* (далее UCRS). Здесь нами предпринимается попытка рассмотрения данных разновидностей РС в следующих *аспектах*:

- *происхождение*;
- *особенности образования рифмы*;
- *территориальные границы употребления*;
- *влияние французского языка на формирование рифмованных аналогов*;
- *неточная рифма*.

Происхождение. Прежде всего, следует отметить, что самые первые упоминания о рифмованном сленге, точнее его самой ранней разновидности (UCRS), датируются, согласно исследователям П. Уиллеру и А. Бродхед [12], XVI веком. Так, рифмованный сленг английской аристократии появился, по словам ученых [12], в середине XVI века во времена правления Елизаветы Первой. UCRS был изобретен драматургом Кристофером Марлоу и использовался агентами службы безопасности Валсингема. Со времен Елизаветы Первой представители данной службы вращались в аристократических кругах и, благодаря лингвистическому изобретению Марлоу, UCRS используется в повседневной речи английской аристократии. Приведем несколько наиболее типичных, на наш взгляд, примеров рифмованного сленга английской аристократии:

- *Titian* ~ physician: Oh, that looks nasty! You ought to go and see a *Titian*!
- *First Eleven* ~ heaven: The weather in Monte Carlo was pure *first eleven*.
- *Normandy Beach* ~ speech: They listened gloomily to the Queen's *Normandy Beach*.

Рифмованный сленг кокни, как отмечают многие исследователи [6,9,10,13] распространен среди рабочего класса и представителей средних хорошо образованных

слоев английского общества. Cockney rhyming slang появился в середине XIX века в восточной части Лондона и, по словам Дж. Франклина [9], использовался в качестве «секретного» языка представителями уголовного мира. П. Райт [13] предполагает, что творцами РС кокни были уличные торговцы и их ученики; спортивные журналы и песни мюзик-холла распространили данный языковой феномен.

- *China Plate* ~ mate: Hello, my old *China Plate*!
- *Butcher's Hook* ~ look : Take a *Butcher's Hook* at this!
- *Plates of Meat* ~ feet: Get your *Plates of Meat* off my table!

Особенности образования рифмы. Принцип образования рифмы в РС кокни и РС английской аристократии аналогичен общему принципу рифмованности в РС – и в том, и в другом варианте вместо подразумеваемого слова или выражения используется рифмующееся с ним, но, в основном, далекое по смыслу слово или выражение. Цель подобной замены, по словам Д. Кристала [8], - обеспечить передачу информации, доступной лишь для «посвященных», в результате чего получается своеобразная языковая игра, которая для «непосвященных» является полной бессмыслицей. В некоторых случаях рифмованный аналог имеет шутливо-ироническую коннотацию:

РС кокни: *trouble and strife* ~ wife; *Gawd forbids* ~ kids;

UCRS: *private jets* ~ debts; *last-but-not-least* ~ Far East.

Влияние французского языка на формирование рифмованных аналогов. Немаловажную роль в формировании рифмованных аналогов в РС английской аристократии играет французский язык. Свидетельством этого является множество примеров, приведенных в работе П. Уиллера и А. Бродхед [12]. Использование в UCRS французских заимствований, произносимых по английским фонетическим правилам, имеет целью придания звучанию дополнительной экстравагантности и оригинальности:

- *hors d'oeuvres* ~ nerves;
- *Louis Quatorze* ~ pause;
- *chaise long* ~ pong;
- *Cote d'Azure* ~ manure;

Хотя в рифмованном сленге кокни также присутствуют французские заимствования, однако их количество ограничено; данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что привнесение в речь ноты экспрессивно-эмоциональной оригинальности с помощью французского языка в большей степени характерно для представителей высших классов, считающих данный способ обогащения звучащей речи наиболее продуктивным. Тем не менее и в РС кокни можно встретить подобные заимствования:

- *Madame de Luce* ~ spruce;
- *Saint Martin-le-Grand* ~ hand;
- *Danny la Rue* ~ blue.

Неточная рифма. Неточная рифма встречается в рифмованном сленге достаточно редко, тем не менее, мы считаем важным затронуть данную особенность, наблюдающуюся в примерах РС кокни и РС английской аристократии. По мнению Дж. Грина [10], в целом принцип формирования единиц РС основывается на наличии двух факторов – ударения и рифмы, причем последняя играет наиболее важную роль. Но иногда рифма совершенно отсутствует или является неточной, «несовершенной». Данной проблеме есть частичное объяснение – в РС кокни существуют такие примеры, которые для слушателей, незнакомых с фонетическими особенностями самого диалекта кокни, покажутся лишенными рифмы - хотя на самом деле рифма имеется.

РС кокни: *bronze figure* ~ kipper; *Jack Jones* ~ alone; *nanny-goating* ~ courting;

UCRS: *stately home* ~ poem; *Michaelangelo* ~ gigolo; *Samuel Pepys* ~ creeps.

Заслуживающей внимания также является проблема перевода английского РС

на русский язык. Как отмечает А.Л. Борисенко [1], рифмованному сленгу практически не довелось «смущать умы переводчиков» в качестве «непереводимой игры слов». Даже если отдельные образчики и попадались, например, в речи персонажей-кокни для передачи колорита в описании жизни «низов», то и переводилось это как колорит – просторечьем, жаргонизмами, сленгом.

Следует отметить, что в русском фольклоре существует явление, по сути сходное с английским РС. Оно описано Д.Н. Садовским [4] в сборнике «Загадки русского народа» и характеризуется как «своеобразное звуковое отстранение, как бы перефразирование: «Тон да тотонок» (пол и потолок) или «слон да кондрик» (заслон и конник). Однако этот «русский рифмованный сленг» мало распространен, практически неизвестен большинству носителей языка и поэтому не может, к сожалению, стать решением переводческой задачи.

По мнению А.Л. Борисенко [1], с точки зрения синтетического перевода РС не представляет собой серьезной переводческой трудности. Герой должен говорить ярко, колоритно, при этом должно быть ясно, что он – представитель социальных низов. Азартная игра при помощи РС захватывает, ее жаль терять, ее хочется донести до читателя.

Проблема перевода РС заключается в том, что по-русски прилагательное не так легко становится субстантивированным и неудобно в обращении при сокращении рифмующейся пары.

Таким образом, английский рифмованный сленг распространен как на территории Великобритании, так и в США, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки. Единицы РС широко используются в речи букмекеров, спортсменов, актеров, уличных торговцев.

Во избежание мнимой терминологической синонимии терминов рифмованный и рифмующийся сленг представляется целесообразным определять первый как разновидность сленга английского языка, в котором каждое подразумеваемое слово заменяется на рифмующееся с ним, но, в основном, далекое по смыслу словосочетание; сленг же рифмующийся, на наш взгляд, следует трактовать как разновидность сленга английского языка, в котором первая часть словосочетания или выражения рифмуется со второй его частью, создавая различные комбинации написания (однословное, дефисное, раздельное, многословное).

Основными принципами рифмованной субституции данного языкового явления можно считать следующие:

- формирование ряда фонетических аналогов;
- употребление полной и неполной степени рифмованности;
- использование в рифмованном сленге аббревиатур;
- способность подразумеваемого слова-оригинала функционировать в речевом общении в качестве различных частей речи и в самых разнообразных сферах и явлениях.

В заключение хотелось бы также отметить, что целью использования рифмованного сленга является стремление говорящих к определенной социальной индивидуализации в процессе речевого общения, направленной на исключение возможности участия посторонних “непосвященных” или “нежелательных” коммуникантов. И, как справедливо отмечает В.А. Хомяков [5], знакомство с рифмованным сленгом, хотя бы самое поверхностное, необходимо каждому преподавателю, школьному учителю и студенту, если он хочет иметь более полное представление о специфических особенностях современной разговорной речи.

Список использованной литературы

1. **Борисенко А.Л.** Ошибка профессора Хиггинса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. - М., 1998. - № 6. – С. 101-108.
2. **Бродович О.И., Воронин С.В.** Об одном эксцентричном средстве оптимизации коммуникативного процесса: Cockney rhyming slang//Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. Институт языкознания АН СССР. М., 1986.
3. **Нырко А.И.** Интерпретация рифмованной субституции в отечественной лингвистике//Актуальные вопросы английской филологии. Пятигорск, 1997.
4. **Садовский Д.Н.** Загадки русского народа. - М.: Худ. лит, 1959.
5. **Хомяков В.А.** О «рифмованном слэнге»//Вопросы теории английского и русского языков. Вологда, 1973.
6. **Aylwin B.** A Load of Cockney Cobblers. London, 1973.
7. **Ayto J.** The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. London, 2002.
8. **Crystal D.** Language Play. L.: Penguin Books, 1998.
9. **Franklyn J.** A Dictionary of Rhyming Slang. London, 1994.
10. **Green J.** Rhyming Slang // Critical Quarterly, Vol. 45, 2003, № 1, 2. – P. 220-226.
11. **Meredith J.** Dinkum Aussie Slang. London, 1993.
12. **Wheeler P., Broadhead A.** Upper Class Rhyming Slang. London, 1985.
13. **Wright P.** Cockney Dialect and Slang. London, 1981.

Н.К. Иванова

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ФЕНОМЕН ГРАФИКО-ФОНЕТИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРФОЭПИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ LPD)

Ивановский государственный химико-технологический университет

Феномен графико-фонетической вариантности английских имен собственных и, в частности, антропонимов, рассматривается на материале самого авторитетного орфоэпического словаря. Описываются основные модели вариантных написаний ИС, их связь с произношением, подчеркивается важная роль орфоэпического словаря для принятия правильных переводческих решений при передаче английских антропонимов на русский язык.

Имена собственные, отличающиеся универсальностью использования, но обладающие в любом языке сложной смысловой структурой, уникальной формой и этимологией, способностью к видоизменению и другими существенными характеристиками, являются хранителями языкового и культурного кода языка, выполняют важную роль в межъязыковом общении. Именно они являются одним из способов пополнения словарного запаса языка – при переходе онима (имени собственного) в апеллятив (имя нарицательное).

Имена собственные как объект общетеоретических исследований привлекали внимание многих лингвистов, которыми были разработаны различные концепции имен собственных (ИС): референциальные, дескрипционные, энциклопедического

значения, функционально-семантические и др. (см. обзор в работе [1, с. 9-79]) . Нельзя не согласиться с мнением Д.И.Ермоловича, что «в современной лингвистике нет единства взглядов не семантическую природу ИС, а выявление сильных и слабых сторон разнообразных концепций не позволяет безоговорочно встать на позиции той или иной из них» [1, с. 52]. Кроме того, отсутствует единый подход к проблеме отражения ИС в лексикографии: одноязычной и двуязычной. Например, в русской лексикографии ИС традиционно не включаются в словники толковых словарей, в американской и британской словарной практике словари фиксируют антропонимы, эпонимы, топонимы, идеонимы и др. разряды ИС.

С другой стороны, нельзя не заметить, что антропонимы, как и другие имена собственные, функционируют в языке как обычные лексические единицы, что подтверждает наличие у них, наряду с номинативной функцией, лексического значения. На это указывал еще Л.В.Щерба, подчеркивая необходимость их включения в основной корпус словаря [6, с.265-304]. И в тех словарях, в которые они все-таки включаются, имплицитно признается наличие у ИС лингвистического значения.

В данной статье особое внимание будет уделено такому классу имен собственных, как антропонимы. Поскольку ИС функционируют, развиваются и изменяются вместе с языком, являясь его составной частью, их также затрагивают динамические процессы, они обладают чертами вариантности. Феномен графико-фонетической вариантности антропонимов анализируется на материале орфоэпического словаря Longman Pronunciation Dictionary by J.Wells (LPD) [10].

Английские личные имена прошли вместе с языком долгий путь исторического развития, неразрывно связанный с историей английского народа и его культурой.. По данным частотных словарей, на долю ИС в текстах художественных произведений приходится 3-4 % от общего числа словоупотреблений, причем, 2,5-3% составляют антропонимы, а 0,5-1 % приходится на топонимы [2, с.337]. Однако без знания произношения, написания и правил передачи имен собственных на другом языке невозможен полноценный процесс коммуникации – ни устной, ни письменной.

И для носителей языка, и для тех, кто изучает английский в качестве иностранного, овладение данным лексическим слоем представляет большие трудности. Как отмечает британский лексикограф Б.Коттл, «мы унаследовали имена собственные, которые были искалечены на протяжении веков неправильным произношением, непониманием и неправильным написанием…» [8, p.ii].

Сегодня, как заметил А.И.Рыбакин, автор «Словаря английских личных имен», «номенклатура современных английских личных имен представляется своеобразной, весьма причудливой мозаикой, составленной из наименований древних и новых, исконно английских и заимствованных, традиционных и придуманных, отличающихся друг от друга по структурным и семантическим признакам » [4, с. 394] .

Английские имена личные различного происхождения (англо-саксонские, скандинавские, нормандские, библейские и небиблейские, литературные и др.) функционируют в языке и как полные, и как сокращенные, а также имеют производные формы (дериваты), количество которых точному учету не поддается. Большая часть дериватов создается путем изменения морфемного состава полного или исходного имени. Доминирующие модели образования: сокращение и аффиксальное словопроизводство (ср. Dan, Danny от Daniel, Jim, Jimmy от James, Tony от Anthony, etc). Вместе с дериватами, которые используются не только в неофициальной речи, но и в деловой обстановке, в публичных выступлениях, сопровождаются титулами, словами вежливости (Dr.Bill, Hon.Tommy, Rev.Tony, Gorby, Condy), в языке появляются и новые графические и произносительные варианты антропонимов.

В настоящее время в пополнении номенклатуры современных личных имен значительную роль играют имена иностранного происхождения, которые в эпоху глобализации все шире проникают в англоязычную культуру, например, через музыку, литературу, спорт и т.д. Общеизвестно, что за последние несколько десятилетий Британия стала чрезвычайно мультикультурной и мультинациональной страной и «не отстает» в этом отношении от США – изначально «плавильного котла» языков, народов и культур.

На наш взгляд, информация о вариантном написании и произношении ряда антропонимов, в том числе, неанглийских по этимологии, является очень важной и актуальной. Несмотря на наличие в англоязычной лексикографии ряда специальных словарей имен собственных [7, 8, 9], они в основном содержат в словнике традиционные английские имена, имена литературных героев и мало включают личных имен из других культур. Последние, как показывают лексикографические источники, могут в течение длительного времени сосуществовать в двух или более графических вариантах и иметь несколько фоновариантов. Например:

Abdullah/Abdulla /æbˈdʌlə əb-, -dʊl-/

Annet/Annett /ˈænɪt, -nət/

Dalgethy/Dalgety /dælˈgeti, - dəl-/

Dar es Salam, Dar-es-Salam /dɑːes səˈlɑːm, -ɪs- , -ez-, -ɪz/, etc**.**

Так, по нашим данным на основе LPD, графические варианты имеют более 600 имен собственных (единичных антропонимов и топонимов), включенных в основной корпус словаря. Большая часть из них представлена в двух вариантах написания, но некоторые (более десяти) имеют и по три варианта: **Danian, Danien, Danion; Jimmi, Jimmie, Jimmy; Beth-Ann, Betann, Beth-Anne; Munro, Munroe, Munrow; Rundall, Rundell, Rubdle; Wylie, Wyllie, Wyllye,** etc.

Упрощение написания антропонима (в том числе, его составных частей, включая аффиксы), происходит согласно тенденциям, характерным для других вариантных написаний.

Как и у обычных слов, наиболее характерной тенденцией для ИС является упрощение их графики. Как известно, этот процесс типичен при ассимиляции заимствований в целом и имен собственных в частности. Наш анализ словарных материалов показал: при изменении графической структуры ИС, что как отмечалось выше, является причиной появления вариантности, могут иметь место следующие преобразования:

устранение удвоения согласной: **Nevil, Nevill, Neville; Cassel, Cassell**;

удаление нечитаемой согласной: **Qaddafi, Qadhafi;Cobleigh, Cobley;**

удаление нечитаемой гласной: **Cain, Caine; Cliff, Cliffe**;

замена диграфа на монограф: **Dickie. Dicky;Wicocks, Wilcox;**

замена одной графемы (гласной или согласной) на другую**: Gorki, Gorky**; **Rachmaninoff, Rachmaninov**;

устранение диакритика: **Kekule, Kekulé;**

слитное/дефисное написание: **Annamarie , Anna- Marie**;

замена заглавных букв на строчные: **McIntosh, Macintosh; Mackay, McKay.**

Анализ антропонимов, имеющих графические варианты, позволил установить два основных феномена:

1) *изменение графики ИС не отражается на его произношении*, поскольку обычно какая-либо графема (или диграф) заменяется на аллограф, и все слово попрежнему может быть прочитано по правилу. Например:

Nicholson, Nicolson (фр. <ch> =/k/→ <c> = /k/ перед <o> .

Marty, Marti (<y> = /ɪ/, <i> = /ɪ/.

Графический вариант антропонима не влияет на произношение и в том случае, если, например, при ассимиляции иностранного имени собственного в одном из его вариантов написания устраняется нечитаемая графема, то есть, не выполняющая своей оригинальной функции в системе английской графики. Например:

Martel, Martell /ˈmɑːtəl/

Mariana, Marianna /meərɪˈænə/

McDowall, McDowell / məkˈdaʊəl/

2) *изменение графики ИС отражается на его произношении.* Например:

Dupré, Duprée, Duprez /duˈpreɪ dju- -pri:

Munchausen, Munchhausen, Műnchhausen /ˈmʌntʃaʊzən, ˈmʊntʃ-, -haʊzən, mʌnˈtʃɔ: zən – Ger [ˈmʏnçhɑuzᵊn]

Medoc, Médoc /ˈmedɒk meɪˈdɒk/ ‖ meɪˈdɑːk

(через двойную вертикальную черту в LPD обозначается американский вариант произношения)

Как показал наш анализ на основе LPD, его авторы включают в заглавном слове словарной статьи через запятую графические варианты антропонима, и в том случае, если при одинаковом произношении имеются различия в графике. Например:

McDermot, McDermott / məkˈdɜːmət/

McCurtin, McCurtain // məˈkɜːtɪn/

Первый случай (изменение графики антропонима не отражается на его произношении), является, казалось бы, наиболее простым. Однако нельзя не учитывать наличие некоторых внутрисистемных факторов и, в частности, такого важного лексического феномена, как омонимия. На материале английского языка данное явление относительно ИС изучено мало, но на его распространение в современном английском языке указывают данные исследования Р.В.Кузьминой [3]. Кроме того, для английского языка характерно совпадение личного имени и топонима. Например:

Somerset; Marlboro, Marborough; Worcester.

Только орфоэпический словарь может дать актуальную информацию о написании и произношении омонимичных ИС - в зависимости от их этимологии, значения, степени распространенности, существующей традиции, имеющихся различий в британском и американском вариантах. При наличии вариантов в произношении и написании имени собственного словарь обычно снабжает соответствующую словарную статью специальным комментарием. Например:

Katharine, Katherine /ˈkæθᵊrɪn/ - *but the river and town in N.Terr.Australia, are* -ərɑɪn

Macquarie McQuarrie/ məˈkwɒri ‖, -ˈkwɔːri, - ˈkwɑːri

Ralegh, Raleigh (i) */ˈrɑ:li (ii) ˈrɔ:li/ ‖ /ˈrɑ:li (iii)* ˈ*ræli – Sir Walter R ~ was probably (ii), as is the place in NC; R~ bicycles are (ii) in AmE, (iii) in BrE.*

С другой стороны, в LPD регистрируются и такие случаи, когда единичные антропонимы-омографы имеют разное произношение. Например:

Richter /ˈrɪktə ˈrixtə -Ger [ʁɪçtɐ], *Russ* [ˈ rʲixtʲɪr]- *Charles R~ , the seismologist, was an American; it's therefore appropriate for the 'Richter scale' he devised to be pronounced in an English way, with* k. *Nevertheless, in BrE it is othen said with* x.

Hayden – *Austrian composer* /ˈhaɪdᵊn/-Ger [haidən]

Hayden – *English or Welsh name* / heɪdᵊn/

Приведенные примеры показывают, что словарь дает в пределах одной словарной статьи довольно широкий спектр информации – не только лингвистической, но

и социолингвистической, важной как для тех, кто изучает английский язык как иностранный, так и для переводчиков, помогая им выбрать правильное решение при передаче ИС на другом языке.

Говоря о графико-фонетических вариантах, кодифицированных в орфоэпическом словаре, нельзя не отметить и наличие такого явления, как *Spelling Pronunciation* (SP) – изменение произношения слова под влиянием его написания. Как мы писали ранее [2, с.192-203], одна из причин этого феномена – стремление упростить произношение ИС, читать его в соответствии с фонетическим принципом («как пишется»). В лингвистической литературе обычно приводятся примеры, связанные с SP топонимов (Gloucester, Worcester, Southwark, Harwich, Pontefract, etc.) [10, p.723]. Приведем в качестве иллюстрации феномена SP некоторые английские антропонимы и обратим внимание на способ их регистрации в LPD. Например:

Ralf (i) rælf (ii) reɪf

Ralph (i) rælf (ii) reɪf - *In AmE* (i)

Таким образом, это мужское имя (в русском языке – Рейф, Ралф, Ральф) [4, с. 294], пришедшее в английский язык из древне-скандинавского, имеет в настоящее время два графических варианта (в более простом – замена аллографа <ph> для звука /f/ на основную графему <f>) и два фоноварианта – традиционный и сейчас более редкий, с нечитаемой графемой <l> (ii) и новый, появившийся под влиянием написания слова (i).

Интересным является пример с многовариантным женским именем сложной этимологии (греч. Magdalēnē > лат. > фр.):

Magdalene ˌmægdəˈli:ni ˈmægdəli:n ˈmægdəlɪn - *but the Cambridge college is* ˈmɔ:dlɪn, , -lən, ‖ ˈmɔ;d-, ˈmɑ:d-

Таким образом, старое, то есть традиционное произношение этого личного имени, сохранилось только в названии одного из колледжей Кембриджа. Под влиянием написания слово получило несколько вариантов произношения, особенно – на конце, в заударной части, а приведенный первым основной вариант до сих пор несет черты французского влияния. (Ср. русские соответствия Мáгдален, Мáгдалин, *библ.* Магдалина).

Данное личное имя имеет еще один кодифицированный вариант написания в английском языке:

Magdalen ˈmægdəlɪn ˈmægdələn *but the Oxford college is* ˈmɔ:dlɪn, , -lən, ‖ ˈmɔ;d-, ˈmɑ:d-

Как и у обычных слов, процесс изменения произношения антропонимов под воздействием их написания является субъективным и избирательным: на одни имена он распространяется, принимается обществом, регистрируются в словарях, а на другие – нет, или в течение длительного времени воспринимается как американизм. Так, ИС **Anthony** приводится в LPD следующим образом:

Anthony (i) ˈæntəni. (ii) ˈænᵗθ- -- *in BrE (i) predominates, in AmE (ii)*

Подобным образом, как фоноварианты, предпочтительные для британского и американского произношения, в течение длительного времени трактовалось и произношение имени **Theobald.** Однако под влиянием графики и под воздействием аналогичных написаний (фактор, важный для распространения SP) оно приобрело новое произношение /ˈθi:əbɔ:ld ‖ -bɔ:ld/, а прежнее /ˈtɪbəld/, мало соответствующее графике слова, стало рассматриваться как устаревшее.

В именах собственных **Theoctitus, Theodora,Theodore,Theodosius, Theravada, Themistocles, Thelma, Thebaid, Theban**, etc. диграф <th> также произносится как звук /θ/.

Однако, как известно, языковые новации, могут не распространяться на сходные явления и, вопреки предположениям лингвистов, идти в других направлениях. Приведем в качестве примера произношение и написание личного имени **Teresa** /tə'ri:zə/, **Theresa** /tə'ri:zə/ (фр.Thérèse < лат. Therasia). Второй вариант написания, близкий к французскому оригиналу, считается устаревшим: на его место пришел новый, без нечитаемой <h>. Таким образом, под влиянием произношения упростилась графика имени (подобные явления мы называем *Pronunciation Spelling*).

Графическая и фонетическая вариантность, несомненно, присущи и другим разрядам имен собственных. Например, в настоящее время очень актуальным представляется изучение в этом плане эпонимов и эргонимов.

Однако необходимо заметить, что проблема функционирования имен собственных в языке, их дефиниции, семантические характеристики и т.д. тесно связана с ключевыми проблемами лексикологии и лексикографии. Существующие различные классификации ИС по разрядам (единичные антропонимы – имена выдающихся деятелей, эргонимы, идеонимы, различные виды топонимов и т.д.) настоятельно требуют их адекватной лексикографической параметризации не только в специальных ономастических словарях, но и в общих, учебных и т.д. Это необходимо, например, для корректной передачи имен собственных при переводе художественной литературы, при создании рекламных текстов, при подготовке географических атласов, в деловой межкультурной коммуникации и т.д.

Несомненно, что при этом орфоэпическим словарям принадлежит особая роль: именно они служат источником аутентичной информации об оригинальном написании и произношении слова для составителей общих и учебных словарей.

Как известно, при передаче ИС и названий из одной лингвистической системы в другую могут использоваться различные способы – перевод, традиционная передача, транскрипция и транслитерация [1, с. 117-126]. Исследование Е.А.Шаминой, направленное на установление существующих на практике способов передачи английских антропонимов в русском языке, показало, что именно транскрипция (практическая) и транслитерация являются наиболее частотными способами передачи английских имен собственных средствами русского языка [5, с. 208]. Вследствие различий в фонетических и графических системах двух языков ИС не всегда передаются адекватно, и часто их интерпретация зависит от квалификации переводчика, его знаний и учета традиций. Следствием различного подхода при переводе имени собственного является «непохожесть» одних и тех же имен собственных в переводах различных авторов (самый яркий пример – перевод на русский язык топонимов и антропонимов из романа М.Митчел(л) «Унесенные ветром»).

Другой пример – различные способы передачи на английском языке названия столицы Южной Осетии, привлекшее, в связи с трагическими событиями, внимание иностранных СМИ: Tskhinvalli, Tskhinvali, Tskhinval, Tskhinvall, Tshinvalli. Заметим, что последний вариант, написанный на одном из транспарантов в Южной Осетии, демонстрирует один из типично ошибочных способов передачи на английском языке русского глухого фрикативного звука /х/.

Таким образом, сложность ИС как лингвистических знаков – при их активном участии в межкультурной коммуникации, важность для них таких различительных свойств, как звуковая и письменная форма, которые не являются статичными, требуют совершенствования лексикографической разработки ИС в одноязычных и двуязычных словарях различного типа. Однако основным источником информации выступает именно орфоэпический словарь.

Список использованной литературы

1. **Ермолович Д.И.** Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М., 2005.
2. **Иванова Н.К**. Представление фонетических характеристик языка и речи в англоязычной лексикографии XVIII - XX веков (на материале британских, американских и канадских словарей). Дис.…доктора филол. наук. Санкт-Петербург, 1995.
3. **Кузьмина Р.В**. Фонетическая вариативность и вариантность в английском языке и принципы их отражения в современных орфоэпических словарях (фонетико-лексикографическое исследование на материале феномена омонимии) .Дис ….канд. филол. наук. С-Петербург, 2007.
4. **Рыбакин А.И**. Словарь английских личных имен. Москва, 1973.
5. **Шамина Е.А.** Проблемы транскрипции и транслитерации английских антропонимов в русском языке // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л.Р.Зиндера / Под ред. Л.В.Бондарко. Санкт-Петербург, 2004, с. 207-210.
6. **Щерба Л.В.** Языковая система и речевая деятельность / Под. ред. Л.Р.Зиндера, М.И.Матусевич. Ленинград, 1974.
7. **Bollard J.C.** Pronunciation Dictionary of Proper Names. Detroit, 1993.
8. **Cottle B**. Dictionary of Surnames. 2nd ed. Penguin Books, 1978.
9. **Pointon G**. The BBC Pronouncing Dictionary of British Names. Oxford, 1983.
10. **Wells J.** Longman Pronunciation Dictionary. Longman, 2002.

Н.К. Иванова, Е. Н. Киселева

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ «ЗАРЯД» ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье рассматриваются основные лингвистические особенности товарных знаков: их связь с культурой и историей, принципы использования в английском языке имен собственных, лексических, грамматических, графико-фонетических средств для достижения экспрессивности, запоминаемости, ассоциативности, передачи коннотативных значений и ценностных категорий.

Рекламная деятельность как неотъемлемая и активная часть комплексной системы маркетинга стала важной составляющей любой деятельности, а рекламный дискурс в условиях насыщенного рынка товаров, услуг и конкуренции становится важнейшим инструментом воздействия на потенциального покупателя.

Э.Фромм отмечал, что «торговец старой школы, предлагая свой товар, обращался в основном к разуму клиента, …чтобы добиться успеха, он должен был говорить о своих товарах разумно и здраво». «Широкий сектор современной рекламы, - писал он, - работает совершенно иначе. Реклама апеллирует не к разуму, а к чувству; как любое гипнотическое внушение, она старается воздействовать на свои объекты эмоционально, чтобы заставить их подчиниться интеллектуально. Реклама этого типа воздействует на покупателя всеми средствами: ему снова и снова повторяют одни и

те же формулы; на него воздействуют авторитетом какой-нибудь звезды общества или знаменитого боксера, которые курят именно эти сигареты; его привлекают и одновременно притупляют его критические способности сексуальными прелестями красавиц, изображенных на плакатах; его запугивают тем, что от него дурно пахнет, либо поощряют его мечты о внезапной перемене в жизни, которая произойдет, как только он купит вот эту рубашку или вот это мыло. Все эти методы в основе иррациональны, они не имеют ничего общего с качеством товаров, они усыпляют и убивают критические способности покупателя, как опиум или прямой гипноз» .[5].

Высокой рекламоспособностью обладает товарный знак как важная составляющая брендинга. Он позволяет не только выделить и донести до целевой аудитории свойства товара, но и лаконично охарактеризовать его. Не случайно его называют «тайным увещевателем», «безмолвным продавцом», «витриной» товара» [1].

Согласно общепринятому определению, товарный знак – это оригинально оформленное графическое изображение, оригинальное название, особое сочетание цифр, букв или слов и т.п., которым предприятие снабжает свои изделия» [2, с. 154] .

Товарный знак является важным идентификатором товара; его основное назначение – сделать товары и услуги конкретной компании узнаваемыми, отличными от конкурирующей компании. Создание и использование товарных знаков регулируется законом «О рекламе», а его разработка является коммерческой тайной. Товарный знак не может содержать геральдические обозначения, географические названия и т.д., поскольку они не могут быть объектом исключительной собственности.

Многие товарные знаки, став неотъемлемой частью экономического и социально-культурного пространства, превращаются в родовые обозначения товаров, становятся нарицательными. В большинстве товарных знаков заложено национальное представление о традициях, качестве, гармонии, ценностных ориентирах, передаваемое с помощью специальных выразительных средств, которые и делают товарные знаки аксиологическими, запоминающимися, экспрессивными, конкурентноспособными. Коммерческие номинации, как особые языковые единицы, обладают способностью внедряться в сознание носителей языка, участвовать в формировании их языковой картины.

Товарные знаки представляют собой обширную, разнообразную, но до сих пор недостаточно исследованную область ономастики английского языка. Вместе с тем, они прочно входят в повседневную культуру любого англоговорящего потребителя товаров и услуг, многие из них несут печать национального духа, особенностей культуры данной страны.

Таким образом, товарные знаки не просто информируют о достоинствах какого-либо товара, но, обладая особой семантической и визуальной структурой, вызывают ассоциации и передают широкий спектр коннотативных значений, ценностных категорий (жизнеспособность, надежность и безопасность, престиж и значимость и т.д.). При этом можно выделить ряд универсальных лингвистических средств, которые придают названию мелиоративные оттенки значений (например, широкое использование существительных и прилагательных *gold, sun, star, imperial, royal, brilliant* и др.), применение прилагательных *natural, new, sensitive*, etc. В названиях косметической продукции для женщин часто используются прилагательные и словосочетания *instant, youth extending, intensive age treatment, energizing, immediate response, time reversing, skin expert, superactive,*etc., то есть, вербально подчеркиваются исключительные свойства товара.

Таким образом, каждый товарный знак обладает и ассоциативной емкостью, то есть способностью вызвать определенные ассоциации у потребителей, благодаря применению особых вербальных, визуальных, графических средств. Например,

товарный знак известной международной косметической компании “AVON” выглядит как буква А, которой на западе маркируются товары высшего качества (группы «люкс), тем самым указывая на превосходные качества косметической продукции данной компании.

Аксиологическими по своей сути являются автомобильные бренды: в них используются названия животных, которые ассоциируются с силой, скоростью, выносливостью, знаки зодиака (Mustang, Jaguar, Scorpio), импликатуры важности, престижности, исключительности (Chic, Royale, Mégane, Triumph, etc.).

Действенным средством привлечения внимания является нарушение фонетико-морфологического облика слова-товарного знака, его нетрадиционная орфография, применение игры слов с использованием омонимии.

В нашем исследовании были проанализированы как общие языковые особенности ряда известных англоязычных товарных знаков, так и частные, связанные с фонетико-орфографическим оформлением. С этой целью лингвистическому анализу были подвергнуты буклеты, каталоги, ряд англоязычных рекламных изданий.

В теории межкультурной коммуникации известным положением является то, что восприятие времени представителями разных культур различно (монохронно и полихронно), и есть страны, ориентированные на прошлое, настоящее или будущее [4, с. 119].

С этой точки зрения большой интерес представляет анализ таких торговых знаков, в которых использованы британские исторические реалии, известные события, имена собственные. Так, например, есть товарные знаки (ТЗ), которые эксплицитно демонстрируют свое британское «происхождение»:

Whitehall – улица в центре Лондона / ТЗ пластинок;

Big Ben - Часовая башня Парламента / ТЗ курительных трубок, чая;

Victory – название флагманского корабля адмирала Нельсона /ТЗ Victory-V, пастилки от кашля;

Pall Mall – название фешенебельного клуба на одноименной улице в Лондоне/ ТЗ сигарет;

Cutty Sark – последний из больших чайных клиперов/ТЗ виски [3].

Заметим, что в русском языковом сообществе, ориентированном на будущее, это светлое будущее, в отличие от темного дореволюционного прошлого, выражалось в таких ТЗ, как «Новая заря», «Рассвет», «Аврора», «Красная Москва» и др.

Особая и очень важная роль принадлежит именам собственным (ИС). Причем, как было замечено, в названиях торговых знаков используются как топонимы и антропонимы, принадлежащие к интернациональному античному фонду (Venus, Flora, Seneca, Ceasar, etc.), так и собственно английские ИС (американские), связанные с историей, культурой и географией страны (Admiral Nelson, Marlborough, John Walker, John Bull, Earl Grey, York, Dakota, Pontiac, Lady Di, Blood Mary, Uncle Tom, etc.). Вместе с тем, в практику создания товарных знаков прочно вошло и использование имен самих производителей (Dior, Chanel, Guchi, Ford, Philip Morris, Rolls Royce, Lockheed, Cooper, Smirnoff, etc.).

Заметим, однако, что топоним при этом особо характеризует товарный знак, чаще всего, эксплицитно указывая на подлинность и качество происхождения товара (ср.: Champagne - французское шампанское, Camembert - сорт французского сыра, Cognac, etc.). На такого рода товарные знаки обычно распространяется определенная форма правовой защиты. Запрет на использование того или иного имени собственного в оригинальном написании часто заставляет производителей прибегать к так называемым «коммерческим», то есть нетрадиционным написаниям в используемых товарных знаках [2].

Кроме «именных» названий товарных знаков существует большая группа фирменных названий, семантика которых однозначно указывает на качество товара, на его исключительность по сравнению с другими, имеющимися на рынке. Например:

“All” – универсальное моющее средство, пригодное для стирки *всех* видов тканей;

“Easy”- большая группа товаров, в которых подчеркивается *легкость,* с которой они производят необходимый эффект;

“Less-Toil”- *«меньше работы»*, то есть эффективное средство удаления грязи с различных поверхностей;

“One wipe” - быстрое и легкое удаление пыли в «*одно вытирание*» .

“Quick” - быстрочистящее средство для дверных ручек, etc.

Однако довольно часто название товарного знака усложняется за счет изменения привычного морфологического состава слов и их необычного написания, в котором имеются или общая буква для двух слов, или применяется нетрадиционный буквенный символ:

“C-foam” (cf.sea foam – морская пена) – ТЗ материала, используемого для набивки подушек:легкого, мягкого, воздушного как морская пена;

“Speedry”(cf. speed dry – моментальная сушка);

“Big Hed” (cf. big head – «большая головка», ТЗ булавок);

“Kleenex” (cf. clean + **ex**(cellent) - ТЗ одноразовых носовых платков,

салфеток и т.п.

По поводу последнего примера заметим, что широко используемый словообразовательный элемент **-ex** несет в коммерческих названиях особую нагрузку и эксплицитно указывает на отличное (**ex**cellent) качество товара (cf. Cultex, Maltex, Spandex).

Появление так называемых «торговых (коммерческих) написаний» (“commercial spelling”) было отмечено в английском языке еще после первой мировой войны, но их интенсивное распространение началось со второй половины XX века и до сих пор продолжается [7]. Например, название и написание компании “British Telefon & Telegraf” было зарегистрировано в 1907 г.

В основе подобной устремленности к модифицированным написаниям при создании названия торгового знака лежит, видимо, прежде всего, осознанное стремление нарушить принятые нормы орфографии в поиске максимально экспрессивных и в то же время эксплицитных или экономных средств языкового выражения. Среди «торговых написаний» можно выделить широко распространенные, уже закрепленные в общенациональном масштабе, например, **shu** (shoe)*,* **lite** (light)*,* **kleen***,* (clean), **Kleenex, Bref** *(*Breath)*,* **nite** (night), etc. Привычными в англоязычном сообществе стали такие марки продуктов и изделий, как *California sunkist oranges, Hy*top, Squeezit, Stic pens, Kwik Kash, E-Z Kleen , Soft and Dri, Cristal, Brite Prestolight,Trufit, Dubl-Duti, etc.*

Проведенный анализ показал, что при создании подобных модифицированных названий широко используются как фонетические средства, так и графико-орфографические.

Один из самых распространенных приемов – упрощение нормативного графического символа (символов), пишущегося в этом слове, и его замена на такой, который позволяет читать рекламное словосочетание на основе фонематического принципа, тем самым не только упрощая его написание и чтение, но и сообщая ему экспрессивность, обеспечивая его запоминаемость и непохожесть на другие ТЗ. Например: **Sa-So** (say so), **Super Sefly Go** (super sea fly go), **Stop-Kof** (stop cough), **Krazy Kakes** (crazy cakes**), Rist-master** (wrist master), **Holdzit** (holds it), **I –Heal –U** (I heal you), **Duz** (does), etc.

Из приведенных примеров очевидно, что часто используемыми графическими

средствами являются, наряду с заменой основных графем на аллографы, дефисное написание торгового знака, слитное написание одного или нескольких слов, апострофы, указывающие на сокращенное слово (e.g. **Skindividual**, **Wash'n Wear, Wash'n Dry, Wash'n Go, etc.**).

Нельзя не заметить, что стремление к максимальной выразительности (через весьма экономное лингвистическое выражение) и к аксиологичности названия товарного знака обуславливает использование большого арсенала лингвистических средств, в том числе, определенных словообразовательных элементов и различного рода сокращений.

Так, из морфологических средств можно выделить частое использование классических (греко-латинских) *префиксов*, выбор которых также предопределен стремлением передать через название определенные коннотации. Например: "**Bi-fideli-ty**" («двойная точность»), "**Re-Sculpting"**, "**Re-Defining", "Biomiracle", "Ultra-kleen",** "**Ultra-Firming", "MaxSize",** etc.

Как и в обычном словообразовании, широко применяется ряд продуктивных суффиксов, которые постепенно закрепились для названия тех или иных групп товаров (лекарственных препаратов, тканей, средств борьбы с насекомыми, моющих средств и т.д.):

-er/- or : "Deglosser", " Hibernator", "Wiper";

- ine/- in: "Sugarin", " Stimulin", "Arrestin", "Bicillin", "Salcin"

-an/-el: "Acrilan", "Microlan", "Taralan", "Astrel", Fortrel"

-cide: "Gallicide", "Jetocide", etc.

Как указывалось выше, в названиях товарных знаков широко применяются различного рода сокращения. Это могут быть акронимы (RAP – removes all paint", DOG – denture oxygen cleaner), апокопа (LUX – luxury, Prem – premium, Max - maximum), инициальные буквенные сокращения (MO – mineral oil, H-A – hair arranger, BT – breakfast treat). Довольно часто можно встретить товарные знаки, в названии которых используются неполные или частичные сокращения, сочетание нескольких способов сокращения, графическое выделение отдельных компонентов. Например: **Jell-O**, **B-Killer**, **HT**-1 (high temperature), **Hi-D** (high density), **O.B., T- ball**, **Bake - N - Sun**, etc.

Необходимо, однако, заметить, что в написании некоторых товарных знаков может наблюдается не только упрощение орфографического облика слова, но и его усложнение, обычно за счет стремления к имитации традиционных французских написаний: **Tear Naturale, Garlique, Royale**, **Tonique**, **Tanette**, **Intime**, etc. При создании новых серий лекарств в их названиях, то есть, в их визуальном облике, преднамеренно подчеркивается принадлежность к научной терминологии через предпочтение графемы <y>: **Caladryl, Tylenol, Benadryl.**

Таким образом, проведенный анализ показал, что особое назначение товарных знаков как уникальных идентификаторов коммерческих продуктов предопределило и их особые лингвистические характеристики - для обеспечения их ассоциативной емкости, экспрессивности и запоминаемости. Именно широкий спектр лексических, грамматических, фонетико-орфографических и графических средств позволяет создать уникальный ментальный и визуальный образ ТЗ. Большая часть американских и британских товарных знаков включают национальное представление о качестве, гармонии, принятых ценностях, традициях.

Исследование особенностей англоязычных товарных знаков показало, что отработанные на них технологии номинации, языковой игры, творческого использования лингвистических средств были перенесены из рекламной деятельности в виртуальную коммуникацию.

Список использованной литературы

1. **Авер Г, Бернс С.** Современная реклама. Москва: «Довгань», 1994.
2. **Армстронг Г., Котлер Ф.** Введение в маркетинг. – 5-е изд, Москва: «Вильямс», 2000.
3. **Артемова А.Ф.** Английские товарные знаки // Иностранный язык в школе. №5, 2003, с. 81-87.
4. **Виссон Л.** Русские проблемы в английской речи. М.: Р.Валент, 2007.
5. **Фромм Э.** Бегство от свободы. www.koob.ru
6. **Packard V.** The Hidden Persuader. New - York, 1957.
7. **Venezky R.L.** The American Way of Spelling. New - York-London, 1999.

И.С. Лукашин, И.В. Долинина

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗВУКОВ РЕЧИ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье приведена система доказательств наличия непосредственной связи между звучанием и смыслом слова. В своем изучении фоносемантического значения звуков речи автор опирается на исследования в области лингвистики, психологии, физики, приводит данные, полученные с помощью компьютерных технологий.

В исследованиях по языкознанию ученые неоднократно пытались установить связь между звучанием слова и его лексическим значением. Многовековое изучение проблемы соотношения звука и смысла привело к возникновению в языкознании новой научной отрасли – фоносемантики.

Однако даже сегодня доказательств существования связи между звучанием слова и его семантикой приведено не так много. По этой причине вопрос о соотношении звука со значением остается актуальным в современной научной ситуации.

В этой статье мы сделаем попытку изложить свои доказательства существования непосредственной связи между звучанием и значением слова. Для того чтобы наиболее полно раскрыть избранную нами для исследования тему «Фоносемантическое значение звуков речи», мы поставили перед собой следующие задачи:

1. Выяснить, что такое звук речи, звук в слове.
2. Дать определение фоносемантике и указать ее исследовательские принципы.
3. Изучить точки зрения известных исследователей на вопрос связи между звуковой оболочкой слова с его лексическим значением.
4. Изложить собственные суждения по вопросу связи между звуковым и лексическим значением в слове. Предложить обоснования существования такой связи, основываясь на новейших достижениях не только гуманитарных, но и естественных наук.

Для решения этих задач мы будем использовать широкий круг научной литературы, информацию СМИ, новейшие данные электронных ресурсов.

Мы в полной мере осознаем, что избранная нами тема является спорной и сложной, но вместе с тем, она представляется нам интересной и обладающей научной ценностью.

Обратимся к определению понятия звук. Звук, в широком смысле – это упругие волны, распространяющиеся в среде и создающие в ней механические колебания; в узком смысле – субъективное восприятие этих колебаний специальным органом чувств человека. Именно в этом своем втором значении звук и стал предметом и объектом нашего исследования.

Звук выступает как основная единица фоносемантики – науки, которая рождается и утверждает себя на стыке фонетики (по плану выражения), семантики (по плану содержания) и лексикологии (по совокупности этих планов). Как мы видим, в рамках фоносемантики осуществляется синтез многих дисциплин, что в сумме образует единственное направление исследования, а именно – познать язык, выявить его закономерности на уровне соприкосновения звука и смысла.

Этапы становления фоносемантики уходят своими корнями в историю языкознания в целом.

Фонетическое значение интересовало ученых еще со времен античности. Считается, что первым на его существование указал Платон в своем диалоге «Кратил», представив коннотативные определения некоторым согласным звукам. По мнению Платона, в речи есть звуки быстрые, тонкие, громадные, округлые и т.д. И в природе есть соответствующие им предметы: быстрые, тонкие, громадные, округлые и т.д.

В Древней Руси вопрос о фонетическом значении впервые рассматривался в XII веке, когда монах Ефимий предложил описание и классификацию явлений звуковой семантики. В предложенной им классификации указываются качественные характеристики звуков и их оценочная функция, положительная, нейтральная и отрицательная коннотации. Все звуки Ефимий разделил на шесть групп: «грусни», «грубы», «громны», «натужны», «немы», «шепетливы». В первую группу входят гласные звуки, во вторую группу – [б], [в], [г], [д] – как грубые; в третью – [к], [п], [р], [т] – как «грохочущие» и «шумные»; в четвертую – [л], [м], [н] – как косноязычные, трудные для понимания; в пятую – [с], [з] – как звуки, связанные с наговором, сплетнями, доносом.

В разное время исследователями вопроса о «значении звука» занимались известные философы и ученые: Святой Августин Аврелий, Вильгельм фон Гумбольдт, Леонард Блумфилд, Сандерс Пирс, Ф.Де Соссюр. В России фоносемантическое значение слова исследовалось в трудах Ф.Ф. Фортунатова («Значение звуковой стороны в языке») и А.А. Реформатского («Введение в языковедение»).

Новый этап в становлении фоносемантики как раздела лингвистики начинается в XX веке. Во многом этому процессу способствует рост рекламных и пиар-технологий. Например, в 1952 году американский психолог Ч. Осгуд, анализируя публичные выступления политиков, заметил: «Из двух примерно одинаковых кандидатов (и их столь же идентичных программ) выигрывает тот, кто использует более благозвучную мелодику речи. В условиях митинга, когда восприятие ориентировано на общее впечатление от выступления, этот фактор оказывается одним из решающих».

Ч. Осгуд разработал целую методику управления «музыкой слов», назвав свою работу «методом семантических дифференциалов». Показывая испытуемым таблички с написанными бессмысленными созвучиями и слогами, ученый попросил оценить ощущения, вызываемые тем или иным звуком: сильный он или слабый, светлый или темный, большой, маленький и т. д. В итоге сформировались 24 шкалы. Был создан словарь, в котором каждому созвучию соответствовал цифровой код – положение слога по этим шкалам. Как отдельный слог, так и весь текст в целом оценивался по балльной системе.

Изучение особенностей фоносемантического значения слова велось и в России. В середине XX века подобные исследования шли в различных академических институтах и лабораториях. Появились работы, в которых фоносемантика получила обоснование как отдельная отрасль языкознания. Огромная роль в разработке данного вопроса в нашей стране принадлежит таким русским лингвистам, как: А.П. Журавлев, С.В. Воронин, В.В. Левицкий.

В XXI веке фоносемантические исследования вышли на принципиально новый уровень благодаря активному использованию компьютерных технологий. Сегодня для изучения воздействия звуковой оболочки слова на наше восприятие широко применяются компьютерные программы, например: «Диатон\Диаскан» (И. Черепанова) и «ВААЛ» (В. Шалак и соавторы). В итоге количество биполярных шкал почти удвоилось. Звуки и тексты оцениваются по следующим параметрам (их список здесь весьма неполон): «прекрасный», «светлый», «нежный», «радостный», «возвышенный», «бодрый», «яркий», «сильный», «стремительный», «медлительный», «тихий», «суровый», «минорный», «устрашающий», «зловещий», «тоскливый», «угрюмый» и т.д.

Программы «Диатон» и «ВААЛ» оценивают наличие внушений в речи, ее гипнотический потенциал (суггестивность). В экспертных заключениях, выдаваемых программами, вы можете прочитать: «Речь суггестивно нейтральная», «Ориентация на мягкое кодирование» или «Ориентация на жесткое кодирование». Последнее заключение означает, что в анализируемом фрагменте содержится внушение, которое по эффективности воздействия будет не слабее, чем воздействие реального гипнотизера.

Также с помощью компьютерного исследования фоносемантического значения были открыты статистически достоверные зависимости между характерологическими качествами автора и определенным набором слов из его сочинения. По звуковому составу текста стало возможным охарактеризовать личность написавшего текст в основных психологических шкалах: демонстративность, возбудимость, депрессивность, гипертимность и т.д.

Одной из самых популярных и доступных по своему использованию программ, связанных с исследованием фоносемантического значения, является программа А. Бабарыко. Принцип, положенный в основу ее работы, заключается в том, что звук обладает не только четким коннотативным значением, но и цветом, то есть способен вызывать в нашем сознании определенные цветовые ассоциации. Компьютерная программа А. Бабарыко за считанные минуты определит цвет стихотворения, слогана, слова. На Всероссийском конкурсе имени В.И. Вернадского эта работа стала абсолютным победителем: как считают филологи, исследование молодого математика – настоящий прорыв в лингвистике.

«Я тебя люблю» – как вы думаете, какого цвета слова, которые мечтает услышать каждый? Программа А. Бабарыко скажет вам, что эта магическая фраза... темно-зеленая. «Звук семантичен – зачастую более, чем грамматика» – один из эпиграфов к докладу А. Бабарыко.

Теперь мы видим, что важно не только лексическое значение слова. Оказывается, на подсознательном уровне мы воспринимаем и другую информацию – ту, которую несет звук. В ней «закодированы» определенные ассоциации звука с впечатлением, эмоциональными качествами, формой и цветом. Причем именно цветовые ассоциации, вызванные звучанием, занимают в нашем восприятии едва ли не первое место. Все это объясняет, почему от грустной на первый взгляд песенки про дождь и слезы человеку становится весело и тепло? Все дело в желто-оранжевом «цвете» звуков, который воздействует на наше подсознание.

Программа А. Бабарыко помогает быстро выяснить, какую цветовую информа-

цию несет тот или иной цвет. Внешне все выглядит очень просто: вводишь в программу стихотворение или слово, и компьютер «раскрашивает» его. На конкурсе филологи со всей России наперебой «расцвечивали» произведения разных авторов и поражались как новизне подхода, так и точности результатов. Например, в стихотворении Тютчева «Фонтан» строчка «О смертной мысли водомет!» окрашена в фиолетовый цвет – цвет скорби.

Справедливости ради, нужно отметить, что не всегда результаты такого анализа бывают столь однозначны. Да, слово «свинья» – розовое, а новогодние «елки» и «пихты» – зеленые. А вот с известным стихотворением С. Есенина «Голубая кофта, синие глаза – никакой я правды милой не сказал...» вышла неувязка. Казалось бы, стихотворение должно было быть бело-голубым, но программа определила его как... зелено-бежевое.

Кстати, слово «Россия» – чистого, ярко-зеленого цвета.

Завершая наш обзор становления фоносемантики как науки и характеристику принципов фоносемантического исследования, мы хотим отметить, что этот раздел языкознания имел свою длинную и интересную историю, поэтому на сегодняшний день мы имеем множество методик и принципов фоносемантического описания звуковой оболочки слова.

В современной научной ситуации с уверенностью можно сказать, что звук способен указывать на цвет, вкус, запах. Он соотносится с определенной формой (круглой или угловатой), формирует эмоции и впечатления, вызывает устойчивые ассоциации с размерами, теплотой, скоростью.

Именно по этим причинам интерес к фоносемантическим исследованиям никогда не исчезнет. Язык в его звуковом проявлении – универсальное средство общения, и даже больше – это величайшее изобретение человечества. Это изобретение настолько великое и гениальное, что даже создатель его, человек, по сей день разгадывает его тайны.

Но может быть, так случилось потому, мы почти забыли тот свой первоначальный «правильный» язык, в котором вся лексика обладала «прозрачными» мотивациями, а звучание слова напрямую отсылало к его значению? Ведь изначально для человека существовал только звук. В доисторические времена каждый слышимый звук природы обладал для первобытного человека смыслом и характером – первоочередным и естественным. С развитием интеллекта человек стремился повторять и сочетать эти звуки для передачи информации своим соплеменникам. Сочетания звуков рождали первые слова, передающие первоначальный звуковой смысл. Все это у наших предков происходило в результате психологического восприятия.

В подтверждение нашей мысли мы хотим провести аналогию со становлением речи у детей: первобытные люди, подобны маленьким детям всех времен, так как они тоже только начинали познавать мир. Познание всегда происходит через ощущения. Ощущения определяют процессы, происходящие в головном мозге. Мы знаем, что в процессе познания ребенку проще понять слова, смысл которых совпадает с естественным звуком, и на первое место ребенок всегда ставит слова, имеющие звукоподражательный и звукоизобразительный характер. Вспомните себя маленькими: вместо машины дети говорят бибика, потому что слышали этот характерный звук от самого объекта; вместо собаки – гав-гав или авва, потому что впервые увиденная ребенком собака лаяла и т.п.

В современном языке сохранилось немало слов, в звучании которых напрямую отразилось их лексическое значение. Например, фоносемантические оболочки слов гром, храп, рык, рев, гул, шепот, шелест, шорох как бы воспроизводят звуки названных

явлений. В таких случаях фонетическая значимость почти сливается с признаковой оболочкой, так как само звучание слова подсказывает признаковую оценку того, что этим словом обозначено.

Нам представляется, что многие концептуально значимые слова, специфические константы языка, в своих началах были сформированы по такому звукоизобразительному принципу. И пусть связи между звучанием и значением слова сегодня не столь отчетливы, как раньше, человек вольно или невольно постоянно их отмечает.

Ярким подтверждение того, что звук и вместе с ним звучащее слово обладает формой, цветом и экспрессивно-эмоциональной окраской является поэтическое творчество. Вот, к примеру, рассмотрим стихотворение С.Есенина «Зеленая прическа»:

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы ветви
Ты лунный гребешок?
…
Луна стелила тени,
Сияла зеленя…

В стихотворении несколько раз упоминается зеленый цвет. Стихи буквально переливаются разными оттенками зеленого: от светло-зеленой листвы березы до темного ночного блеска зеленых отсветов озими под луной. Но как смысл отражается на фонетической содержательности произведения в цветовом аспекте? Даже в приведенных строчках заметно явное скопление звукобукв Е. Есть в стихотворении и строчка, где из гласных звуков употреблены почти одни только [э]. Обращаясь к фоносемантическим таблицам, мы можем увидеть, что [э] действительно обозначает зеленый цвет. Немало в стихотворении гласных звуков [а] и [о], создающих красный и белый цвет. В сочетании эти звуки «рисуют» в нашем сознании светлый и нежный оттенок – воздушный розовый. Благодаря этому созданный в поэтическом произведении образ мы легко можем изобразить на бумаге с помощью красок.

Звукопись использовали в своем творчестве многие поэты Серебряного века: Блок, Бальмонт, Маяковский. Эта традиция продолжена в творчестве Высоцкого, Мартынова, Багрицкого, Вознесенского.

Приведенные нами аргументы в пользу существования исконной связи между фоносемантическим и лексическим значениями слова мы хотели бы подкрепить данными экспериментов, проведенных естествоиспытателями.

Физики сумели доказать взаимообусловленность звучания и значения слова с помощью воды. Оказалось, что вода способна реагировать на то или иное звучащее слово.

О том, что вода может находиться в трех состояниях: твердом, жидком и газообразном, – человечество знало давно. Но лишь несколько лет назад было обнаружено еще одно – информационное. Ученые из разных стран мира почти одновременно выдвинули поразительную гипотезу: вода – это некая мыслящая субстанция. Она способна воспринимать, копировать, сохранять и передавать информацию – даже такую тонкую, как человеческая мысль, слово и эмоция. Это доказывают любопытные эксперименты.

Например, доктор Масару Эмото провел интересный опыт: поместил в три стеклянные банки рис, залил его водой и каждый день в течение месяца говорил одной банке «спасибо», второй – «ты глупец», а на третью не обращал внимания. Через месяц замоченный рис, которому выражали благодарность, начал бродить, издавая сильный приятный запах, рис из второй банки почернел, а тот, на который не обращали внимания, начал загнивать.

Запечатлевая информацию, зашифрованную в звуке, вода способна приобретать новые свойства, при этом ее химический состав остается прежним. Ведь структура воды – это то, как организованы ее молекулы. С помощью микроскопа мы можем увидеть, как они объединяются в группы – кластеры. Именно эти кластеры становятся своеобразными ячейками памяти, в которые вода, как на магнитную ленту, записывает всю информацию. Возможно даже, что эта странная жидкость – единственный в своем роде компьютер с беспредельной памятью.

В своей лаборатории доктор Эмото исследовал, как меняется вода после различных воздействий. Ученый помещал капельки воды в специальные пробирки и замораживал в холодильнике. Далее разглядывал образовавшиеся снежинки в микроскоп с подключенным к нему фотоаппаратом. Под микроскопом стало видно, что капли воды, которым перед заморозкой сказали слова любовь и благодарность, после заморозки приняли формы красивых, затейливых снежинок. Каплям же воды, которым сказали слова ненависть и смерть, приняли непривлекательный, бесформенный, отталкивающий вид.

Как подтверждают исследования ученых из разных стран, независимо от того, на каких языках произносились слова, адресованные воде, результат был один: прекрасное и уродливое. Так оказалось, что вода способна реагировать на звуки и способна понимать их.

Из этого опыта с водой, следует сделать вывод, что смыл слова и смысл звуков, его оставляющих, самым непосредственным образом связаны между собой. И пусть это не всегда может понять и ощутить человек, но природа, откуда все берет свои начала, это нам доказывает.

Таким образом, выстраивая свою систему доказательств существования связи между фоносемантическим и лексическим значениями слова, мы постарались использовать совокупность данных лингвистики, физики, психологии и компьютерной обработки материалов. Взгляд на проблему фоносемантического значения с позиций разных наук и методов исследования позволил нам показать прямую взаимосвязь звука и смысла. Наши наблюдения и выводы разрешают проблему семантической значимости звуков речи и формируют один единственный ответ: слово представляет собой сложный комплекс, в котором звуковая оболочка тесно сопряжена с лексической семантикой.

Список использованной литературы

1. **Воронин С.В.** Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982.
2. **Журавлев А.П.** Звук и смысл: Книга для внеклассного чтения учащихся старших классов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991.
3. **Сегал Д.М.** Основы фонологической статистики. М.: Наука, 1972.
4. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. **А.П. Евгеньевой.** –2-е изд, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.

О.В. Тихомирова, М.Н. Милеева

ФОНЕТИЧЕСКАЯ КОМПРЕССИЯ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В ДЕЛОВОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена анализу феномена фонетической компрессии в деловом английском языке. Рассматриваются основные ассимиляционные явления фонетической компрессии, такие как элизия, редукция, коартикуляция и пр. Исследование включает также слуховой анализ звучащего языкового материала и статистическую обработку полученных экспериментальных данных.

Язык является динамичной и постоянно развивающейся системой, которой присущи изменчивость и динамизм. При этом не следует игнорировать неравномерности в историческом развитии отдельных языковых уровней, неодновременности и неоднородности происходящих в них изменений, которые обусловлены действием как внешних, так и внутренних факторов. Одним из таких внутренних факторов, способствующих развитию и совершенствованию языка, выступает тенденция к экономии языковых средств, носящая, по мнению многих лингвистов, универсальный характер и затрагивающая все уровни языковой системы.

История вопроса языковой экономии имеет давнюю традицию. К ней обращались разные мыслители, начиная с Аристотеля. Системное изучение принципа экономии в языке следует связывать с исследованиями в области фонетики и, прежде всего, с именами таких лингвистов, как Г. Суит, П. Пасси, В. Уитней, которые указали на наличие в языке двух противоположных тенденций: тенденции к облегчению произношения и ее противоположности — тенденции к избыточности. А. Мартине положил начало рассмотрению экономии в области фонологии, расширив рамки действия данного принципа и придав экономии универсальный характер, считая ее причиной фонетических изменений.

В современном языкознании наметились два подхода к пониманию принципа экономии: *широкий* (экономно любое явление в синхронии и диахронии, ведущее к исчезновению новых форм и способствующее совершенствованию языка как средства общения) и *узкий* (количественный, базирующийся на вариативности языковых средств, то есть замене их более экономными единицами). Широкое понимание характерно для языка как системы, а узкое — для речи.

На речевом уровне принцип экономии проявляется в форме лингвистической компрессии, которая представляет собой один из частных случаев реализации принципа языковой экономии и действует как на диахроническом, так и синхроническом уровне языка в неполном типе разговорной речи. Компрессия затрагивает все уровни языковой системы (лексику, грамматику, фонетику) и выражается в употреблении более сжатых речевых единиц, вариативно соотносимых с единицами полного типа речи, содержащими полный объем информации. Наиболее ярко компрессия проявляется в разговорной речи, которая многообразна в своих проявлениях. Три основных вида лингвистической компрессии на речевом уровне отличает, прежде всего, специфика их компрессирующих возможностей. Лингвистическая компрессия на лексическом уровне реализуется в виде компрессированного словообразования, одним из способов которого считается аббревиация. Одним из основных видов синтаксической (грамматической) компрессии считается эллипс, приводящий, прежде всего, к сокра-

щению речевой цепи на синтаксическом уровне. В разговорной речи наблюдаются яркие проявления эллипса разных грамматических категорий: главных членов предложения, прилагательных, служебных слов.

Фонетический ярус наиболее ярко маркирован с точки зрения лингвистической компрессии. Она включает в себя явления двух уровней: сегментного и супрасегментного, которые тесно взаимодействуют друг с другом в условиях реального общения. На уровне сегментики лингвистическая компрессия проявляется в различных видах ассимиляции. Вследствие большой компрессии сегментных единиц в разговорной речи возрастает роль супрасегментных характеристик (определенные изменения в характере темпа, громкости, паузации, ритмической организации речи) [1, с. 8].

Вследствие того, что в потоке речи слова не просто связываются в слышимые ряды и цепочки звуков, а образуют определенным образом организованные сочетания, в разговорной речи имеет место сокращение структуры языковой единицы без изменения заложенной в ней информации, имеющее системный характер и немаркированное стилистически. Исходя из определения компрессии, к разряду таких фонетических явлений представляется возможным отнести следующие:

- ассимиляция [5, с. 142],
- элизия [4, с. 72],
- редукция [6, с. 480], [3,с. 122],
- монофтонгизация [2, с. 127],
- коартикуляция,
- усечение.

Рассмотрение фонетических особенностей разговорной звучащей речи и анализ явлений фонетической компрессии проводился на диалогическом материале делового английского языка из учебного пособия Роберта Оуэна (R. Owen “BBC Business English”, 1992). Исследование включало также слуховой анализ звучащего языкового материала и статистическую обработку полученных экспериментальных данных. Ниже будет подробно рассмотрен сегментный уровень фонетической компрессии на вышеуказанном материале, поскольку диалог является основной формой разговорной речи.

В результате исследования было установлено, что всего фонетической компрессии подвержено 37,5% слов из общего объема звучащей диалогической речи. Факт, что лишь третья часть звучащей лексики подвержена компрессионному принципу, объясняется спецификой делового пласта языка, отличающегося наличием в нем терминов и терминологических сочетаний. В силу особенностей употребляемой деловой лексики она не может столь же легко следовать принципу экономии речевых усилий, как лексика общеразговорного плана. Специальная и общеупотребительная лексика различны по функциям воздействия на партнера по коммуникации, из чего и вытекает различие по степени подверженности принципу компрессии.

Если рассматривать частотность компрессии слов относительно частей речи, то в большей степени изменялись служебные слова — 48,4 %, а среди самостоятельных слов компрессии подвергалось 32,1 %. Высокий показатель компрессии служебных слов объясняется тем, что такие слова не несут информации, поэтому могут легко быть подвержены изменениям или быть утраченными без потери смысла речи. Компрессию самостоятельных слов можно интерпретировать таким образом, что используются слова, хорошо известные партнеру по коммуникации, в которых естественные ассимиляционные процессы не вызовут затруднений в понимании.

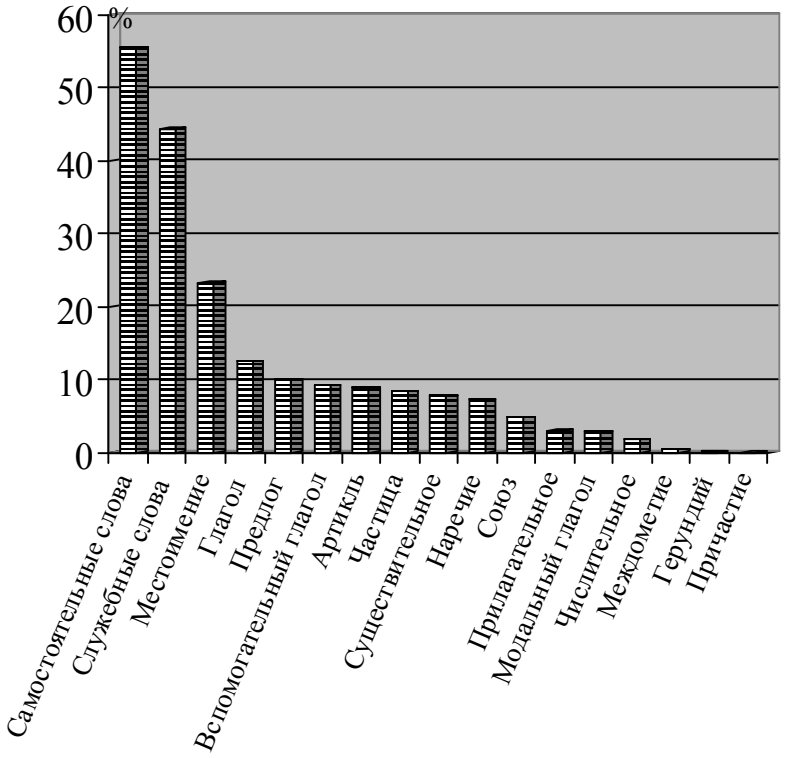


Рис.1. Соотношение компрессированных частей речи.

Рассматривая соотношение видов фонетической компрессии, было установлено, что большинство слов подвержено ассимиляции — 52 %, причем элизия также достаточно многочисленна и составляет 48 %.

На гласные в целом приходится подавляющее число изменений — 69,5 %, а на согласные – в два раза меньше. Это можно объяснить тем, что произнесение гласных более подвержено изменениям в силу их фонетических характеристик. Долгота, степень раствора гласного, участие определенных органов речи варьирует гораздо заметнее, чем у согласных. Таким образом, будучи осведомленным о предмете делового разговора, носитель информации стремится увеличить ее объем в единицу времени за счет применения принципа фонетической компрессии.

Так, большинство гласных подвергаются редукции, причем как в безударных, так и в ударных слогах. Количество качественной и количественной редукции одинаково. Количественной редукции в большей степени подвергались фонемы /iː/, /uː/, /ɔː/. Например, в таких словах, как *he, be, see, three, need, mean, each; you, who, two, to, do, group; all, already, report, board, forward, order, before*. Качественная редукция представлена заменой фонем /æ/, /**ɪ**/, /o/, /**ʌ**/, /u/ на нейтральный звук /ə/. Например, в словах *a, and, as, at, can, shall, have, that, fax, back, c**o**ntact, **a**mbition; **e**lectronic, prem**i**ses, man**a**gement, dam**a**ged, pack**a**ging; of, or, for, from, **a**ll right; are, us, just, some; to, do*.

Также в большой мере гласные звуки подвергаются монофтонгизации. Чаще сокращаются следующие дифтонги: /əʊ/ → /ɔː/, /au/ → /ɑ/, /a**ɪ**/ → /ɑː/, /eə/ → /e/, /**ɪ**ə/ → /**ɪ**/, /e**ɪ**/ → /e/. Например: *go, so, only, know, hello, hold, don't, whole, suppose, control, tomorrow; how, now, down, round, about; I, by, myself; where, there; here, hearing; details, change, holiday*.

Элизия гласных представлена в наименьшей степени. Исчезновение нейтрального звука /ə/ встречалось в основном в безударных слогах следующих слов: *to, afternoon, answering.* Практическое отсутствие элизии среди гласных вполне естественно,

поскольку выпадение и исчезновение гласных в самостоятельных словах превратят разговорную речь в сообщения телексного типа, а воспринимать звучащий материал с выпавшими гласными можно только в письменной форме.

Согласные звуки чаще подвергаются элизии. Большая доля элизии приходится на звуки /d/ и /t/, чаще, если они стоят в конце слова. Например: *and, round, thousand, should, field, arranged, it, at, not, but, that, what, get, just, last, first, short, start, right, might, eight, about, contact, management, biggest, goodbye, depar**t**men**t**.*

Со средней частотностью подвергаются элизии звуки /ð/, /v/, /h/. Например: *the, this, them; of, have, themselves; him, who, holiday*.

Реже встречается элизия сонорных звуков /l/, /r/, /θ/ и звуков, стоящих перед межзубным согласным /θ/. Это явление также достаточно просто объяснить особенностью произнесения сонорных согласных, в образовании которых участвует голос и, кроме того, они являются слогообразующими звуками.

Согласные также подвергаются ассимиляции. Наиболее частотная ассимиляция — ассимиляция, затрагивающая работу голосовых связок. Например: *is, as, his, plea**s**e, suppo**s**e, head**s**, computer**s**, years, key**s**, system**s**, lea**v**e**s**, of, ha**v**e, u**s**e**d**.*

По степени уподобления одного звука другому чаще встречается частичная ассимиляция. Например: *I've seen, supposed to*. В первом случае следует отметить, что конечный согласный в сокращенной форме глагола *to have* ассимилируется следующему за ним согласному в зависимости от его звонкости или глухости. Во втором случае, кроме ассимиляционного процесса, целесообразно говорить об элизии звонкого конечного согласного звука /d/ перед его глухой параллелью.

Из ассимиляций по направлению наиболее распространена регрессивная ассимиляция. Например: *words should, of people, as part*.

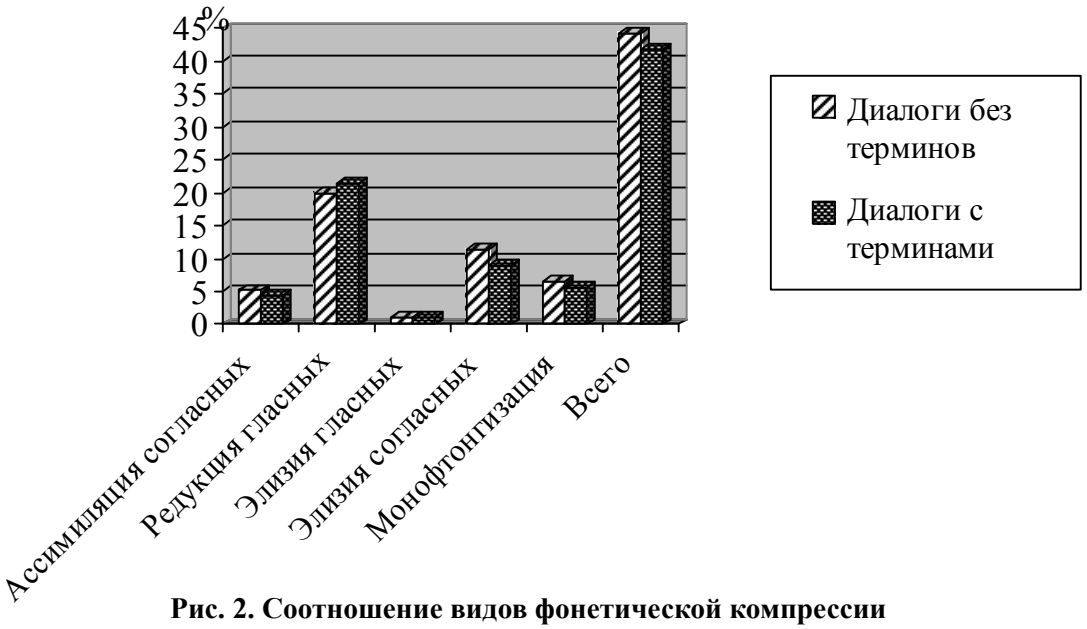


Рис. 2. Соотношение видов фонетической компрессии межу диалогами с терминами и без них.

Анализируемые диалоги различались по качеству используемой лексики. Во всех, как правило, присутствовала деловая лексика, но в некоторых диалогах, кроме этого, содержалось большое количество экономических и компьютерных терминов. Проведенное исследование показало, что в диалогах без терминов компрессии подвергалось больше слов, чем в терминологических диалогах. Но разница между ними оказалась небольшой – 2,5 %. Такие близкие показатели объясняются тем, что все эти

диалоги осуществлялись в рабочей атмосфере, при деловом общении, и компрессия наблюдалась в аналогичных случаях.

При анализе лексических особенностей звучащей диалогической речи удалось выявить, что диалоги, не перегруженные терминологической лексикой, активнее подвергаются ассимиляционным процессам в силу того, что термины, являясь особым классом слов, не могут четко следовать принципу экономии. Специальные термины предназначены, прежде всего, для узкого круга экспертов в этой отрасли и, по всей видимости, все вышеперечисленные фонетические явления компрессии смогут в полной мере проявиться лишь в языке делового сленга или жаргона, что не входило в задачи предпринятого исследования.

Список использованной литературы

1. **Абызов А.А.** Фонетические характеристики английской компрессированной речи/Автореферат дис. … канд. филол. н. – Иваново, ИвГУ, 2005.
2. **Леонтьева С.Ф.** Теоретическая фонетика английского языка. – М., 1988.
3. **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1976.
4. **Соколова М.А. и др.** Теоретическая фонетика английского языка: учебник для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. – М., 1991.
5. **Торсуев Г.П.** Фонетика английского языка. – М., 1950.
6. **Ярцева В.Н., Швейцер А.Д.** Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

А.Н. Смирнова

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ АМЕРИКАНСКОГО СТАНДАРТА АНГЛИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Ивановский филиал Российского государственного торгово-экономического университета

Язык в современном языкознании, при его рассмотрении в различных плоскостях, представляет собой сложную систему или “систему систем “. Практически нет ни одного направления (ни одной области), где бы тот или иной языковой элемент любого уровня не рассматривался бы как элемент какой-то системы. Таким образом, литературный язык (AmE/BrE) можно охарактеризовать как систему, в которой допускается известная вариативность, определяемая не только структурными особенностями той или иной языковой единицы или спецификой данного уровня, а также определяемая различиями в действии норм на разных уровнях языка.

Последние десятилетия характеризуются бурным развитием нового направления в языкознании - социолингвистики. Советская лингвистическая наука уже в 20-30-х гг. нашего века уделяла большое внимание социологическому изучению языка,

то есть рассмотрению языка в его взаимодействии с обществом, в частности в связи с различными формами его существования (диалект, полудиалект, литературный язык) в их отношении к различным социальным группам общества. Большой вклад в этом направлении внесли крупные ученые - Е.Д. Поливанов, Л.П. Якубинский, Б.А. Ларин, В.М. Жирмунский и другие. Следует отметить, что на современном этапе развития социолингвистика представляет собой качественно новое направление в языкознании, развивающееся на основе последних достижений лингвистической науки, и рассматривает явления языка и общества во взаимосвязи, как явления с признаками системной организации.

Одно из ведущих мест в современной социолингвистике занимает проблема социальной стратификации языка. В.М. Жирмунский писал, что при изучении языка необходимо учитывать социально-классовое расслоение общества [3, с.10]. Гетерогенность структуры языка проявляется в существовании целого ряда перекрещивающихся подсистем, т.е. горизонтальной и вертикальной дифференциации. Говоря о горизонтальной дифференциации (варьировании языка в пространственной проекции), А.Д. Швейцер отмечал, что она лежит в основе деления языка на территориальные диалекты, полудиалекты и варианты [5, с.6]. Одним из важнейших направлений в этой области при исследованиях, проводимых социолингвистами, стало изучение функционирования языка в тех условиях, когда тот или иной язык используется в двух или нескольких странах, т.е. несколькими самостоятельными национальными носителями. Так, французский язык используется во Франции, Бельгии, части Швейцарии, является одним из государственных языков в Люксембурге, Канаде; португальский - в Португалии и Бразилии; голландский - в Нидерландах и в Бельгии (фламандский); испанский - в Испании и в большинстве латиноамериканских стран; немецкий язык используется в Германии, Австрии, на большей части территории Швейцарии, в государстве Лихтенштейн, а также является одним из государственных языков в Люксембурге; итальянский язык используется в Италии и части Швейцарии (кантон Тичино); шведский язык используется в Швеции и Финляндии. Особенно широко распространен английский язык: сфера его использования охватывает Великобританию, США, Австралию, Новую Зеландию, Ирландию, Канаду и ЮАР.

Изучение характера литературного языка в таких условиях позволило, в частности, сформулировать концепцию национального варианта литературного языка. Вариативность языка является сравнительно молодой теорией, находящейся в настоящее время в стадии своего становления. Состояние системы литературного языка, когда он используется двумя или несколькими национально-государственными общностями, что является отдельным случаем вариантности, называется национальной негомогенностью языка. Национальные варианты литературного языка необходимо отличать от региональных вариантов, т.к. в национальных вариантах местная специфика (культивирование диалектных, ареальных особенностей) является лишь одним из источников развития языка. В целом национальные варианты характеризуются тем, что с точки зрения основного инвентаря элементов своей субстанции и структуры они оказываются едины. Единство такого национально негомогенного языка, однако, не предполагает их обязательного тождества, так как, пишет Д. Брозович, «было бы нематериалистично и недиалектично считать, что язык, обслуживающий одну нацию, общество, одну национальную культуру и цивилизацию, одну науку и литературу, может иметь ту же природу, что и язык, распределяющий те же функции между двумя нациями» [2, с.17].

Неидентичность языка при наличии двух или более национальных носителей привела языкознание к признанию вариативности такого языка, что, в свою очередь,

выявило необходимость определения этой системы как национальных вариантов языка. Интерпретация национальных вариантов одного языка как систем, обладающих устойчивостью и перспективой, несомненно, является значительным достижением советской и зарубежной лингвистики последних 60-65 лет. Ведь еще в начале 50-х гг. Э.Г. Ризель, например, при рассмотрении национальных особенностей немецкого литературного языка в Австрии и Швейцарии считала эти особенности элементами, находящимися на различных ступенях их внедрения в общую единую норму, т.е. практически рассматривала их как территориальные дублеты [5, с.163]. С другой стороны, негомогенность национальных вариантов языка подтолкнула ряд лингвистов к рассуждениям о существовании самостоятельных языков. Ярким примером тому является концепция Г.Л. Менкена, рассматривавшего американский вариант английского литературного языка как самостоятельный, независимый «американский язык» [4, с.23].

В начале 60-х гг. ведущими советскими лингвистами были сформулированы основные положения о национально негомогенном языке как о системе его национальных вариантов. Этому способствовали также некоторые более ранние высказывания и оценки, сделанные А.И. Смирницким, Э.Г. Ризель и др. Следует особо отметить вклад в решение этой проблемы Г.В. Степанова, А.Д. Швейцера, В.Г. Гака, Е.А. Реферовской, М.А. Бородиной, А.И. Домашнева, Д. Брозовича и др. Резюмируя развернутую характеристику национальных вариантов языков, данную Г.В. Степановым, можно сказать, что национальным вариантом языка является форма приспособления единого литературного языка как к традиции, так и к современным потребностям нации, то есть национальный вариант является особой формой функционирования единого языка.

Как уже отмечалось, одним из национально негомогенных языков является английский язык, поливариантность которого уже в течение длительного времени привлекает к себе внимание как советских, так и зарубежных лингвистов. Особый интерес вызывает американский вариант литературного английского языка. По мнению А.Д. Швейцера, интерес, проявляемый к этой проблеме, определяется прежде всего тем, что она имеет большое значение не только для англистики, но и в кругу таких проблем общего языкознания, как природа языка и его территориальной вариативности, соотношение между вариантами литературного языка и др. [6, с.6].

Большое внимание проблемам исследования различий американского и британского вариантов английского языка уделили в своих трудах целый ряд советских лингвистов, в частности В.Н. Ярцева, И.Р. Гальперин, А.В. Кунин, Л.П. Ступин, Т.И. Беляева, И.А. Потапова, Г.Д. Звиададзе.

Необходимо отметить, что важной стороной признания суверенности национального варианта литературного языка является его фиксация, то есть выявление и кодификация национальной нормы литературного языка, и прежде всего путем лексикографического отражения состояния нормы данного литературного языка в условиях данного социума. В настоящее время американский вариант английского языка является настолько устойчиво сложившимся типом литературной речи, который, как показывают наблюдения, характеризуется специфическими, свойственными именно английскому языку в США чертами на всех уровнях языковой системы, что ряд лингвистов, в первую очередь американских, предпринимают попытки возродить теоретические рассуждения Г.Л. Менкена о существовании особого американского языка. Хотя работа Г.Л. Менкена «Американский язык» основана на большом количестве фактического материала, А.Д. Швейцер совершенно справедливо отмечает, что ценность собранных фактов в значительной мере снижает их явно тенденци-

озный подбор, сомнительная интерпретация целого ряда случаев, произвольное и ненаучное обращение с языковыми фактами, что, вместе взятое, наводит на мысль о том, что автор заранее поставил перед собой одну цель - доказать существование особого американского языка [7, с.8]. Следует отметить и другую крайность, - в частности, доводы в пользу признания американского варианта английского языка диалектом приводил Б.В. Братусь [8, с.28].

Но, исходя из того тезиса, что важной стороной признания существования суверенного национального варианта английского языка в США является кодификация национальной нормы литературного языка, причем прежде всего путем лексокографического отражения, в настоящее время представляется важным дать оценку тому, какова лексикографическая практика фиксации, или отражения этих специфических церт английского языка в США. Представляется весьма показательным тот факт, что вплоть до недавнего времени в английских словарях американизмы либо вообще не приводились, либо оценивались как отклонение от нормы. В последнее время, однако, ситуация изменилась. В частности, существование американского стандарта наконец-то признано даже словарями Оксфорда, а том числе словарем Harper Collins Cobuild Student's Dictionary (2005). Контрасты между американским и английским стандартами английского языка обнаруживаются достаточно часто и в различных сферах системы языка, что и было подтверждено при анализе вышеназванного словаря с последующим сопоставлением соответствующих слов в словаре "Webster's New Collegiate Dictionary" (1983).

При сплошном анализе части раздела, отведенного словам, начинающимся на букву "s", выявилось, что большое количество различий относится к словам, имеющим сходную морфологическую структуру, семантику и орфографическое оформление, но различающимся фонетически.

Целую группу слов составляют слова, в которых происходит своеобразное изменение фонетической структуры в результате перехода от /ju:/ к /u:/, или элиминация звука /j/. Например, слово stew имеет в словаре две транскрипции: /stju:/ (английский вариант) и /stu:/ (американский вариант). Это же явление было отмечено в следующих лексических единицах: studio, studious, studiously, studiousness, subdue, stupefy, stupendous, stupid, stupor, stupefaction, stupidly, stupidity, student. В двух случаях (sterile, sterilization) отмечается переход гласной этих словоформ из дифтонга в монофтонг: /ˈsteraɪl/ (англ.) - /ˈsterel/ (амер.). В двух других случаях отмечается переход от долгого звука /ɑ:/ в английском варианте к дифтонгу /eɪ/ в американском (существительное stratum, глагол strafe): /ˈstrɑ:təm/ (англ.) - /ˈstreɪtəm/ (амер.), /strɑ:f/ (англ.) - /streɪf/ (амер.). Единая для двух вариантов форма steadfast имеет характерное различие в произношении - переход от /ɑ:/ к /æ/ в американском варианте: /ˈstedfɑ:st/ (англ.) - /ˈstedfæst/ (амер.). В фонетической реализации слова submersion в американском варианте наблюдается озвончение звука /ʃ/. Словоформа strontium несет в себе следующие различия в произношении: /ˈstrɒntiəm/ (англ.) - /ˈstrɒnʃiəm/ (амер.). При фонетической реализации словоформы subleutenant отмечена замена звука /e/ на долгий /u:/. Отмечено различие в фонетической реализации слова strong (изменение долготы гласного).

Выяснилось, что ряд слов имеет различия в фонетической реализации как следствие появления в американском варианте вторичного ударения, что приводит к произнесению синкопируемой в английском варианте гласной; таких слов было отмечено три: stationary, stationery, strawberry. Также в результате появления вторичного ударения в американском варианте в слове stipendiary происходит замена редуцированного на /e/. Отмечен случай переноса основного ударения в глаголе subcontract

(то же в существительном subcontractor), что приводит к фонетическим изменениям: /sʌbkənˈtrækt/ (англ.) - /səbˈkɒntrækt/ (амер.).

Сложным и весьма интересным случаем представляется различие в фонетической реализации и расхождение в ударении в словоформах steward, stewardess: /stjʊəd/ (англ.) - /stu:əd/ (амер.), где, как мы видим, происходит уже знакомая нам элиминация звука /j/ и, одновременно, изменяется долгота гласного в американском варианте. В словоформе stewardess, помимо отмеченных выше явлений, мы наблюдаем различие в ударении и в фонетической реализации второго слова: /stjʊəˈdes/ (англ.) - /ˈstu:ədis/ (амер.). В словоформе submarine отмечается отсутствие в американском варианте вторичного ударения в сочетании с переносом ударения на первый слог. В словоформе striated отмечен перенос ударения, не приведший, однако, к изменению какого-либо звука: /straɪˈeɪtid/ (англ.) - /ˈstraɪeɪtid/ (амер.).

Далее отмечено значительное количество расхождений на лексическом уровне, в том числе американизмов, не используемые или частично используемые в английском варианте языка, американизмы, не имеющие либо имеющие соответствие в английском варианте, а также расхождения в одном из компонентов сложного слова. Так, обнаружен американизм, не имеющий лексического соответствия в английском варианте языка и, поэтому, данный словарем Хорнби описательно: stock-car “железнодорожный вагон для перевозки скота”. в словаре отмечен ряд лексических американизмов, не имеющих распространения в Англии и имеющих в английском варианте лексическое эквиваленты: porch (англ.) - stoop (амер.), plug (англ.) - stopper (амер.), shorthand (англ.) - stenography (амер.), shorthand typist (англ.) - stenographer (амер.). Ряд лексических американизмов, являющихся сложными словами, отличаются от своих семантических эквивалентов в английском варианте одним из компонентов: shareholder (англ.) - stockholder (амер.), tram-car (англ.) - streetcar (амер.), shoelaces (англ.) - shoestrings (амер.).

Отмечен лексический американизм, получивший в настоящее время распространение не только во всем английском узусе, но и, как заимствование, в ряде других стран, например в Германии, Австрии, Японии: station-wagon, чему в английском варианте эквивалентно estate car. Подобное явление объясняется, в частности, использованием американского технического опыта, проникновением американской технологии и расширением рынков сбыта американского автомобилестроения. Встретившийся в ходе анализа американизм store хотя и используется в английском варианте, но имеет узко ограниченное специфическое значение. К лексическим американизмам следует отнести также словосочетание steamer headline, где наблюдается расхождение с английским вариантом в одном из компонентов устойчивого словосочетания (при общем опорном слове определительные слова в словосочетаниях различны: английским эквивалентаом является словосочетание banner headline).

В двух случаях отмечено расхождение в семантической структуре слов. Слово stateroom в английском вариенте обозначает “отдельная каюта на корабле”; в американском варианте появляется дополнительное значение: “купе железнодорожного вагона”. Если значение слова student в английском варианте общеизвестно, то в американском варианте появляется второе значение: “школьник”. Кроме того, в этом слове прослеживается уже известное нам фонетическое расхождение.

В анализируемом материале был также обнаружен морфологический американизм: существительное “этаж” в американском варианте имеет модифицированное окончание: storey (мн. ч. storeys) - английский вариант; story (мн. ч. stories) - американский вариант.

Особым случаем представляется фонетический и морфолого-орфографический американизм: глагол staunch (англ.), имеющий в американском варианте, кроме указанной, вторую орфографическую реализацию stanch, которая используется в настоящее время и в английском варианте. Интересно отметить, что в результате один и тот же глагол, обозначающий одно и то же понятие ("остановить течение, особенно крови"), имеет два вида орфографического отображения и три вида фонетической реализации.

Таким образом, проведенный анализ показал, что своеобразие английского литературного языка США, выраженное на различных уровнях языковой системы, находит свое кодифицированное выражение в качестве равноположенного национального стандарта единого английского языка.

Список использованной литературы

1. **Братусь Б.В.** Теория американского языка на службе у империалистов. // Иностранные языки в школе, № 4, 1948, с. 28-36.
2. **Брозович Д.** Славянские стандартные языки и сравнительный метод. - «Вопросы языкознания», № 1, 1972, с. 17.
3. **Жирмунский В. М.** Национальный язык и социальные диалекты. – Л., 1936. – 180 с.
4. **Mencken H.L.** The American language (An inquiry into the development of English in the United States). N.Y., 1957.
5. **Ризель Э.Г.** К вопросу о национальном языке в Австрии. // Ученые записки 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз., т. 5, 1953, с. 163.
6. **Шахбагова Дж.А.** «Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка», 1982.
7. **Швейцер А.Д.** Некоторые актуальные проблемы социолингвистики. // Иностранные языки в школе, № 3, 1969, с. 6.
8. **Швейцер А.Д.** Различительные элементы американского и британского вариантов современного литературного английского языка. - Автореф. дисс. ... докт. наук. М., 1966.
9. **Швейцер А.Д.** Литературный английский язык в США и Англии. - М., Высшая школа, 1971, с. 7-9.
10. www.lexscripta.com/desktop/dictionaries.
11. **Harper** Collins Cobuild Student's Dictionary, – 3d ed. 2005.
12. Webster's Ninth New Collegiate Dictionary.- Springfield (Mass.): C. and G. Merriam Co., 1983.

Е.Н. Стрельчук, Нгуен Хоанг Чанг

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА И ИВАНОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ ЧЕРНЕЦОВЫХ)

Ивановский государственный химико-технологический университет

Концепция «иноязычного образования» Е.И. Пассова провозглашает, что целью иноязычного образования является не формирование отдельных навыков и умений, а формирование человека как индивидуальности, развитие индивидуальности в диалоге культур[5, с.14]. Важнейшим мотивом, побуждающим учащихся к овладению неродным языком, является желание познакомиться с культурой изучаемого языка. С другой стороны, более глубокое вхождение в иноязычную культуру стимулирует процесс его изучения. В связи с этим в методике преподавания русского языка как иностранного определяется принцип культурологической (страноведческой) направленности в обучении, в соответствии с которым формируется межкультурная компетенция.

Страноведение – это широкое понятие, включающее в себя знания об общественно-политической жизни и экономике страны изучаемого языка, ее истории, накопленных и появляющихся культурных ценностях и традициях. Аспектизация преподавания русского языка позволяет организовать учебный процесс таким образом, что формирование коммуникативной компетенции, изучение программного лексико-грамматического материала происходит параллельно с систематическим ознакомлением иностранных учащихся с историей, культурой страны, современной действительностью. Усвоение информации о России не только повышает мотивацию изучения русского языка, но и помогает адаптации иностранных студентов в новой языковой, социальной и культурной среде, дает им знания для продолжения изучения языка. «Процесс изучения языка должен опираться на рассмотрение и включение в учебный процесс наиболее значительных и вызывающих максимальный интерес иностранных учащихся фактов и явлений культуры с тем, чтобы знание языка способствовало межкультурной коммуникации, диалогу культур, становлению и развитию сотрудничества во всех областях знания» [3, с.38].

Произведения художественной литературы служат ценным источником

изучения всех аспектов национально-культурной специфики страны изучаемого языка. Художественный текст представляет собой своего рода культурный фон, поэтому является одним из основных и значимых материалов в процессе обучения иностранному языку. В этой связи весьма важным является приобщение студентов к лучшим образцам русской литературы. Это произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, А.А. Ахматовой, С.А. Есенина и др.

Однако следует отметить, что на основном этапе обучения иностранных учащихся русскому языку, этапе продуктивной речевой деятельности, задача должна сводиться не только к усвоению, но и к усложнению изучаемого материала, к усилению комплексно аналитических и творчески усложненных приемов работы. Именно поэтому должно быть отдано предпочтение взаимосвязанному обучению литературе и другим видам русского искусства: живописи, кино, музыке, театру. Такая комплексная работа способствует систематизации языковых знаний и совершенствованию речевых навыков и умений во всех видах речевой деятельности. Поэтому проблема связей литературы и других видов искусства остается и сегодня в центре внимания филологов.

Это связано с тем, что на современном этапе она приобретает новое значение: обращение к творчеству русских писателей воспринимается сегодня как попытка постичь сущность происходящих процессов в прошлом и настоящем, а также во внутреннем мире самого человека.

Так как языковая компетенция студентов на основном этапе обучения высока, то работа с художественным текстом должна быть ориентирована на расширение и углубление знакомства с историей и культурой русского народа. В связи с этим большое внимание необходимо уделять отбору материала, который будет интересен студентам, вызовет знакомые ассоциации, образы. Это должен быть единый цикл, на основе которого можно ставить общие вопросы, проводить аналогии и сравнения, устанавливать смысловые связи между фактами. Изучение такого рода материала имеет особую педагогическую ценность, его интегративные возможности необычайно широки: «актуализируются знания из различных образовательных областей (истории, этики, психологии, литературы, музыки, изобразительного искусства и т.п.) и создаются благоприятные предпосылки для развития познавательных способностей студентов, обогащения их эмоциональной сферы, формирования у них нравственности, мировоззренческих ориентаций» [6, с. 517].

Именно такой подход к подаче материала был использован нами на занятиях по русскому языку как иностранному. Студенты 3 курса имели возможность познакомиться более подробно с творчеством великого русского писателя А.С. Пушкина и ивановских художников Чернецовых. Выбор изучения творчества братьев Чернецовых был не случайным.

На наш взгляд, особое внимание на занятиях по русскому языку как иностранному следует уделять именно региональному компоненту, только тогда «приобщение к региональной субкультуре, в которую погружается иностранный студент, приехавший изучать русский язык, будет проходить более осознанно» [2, с.107]. По мнению исследователей, систематическое и последовательное включение регионального компонента, раскрывающего своеобразие культуры жителей конкретной области, в курсы современного русского языка позволяет представить Россию и весь мир в восприятии обучающегося через ее часть – край, округ, город, район [4, с. 196].

Приезжая в другую страну, город, любой иностранный гражданин интересуется его прошлым и настоящим. У него появляется необходимость лучше узнать место, где он живет, работает и учится, ориентироваться в нем, понять нравы и обычаи его жителей. Подобное знакомство с городом и областью происходит у иностранных учащихся, прежде всего, на занятиях по русскому языку во время изучения материалов краеведческого характера. Необходимо в данной связи учитывать мнение психологов, которые считают, что важным фактором усвоения учебного материала является интерес и мотивация. Краеведение – средство, повышающее интерес учащегося к России, и этот интерес помогает ему преодолеть трудности при изучении языка.

Поэтому нами было продумано и организовано взаимосвязанное обучение иностранных студентов творчеству А.С. Пушкина и его ивановских друзей Чернецовых (с именем Пушкина и его стихами иностранные учащиеся знакомятся ещё на подготовительном отделении; на основном этапе обучения сведения из жизни великого писателя дополняются новыми, студенты читают прозаические произведения «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка», отрывки из «Евгения Онегина» и др.)

Известно, что Александр Сергеевич дружил с ивановскими братьями-художниками Чернецовыми. Этот факт привлекает особое внимание иностранных студентов. Точно не установлено, как сблизились Чернецовы с поэтом Пушкиным, но уже в записке от 1832 года, опубликованной в собрании сочинений Пушкина, Алек-

сандр Сергеевич называет Григория Чернецова «ты», считая близким себе человеком. В другой записке поэт пишет: «Ты хотел видеть тифлисского живописца, уговорись с ним, когда бы нам вместе нему поехать, да, можешь ли ты обедать завтра у меня?» Известный литературовед Л. Вуич считал, что под тифлисским живописцем Пушкин с иронией подразумевал Никанора Чернецова, только что возвратившегося с Кавказа. При написании своих произведений Александр Сергеевич любил делать различные наброски. На одной из страниц чернового варианта знаменитого «Евгения Онегина» поэт изобразил Григория Чернецова.

На занятиях иностранные студенты знакомятся с биографией ивановских художников Чернецовых. Сведений о жизни братьев немного, но они вызывают интерес у студентов. «В семье Чернецовых было пятеро детей. Все они с ранних лет проявляли способность к живописи, особенно средние братья» [1, с. 202]. Учащиеся узнают также о том, что неизвестно, как бы сложилась судьба одаренных юношей, если бы не оказался в 1820 году в Лухе известный писатель и географ, издатель отечественных записок П.П. Свиньин. Будучи сам известным художником, он сразу оценил талант 17-летнего Григория и посоветовал ему поступить в Академию художеств. Но в зачислении Чернецову было отказано. Тогда он, по совету того же Свиньина, отправился в Санкт-Петербург, где получил признание президента Академии А.Н. Оленина и по его рекомендации был зачислен в число сверхштатных учеников. В 1823 году таким же учеником становится и Никанор, о котором уже позаботился член «Общества поощрения художников» В.И. Григорович. Биографические сведения дополняются информацией о том, что «годы учебы братьев протекали в сильных материальных затруднениях, и им помогали многие влиятельные люди того времени. Проявив большое усердие, Чернецовы окончили полный курс Академии и получили золотые медали» [1, с. 203]. Братья достигают больших успехов: пишут наброски, акварели, портреты. Они обретают известность.

А.С. Пушкин высоко ценил творчество братьев. В передней своей квартиры на Мойке повесил полотно «Дарьяльское ущелье», на обороте которого следующая надпись Никанора: «Писана была картина для поэта А.С. Пушкина». Образ Дарьяльского ущелья Пушкин восторженно воспевал в «Путешествии Онегина» и в «Путешествии в Арзрум»: «Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами. Здесь так узко, что чувствуешь тесноту. Клочок неба как лента сияет над нашей головою. Ручьи, падающие с горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мне старинную картину Рембрандта…» Иностранные студенты имели возможность сравнить описание Дарьяльского ущелья в произведениях Пушкина и на картине Никанора Чернецова и высказать свое мнение. Такой вид работы: сопоставление, комментирование, осмысление наблюдений – способствует эффективности учебного процесса, вызывает заинтересованность и играет исключительно важную роль в процессе усвоения неродного языка. С другой стороны, на занятиях повышается общий культурный уровень студентов.

Особое значение в страноведческом аспекте имеет зрительная наглядность. Картины отражают лексический фон, дают учащимся представление о предмете. С этой целью иностранным студентам были предложены для рассмотрения полотна и рисунки художников Чернецовых.

Муза Пушкина, образ самого поэта не однажды вдохновляли взяться за кисть старшего брата. Он помещает Пушкина в центр огромной картины «Парад на Царицыном лугу», в центр известного этюда «Группа писателей» к вышеуказанной картине, где Пушкин изображен в окружении И.А. Крылова, В.А. Жуковского и Н.И. Гнедича. Сохранился и карандашный портрет-набросок фигуры Пушкина в рост, во фраке и

цилиндре, выполненный Г. Чернецовым. На рисунке сделанная рукою художника надпись: «Рисовано с натуры 1832 года 15 дня. Ростом 2 аршина 5 вершков с половиною». В 1837 году братья, потрясенные гибелью Пушкина, пишут совместную картину акварелью и маслом «Пушкин в Бахчисарайском дворце». Это была дань памяти. Фигуру поэта написал Григорий, интерьер дворика – Никанор.

Тесная дружба с великим поэтом повлияла на дальнейшую судьбу братьев. Ими были созданы и многие другие картины. В центральных музеях России, включая Эрмитаж, Третьяковскую галерею, представлены их произведения. В Ивановском художественном музее студенты смогли увидеть две картины братьев: «Грот на Волге», которую написал Григорий, и «Римский форум», архитектурный пейзаж работы Никанора.

Рассматривая и изучая картины Чернецовых, учащиеся читали отрывки из произведений Пушкина («Бахчисарайский фонтан», «Евгений Онегин», «Путешествие в Арзрум»). Работа с конкретным текстом значительно позволяла расширить словарный запас студентов и помогала формировать их языковую культуру.

Орудие культуры – язык. Он является одним из основных признаков нации и уходит корнями в историю, религию и быт народа. Изучение языка, его знание немыслимо без изучения культуры страны. В процессе обучения иностранных студентов русскому языку наиболее эффективным средством формирования лингвокультурологической компетенции, средством интеграции гуманитарного знания становится применение материала по русской культуре. Практика преподавания РКИ доказала невозможность «адекватной коммуникации на изучаемом языке, если этот язык изучается только как новый код, в отрыве от выражаемой им национальной культуры» [5, с. 5]. Таким образом, очевидно, что культурологическая осведомленность иностранного учащегося, в частности региональный компонент, – необходимое условие адекватного владения русским языком.

Список использованной литературы

1. **Баделин В.И.** Люди и легенды Верхневолжья. – Иваново, 1990.
2. **Милованова М.В., Рудыкина Е.С.** Комплексный подход к созданию учебных пособий для студентов начального этапа обучения русскому языку как иностранному // Современный учебник русского языка для иностранцев: теоретические проблемы и прикладные аспекты. – М., 2002.
3. **Митрофанова О.Д.** Русский язык как иностранный: традиции, новаторство, творчество // Традиции и новации в профессиональной деятельности преподавания русского языка как иностранного: учебник-монография. – М., 2002.
4. **Орлов Т.П.** Топонимическая экскурсия как часть лингвистической работы в школе // Проблемы лингвистического образования: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологического образования: наука – вуз – школа». Ч. 1 – Екатеринбург, 2003.
5. **Пассов Е.И.** Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования: концепция развития индивидуальности в диалоге культур. – М., 2000.
6. **Полякова А.А.** Вопросы интеграции гуманитарного образования в обучении русскому языку как иностранному // Профессионально-педагогические традиции в преподавании русского языка как иностранного. Язык – речь – специальность: Материалы Международной научно-практической конференции «Мотинские чтения». Ч.2. – М., 2005.

Е.А. Нечаева

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ PUBLIC RELATIONS

Ивановский государственный химико-технологический университет

В данной статье впервые осуществляется комплексный анализ (на материале русского языка в сопоставлении с английским языком в качестве источника заимствований) метаязыковых особенностей PR; с лингвистической точки зрения анализируются лексико-фонетические особенности заимствований, функционирующих в этой области.

Все закономерности формирования терминологии можно проследить и на примере недавно появившейся в России предметной области «связи с общественностью» (PR).

Отправной точкой данной статьи будет дефиниция PR-термина. PR-термин - слово или словосочетание, являющееся точным обозначением понятия области знания «связи с общественностью».

Терминологическая система PR имела при формировании своим источником английский язык. На протяжении своего развития данная терминологическая система соответствовала уровню развития теории и практики PR, как и они сами, она исторически изменялась.

PR-термины существуют в составе PR-терминологии. Значит, они - однозначны, не нуждается в контексте, системны, стилистически нейтральны. PR-термин в идеале должен не только передавать информацию о содержании понятия, но и указывать на его место в системе подобных понятий, тем самым облегчать вход в PR-систему, взаимопонимание, запоминание и применение.

PR-терминология — это совокупность терминов PR-области деятельности и знания, образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочению.

Между PR-терминами и не PR-терминами тоже происходит постоянный обмен: слова общего языка, утрачивая некоторые свои свойства, становятся терминами (не переставая быть фактами общего языка): термин «отношения» в PR-лексиконе — это отношения между PR-специалистом и приоритетной группой. При этом происходит так называемое сужение понятия. И наоборот, термины PR входят в общий язык: *лоббирование* в PR-терминологии - это влияние заинтересованных групп на принятие решений властными структурами, а в политическом лексиконе *лоббировать* – влиять на вышестоящего по службе (начальник отдела, директор предприятия), происходит так называемое расширения понятия. Иногда термины даже могут становиться особыми идиоматическими выражениями: термин «продвигать» в маркетинге и PR.

Среди PR-терминов имеются термины, существующие только как термины и в пределах одной PR-терминологии (*перфоманс, политический маркетинг или политический рынок, паблисити*); бывают и такие, которые существуют тоже только как термины, но участвуют как в PR-терминологии, так и других терминологиях русского языка, например: термин «позиционирование»: 1) в рекламе, 2) в шоу-бизнесе, 3) в PR; термин «манипулирование»: 1) в рекламе, 2) в PR (т.к. эти две области используют методы психологии); термин «продвижение»: 1) в маркетинге 2) в PR; термины «пресс-релиз», «бэкграундер», «медиа-кит», «занимательная статья», «кейс-история»:

1) в PR, 2) в журналистике; бывают и такие, которые употребляются и как термины, и как обычные нетерминологические слова, например, *общественность, группы, СМИ, СМК, заказчик, объект, исполнитель*. Например, в PR- терминологии: *Заказчик* - (руководство организации, рекламодатель, клиент и др.), выступающий в роли инициатора PR-деятельности, определяет условия проекта-задания в соответствии с главной целью PR-кампании, а также примерный объем затрат, специфику заказа, сроки выполнения и ожидаемый результат.

В словаре русского языка С.И. Ожегова: *Заказчик* – тот, кто дает заказ [5, с. 190].

В PR-деятельности: *Исполнитель* – PR-отдел (агентство, частный пиармен и др.) — разрабатывает конкретные мероприятия по выполнению задания заказчика, учитывая реальные возможности своего подразделения, наличие необходимых коммуникативных средств, специфику и сложность приоритетной (целевой) аудитории. Он оценивает стоимость предстоящего объема работ, составляет смету, при необходимости приглашает творческих специалистов разного профиля для решения стоящих задач. Он же осуществляет непрерывный мониторинг своих действий, с тем чтобы определить, правильно ли выполняются запланированные мероприятия и правильная ли реакция их сопровождает.

У Ожегова *исполнитель* – тот, кто исполняет что-нибудь [5, с. 235].

Действительно, когда слово становится PR-термином, то его значение специализируется и ограничивается.

По мнению А.А. Реформатского, слово, становясь термином, теряет свои прежние лексические связи с синонимами и антонимами [10, с. 118]. Но в такой недавно появившейся дисциплине как PR, это положение нельзя считать аксиомой, хотя в некоторых случаях это так: антоним общественного мнения – это индивидуальное мнение, но такого термина в PR не существует, т.к. PR имеет дело лишь с мнением общества. Но есть некоторые термины, которые имеют антонимы, и их антонимы являются тоже терминами. По своей структуре термины-антонимы в PR-терминологии подразделяются на однословные (универбы) и неоднословные /термины-словосочетания/ (поливербы). PR-термины - антонимы по структурной классификации делятся на следующие основные разновидности: разнокорневые (или лексические) антонимы и однокорневые (или грамматические, аффиксальные) антонимы. Разнокорневые (или лексические) антонимы: *внешняя общественность – внутренняя общественность*. В разнокорневых, или лексических антонимах, значение противоположности выражается корневыми морфемами. Однокорневые (или грамматические, аффиксальные) антонимы: *публичные коммуникации – непубличные коммуникации, приоритетная группа общественности - неприоритетная группа общественности, неожиданные кризисы – ожидаемые кризисы.* Однокорневые, или грамматические антонимы - PR-термины, выражающие значение противоположности аффиксальными морфемами, представлены именами прилагательными, образованными с помощью аффиксов. Все приведенные нами примеры антонимов являются поливербами, универбов PR-терминологии в исследуемом нами материале (учебники, монографии, научные статьи, пресс-релизы, интернет-сайты и т.д.) нами не обнаружено. Энантиосемия, то есть внутрисловная антонимия, в PR-терминологии русского языка непродуктивна и в исследуемом материале нет ни одной такой лексической единицы.

Что касается синонимии, то среди PR-терминов есть синонимы, которые в свою очередь тоже PR-термины, хотя количество собственно синонимов относительно невелико. Среди синонимов преобладают формально-структурные варианты: *корпоративный PR – внутренний PR, публичные коммуникации - общественные коммуника-*

ции, политический маркетинг - политический рынок. В основном - это PR-термины, заимствованные из английского путем калькирования (намного реже встречаются материальные заимствования, передаваемые с помощью транслитерации). Встречается также многокомпонентная синонимия: когда паре терминов будет синонимична другая. Например, синонимами являются термины *паблик рилейшнз, общественные коммуникации, связи с общественностью, работа с общественностью, общественные отношения, общественные связи, общественные коммуникации, рассказ для публики, изучение и формирование общественного мнения, коммуникации с общественностью, гармонизация отношений, социальные коммуникации, стратегические коммуникации.* Но есть и такие PR-термины, которые не имеют синонимов. Например, *паблисити, перфоманс, брифинг*; исходя из данных нашего исследования большинство из них - это материальные заимствования, записанные при помощи фонематической транскрипции.

Теперь мы попытаемся классифицировать PR-термины:

I. по профессиональной дифферециации общества:
1) узкоспециальные термины (консалтинг, брифинг, лоббирование, перфоманс, паблисити);
2) термины известные широкому кругу (внутренняя и внешняя общественность, социальная среда, коммуникация, миссия).

II. по принципу производности от другого термина:
1) непроизводные термины (паблик рилейшнз, имидж, лобби);
2) производные термины (имиджевый, лоббирование, лоббировать).

III. по принципу структуры термина:
1) термин-слово (паблисити, миссия, перфоманс);
2) термин - сложное слово (пресс-секретарь, пресс-релиз, медиа-кит);
3) термин- аббревиатура (PR, СМК, СМИ, АСК, АСС, АСР, АСА);
4) термин - сочетание из двух и более слов (общественные отношения, внутрифирменная среда, целевая аудитория);
5) термин - сочетание слова (слов) и букв, символов (PR-специалист, PR-мен).

IV. по количеству значений, которые имеет термин:
1) термин с одним значением (паблисити, миссия, лобби, имидж);

V. по количеству терминологий, в которых участвует термин:
1) термины, существующие в пределах одной терминологии (перфоманс, политический маркетинг, паблисити);
2) термины, существующие только как термины, но участвующие в разных терминологиях (позиционирование, манипулирование, продвижение);
3) термины, употребляющиеся и как термины и как обычные нетерминологические слова (общественность, группы, СМИ, СМК).

Чтобы быть членом PR-терминологии, PR-термин должен быть удобным для образования производных терминов, создающих рациональную и осмысленную семью PR-терминов.

Если основной PR-термин – существительное, то от него просто произвести прилагательное, глагол, через прилагательное — новое существительное и т. д.

Проанализируем образование производных PR-терминов в английском и русском языках.

в русском языке:	в английской PR-терминологии:
лоббирование (английская лексема lobby: материальное заимствование, научная транслитерация)	*lobby n.* (группа лиц, «обрабатывающих» членов парламента или конгресса в пользу того или иного законопроекта)
– лоббистская (политика)	– lobby adj.(lobby politics)
– лоббировать	– lobby v. (пытаться воздействовать на членов парламента или конгресса)/ lobby through v.(провести законопроект посредствам закулисных махинаций)
– лобби/ лоббист – лоббизм;	– lobbyist n. (лоббист/человек, оказывающий давление на членов конгресса)

Цепочки терминов в обоих языках идентичны: существительное – прилагательное – глагол — новое существительное.

Термин *коммуникация* (английская лексема communication: материальное заимствование, научная транслитерация)	В английском языке: communication n.
– *коммуникативный, коммуникационный*	– communicable, communicative adj.
– *коммуницировать*	– communicate v.
– *коммуникант, коммуникатор;*	– communicant, communicator n.

Мы видим аналогичную цепочку терминов.

Лексема *позиционирование* (английская лексема *position*: материальное заимствование, научная транслитерация)	в англоязычном PR-дискурсе: *position n.*
– *позиционирующий, позиционируемый,*	– *positional adj.*
– *позиционировать*	– *posit v.*
новое существительное создать невозможно	

Цепочка параллельных терминов - аналогичная, но мы видим, что и в английском и русском нет существительных, образованных от исходного термина.

Рассмотрим другой пример, лексему image.

имидж (от англ., материальное заимствование, фонематическая транскрипция) – прилагательным от данной лексемы является термин *имиджевый* (имиджевый журнал), но создать глагол от этого термина невозможно, нельзя сказать *имиджировать*/*имиджевать*, можно сказать «создавать имидж»; можно образовать новое существительное от исходного термина, например, *имиджмейкер*;	в английском языке – *image n.* (имидж)- *image-building n.* (создание репутации политического деятеля партии) – *image-maker n.* (создатель политического лидера) нет прилагательного и тоже нет глагола, когда хотят использовать глагол сходный по смыслу, употребляют словосочетание create images.
От термина *пиар* (англ. материальное заимствование, фонематическая транскрипция), прилагательное от данного термина создается путем прибавления к определяемому существительному термина *PR, например, PR-кампания, PR-специалист, PR-мероприятия или кампания по связям с общественностью / кампания по public relations*, эти термины можно отнести к существительным, образованным от исходного термина, т.к. первая часть слова – это аббревиатура;	В англоязычном PR-лексиконе – исходный термин *PR*, прилагательное создается путем прибавления данного термина к определяемому существительному: *PR company, PR methods, PR department, PR man, PR officer, PR specialist*, эти лексемы можно тоже рассматривать как новые существительные, созданные от исходного термина, потому что в их составе первый компонент – акроним;
нельзя создать глагол: слово «*пиарить*» - не термин;	глагола тоже нет, используется выражение *use PR methods*,

Цепочка терминов такая же, как в русском.

От терминов *брифинг, паблисити* (материальное заимствование, фонематическая транскрипция) нельзя вообще образовать ни глагола, ни прилагательного, ни существительного;

В английском языке – исходная лексема *publicity*, прилагательное создается путем прибавления данного термина к другому существительному: *publicity agency*, глагола с такой основой нет, используется выражение – to give publicity to

Мы рассмотрели примеры образования производных терминов от тех лексем, которые являются материальными заимствованиями из английского языка, они передаются в русском языке при помощи фонематической транскрипции или транслитерации. Теперь обратимся к тем терминам, которые функционируют в русскоязычной PR-терминологии и являются кальками.

Лексема *организация* (калька) – *организационный, организаторский*	В английском – *organization n.* - *organized adj.*
– *организовать, организовывать*	– *organize v.*
– *организатор*;	– *organizer n.*

Мы видим аналогичную цепочку параллельных терминов.

Лексема *общественность* (калька) – *общественный*;	В английском – *public n.* – *public adj.* (*public man*, *public office*, *public officer*) – *publicity n.*

Проведя подобный лексический анализ, мы обнаружили, что словообразование от исходного термина параллельных терминов в PR-терминологии, в английском и русском языках, идет практически одинаково. Также мы пришли к выводу, что материальные заимствования, записанные при помощи фонематической транскрипции, не так хорошо адаптируются в русскоязычной терминологии. В русском PR-дискурсе их основы не являются производящими, как те, при ассимиляции которых используют транслитерацию или кальки.

Если же основной PR-термин имеет форму прилагательного, то весь этот путь необходимых параллельных терминов сильно затруднен. Например, в русскоязычной PR-терминологии таким «неудобным» исходным термином является: *корпоративный*, нельзя от него образовать существительное *корпоративност*ь, хотя в неофициальной речи такое слово существует, однако PR-специалисты такой термин не используют. От этого термина нельзя также образовать глагол. Таким же неудобным термином является и его русскоязычный аналог термин «внутрифирменный».

С этой точки зрения совершенно, казалось бы, равноценные термины промоушн (материальное заимствование, фонематическая транскрипция) и продвижение (калька) все-таки неравноценны; второй из них удобно окружен параллельными словоформами: *продвигаемый, продвигать, продвинутый, продвинут, продвигающий, продвинуто,* тогда как первый не имеет никакого окружения. Это еще раз подтверждает выдвинутый нами тезис о том, что для образования параллельных терминов наилучшим вариантом является калька, чем материальное заимствование.

Характерное качество для терминов – это их международность. Общность терминологии, даже при разном фонетическом и грамматическом оформлении терминов

в каждом отдельном языке, дает предпосылку понимания сути при чтении книги по данной специальности, даже будучи написанной на неизвестном для читателя языке. Общность лексического значения обеспечивает взаимопонимание людей разных наций, употребляющих один и тот же термин. Термины предметной области связи с общественностью наиболее полно отвечают данным требованиям, т.к. большинство из них являются заимствованиями из английского языка, вошедшими не только в русский, но и в другие языки. Чтобы доказать это, мы проведем сравнительно-типологический анализ некоторых PR-терминов и посмотрим как они записаны в разных языках (для примера мы возьмем несколько европейских языков и родственный русскому языку украинский).

русский язык	английский язык	немецкий язык	французский язык	итальянский язык	испанский язык	украинский язык
имидж	image	Image	image de marque	immagine	imagen	імідж
лобби	lobby	Lobby	lobby	–	lobby	лобі
кризис-менеджмент	crisis management	Krise-Management	management crise	–	crisis dirección	Криза- менед-жмент
брифинг	briefing	Briefing	briefing	breve conferenza stampa	briefing	брифінг
Пресс-релиз	press release	Presse Schraube	presse	pressa torchio	prensa	прес-реліз
Политиче-ский марке-тинг	political marketing	politisch Marketing	marketing politique	marketing politico	marketing político	Політичний маркетинг
Электораль-ный PR	Electoral PR	Stimm- PR	PR sélectif	PR elettorale	PR electoral	виборчий PR
Консалтинг	consulting	Beratung	–	–	consulta consultación	консульту-вання
Консульта-тивный PR	Consulta tive PR	konsultativ PR	PR consultatif	PR consultivo	PR consultivo	–
Пресс-секретарь	press secretary	press secretary	secrétaire	addetto stampa	portavoz	прес-секретар
PR-менеджер	PR-manager	PR-Manager	PR-manager	PR-manager	PR-adminis-trador	PR-менеджер
PR-секретарь	PR-specialist	PR-Spezialist	Spécialiste de PR	PR-specialista	PR-especial-ista	PR-спеціаліст
коммуника-ция	Communi-cation	Kommuni-kation	communi-cation	linea di collegamento	comuni-ación	комунікація

Данный сравнительно-типологический анализ показывает, что термины предметной области «связи с общественностью» в различных языках записаны практически одинаково и, даже не зная одного из этих языков, можно легко понять, о каком термине идет речь. На наш взгляд, это объясняется тем, что они впервые появились в англоязычной PR-терминологии, позднее вошли в другие языки в качестве материальных заимствований, переведенных с помощью транслитерации или фонетической транскрипции. Как мы видим из таблицы, иногда бывают случаи несоответствия в записи какого-либо PR-термина в конкретном языке. Мы считаем, что данный феномен можно объяснить калькированием данного PR-термина национальным языком, например, слово *брифинг* в итальянском языке пишется *breve conferenza stampa*, что в буквальном переводе обозначает «короткая встреча с представителями прессы».

Общность лексического значения обеспечивает взаимопонимание людей разных наций, употребляющих это слово, но каждый язык грамматически и фонетически осваивает такой термин по-своему. В русском языке термин, обозначающий субъекта PR-деятельности, звучит как *PR-специалист* (материальное заимствование из английского языков) или специалист по PR, в английском – иногда как *PR man* (man – человек/мужчина), иногда как *PR officer* (officer - служащий), *PR specialist* (specialist - специалист), в немецком – *PR-Man*, и *PR-Frau* (в основе лежит гендерный принцип деления на мужчин и женщин), во французском – *PR-manager* (менеджер или управляющий) от французского названия данного вида деятельности *PR-management* (в основе лежит функция управления, возможно, во Франции эта функция считается центральной функцией паблик рилейшнз).

Словосочетание public relations, попадая русский PR-лексикон, приобретает иные сочетания с окружающими словами (определениями, дополнениями, сказуемыми); так в русскоязычном PR-лексиконе, в грамматическом плане public relations ((англ. материальное заимствование, фонематическая транскрипция), в переводе общественные **отношения** – **они)** – PR – это **он**: хороший PR, плохой PR, черный PR, белый PR. В русском языке этот термин в плане фонетики характеризуется тем, что первая лексема в словосочетании полностью соответствует фонематической транскрипции английского языка; вторая лексема характеризуется появлением паразитирующей гласной и появлением глухой согласной в конце вместо звонкой [паблик рилейшенс]. Ударение в данном термине соответствует английскому: /ˈpʌblɪk ˌrɪˈleɪʃnz/.

Анализ термина *PR* в немецком и французском языках показал, что в этих языках данный термин является калькой от английского, поэтому в грамматическом и фонетическом плане он имеет больше национальных особенностей, и адаптируется в языке согласно правилам фонетики и грамматики данных языков. В русском языке это словосочетание является материальным заимствованием, записанным при помощи фонематической транскрипции, поэтому в фонетическом и грамматическом плане адаптация данной лексемы минимальна.

Иногда, при устном бытовом усвоении терминов возникают искажения слов на почве народной этимологии. Очень характерны в этом отношении русские профессионализмы-глаголы, образованные путем сложения заимствованных из английского языка основ и русских суффиксов: *пиарить* – глагол несовершенного вида и *пропиарить* – глагол совершенного вида, образованные от термина PR по созвучию с русскими глаголами *пилить, рубить, брить* и т.д.: глагольное окончание -ть- и суффикс глагола -и-, мы видим, что глаголы сильно русифицированы. Однако, научный язык PR-специальности требует говорить – *продвигать кого-либо/что-либо посред-*

ством PR-мероприятий или продвигать кого-либо/что-либо при помощи мероприятий по СО/PR. Но появление таких профессионализмов можно объяснить тенденцией к краткости терминов в лингвистической терминосистеме, которая компенсируется за счет развитости синонимических отношений, позволяющих выдвигать на передний план в специальном слове разные стороны понятия. Этим часто грешат даже профессиональные PR-специалисты в межличностном и деловом, преимущественно устном общении. Сложно и долго произносить такое длинное словосочетание как *продвигать кого-либо/что-либо при помощи мероприятий по СО/PR*, намного проще и короче сказать *пиарить*.

В социолингвистике одним из ключевых является понятие «профессиональный подъязык», в который входит понятие «профессионализмы». Их отличительные свойства — это асистемность, стилистическая сниженность, образность, яркая эмоциональность и оценочность. Во многих работах по лингвистике профессионализмы рассматриваются как разговорные неофициальные или полуофициальные эквиваленты терминов. Они отличаются большей дифференцированностью в обозначении специальных понятий. Мы рассмотрим эту проблему на примере профессионального PR-языка. Такие слова, как *пиарщик, пиаролог, пиаровед, пиарить, пропиарить* не заимствованы из языка-источника, они образовались лишь в русском языке; и они не встречаются ни в учебниках по PR, ни в монографиях, ни в научных статьях, их можно найти только в желтой прессе и разговорной практике (иногда PR-специалистов, чаще — обывателей); к тому же суффиксы и окончания глаголов -и-, -ть-, один из корней -вед- (свойственны русскому языку и несвойственны английскому), которые получили термины в результате адаптации – мы делаем вывод, что это не термины, а профессионализмы из области «паблик рилейшнз».

В некоторых случаях денотативное значение профессионализмов является тождественным денотативному значению соответствующего термина: термин - *продвигать кого-либо/что-либо при помощи мероприятий по СО/PR* и соответствующий ему профессионализм *пиарить/пропиарить*. В некоторых случаях понятийная соотнесенность профессионализмов и терминов совпадает лишь частично, при этом денотативное значение профессионализма может быть как у́же, так и шире, чем значение соответствующего термина. Иногда понятийная соотнесенность PR-профессионализма шире, чем у кодифицированного термина. Мы наблюдаем это в тех случаях, когда профессионализм не имеет четко установленного значения и характеризуется неопределенностью и контекстной изменяемостью. Так, профессионализм может соотноситься одновременно с двумя терминами, (а иногда даже с их большим количеством), которые имеют общие семы в лексическом значении, но в то же время четко разграничиваются в PR, на основании некоторых важных для PR дифференциальных сем.

Профессионализмы могут называть эти термины дифференцированно. Например, профессионализмы: *специалист по коммуникациям, эксперт-инструктор, посредник по коммуникациям, помощник в решении проблем* четко разграничиваются в PR, так как характеризуются различными должностными обязанностями и различными позициями в организационной иерархии. Они близки к термину PR-специалист, и мы видим, что денотативное значение профессионализма уже, чем значение соответствующего термина. При этом профессионализмы: *пиарщик, пиаровед, пиаролог* полностью совпадают по своему денотативному значению с термином PR-специалист. Следует отметить, что профессионализмы этой группы отличаются нечеткостью, многозначностью, если мы рассматриваем их вне контекста.

Список использованной литературы

1. **Алешина И.** Паблик рилейшнз для менеджеров и маркетологов. М. 1997.
2. **Бурдье П.** Социология политики. М., 1993.
3. **Голубков В.Н.** Маркетинг: Словарь-справочник. - N1: 1995.
4. **Егорова-Гантман, Е.В., Плешаков, К.В.** Политическая реклама. М.: Никколо М, 1999.
5. **Калмазова Н.А.** Структурные типы эпонимных и оттопонимных терминов в языках разных типов и их терминосистемах. //Язык, познание, культура на современном этапе развития общества. Саратов, 2001.
6. **Кайтукова Е.Г.** Лексико-семантические особенности турецкой экономической терминологии // Вестник МГЛУ. Восточные языки. Серия: Лингвистика. Выпуск 528. - М.: МГЛУ, 2006. - С.20-31.
7. **Ньосом Даг, Терк Джуди Ван Слайк, Крукеберг Дин.** Все о РВ. Теория и практика паблик рилейшнз. 7-е изд. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 4-5.
8. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка. - М.: Изд-во «Русский язык», 1981.
9. **Почепцов Г.Г.** Имиджелогия. М.: Рефл-бук; 2001.
10. **Реформатский А. А.** Введение в языковедение. М., 1998.

Е.Н. Золина, О.В. Миненко

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ТЕРМИНА «*ГОТИКА*»

Ивановский государственный химико-технологический университет

*В статье предпринимается попытка описания термина **готика** от его происхождения до современного состояния на основе материалов русскоязычных и немецкоязычных словарей XIX-XX веков и других источников.*

Для успешного изучения той или иной научной дисциплины и плодотворной профессиональной деятельности в этой области важно усвоение терминологической системы данной науки. Термины и понятия разных отраслей знания описываются в энциклопедических и специальных терминологических словарях. Такие словари ориентированы, как правило, на описание современного употребления термина или понятия. Однако для полноценного освоения терминологии важно знать не только современное значение и употребление терминов, но и их происхождение, историю функционирования, изменения, которые претерпевает термин с течением времени. Это требует специальных разысканий и в первую очередь – анализа и систематизации данных словарей разного типа, толкований терминов в научных работах и учебно-справочных пособиях. Подобные разыскания особенно важны при изучении так называемой «старой», традиционной терминологии, мотивированность которой уже утрачена и не является очевидной для современного исследователя. К такого рода терминологии относится и термин ***готика***. Целью данной статьи является описание особенностей значения и употребления термина ***готика*** на основе данных словарей, что определяется нами как лексикографический портрет термина ***готика***. В работе над лексикографическим портретом термина ***готика*** были использованы материалы русскоязычных и немец-

коязычных словарей XIX–XXI веков разного типа: лингвистических, энциклопедических (словари Брокгауза и Ефрона, Дудена, Майера, Фасмера и др.), специальных искусствоведческих энциклопедий и справочников («Знаменитые соборы Западной Европы», «Зодчество», «Романтизм», «Gotik: Architektur, Skulptur, Malerei» и др.), в том числе и на электронных носителях («Лингво», «Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия», «Википедия», «Искусство средних веков. Искусство готики» и др.), а также ряд других источников.

Под термином ***готика*** (или ***готический стиль***) понимается художественный стиль Западной Европы XII–XV, в некоторых странах XVI веков, завершающий развитие средневекового искусства и пришедший на смену романскому стилю. Термин употребляется главным образом по отношению к памятникам архитектуры, однако правомерно его использование и в отношении произведений других видов или жанров искусства, прежде всего изобразительного, в том числе скульптуры, живописи, книжной миниатюры, мозаики.

Считается, что это термин итальянского происхождения (итал. gotiko). В разных источниках авторство приписывается то Рафаэлю, то Дж. Вазари [см. 10, 11]. Итальянцы употребляли его, начиная с XV века, по отношению к современному (занесенному в Италию варварами) стилю в архитектуре, противопоставлявшемуся античному и романскому стилям. Изначально термин был использован итальянцами по отношению к французскому зодчеству и главному его созданию – городскому собору позднего средневековья – для уничижительного, пренебрежительного обозначения этого искусства как варварского, для выражения своего неприятия новых веяний в искусстве. Варварство ассоциировалось в их представлении с древнегерманским племенем готов, вторгшихся с севера и разрушивших Римскую империю в III–V веках. Иными словами, искусство, которое называют готическим, вовсе не было создано готами. Это изначальное значение – варварский, грубый, дикий – слово ***готический*** сохраняет до сих пор. Противники готического стиля считали главным его недостатком отсутствие каких-либо принципов и беспорядок (нагромождение деталей), именно эти качества и вызывали ассоциации с варварством и варварами-готами [9, с. 563-563].

В немецком языке слово ***готика*** появилось в конце XVIII века как производное от прилагательного ***готический*** для наименования европейского (в том числе и немецкого) художественного стиля XII–XVI веков. Это слово было заимствовано из французского языка, в который оно, в свою очередь, пришло из латыни [8, с. 248-249]. Готами римляне называли древнегерманское племя, обитавшее первоначально на севере Европы на берегах реки Gautelfr (корень gaut означает исток, с ним «Этимологический словарь» М. Фасмера связывает немецкий глагол giessen – лить) [6, с. 448].

Готика как искусствоведческий термин интересует нас прежде всего применительно к зодчеству и памятникам архитектуры. Конец XII и начало XIII столетия были ознаменованы важными переменами в политическом и социальном положении Западной Европы: усилением могущества больших монархий, уменьшением числа и обеднением крупных феодалов, утратой монастырями их прежнего значения и влияния, образованием городских общин с самостоятельным управлением, возникновением ремесленных цехов, то есть такими фактами и явлениями, которые в сильной степени способствовали пробуждению народного духа, до сих пор дремавшего под гнетом духовенства и рыцарства. Вырвавшись на свободу и проникая во все явления жизни, в том числе и в область искусства, этот дух, оставаясь по сути своей религиозным, нашел для себя выражение в новом стиле сооружений.

Главное явление готической архитектуры – городской собор, возводившийся большими строительными артелями и отличавшийся совершенством конструкции,

богато украшенный скульптурными изображениями и витражами. Готическая конструкция здания предусматривала выделение строительного каркаса: опоры несли составлявшие основу свода стрельчатые арки (нервюры) с облегченными распалубками, распор которых погашался за счет передающих распор соединительных арок — аркбутанов. Стена поэтому не играла в готике конструктивной роли, ее заменяли широкие проемы окон, порталов, облегченное здание неукротимо росло вверх, устремляясь к небу высокими шатрами башен, шпилей и флеронов (украшений в виде цветка), рождая мысль о гармонии и многообразии божественного универсума. Пронизанное светом внутреннее пространство храмов обрело единство.

Возросла роль ведущих архитекторов (сохранились их имена), которые пользовались исполненными в масштабе чертежами [см., например, 7, 10, 11]. Сюжетные программы готических скульптурных ансамблей, сосредоточенных главным образом на порталах соборов, сохраняя дидактический (поучительный) характер, включали большое число разнообразных сюжетов, расположение которых, однако, было упорядочено, подчинено логике сопоставления религиозных тем. Образы обрели повышенную одухотворенность, большую жизненность и человечность. Происходил переход от романского рельефа к статуе.

Итак, главный принцип готического зодчества состоит в придании возможной обширности пролетам арок и окон, в устранении всяких частей каменной кладки, которые ничего не поддерживают или не обусловливаются механическою необходимостью, в стремлении тянуться ввысь, уходить к небу, в образовании остропирамидальной, легкой и воздушной на вид общей массы сооружения. Принцип устранения всего того, что в конструкции не нужно механически, в пору полного развития стиля доходит до того, что здание превращается, так сказать, в остов, на котором самое тело или совсем отсутствует, или имеет ничтожное значение. В готическом зодчестве все существенные, основные формы легки, тонки, удлинены в вертикальном направлении; это – царство длинных и стройных пилястр, огромных и высоких пролетов, сближенных между собою остроконечных арок, повторяющихся горизонтальными рядами или поднимающихся одна над другой в различных направлениях. Все это является не только в главных частях сооружения, но и в мельчайших подробностях орнаментации, так что готические здания, особенно же церкви с их башенками, шпилями, аркбутанами и пр., кажутся узорчато-резными или кружевными изделиями, блестящими фантастичною нарядностью, превысившей всякую меру к концу господства стиля, в XVI веке.

Новаторская сложная каркасная конструкция зданий, и прежде всего здания соборов, подчиняется главной религиозно-нравственной задаче – укрыть в стенах храмов всех верующих в буквальном и аллегорическом смысле, укрыть культуру и веру. Впервые после античности в искусстве происходит расширение тем, отражаемых скульптурами и художниками: материнская любовь, страдания от потери близких, нравственная стойкость и превосходство мученичества за веру; возвращаются объемные скульптуры, развивается живопись по дереву. Отличительными чертами живописной готики являются позолота, праздничные цвета, яркий свет. Распространяется портретный жанр, появляется лирическая поэзия и музыка. В готическом искусстве не редкостью является и сатира, вплоть до фантастически-гротесковых произведений.

Особое внимание при характеристике готического стиля уделяется так называемой стрельчатой арке или стрельчатому своду, контур которых образуют две равные, симметрично расположенные дуги кругов, имеющие одинаковый радиус и описанные из центров, лежащих на одной и той же горизонтальной линии. Дуги эти сходятся вверху под более или менее острым углом, смотря по величине расстояния между их центрами, и таким образом представляют собой подобие острия стрелы, откуда

и произошло общеупотребительное название этой архитектурной формы: «стрельчатая» или «оживная», а также «оживальная» (оба последних названия происходят из французского ogive – стрела, стрелка, ogivale – стрельчатый, имеющий заостренную форму). В немецком языке употребителен термин Spitzbogenstil – стрельчатый, заостренный стиль. Все они употребляются как синонимы готического стиля в архитектуре. В электронных переводных словарях таких мультимедийных систем, как «Лингво», «Мультитран» в их немецкоязычной части также указываются синонимы термина «Gotik» на немецком языке – «Gotischer Stil», «Ogivalstil», «Spitzbogenstil» как имеющие хождение в современном языке [см. об этом подробнее: 11].

В некоторых толковых словарях и искусствоведческих энциклопедиях текстовая информация дополняется схемами, иллюстрациями, фотографиями, репродукциями картин и т. п., наглядно демонстрирующими особенности готического стиля. Подобные материалы имеются, например, при словарных статьях в энциклопедиях Брокгауза и Эфрона, Майера и др., в большинстве искусствоведческих справочников, а также на электронных носителях информации [см. 1, 2, 3, 4, 9, 10, 11 и др.].

В современном русском языке слово готика используется еще в одном значении, которое имеет к обсуждавшемуся до сих пор значению лишь опосредованное ассоциативными связями отношение. ***Готика*** – это молодежная субкультура. Готы, ее носители, появились из панк-движения, когда в конце 70-х годов XX века панковские группы стали играть более депрессивную, мрачную музыку, ударились в декаданс (настроение безнадежности, неприятие жизни, индивидуализм). Официальной датой рождения готики как субкультуры стал 1983 год. В этом году молодежь посмотрела фильм «Голод» с Катрин Денев и Дэвидом Боуи, которые играли влюбленных вампиров. В начале фильма прозвучала шуточная песня группы «Bauhaus» про венгерского актера Белу Лагоши, который сыграл роль Дракулы. С тех пор готическое течение и готическая музыка распространились по миру. А журналисты окрестили таких ребят готами, т. е. варварами. Сами готы называют себя «аристократами» и «черными романтиками». Одеваются готы в стиле средневековья: корсеты, жабо, кружево, предпочитают черный цвет. Красят волосы в тон одежды, глаза и губы подводят угольным карандашом, а лица выбеливают. Обязательный атрибут любого гота – анкх, древнеегипетский символ бессмертия. «Романтики» носят длинные кашемировые пальто или плащи из плюша. Юбки у «черных принцесс», как правило, из парчи или бархата. Для большинства готов, по мнению психологов и журналистов, субкультура – это лишь способ проведения досуга, а вовсе не образ жизни. Суть движения сводится главным образом к поддержанию имиджа и вызвана желанием подростков выделиться из толпы, продемонстрировать свою индивидуальность. На сегодняшний день ни один из проанализированных нами лексикографических источников не содержит этого нового современного значения слова ***готика***. Не зафиксировано оно пока и в словарях новых слов. Сведения были обнаружены в прессе и Интернете [см. 5, 10, 11].

Таким образом, в современном языке достаточно четко выделяются два основных значения слова готика. В первом значении слово выступает как специальный термин для обозначения особого направления, стиля в европейском искусстве XII–XVI веков, получившего воплощение прежде всего в архитектуре, скульптуре, живописи; архитектурная готика характеризуется остроконечными сооружениями, стрельчатыми сводами, обилием витражей и скульптурного орнамента. Как синонимы к термину готика употребляются словосочетания готический стиль, стрельчатый стиль, оживный (оживальный) стиль. Попутно отметим, что слово готика может употребляться в более конкретном значении для характеристики особого шрифта (готический шрифт).

В ином значении слово готика используется в случае, когда оно применяется для обозначения особой молодежной субкультуры, зародившейся в Европе в конце 1970-х – 80-е годы XX века. Атрибутами ее носителей являются черные, в средневековом стиле одежды – корсеты, жабо, кружева, длинные пальто или плащи из кашемира, плюша, бархата, выбеленные лица, анкх – амулет, древнеегипетский символ бессмертия. Эта субкультура носит, главным образом, имиджевый эпатажный характер, не имеет определенной идеологии; считается, что готы склонны к депрессии, мрачному настроению, замкнутости, презирают обычных людей, имеют особые музыкальные пристрастия; культовое место встречи готов – кладбище, культовая фигура – вампир, каждый гот считает себя немножко Дракулой.

Овладение научной дисциплиной будет более успешным, если не ограничиваться рамками данной науки, а использовать материалы и результаты других – смежных – наук. В данной статье мы стремились показать возможности использования лексикографических работ и других информационно-справочных изданий для точного определения понятийного аппарата научной дисциплины.

Список использованной литературы

1. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. (2 CD версия). М., 2003.
2. **Брокгауз и Ефрон.** Энциклопедия в 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами. (6 CD версия). М., 2004.
3. Готика, готический стиль // Романтизм (Энциклопедия живописи). М., 2001. С. 264.
4. Искусство средних веков. Искусство готики (CD версия). М., 2008.
5. **Супрычева Е.** Как я стала готом. Портрет явления: неформальные молодежные движения // Комсомольская правда, 26 февраля 2008, с. 8-9.
6. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: В четырех томах. Пер. с нем. Т. 1. М., 1986.
7. Gotik: Architektur, Skulptur, Malerei / Hrsg. von Rolf Toman. Tandem Verlag, 2004.
8. Duden. Das Herkunftswoerterbuch. Mannheim, 1989.
9. Meyers Neues Lexikon. Zweite, voellig neu erarbeitete Auflage in 18 Bd. Lpz., 1973.
10. http://ru.wikipedia.org/wiki/Gotik
11. http://de.wikipedia.org/wiki/Gotik

ББК 87.0. + 84. + 83.3

Раздел 4 Филология и литературоведение

А.Ю. Благовестный

ЧАРЛЬЗ КИНГСЛИ И ЕГО РОМАН «ИПАТИЯ»

Ивановский государственный химико-технологический университет

На примере романа «Ипатия» рассматривается вопрос об актуальности изучения исторической беллетристики английского романиста поствальтерскоттовской эпохи Чарльза Кингсли.

До сих пор английская историческая романистика середины-второй половины XIX века и историческая беллетристика Ч. Кингсли в частности не становились предметом специального изучения и открыты для исследования. Актуальность подобной работы определяется также и тем, что в ее рамках представляется возможным рассмотреть целый ряд вопросов, связанных с поэтикой, поисками инвариантных особенностей, рассмотрением эволюции, типологии и традиций исторического романа в различных национальных литературах. Вокруг них до сих пор ведется научная дискуссия. В связи с этим для нас представляет большой интерес работа В.Я. Малкиной «Поэтика исторического романа», в которой собран солидный библиографический материал по проблемам дефиниции жанра, поиска его доминантных признаков, разработки его типологии, свидетельствующий о неоднозначности оценок исследователей, изучающих данный круг проблем.

Выделяя основные особенности исторических романов, В. Я. Малкина говорит об обязательном сочетании в каждом из них историзма и «готического антропологизма» (термин В. Я. Малкиной) [3, с. 73]. Под «готическим антропологизмом» автор понимает ценностное отношение к личности, свойственное «готическим» романам, в которых утверждалась незыблемость нравственной природы человека и основных этических ценностей человечества [3, с. 73]. Рассматривая проблему историзма, В. Я. Малкина считает, что верны следующие определения данного понятия. Первое принадлежит исследователю М. Г. Соколянскому, полагавшему, что «историзм – это принцип художественного освоения действительности, базирующийся на понимании закономерностей развития и временной детерминированности общества и предполагающий наличие у автора определенной исторической концепции» [цит. по: 3, с. 17]. Эту дефиницию В. Я. Малкина предлагает дополнить «гипотезой нетождества» М. И. Стеблина-Каменского, акцентировавшего внимание на проблеме историчности человеческой психологии. Подлинный историзм, по мнению ученого, «появляется не тогда, когда замечается разница в образе жизни, быте и т. п., а тогда, когда осознаются отличия в человеческой психологии» [цит. по: 3, с. 17].

Исследовательницей отмечаются также следующие аспекты жанровой сущно-

сти исторического романа: 1) композиционно-речевые формы и система точек зрения (временная дистанция – соединение точек зрения различных эпох – прошлого и настоящего, или прошлого и пра-прошлого); 2) сюжетная организация (авантюрность, то есть связь сюжетных событий с «чужим миром» и «авантюрным временем», идея испытания героя, кризисная эпоха как время действия романа, соединение тем «войны и любви», то есть общественной и частной жизни); 3) система персонажей (связь судьбы и позиции главного героя с меняющейся исторической ситуацией, наличие персонажей, противопоставленных друг другу в качестве представителей разных социально-исторических и культурно-исторических сил) [3, с. 126].

Пристальное внимание литературовед уделяет творчеству В. Скотта и представляет подробный библиографический обзор работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных его исторической романистике. Сравнивая исторические романы В. Скотта и В. Гюго, В. Я. Малкина акцентирует внимание на соотношении вышеупомянутых особенностей жанра: «…Налицо два типа соотношения историзма и «готического антропологизма», которые сочетаются с двумя типами конфликтов. У В. Скотта – конфликт между политическими лагерями, кризис государственной системы, переломная эпоха в истории страны. У Гюго – смена культурных эпох, переломная эпоха в истории человечества. Скотта интересует конкретный исторический момент, специфика определенной эпохи. Гюго – связь между прошлым и настоящим. Скотт подчеркивает дистанцию, различия между двумя эпохами, Гюго – сходство и взаимосвязь между ними» [3, с. 74].

Исходя из этого, В. Я. Малкина предлагает следующую типологию исторических романов. **1) Авантюрно-психологический роман**, для которого выделяются следующие особенности: а) преобладание историзма над «готическим антропологизмом»; б) автора интересует определенный исторический момент; в) конфликт, который выражается в политическом кризисе и связан со спецификой эпохи; г) герой – частный человек, вовлеченный помимо воли в социально-политический конфликт; д) обязательное присутствие исторических персонажей; наличие нескольких «пар» так или иначе сопоставленных друг с другом персонажей, которые нужны, чтобы показать смену эпох как смену присущих им характеров. **2)Авантюрно-философский роман.** Для него характерно: а) преобладание «готического антропологизма» над историзмом; б) акцентируется связь между прошлым и настоящим; в) в основе сюжета – не обретение молодым человеком социального статуса, а проверка нравственно-этических ценностей определенной культуры; г) соотнесение нескольких равноправных центральных персонажей выражает соотношение основных культурных ценностей в момент кризиса культуры; д) небольшая роль исторических лиц [см. 3, с. 126].

Наблюдения и выводы В. Я. Малкиной базируются на анализе (за исключением произведений Скотта и Гюго) исторической беллетристики российских авторов, носят дискуссионный характер, однако они помогут нам выработать собственные исходные теоретические позиции в вопросе жанровой специфики исторического романа, его инвариантных признаков и критериев типологической характеристики, что представляется нам необходимой предпосылкой изучения поэтики художественно-исторической прозы Ч. Кингсли.

Традицию английского исторического романа, заложенную В. Скоттом, продолжили такие мастера социально-психологической прозы 1830 – 60-х годов, как У. Теккерей (W. Thackeray, 1811–1863) – «История Генри Эсмонда» (*The History of Henry Esmond, Esquire*, 1852), «Виргинцы» (*The Virginians*, 1857–1859), Д. Элиот (D. Eliot, 1819–1880) – «Ромола» (*Romola*, 1863), Э. Гаскелл (E. Gaskell, 1810–1865) – «Поклонники Сильвии» (*Sylvia's Lovers*, 1863) Историческая беллетристика Ч. Кингсли стоит в

одном ряду с творчеством таких популярных в свое время, а ныне полузабытых авторов исторических романов, как Э. Д. Булвер-Литтон (E.G. Bulwer-Lytton, 1803–1873), «Последние дни Помпеи» (*The Last Days of Pompeii,* 1834), «Риенци – последний из римских трибунов» (*Rienzi – the Last of the Roman Tribunes*, 1835), «Последний барон» (*The Last of the Barons*, 1843), У. Эйнсворт (W. Ainsworth, 1805–1882) – «Гай Фокс» (*Guy Fawkes*, 1841), «Старый собор святого Павла» (*Old Paul's*, 1841), «Виндзорский замок» (*Windsor Castle*, 1843), «Ланкаширские ведьмы» (*The Lancashire Witches*, 1848), Ч. Рид (Ch. Reade, 1814–1884) – «Монастырь и домашний очаг» (*The Cloister and the Hearth*, 1861), «Звонкая монета» (*Hard Cash*, 1863), «Гриффит Гонт, или Ревность» (*Griffith Gaunt, or Jealousy*, 1866). Л. Фейхтвангер в своем неоконченном исследовании «Дом Дездемоны, или Величие и границы исторической поэзии» писал по поводу этих авторов, что они были в свое время «безмерно переоценены, а сегодня находятся в полном небрежении, и это несправедливо» [4, с.558]. Это действительно несправедливо, так как книги этих писателей являются неотъемлемой частью литературного процесса, до сих пор издаются на родине и за рубежом и востребованы читателем [см., например, 2].

Романист Чарльз Кингсли (Ch. Kingsley, 1819–1875) по роду своей основной деятельности был теологом, проповедником, историком церкви. Окончив курс богословия в Кембридже, он получил место приходского священника в Гемпшире, где и прожил почти всю жизнь, изредка совершая поездки в Лондон и на континент. Будучи противником школы Ньюмана, который защищал теорию «развития догматов» и принцип свободной от схоластических рамок «открытой теологии», Кингсли видел в его учении только проповедь нездорового аскетизма и клерикального догматизма. Он увлекался трудами Карлейля и усердно изучал «Царство Христа» (*Kingdom of Christ*,1838) Д. Мориса, проповедовавшего в отличие от Ньюмана не возврат к первобытной церкви, а веру в непосредственное и непрерывное откровение божественного начала в человеческой жизни. Следует отметить, что Морис был лидером движения христианского социализма и полагал, что христианская мораль и труд – основополагающие ценности для человека. Близко общаясь с ним, Кингсли также стал сторонником идеи «христианской демократии». К тому же сам Кингсли, являясь адептом протестантства, всегда яростно выступал против католичества. Работая над улучшением нравов в своем запущенном приходе, Кингсли обратился за советами к Морису и вскоре примкнул к начатому по его инициативе «христианско-социальному» движению, развитию которого содействовал статьями в журналах «Политика для народа» (*Politics for the people*) и «Христианский социалист» (*Christian Socialist*), выходившими под псевдонимом «Пастер Лот» (Parson Lot) в конце 1840 – начале 50-х годов. В том же духе христианского социализма Кингсли была произнесена наделавшая много шума проповедь: «Послание церкви к рабочим» (*The Message of the Church to the Laboring Man*); из-за нее Кингсли едва не был лишен права проповеди, а с другой стороны, приобрел большую популярность среди рабочих. С 1860 по 1869 годы он занимался преподавательской деятельностью в качестве профессора истории Кембриджского университета. В 1873 году был назначен духовником королевы.

Литературное творчество Кингсли стало своего рода продолжением его проповеднической религиозной деятельности и так или иначе связано с актуальными проблемами и историей христианства. Не случайно в единственной оказавшейся доступной нам на сегодняшний день зарубежной литературоведческой работе, посвященной Кингсли, ее автор, американская исследовательница Л. Фэсик особую роль в анализе его романистики отводит влиянию христианской религии, ее, в частности, интересует гендерный аспект в произведениях английского романиста – вопрос о взаимоотношении женского и мужского начала и их видоизменении под воздействием христианства [5].

Творческий путь писателя начинается с романов, проникнутых идеями и духом «христианского социализма»: «Брожение» (*Yeast*, 1850) и «Олтон Локк» (*Alton Locke*, 1850). Впоследствии в творческом арсенале писателя оказываются романы «Главк, или Чудеса берега» (*Glaucus, or the Wonders of the Shore*, 1855), «Герои» (*Heroes*, 1856), «Дети вод» (*The Water-Babies*, 1863), которые из-за обилия фантастических и сказочных элементов и персонажей могут быть отнесены к жанру «фэнтези». В. Л. Гопман в статье, посвященной этому жанру, называет Кингсли создателем особой жанровой разновидности «фэнтези» – так называемой «христианской фэнтези» [1, с. 1088].

Перу Кингсли принадлежат следующие исторические романы – «Ипатия, или Новые враги в старом обличье» (*Hypatia, or New Foes with Old Faces*, 1853), «Эй, на Запад! (*Westward Ho!*, 1855), «Два года назад» (*Two Years Ago*, 1857), «Херевард Бодрый» (*Hereward the Wake*, 1866). Также он писал трактаты, лекции и проповеди на разные темы.

Самым известным произведением Кингсли является исторический роман «Ипатия». Действие романа происходит в Александрии V в. н. э. В центре повествования трагедия жизни античного философа, астронома, математика Ипатии, которую обезумевшая толпа христианских фанатиков растерзала острыми устричными раковинами в 415 году н. э. Следует отметить, что образ Ипатии привлекал внимание многих авторов. К нему, в частности, обращались Дж. Толанд, Вольтер, Ш. Леконт де Лиль, Ф. Маутнер. Кингсли создает свой оригинальный роман со своей специфической трактовкой этого образа.

В романе описана Александрийская философская школа, которую возглавляли заглавная героиня романа и ее отец математик Теон. Эта школа являлась средоточием поздней эллинистической культуры. В произведении представлены такие значительные исторические фигуры, как глава Александрийского христианства Кирилл, косвенно спровоцировавший убийство Ипатии, и птолемейский епископ Синезий. Особую роль в романе играют сюжетные линии вымышленных персонажей – монаха Филимона и его сестры Пелагии, а также ученика Ипатии Рафаэля Эбен-Эзры. В центре романа образ Ипатии, философа, окруженного восторженными учениками, талантливого математика и непримиримого носителя языческой культуры. Ей противостоит архиепископ Кирилл, который не может мириться с мыслью, что христианская вера еще не восторжествовала во вверенном ему городе и рассматривает Ипатию в качестве своего идейного врага и основной помехи на пути к осуществлению честолюбивых планов по полному захвату власти.

На примере Ипатии Кингсли старается донести до читателя свою основную идею – показать внутренний дефект, неполноценность язычества перед истинной верой, которое в итоге уступает христианству. Ее образ развенчивается писателем, когда два ученика и друга заглавной героини Синезий и Рафаэль Эбен-Эзра отказываются от ее учения и находят себя в христианстве. Симпатии автора явно на стороне Синезия, этот образ намного более значим для него, чем образ самой Ипатии; в нем воплощается идея истинного духовника, пастыря, борющегося за благополучие своей паствы и, с другой стороны, античного аристократа, сохранившего в себе только самое лучшее от увядающей эллинистической культуры. Он является носителем основных идей Кингсли как теолога. Тлен и безумие язычества обнаруживает и монах Филимон, столкнувшийся с учением Ипатии и осознавший его порочность без христианской веры.

Основной конфликт романа, противостояние между Ипатией и архиепископом Кириллом, двумя непреклонными представителями различных культур, разрешается в пользу последнего. Гибель главной героини – неизбежна, но при этом Кингсли не может оправдать христианский фанатизм Кирилла и его изуверские методы в достижении цели – обман, запугивания, интриги, убийства.

Проблематика романа, направленная на отстаивание идеалов христианской морали и труда, проведение которых в жизнь автор связывал не в последнюю очередь с деятельностью истинного пастыря, выбор сложной, кризисной и переходной исторической эпохи, созвучной конфликтам и борениям современности (мощное рабочее движение, связанное в том числе с идеями чартизма и христианской демократии,), динамичный и напряженный сюжет, психологически индивидуализированные, многомерные характеры героев, высокая познавательная ценность свидетельствуют о своеобразии романа и литературного наследия Кингсли в целом и делают актуальным специальное изучение его творчества. Обращение к тематике, важной для каждого человека, и читательская популярность этого писателя делают его полноправным участником литературного процесса середины – второй половины XIX века и возникающей на его основе литературной коммуникации. Без учета особенностей его творчества характеристика литературного процесса была бы неполной. Кроме того, специальное изучение исторической романистики Ч. Кингсли и поэтики романа «Ипатия» даст возможность в будущем проследить особенности развития жанра в английской литературе поствальтерскоттовской эпохи.

Список использованной литературы

1. **Гопман В. Л.** Фэнтези // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А. Н. Николюкина. М, 2001. Ст. 1161-1164.
2. **Кингсли Ч.** Ипатия // Маутнер Ф., Кингсли Ч. Ипатия. Харьков, 1994. С. 227-509.
3. **Малкина В. Я.** Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра. Тверь, 2002.
4. **Фейхтвангер Л.** Дом Дездемоны // Фейхтвангер Л. Собр. соч. в 6 томах. Т. 6, кн. 1. М., 1990. С.541-678.
5. **Fasick L.** Christian manliness and fatherhood in Charles Kingsley's writings // Victorian Newsletter, N.Y., 2003.

И.В. Долинина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ *ПРАВЕДНЫЙ* В ЦИКЛЕ Н.С. ЛЕСКОВА «ПРАВЕДНИКИ»

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье автор рассматривает разноаспектное содержание художественного концепта ***праведный*** *в дискурсе цикла «Праведники» Н.С. Лескова. Анализ репрезентантов концепта позволяет выявить существенные характеристики языкового сознания автора, обозначить динамику его развития, раскрыть отличительные свойства ментального мира знаменитого писателя.*

«Волшебник слова» – это определение давно стало общим местом во всех работах, посвященных изучению творчества известного русского писателя-классика

Н.С. Лескова. Но лишь немногие исследователи сумели приблизиться к разгадке этого феномена. А ведь еще Б.М. Эйхенбаум подчеркнул, что изучение творчества Лескова должно начинаться с его языка: «Лесков отличается особым мастерством языка. При этом имеется в виду … прежде всего именно язык – то есть самый словесный состав, самый словарь его произведений» [10, с.327].

Через анализ специфики языка конкретного писателя мы вплотную приближаемся к воссозданию его языковой модели мира, в которой «главное… это знание, закрепленное в словах и словосочетаниях» [1, с.327]. Ю.Н. Караулов указал направление такого когнитивно-культурологического исследования: «…В качестве единиц следует рассматривать обобщенные (теоретические или обыденно-житейские) понятия, крупные концепты, идеи, выразителями которых оказываются те же как будто слова нулевого уровня, но облеченные теперь дескрипторным статусом» [3, с.52]. В этом случае выявляется концептуальное значение слова, через которое идет формирование и выражение языковой модели мира в творчестве писателя – особой языковой личности.

Как известно, центральным направлением художественного творчества Н.С. Лескова стал поиск положительного идеала, получивший наиболее яркое свое воплощение в знаменитом цикле «Праведники» (1876-1887). В Предисловии к нему писатель заявляет: «И пошел я искать праведных, пошел с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трех праведных, без которых «несть граду стояния»…» [6, с.4]. Такая открытая прокламационная установка позволяет сделать заключение, что слово «праведный» (и различные его дериваты: праведник, праведность) является одной из главных констант языкового сознания Н.С. Лескова, выступает в его творчестве как ментальная категория или концепт. В этой статье мы рассмотрим разноаспектное содержание этого художественного концепта, выраженное в дискурсе цикла «Праведники»; проанализируем его структурное образование идеального характера, синтезирующее результаты познания и интерпретации действительности. С нашей точки зрения, такой анализ художественного концепта «праведный» в общей семантике цикла позволит выявить существенные характеристики языкового сознания автора, наметить динамику его развития, раскрыть отличительные свойства ментального мира Лескова.

Тот факт, что концепт «праведный» стал одной из главных ментальных категорий языкового сознания писателя, представляется нам закономерным. Согласно определению Ю.С. Степанова, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», [9, с.43]. Коррелятивная пара «святые и праведники» определяется Ю.С. Степановым как одна из фундаментальных констант русской культуры [См.: 9, с.854]. Разграничивая концепты «святой» и «праведный», Ю.С. Степанов делает важное заключение: «Святость» и «праведность» в русской культуре не исключают жизни в быту, в миру, святость – христианский идеал, а праведность – путь к нему; святости нельзя требовать от каждого, а движения по пути праведности – можно» [9, с.858-859].

В современной культурной ситуации толкование слова «праведный» и его дериватов осуществляется в первую очередь через указание на религиозную семантику: «Праведный – благочестивый, не погрешающий против правил, требований религиозной нравственности, морали», «Праведник – человек, живущий согласно заповедям, моральным предписаниям какой-либо религии» [8, с.352]. Однако обращение к истории слова «праведный» и его дериватов помогает нам выявить широкий круг других лексических значений. В «Словаре русского языка XI-XVII веков» приведены следующие определения: «Праведный – 1. Честный, добросовестный // Добытый честным трудом. 2. Праведный, соответствующий правилам христианской морали.

3. Праведный, благочестивый, добродетельный, исполняющий заповеди Божии // направляющий к правде, к добру. 4. Справедливый. 5. Правильный, верный, точный. 6. Истинный, настоящий, подлинный» [7, с.102-104]. Слово праведный этимологически соотносится со словом правда [См.: 2, с.379], а слово праведность корреспондирует со словом справедливость [См.: 7, с.102].

Без сомнения, все эти сведения были хорошо известны Лескову – знатоку древнерусского языка, духовной литературы, нравственных воззрений и религиозных традиций русского народа. Но писатель не просто создал народный «иконостас внеканонических русских святых и праведников». В своем цикле он не только отразил концепцию праведности в народной культуре, для которой это понятие входит в семантическое поле правда: «правдивость, справедливость, правосудие, правота» [2, с.379]. Лесков создает свой, особый – художественный концепт «праведный» путем творческого соединения устной народной трактовки с книжно-письменной интерпретацией и собственными воззрениями. Именно по этой причине лесковская семантическая интерпретация слова «праведный» гораздо шире и многогранней, чем это смогли отразить словари, а сам цикл представляет собой одну большую индивидуально-авторскую реализацию художественного концепта праведный.

Рассмотрим последовательно, каковы особенности осмысления концепта «праведный» в языковом пространстве лесковского цикла. Содержание этого концепта складывается из устойчивых и изменчивых элементов: 1) нравственных, 2) социальных, 3), религиозных 4), культурных 5) обиходно-бытовых. Они отражены в виде лексем, словосочетаний, предложений, а в итоге – в виде сложного синтаксического целого, которым и является цикл «Праведники».

В первую очередь в ядро художественного концепта «праведный» у Лескова входят слова-репрезентанты, в семантике которых присутствует указание на нравственный аспект человеческой жизни: в этом значении лексема «праведный» сопрягается со словами честный, трудолюбивый, добрый (и его синонимы), самоотверженный (и его синоним великодушный), одаренный. Такая индивидуально-авторская трактовка во многом обусловлена двумя причинами.

Первая заключается в особой идейной установке Лескова – «поиске положительного идеала», получившей определение в статье «Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)»: «Вселенная когда-нибудь разрушится, каждый из нас умрет еще ранее, но пока мы живем и мир стоит, мы можем и должны всеми зависящими от нас средствами увеличивать сумму добра в себе и кругом себя. До идеала мы не достигнем, но если постараемся быть добрее и жить хорошо, то что-нибудь сделаем» [4, с.116].

Вторую причину мы усматриваем в ориентации автора на народную культуру, в которой концепт «праведный» представлен в первую очередь понятиями честный и трудолюбивый. Лесков также в первую очередь ставит праведность в один ряд с четностью и трудолюбием.

Презентация этого значения осуществляется с помощью установления синонимических отношений между словами праведный и честный, праведность и честность. Например, о Самбурском из рассказа «Русский демократ в Польше» говорится: «О честности же, разумеется, и говорить нечего…» [6, с.79]; о Шерамуре из одноименного рассказа знающие его люди говорят: «Даже очень честный» [6, с.357]. Демонстрация синонимии между словами честный – праведный осуществляется также через фразеологизмы, раскрывающие соответствующую семантику. О Головане из рассказа «Несмертельный Голован» орловский священник отец Павел говорит: «Его совесть снега белей» [6, с.116], о директоре кадетского корпуса Перском сказано: «Он и жил и

умер честным человеком, без пятна и упрека…» [6, с.51].

В языковом сознании Лескова концепт «праведный» также сопряжен с языковыми реализациями слова трудолюбивый через синонимию отдельных лексем, фразеологизмов, паремий. О Рыжове из рассказа «Однодум» говорится, что «он был досуж и трудолюбив» [6, с.6], а «выше всего ставил закон: «в поте лица твоего ешь хлеб твой» [6, с.12]. Иван Фомич Самбурский из рассказа «Русский демократ в Польше» «был невообразимо деловит: буквально не было занятия, к которому он был бы неспособен и, взявшись за которое оказался бы не на своем месте» [6, с.79]. Несмертельный Голован «кипел в работе с утра до позднего вечера» [6, с.100].

Репрезентанты честный и трудолюбивый являются центральными в художественном концепте «праведный» у Лескова. Если взглянуть на образы праведников цикла, то этими качествами нравственного порядка обладает каждый герой без исключения.

В языковом сознании писателя реализация концепта «праведный» идет также через употребление таких слов, как: добрый, жалостливый, гуманный, сердобольный.

Особенно много языковых реализаций имеет репрезентант «добрый»: Губернатор Сергей Степанович Ланской «был добр…» [6, с.19]; доктор Зеленский, третий праведник «Кадетского монастыря», охарактеризован как «добрый и просвещенный человек» [6, с.69]; об Иване Северьяныче из повести «Очарованный странник» сказано: «Простодушный, добрый русский богатырь» [6, с.220].

Реже встречаются синонимы лексемы «добрый»: гуманный, жалостливый, сердобольный. Например, человеком с «гуманным» направлением» [6, с.337] назван офицер Измайловского полка из рассказа «Человек на часах» Николай Иванович Миллер. Другой герой этого произведения – рядовой Постников охарактеризован как «сердобольный и нервный» [6, с.351]. Об Андрее Петровиче Боброве из очерка «Кадетский монастырь» его воспитанники вспоминают: «Был очень жалостлив…» [6, с.61], имея в виду, что он всегда жалел кадетов и помогал им.

В одном случае мы встречаем интересную, сугубо авторскую цепочку синонимов, в которой третьим членом наряду со словами «праведный» – добрый оказывается слово демократ. Сам герой истолковывает его значение так: «Быть демократом, между прочим, значит желать счастия возможно большему числу людей» [6, с.92]. Так слово, в значении которого доминирует социальный компонент, оказывается насыщенным нравственным смылом.

Еще один репрезентант нравственного порядка, связанный со всеми указанными выше, можно определить словом самоотверженный и его синонимом – словом великодушный. Лесковский праведник самоотвержен и великодушен во всех своих ипостасях, выведенных в цикле, поэтому указание на данное качество закреплено в структуре концепта «праведный». Например, о Головане из одноименного рассказа сказано, как об одном из «героев великодушия, людей бесстрашных и самоотверженных» [6, с.106]. Очень часто вербализация данного репрезентанта происходит у Лескова через синонимию с описательными оборотами, предложениями. В рассказе «Человек на часах» подытоживается: «Я думаю о тех смертных, которые любят добро просто для самого добра и не ожидают никаких наград за него где бы то ни было» [6, с.354]. В рассказе «Русский демократ в Польше» самоотверженность директора канцелярии Самбурского описывается через характеристику его работы: «Это труд огромный и почтенный, но неблагодарный. Он требует от человека свыше обыкновенных способностей и поглощает его всего; а между тем деятельность его не видна и остается почти незамечаемою, так сказать, черною работою, вроде уборки чего-то в тылу» [6, с.80].

Самоотверженность свойственна героям всех рассказов цикла «Праведники», но вербализуется данное понятие в основном через сложное синтаксическое целое: в нашем случае – через вставные очерки о поступках праведных персонажей.

Следующий репрезентант художественного концепта «праведный» является, с нашей точки зрения, индивидуально-авторским – это слово одаренный. Вербализация происходит через использование автором слов «дарование», «дар». Например, Иван Северьяныч Флягин из повести «Очарованный странник» говорит о своем даре объезжать непокорных коней: «… К этому от природы своей особенное дарование получил»; «дар природный» [6, с.279]. Левша определяет свою одаренность через выражение «глаз пристрелявши» [6, с.207], а сам автор называет своего героя «гений», «мастер», «баснословный левша» [6, с.218]. Некоторые произведения цикла сами по себе в целом могут быть истолкованы как репрезентации понятия «одаренный»: «Несмертельный Голован», «Левша», «Очарованный странник».

Таким образом, в нравственном аспекте художественный концепт «праведный» представлен в дискурсе цикла Лескова многочисленными языковыми реализациями, среди которых основными являются репрезентанты *честный, трудолюбивый, добрый, самоотверженный* (во всех случаях), *одаренный* (в некоторых случаях). Из указанных репрезентантов первые три берут свое начало из народной концепции праведничества, которая творчески переосмысляется, конкретизируется и обогащается автором.

Второй «слой» содержания художественного концепта представлен понятиями социального порядка: для Лескова праведный – гражданский (в значении наделенный гражданскими добродетелями), патриотичный. Это закономерно, поскольку его праведники живут «в миру», а их удел есть «законопослушание».

Книжное выражение «гражданские добродетели», а также слово высокого стиля «патриотизм» используются автором только в отношении образованных героев-праведников: о Николае Ферморе из рассказа «Инженеры-бессребреники» сказано, что он «был человек с гражданскими добродетелями» [6, с.155]; в очерке «Русский демократ в Польше» рассказчик говорит о «патриотическом чувстве», которое «родилось в канцелярии» [6, с.88] благодаря деятельности ее директора Самбурского.

В остальных случаях репрезентантами могут выступать описательные обороты, предложения и даже целые фрагменты текста. В рассказе «Инженеры-бессребреники» Фермор призывает товарищей «служить отечеству с совершенным бескорыстием» [6, с.153]. Гражданственность праведного квартального из рассказа «Однодум» определяется через выражение: «Удовольствие Рыжова состояло в исполнении своего долга» [6, с.18]. Левша из одноименного очерка заявляет: «Мы к своей родине привержены» [6, с.210]; очарованный странник Иван Северьяныч «исполнился страха за народ свой русский» [6, с.335] и говорит: «Мне за народ очень помереть хочется» [6, с.336].

В качестве репрезентаций этого «слоя» концепта могут быть рассмотрены и целые произведения цикла: «Однодум», «Русский демократ в Польше», «Инженеры-бессребреники», вторая часть рассказа «Левша»: в них указание на гражданственность и патриотизм праведника пронизывает все повествование, подчиняет себе сюжет, диктует выбор языковых средств.

Мы видим, что в художественный концепт «праведный» наряду с репрезентантами нравственного порядка Лесков обязательно включает репрезентации, содержащие указание на социальные добродетели праведника. Именно по этой причине лесковский праведник, даже удалившись в монастырь, всегда оставался человеком общественным. Это в полной мере согласовывалось с христианской концепцией праведности.

Нашел отражение в дискурсе цикла Лескова и такой аспект концепта «праведный» как «соответствующий правилам христианской морали, исполняющий заповеди Божии». Эта сторона характеристики праведника реализуется через репрезентанты христианский, библейский, религиозный, апостольский, а также через индивидуально-авторские репрезентанты странный (сомнительный в вере), неправославный.

Показательно, что не во всех произведениях о праведных героях добродетель религиозности выдвигается на первый план («Пигмей», «Русский демократ в Польше», «Очарованный странник», «Левша», «Человек на часах», «Шерамур»). По этой причине указанные репрезентации образуют только третий «слой» художественного концепта праведный.

Индивидуально-авторским в этом «слое» является то, что для окружающих людей лесковский праведный герой часто получает определение странный, сомнительный в вере. Именно эти репрезентации появляются первыми в повествовании о праведнике. Рыжов из «Однодума» «начал подавать о себе странные сомнения» [6, с.11], до конца жизни «православие его, по общим замечаниям, было сомнительно» [6, с.33]. Чихачева из очерка «Инженеры-бессребреники» «находили «странным» именно по причине его особенного религиозного чувства [6, с.145]. Несмертельный Голован из одноименного произведения прозван «молоканом», и рассказчик указывает, что «название это метило прямо на его веру, в которой он казался странным» [6, с.102].

Репрезентанты «странный, сомнительный в вере» в языковом пространстве произведений сменяются завуалированным указанием на неправославие героя в религиозном отношении. В своем цикле Лесков избегает слова неправославный, но этот репрезентант отражен в многочисленных описательных выражениях и целых фрагментах текста, где писатель рассказывает о вере своего праведника. Например, Однодума Рыжова обвиняют в «злобе его уклонения от истин православия [6, с.14]. О Головане «неизвестно было – какого он прихода», а на вопрос об этом герой отвечал: «Я из прихода Творца-Вседержителя», – а такого храма во всем Орле не было» [6, с.115]. Лесковский праведник постоянно подозревается в том, что он – неправославный.

Почему писатель при всей своей религиозности довольно редко вводит репрезентант «православный» в концепт «праведный»? Ответ мы находим в его письме Л.И. Веселитской от 27 января 1893 года: «… Нимало не сходное с учением Христа, есть «православие»… Я и не спорю, когда его называют этим именем, но оно не христианство!» [5, с.529].

По этой причине писатель избегает использовать слово «православный» в характеристике своего праведника, и третий (религиозный) «слой» художественного концепта «праведный» выражается у него через репрезентанты *христианский, религиозный, библейский, апостольский*. Именно они являются обязательными в лесковской реализации концепта. Так автор как бы возвращается к «истокам веры» – временам, когда христианство было единым, а его заповеди и традиции были ориентированы на добро, правду и любовь к ближнему. В статье «Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» Лесков написал: «Само христианство было бы тщетным и бесполезным, если бы оно не содействовало умножению в людях добра, правды и мира» [4, с.116]. Праведники Лескова исповедуют собственную религию «добра, правды и мира», даже не посещая православные приходы. Праведный – христианский в широком смысле слова, свободный от канонов какой-либо конфессии, берущий начало своей веры из прямого обращения к Богу.

Так, на вопрос о своей вере Рыжов из рассказа «Однодум» отвечает: «Христианин» [6, с.30]. Как «христианин» упомянут архимандрит из очерка «Кадетский

монастырь». Этот герой противопоставлен «пустосвяту» Демидову с его показным православием [См.: 6, с.72], для рассказчика архимандрит – «заправский, настоящий христианин» [6, с.71]. О Брянчанинове из очерка «Инженеры-бессребреники» сказано: «Он очень религиозен…» [6, с.138]. Такая же характеристика дается и другому праведному герою этого произведения – Николаю Фермору: «Этот тоже был религиозен…» [6, с.155].

На то, что автор в своей трактовке концепта «праведный» с религиозной точки зрения опирается на Библию, указывают репрезентанты «библейский» и «апостольский». «Библейским чудаком» [6, с.17] неоднократно назван Однодум из одноименного рассказа. Об архимандрите из очерка «Кадетский монастырь» рассказчик вспоминает, что в нем все «напоминает что-то древнее апостольское» [6, с.71].

Мы видим, что художественный концепт «праведный» в своем религиозном аспекте представлен у Лескова в первую очередь репрезентантами христианский, религиозный, библейский и апостольский. Такой взгляд на праведность призван возвратить читателя к апостольским временам, когда христианская вера была единой, исповедовала религию «добра, правды и мира». Лесковские праведники словно пришли из того старого библейского времени, чтобы напомнить истинные христианские идеалы и показать пример настоящей христианской веры. Не всегда окружающие их понимают, и в этой связи они считаются странными, сомнительными в вере и даже подозреваются в неправославии.

Подведем итоги наших наблюдений за реализацией концепта «праведный» в дискурсе цикла Лескова «Праведники». Нами выявлено, что этот художественный концепт имеет в понимании Лескова несколько «слоев», презентация которых связана с отражением нравственного, социального и религиозного аспекта праведности как явления русской жизни. Указание на нравственность праведника вербализируется через репрезентанты *честный, трудолюбивый, добрый, самоотверженный, одаренный*. Эти понятия являются ведущими в концепции праведничества у Лескова и, соответственно, формируют «ядро» художественного концепта «праведный» в языковой картине мира писателя. Социальные добродетели отражены в использовании автором слов *гражданский* и *патриотичный*. Лесковский праведник во всех ситуациях остается человеком общественным. Вербализация третьего «слоя» концепта «праведный» осуществляется в основном через репрезентанты *христианский, религиозный (библейский, апостольский)*. Чистое, «изначальное» христианство лесковского праведника не всегда понятно обывателям, в связи с чем появляются определения *неправославный, странный, сомнительный в вере*. Так автор воссоздает свой взгляд на христианство как на учение о «добре, правде и мире».

В целом, создание цикла «Праведники» продиктовано авторским стремлением «очеловечить евангельское учение» [5, с.456]. Через реализацию художественного концепта «праведный» Лесков формирует свою концепцию праведничества, в которой соединились народные традиции и взгляды просвещенной части общества. В этой связи весь цикл «Праведники» может быть воспринят как единая реализация художественного концепта «праведный».

Список использованной литературы

1. **Брутян Г.А.** Язык и языковая картина мира / Г.А. Брутян // Философские науки. – 1973. – №1. – С.108-111.
2. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. П / В.И. Даль. – М.: Русский язык – Медиа, 2006. – 555 С.

3. **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. – Изд. 2-е, стереотипное / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264с.
4. **Лесков Н.С.** Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) // Н.С. Лесков о литературе и искусстве / Н.С. Лесков. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. – С. 111-128.
5. **Лесков Н.С.** Собр. соч. В 11 т. / под ред. В. Г. Базанова, Б.Я. Бухштаба, А.И. Груздева, С. А. Рейсера, Б. М. Эйхенбаума. Т. 11 Письма / Н.С. Лесков – М. ГИХЛ, 1956–1958. – 675 с.
6. **Лесков Н.С.** Собр. соч. В 12 т. Т. 2 Праведники / Н.С. Лесков – М.: Правда, 1989. – 415 с.
7. Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 18 /Потка – Преначальный/ – М.: Наука, 1992. – 290 с.
8. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. П-Р / под ред. А.П. Евгеньевой. –2-е изд, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. – 752 с.
9. **Степанов Ю.С.** Константы: Словарь русской культуры: изд-ие, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
10. **Эйхенбаум Б.М.** «Чрезмерный» писатель (К 100-летию рождения Н. Лескова) // Эйхенбаум Б.М. О прозе: сб.ст. / Б.М. Эйхенбаум – Л.: Художественная литература, 1969. – С. 327-345.

Л.В. Корнилова

ТЕНДЕНЦИЯ К АКЦЕНТИРОВАНИЮ СИМВОЛИСТСКОГО ПЛАНА В ТВОРЧЕСТВЕ А. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Ивановский филиал Российского государственного торгово-экономического университета

В статье речь идет об особенностях образной системы в творчестве А. де Сент-Экзюпери. Особое внимание уделяется образной системе, созданной в последней книге автора «Цитадель». Используя известные архетипические образы, писатель привносит в них свою особую смысловую нагрузку, при этом прослеживается его стремление к использованию универсальных образов-символов.

Многочисленные мысли писателя, касающиеся вопросов творческого процесса, разбросаны на многих страницах его произведений. Но достаточно убедительно его эстетическая позиция изложена в предисловии к книге Энн Морроу-Линдберг «Поднимается ветер». Там он писал, что «непосредственной передачи действительности не бывает» [4, с. 679]. Действительность, по мнению Сент-Экзюпери, - это «груда кирпичей, из которой можно построить что угодно» [4, с. 679]. Художник же должен стоять между действительным и воображаемым. Отбирая жизненный материал, он придает ему какой-то порядок и, таким образом, строит свое здание. Ценность художественного произведения, как это представляет Сент-Экзюпери, заключается не в отдельных элементах, а в специфическом характере их связей, в их особых внутренних взаимоотношениях. «Вглядитесь в поэтический образ, - при-

зывает писатель. - Сила его воздействия таится не на уровне слов, его составляющих…, но в определенном способе их соединения, в особом расположении духа, которое навязывает нам такая структура» [4, с. 679-680]. Развивая далее свою мысль, Сент-Экзюпери отмечает, что художественные образы, созданные, навязанные такими структурами, хочет того читатель или нет, оказывают на него опутывающее действие исподтишка. В этих размышлениях писателя о природе художественного творчества слышна явная перекличка с древними эстетическими традициями, связанными с вопросом суггестивности творческой деятельности художника. В XIX веке во Франции идею суггестивности как «детерминированной замыслом художника действенности искусства» [1, с. 341] широко использовали такие поэты и теоретики литературы, как Ш. Бодлер и С. Малларме. В России А. Веселовский, разрабатывая проблему специальных свойств поэтического языка, писал, что все люди более или менее открыты «суггестивности образов или впечатлений», но «поэт более чуток к их мелким оттенкам и сочетаниям, апперцептирует их полнее»[2, с. 72]. Он считал, что суггестивность литературного произведения зиждется на наличии в сознании художника мудрости, накопленной веками в сочетании с особыми средствами, которыми располагает поэзия. О суггестивном программировании художником того или иного вида ощущения, восприятия произведения размышлял и Сент-Экзюпери. Он предлагал свои «особые средства» воздействия на читателя. Для того чтобы мысль автора стала понятной, ему на помощь должны прийти интуиция, мечта и поэзия – «три феи», как называл их Сент-Экзюпери [6, с. 258]. В своей эстетической концепции он не уменьшает роли поэтического познания мира в сравнении с познанием абстрактным. Если абстрактное познание использует четкие понятия, то освоение мира поэтическим путем представляет, по его мнению, больший интерес, так как художественное наполнение образов может быть неисчерпаемым. О своей вере в силу поэтического воздействия на сознание читателя А. де Сент-Экзюпери пишет в «Дневниках»: «…поэт так же не бесполезен, как и физик. Тот и другой узнают истину, но истина поэта наиболее важна, так как речь идет о его собственном сознании» [7, с. 158-159].

Такая писательская позиция А. де Сент-Экзюпери привела к тому, что им была создана особая художественная система, которая отличалась как своим жанровым своеобразием, так и миром художественных образов. Философская рефлексия Сент-Экзюпери порождала у него желание не только озвучивать свои мысли и идеи самым простым и доступным для понимания способом изложения. Он хотел пробудить у читателей способность мыслить самостоятельно и извлекать из прозы всю многозначность, заложенную в ней автором.

Квинтэссенцией всего творческого и жизненного пути Сент-Экзюпери стала книга «Цитадель». Она явилась итогом творческой эволюции автора и сыграла особую роль в выражении его мировоззренческой позиции. Но в первую очередь, «Цитадель» интересна своим художественным миром, своей поэтической системой.

Система поэтических образов «Цитадели» располагается в художественном пространстве произведения в вертикально-горизонтальном векторах, имеющих три конститутивных элемента: небо - горизонт - земля. Уже в первом его рассказе «Летчик» задана перспектива развития этой образной системы: «Летчик, утонув в небе, видит над собой землю, которая сначала вытягивается как пляж, а потом, повернувшись, стремительно обрушивается на него всем своим весом. Он убирает газ, земля застывает отвесной стеной: самолет входит в пике. Бернис понемногу выводит его, пока перед ним опять не возникает спокойствие горизонта» [5, с. 15]. В этом небольшом отрывке из первого напечатанного произведения писателя заложены основные “камни”, на

основе которых будет расти образная конструкция мощного здания (храма, цитадели) его творчества.

Одни и те же образы, развивающиеся на протяжении всего творчества Сент-Экзюпери, вырастают до масштабов символов. Такими словами-символами и являются “небо” (le ciel), “земля” (la terre), “горизонт” (l’horisont), имплицитные значения которых, спрятанные словно спираль друг в друга, развиваются от произведения к произведению, насыщаясь новым содержанием, новым смыслом.

Хронотоп неба у Сент-Экзюпери многозначен. Амбивалентно понимаемый, этот образ имеет свой особый глубокий смысл. В произведениях, созданных до “Цитадели”, небо, в первую очередь, - это мужской символ мужества и силы, где “смерть… чиста” [5, с. 264]. Оно служит местом драматического действия, побед и поражений, там проявляются лучшие мужские качества. Но в тоже время это и символ экзистенциального одиночества, где “все погружено в пустоту”[5, с. 252].

В “Цитадели” символика неба приобретает более сложное наполнение. Согласно традиционным представлениям небо - это место, где “живут боги, туда попадают некоторые избранники божьи посредством ритуала вознесения, туда…поднимаются души усопших”[6, с. 308]. Именно к небу как обители Бога обращены молитвы героя “Цитадели”. Туда отправится душа заключенного, приговоренного к смертной казни, который томится в тюремной башне: «Башня в зубчатой короне тянулась к звездам - сторожевой корабль шел с важным грузом» [5, с. 389]. Небо открывается в “Цитадели” как символ Вечности.

Но небо “Цитадели” - это и место обитания путеводной звезды, указующей путь людскому каравану, который “вновь следует за своей звездой. Своему пути подчиняется караван. Направление - вот для него опорный камень на невидимом склоне” [5, с. 338]. Путеводная звезда, определяющая направление каравану, напрямую соотносится с библейской вифлеемской звездой, указавшей волхвам путь к Богу.

Вертикаль “небо / земля” художественного пространства произведения находит свое воплощение в образах “храма” (temple/cathedrale), “башни” (tour), “дерева” (arbre), “горы” (montagne). Эти древние архетипические образы связаны с образом Центра Мироздания [6, с. 150]. Храм, башня, дерево, гора, расположенные в Центре Мира, задавая размеры вселенной по вертикали, являются вертикальной осью, объединяющей “три космические зоны: Небо, Землю и преисподнюю” [6, с. 150-151].

В “Цитадели” все эти архетипические образы участвуют в создании ее художественной структуры. Находясь постоянно в центре повествования, многократно повторяясь в различных комбинациях и ситуациях, они обозначают основные смысловые линии произведения: идею постоянного развития, восхождения к Богу, преодоления человеком самого себя. В то же время эти образы несут в себе и другую смысловую нагрузку, прочнейшими узами связывая повествование с древней традицией, что придает ему универсальный характер.

Одним из таких центральных образов является образ “дерева” (arbre). Это и архетип Мирового дерева, связывающего три мира - небесный, земной и подземный: «Корнями оно уходит в землю, а ветвями к звездам, оно - путь, соединяющий нас с небом» [5, с. 358]. Дерево в “Цитадели” олицетворяет и порядок, соответствующий иерархическому порядку Космоса: «Порядок дерева - это целостность и единство, торжествующее над дробностью и разнородностью» [5, с. 382].

Мифологическое сознание представляет образ дерева не только как символ Космоса, но и как “способ выражения жизни, молодости, бессмертия, мудрости и знания” [6, с. 324]. Таким же дерево предстает у Сент-Экзюпери: «Вот оно, мое огромное дерево, и откуда мне знать, что такое смерть…, там и здесь слетает ли-

сток, там и здесь набухают почки, но густота кроны неизменна» [5, с. 381]. Древняя традиция оставила нам многочисленные примеры сопоставления дерева и человека, которые мы находим в сказках, легендах, Библии, где, например, сказано: “Да будут сыновья наши, как разросшиеся растения в их молодости” (Пс. 143:12). Или: “Праведный человек, как дерево, преданиях различных народов. Уподобление человека дереву закреплено и в посаженное при водах и пускающее корни свои у потока; не знает оно, когда приходит зной; лист его зелен” (Иер. 17:8). В “Цитадели” сравнение человека с деревом встречается неоднократно: “Я расту словно дерево, и чем я выше, тем больше у меня корней” [5, с. 358]; «Родившись, вы должны, будто кедр, растить ветви - собственные, а не чужие, - свою хвою и свои листья, вы должны тянуться ввысь и укореняться» [5, с. 392].

Данное сравнение “человек - дерево” подчеркивает авторскую мысль о постоянном стремлении к обновлению, росту и совершенствованию человеческой природы. Тот же образ бесконечного возрождения, выраженный в ритме жизни дерева, мы находим и в другой главе книги: «Перед моими глазами кедр, торжествующий над бегом времени. Время должно было обратить его в прах, но, вопреки силе, гнетущей ствол к земле, год от года раздвигается, гордый храм его кроны» [5, с. 343].

Из приведенной выше цитаты видно, как создаются внутри произведения тесные символические связи между художественными образами. Дерево (arbre) и храм (temple) в “Цитадели” взаимосвязаны, как земные центры бытия, основания вертикальной оси, связывающей земное пространство с пространством космоса, небом, Богом.

Многозначен и сложен хронотоп храма у Сент-Экзюпери. Думается, что этому образу принадлежит одно из ведущих мест в художественной системе писателя. Храм (собор) появляется уже в его первой повести “Южный почтовый”, герой которой, Бернис, не веря в Бога, совершенно случайно, на первый взгляд, оказывается в соборе Парижской Богоматери. Именно здесь возникают ростки той образной системы храма как священного места, в котором время неизменно течет, приближая человека к вечности. Чтобы быть готовым к этой вечности, человек должен себя сотворить (собрать). Бернис еще не готов к осознанию этой идеи, он только приблизился к ней: “Почему это я здесь оказался?” - спросил он себя. В конечном счете потому, что здесь каждая минута куда-то вела. А там за стеной она больше никуда не вела… Он должен был разобраться в себе…Он говорил себе: “Если я найду формулу, которая объяснит мне самого себя, соберет меня воедино, - это и будет для меня истиной” [5, с. 36]. Так зарождался один из основных образов художественного мира Сент-Экзюпери, который полностью развернулся в его итоговом произведении.

В “Цитадели” храм является главным ориентиром во времени и пространстве. Это “уплывающий во времени корабль”, который “увозит от небытия” [5, с. 376]. Именно в образе храма наиболее полно раскрывается идея Центра посреди Хаоса, прорыва священного пространства в однородность мирского, который делает “возможным переход онтологического порядка, т.е. от одного образа существования к другому” [6, с. 281]. Автор создает образ человека, уставшего от суеты города, который “дробит своим… торопливым бегом… Но приходит безмятежный час тишины” [5, с.488] и человек поднимается по ступеням храма, толкает дверь и оказывается в “небесной безбрежности, мерцающей звездами Млечного Пути, в безмолвии, отрешенном от насущного” [5, с. 488]. Эти безмолвие и безбрежность необходимы ему и служат вместо пищи, так как дают возможность “сосредоточиться, собрать самого себя воедино, протянуть между вещами связующие нити, и, насытив смыслом дробную драму дня, сложить ее в целостную картину” [5, с. 488]. Таков идеальный

образ храма, связанный с архаическими представлениями о нем как о священном месте и вертикальной оси, где происходит единение “священного и мирского”.

Но в “Цитадели” возникает и другой мотив, связанный с этими архетипическими образами. Это мотив разрушения храма как Центра Мира, разрушение вертикальной оси при утрате веры. В царстве, которое “дало трещину” [5, с. 460], рушатся зыбкие связи “верха” и “низа”. При отсутствии вертикального стержня силы Космоса и Земли образуют Хаос: «храмы мертвы и засыпаны песком, потому что здесь лишь корабли, получившие пробоину и потерявшие драгоценный груз полумрака и тишины; голубая вода неба хлещет в обвалившиеся купола и тихо шуршит песок, всыпаясь сквозь трещины стен» [5, с. 376]. Таким образом, разрушение храма как некой могучей целостности, можно представить как разложение современного автору общества, где происходит деконструкция сознания. Концепт храма (собора) как образ рушащейся цивилизации возникает и в другом его произведении. События второй Мировой войны и его реакция на них отражены в “Военном летчике”, где звучат трагические ноты: “Я уже не вижу собора, в котором живу. Я облачаюсь для служения мертвому Богу” [5, с. 239].

Постоянное сравнение храма с кораблем, которое присутствует в тексте “Цитадели”, также связано с древнейшей традицией. Как пишет М. Элиаде, “для народа Израиля модели ковчега, всей священной утвари и Храма были созданы в незапамятные времена богом Яхве” [6, с. 280]. Этот образ перешел в христианскую традицию. На его основе средневековое христианское сознание сформулировало свое насквозь символическое видение храма. Храм считался мистическим ковчегом, в котором спасаются верующие люди. Подобно тому, как Ной и его род спаслись в ковчеге от потопа, так и христианская церковь, словно корабль спасет людей от греховного потопа среди бушующей стихии жизни.

У Сент-Экзюпери образ храма-корабля насыщается новой символикой. Его можно трактовать как символ духовного восхождения: “Двери открывает храм, и, войдя в него, человек преображается” [5, с. 523]. Храм - это человеческая душа, устремленная к Богу: «Храмом будет душа, которую я создам в человеке, душа и есть самое главное» [5, с. 374].

В “Цитадели” есть место, повторяющее ситуацию из “Ветхого Завета”. Сон Князя, в котором тот “упрямо карабкался к Господу” по скользкой отвесной горе, но на вершине ее он увидел лишь “большой черный камень - это и был Господь” [5, с. 442]. Этот сон соответствует сну Иакова, который “пришел на одно место и остался там ночевать… И взял один камень из того места и положил себе в изголовье…И увидел во сне: вот, лестница…И вот, Господь стоит на ней… Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем… как страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий” (Быт. 28:11-17).

Повторяя одно из наиболее существенных представлений, которое заложено “в храмовой теологии авраамической традиции”, образа камня как основания Храма, Сент-Экзюпери пишет: «Камни… перестанут быть просто камнями… станут ступенями, ведущими к престолу Господа» [5, с. 376]; «Тяжесть его была тяжестью краеугольного камня храма. Мы не погребали, мы укрепляли землей опору, которой он был и оставался для нас» [5, с. 336].

Основываясь на древних архетипах, автор развивает собственную идею, динамика которой заметна как внутри одного произведения, так и в процессе его творческой эволюции. Его художественные образы содержат множество коннотаций, которые раскрываются в зависимости от авторского замысла, и часто реалистическая пространственно-временная панорама смещается в сторону символистского плана.

Список использованной литературы

1. **Балашов Н. И., Поступальский Н.С.** Примечания // Бодлер Ш. Цветы Зла. М., 1970.
2. **Веселовский А.** Историческая поэтика. Л., 1940.
3. **Касперавичюс М.** Функции религиозной и светской символики. Л., 1990.
4. **Сент-Экзюпери А. де.** Летчик // Новый Акрополь. 2003. №2.
5. **Сент-Экзюпери А. де**. Сочинения. М., 2000.
6. **Элиаде М**. Избранные сочинения. М., 2000.
7. **Saint-Exupery A. de.** Un sens a la vie. P., 1956.
8. **Saint-Exupery A. de.** “Carnets”. P., 1975.

С.Г. Шишкина

У ИСТОКОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ АНТИУТОПИИ: РОМАН Э.М. ФОРСТЕРА «МАШИНА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ»

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья рассматривает роман английского писателя Э.М.Форстера «Машина останавливается» с точки зрения формирования жанра литературной антиутопии. Отмечается, что появление образца технократической антиутопии во многом было обусловлено развитием науки и техники и изменениями, зафиксированными в духовной атмосфере эпохи.

Общепризнанно, что литературная антиутопия оформляется как жанр и приобретает свои специфические характеристики лишь в XX веке. Однако становление жанра происходит постепенно, параллельно с поступательным движением цивилизации. Активный процесс накопления как утопических, так и зеркально противоположных, антиутопических мировоззренческих позиций характерен уже для конца XIX столетия. В значительной степени радикальные изменения материального плана объясняются ускоренным развитием науки и техники. В этой связи упомянем несколько открытий и достижений, оказавших влияние на логику и перспективы мышления человечества. Так, учение Дарвина изменило взгляд на природу человека и его место в макрокосмосе; Грегор Мендель уже обнародовал результаты изучения наследования основных родовых и видовых признаков; Зигмунд Фрейд проанализировал психику человека как переплетение сознательного и бессознательного; открытие Д.И.Менделеевым периодической системы элементов подтолкнуло пересмотр представлений о материи. Внедрение радио, телефона и телеграфа во много крат ускорили привычный ранее темп существования; изобретение новых средств передвижения позволило проникнуть в такие места на планете, которые раньше были доступны лишь для человеческой фантазии. «Близоруко было бы не видеть, - писал Н. Бердяев примерно в этот период, - что в жизни человечества произошла перемена, после которой в десятилетие происходят такие же изменения, какие раньше происходили в столетия» [1, с.12]. Все меньше и меньше неизведанного и непознанного остается для разума человека, да и непонятное

и недоступное сегодня вполне могло стать обыденным завтра, что с успехом продемонстрировал Жюль Верн и его книги, которые к концу века уже стали путеводителем по стране неизвестного. Неведомые миры, построенные в иной системе координат, вне времени и не на каком-то далеком острове Утопия или в несуществующей стране, а в знакомых, но других, обогащенных достижениями разума местах, становятся в литературных произведениях обыденным явлением.

Мощный прорыв в области науки и техники вооружает человека новым инструментарием для осмысления процессов бытия и своего места в мире, меняет ракурс зрения на происходящее и природу человека. Вместе с тем, ускоряется формирование настороженно-скептического отношения к достижениям научно-технического прогресса. Они не всегда воспринимаются как неизбежный катализатор улучшения общественных отношений, ведущих к появлению человека нового типа – более совершенного как духовно, так и физически. Приходит понимание того, что техника и технический прогресс - это надсоциальная и надчеловеческая данность, которая имеет свою внутреннюю логику и свои законы развития. Техника все более становится автономной, так как она способна к саморазвитию, безграничному совершенствованию собственных параметров.

Стремительное развитие техники, несмотря на кажущийся прогрессивный характер происходящего, нарушает равновесие материальных и духовных сил. На смену упоением техническими достижениями приходит понимание того, что технологический и научный прогресс не означают прогресса духовного, социального и культурного. Научно-технический разум формирует и заполоняет новую «техническую цивилизацию», которая грозит полной дегуманизацией мира. Угроза технократического мышления все чаще омрачает ожидания от нового столетия.

Заметим, что «технократизм» понимается нами как способ мышления, автоматически перенесенный в мир живой природы из мира техники. Механические принципы, изначально заложенные в схему функционирования и концепцию поступательного развития техники, в технократическом пространстве определяют способ поведения человека и его мышление. Отсюда односторонность, жесткость и жестокость, однозначность и одномерность, то есть, мировоззренческая концептуальная заданность и регламентация. При этом средство рассматривается в качестве цели и наоборот. М.Хайдеггер несколько позднее определит такое мышление как «вычисляющее», противопоставляя ему «осмысляющее». «Вычисляющее мышление», по его мнению, ограниченно, поскольку оно предельно конкретно и прагматично. Его алгоритм считается лишь с определенными запланированными результатами во всех областях знаний и их практиках, включая и сферу гуманитарных наук [4, с.252]. В такой системе координат человек становится одномерным и предсказуемым. «Человек делается орудием производства продуктов. Вещь становится выше человека» [2, с.149], - замечает Н.Бердяев. Технократизм уничтожает перспективы, сужает горизонты, превращает человека в живой механизм с заранее заданной программой. Такой алгоритмически-формульный, однозначный человек, по мнению русских и западных философов, становится неизбежным побочным продуктом цивилизации (отметим, что в данном контексте термин «цивилизация» применяется нами синонимично понятию «научно-технический прогресс»). Человек, по определению О.Шпенглера, становится «человеком-хищником» («Raubter») [7]. При этом техника подавляет волю разума человека, бывшего ранее завоевателем и творцом.

Н.Бердяев, анализируя несовпадение темпов технократической цивилизации (то есть, прогресса) и культуры (в данном случае, духовной оболочки социума), выде-

ляет четыре знаковых момента новой духовности, которые, по его мнению, означают победу цивилизации над культурой и постепенную некрофилию культуры:

1. Уничтожение творчества как такового, что требует устранения искусства и философии, замену их инженерным искусством;
2. Переход к новому типу этики – от миссии хранения и продолжения творения к сугубо прагматическому использованию их в своих целях;
3. Господство «философии обладания» над «философией бытия» (отметим, что эту черту как главную для новой цивилизации выделял и Э.Фромм);
4. Утрата возможности созерцания Бога, истины, красоты, то есть, потеря вечных ценностей» [2, сс.76-78].

Очевидно, что в таких условиях меняется взгляд на человека как на объект познания и отражения в художественной и творческой практике. Вера в возможность создания идеального представителя homo sapiens, что является концептуальным ядром всякой утопии, исчезает. Спорадически сомнения в неизбежности появления идеального человека возникают и прежде – достаточно вспомнить М.Шелли, Вольтера, Ф.Достоевского и М.Салтыкова-Щедрина. Еще раньше, в 1727 году, появляется, по сути, одно из первых сочинений в жанре технократической антиутопии - третья книга «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта с описанием летающего острова Лапута. В конце XIX века – начале XX такие настроения становятся доминирующими. Человечество вглядывается в «Черный квадрат» Малевича, прообраз неизвестного будущего, уже не с трепетным ожиданием и надеждой, а с тревожным недоумением. Новый человек нового времени, вооруженный новыми знаниями, уже не моделирует идиллическое утопическое пространство. Скорее, его гипотетические конструкции отражают боязнь технократизма, возведенного на базисе новых научных знаний, и опасения по поводу неизбежности потери человеческого, духовного, сакрального в человеке. Что происходит с человеком нового времени, спросит позднее Р.Гвардини. И разъяснит: «Человек потрясен, выбит из колеи и уязвим для сомнений и вопросов. Когда это случается в эпохи перелома, пробуждаются самые глубинные слои человеческого существа. С неведомой раньше силой просыпаются первобытные эффекты: страх, насилие, алчность, возмущение против порядка. … Возможность достичь согласия с собой и справиться с вопросами своего бытия раньше обеспечивалась надежностью старого традиционного состояния мира; теперь она исчезает» [3]. Таким образом, возникает ситуация, когда человечеству некуда стало больше двигаться. Это отражается и в художественной практике. Так, меняется сюжетно-семантическое пространство утопии. Даже сочинения, задуманные в образцах привычного жанра утопии, обращаются в свою противоположность, сатирическую утопию. Пример тому – «Эревон» С.Батлера, (1888), «Взгляд назад» Э.Беллами (1888), «Вести ниоткуда» У.Морриса (1890). Однако и сатирическая утопия (заметим, что практически любой образец утопической литературы – это имплицитная или эксплицитная сатира на существующий социум) наполняется антиутопическими мотивами, соединенными с научно-фантастическими элементами, что вызвано все большим господством технократического мышления. Объясняется это частично тем, что «в сравнении с научной фантастикой антиутопия рассказывает о куда более реальных и легче угадываемых вещах. Научная фантастика скорее ориентируется на поиск иных миров, моделирование иной реальности, иной «действительности». Мир антиутопии более узнаваем и легче предсказуем. …Это не означает, что антиутопия значительно расходится с фантастикой. Она активно использует фантастику как прием, расходясь с нею как с жанром» [5, с.200].

Таким образом, возникает своеобразный конгломерат идей, наполненных упоением достижениями науки настоящего, попытками предвидения ее развития в будущем и предсказаниями, все больше склоняющихся в сторону предупреждения, судьбы и облика человека нового сообщества, социум и степень развития цивилизации которого во многом определяются и конструируются научно-техническим прогрессом.

В этом плане представляет определенный интерес роман Э.М.Форстера «Машина останавливается» (“The Machine Stops”, 1909), который справедливо считается одной из первых технократических антиутопий. В нем создана чрезвычайно любопытная картина общества и человека будущего. Форстер, используя приемы и достижения научной фантастики, моделирует такой период развития цивилизации, когда жизнь человека и человеческой расы в целом полностью зависит от деятельности машины. Она поддерживает и определяет функционирование всех сфер жизни социума. Автор не скрывает экспериментально–гипотетического характера своего повествования. Именно поэтому, как представляется, в первых строках романа он присутствует и сюжетно, и текстуально. «There are no musical instruments, and yet, at the moment that **my** (выделено нами – С.Ш.) meditation opens, this room is throbbing with melodious sounds» [8]. («И хотя не видно ни одного музыкального инструмента, в ту минуту, когда я мысленно ввожу вас сюда, нам навстречу льются нежные и мелодичные звуки»). Словно сценарист, разъясняющий сценографию и авторский замысел, Э.Форстер сам приглашает читателя к погружению в другую реальность, очертания которой он создает скупыми, но точными и сочными мазками. Предложения короткие, практически не распространенные. Скорее, это инструкции. Действия названы или заданы, определены конкретно. («An electric bell rang. The woman touched a switch and the music was silent») [8]. Постепенно автор отстраняется от происходящего, его голос стихает, оценочные нотки прорываются лишь изредка, и читатель автономно проникает в созданную фантазией Форстера завораживающую, пугающую, притягивающую и отталкивающую виртуальную реальность.

Итак, автор переносит нас в подземное государство, куда люди переселились много столетий тому назад относительно романного настоящего. Там, глубоко под землей, создана новая цивилизация, технически гораздо более совершенная той, в которой проживает автор, - пространство, почти идеальное для человека. Оно по форме напоминает улей с многочисленными ячейками, которые служат жилищами для одной человеческой особи. Человек автономен в такой камере, его существование, смена деятельности, работа, прием пищи, лечение регулируются и определяются нажатием кнопок. Все стены ячеек утыканы датчиками для включения и выключения механизмов, предназначенных для удобства жизни. Общение с себе подобными происходит через пространство «голубого диска», то есть телевизора, при помощи которого проводятся обучающие конференции, осуществляется обмен мнениями, встречи с родственниками. Однако категория «родственники» в этом сообществе весьма условна. Обязанности родителей прекращаются в момент рождения ребенка. Позднее его забирают в детский сад, куда, впрочем, разрешаются визиты матери. С отцом все сложнее. Это еще не пробирочный мир О.Хаксли, но чувства уже изгнаны из пространства обитания. Это тот самый мир, о котором предупреждает Р. Гвардини, рассуждая о человеке нового времени: «Одиночество в мире будет предельным. Из отношения людей к миру исчезнет любовь. Будет утрачена способность любить и понимать, что такое любовь» [3]. Во всяком случае, о нежных прикосновениях друг к другу в мире Форстера давно забыто. Функции продолжения рода выполняются мужчинами строго по предписанию и только в той комнате, которая определена власть предержащи-

ми. Да и не всем мужчинам разрешается продолжить род. Если во внешнем облике или в образе мыслей есть что-то, что не приветствуется Машиной или идет вразрез с условиями, которые ею диктуются, вряд ли отцовство будет разрешено. Так происходит с Куно, сыном главной героини произведения, Вашти. Беда Куно в том, что он крепок физически и, следовательно, наделен развитыми мышцами. Он, поэтому, не принадлежал к тому типу, который предназначен Машиной для продолжения рода. В тех обстоятельствах жизни, которые создала Машина, а именно, в узком статичном мире, он не счастлив. Он тоскует по запрещенным действиям – передвижениям, путешествиям, то есть, по активному, а не созерцательному познанию. Он, как любой, наделенный физической энергией, требует приложения своих сил, экспериментов и созидательности бытия, что не приветствуется всесильной Машиной. Человек – биологическая особь - деградирует, вымирает в этом жизненном пространстве, как в отдаленном будущем мира морлоков и элоев (Г.Уэллс «Машина времени»). Он настолько слаб, что силы его мышц уже не хватает для того, чтобы совершить незначительное движение: наклониться и поднять упавшую книгу. «На заре человечества хилых младенцев сбрасывали с вершины Тайгета, на его закате обрекали на гибель … – во имя Машины, во имя вечного движения Машины!» [6, с.52] - разъясняет нам уже невидимый автор.

Необходимо заметить, что понятие «Машина» у Форстера включает в себя не только машину как таковую, то есть механический объект, помещенный под землю и питающий жизненно важные объекты и коммуникации, но и метафорически обозначает всю систему государственного устройства. Невидимый, но всемогущий Генеральный Совет управляет сообществом. Именно он определяет, кому и где, в какой ячейке поселиться; он разрешает или запрещает возможность отцовства; он одобряет эвтаназию или считает функционирование той или иной личности пока полезным для Машины; он отделяет практически значимые и прагматически полезные научные идеи от бесполезных, устремленных в звезды, мечтаний. «Людей уже не объединяло стремление познать то, что лежит за пределами их мира. Наука обратила свои взоры в недра земли, чтобы отныне ставить себе только такие задачи, которые сулили безусловный успех». Диктатура, то есть регламентация всех сторон жизни, обычна и привычна для Вашти и ее соплеменников. Они не замечают ее, поскольку не ведают ничего другого. Штампованность, заданность мышления, обезличенность и скудость чувств столь же обыденны для них, как движение механизма при нажатии определенной кнопки. Так, Вашти чувствует всего лишь «брезгливую жалость» по отношению к Куно, который, по ее словам, когда-то был ее сыном. Отречение объясняется тем, что Куно осмелился на поступок – выход на поверхность Земли. Это явно не приветствуется Генеральным Советом. Не позволяются поступки такого рода и законодательно: Вашти, как и все ее современники, убеждена в том, что единственно правильные и безоговорочно верные действия, эмоции, реакции давно закреплены в Книге, сохранившейся в веках и уцелевшей в бумажном соре тысячелетий. Эта объемная книга (так, запись об обязанностях родителей находится в ней на странице 422 327 488) [6, с.44], словно Библия во времена Форстера, всегда находится под рукой любого жителя нового мира. Она издана Советом. В ней, и только в ней содержатся инструкции на все случаи жизни. Но главное – это Книга о Машине, которую люди создали когда-то и которая сейчас создавала и подчиняла себе людей. Вновь обратимся к Гвардини, который в своих трудах, вглядываясь в будущее, как будто дополняет сказанное Э.Форстером. «Грядущая эпоха заговорит, я думаю, по-другому. Человек этой эпохи знает: техника в конечном счете не имеет отношения ни к пользе, ни к благополучию, речь идет о

власти; о власти в предельно широком смысле слова. Носитель такой власти пытается наложить руку на первичные элементы природы и человеческого бытия. Это означает необозримые возможности строительства, но также и разрушения, особенно там, где дело касается человеческого существа, которое оказывается далеко не так прочно и надежно в самом себе, как обычно полагают» [3].

Очевидно, что в данном научно-фантастическом произведении налицо основные признаки антиутопии: своеобразно смоделированный хронотоп, его замкнутость, отгороженность от мира реального. Действие в романном «настоящем» происходит после революционного Великого Мятежа, в результате которого все инакомыслящие были изгнаны из подземного «улья» на поверхность Земли, в атмосфере которой человек уже не может находиться без респиратора. Жесткая конструкция социума поддерживается специальным органом, Генеральным Советом, прообразом всемогущей Партии в более поздних антиутопиях. Верные стражи режима – огромные белые черви, функция которых сводится к тому, чтобы затянуть в подземное пространство тех, кто осмелился выбраться из него без специального на то повода или разрешения. Сюжет, как и в большинстве антиутопий, начинается с бунта чувств главного героя, Куно. Он понимает ущербность своего бытия. Не слышимый другими голос предков зовет его в прошлое, в мир «до» - до настоящего, до погружения под землю, до создания Машины, заменяющей собой естественные процессы жизни Природы. «Мы умираем, под землей живет только машина. Мы создали ее для того, чтобы она служила нам. Машина движется вперед, но не к нашей цели» [6, с.59], – говорит Куно. Именно он понимает, что Машина, а вместе с ней и те, жизнедеятельность кого она поддерживает, обречены. Машина останавливается. Что-то расшаталось в ее механизме. Восстановить ее человек, даже столь сильный и независимый, как Куно, этот новый Гамлет, не в силах. «Человек, венец всего живого, благороднейшее из созданий, человек, некогда сотворивший Бога по образу и подобию своему и головой достававший до звезд, человек, рожденный нагим и прекрасным, теперь умирал, запутавшись в одеждах, которые он сам для себя соткал»[6, с.75]. Как и герой Шекспира, Куно умирает в уверенности, что после него жизнь будет другая. Главное – вековая цивилизация не погибнет вместе с гибелью машинной эры. Он успел увидеть живущих на Земле и полюбить их. Он знает, что люди, ныне скрывающиеся в тумане или в зарослях папоротника, не допустят нового моделирования Машины и ее повторного запуска. Перед лицом смерти меняется и Вашти. Она отвергла правила машинной цивилизации и сделала то, что подсказывало ей сердце – бросилась на поиски сына, чтобы сделать давно забытое: обнять его, прикоснуться к нему и вместе уйти в вечность.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что предвосхищение и предсказание, характерные для утопий и фантастики, в ранних антиутопиях, как это заметно и в произведении Э.Форстера, концептуально переплетаются и постепенно создают свою полную противоположность – предупреждение о последствиях, а не упоение результатами научно-технического прогресса и их применением в новом обществе новым человеком. Это объясняется и антропоцентричностью природы самого жанра антиутопии, в центре интересов которой – соотношение внутри триады «человек – цивилизация – социум». Пример тому – и роман Э.М.Форстера. Научно-фантастические элементы повествования, как уже говорилось, лишь помогают создать своеобразный условный вневременной хронотоп, не всегда связанный с настоящим или прошлым. Как и в жанре утопии, хронотоп антиутопии предельно замкнут; время действия, даже обозначенное конкретно, абсолютно абстрактно, не линейно. Научные открытия и достижения, описания которых вмонтированы в пространство

антиутопии, служат лишь катализатором изменения социума, но автоматической эволюции и самосовершенствования человека не происходит. Жесткий и жестокий социум заставляет человека мимикрировать, осознавать, что только полное подчинение его законам зачастую ведет к выживанию. Механизмы власти, запущенные человеком и поддерживаемые им же сконструированной машиной управления, не ослабевают, а становятся все жестче, разрушительнее и бесчеловечнее, что лишь подчеркивается внедрением достижений научно-технического прогресса.

Таким образом, Э.М.Форстер иллюстрирует мысль о том, что технократическая цивилизация, задуманная и созданная для эволюционного самосовершенствования человека, ведет к вымиранию и самой себя, и, разумеется, человека, ее сотворившего. Неизвестно, по его мнению и по логике развития сюжета, сможет ли человек возродиться как биологический вид в условиях, далеких от благоприятных для его функционирования и выживания. Неизвестно также, какие еще механизмы для облегчения своей жизни создаст его разум. Однако тема власти машины, подавляющей и обезличивающей человека, уже заявляет о себе и благодаря роману «Машина останавливается». Отметим, что, художественно оформляя гипотезу о возможной гибели человечества в машинном пространстве, Форстер, тем не менее, остается оптимистом. Он дает человеку шанс исправить содеянное, повернуть время вспять, починить искореженное. Отсюда – столь обнадеживающий финал романа и предсмертное примирение матери и сына, разъединенных обществом, моралью и законом. Очевидно, что авторский оптимизм объясняется общественно историческим опытом – еще нет кровавой бойни Первой и звериного оскала Второй Мировой войн, еще не прокатился по миру тайфун революций и освободительных восстаний, не создан искусственный интеллект, не сброшена бомба на Хиросиму… Тема Машины, подавляющей и обезличивающей человека, превращающей его в бессловесный придаток-винтик, полновесно и полифонически зазвучит в антиутопии позднее, когда теоретические и художественно-гипотетические постулаты будут проверены практикой XX столетия.

Список использованной литературы

1. **Бердяев Н**. Кризис искусства. - М., 1990.
2. **Бердяев Н.** Смысл истории. – М., 1990.
3. **Гвардини Р.** Конец философии нового времени // http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001009.
4. **Губман Б.Л.** Западная философия культуры XX века. - М., 1997.
5. **Липков А.И.** Проблемы художественного воздействия: принципы аттракциона. - М., 1990.
6. **Форстер** Э.М. Машина останавливается. //Утопия и антиутопия XX века. - М.,1990.
7. **Шпенглер О.** Закат Европы. Т.1. - М., 1993.
8. **Forster E.M**. The Machine Stops. www.plexus.org/**forster**/index.html.

В.А. Фалина

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОФОРМЛЕНИЯ КОНЦОВКИ НЕОФИЦИАЛЬНОГО ПИСЬМА СЕРЕДИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

Ивановский государственный энергетический университет

В статье дается развернутый анализ формуляра концовки неофициальных писем купцов Владимирской губернии середины XIX – начала XX века. Наряду с традиционными этикетными клише, выявлены трансформированные и новые лексико-синтаксические структуры, позволяющие говорить об индивидуализации и демократизации этикетной рамки частной переписки названного периода.

Современное неофициальное письмо весьма далеко от тех стандартов, которым следовали те, кто вел частную переписку более ста лет назад. Однако можно смело утверждать, что именно тогда, в XIX веке, частное письмо как жанровое образование находилось на стадии наиболее активного развития, что нашло отражение в ряде научных исследований ([1], [2], [3], [4] и др.). Данные научные изыскания проводились на материале частных писем русских писателей, историков, публицистов. При этом за рамками исследований оказались письма других социальных групп: обывателей, купечества, что не позволяет сформировать наиболее точное представление о структуре неофициального письма как жанрового образования. Считаем необходимым скорректировать уже имеющиеся данные об особенностях оформления частной переписки XIX века, выбрав в качестве источника неофициальные письма купцов Владимирской губернии середины XIX – начала XX века. Для исследования была взята частная переписка из родовых архивов купеческих семей Журовых, Фокиных, Шаховых и Бурылиных.

Ранее нами уже публиковались материалы, посвященные изучению лингвистического статуса и формуляра зачина неофициального письма владимирского купечества сер. XIX – нач. XX века ([5], [6]). Данная статья продолжает начатую работу по исследованию формальной структуры переписки и посвящена ее заключительной части – формуляру концовки. Но прежде чем перейти к непосредственному анализу писем, обозначим ряд используемых в работе понятий и терминов.

Структурная организация анализируемых писем имеет канонический характер: зачин, основную (содержательную) часть и концовку. Зачин и концовка образуют особую этикетную рамку письма, имеющую свои стилистические средства выражения – этикетные эпистолярные формулы.

Как известно, этикетная формула – это ритуальная форма речевого поведения, выраженная особыми языковыми средствами – клишированными выражениями. Этикетные формулы в совокупности образуют формуляр частного письма. Формуляр – это относительно стандартная, незамкнутая система этикетных элементов письма. По отношению к структуре частного письма можно говорить о формуляре зачина и формуляре концовки.

Этикетные формулы, выполняя функции контактоустановления и размыкания контакта, представляют собой особые формы ведения эпистолярного диалога. Выбор тех или иных формул, участвующих в организации письма, во многом определяется индивидуальными характеристиками и интенциальными установками автора.

С другой стороны, данные клишированные выражения являются специфическими элементами эпистолярной коммуникации, в основе которой лежит исторически сложившаяся национально-культурная традиция оформления неофициального, частного письма. Учет этих аспектов позволяет выявить факторы, влияющие на выбор адресантом тех или иных этикетных формул, и определить интегральные и дифференциальные характеристики последних.

Как уже было обозначено выше, обязательной составной частью неофициального письма является **концовка**. Она представляет собой заключительный фрагмент эпистолярной коммуникации, направленный на размыкание контакта и содержит целый ряд этикетных актов, связанных с ситуацией прощания. Как правило, сначала идет передача приветов, поклонов или почтительных заверений родным и близким (косвенно-фатическая адресация), затем включаются пожелания здоровья, всевозможных успехов и благ адресату (здравица), завершают письмо формулы прощания и адресные координаты (формулы личной адресации) отправителя письма. Концовка может содержать все перечисленные эпистолярные акты прощания или комбинацию некоторых из них в различных вариациях и последовательности.

Охватить все многообразие концовок писем владимирского купечества практически невозможно, так как в концовках адресанты не придерживаются какой-либо одной конструкции-формулы, а предпочитают разнообразие, создают новые синтаксические структуры. При этом в переписке наличествует стабильный набор этикетных клише, оформленных в соответствии с эпистолярной традицией того времени и отвечающих определенному этикетному акту. К ним относятся формулы: имею честь быть, прошу засвидетельствовать (объявить) почтение, (Ваш) покорный слуга и другие.

Рассмотрим их в контексте выявленных этикетных актов.

1. Косвенно-фатическая адресация. Она представляет собой приветы, поклоны и почтительные заверения лицам, не участвующим в эпистолярном диалоге. Косвенно-фатическая адресация осуществляется включением в структуру текста одной из конструкций: сказать (передать, послать) поклон, объявить (передать, сказать, засвидетельствовать) почтение, их грамматических форм передать (сказать) по поклону (по почтению), либо клишированных выражений наш …поклон, сердечный привет, мое почтение: *«Прошу объявить мое почтение Дедушку Якову Ивановичу и Бабушке Василисе Игнатьевне.» (И.Г.Журов – Д.И.Журовой, 11 марта 1843г. г.Ростов, Ярославск. губ.).* (Обратите внимание: в данном и последующих письмах сохраняется орфография и пунктуация источников!). *«Мой сердечный привет крестному и всем Вашим». (М.Шахова – А.А.Бурылиной, 12 декабря. [Место отправления неизвестно]. г.Москва). «Наш общий и глубокий поклон любезной Анне Александровне.» (Н.Г.Бурылин – Д.Г.Бурылину, 5/17 октября 1859г. [Место отправления неизвестно]). «Прошу передать от всех нас по почтению супруге Вашей Анфисе Афанасьевне а также тятиньке, маминьке и всем нашим.» (Ф.Г.Журов – И.Г.Журову, 31 мая 1859г. с.Тейково, Суздальский уезд, Влад. губ.).*

2. Здравица. В письмах владимирского купечества здравицы наиболее активно включаются не в зачин, а в концовку писем, где они имеют иные формы выражения. Создавая синтаксические структуры, выражающие пожелания, авторы используют разнообразные языковые средства, в том числе фразеологические единицы, выступающие в контексте в роли эпистолярных формул: *«Всего хорошего. Любящая тебя А.Бурылина.» (А.А.Бурылина – Д.Г.Бурылину, 21 января 1915г. г.Москва). «Искренно желаю счастливого пути. Любящий тебя Н.Бурылин.» (Н.Г.Бурылин –Д.Г.Бурылину, 11 декабря 1903г. г.Иваново-Вознесенск, Шуйск. уезд, Владим. губ.).*

В отличие от косвенно-фатической адресации, где этот признак выражен менее четко, в здравице очень хорошо просматривается отношение автора к адресату. Личностный настрой адресанта и характер содержания письма определяют выбор тех или иных этикетных элементов, способов и приемов их обыгрывания. Так, пожелание здоровья может быть выражено при помощи вежливого будь здоров и особо вежливого будьте здоровы: *«Прощай, будь здоров.» (Н.Г.Бурылин – Д.Г.Бурылину, 27 апреля 1912г. г.Москва). «Затем будьте здоровы.» (Ф.Г.Журов – И.Г.Журову, 14 декабря 1864г. [Место отправления неизвестно]).*

Кроме того, в письмах обнаруживаются расширенные варианты формулы будь(те) здоров(ы): будь(те) здоров(ы) и весел(ы), будьте здоровы и покойны: *«Прощай будь здоров и весел. Твой Н.Бурылин.» (Н.Г.Бурылин – Д.Г.Бурылину, 25 августа 1872г. г. Нижний Новгород). «Будьте здоровы и веселы приезжайте к нам.» (А.И.Журов – А/др. Журову, 17 декабря 1867г. с.Тейково, Суздальск. уезд, Владим. губ.). «Будьте здоровы и покойны. Искренно уважающая Вас Н.Бурылина.» (Н.Бурылина – Д.Г.Бурылину, 17 июня 1897г. с.Поповское, Шуйск. уезд, Владим. губ.).*

Факты присутствия данных формул в письмах авторов, не связанных между собой перепиской, и их частотность в употреблении позволяет определить эти единицы как лексические варианты фразеологизма будь(те) здоров(ы) и считать их типичными для эпистолярного этикета владимирского купечества.

В расширенном варианте функционирует в письмах клише всего хорошего. Сравним: *«Всего хорошего. Любящая тебя А.Бурылина.» (А.А.Бурылина – Д.Г.Бурылину, 21 января 1915г. г.Москва).* И другой пример: *«Просим Вас принять наши лучшие пожелания всего добраго и хорошаго.» (Н.Г.Бурылин – Д.Г.Бурылину, 9 апреля 1916г. г.Иваново-Вознесенск, Шуйск. уезд, Владим. губ.).*

В некоторых случаях обыгрывание традиционных этикетных клише осуществляется за счет включения их в структуру предложений, где они выступают в качестве однородных членов наравне со словами: *«Желаю тебе добра и спокойной ночи, потому что теперь седьмой час пополудни, Петр Степ. сей час едет.» (И.Г.Журов – Д.И.Журовой, 11 ноября 1844г. г.Москва).*

Для усиления эмоционального эффекта и наращивания смысла авторы могут объединять в акте пожелания сразу две здравицы, или вводить в структуру предложения фразеологизм дай бог: *«Будь здоров и весел…Желаю тебе всего хорошего. Тебя любящий брат Алексей. (А.И.Журов – Александру Журову,17 марта 1868г. с.Тейково, Суздальск. уезд, Владим. губ.). «Ну дай бог тебе всего хорошего…» (А.А.Бурылина – Д.Г.Бурылину, 18 августа 1893г. г.Ярославль).*

3. Итог содержания письма. Одной из составляющих концовки является формула, представляющая собой общее заключение, итог содержания письма. Схематично она может быть представлена следующим образом: Больше (более) писать (сообщить) <ничего> нужного не имею (не вижу, не предвижу, нет, нечего): *«Больше сообщить ничего не имею, прошу Тебя писать нам.» (Н.Г.Бурылин – Д.Г.Бурылину, 12 декабря 1905г. [Место отправления неизвестно]). «Засим писать более нужнаго не вижу.» (И.Г.Журов – Д.И.Журовой, 24 мая 1840г. г.Ромен. Украина). «Более писать нужнаго нет.» (А.И.Журов – И.Г.Журову, 18 декабря 1854г. г.Харьков. Украина).*

Активное использование этой эпистолярной формулы в письмах многих адресантов позволяет сделать вывод о том, что она является типичной и продуктивной для эпистолярных текстов владимирского купечества. С точки зрения формального выражения внутри конструкции обнаруживается некоторая вариативность компонентов, которая не нарушает ее семантического тождества. В концовке письма данной формуле отведено место либо перед формулами прощания, либо перед здрави-

цей, с которой она может организовывать одно композиционное целое: *«... и засим писать больше нужнаго не предвижу, а желаю тебе добраго здоровья и успехов в твоих занятиях...» (И.Г.Журов – Д.И.Журовой, 24 июня 1834г. г. Астрахань).* Отметим также то, что в редких случаях формула-заключение перерабатывается авторами с учетом ситуации, в которой написано письмо: *«... больше писать мне некогда...» (Ф.Г.Журов – И.Г.Журову, 12 июня 1838г. г.Шуя, Владим. губ.). «... писать более негде, прощай а мне очень скучно без тебя мой Друг.» (И.Г.Журов – Д.И.Журовой, 2 февраля 1843г. г.Москва).*

4. Формулы личной адресации. К ним мы относим специальные синтаксические конструкции-клише, служащие для самоназвания адресанта (обозначены в данном исследовании как **формулы личной адресации)**.

В XIX веке традиционным при завершении письма является указание полного имени писавшего с обязательной сопроводительной формулой имею честь быть (Ваш) покорный слуга. Как правило, данная формула в письмах владимирского купечества вводится с включением почтительного заверения: *«С Совершенным почтением Честь имею быть Покорный Слуга Дм.Бурылин.» (Д.Г.Бурылин – П.П.Белоглазовой, 15 сентября 1884г. г.Иваново-Вознесенск, Шуйск. уезд, Владим. губ.). «Честь имею прибыть к Вам с истинным моим почтением, Ваш покорный Слуга Алекс. Коновалов.» (А.Коновалов – Д.Г.Бурылину, 5 октября 1891г. г.Иваново-Вознесенск, Шуйск. уезд, Владим. губ.). «Остаюсь с почтением Покорная ваша Слуга Евгенья Журова.» (Е.М.Журова – И.Г.Журову, 13 мая 1847г. [Место отправления неизвестно]).*

Однако в большинстве случаев традиционная формула подвергается творческому переоформлению. Она может обрастать новыми эпитетами, компонент покорный получает превосходную степень покорнейший, компонент слуга часто дополняется или заменяется более интимно-доверительным друг, сын, брат, сестра и т.п. Все эти элементы реализуются в различных комбинациях: *«Ваш покорнейший Слуга Сын Алексей Журов». (А.И.Журов – И.Г.Журову, 28 апреля 1854г. г. Москва). «Ваш покорный слуга и брат Ф.Журов.» (Ф.Г.Журов – И.Г.Журову, 11 декабря1851г. г.Шуя, Владим. губ). «Ваш покорный слуга и послушный брат Федор Журов.» (Ф.Г.Журов – И.Г.Журову, 8 ноября 1850г. г.Шуя, Владим. губ.).*

Кроме того, зафиксированы случаи, когда формула Ваш покорный брат заменяется ее аббревиатурой В:П:Б: *«В: П: Б: Ф.Журов.» (Ф.Г.Журов – И.Г.Журову, 11 июня 1840г. г.Шуя, Владим. губ.).* Другой вариант концовки: *«С почтением к вам имею честь быть Николай Фокин». (Н.Фокин –Д.Г.Бурылину, 19 июня 1888г. г.Иваново-Вознесенск, Шуйск. уезд, Владим. губ.).* Здесь, как мы видим, идет отказ от клише Ваш покорный слуга, но сохранена первая часть общей конструкции.

Помимо переработки закрепленной формулы, в переписке владимирского купечества прослеживается и другая тенденция, противоположная традиционному обрамлению письма. Это тенденция к упрощению штампов эпистолярного этикета, замена стандартных формул доверительно-дружескими формами. Приведенные примеры подтверждают полный отказ от традиционной формулы честь имею быть (Ваш) покорный слуга: *«Остаюсь преданный тебе всей душой Твой навсегда Ир. Жур.» (И.Г.Журов – Д.И.Журовой, 12 октября 1842г. г. Москва). «С почтением к Вам племяш Ваш С.Фокин». (С.Фокин – Д.Г.Бурылину, 9 ноября 1911г. [Место отправления неизвестно]). «Целую Вас крепко Искренно любящая Вас Н.Бурылина.» (Н.Бурылина – А.А.Бурылиной, 12/25 июля 1911г. Axenstein). «Ваша нареченная Невеста Екатерина Миндовская.» (Е.Г.Миндовская – А.И.Журову, 25 августа 1867г. Дача Миндово, Владим. губ.).*

Итак, мы видим, что в неофициальной переписке владимирского купечества сохраняется традиционное обрамление письма, включающее концовку как обязатель-

ный композиционный элемент. Однако в самой структуре концовки фиксируются разного рода преобразования: идет обыгрывание традиционных клише; наблюдается вариативность компонентов внутри типичных этикетных формул, либо идет полный отказ от некоторых из них; намечается тенденция к упрощению штампов эпистолярного этикета.

Все это определяет реально существующую динамику в структурной организации и этикетном оформлении неофициальной переписки, указывает на тенденции индивидуализации и демократизации эпистолярного текста середины XIX – начала XX века.

Список использованной литературы

1. **Белунова Н.И.** Формы речевого этикета в интимно-дружеских эпистолярных текстах как средство выражения адресованности // Слово: Материалы международной научной конференции. – Тамбов, 1995. – С.215-217.
2. **Белунова Н.И.** Неэксплицитная информация в эпистолярных текстах (на материале дружеских писем творческой интеллигенции кон. XIX – нач. XX века) // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. – Тверь, 1996. – С. 86-87.
3. **Глинкина Л.А**. «Весь ваш без церемоний…» (Речевой этикет в частных письмах XIX века) // Русская речь. – 1985. – №1. – С. 39-45.
4. **Кувалина С.С.** О языке эпистолярного наследия М.А.Булгакова // Проблемы славянской филологии. – Самара, 1996. –С. 155-157.
5. **Фалина В.А**. К вопросу о лингвистическом статусе эпистолярного жанра // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи: Сборник научных трудов. – Иваново, 2007. – С. 180-184.
6. **Фалина В.А.** Традиционное и новое в формуляре зачина неофициального письма владимирского купечества середины XIX – начала XX века // Вестник ИГЭУ. – 2007. – Вып. 1. – С. 68-70.

ББК 81.2

Раздел 5 Материалы научного семинара «Фонетика и фонология языка и речи»

Н.К. Иванова, Р.Ю. Блинов

ЗВУКОВОЙ И ПИСЬМЕННЫЙ КОД ЯЗЫКА: ПОИСК МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В работе рассматривается один из актуальных и сложнейших вопросов теории языка – взаимосвязь устной и письменной речи, закономерности и механизмы их взаимовлияния, которые анализируются на материале английского языка с использованием данных этимологических и орфоэпических словарей.

История лингвистики демонстрирует многочисленные попытки языковедов оценить важность двух форм существования языка – устной и письменной, их сущность и соотношение, значимость в процессе коммуникации.

Механизм внутренних и внешних факторов языкового развития, соотношение между звуковым языком и письмом, которое способно отражать речь и передавать ее содержание, исследовались еще В.Гумбольдом [1984]. Большой вклад в изучение проблемы соотношения языка и письма внесли И.А.Бодуэн де Куртенэ, Ф.Соссюр, Л.В.Щерба и др.

Наблюдения над развитием письменной речи и определенными изменениями в орфографических системах ряда языков наглядно подтверждают мысль Б. де Куртенэ и Л.Р.Зиндера о диалектической связи между речью устной и письменной, а, следовательно, - и о невозможности их изолированного изучения.

В трудах Л.В.Бондарко также трактуются изменения звуковой материи языка под влиянием внутриструктурных и социолингвистических факторов. Как отмечалось в одной из ключевых работ Л.В.Бондарко, «фонология носителей любого языка… формируется под влиянием двух основных видов его языкового опыта; первый - это та звучащая речь, которую он слышит начиная с первых дней жизни; второй – это письменная речь, с которой он имеет дело, научившись читать и писать» [1, с.190].

Как известно, устная форма речи обычно рассматривается как основная форма существования языка. Однако не учитывать влияние письменной формы нельзя. Заметим, что возможность данного влияния на развитие устной нормы в течение длительного времени отрицалась многими лингвистами. Так, например, Е.Д.Поливанов, писал: «Фактор орфографического влияния на фонетику и морфологию устной речи – фактор исключительный, нуждающийся в особой культурной ситуации» [6, с.218 -219]. Он допускал влияние устной речи на орфографию, вследствие чего орфография

претерпевает изменения - вслед за изменениями в произношении, но обратное влияние считал невозможным.

Другие ученые, например Л.В.Щерба, считали, что одна из характерных тенденций в развитии современной нормы - приближение произношения к написанию.

Установлено, что одной из причин возникновения вариантности произношения является воздействие письменной формы на устную. Общеизвестно, что некоторые особенности петербургского произношения и отличия от московского объясняются в первую очередь влиянием письменной формы языка [2 , с.25].

Л.В.Бондарко справедливо заметила, что звуковой мир, который окружает человека, овладевающего родным или иностранным языком, гораздо «хаотичнее», «беспорядочнее»», чем мир письменной речи. Обыденная устная речь «зашумлена не только теми искажениями идеального фонетического облика, которые зависят от типа произнесения, но и такими сильными помехами, как индивидуальные особенности говорящих. «Орфографическая упорядоченность письменной речи вполне может быть реальным фактором, оказывающим влияние на фонологию речевой деятельности, противостоя орфоэпическому (в широком смысле слова) беспорядку, характерному для современного русского языка» [1, с.191].

Вопрос о влиянии орфографии на фонологию речевой деятельности, а также на звуковые характеристики слов, является очень мало исследованным. Каков механизм влияния этих кодов друг на друга, как при этом соотносятся норма и узус, какова доля спонтанности фонетических изменений и орфографических инноваций, какую роль выполняет при этом орфоэпический и орфографический словарь ?

В англистике проблема влияния **письменной формы** слова на устную получила подробное рассмотрение в работах выдающихся лингвистов конца XIX - начала XX века, а особенности отражения этого влияния в орфоэпических словарях были проанализированы недавно в кандидатской диссертации А.Н.Смирновой [7].

Сегодня несомненно, что так называемое Spelling Pronunciation (SP) – живое явление, которое продолжает оказывать влияние как на письменный, так и на звуковой код современного английского языка. Примерами SP в английском языке являются такие простые слова, как **India, nature, chemistry, yellow, housewife, restaurant, golf, forehead, envelope, Monday (** и названия других дней недели**)**, а**te, again, often,** etc.

Общественность и лингвисты по-разному относились к этому явлению в разные исторические периоды развития общества. Однако очевидно, что SP, несомненно, социолингвистический феномен.

В начале XX века, когда новые научные подходы в языкознании и фонетике поставили во главу угла исследование живых языков и устной речи, *Spelling Pronunciation* стало осуждаться как неестественное, вульгарное, социально неполноценное. Орфоэпические словари, руководства по произношению, различного рода справочники и т.д. предостерегали читателей от «неграмотного» произношения и рекомендовали традиционные варианты произношения слов, а не приближенные к их написанию [4, с. 190-192] .

Тем не менее, на протяжении длительного периода новые варианты произношения, особенно слов с трудным написанием (заимствований, научных терминов, топонимов и т.д.) продолжали появляться. Многие из них были кодифицированы уже в конце XIX - начале XX века во многих авторитетных словарях. Суть явления, причины его распространения и основные модели представлены в концентрированном виде в орфоэпическом словаре Д.Уэллза [11, p.723].

Одно из направлений реформирования и модернизации системы современной английской орфографии также связано с изменением собственно графики и правил ор-

фографии в английском языке. Подобно проектам по изменению традиционного алфавита, радикальные предложения по изменению правил написания слов не были приняты обществом. Однако изменение написания отдельных слов имело место, что и привело в конце XIX – начале XX века к появлению большого количества вариантных написаний (ср. **odalisk/odalisque; envoi/envoy;sceptic, skeptic; maffia/mafia/Mafia**, **bolshie/ bolshy; saleable/salable; resume/ résumé/ resumé** etc.). По нашим данным, более двух тысяч слов в современном английском языке имеют графические варианты.

Последние, появившись или под влиянием американского варианта английского языка, или через коммерческие написания, или благодаря другим лингвистическим и экстралингвистическим факторам, в большинстве случаев наглядно отражают универсальную языковую тенденцию к экономии усилий и простоте выражения.

Кроме того, появление и утверждение более простого графического варианта многих слов, даже при сохранении их оригинального произношения, связано с увеличением частотности их применения, например, в связи с возросшей популярностью восточной кухни, появлением большего числа этнических ресторанов, модой на восточную одежду, музыку и т.д.

Вариантный графический элемент может находиться в начале (довольно редко), конце (наиболее часто) и в середине слова. На основе словарных материалов нами были установлены и другие способы графической вариантности: дефисное написание, употребление заглавных букв, наличие/ отсутствие немой –е, диакритики. Именно с помощью этих средств, как считала В.И.Балинская, осуществляется семантический принцип орфографии, который позволяет передавать особое значение слова через его написание.

Анализ новых вариантов написания ряда слов, принятых в настоящее время в британском английском, показывает, что распространенной тенденцией является и *Pronunciation Spelling* - упрощение графики слова и изменение его орфографии под воздействием произношения.

Подробный анализ по трем авторитетным одноязычным словарям, словарям (Collins COBUILD, MEDAL, LPD), проведенный Р.Ю.Блиновым показал, что под воздействием упрощенной орфографии обычно меняют произношение следующие группы слов:

- заимствования из других языков, оригинальная графика которых не соответствует ни произношению слова, ни законам английской графики и орфографии:
- исконно английские слова, или элементы их морфологической структуры (префиксы, суффиксы), пишущиеся согласно историческому (традиционному принципу);
- звукоподражательные неологизмы, сленгизмы и т.п. лексические элементы, не имеющие строго кодифицированных графических и произносительных вариантов

Деление весьма условно, однако рассмотрим примеры для каждой из групп.

Лексический анализ первой группы слов показал, что почти все они являются заимствованиями из индийского, арабского, испанского языков.

Слово **chukka,** заимствованное из хинди в конце XIX века, быстро ассимилировалось в английском языке графически и приобрело в заударной части традиционное для существительных написание с суффиксом –er (**chukker)**, что полностью соответствует произношению слова со звуком /ə/ в заударной части.

Так, конечная графема <h> часто используется в своей диакритической функции – для обозначения долготы гласного, что было введено средневековыми писцами. О том, что последний знак является приписным, говорит и то, что в языках- источниках эти слова буквы **h** не имеют: < Ar. *fatwā*; < Hindi *mahā* + *rājā* ; < Sp. z*avana* [10, p. 479; p.799; p. 1169].

Некоторые слова анализируемой группы позволяют проследить наличие корреляции между графическим вариантом слова и его произношением. Как уже отмечалось выше, изменение написания иноязычного слова при его графической ассимиляции обычно сопровождается и изменением его произношения. Например, **fjord/fiord** /fiˈɔːd, ˈfiːɔːd, fjɔːd/

falafel/felafel /fəˈlɑːfəl/

Muslem /ˈmʊzlɪm/, **Moslem** /ˈmɒzləm/

Pummel /ˈpʌməl/, **pommel** /ˈpɒməl/

Еще одну интересную группу представляют слова, новый вариант написания которых появился под влиянием произношения (*pronunciation spelling).*

Среди десятков различных видов вариантных написаний конца слова одним из наиболее характерным случаев является наличие или отсутствие на конце приписной (диакритической) **-e**. Обращение к истории формирования системы английской орфографии показывает, что первоначально конечная **-e** выполняла в основном этимологическую функцию, то есть указывала на французское (латинское, греческое) произношение слов: **cantaloupe, chaperone, gaffe, grille, kilogramme, caviare, gaffe, matte,** etc. К этой же группе относятся и термины **adrenaline, gelatine, neurone, saccharine**, получившие при своем образовании по французской модели суффикс, заимствованный из греческого через латинский.

Кроме того, в английском языке есть слова с историческим британским написанием, в которых приписная -e выполняет фонемную функцию, обозначая качество гласного (e.g. aye, stye), или согласного (marge /mɑːdʒ/.

Анализ слов данной подгруппы показал, что причины, обусловившие появление у слов второго варианта, то есть без приписной **-e**, могут быть различны. Во-первых, это утвердившийся под влиянием американского английского более простой графический вариант слова gramme/gram и его производных (kilogram, milligram). Здесь вступает в силу также закон аналогии, согласно которому однотипное написание распространяется на все родственные слова. Заметим также, что современные словари не дают комментариев относительно американских или британских преференций в написании слов этой подгруппы, то есть косвенно указывают на равноправие вариантов. Более простые варианты приводятся первыми. Это относится и к слову **neuron,** которое при подобном написании имеет произношение /ˈnjʊərɒn/, а вариант с –e произносится /ˈnjʊərəʊn/.

Во-вторых, второй графический вариант (без финальной –e) появился у тех слов, произношение в которых не поддерживалось современными правила английской графики:

matte (matt) /mæt/	stye (sty) /staɪ/
grille (grill) /grɪl/	aye (ay) /eɪ/
gaffe (gaff) /gæf/	

Заимствование из французского cantaloupe (cantaloup) /ˈkæntəluːp/ приобрело аналогичное написание со словами такого же происхождения **group, soup**, etc.

Заметим, однако, что в ряде вариантных написаний наличие/отсутствие финальной **-e** выполняет смыслоразличительную функцию, что характерно для написания группы «бывших терминов», которые расширили свою сферу употребления,

и в нетерминологическом значении за ними закрепился более простой графический вариант (без –е), а в терминологическом – традиционный. К данной подгруппе относятся слова **adrenali(e), gelatin(e), saccharin(e)** и др**.**

Словарь регистрирует существующие варианты написания как равнозначные, поставив на первое место более простой и новый вариант – без конечной **-e**, не давая комментария относительно значения слова.

Однако изучение специальной литературы показало, что суффикс **–ine** (читается как /i:n/), возникнув из греческого –*inos*, а затем латинского *ínus*, пришел в английский язык под влиянием французского **-ine**, и стал широко применяться для обозначения большой группы абстрактных существительных (doctrine, famine, rapine), агентивных (concubine, inquiline), уменьшительно-ласкательных (figurine, tambourine), а в последнее время - для обозначения различных веществ и коммерческих продуктов (brilliantine, gaberdine, glassine, saline, etc) [10]..

Этот же суффикс, еще в эпоху формирования английской химической терминологии, стал использоваться в названиях органических (прежде всего, оснОвных) соединений: **amine, caffeine**, etc. [10, p. 673]. Однако в химической номенклатуре позднее появились варианты написания с суффиксом –in (**glycerin, acetin**), и многие химические термины получили два кодифицированных варианта написания. Однако еще в начале XX века в химии была предпринята попытка «закрепить» за оснОвными соединениями суффикс –**ine**, а за нейтральными соединениями - суффикс –in (**albumin**). Однако, как указывают словари и наши источники, способ дифференциации химических соединений через различное написание суффикса нельзя считать утвердившимся, и словари регистрируют химические термины с этим суффиксом весьма непоследовательно.

Анализ конкретных примеров на основе лексикографических источников показывает, что в них последовательно осуществляется следующий принцип: коммерческие названия (торговые марки, готовые аптечные изделия, витамины и т.д.), приводимые в словарной статье первыми, конечной –е не имеют, а термины регистрируются с суффиксом –ine, то есть в их традиционном написании и обозначаются через запятую как второй возможный вариант написания слова.

Исторически сложившееся несоответствие в английском языке графического и звукового облика слова обусловило наличие до настоящего времени определенного количества лексических единиц, которые пишутся согласно историческому принципу, то есть с современной точки зрения их графика не отражает их произношение. Однако обращение к орфоэпическому словарю показывает, что некоторые такие слова приобретают и второй вариант написания – *в зависимости от традиционного произношения:*

twopence /ˈtʌpəns/, tuppence, twopenny, tuppenny /ˈtʌpəni/

breeches, britches /brɪtʃɪz/

feldspar, felspar /fel*d*spɑ:/

numskull, numbskull /ˈnʌmskʌl/

Еще одним примером является слово, приводимое в MEDAL в следующем порядке: **hiccough, hiccup** (1570-1580). Первый вариант – традиционное написание этого звукоподражательного слова, а второй иллюстрирует случай упрощения написания конкретного слова под воздействием его произношения - /ˈhɪkʌp/ (феномен “pronunciation spelling”). Второй графический вариант довольно давно кодифицируется в словарях.

Среди суффиксов наиболее ярким примером является вариантное написание глагольного суффикса **-ise/-ize**.

Как известно, с середины XIX века второй вариант написания этого глагольного суффикса, *точно отражающий произношение*, рассматривался, во многом благодаря словарю Н.Уэбстера, как американизм.

Исторически появление этого продуктивного суффикса в английском языке связано с заимствованиями из греческого языка, которые пришли в английский через латынь и французский: ME –*isen*, (< OF –*iser)* < LL –*izāre* < Gk –*izein*). Таким образом, очевидно, что написание с **-ise** появилось и распространилось в английском языке, особенно широко с XVI века, под влиянием французской графики, а написания с - ize, это восстановленное этимологическое (греческое) написание.

Как уже отмечалось, в течение некоторого времени существовало четкое разделение между написанием суффиксов в британском и американском английском. Однако с конца XIX – начала XX века, когда в Британии начался очередной период активной борьбы за реформирование системы британской орфографии, редакторы многих влиятельных газет и журналов, в том числе научных, и составители словарей стали предпочитать именно американский вариант, а появляющиеся новые слова (например, *prioritize, finalize*, *digitize, globalize, idolize* etc.) сразу стали писаться с **– ize.** Как отмечается в RHCWD, сначала процесс замены **-ise/-ize** затронул технические термины и широко распространился в официально-деловом стиле речи [10, p.703].

Анализ словарей показывает, что у некоторых слов второй вариант с суффиксом **-ize** стал регистрироваться как допустимый после второй мировой войны, но в качестве основного приводился традиционный вариант с -ise .

Составители словарей Collins, LPD и MEDAL выбрали единообразный подход к регистрации вариантов написания глагольных суффиксов и производных слов от некоторых глаголов: в качестве основного варианта у глаголов приводится написание с **-ize**, в том числе, в таких производных словах, как **uncivilized, womanizer, westernization, unappetizing**, etc.

Приведенные в Collins и LPD, например, варианты **schtick/shtick** (1955 -1960) показывают, что американский английский и его сленговые особенности продолжают оказывать влияние на процесс упрощения британской орфографии. Так, первый вариант с нетипичным для английского языка триграфом <sch> для передачи звука /ʃ/, придя в английский в 50-60-е годы XX века из идиш, быстро упростился в американском сленге шоу-бизнеса до **shtick**, и именно в этом варианте был кодифицирован и в британских словарях.

Данный пример является также иллюстрацией того, что упрощение графической структуры слова осуществляется кодифицированной нормой выборочно и имеет субъективный характер. Так, приблизительно из 25 слов, имеющих сходное написание и произношение (то есть, исключая греческие и романские заимствования типа school, scheme, schism, scherzo, etc., произносимые с /sk-/), только **schtick** и слова, начинающиеся на **schl- (schlep** и др**.)** приобрели второй вариант написания. Причина, как и в случае с **dal/dhal** – экстралингвистическая, связанная с особенностями функционирования этих сленгизмов в профессиональном сообществе.

Анализ новых вариантов написания ряда слов, принятых в настоящее время в британском английском, показывает, что *Pronunciation Spelling* - упрощение графики слова и изменение его орфографии под воздействием произношения - тоже является распространенной тенденцией.

В заключение нельзя не сделать вывода о несомненном влиянии более простых написаний, установившихся в американском варианте, на британские. Это влияние проявляется в упрощении графики не только старых английских слов, но и неологизмов, которые пишутся согласно американскому аналогу, часто, в соответствии с

фонетическим принципом. Однако, поскольку в языковом развитии много субъективного, это воздействие может быть избирательно или отложено по времени, проявляясь довольно причудливым образом при самых неожиданных обстоятельствах, часто, под влиянием экстралингвистических факторов.

Проведенный по словарным материалам анализ показывает наличие корреляции между *написанием* слова и его *произношением*: обычно при изменении одного из них следует изменение другого.

По отношению к иноязычной лексике орфография и орфоэпия пользуются тремя способами представления заимствований:

1) сохранение первоначального графико-фонетического облика слова;
2) изменение его графической или фонетический структуры (феномены Spelling Pronunciation и Pronunciation Spelling в нашей терминологии);
3) вариантная трактовка орфографии и/или произношения слова.

В этом плане результаты нашего исследования совпадают с выводами В.В.Наумова, сделанными на материале немецкого языка [5, с.29], что позволяет предположить наличие универсальности в данном процессе.

Вопреки традиционному мнению о стабильности и неизменности системы орфографии в английском языке, на настоящем этапе ее существования очевидны динамические процессы, вызванные как внутриязыковыми факторами, так и внеязыковыми – под влиянием социоэкономических и социокультурных реалий. Процессы лабильности в орфоэпии также имеют место, и часто – под воздействием написания слова. Это обуславливает наличие вариантности в произношении и написании как приобретенного качества нормы, что, в свою очередь, отражает ее постоянное стремление к идеальной внутренней форме.

Современные формы коммуникации, в том числе межкультурной, взаимовлияние устной речи и письма требуют обстоятельного анализа их орфографической составляющей и ее оперативной регистрации в словарях.

Список использованной литературы

1. **Бондарко Л.В.** Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981.
2. **Вербицкая Л.А.** Давайте говорить правильно. Пособие по русскому языку. М.: Высшая школа, 2001.
3. **Гумбольд В.** Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
4. **Иванова Н.К.** Представление фонетических характеристик языка и речи в англоязычной лексикографии XVIII - XX веков (на материале британских, американских и канадских словарей). Дис. …доктора филол. наук. Санкт-Петербург, 1995.
5. **Наумов В.В.** Кодификация письма и произношения (на материале немецкого языка). Дис. …доктора филол. наук. Санкт-Петербург, 1993.
6. **Поливанов Е.Д.** О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // Статьи по общему языкознанию. М,, 1966.
7. **Смирнова А.Н.** Феномен орфографического произношения и его отражение в орфоэпических словарях (лексико-фонетическое исследование на материале британских и американских орфоэпических словарей). Санкт-Петербург, 2005.
8. Collins COBUILD, Collins, 2001.
9. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2nd edition. Macmillan, 2007 (MEDAL).

10. Random House Webster's College Dictionary, 2000 (RHCWD).
11. **Wells J.** Longman Pronunciation Dictionary. Longman, 2002 (LPD).

В.В. Наумов

М.ЛЮТЕР – ПЕРВЫЙ НЕМЕЦКИЙ ФОНОЛОГ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Рассматриваются основные факторы - социолого-экономические и лингвистические, которые предопределили уникальность процесса формирования национального литературного языка в Германии, особая роль М. Лютера как первого немецкого фонолога.

Уникальность процесса формирования национального литературного языка Германии обусловлена глубоким противоречием внешних и внутренних факторов языкового развития страны. Политическая, экономическая и культурная децентрализация Германии (13 – 16 вв.) с одной стороны, и как следствие, отсутствие какого-либо единообразия в реализации звукового строя и его графического кода, а с другой, привели к полному произволу в способах и формах фиксации и передачи информации. Основная функция языка (коммуникативная) была выхолощена и нивелирована.

Особенно остро тяжесть сложившейся ситуации стала ощущаться во второй половине 18 века. Зарождающемуся капитализму был нужен не только порядок в производстве и распределении общественных благ, но и упорядочение всего арсенала средств, при помощи которого можно было бы достичь этого порядка. Язык и письмо не были в этом ряду исключениями.

Особенность развития немецкого литературного языка состоит в том, что он вырос из письма. Status quo здесь был достигнут гораздо раньше, чем сложились предпосылки для создания единой произносительной нормы.

Особая роль в становлении немецкого письма принадлежит церкви. Церковь Германии была носителем официального письма и проводником складывающихся письменных традиций в узус. Колоссальное значение в этом процессе имели первые переводы Библии на немецкий язык, представлявшие собой начало нормализации немецкого языка.

Диапазон графической вариантности в переводах Библии не мог быть большим вследствие высокой социальной ценности текста. М.Лютер, осознавая это, старался представить текст перевода по возможности свободным от диалектных языковых признаков. И всё же влияние восточно-средненемецкого диалекта, в основе которого лежал язык Саксонской канцелярии, достаточно чётко проявляется в первых вариантах перевода Священного Писания. В тексте 1580 года были найдены такие диалектные особенности, как замена глухих согласных на звонкие в анлауте и инлауте (Dach ← Tag, őrde ← Ôrter, Gades ← Gottes), умлаутизация гласных |u|, |o|, фиксация глухого согласного в абсолютном исходе слова (Godt, gutt). Всё это ещё не было присуще другим диалектам немецкого языка (баварско-австрийскому, швабскому, восточнофранкскому). Имевший широкое распространение в 14 – 15 веках ганзейский пись-

менный язык, в 16 веке постепенно утрачивает своё влияние.

Появление новых фонологических противопоставлений находит отражение в графике перевода Библии Мартином Лютером.

Анализ текста (1580 г.) показывает, например, что графемы <o> и <u> в результате умлаутизации получают пары <ő> и <ű> - |wőste||dűster|, |Dűpe|. Весьма противоречиво отражено в тесте перевода такое явление, как дифтонгизация. Дифтонг [ae] имеет три способа написания ei, ey, y. Графема <y> служит для обозначения и краткого /i/ - Lycht. Дифтонги [ao] и [əø] не имеют пока соотсветствующего графического выражения и обозначаются Лютером монографами <ő> Bőme, <u> - upghan.

Долгота/краткость гласных кодируется в тексте тремя способами. Во-первых, Лютер начинает употреблять сдвоенные графемы после кратких гласных (settede, krűppet); во-вторых, используется «немой» <h> в поствокальной позиции, обозначающий долготу предшествующего гласного – upqhan. Кроме того, долгота гласного маркируется посредством геминат – seer.

В большинстве случаев Лютер использует новую для того периода времени графему <sch>, причём делается это в соответствии с правилами дистрибуции, то есть, перед гласными и сонорными согласными. В других позициях пишется <s> - swenede.

Анализ текста показывает, что Лютер прежде всего заботился о настоящем состоянии немецкого письма, понимая, что если норма будет представлять собой свод идеальных правил, которыми никто не будет пользоваться, то она бесперспективна и обречена на исчезновение.

Новаторство Лютера состоит в том, что он был великим прагматиком. Им, одним из первых, была предпринята попытка создания письменного кода на фонетической основе наиболее престижного варианта языка.

Рассматриваются основные факторы - социолого-экономические и лингвистические, которые предопределили уникальность процесса формирования национального литературного языка в Германии, особая роль М. Лютера как первого немецкого фонолога.

И.В. Лобанова

ДОНАУЧНЫЕ ПОПЫТКИ ОТРАЖЕНИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СЛОВАРЯХ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье речь идет о первых попытках создания немецких произносительных словарей. Особое внимание уделяется творчеству автора немецкого лексикографического источника с элементами орфоэпии И. Аделунга, сообщается о менее заметных, но также заслуживающих внимание попытках осуществить идею создания орфоэпического словаря в трудах лексикографов Е. Даннхейссера и В. Колера.

Как известно, до XVIII века немецкий язык и его звуковые характеристики не были предметом подробного лексикографического описания. Первые словари

немецкого языка не упоминали о фонетической стороне языка и не давали никаких указаний относительно произношения входных единиц. Несмотря на опыт других европейских стран (Англия, Франция), принципы фиксации произношения развивались в Германии очень медленно.

В XIX веке, как и в предыдущем столетии, продолжался процесс создания фонетических алфавитов. Имелись два направления с двумя различными целями: *исследовательское* (для демонстрации фонетических особенностей неевропейских языков, их сравнения друг с другом) и *практическое*. Неудовлетворенность орфографической системой немецкого языка, необходимость при обучении языку быстро и экономно указывать особенности произношения звуков и звукосочетаний стимулировали педагогов и ученых на создание фонетических алфавитов и на подготовку к проведению орфографической реформы.

Письменная форма языка, которая многими языковедами того времени принималась как подлинная и наиболее важная форма его общественного функционирования, давала, согласно определенным традициям и орфографическим правилам, условное обозначение звуков. В этой связи и предпринимались попытки создать новую систему визуального представления звуков речи.

Первым создать словарь немецкого языка с элементами орфоэпии пытался в конце XVIII века ***Иоганн Кристоф Аделунг (Iohann Christoph Adelung, 1732 - 1806***). Ученик и продолжатель теоретических взглядов И. Готтшеда, И. Аделунг родился в 1732 г. в Померании и происходил, как многие интеллигенты того времени, из семьи пастора-евангелиста. По окончании обучения теологии и языкам он некоторое время работал учителем гимназии и свободным переводчиком, с 1762 г. Аделунг состоял на государственной службе в Готе, а с 1787 г. был назначен на должность старшего библиотекаря в большую дворянскую библиотеку Дрездена. Ученый часто делал научные публикации о немецком языке и литературе, принимал активное участие в лингвистических дискуссиях. Аделунг – автор двух значительных трудов: толкового словаря немецкого словаря и немецкой грамматики.

В 1774 г. вышел в свет первый том словаря Аделунга под названием **„Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuchs. Die Hochdeutschen Mundart mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der oberdeutschen“ – «Попытка полного грамматико-критического словаря. Верхненемецкий диалект в устойчивом сравнении с остальными диалектами, особенно с южнонемецким диалектом»** (первое издание состояло из пяти томов и было полностью опубликовано в 1786 г.). Примечательно, что во втором издании словаря (1793 г.) автор исключил слово **„Versuch“ («Попытка»)** из заглавия: **„Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart“ - «Грамматико-критический словарь верхненемецкого диалекта»**. Второе издание словаря Аделунга состояло уже из четырех томов и насчитывало около 55.000 слов [12, с 678].

Необходимо отметить, что во времена Аделунга еще много дискутировали, должен ли литературный немецкий язык (*'Hochdeutsch'*) опираться на *разговорный язык «высших классов»* (*mündliche Umgangssprache der „oberen Classen“*). Так, Аделунг принимал за эталон разговорный язык изысканного общества определенной местности - Верхней Саксонии или Мейсена, который, по его мнению, распространяясь с помощью словаря, будет полезен для укрепления все еще «неустойчивого» языка писателей [5, с. 107]. Однако время показало, что уже в конце XVIII века эти высказывания оказались социологически и географически слишком ограниченными. Выбор языка Мейсена был обусловлен проживанием ученого в этом регионе Германии [8, с. 143].

Аделунг был языковедом и грамматиком, он смог дифференцированно представить в словаре грамматические явления, а также орфографию и элементы произношения. Именно он сформулировал правило: *«пиши как произносишь» - „Schreib wie du sprichst“* [6, с. 122].

Нам удалось поработать с 6-м изданием словаря Аделунга, вышедшим в свет уже в 1834 г. Конечно, даже этот лексикографический источник вряд ли можно назвать подлинно произносительным словарем в сравнении с более поздним орфоэпическим произведениям: в нем не применялась транскрипция, некоторые теоретические сведения о звуковом строе немецкого языка неполные. В «Словаре» в статьях, посвященным отдельным буквам, Аделунг дает некоторые сведения об артикуляции согласных звуков: отмечено смыкание губ при /*p, b, m*/; смыкание языка с зубами при /*t, d*/, с нёбом и зубами при /*n*/, дрожание кончика языка при /*r*/, сходство артикуляций t /*t*/ и z /*ts*/.

Кроме того, предлагается традиционное деление на «полугласные» и «немые» (терминология, использовавшаяся в античности), которое не оправданно с точки зрения фонетической, хотя автор и называет в качестве критерия «разные способы раскрытия рта». В полугласные входят «плавные» *l, m, n*; дрожащий *r*; свистящие *s, z /c/*; шипящий *sch*. В группу немых входят «детские» (Bebelaute) *b, p*; «придувные» (Blaselaute) *w /ß/ f*; «дыхательные» (Hauchlaute) *h, ch* /χ/; «гогочущие» (Gacklaute) *j, g, k*; «заикающиеся» (Stotterlaute) *d, t*. Эта классификация с современной точки зрения непоследовательна. Согласные из первой группы могут быть протянуты, но таким же свойством обладает и ряд согласных группы немых, в кторую входят не только шесть смычных, но и пять щелевых. Типы немых согласных выделены не по артикуляторным признакам, а по впечатлению, которое производит их звучание. Из всего сказанного можно заключить, что Аделунг не заботился о том, чтобы привести звуки немецкого языка в стройную систему с учетом различных свойств. Он не внес нового в описание сегментных единиц немецкого языка; выделенные в его классификации группы согласных достаточно традиционны и не всегда имеют фонетические основания.

Очевидно, что первые попытки обозначить акцентуацию слова были довольно примитивны и приблизительны, однако словарь, включавший обозначение места правильного ударения, уже считался в то время произносительным. Так, на титульном листе этого словаря Аделунг пишет: **«Kleines Wörterbuch der deutschen Sprache für die Aussprache, Rechtschreibung, Beugung und Ableitung nebst der Erklärung aller grammatischen Benennungen und der Verdeutschung vieler fremden Wörter» - «Малый словарь немецкого языка: произношение, правописание, склонение, словообразование наряду с объяснением всех грамматических названий и онемечением многих иностранных слов»**. Для указания произношения в словаре автор пользовался диакритиками, как это было принято в эпоху Возрождения, для отражения произносительных особенностей латинского языка. Он использовал знак /^/ для обозначения долготы гласного звука (**Scmêrt, lêben, stêts**); знак /¯/ обозначался над дифтонгами или ударными гласными (**die Eifidelēi, das Idēāl, das Grāb, betōnt**); знак / ´ / ставился над гласными в односложных словах (**das Gárn, das Wórt, der Zórn, gérn**). Таким образом, диакритики показывали ударность гласной, а произношение безударных гласных вообще не регистрировалось. Особое внимание уделялось ударению, поскольку целью данного словаря являлось использование его как вспомогательного средства для обучения иностранцев немецкому языку; сведения об ударении также были полезны и носителям языка для решения каких-либо спорных вопросов акцентуации в немецком языке.

Следует учесть, что обычай включать в словари указание на место рекомендуемого ударения можно рассматривать как один из этапов подготовки к «усовершенствованию» языка. Благодаря этому начала складываться рекомендуемая (прескриптивная) произносительная норма, которая вела к единому социальному стандартному произношению. Заслугой Аделунга можно считать и то, что он за эталон взял произведения ведущих писателей того времени. В предисловии к словарю (в более поздних изданиях) им поднимался также вопрос о вариативности произношения и о его связи с правописанием.

Менее заметные, но, на наш взгляд, также заслуживающие внимания попытки осуществить идею создания орфоэпического словаря мы нашли в трудах лексикографов ***Е. Даннхейссера*** и ***В. Колера***. Первый в своем словаре стремился показать «*правильное произношение образцового немецкого языка*» - *"die richtige Aussprache der Musterdeutschen"* [4, с. 13]. Для наглядности он схематически отразил в таблицах приблизительное положение языка при артикуляции немецких гласных и дифтонгов, а также привел классификацию согласных.

Из таблиц видно, что система нотации Е. Даннхейссера еще не содержит символов фонетической транскрипции, причем явным недостатком является графемный метод обозначения некоторых звуков (например, звук /C/ обозначается сочетанием букв *<sch>; /ç/ - <ch>; /x/ - <kh>*). Представленный инвентарь имеет 34 единицы (12 – для обозначения гласных и 22 – для обозначения согласных звуков). Примечательно, что лексикограф стремится показать различие в реализации некоторых гласных (ä, ö, e), согласных (Zäpfchen-r, Zungen-r) и для наглядности подкрепляет это примерами. Интересным, на наш взгляд, является наличие символа [jh] - Weges /wejhes/ для реализации спирантного /g/. Это же явление мы наблюдаем в ранних словарях В. Фиетора, что доказывает традиционность и распространенность такого варианта произношения в те годы на территории Германии. Кроме знака ударения / ′ /, автор традиционно использует знак /¯ / - для обозначения долготы и /˘ / - для обозначения краткости гласных, этот же знак служит обозначением открытых гласных.

Автор другого словаря **"Langenscheidts Taschenwörterbuch" - «Карманный словарь издательства Лангеншайдт»** ***В. Колер*** уже в подзаголовке указал, что использовал в своей работе элементы фонетической системы *Toussaint – Langenscheidt* [8], согласно которой звуки также обозначались обычными латинскими буквами, причем лексикограф особое внимание уделял также звукам, не свойственным немецкому языку. Такие звуки имели при нотации дополнительные пометы, например: *a̧, ä̧, ö̧* – **Bonbon** (bo̧bö̧) - для обозначения назальности; так называемые "беглые" (короткие, поверхностные) звуки, изображаемые более мелким шрифтом надстрочно: **Route** (rūt^{e}) (примечательно, что в современных британских орфоэпических словарях [7, 11] именно этот способ (надстрочные знаки) используется для отражения некоторых факультативных явлений звучащей речи, например, эпентезы, ассимиляции и т.д.). Иногда автор прибегал к описательному методу. Осложняется чтение данного словаря тем, что и введение, и словник напечатаны модным в то время готическим шрифтом.

Заметим, что, несмотря на неполноту фонетических знаний первых лингвистов-реформаторов, а иногда просто ошибочные представления о некоторых звуковых явлениях, нельзя не подчеркнуть, что именно они заложили основу будущих фонетических алфавитов и транскрипций.

Конечно, словари Е. Даннхейссера, В. Колера и других лексикографов того времени не претендуют на научность. Они не получили широкого распростране-

ния. На первый план в то время уже выступили орфоэпические словари Т. Зибса и В. Фиетора. Однако нельзя не отметить, что авторы внесли немалый вклад в немецкую фонетическую лексикографию. Что же касается словаря И. Аделунга, то несмотря на ограниченность взглядов и языковой консерватизм, он был очень авторитетным в свое время. Об этом свидетельствуют высказывания языковедов: «Аделунг» - это веха в лексикографии, на которую ориентировались более поздние словари. Научное влияние Аделунга было огромным [12, с. 662]. Ф. Шиллер назвал Аделунга «оракулом» [10, с. 163], из чего можно заключить, что рационально точная и в то же время очень обширная база данных этого словаря, а также его мировоззрение, сделали лексикографа и его словарь истинным авторитетом. Таким образом, Аделунг несомненно оказал существенное влияние на лексическую и грамматическую унификацию немецкого языка.

Список использованной литературы

1. **Adelung J.Ch.** Kleines Wörterbuch der deutschen Sprache für die Aussprache, Rechtschreibung, Beugung und Ableitung, Leipzig 1834.
2. **Adelung J.Ch.** Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuchs der hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen.5 Bde. Leipzig, 1775 – 1786.
3. **Adelung J.Ch.** Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart. Leipzig, 1793 – 1801.
4. **Dannheisser E.** Die richtige Aussprache der Musterdeutschen. Heidelberg, Julius Grooβ' Verlag, 1899.
5. **Haß-Zumkehr U.** Deutsche Wörterbücher – Brennpunkt von Sprach- und Kulturgeschichte. Berlin, New York: de Gruyter, 2001.
6. **Henne H.** Deutsche Wörterbücher des 17. und 18. Jahrhunderts. Einführung und Bibliographie. Zildesheim, 1975, S. 122.
7. **Jones D.** English Pronunciation Dictionary. London, 1997.
8. **Kohler W.** Langenscheidts Taschenwörterbuch. Deutsches enzyklopädisches Wörterbuch. Langenscheidtsche Verlagbuchhandlung Berlin-Schöneberg, 1912.
9. **Polenz P.** Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart, Band 1. Berlin, New- York, 1994.
10. **Wells Ch.** Deutsch. Eine Sprachgeschichte bis 1945. Tübingen, 1990.
11. **Wells J.** Longman Pronunciation Dictionary, 2000.
12. **Wiegand H.** Wörterbuchsbenutzungsforschung. Untersuchungen zur Theorie, Geschichte, Kritik und Automatisierung der Lexikographie, 1. Teilband. Berlin/New-York. Walter de Gruyter Verlag, 1998.

Р.В. Кузьмина

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье проводится разграничение понятий «вариативность», «вариантность» и «вариабельность» в применении к произносительным вариантам языковой нормы, описываются качественно-количественные модификации гласных и согласных звуков, анализируются особенности регистрации фонетической вариативности и вариантности в орфоэпическом словаре Дж. Уэллса LPD и рассматривается проблема омонимии как одного из аспектов вариативности и вариантности в английском языке.

Изучение литературной нормы в ее современном состоянии проводится на разных языковых уровнях – орфоэпическом, грамматическом, лексическом, фразеологическом и др. Особенное внимание при этом уделяется фонетическому аспекту, т.к. на уровне фонетики язык в большей степени подвержен изменениям. Даже при самом строгом определении правил литературного произношения можно наблюдать значительные орфоэпические и орфофонические отклонения у лиц, в остальном придерживающихся норм литературной речи. Именно в этой области больше всего может чувствоваться влияние регионального говора или социального диалекта. Таким образом, изучение фонетической вариативности относят к наиболее актуальным и насущным задачам, стоящим перед лингвистикой, поскольку очевидно, что без выяснения закономерностей вариативности звуковой стороны речи невозможно решение множества прикладных и методических задач.

Согласно концепциям Санкт-Петербургской фонологической школы, мы пытаемся разграничить понятия «вариативность», «вариантность» и «вариабельность» - в применении к произносительным вариантам нормы. Наиболее общее из них – вариабельность. Это свойство языка (или его уровней) в целом, способность к варьированию нормативных средств. Вариативность – это взаимозаменяемость вариантов в пределах синхронного подхода и в рамках литературности, нормативности; это функционирование нормативных вариантов в речевой деятельности. Вариантность – это соположение вариантов (как в синхронном, так и в историческом аспекте), употребление которых отмечено в речи (литературность – нелитературность, старое – новое, правильное – неправильное и т. п.) [3, с.19].

По определению Л.А.Вербицкой, «**вариативность** - обязательная черта языка, она определяется языком, навязывается им» [4, с.14]. Фонетическая вариативность, например, обусловлена определенной позицией фонемы в слове, влиянием качества окружающих звуков, местом по отношению к ударению, а также индивидуальными особенностями произнесения в каждый данный момент (например, /s/ в слове суд /sut/ отличается от /s/ в слове сад /sat/ тем, что он лабиализован под воздействием соседнего губного гласного /u/).

Вариантность (в отличие от вариативности) не провоцируется языком, а разрешается им. Вариантностью мы будем называть, вслед за Л.А.Вербицкой [4, с.15] и другими представителями Санкт-Петербургской фонологической школы, два разных способа реализации одной единицы или сочетания единиц (например, два варианта произнесения слова сессия /s’es’s’ija/ и /ses’s’ija/ - с мягким /s’/ или твердым /s/ перед

гласным переднего ряда /e/). В норме происходит отбор того, что уже имеется в системе или заложено в ней в потенции.

Проблема вариативности в фонетике не нова. Она возникла на том этапе, когда исследователи перешли от изучения звуков в изолированном произнесении к исследованию взаимовлияния звуков в слоге и слове. В речевом потоке звуки изменяются под влиянием множества факторов. И изменения эти идут по линии качественно-количественных модификаций.

Количественные изменения гласных давно являются предметом рассмотрения, т.к. это один из наиболее заметных варьирующих факторов с точки зрения перцепции [7; 8; 9; 10; 11].

Исследователи в первую очередь отмечают наличие так называемой «внутренней», «собственной» или «абсолютной» долготы звука. Под внутренней длительностью понимается длительность сегмента в зависимости от места и способа его артикуляции. Так, по данным некоторых исследователей [8, с.132], средняя разница между напряженными и ненапряженными гласными составляет 100 мсек. Замечено также, что гласные высокого подъема, например, /ɪ/, /ʊ/ короче, чем /ɒ/ и /ʌ/ в идентичном окружении, лабиализованные гласные значительно длиннее нелабиализованных.

Внутренняя долгота определенным образом обусловливает характер количественных модификаций звука. Так, например, есть указания на то, что напряженные (долгие) гласные претерпевают в речи бо́льшие количественные изменения, чем ненапряженные (краткие).

Зависимость количества гласного от фонетического окружения сегодня аксиоматична. Это так называемая «позиционная» или «контекстная» длительность, обусловленная качеством непосредственного фонетического окружения звука. В английском языке длительность гласных сегментов является особенно важным фактором в восприятии звонкости/глухости. По результатам исследований на материале английского языка известно, что предшествующий согласный не оказывает значительного влияния на длительность гласного. Известно также, что если участие или неучастие голосовых связок (точнее сила артикуляции) последующего согласного оказывает значительное влияние, то таким фактором, как место артикуляции последующего согласного при исследовании длительности гласного звука можно пренебречь. Взрывные согласные более всего укорачивают предшествующий гласный; сонорные звуки оказывают такое же влияние, как и взрывные; наиболее долгое звучание имеет гласный перед звонкими фрикативными звуками [8, с.132-133].

Отмечается и существование просодической длительности гласного, под которой понимается воспринимаемое на слух удлинение гласного, обусловленное влиянием просодического контекста. Подчеркивается, что наиболее значительно влияет на длительность гласного сегмента степень выделенности слога и позиция гласного в акцентной единице [7; 8; 10].

Гипотетически предполагается наличие различной степени редуктивной вариативности звуков в зависимости от функциональной нагруженности сегмента, которая, в свою очередь, зависит как от дистрибуции звуков в языке, так и от контекста, поскольку в процессе различения смысла принимают участие не только фонетические средства, но и средства высших уровней (лексического, грамматического, синтаксического). В тех случаях, когда фонема не является единственным средством различения смысла, создаются благоприятные условия для количественной и качественной редукции фонетического элемента. Гласные звуки в этом плане представляют наиболее удобный объект для действия принципа языковой экономии, т.к. они несут наибольший объем акустической информации при наименьшем объеме интеллекту-

альной информации. Таким образом, большое количество избыточной информации содержится именно в гласных звуках, что приводит к их высокой вариативности в речевом процессе, который обычно строится по законам наиболее оптимального выражения некоторого коммуникативного содержания.

Фонетическая вариативность может быть обусловлена и действием экстралингвистических факторов, таких, например, как степень спонтанности речепроизводства, зависимость от форм, типов и стилей речевого общения, социальные и диалектальные характеристики говорящего, его эмоциональное состояние [6, с.76; 8, с.140, 143].

Вместе с тем, проблеме фонетической вариативности речи все еще необходимо пристальное внимание исследователей. И если можно говорить о достаточной изученности особенностей речепроизводства и системных взаимоотношений звуковых единиц, то вопросы функционального варьирования еще далеки от разрешения. Функциональная вариативность речи стала доступной для наблюдения только тогда, когда фонетисты стали использовать «свободную речь» в экспериментально-фонетических исследованиях [11].

Модификации, которым подвергаются согласные в литературном языке, подробно описаны во многих работах [5; 11 и др.].

Большинство изменений согласных вызвано неотчетливым произнесением, ослаблением артикуляции. Изменения согласных могут быть обусловлены и более отчетливым, чем обычно, произнесением. Они встречаются реже и вызваны обычно эмфазой, которая затрагивает в большей мере смычные и щелевые согласные, в меньшей – плавные, и вообще не затрагивает дрожащие. Модификаций, связанных с напряженной артикуляцией, в 10 раз меньше, чем изменений, вызываемых ослаблением артикуляции. Отдельно должны быть упомянуты модификации, которые нельзя объяснить ни ослаблением артикуляции, ни ее усилением, - озвончение и оглушение, развитие слоговости согласного в связи с эллипсисом гласного, появление вибрирующих (неоднократно повторенных) согласных в связи с хезитацией и др. [11, с.28].

Как отмечает Л.В.Бондарко, в кодифицированном литературном языке (КЛЯ) «наиболее сильные изменения претерпевают глухие взрывные согласные, находящиеся в сочетании ГС: … в их спектре появляется после взрыва длительная (до 80 – 100 мс) и интенсивная придыхательная фаза, характеризующаяся даже наличием высоких формант» [1, с.107]. Далее Л.В.Бондарко пишет: «У конечных согласных появляется как бы элемент гласного – усиление в области низких частот, большая длительность шума, появляется даже формантная структура этого шума … Этот «гласный» - результат стремления произносительного аппарата образовать наиболее привычную и удобную последовательность, кончающуюся гласным» [1, с.126].

Следует подчеркнуть, что модификации фонем в русской разговорной речи (РР) отличаются от модификаций фонем в КЛЯ яркостью проявления: в КЛЯ модификации обычно бывают частичными, в РР – полными (например, озвончение, оглушение, спирантизация). Кроме того, модификации фонем в РР затрагивают больше единиц и встречаются в большем числе позиций. Это вызывает расширение пределов аллофонного варьирования. Модификация и эллипсис сегментных единиц в РР приводят к значительному варьированию фонетических оболочек слов.

Однако отсутствие существенных различий между РР и КЛЯ в инвентаре функционирующих в них единиц и принадлежность модифицированных сегментов к сегментам неполного типа произнесения не позволяют нам говорить о самостоятельности системы фонем РР [2; 8; 11].

Отмеченные при анализе модификации сегментных единиц можно разбить на 2 принципиально различных вида: орфоэпические, т.е. приводящие к изменению фо-

немного состава слова, например, многочисленные явления эллипсиса, и орфофонические, т.е. лежащие в пределах аллофонического варьирования. Так, вопрос о том, следует ли употреблять в слове «громкий» твердый /k/ или мягкий /k'/ регулируется правилами орфоэпии, а требование произносить согласный /j/ в конце слова как сонорный, а не глухой щелевой относится к правилам орфофонии.

Орфоэпическая вариантность разрешена языковой системой, хорошо осознается носителями языка и подвергается кодификации.

Орфофоническая вариантность лишь допускается фонологической системой и часто не замечается носителями языка, не имеющими специальной фонетической подготовки, не осознается ими. Вариантность эта связана, как правило, с нарушением какого-либо интегрального признака системы, когда он не является дифференциальным (различительным) для той или иной фонемы.

Для решения вопросов, связанных с исследованием произносительной нормы, необходимо учитывать все виды вариантов – как орфоэпических, так и орфофонических. Однако, в связи с большим количеством сегментов неполного типа произнесения разграничить орфофонические и орфоэпические отклонения от произносительной нормы в спонтанной речи (СР) значительно труднее, чем в подготовленной речи.

Итак, нельзя не признать, что под влиянием многих лингвистических и экстралингвистических факторов в стандартной произносительной норме английского языка произошли существенные изменения. Фонетисты давно заметили значительную «демократизацию» консервативной нормы RP, увеличение нормативных вариантов. Вопрос о произносительных вариантах английского языка является одним из наиболее актуальных как для прошлого, так и для современности. Не случайно, он находит отражение в словарях и активно обсуждается в различного рода фонетических пособиях и справочниках.

Большое количество примеров фонетической вариативности и вариантности зафиксировано в современных орфоэпических словарях, в частности, в словаре Дж.Уэллса LPD (Longman Pronunciation Dictionary by J.Wells, 2 изд., 2000) [12]:

1) **absolutely** ˈæb sə luːt li, -ljuːt li, ˌ. . ˈ. . ◂ - There are also casual rapid-speech forms ˈæbs i, ˈæbs li (небрежные формы произношения в беглой речи)
2) **awry** ə ˈraɪ - jocularly also ˈɔːr i (шутливый, юмористический, т.е. указывается стилистически окрашенный вариант произношения)
3) **cote** kəʊt ‖ koʊt (=coat) – formerly also kɒt ‖ kɑːt (устаревший вариант)
4) **forget** fə ˈget ‖ fər- - but in formal style sometimes fɔː- ‖ fɔːr- (вариант, который иногда используется в официальном стиле речи)
5) **go** gəʊ ‖ goʊ - There are nonstandard weak forms † gə, † gu (нестандартные слабые формы с предупредительным знаком †)
6) **Jesu** ˈdʒiːz juː ‖ -uː - in singing also ˈjeɪz uː, ˈjeɪs- (в пении, т.е. указывается сфера употребления данного варианта произношения)
7) **many** ˈmen i – There are occasional weak forms mən i, mni (редко встречающиеся слабые формы) (esp. in how many); in AmE also ˈmɪn i. – In Ireland often ˈmæn i (указаны два региональных варианта произношения слова – американский и ирландский)
8) **soldier** ˈsəʊldʒ ə →ˈsɒʊldʒ- ‖ ˈsoʊldʒ ər – There is also an occasional spelling pronunciation ˈsəʊld i ‿ ə ‖ ˈsoʊld i ‿ ər (редко встречающееся орфографическое произношение)
9) **Wednesbury** ˈwenz bər ‿ i – There is also a spelling pronunciation ˈwed nɪz bər ‿ i, ˈwed nəz- (орфографическое произношение); locally also ˈwedʒ bər ‿ i (также указан местный (региональный) вариант произношения).

В вышеперечисленных примерах первым всегда указывается нормативный британский вариант произношения (RP), затем следует или альтернативный британский вариант (здесь приведен курсивом – см. примеры 1, 8), или стандартный американский произносительный вариант (GenAm) после знака ‖ (или они оба), далее с соответствующими авторскими комментариями приводятся социальные, региональные, функционально-стилистические, орфографические, исторические и др. варианты произношения.

Приведем примеры слов (в основном, это имена собственные), в которых оба варианта произношения, обозначенные в словаре LPD пометами (i) и (ii), абсолютно равноправны [12]:

1) **Adler** (i) ˈæd lə ‖ -lər, (ii) ˈɑːd- - **Ger** [ˈ,aːd lʌ]
2) **Mai** (i) meɪ, (ii) maɪ
3) **Pole** surname (i) pəʊl →pɒʊl ‖ poʊl, (ii) puːl
4) **Terese** (i) tə ˈriːz tɪ-, te-, -ˈriːs, (ii) -ˈreɪz
5) **Welch** (i) weltʃ, (ii) welʃ

Менее жесткий подход к норме позволяет выявить большее количество омонимичных групп слов, которые помогают раскрыть сущность современной нормы английского языка и проблему существования фонетических вариантов.

Нами рассмотрена проблема омонимии как одного из аспектов вариативности и вариантности в английском языке, и на материале омонимов проанализированы фонетические процессы, характерные для английской системы консонантизма и вокализма.

Приведем некоторые примеры омографов из орфоэпического словаря LPD Дж.Уэллса [12]:

1) **conjure** ˈkʌndʒ ə “do tricks; evoke” (заниматься магией; колдовать)
   conjure kən ˈdʒʊə “ask solemnly” (умолять, заклинать);
2) **hakim** hə ˈkiːm “physician” (араб. врач)
   hakim ˈhɑːk ɪm “judge, master” (араб. судья; правитель, крупный чиновник);
3) **piano** n pi ˈæn əʊ “instrument” (фортепьяно)
   piano adv; adj; n ˈpjɑːn əʊ “passage played softly” (муз. пиано);
4) **sake** seɪk “advantage, purpose” (ради чего-либо)
   sake n ˈsɑːk i “alcoholic drink” (сакэ́, рисовая водка);
5) **used** v juːzd past and pp of **use** (употреблял, пользовался, применял)
   used adj juːst “accustomed” (привыкший, привычный);
6) **Witham** ˈwɪt əm family name; place in Essex (фамилия; место в Эссексе)
   Witham ˈwɪð əm river (название реки).

Здесь мы привели лишь несколько примеров омонимичных пар, иллюстрирующих принципы регистрации в орфоэпическом словаре LPD фонетической вариантности и вариативности.

Сопоставительный анализ различных лексикографических источников, наблюдение над произношением носителей языка, экспериментальные исследования позволяют проследить тенденции развития фонетической вариативности и вариантности в современном английском языке, установить некоторые закономерности отклонения от традиционного произношения, выявить возможность становления подобного произношения нормой, а также более полно раскрыть содержание современного кодификационного процесса.

Список использованной литературы

1. **Бондарко Л.В.** Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
2. **Вейсалов Ф.Е.** О некоторых результатах исследования аллофонического варьирования гласных фонем немецкого языка // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 2. Л., 1989. С. 70-75.
3. **ВербицкаяЛ.А.**Русскаяорфоэпия(Кпроблемеэкспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы). Л., 1976.
4. **Вербицкая Л.А.** Давайте говорить правильно. М., 2001.
5. **Гейльман Н.И.** Тенденции изменения согласных в разговорной речи // Слух и речь в норме и патологии. Сб. науч. ст. Вып. 3. Л., 1980. С. 16-24.
6. **Гейльман Н.И., Стериополо Е.И.** Коммуникативная ситуация и вариативность фонетических характеристик // Экспериментально- фонетический анализ речи: проблемы и методы. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 2. Л., 1989. С. 76-87.
7. **Каминская Л.Н.** Безударный вокализм албанского языка // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л.Р.Зиндера: Сб. ст. – СПб., 2004. С. 89-94.
8. **Комиссарова О.И.** К вопросу о качественно-количественных модификациях гласных звуков // Функционально-стилистическая дифференциация английского произношения: Сб.ст. – М., 1983.
9. **Кукольщикова Л.Е.** Еще раз о долготе английских гласных // Фонетика и психология речи. Вып. 3. Иваново, 1981. С. 31.
10. **Раднаева Л.Д.** Особенности реализации гласных в связной речи // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л.Р.Зиндера: Сб. ст. – СПб., 2004. С. 100-103.
11. Фонетика спонтанной речи / под ред. Н.Д. Светозаровой. Л., 1988.
12. **Wells J.C.** Longman Pronunciation Dictionary. 2 edition. London, 2000.

В.А. Лобанов

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛУХ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СЛОВ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА

Ивановская государственная медицинская академия

В статье освещаются результаты по восприятию и имитации односложных слов русского языка немецкими, монгольскими, кубинскими, непальскими и лаосскими испытуемыми, а также опознание слов немецкого языка и монгольского языка русскими, монгольскими и кубинскими аудиторами.

В настоящее время все более актуальными являются исследования процессов восприятия речи. Достижения отечественной лингвистической школы позволяют охарактеризовать причины интерференции звуковых единиц, приблизиться к пониманию фонологических единиц. Вместе с тем следует отметить, что в общей теории

восприятия речи, которая так необходима для прикладного языкознания, остается еще слишком много «белых пятен». Бесспорная по своей сути идея фонологичности восприятия нуждается в экспериментальной конкретизации, так как мало еще известно о том, каким образом действует «фонологическое сито». Для получения исчерпывающих данных о перцептивной системе, формирующейся в языковом сознании носителей языка, необходимы экспериментально-фонетические исследования восприятия единиц различной протяженности (слово, фраза). Пока еще не ясно, каким образом носители разных языков будут оценивать фонетически близкие звуки в словах. Могут ли позиционно-комбинаторные варианты фонем чужого языка быть приравнены при восприятии слова к функционально значимым единицам родного языка, и наоборот—могут ли фонемы чужого языка быть приравнены к аллофонам родного в фонетически «сходных» словах?

Проводимое в настоящей работе исследование восприятия слов неродного языка носителями монгольского, немецкого, русского и кубинского варианта испанского языков является актуальным как с точки зрения общей теории восприятия речи человеком, так и в практическом отношении, с точки зрения методики преподавания фонетики неродного языка. Вопросы, связанные с интерференцией родного и неродного языка учащихся, и особенно с фонетической интерференцией, являются одними из самых актуальных в методике преподавания иностранного языка. «Из вопроса сугубо теоретического, интересовавшего лингвистов в связи со сравнительно-историческими исследованиями и решавшегося исключительно на индоевропейском материале, языковые контакты переросли в вопрос общественной и государственной практики» [4, с.51]

Наиболее общим объяснением самого явления интерференции можно считать те свойства билингва, которые определяются существующим в его языковом сознании фонологическим слухом. В соответствии с традиционными представлениями о свойствах фонологического слуха носитель любого языка превращает любую звуковую последовательность в последовательность фонем родного языка. Однако экспериментально-фонетические исследования последних лет показывают, что в речевом поведении билингва обнаруживаются черты, которые объяснить действиями только фонологического слуха невозможно [3, с.201].

Это поведение определяется как некоторое взаимодействие универсальных и специфических, сформированных под влиянием фонологической системы родного языка, свойств. Зависимость восприятия звуков речи от фонологической системы родного языка аудиторов общеизвестна. Её подтверждают многочисленные факты интерференции на звуковом уровне, опыт обучения неродному языку, а также экспериментальные исследования речевого восприятия носителей разных языков, проводившихся на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков ЛГУ под руководством проф. Л.В. Бондарко [2, с.15].

Способы фонемного описания слов в различных языках различны, различны и разрешенные комбинации фонем, вероятности их появления **и** т.п. Человек очень хорошо «знает» правила оформления слов в своем родном языке. «Узнавание» слова есть восстановление всей цепочки фонем, из которых оно состоит [1]

Как проявит себя фонологичность речевого слуха при «узнавании» слов неродного языка? Этот вопрос требует специального экспериментального изучения.

На протяжении ряда лет нами проводились исследования по восприятию и имитации односложных слов русского языка немецкими, монгольскими, кубинскими, непальскими и лаосскими испытуемыми, а также опознание слов немецкого языка и монгольского языка русскими, монгольскими и кубинскими аудиторами.

Эксперимент проводился в несколько этапов. На первом этапе аудиторам предлагалось прослушать слова, предъявляемые в случайном порядке, и отметить знаком «–» те слова, которые, по их мнению, абсолютно не похожи на слова родного языка, а знаком «+» - те слова, которые звучат как слова родного языка.

На втором этапе аудиторам было предложено прослушать и записать предъявленные слова, используя русский или латинский алфавит. Второй этап проводился через месяц.

На третьем этапе испытуемым было предложено повторять русские односложные слова за диктором: при этом данная часть эксперимента проводилась дважды: через месяц и через 6 месяцев после начала изучения русского языка. Через несколько дней после проведения опыта по имитации слов испытуемым было предложено прочитать те же слова.

На заключительном этапе все имитируемые и прочитанные слова, записанные на магнитную ленту, были предъявлены русским аудиторам, в задачу которых входило оценить правильность произнесения русских слов иностранцами по трехбалльной шкале: хорошо, удовлетворительно и плохо.

Данные, полученные в результате этого эксперимента, позволяют сделать следующие выводы:

Перцептивная система, функционирующая в сознании носителей языка гораздо богаче, чем фонологическая.

Данные наших исследований позволяют не согласиться с выводами Meyer [5], что при правильном восприятии может не удаваться артикуляция, но не наоборот, то есть если звук произносится правильно, это уже показывает, что он хорошо воспринимается. Наши результаты говорят о том, что основные сложности звуковой интерпретации возникают не на моторном, а на сенсорном уровне, но при этом группа слов «слышу и могу произнести» составляет только 10%, а группа «не слышу, но могу произнести» - около 25%. Вместе с тем не удалось установить прямого соответствия между восприятием и имитацией русских слов. Между восприятием и воспроизведением существуют более сложные отношения, которые нельзя представить как равно обратимые в любом направлении.

Можно с уверенностью утверждать, что полученные в ходе этой работы результаты будут полезны для понимания свойств фонологического слуха, которые так необходимы не только для теории интерференции, но и в практике обучения неродному языку.

Список использованной литературы

1. **Бондарко Л.В.** «Знание языка» и восприятие речевых единиц. // Сенсорные системы. Л., 1979
2. **Бондарко Л.В.** Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. - 199с.
3. Интерференция звуковых систем. Л., 1987. – 280 с.
4. **Розенцвейг В.Ю.** Основные вопросы теории языковых контактов. //Языковые контакты. М., 1972. – С.51
5. **Meyer J.** Les tests de perception et leur interpréApplication à l'acquisition des voyelles anglaises par des élèves francophones. – Travaux de l'Institut de phonétique de Strasbourg, 1969-1970, N2. – P. 66-81.

С.В. Мощева

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ПЕЧАТНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ
(на материале английского и русского языков)

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье рассматривается комплекс фонетических выразительных средств реализации печатных рекламных текстов. Исследование экспериментального корпуса показывает, что значительная роль в оформлении рекламного текста принадлежит именно фонетическим выразительным средствам, к которым можно отнести использование особого ритмического рисунка, построенного за счет привлечения различного рода повторов, придающих РТ выразительность, эмоциональность.

Материалом письменных источников настоящего исследования послужили следующие англоязычные и русскоязычные издания: еженедельник «The Economist»; журналы «Science», «Chemical Week», «Blue~ize»; рекламные издания «Partner of the World», «Ceramic World»; женские журналы «Self», «Jane», «glow» «Woman's Day»; газеты «The Times», «Free Times», «Scene»; издания «Коммерсантъ», «Общая газета», «Частник», «Гипермаркет»; журналы для женщин «Даша», «Лиза»; рекламные издания «Оптовик», «Промышленный оптовик», «Рынок», «Товары и цены».

Выбор различных по жанру, следовательно, и по информационному наполнению изданий, обусловлен задачей нашего исследования, которая заключается в выявлении общих тенденций фонетической реализации современного печатного рекламного дискурса на материале английского и русского языков, которые проявляются в разных типах речевых актов.

Анализ англоязычного и русскоязычного рекламного материала дает основание утверждать, что явление ***аллитерации*** (в широком понимании - повтор согласных или гласных звуков в начале близкорасположенных ударных слогов) достаточно характерно для печатных РТ (рекламных текстов). Отметим, что в РТ аллитерация используется в качестве приема создания определенного эмоционального тона, соответствующего содержанию высказывания, а также является действенным выразительным средством.

Приведем некоторые примеры использования аллитерации при оформлении печатного англоязычного и русскоязычного РТ:

/b/* *«the science behind the beauty»* - реклама салона 'Sally Hansen';
/d/* *«Jaguar … Don't dream, drive it»* - реклама машины 'Jaguar';
/f/* *«Fresh Fast Fabulous»* - реклама косметической линии 'Estee Lauder';
/в/* *«Возрождение легенды! Восьмая высотка!»* - реклама строительной компании;
/б/* *«Чай 'Брук Бонд' – Будь на высоте!»* - реклама чая 'Брук Бонд';
/д/* *«Предлагаем услугу 'Дневной Дозор' для детей очень занятых родителей»* - реклама центра психологического здоровья;
/м/* *«МОТО. Меньше, чем маленький!»* - реклама сотового телефона 'Motorola'.

Отметим, что анализ использования аллитерации в печатных РТ показал, что данное явление более характерно для англоязычной рекламы.

Явление ***консонанса*** – повтора конечных согласных, к которому прибегают копирайтеры при оформлении РТ, можно проследить на нижеследующих примерах печатной рекламы:

* *«Beanz Meanz Heinz»* - реклама ‘Heinz baked beans’ (в том числе используются приемы сознательно ошибочного, но фонетически созвучного написания «bean**z** – mean**z**» и паронимической аттракции);
* *« No dibs, dabs, and splatters»* - реклама дезодоранта.
* *«КНОРР – вкусен и скорр.»* - реклама приправы ‘Кнорр’ (в том числе наблюдается обращение к рифме и ‘умышленной/сознательной’ ошибке в слове ‘скорр’).

Повтор ударных гласных внутри строки или фразы, называемый ***ассонансом*** *(вокалической аллитерацией)*, также достаточно характерное явление для рекламных сообщений, так как способствует созданию особого ритмического рисунка, который придает высказыванию интонацию настойчивого повтора. Очевидность такого утверждения можно проследить на многочисленных источниках нашего экспериментального корпуса. Наш анализ показывает, что явление ассонанса также более типично для англоязычной рекламы:

* «*Scrub, A Dub, There’s a Friend In Your Tub»* - реклама детского питания (в том числе рифма ‘scrub – dub – tub) и явление консонанса;
* «*Skim milk does not come from skinny cows»* - реклама молока ‘Alba dry milk’;
* *«Cola – море прикола!»* - реклама напитка ‘Coca-Cola’ (в том числе рифма);
* *«Надо чаще встречаться, будешь реже ломаться!»* - реклама фирмы по ремонту автомобилей 'Трек’ (в том числе рифма).

Анализ показывает, что звуковые повторы придают тексту ритмичность, выразительность, экспрессивность.

Отмечено, что для усиления эмоционального воздействия копирайтеры прибегают и к подбору определенных звуков в рекламном высказывании для того, чтобы вызвать у потребителя соответствующие ассоциации. Например, в РТ прохладительного напитка «Seven-Up» *(«Напиток ‘Seven-Up’ – **жаропонижающий жаждоутолитель!»)*** атмосфера ‘изнурительной жажды’ передается за счет использования приема аллитерации (4-кратного повтора звука /ж/ и 3-кратного повтора гласного звука /ɑ/, что создает впечатление монотонности звучания) и явления паронимической аттракции (**жа**р – **жа**ю - **жа**ж). В рекламном же сообщении прохладительного напитка (*«Хорош-ш-ш-ший! Хорош-ш-ший до последней капли!»)* многократный повтор звука /ш/ указывает на обращение к приему звукоподражания; данный повтор ассоциируется у потребителя со звучанием пузырьков газированной воды.

Очевидно, что различные типы повторов организуют звуковой строй сообщения. На материале РТ было подтверждено мнение И.В. Арнольд, что общая фонетическая окраска текста создается выделяющимися (выдвинутыми) на общем фонетическом фоне близко расположенными повторами; выдвинутость этих элементов сообщает им ритмическую роль, которая оказывается тем более заметной, чем теснее расположены повторы [2, с. 210].

В процессе анализа экспериментального материала печатных РТ на предмет выявления фонетических выразительных средств нами было отмечено, что ***рифма*** – достаточно востребованный способ оформления англо- и русскоязычных рекламных текстов для различных типов целевой аудитории. Рифмой принято называть особый вид регулярного звукового повтора – повторение более или менее сходных сочетаний звуков на концах строк или в других симметрично расположенных частях стихотворений, выполняющее организующую функцию в строфической композиции [2, с. 216].

Рифмование строчек рекламного текста издавна было широко распространено не только в русскоязычной, но и англоязычной рекламе (зазывалы, лоточники

и др.). Так, в США на заре рекламного дела реклама представляла собой авторские выступления лоточников, мастеров уличной торговли, которые «писали свои собственные рекламные скороговорки, использовали свои собственные шутки и иногда рекламировали свой собственный товар» [3, с.120]. Очевиден тот факт, что подобная организация рекламного текста способствует его более легкому произнесению и запоминанию.

Отметим, что по слоговому объему рифмы делятся на мужские (ударение на последнем слоге), женские (ударение на предпоследнем слоге) и дактилические (ударение на третьем от конца слоге). Рассмотрим примеры рифмования строк в рекламных сообщениях из нашего экспериментального корпуса:

а) мужская рифма:

* *«The best part of waking up is Folger's in your cup»* - реклама кофе 'Folger' (up – cup);
* *«You'll be lovelier each day with fabulous pink Camay»* - реклама мыла (day - Camay);
* *«Gillette" – лучше для мужчины нет!»* – реклама мужской косметической линии (Gillette - нет);
* «*Попробовав раз - ем и сейчас!»* - реклама кондитерских изделий (раз – сейчас);

б) женская рифма:

* *«Drinka pinta milka day»* - реклама 'National milk publicity council' (drinka – pinta – milka рифма достигается за счет использования ассонанса – повтор ударного звука /ɪ/ и безударного /ə/;
* *«Get fresh. Stay strong.*
* *Hair feels fresher, stronger, for longer»* - реклама шампуня (stronger - longer);
* *«Жуй больше, живи дольше!»* - реклама продаж шоколада «Kinder Surprise» (дольше – больше);
* «*Cola» - море прикола!»* – реклама напитка (Cola - прикола);
* *«Орешки 'PINO'- не жизнь, а малина!»* - орешки 'Pino'(Pino - малина).

в) дактилическая рифма:

* *«'NESQUIK' – напиток замечательный, шоколадный и питательный!»* - реклама напитка 'Nesquik' (замечательный – питательный).

Очевидно, что использование рифмы при оформлении англо- и русскоязычного печатного РТ является ярким выразительным средством, так как рифма способствует запоминанию текста. Данная особенность рифмы эксплуатируется в прагматических целях при организации РТ. Анализ англо- и русскоязычного печатного рекламного материала выявил случаи преобладания англоязычных рекламных текстов, которые построены на основе мужской рифмы.

В русскоязычных рифмованных РТ достаточно активно используется прием рифмования иностранного слово (как правило, название товара / услуги) с русским словом, имеющим сходное звучание (Gillette – нет; Cola – прикола; Pino – малина и др.). Являясь манипулятивным приемом, подобное построение РТ направлено не только на непроизвольное запоминание самого высказывания, но и названия рекламируемого товара.

Интересным для оформления РТ можно считать обращение копирайтера к ***звукоподражанию***, т.е. использованию слов, фонетический состав которых напоминает называемые в этих словах предметы и явления.

Реклама препарата 'Alka-Seltzer' *«Plop, plop, fizz, fiz, oh what a relief it is!»* представлена в виде рифмованной строки, что, несомненно, способствует быстрому

запоминанию данного текста и названия товара. В качестве основного выразительного средства присутствует использование звукоподражания. Лексема ‘plop’ – ‘sound as of smooth object dropping into water without splash’ (звук от падения в воду без всплеска – бултых, шлеп); лексема ‘fizz’ – ‘hissing or spluttering sound: esp. champagne [imit.] (шипеть, искриться – действие, имитирующее звук шампанского) [4, с. 369, 787]. Рекламодатель в простой, но в то же время креативной форме показывает процесс принятия и действия препарата – ‘plop, plop, fizz, fiz’; обращаясь к лексеме ‘fizz’, рекламодатель концентрирует внимание на том, что сам процесс принятия препарата приятен и быстро приводит к желаемому результату. Обращает внимание различное орфографическое воспроизведение в РТ одной и той же лексемы ‘fizz’ и ‘fiz’, что с одной стороны является креативным риторическим эффектом (‘zz’ – ‘z’, т.е. имитация окончания воздействия препарата), с другой стороны - соответствует принципу языковой экономии, который активно используется в коммерческой рекламе.

К использованию звукоподражаний (giggle – v. хихикать: cry – v. кричать; laugh – v. смеяться) прибегает копирайтер и в РТ ‘American Library Association’, поскольку с помощью данного приема можно передать гамму различных эмоций и привлечь внимание аудитории к рекламному тексту:

«A, B, C, D, E, …
Your public library has arranged in ways that make you
Cry, giggle, laugh, love, hate, wonder, ponder and understand».

Русскоязычная печатная реклама не исключает обращение к данному приему при реализации рекламных высказываний. Обратимся к нижеследующим примерам из нашего экспериментального корпуса:

* *«… не просто ‘пшик’, а СтопАнгин. СтопАнгин – против катастрофы в горле»* - реклама препарата «СтопАнгин»;
* *«С детским питанием ‘Ням-ням’ и ‘Топ-топ’ расти, малыш, большим и крепким! »* - реклама детского питания;

Возросший интерес, особенно в последние годы, русскоязычной рекламы к звукоподражаниям носит прагматический характер. Как видно из вышеприведенных примеров, они в большей степени используются в качестве названий товара для того, чтобы выделить данный продукт из ряда подобных.

Анализируя экспериментальный корпус рекламных текстов, мы пришли к выводу, что при оформлении РТ к достаточно активному способу можно отнести ***игру слов***, построенную на полной, либо частичной фонетической схожести слов (омонимии – паронимии):

* *«Go Ahead with AHEAD»* - в данном РТ лексема ‘ahead’ (вперед/впереди) и аббревиатура ‘AHEAD’ (‘Asian Health, Environmental & Allied Databases’ - журнал ‘Science’) являются омонимами, поскольку имеют сходное произношение и написание;
* *«MBADE in Italy»* - в приведенном случае аббревиатура ‘MBA’ (Master of Business Administration) является частью слова ‘made’ – ‘сделанный, произведенный’ (журнал ‘Economist’);
* *«‘Время’. Выбери «Время» для отдыха!»* - туристическая компания «Время» (слово «время» при озвучивании данного сообщения приобретает значение «промежутка времени», но графическое выполнение с прописной буквы показывает, что РТ предлагает сделать выбор именно туристической компании «Время»);
* *«СЗАГС. Встретимся в СЗАГСе!»* - ‘СЗАГС’ является аббревиатурой названия высшего учебного заведения «Северо-Западная Академия

Государственной службы», но вследствие ассимиляции согласных звуков омонимична аббревиатуре ‘ЗАГС’, что означает «запись актов гражданского состояния» (служба, регистрирующая заключение брака, рождение ребенка и т.д.) и ассоциируется молодежной целевой аудиторией с торжественным и приятным событием. Сам же контекст РТ («Встретимся!») подразумевает положительную коннотацию и настраивает адресата на принятие данного предложения.

* вычленение в составе звукокомплекса слов-омофонов используется рекламодателем в качестве приема языковой игры: *«new MAXwear lipcolor»* - реклама губной помады «Max Factor»; *«**Self**expression»* - реклама рубрики в журнале «Self»; *«**beaut**iful brows made easy»* - реклама рубрики «Beauty»; *«art – **CA**fé –**BA**r – **Re**stauran**T.** We invite our friends»* **-** реклама развлекательного комплекса «CABARET».

Нами отмечена более активная эксплуатация данного приема в русскоязычной рекламе: *«Ужин при СВЧах»* - реклама моделей микроволновых печей/СВЧ печей (произносится как «при свечах»); *«ФАНТАстическое предложение»* - реклама напитка «Фанта»; *«ОРТИМАльные цены», «МТС. Оптима ... Три повода для ОПТИМизма»* - реклама тарифного плана «Оптима»; *сФОКуСируй внимание на наших ценах!»* - реклама торговых акций.

Очевидно, что прием «игры слов», который построен на полной или частичной фонетической схожести слов, охотно применяется как в англо-, так и в русскоязычной рекламе, поскольку адресат всегда обращает внимание на неординарно оформленные высказывания. Неординарность построения в русскоязычной рекламе усиливается и за счет исполнения значимой части слова, т.е. прагматически выделяемой копирайтером, с помощью латиницы (*по МАХимуму; ОРТIМАльные цены; ABSOLUTно правильное решение **Natura**льный обмен* и др.).

Исследование указывает, что многочисленные случаи паронимического соположения слов - яркое выразительное средство, активно используемое в СМИ. Однако прием паронимической аттракции (намеренного соположения созвучных слов), по нашим наблюдениям, – характерное явление и для англоязычных и русскоязычных рекламных текстов. Обращение к созвучиям способствует выразительности и яркости высказывания.

Анализ печатного рекламного материала указывает на многочисленные случаи (особенно в англоязычной рекламе), в которых основой аттракции могут быть морфологические совпадения в конце/начале слова:

* «Electricity – Clean Simplicity» - реклама энергокомпании;
* «The safest and prettiest way to get that just-spent-the-day-at-the-beach look. Try Cover Fx Bronzed Fx Bronzing Powder» - реклама пудры;
* «Эрман – экстракласс, экстравкус, экстраудовольствие!» - реклама йогурта;
* «SORTI – суперкачество по суперцене» - реклама «Sorti».

На основе анализа рекламного материала можно сделать вывод, что в РТ присутствует достаточное количество иноязычных инкрустаций, образованных при помощи приемов транскрипции или транслитерации. В переводческой практике к упомянутым приемам прибегают при воспроизведении безэквивалентной лексики, т.е. лексических единиц, не имеющих соответствий в словарном составе того или иного языка. В рекламном же бизнесе копирайтер использует лексические единицы, полученные путем транскрипции и транслитерации, для придания либо большей значимости высказыванию, либо для достижения большей экспрессивности, поскольку они выделяются на фоне РТ и обращают на себя внимание аудитории.

Так, наше исследование показывает, что в настоящее время в английском языке имеется тенденция заимствовать и воспроизводить в форме латиницы лексические единицы из русского языка, относящиеся к периоду монархической России (царь, князь, граф и др.; название алкогольных напитков - «Gosudar» и «Tsarskaya»; «Graff» - название сети ювелирных магазинов). Включение же подобных слов в РТ является, но нашему мнению, способом подчеркнуть безупречность, надежность рекламируемой торговой марки.

В ходе исследования печатных РТ нами выявлено, что именно русскоязычные рекламные тексты достаточно активно включают иноязычные инкрустации. Примером использования подобного рода лексических единиц из английского языка могут служить следующие РТ нашего экспериментального корпуса:

* «Клуб ‘Дискавери’ – ждет своих друзей!» - реклама клуба («дискавери» - «discovery» - открытие);
* «Напиток ‘Фрутайм’ – фруктовое удовольствие!» - реклама фруктового напитка («фрутайм» - «fruit», «time» - фруктовое время);
* «’Морсберри’ – фруктовое удовольствие!» - реклама напитка («берри» - «berry» - «ягода»);
* «Милые дамы! Салон красоты ‘Бьюти’ ждет Вас и всегда рад Вам!» - реклама салона-красоты («бьюти» - «beauty» - красота);
* «Эй, юзер! Самое современное компьютерное оборудование только в нашем салоне ‘Computer’» - реклама салона по продаже компьютерной техники («юзер» - «user» - пользователь).

Лексические единицы из французского языка менее частотны в РТ и, как правило, используются уже хорошо известные сочетания:

* «Кафе ‘Тет а Тет’ ждет старых друзей и всегда радушно встретит новых!» - реклама кафе («тет а тет» - «tête a tête» - «наедине/с глазу на глаз»); *«Детективное агентство ‘А-ля гер ком а-ля гер’ сделает все возможное и … невозможное для своих клиентов» - реклама частного детективного агентства («а-ля гер ком а-ля гер» - «a la guerre comme a la guerre» - «на войне как на войне»);
* «Шерше ля фам…Где? – У нас. В ювелирном салоне ‘Рич’» - реклама ювелирного салона («шерше ля фам» - «cherchez la femme» - «ищите женщину»; «рич» - англ. яз «rich» - «богатый»).

Включение в РТ лексических единиц из немецкого языка представлены группой следующих примеров:

* «Что можно сказать о качестве работы бритвы ‘Браун’? – Только одно – дас ист дас!» - реклама бритвы («дас ист дас» - «das ist das» - «то, что надо»);
* «Гросмаркет – это не только отличное качество, но и колоссальная экономия средств и времени, которое можно посвятить своим родным и любимым!!!» - реклама магазина («грос» - «groβ»– «большой/огромный»);
* «Салон-магазин ‘FRAU GROSS’ ежедневно рад встрече со своими милыми покупательницами» - реклама салона женской одежды больших размеров; *«Лишние килограммы – ауф видерзейн!!!» - реклама программы питания для снижения веса («ауф видерзейн» - «Auf Wiedersehen;» - «до свидания»);
* «Французский - корнишон, немецкий - гуркен, русский - огурец. Размер имеет значение!» - реклама ООО ‘Русский стандарт’ («гурке» - «Gurke» - «огурец»).

Очевидно, что вышеприведенные РТ построены на обращении к распространенным и уже адаптированным в массовом сознании популярным иностранным

словам и выражениям. Включение иноязычных лексических единиц в РТ рассчитано на обладание представителями лингвокультурного сообщества когнитивной базой, т.е. совокупностью определенных знаний и представлений. Вслед за Е. Анисимовой, мы полагаем, что в рекламе в упрощенном виде отражается самосознание, самооценка собственной лингвокультурной общности, а также формируется отношение к иным лингвокультурным общностям [1, с. 93].

Определение частотности использования фонетических выразительных средств в печатном рекламном тексте показало следующие результаты, которые представлены в диаграмме процентного соотношения фонетических выразительных средств в англо- и русскоязычных РТ (Рис.1):

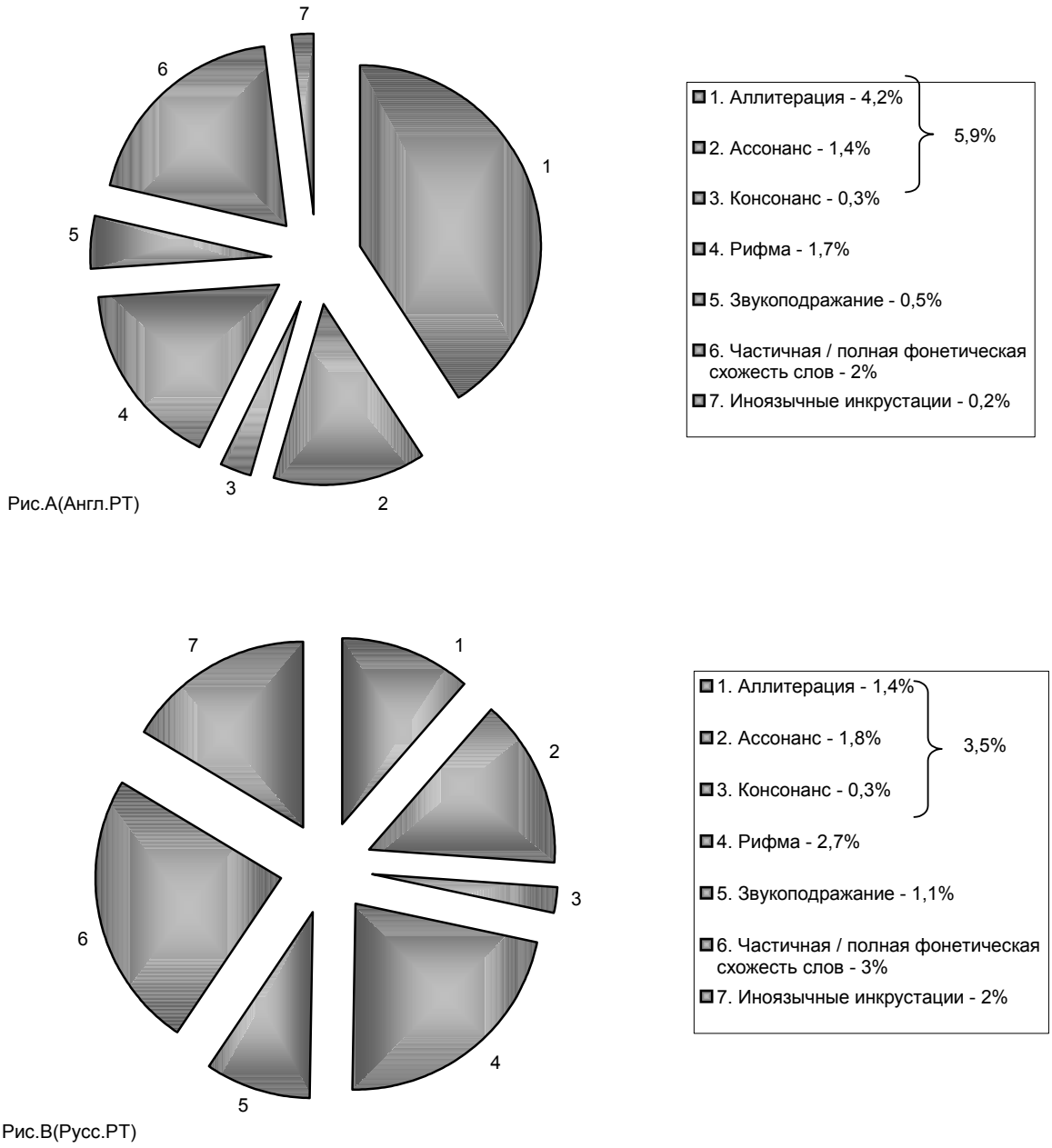


Рис.1. Диаграмма процентного соотношения фонетических выразительных средств в англо- и русскоязычном печатном РТ.

Согласно вышеприведенным результатам, можно выявить тождественные типологические характеристики оформления как англоязычного, так и русскоязычного печатного РТ, к которым можно отнести использование звуковых повторов (англоязычный РТ – 5,9%, русскоязычный РТ – 3,5%), а также обращение к приему игры слов, построенной на частичной или полной фонетической схожести слов (англоязычный РТ – 2,0%, русскоязычный РТ – 3,0%). Следует отметить, что представленные выразительные средства активно сочетаются в рамках одного сообщения, а также дополняются неязыковыми выразительными средствами (немотивированными логограммами, шрифтовыми выделениями, изобразительными средствами).

Список использованной литературы

1. **Анисимова Е.Е.** Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Academa, 2003.
2. **Арнольд И.В.** Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981.
3. **Кромптон А.** Мастерская рекламного текста. М.: Довгань,1998.
4. **Sykes J.B.** The Concise Oxford Dictionary of Current English. 7th ed. Oxford, 1984.

М.Н. Милеева

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТА ПЕНСИЛЬВАНСКИХ НЕМЦЕВ США

Ивановский государственный химико-технологический университет

В настоящей статье рассматриваются фонетические и лексические особенности носителей оригинального пенсильвано-немецкого диалекта США. На обширном звуковом материале, зарегистрированном зарубежными исследователями данного диалекта, проводится анализ своеобразного произношения этой группы иммигрантов и дается толкование причин, послуживших формированию и развитию изучаемого феномена.

В Соединенных Штатах Америки говорят почти на ста различных языках, кроме английского. В шестерку самых распространенных входят немецкий (6 миллионов человек признают его родным), итальянский (4 миллиона), французский (2,5 миллиона), польский (2,5 миллиона), еврейский (1,5 миллиона) и скандинавские языки (1,2 миллиона) [5, с. 9]. Согласно Цензу США 2000 г. 46 миллионов американцев, или одна шестая всего населения Америки, заявляют о немецких прародителях. Большая часть американских немцев проживает в так называемом «немецком поясе», включающем 21 штат и объединяющем четверть всего населения Америки.

Наибольший интерес представляет собой уникальный языковой остров штата Пенсильвания, уже почти три столетия существующий в полном окружении англоговорящего населения. Диалект данного языкового континуума, имеющий несколько названий, самые распространенные из которых Pennsylvania Dutch, или Penna German,

наиболее устойчив в округах Беркс, Лихай, Ланкастер, занимающих площадь более 18 тыс. км2, с населением чуть менее одного миллиона человек. В остальных округах штата — Франклине, Джуниате, Сомерсете и пр. — так называемый пенсильвано-немецкий диалект представлен небольшими локальными островками. По свидетельству американского диалектолога Пауля Шаха, в большинстве сельских местностей пенсильвано-немецкий — преобладающий разговорный язык [8, с. 264].

Колонию Пенсильвания основал богатый квакер, сын английского адмирала Уильям Пенн 4 марта 1681 года. Колония, по его мнению, должна была служить «священным убежищем для преследуемых всех рас и сект». Столицу колонии он назвал поэтому Филадельфией, что в переводе с греческого означало «братская любовь». С самого начала своего возникновения штат Пенсильвания стал центром сосредоточения переселенцев немецкого происхождения, мигрировавших в США по ряду экономических и политических причин. Ядро немецкоязычных иммигрантов складывалось в Северной Америке со второй половины XVII века. Немецкие иммигранты происходили из различных районов юга и юго-запада Германии, Эльзаса, Лотарингии, а также Швейцарии. Таким образом, на американской почве пенсильванского штата вступали в соприкосновение алеманнский, швабский, баварский, рейнско-франкский (или пфальцский) диалекты и английский язык окружения. Именно пфальцский диалект немецких иммигрантов стал базовым элементом пенсильвано-немецкого.

Языковая эволюция пенсильвано-немецкого диалекта США проходила в два этапа. Начальный этап, или период колонизации, включающий в себя первые 100-150 лет существования немецких иммигрантов в Новом Свете, характеризуется внутренним развитием пенсильванского немецкого, главным образом, на основе взаимодействия литературного немецкого стандарта и привезенного с собой диалекта. Данное взаимодействие, по мнению отечественного исследователя диалекта В. М. Жирмунского [12, с. 495-496], могло происходить по двум направлениям: униформации, то есть постепенной утраты первичных, наиболее резких и характерных отклонений, и сохранения вторичных, наименее заметных примет диалекта. Влияние английского языка окружения в этот период невелико. Его воздействие на пенсильвано-немецкий диалект отмечается на втором этапе — вторая половина XIX-XX веков — известном как период миграции и пограничного расселения. Процесс смешения и нивелирования диалектов протекал очень активно. Тем не менее, по данным американских исследователей диалекта середины прошлого века, адаптированные английские лексические единицы в нем не превышали 5% всего состава вокабуляра пенсильванских немцев. Недавние исследования выявили, что более 300,000 американцев, потомков немецких переселенцев, «чувствуют себя более комфортно, говоря на пенсильвано-немецком, чем на английском» [5, с. 158].

В зарубежной лингвистике не существует единого определения диалекта пенсильванских немцев. Американский диалектолог Р. Вуд [11, с. 306] дает такую характеристику ПНД: «Это язык с некоторыми пфальцскими чертами произношения, с пфальцско-швабско-английским словарным составом и франко-баварской мелодикой слова». Другой исследователь диалекта пенсильванских немцев — Дж. Страбл [9, с. 163] — характеризует его как «провинциальный акцент, жаргон, местный говор, пенсильванский пиджин». Он замечает, что английский, на котором говорят жители штата Пенсильвания, нельзя считать диалектом, так как он явно производный. Но, с другой стороны, он слишком стабилен и устойчив, чтобы классифицировать его как жаргон иностранцев, изучающих английский, поскольку даже в 50х годах XX столетия пенсильванские немцы не испытывали особых трудностей в общении со своими бывшими соплеменниками, проживающими в Германии. Американ-

ские исследователи Д. Ллойд и Н. Ворфел обобщают вышеприведенные определения, высказывая мысль, что «пенсильвано-немецкий диалект имеет немецкую грамматику и произношение на базе английской лексики» [6, с. 21-22].

Соединенные Штаты Америки нередко называли «плавильным котлом», имея в виду феномен «аккультурации» иммигрантов разных национальностей. В романе Джона Стейнбека «Гроздья гнева», вышедшем из печати в начале прошлого века (1939), есть такие строки: «Ever' body says words different. Arkansas folks says'em different, and Oklahomy folks says'em different. And we seen a lady from Massachusetts an'she said'em differentest of all. Couldn't hardly make out what she sayin'». Эти слова одного из героев романа лишь подтверждают тот факт, что на американской земле вплоть до середины XX столетия продолжали сосуществовать самые разные диалекты. Но в их судьбу в ходе исторического развития неминуемо вмешивались конвергентные и ассимиляционные процессы, возникали интерферентные явления, неизбежные на мультинациональной почве, в результате чего диалекты вынуждены были исчезать, что и вызывало большую обеспокоенность автора.

Тем не менее, пенсильванские немцы никоим образом не вписываются в классическую парадигму адаптации иммигрантов любого происхождения в Новом Свете. Согласно этой парадигме, иммигранты первой волны говорят преимущественно на языке своей бывшей родины с ярко выраженным акцентом в заимствованных ими английских словах нового языкового континуума. Представители второй волны миграции становятся билингвами, отдающими предпочтение английскому языку окружения, а третье поколение иммигрантов является, как правило, монолингвами, использующими в своей речи ассимилированный английский язык.

Однако еще в 1751 г. Бенджамин Франклин с озабоченностью писал: «Почему Пенсильвания, основанная англичанами, превратилась в колонию чужеземцев, которые за небольшой период времени стали столь многочисленны, что могут «германизировать» нас, вместо того чтобы мы «англизировали» их?» [7, с. 99]. Пенсильвано-немецкий диалект так и остался пиджином в Америке благодаря традициям Старого Света, тщательно и бережно сохраняемым строгими религиозными сектами.

Попытаемся разобраться, какой процесс стал доминирующим в ходе исторического развития — «англизация» или «германизация»? Не оказались ли слова знаменитого американского политика, писателя и ученого в некотором роде пророческими?

В связи с распространенностью немецкого языка в США вообще и пенсильвано-немецкого диалекта в штате Пенсильвания, в частности, обратимся к имеющимся в нашем распоряжении примерам из рассматриваемого диалекта. Первые записи речи носителей ПНД второго поколения, спустя век после их обитания в Новом Свете, зафиксированы английским путешественником Уильямом Фергюсоном в его книге «Путешествия по Америке (America by River and Road)» (1856): «You must go dat road, straight one little way, den you see stable directly — dat road, straight, house directly.» [4, p. 154].

В данном предложении жирным курсивом выделены те английские слова, которые ассимилированы носителями ПНД их родному немецкому. Поскольку в языке иммигрантов совершенно отсутствует звонкий межзубной звук английского языка окружения, вполне естественно, что он заменяется соответствующим звуком родного языка, а именно звонким дентальным смычным.

Эта смесь ломаного английского произношения (в нашем случае — специфического спеллинга), плохой грамматики и гротескных конструкций не может не вызывать улыбку. Немецкая особенность при прочтении слов четко произносить все буквы резко отличается от норм английского произношения. Это легко проследить на

примере пенсильвано-немецкой орфографии, максимально приближенной к нормам произношения немецко-говорящих информантов.

Рассмотрим отрывок из романа одного из носителей пенсильванского немецкого, рассказывающего историю жизни своей семьи [10]. На одном из пикников в Рединге мужчины обсуждали предстоящие хозяйственные дела, а женщины делились проблемами своих детей. В первом же предложении обращает на себя внимание английское слово «работа» с заменой звонкой английской аффрикаты на глухую, что также видно в третьем примере в спеллинге слов «just» и «energy». Далее четко выступает сложность при воспроизведении долгого гласного заднего ряда, о чем свидетельствует спеллинг выделенных слов. Характерный для английского межзубной звук заменяется и в речи, и на письме смычным дентальным. В следующих примерах можно говорить о смешении родного немецкого диалекта говорящего и английского языка окружения. Прилагательное «замечательный, красивый» имеет немецкую параллель «wunderbar», поэтому вместо краткого английского гласного пишется и звучит исконно немецкий звук, а само слово используется в качестве усилителя следующего за ним прилагательного «больной». В последних словах предложения практически невозможно по спеллингу догадаться, какие английские лексические единицы скрываются за ними, но по произношению они легко определяются. Типичный случай произнесения английского связующего /r/ носителями пенсильванского немецкого, как правило, игнорируется.

His **chop's** goin bad. — Сравни английское: *His job's going bad.*

You ain't breedin no **moah hoahses**, eh? Ach, not **moah den** I help people **dat boaht** hoahses at my farm. — (англ.) *You aren't breeding any more horses, are you? Ach, not more than I helped people that had bought horses at my farm.*

I **chust** doughn haff **da enerchy** no moah. — (англ.) *I am just doing half, there is no more energy.*

I vass **vunderful** sick **dayah foah avhile**. — (англ.) *I was terribly sick there for awhile.*

Далее приводится исключительно интересный, анекдотичный монолог носителя диалекта, в котором наглядно представлены многие особенности пенсильванского немецкого.

Hey, **dat's** Rudy Schtoltzfusz **ovah dayah**. **Von** time me and him vass tryin ta make a **shoaht** cut home **aftah** dark. **Da roat** I **vanted** ta **<u>schtay</u>** on, but Rudy says he knows hauw ta navigate by da **<u>schtars</u>**. **Vell**, finally **vee <u>schtop</u>**, an Rudy **<u>schtares</u>** at **da <u>schtars</u> foah avhile** an says, '**Vait** a minute, **da** north **<u>schtar</u>** is in **da** wrong place.' "'**Vell**,' I says, 'I ain't **nevah** navigated usin no **<u>schtars</u>**, but I know **da** north **<u>schtar</u>** ain't **nevah** in **da** wrong place!'"

Здесь можно заметить подмену типичного английского межзубного звука дентальным смычным, о чем уже неоднократно упоминалось, написание букв ah вместо английского сонорного /r/ с предшествующей гласной, оглушение конечных звонких согласных, взаимозамещение английского билабиального звука губно-зубным. Также обращают на себя внимание английские слова, которые адаптированы немецким особенностям произношения, такие как «start», «star», «stay», «stare». В них начальный смычный /s/ перед согласными перешел в глухой фрикативный /sh/, что свойственно всем верхненемецким диалектам (*данная лексика, используемая в монологе, подчеркнута*).

Проблема адаптации английских заимствованных слов фонетическим типам пенсильвано-немецкого рассматривалась в работах американских диалектологов А. Баффингтона и Дж. Фрея [2, 3], которые выделили следующие фонетические принципы адаптации:

- Английские согласные оглушаются в финальной позиции.
- Смычные и спиранты заимствованных слов соответствуют фонетическим корреляциям этих согласных в ПНД.
- Замещения звуков имеют место, если в ПНД отсутствуют соответствующие английские звуки.

Какому изменению и замене подвергаются заимствованные английские слова, становится совершенно очевидно из следующей таблицы**.** В первой и третьей колонках приводятся видоизмененные заимствованные слова английского происхождения, а во втором и четвертом — типичные английские лексические единицы.

Bortsch	porch	*Britches*	bridges
Bull	pull	*Bush*	push
Cham	jam	*Chaw*	jaw
Cherry	Jerry	*Chob*	job
Choin	chain	*Choose*	juice
Colt	cold	*Crotch*	garage
Ice	eyes	*Maple*	Mabel
Mate	made	*Ret*	red
Rite	ride	*Some*	thumb
Wisit	visit	*Zis*	this

Фонетическое написание английских заимствованных слов адаптируется немецкому произношению носителей пенсильванского немецкого. Интересно отметить, что заимствованные английские прилагательные в речи пенсильванских немцев получают исконно немецкий суффикс, а английский правильный глагол «to snore» получает немецкую приставку «ge-», характерную для слабых немецких глаголов в форме страдательного причастия.

It takes a lot of CROOSHT (crust) to “sponge” on your relatives all the time.
It gives a person a lot of PLESSEER (pleasure) to sit and eat a good home-cooked meal.
It is so PLESSEERLICH (delightful) to hold you on my lap (SHOS), and in my arms.
Did you ever see such MANNERLICH KINNER (mannerly children)?
You can’t go out half NOCKICH (naked); just go and look at yourself.
It was pretty SHLIPPERICH (slippery), but I thought I could get across.
If she would keep her SHLOVVERICH (slobbery) kid cleaned up it wouldn't smell so loud.

SHTUVVERICH (stubborn) children sometimes turn out for good, anyhow.
My man G'SHNORRIX'D (snored) so loud he waked up everybody.

Не менее многочисленны примеры, демонстрирующие обратное явление, — использование исконно немецких слов в английском языке пенсильванских немцев. Лексические единицы легко распознаются, однако их написание, а значит, и произношение, англизировано.

He is as AIRLICH (*honest*) as the day is long.
You should BLEIB (*stay*) a-while yet; its not late YET.
That old woman next door talks all the time like a BOBBAGOY (*parrot*).
We can be DONKBAWR (*thankful*) that we live in a great «countery» like the United States.
You mean you will, FERLEICHT (*perhaps*)?
She is a very good-looking FRAU (*wife*).
Ei, such a big FREUNDSCHAFT (*relationship*).
When you get to know them right they are such FREINDLICH (*friendly*, *affectionate*) people.
Think, man-think; where are your GADONKA (*thoughts*)?
Mommy, I'm so KRONK (*sick*).
It was LECHERICH (*laughable*); we nearly all died.
It is so NODEERLICH (*natural*) to go back to the mother tongue and expressions of boyhood days.
The people of the country aren't so RUICH (*quiet*, *still*), when election comes around.
When a man eats too much on Sunday dinner he gets SCHLAFFERICH (*sleepy*) soon.
Come here now SHNELL (*quickly*).
Some people are just that way, but some are UNGLICKLICH (*unlucky*).

Общеизвестны и довольно оригинальны многие пенсильвано-немецкие поговорки**.**

Ve *get too soon* ***oldt*** *— und too late* ***schmart****.*
Borrowing makes for sorrowing.
Other people's bread tastes better.
Half a loaf or half a ton each is better by far than none.
May your friends be many, your troubles few, und your sausages long.
The ***hurrier*** *I go, the* ***behinde****r I get.*
No woman can be happy with less than seven to cook for.
A plump wife and a big barn never did any man harm.

Первое выделенное жирным курсивом слово — не что иное, как личное английское местоимение *we*. Здесь обращает на себя внимание фонетическое явление, называемое субституцией фонем в результате недодифференциации согласных, поскольку в немецком языке отсутствует характерный английский билабиальный звук /w/. Недостающий звук ассимилированного английского слова заменяется самым близким, имеющимся в распоряжении говорящего. В первом предложении жирным курсивом выделено еще одно слово, легко узнаваемое, приближенное по спеллингу к нормам

немецкого языка. В третьем выделенном слове заметна тенденция верхненемецких диалектов к замене начального смычного /s/ перед согласными глухим фрикативным /sh/ не только в начале, но даже в середине и на конце слов.

Следующие выделенные нами примеры тоже представляют определенный интерес. С присущей только немцам педантичностью в данном случае осуществляются правила словообразования: английские заимствованные слова присоединяют к себе суффикс степени сравнения. И совершенно неважно при этом, какой частью речи является исходное слово: если существует правило, суффикс можно присоединить даже к предлогу!

Пенсильвано-немецкое произношение трудно изменить, оно остается постоянным. Даже получение образования не может повлиять на особенности и специфику произнесения отдельных звуков, доминирующих в родном языке родителей или прародителей, но отсутствующих в языке окружения. По этому поводу можно привести анекдот, в котором рассказывается о юноше, вернувшемся по окончании колледжа домой.

"John, I'm so proud of you; you're a college graduate, ain't?" his proud mother says. "Ya, Mom, I'm one of them", the boy replies. "Why, Mom, you know'd when I went away to college I couldn't say *norse* ***(north)*** or *souse* ***(south),*** and now I can say *bose* ***(both)*** of them." [1, p. 164]

В этой тонкой игре слов четко вычленяются особенности произносительной нормы ПНД, а именно смешение межзубных английских и губно-зубных немецких звуков, а также замена английских звуков, отсутствующих в немецком фонетическом инвентаре.

Во всех вышеприведенных примерах налицо преобладание немецких синтаксических норм и стремление к экономии речевых усилий, когда предложение сокращается до минимума путем выбрасывания вспомогательных глаголов и всего второстепенного. Но четкий порядок слов в предложении остается неизменным.

Таким образом, мы видим, что тесно спаянная группа иммигрантов немецкого происхождения сумела сохранить свой язык на протяжении не только нескольких десятилетий, но даже нескольких веков! В данном случае мы имеем возможность говорить об особом типе «языкового острова», в котором не наблюдается процесса конвергенции контактирующих диалектов на американской почве и оформления «общего» языка.

Вновь пробудившийся в США интерес к региональным культурам и попытки популяризировать культуру пенсильванских немцев, вне всякого сомнения, продлит жизнь данному диалекту, а также упрочит его положение в местах его активного употребления.

Список использованной литературы

1. **Aurand A. Monroe, Jr.** Quaint idioms and expressions of the Pennsylvania Germans. Aurand Press. 1939.
2. **Buffington A.F.** Pennsylvania German: its relation to other German dialects//American Speech. 1939, N 4, vol. 14, p. 276-286.
3. **Frey J.W.** The phonemics of English loan words in Eastern York County Pennsylvania Dutch//American Speech, 1942, N 2, vol. 17, p. 94-101.
4. **Hedrickson R.** Ferhoodled English: Pennsylvania Dutch talk// American talk. Words and ways of American dialects. New York, 1991, p. 154-170.
5. **Hughes R.O.** Pennsylvania. Past and present. Boston, 1947.

6. **Lloyd D.J., Warfel N.R.** American English in its cultural setting. New York, 1956.
7. **Read A.W.** Bilingualism and the Middle colonies, 1725-1775//American Speech. 1937, N 2, vol. 12.
8. **Schach P.** Hybrid compounds in Pennsylvania German//American Speech. 1948, N 2, vol. 23.
9. **Struble G.G.** The English of the Pennsylvania Germans.//American Speech. 1935, N 3, vol. 10.
10. The Other Side of the Middle: A Pennsylvania Dutch Story of Family Love, ©2005 http://www.barnyardcraft.com/Pennsylvania%20Dutch.htm.
11. **Wood R.C.** Das Pennsylvaniendeutsche (Pennsilfaanische) in den USA und Kanada// Die Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopaedie. Leipzig, 1969. Bd. 1
12. **Жирмунский В.М.** Проблемы переселенческой диалектологии//Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Избр. труды. Л., 1976, с. 491-516.

Г.Н. Шастина

ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Санкт-Петербургский государственный университет

1. Введение.

Научный интерес к проблемам восприятия речи не ослабевает уже более 60 лет. Усилия исследователей направлены на поиски путей, которые обеспечили бы идеальный синтез речи и её распознавание. Накоплен колоссальный опыт, созданы многочисленные модели восприятия речи, появились более совершенные системы типа «искусственная речь» и «искусственный интеллект».

Данная статья-попытка имеет целью проанализировать и обобщить накопленный опыт, «состыковать» многочисленные подходы, увидеть перспективу.

Прежде чем рассматривать различные теории и модели восприятия речи, необходимо определиться с тем, что эти теории должны объяснять. Что же такое процесс речевосприятия? Большинство исследований этого процесса основаны на изучении возможности испытуемых идентифицировать изолированные звуки, слоги или слова. Это достаточно узкое понимание процесса. В действительности задача слушающего заключается в понимании смысла сообщения, т.е. извлечение этого смысла из акустического сигнала, который представляет собой речь говорящего. Очевидно, что решить эту задачу представителям одной науки невозможно.

2. Начало пути. Поиски инвариантных свойств звуковых единиц.

Середина 20 столетия. В США ведутся активные исследования по восприятию человеком синтезированных речевых сигналов: согласных, гласных, слогов типа CV и VC. Цель опытов – поиск перцептивных инвариантных признаков, различающих согласные и гласные звуки, а также наиболее благоприятных условий, способствующих испытуемым различать эти признаки, установление основного способа восприятия речевого сигнала (категориальность/некатегориальность), сравнение результатов восприятия речевых и неречевых стимулов. Основной вывод заключается в том, что из-

вестные различия в характере артикуляции согласных и гласных напрямую связаны с различиями в их восприятии. Таким образом, восприятие в значительной степени зависит от природы артикуляции звуков, нежели от набора акустических признаков. Эти выводы послужили базовым моментом для создания моторной теории восприятия речи. Американские исследователи изучали восприятие отдельных акустических коррелятов фонетических признаков синтезированных звуков. Очевидно, что в естественной речи человек принимает решение о фонемной принадлежности звука исходя из целого ряда не только фонетических, но и лингвистических факторов. На восприятие звука огромное влияние оказывает фонетическое окружение, просодический контекст (его место по отношению к ударению в слове и во фразе), темп речи, индивидуальные особенности говорящего и многое другое.

Было бы несправедливо ограничить исторический обзор описанием работ, проводимых в США. Не менее интересные исследования восприятия речи осуществлялись в то время и в СССР. Сама возможность экспериментального исследования восприятия речи возникла в послевоенные годы только благодаря тому, что были разработаны технические методы анализа и синтеза речи, заложены основы физиологической и акустической теории речеобразования.

Наиболее активные разработки велись в Институте биологической физики АНСССР в Москве и в военной инженерной Академии связи в Ленинграде. У истоков этих исследований стояли Б.Е.Шейвехман, Л.А.Варшавский, Л.Н.Тумаркина. Был установлен тесный контакт с фонетистами ЛГУ, в частности, Л.Р.Зиндером. В 1954 году Лев Рафаилович на конференции, посвященной восприятию звуковых сигналов в различных акустических условиях, впервые заявил о том, что звуки речи связаны с различением слов, т.е. со смыслом в целом, поэтому они являются по своей природе прежде всего языковыми, а не только физическими единицами. Следовательно, одно и то же звуковое различие может по-разному оцениваться в разных языках.

Заметный вклад в изучение проблем восприятия речи внес коллектив исследователей Ленинградского института физиологии им. И.П.Павлова Академии наук СССР под руководством основателя русской школы физиологии сенсорных систем Г.В.Гершуни. Яркими представителями этого коллектива были Л.А.Чистович, А.В.Венцов, В.А.Кожевников, М.Г.Жукова, В.В.Люблинская и др.

В начале 60-х гг. 20 столетия начинается плодотворное сотрудничество Института физиологии с кафедрой фонетики ЛГУ в лице Л.В.Бондарко. Выводы, к которым приходят исследователи, окажут самое серьезное влияние на все последующие работы в области речевосприятия, во многом предопределят развитие этой области науки на долгие годы. Так, исследования временных особенностей организации непрерывного речевого потока позволили сделать вывод о том, что основными элементами, из которых состоит связный поток устной речи, являются открытые слоги. Другим важным выводом было введение понятия «психологическая фонема».

Таким образом, научные поиски 50-60-х гг. прошлого столетия, актуальные для своего времени, заложили прочные основы для построения основных моделей речевосприятия будущего.

3. 80-90-е годы 20 столетия. Интерференция звуковых систем.

С конца 70-х гг. наблюдается настоящий бум в исследовании процессов восприятия речи. Во многом это было обусловлено ростом интереса к изучению иностранных языков на новой коммуникативной основе. О фонологическом слухе знали все, но о том, как он «работает» при восприятии иноязычной речи, чем обусловлены произносительные ошибки учащихся – сенсорикой или моторикой – и как в связи с этим обучать иноязычному произношению, не было известно практически ничего.

И снова ответы на эти вопросы впервые пытается найти Л.В. Бондарко, доверив решение сложнейших исследовательских задач молодым аспирантам и преподавателям кафедры фонетики ЛГУ.

Экспериментальное исследование процессов восприятия речи требует разработки специальной методики, поскольку полученные результаты во многом зависят от испытуемых и от поставленных перед ними задач. Такая методика была создана и апробирована на материале синтезированных стимулов в описанных выше исследованиях американских ученых. Вот основные этапы экспериментов: 1) опознание звуков; 2) различение звуков, предъявленных в паре, или попарное сравнение, когда испытуемый должен поставить знак (+), если он не замечает различий в звучании звуков, и знак (-), если замечает; 3) АВХ-сравнение стимулов, когда испытуемым для прослушивания предъявляются триады звуков, в которых стимулы А и В различаются между собой, а третий стимул (Х) совпадает с одним из двух первых стимулов (А или В). Испытуемые должны указать, с каким звуком, А или В, совпадает по звучанию третий звук Х. Тройки стимулов могут представлять собой самые разные комбинации: АВА, АВВ, ВАА, ВАВ.

Именно эта методика, впоследствии переработанная и дополненная, легла в основу многочисленных перцептивных исследований, выполненных в конце прошлого столетия. Преимущества этой методики очевидны. Имея в своем распоряжении даже небольшой по объему экспериментальный материал, исследователь получает возможность «прогнать» его через все этапы эксперимента и получить достоверные результаты. В качестве материала можно использовать не только звуки, но также слоги и слова как родного, так и неродного языков. Несмотря на то, что по своей сути это чисто психоакустическая методика, она вполне применима и в лингвистических исследованиях. Важно только корректно интерпретировать полученные результаты.

Исследования, проводимые на кафедре фонетики ЛГУ, ставили своей целью не только экспериментально изучить восприятие звуков неродного языка носителями разносистемных языков, но и сравнить особенности восприятия звуков с их имитацией. Полученные результаты позволили пересмотреть некоторые устоявшиеся представления о причинах появления произносительных ошибок в речи на иностранном языке, а также предложить интерпретацию данных в свете общелингвистических проблем изучения речевой деятельности человека. Были уточнены традиционные представления о свойствах фонологического слуха. При восприятии звуков, не встречающихся в родном языке, испытуемый вовсе не обязательно классифицирует их как фонемы родного языка: возможна достаточно тонкая дифференциация, основанная и на свойствах слуховой обработки звуковых сигналов, и на знании одного или нескольких иностранных языков, и на индивидуальных способностях испытуемого. Фонематический слух более чувствителен к звукам неродного языка и не стремится каждый незнакомый звук втиснуть в фонологическую схему родного языка. Одним из существенных свойств фонологического слуха является то, что он обеспечивает разные механизмы обработки звуков родного и неродного языка. Не менее важными были выводы о существовании в сознании носителя языка перцептивной системы звуков и необходимости изучения этой системы, а также о наличии сложных, неоднозначных отношений между восприятием и воспроизведением звуков. В настоящее время эти положения, вне всякого сомнения, хорошо известны даже начинающим преподавателям иностранных языков и составляют «золотые правила», по которым строится процесс обучения.

4. Современный этап и перспективы.

В научной литературе сейчас можно найти огромное количество данных

о восприятии звуковых единиц различной протяженности. Многочисленные исследования направлены на составление речевого портрета носителя конкретного языка. Центральной фигурой этого портрета является слово как основная единица языка, имеющая в каждом конкретном языке свои типологические особенности. Однако слово – это также и неделимый акустический образ со свойственными этому образу типологическими и специфическими перцептивными особенностями. Последние изучены в гораздо меньшей степени, чем лингвистические признаки слова.

Самые современные теории лексического доступа (lexical access), направленные на восприятие изолированных односложных слов и имеющие множество положительных моментов, к сожалению, не адресованы основной цели восприятия, а именно: опознанию слов в естественной связной речи, в единстве звучания и значения, и в неразрывной связи слова с его супрасегментными свойствами. Одной из актуальнейших задач современного этапа является описание и построение иерархической модели восприятия и воспроизведения слова, произнесенного на неродном языке. Исследования уже проводятся как на материале изолированно произнесенных словоформ, так и словоформ, выделенных из текста. Полученные результаты интересны с нескольких точек зрения. Во-первых, они позволяют уточнить само понятие минимальной единицы восприятия, её протяженность, связи с единицами других уровней. Во-вторых, изучить влияние акцентно-ритмической структуры слова на восприятие его носителями разных языков. В-третьих, выявить общие и специфические моменты при восприятии слова в связной речи, характерные для носителей разных языков.

Анализ имеющихся в литературе данных позволяет констатировать следующее:

1. Восприятие полимодально и находится под влиянием лингвистического опыта человека. Цельнооформленность слова не задается a priori, а формируется вместе с развитием навыков устной речи.

2. Для восприятия слова часто более релевантной является нерелевантная просодическая информация. Слова идентифицируются до того, как будут опознаны составляющие их фонемы. Только умеющие читать и знающие алфавит люди могут надежно опознавать фонемы. Возможно, при восприятии слова человек опирается на правильную заданность слоговой составляющей, но информация об этом «растворяется» в фонемной цепочке слова до тех пор, пока не нарушаются фонотактические правила.

3. Ни одна из известных составляющих целостности слова (цепочка фонем, место ударения и число слогов) не обладает первостепенной важностью и не может быть функционально отделена от других составляющих. Безусловно, любая из составляющих может и должна анализироваться и отрабатываться на практических занятиях, но в связной речи ни одна из этих единиц не может быть независимой от единиц, находящихся выше или ниже её в структуре, как словоформы, так и всего высказывания.

4. Единицы формального лингвистического анализа не являются важным этапом на пути к пониманию смысла слова, следовательно, они не должны быть строго организованы в сознании носителя языка. Гораздо большая роль должна отводиться усвоению детализованной фонетической информации. В этой связи необходимо выявлять и систематизировать эту информацию, поскольку она могла бы выступать в качестве своеобразных «островков надежности» при опознании слова в связной речи.

5. Разные испытуемые при восприятии одного и того же слова идут к пониманию смысла этого слова разными путями в зависимости от их предшествующего лингвистического и жизненного опыта. Следовательно, вряд ли корректно говорить о единственно возможном пути принятия решения при опознавании слова. Многослой-

ная лингвистическая структура, какой является словоформа, может опознаваться как параллельно, так и последовательно.

Полученные в наших экспериментальных исследованиях результаты подтверждают далеко не все выдвинутые выше положения. Так например, слоговая структура иноязычной словоформы опознается носителями разных языков гораздо лучше других компонентов. Именно слоговую структуру можно, на наш взгляд, рассматривать в качестве первого «островка надежности», отправным моментом в работе над восприятием иноязычного слова, причем, вне зависимости от лингвистического опыта учащихся. Самое разнообразное опознание длины фонемной цепочки слова и многочисленные замены, опущения звуков внутри цепочки свидетельствуют в пользу «ненужности» пофонемного распознавания слова. И, наконец, лингвистический опыт учащихся не всегда оказывает положительное влияние на восприятие иноязычного слова. Иногда он способен даже притуплять перцептивную чувствительность носителей языка, о чем свидетельствуют результаты опознания английских многосложных словоформ с главным и побочным ударением.

Итак, исследователями процессов восприятия речи пройден сложный и значительный отрезок пути; впереди – новые цели и задачи, достижение которых, хочется надеяться, выведет на финишную прямую.

Список использованной литературы

1. Интерференция звуковых систем. Под ред. Л.В.Бондарко, Л.А.Вербицкой. Изд-во ЛГУ, 1987.
2. **Шастина Г.Н.** Иерархия звуковых единиц при восприятии речи на неродном языке // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 25, секция фонетики. СПбГУ, 2001. С. 115-118.
3. **Шастина Г.Н.** Восприятие слов неродного языка: цели, задачи, материал и методика исследования // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. К 70-летию проф. Л.В. Бондарко. Отв. Ред. Н.Б. Вольская, Н.Д. Светозарова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 266-269.
4. **Шастина Г.Н.** Механизмы фонологического слуха и восприятие слов неродного языка // Материалы XXXV международной филологической конференции. Выпуск 20, секция фонетики, часть 2. – СПб. Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 39-47.
5. **Pickett J.M.** The Acoustics of Speech Communication. Fundamental, Speech Perception Theory and Technology. Boston. 1999. -404 p.

Раздел 6 Дебют

(научные публикации студентов специальности «Культурология»)

Е.В. Бобкова, М.А. Миловзорова

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК (1871-1917): ОБРАЗ ГОРОДА В КУЛЬТУРНЫХ ТЕКСТАХ ЭПОХИ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Данная публикация представляет собой краткое изложение основных результатов исследования, проведенного в рамках выполнения квалификационной работы бакалавра культурологии, которое в дальнейшем должно стать издательским проектом. Привлекая как известные, так и мало изученные тексты (не только вербальные, но и визуальные), автор создает в чем-то новый, более глубокий в своем содержании образ дореволюционного города.

В настоящее время усиливается интерес к репрезентации образов городов России с целью создания новых универсальных и востребованных обществом и культурой брендов, которые представляют собой поиски или создание, порой переходящее в мифологизацию, новых образов места.

Последнее десятилетие характеризуется попытками сконструировать новый образ и Иванова (как в целом, так и относительно разных эпох его существования). Часто создаваемые образы города различных эпох основываются на осмыслении и систематизации ранее накопленного краеведческого материала и статистических данных.

На наш взгляд, образ, сложенный лишь из документальных данных, имеющих лишь статистический характер, нельзя считать полным. Образ города складывается в результате анализа комплекса восприятий его отдельными индивидуумами, причем такой образ оказывается более живым и ярким, поскольку он рождается в процессе глубокого анализа и эмоционального переживания видимого объекта. Безусловно, впечатления, производимые городом, не имеют однозначного характера и могут быть сугубо индивидуальными, тем не менее, эти впечатления содержат в себе ценный компонент, позволяющий дополнить образ города существенными штрихами. Поэтому для того, чтобы конструировать и анализировать образы, необходимо искать новые методологические позиции, которые позволят прочитать новые смыслы в источниках изучаемой эпохи.

Прежде всего необходимо обращение к понятию «культурный текст», подразумевающему, что источником для репрезентации прошлого может служить не только литературный текст, но и любые созданные человеком – свидетелем изучаемого периода – формы. В таком случае источником изучения становится и живопись, и фотография, и фольклор, и даже предметы быта и детали одежды – в общем, все, что содержит в себе какой-либо смысл. Задачей исследователя становится поиск этих смыслов.

Дореволюционный период существования города представляется нам в обозначенном аспекте понимания наиболее интересным, так как основы своеобразной городской культуры Иванова складывались именно тогда, и в настоящее время многие аспекты этой культуры, так же как и связанные с ними «образы культуры», являются не в полной мере «прочитанными».

На данном этапе работы, отобрав и проанализировав источники, мы приходим к заключениям, которые существенно отличаются от традиционных выводов, представленных в советских и современных изданиях.

Образ города является многоплановым, он складывается из нескольких характеристик, являющихся объектом рефлексии горожан – это факторы культурно обусловленного пространства (ландшафтный фактор, архитектурная среда города), а также гуманистический, человеческий фактор.

Мы можем сказать, что на первом этапе своего существования Иваново-Вознесенск имел чрезвычайно своеобразный характер и уникальное лицо, что связано с ситуацией становления города. По всем внешним параметрам Иваново-Вознесенск, несомненно, производил впечатление крупного и непровинциального города, «Русского Манчестера» со всеми социальными драмами, имеющего все черты капиталистической городской среды, характерной в основном для столицы. Действительно, промышленность стала доминантой в определении путей развития и складывания облика Иваново-Вознесенска. Поэтому очень часто свидетели становления фабричного характера городского пространства описывали город, видя в нем лишь отрицательные черты и рисуя город только в темных и мрачных тонах, что они объясняли последствиями развития промышленности. Зачинателями такого «черного» мифа об Иваново-Вознесенске можно считать Филиппа Нефедова и Василия Рязанцева, Михаила Артамонова, Анну Баркову и др.

Однако другие ивановские поэты (Д. Семеновский, А. Ноздрин и др.) представляют город в необычных, для современного сложившегося о нем мнения, образах. Очень часто в лирических произведениях поэтов город предстает не в образе «промышленного гиганта», а рисуется как облик милой сердцу родины. Здесь интересно то, что в пространственном и ландшафтном образе города подчеркивается не индустриальная составляющая, а наоборот, архаичная, соприродная. Это свидетельствует о том, что в пространстве города соседствуют, сосуществуют, в странных, иногда непротиворечивых, но чаще трагически контрастных отношениях городская и сельская культура, природа и машинная цивилизация.

Это позволяет сделать вывод о том, что Иваново-Вознесенск нельзя было в полной мере назвать городом. И этим объясняется противоречивый характер архитектурной среды города, с одной стороны капиталистической (многочисленные фабрики и особняки фабрикантов), а с другой – традиционной (с характерными для сельской местности жилыми постройками и общественными местами), что становится основанием для своеобразной трагедии, заключающейся в местном конфликте природы и цивилизации. Любование красотой природы, которое является постоянным мотивом лирики поэтов и художников, вступает в конфликт с чувствами другого порядка – страхом перед мощью промышленного центра, перед неизбежной сменой вектора исторического развития. Город дает ощущение новых ритмов жизни, которые являются в какой-то момент предметом ненависти, а с другой стороны, гордости.

Городское пространство неотделимо от его человеческого содержания, наполнения, оно конструируется им. Именно это наполнение создает стиль жизни города, задает динамику и уникальный вектор развития места, наполняет город жизнью и является своеобразным посредником в контакте между местом и историей.

Социальная среда города имела довольно сложный характер, выраженный в ощутимом контрасте культурных форм существования и придававший неоднозначную динамику городской жизни.

Вопреки сложившемуся мнению об Иваново-Вознесенске как «гиблом месте», где нет никакой надежды на культурное и общественное развитие, где также отсутствует культурная самоидентификация и самосознание ивановского рабочего, динамика городской жизни имела целую систему взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, которые порой противостояли, а порой взаимодополняли друг друга, но, в целом, представляли уникальную сложную картину человеческой составляющей образа дореволюционного Иваново-Вознесенска.

Так, несмотря на тяжелейшие условия труда и жизни ивановских рабочих, связанные с фабричными буднями, образ типичного ивановца представлен в литературных текстах дореволюционного Иваново-Вознесенска в совокупности положительных характеристик, среди которых особо выделяются: честный и прямой характер, открытая душа, трудолюбие, ответственность и жизнерадостность.

Дореволюционные репрезентативные визуальные источники, а именно фотографии, запечатлевшие ивановцев, позволяют говорить о том, что ивановский обыватель рубежа веков имел свое представление об образе цивилизованного человека. Соответствовать этому представлению стремились даже те слои населения города (небогатые мещане, вчерашние крестьяне), которые не были включены в высококультурные повседневные практики. Кроме того подобные источники демонстрируют, что для многих жителей Иванова городская цивилизация и культура была нормой повседневности, в первую очередь для «городской аристократии» (семей фабрикантов, инженеров, некоторых представителей купечества), чьи фотографии ярко отражают влияние современной моды, столичных эстетических вкусов и культурных привычек. Можно возразить, что эти образы являются контрастными по отношению к образам нищеты и бесправия человека (рабочего), что их место не так значительно в иваново-вознесенской культуре, но, так или иначе – это тоже образы «человека места», гораздо более привлекательные, чем образы готового разрушить существующий мир пролетариата, запечатленного в литературе. И хочется верить, что хотя бы какой-то период времени городская культура существовала благодаря неустойчивому, но имевшему место, балансу этих контрастных человеческих образов, а может быть, образы «человека цивилизации» служили культурными ориентирами для демократического большинства.

Образ дореволюционного Иваново-Вознесенска представлял собой очень сложную и интересную картину, требующую нового осмысления и более глубокого изучения. Обилие впечатлений и эмоций, которые город оставлял о себе в сердцах как жителей, так и гостей города, позволяет сделать вывод о том, что Иваново-Вознесенск был чрезвычайно интересен для наблюдателя, и различные его черты складывались в уникальный образ, более противоречивый, чем гармоничный, но, во всяком случае, особенный и неоднозначный.

На наш взгляд, подобные наблюдения над образом города в различные эпохи его существования могут стать основой для подготовки нового имиджевого издания, посвященного городу, отличающегося от прежних содержательным культурологическим и культурно-историческим подходом.

Е.С. Галкина, Н.М. Губина

А.И. КОНОВАЛОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Ивановский государственный химико-технологический университет

Работа посвящена исследованию деятельности Александра Ивановича Коновалова - известного костромского фабриканта, предпринимателя и политика нового либерального типа, экономиста и идеолога российского предпринимательства, сыгравшего особую роль в социально-экономической и политической жизни России начала XX века. Предпринята попытка реконструировать картину общественной и социокультурной деятельности А.И. Коновалова на предприятиях в Костромской губернии, органической частью которой стало осуществление программ, направленных на партнерство предпринимателя и рабочего, на формирование нового образа жизни и новых социокультурных практик рабочих и служащих его предприятий.

Становление и развитие предпринимательства в любом обществе происходит под влиянием исторически сложившихся экономических, политических и социокультурных обстоятельств. Роль первых двух факторов в развитии предпринимательской деятельности изучена достаточно обстоятельно, однако социокультурные детерминанты попадали в фокус исследовательского интереса гораздо реже. Между тем благодаря деятельности провинциальных фабрикантов и заводчиков, создавалась не только экономическая основа, но и формировался целостный социально-культурный облик российского государства в конце XIX – начале XX вв.

В связи с этим исключительно привлекательной для исследователя является фигура одного из самых известных российских предпринимателей начала XX века – Александра Ивановича Коновалова, известного костромского фабриканта, предпринимателя и политика нового либерального типа, экономиста и идеолога российского предпринимательства, сыгравшего особую роль в социально-экономической и политической жизни России начала XX века. Александр Иванович – личность незаурядная. Он блестящий предприниматель, хозяин крупнейшей в России текстильной империи, созданной из небольшого семейного предприятия в абсолютной глуши, в ничем не привлекательной и безвестной костромской глубинке. В 1905 – 1908 – он председатель Костромского комитета торговли и мануфактур, к 1917 г. – депутат и товарищ председателя IV Государственной Думы, в 1917 г. – Министр промышленности и торговли во Временном правительстве. Он создал свою особую модель предпринимательства и пытался реализовать ее не только на семейном предприятии, но и по всей России. Всей своей деятельностью он опровергал широко распространенный тезис о том, что в среде российских предпринимателей не был популярен дух предприимчивости, решимости, стремления к риску, соединенного с точным расчетом. В модели предпринимательства, реализованной Александром Ивановичем Коноваловым, во всех его проектах присутствуют вера в прогресс, уважение к науке и культуре.

Свои идеи А.И. Коновалов реализовывал на нашей, ивановской земле, тогда бывшей частью Кинешемского уезда Костромской губернии. Создание Ивановской области как субъекта Российской Федерации, 90-летие которой мы в этом году отмечаем, стало возможным и потому, что кроме крупного промышленного узла в Иваново-Вознесенске и вокруг него, на севере региона в начале XX века благодаря

стараниям Коновалова и других костромских предпринимателей возник еще один большой промышленный район – Вичугский.

В этот период благодаря беспрецедентной деятельности А.И. Коновалова в фабричных поселках Бонячки и Каменка Кинешемского уезда Костромской губернии, в которые постепенно превращались бывшие сельские поселения, активно формировались элементы промышленной инфраструктуры и социокультурной среды, характерные для современного индустриального города. В их рамках жители получили возможность осуществлять необходимые для повседневной жизни фабричного рабочего практики (трудовые, социальные, духовные, религиозные, досуговые и т.д.), удовлетворить новые, возникшие в связи со сменой сельского образа жизни на городской, потребности: в жилье, питании, отдыхе, общении. Александр Иванович понимал, что, только создавая благоприятные условия труда и быта для рабочих, можно добиться успеха и в производстве, и в отношениях с рабочими. Коновалов хотел сделать русского рабочего грамотным, культурно образованным, равным промышленнику и работодателю партнером. Это главные идеи, которые составляли его предпринимательское кредо. Попытаемся выявить формы социокультурной деятельности А.И. Коновалова в Кинешемском уезде Костромской губернии, там, где находился основной локус его предпринимательской деятельности.

Как известно, первоначальный период индустриализации, где бы он ни происходил, был сопряжен с проблемой формирования новых типов урбанизированных поселений, способных обеспечивать проживание, необходимые коммуникации, снабжение продовольствием, охрану здоровья, обучение быстро растущей рабочей силы, систем социальной поддержки престарелых, больных, сирот и т.д. В конце XIX в. тема строительства жилья для рабочих стала одной из самых актуальных не только в России, но и во всем мире. По мысли Коновалова новым должно было стать не только производство, новой должна была стать и среда проживания рабочих и служащих компании. Строительство, понятое как обновление среды и жизни рабочих, имело для предпринимателя особое значение. Он стремился реализовать на практике свое понимание жилой среды как важнейшего инструмента образования и культурного развития своих сотрудников.

Новые поселки для трудящихся включали в себя все функции жизнедеятельности – «труда», «быта» и «отдыха». Для рабочих и служащих строились общежития, казармы, жилые дома. По данным юбилейного сборника товарищества, к 1911 году для размещения рабочих при фабрике в Бонячках имелось шесть бесплатных казарм: три для холостых и три для семейных рабочих, обеспеченных почти не встречающимися в массовой жилой застройке того времени электрическим освещением, водопроводом и паровым отоплением. В каждом общежитии имелись кухня, общая столовая, спальни. В одной версте к северу от фабрики к 1911 г. был выстроен специальный поселок для рабочих - «Сашино». Это один из ранних примеров массового малоэтажного строительства. Восемь параллельных улиц были застроены 120 одноэтажными рублеными домами трех типов с земельными участками. К западу от фабрики был возведен меньший по размерам поселок «Сережино», возникший в связи с постройкой новой больницы, для конторских служащих и низшего медицинского персонала.[1] Рабочие, которым места в казарме или в поселке не хватало, получали прибавку к жалованию, так называемые, квартирные деньги: до 1909 года эта прибавка составляла 1 рубль на человека,[2] затем ее размер увеличивался дважды и к 1914 году достиг 2 руб. 50 коп.[3]

О медико-санитарных условиях на подавляющем большинстве фабрик и заводов России того времени писали, что они не удовлетворяют «самым простым требованиям».[4] При работе в среднем по 11 часов в условиях, не соответствующих

санитарно-гигиеническим нормам и правилам техники безопасности, у ткачей, прядильщиков, слесарей и т.д. развивалось множество болезней. Из выявленных нами архивных материалов следует, что на 1916 год преобладающими болезнями у рабочих были «грипп, ревматизм, лихорадка и наружные повреждения».[5] Коновалов предпринял огромные усилия по реализации удивляющего своей масштабностью медицинского проекта поддержания здоровья рабочих в фабричных поселках, услугами которого могли пользоваться представители всех слоев населения, причем бесплатно. В его родных Бонячках, во вчерашней деревне, даже по тем временам остававшейся глухой провинцией, появляется большая двухэтажная больница, состоящая из трех отделений (хирургического, терапевтического и сифилитического), обеспеченная сложной техникой, дорогим медицинским оборудованием. В больничном комплексе имелись и вовсе уникальные медицинские возможности для восстановления здоровья рабочих - водолечебница, электролечебница, рентгеновский кабинет, лаборатория для производства всевозможных химико-бактериологических исследований. Систему медицинского обеспечения растущего фабричного поселка дополняли учреждения для хронических больных и престарелых. Практически такими же возможностями был обеспечен медицинский комплекс в местечке Каменка.

Предпринимателям региона для совершенствования социокультурной инфраструктуры растущих поселений и во избежание острых забастовочных конфликтов необходимо было решать и вопрос о достойной заработной плате рабочих. Архивные материалы, в частности «Опросные листы о заработке рабочих», дают нам сведения о среднем дневном заработке рабочих различных специальностей Товарищества на октябрь 1915 г. Минимальный дневной заработок в этот период составлял 59 коп. (сортировщик), максимальный – 1 руб. 85 коп. (ткацкий подмастерье). Средний дневной заработок коноваловского рабочего составлял 1 руб. в день. Следовательно, месячная средняя зарплата рабочего составляла около 20-30 руб. в месяц. Это было минимум в полтора раза больше, чем на других предприятиях Иваново-Вознесенского края[6].

На предприятиях А.И. Коновалова была очень тщательно проработана система подготовки квалифицированных рабочих кадров. Выявленные нами архивные документы свидетельствуют о том, что фабричные школы кампании, как правило, размещались в специально построенных помещениях, которые лучше отвечали своему функциональному назначению, чем приспособленные помещения. При них существовали укомплектованные библиотеки, выдавались учебные пособия и книги для внеклассного чтения (бесплатно).[7] Сначала в них детям преподавался Закон Божий, русский и славянские языки, примитивный счет[8], потом в программу обучения постепенно стали входить геометрия, черчение, физика.[9] Кроме теоретических занятий в ремесленном училище, функционировавшем с 1889 г. по 1906 г., были организованы практические занятия.[10] Для обучения детей рабочих и служащих Каменской фабрики в селе Семигорье была открыта начальная сельская школа с трехлетним курсом обучения. В 1903 г. для удовлетворения потребности в среднем образовании детей фабричных служащих на средства И.А. Коновалова было выстроено Реальное училище в Кинешме.

Товариществом было сделано очень много и для просвещения взрослого населения. Для него проводились чтения на религиозные и литературные темы, занятия по истории, географии, естествознанию, гигиене, медицине и прикладным наукам.[11] Они организовывались при школах (для рабочих) [12] или в специально отведенных зданиях с танцевальным залом, гостиной, биллиардной, библиотекой, карточной комнатой и буфетом (для служащих).[13]

А.И. Коноваловым была задумана идея строительства уникального Народного дома для рабочих. Упоминания об этом имеются в документах 1914 г. «Считаю не-

обходимым подтвердить состоявшееся еще ранее мое решение с осени 1915 г. приступить к постройке Народного дома» - писал здесь А.И. Коновалов.[14] Предполагалось, что в здании будет располагаться читальня на 150 человек, чайная на 175 человек, два класса по 60 человек и два – по 48, а также зрительный зал на 900 человек и фойе на 200 человек.[15] В связи с первой мировой войной завершить полностью свой замысел А.И. Коновалов не успел, но к 1917 г. проект был уже в такой степени готовности, что новая власть сумела его довести до конца даже в последующие трудные годы.

Осенью 1912 г. Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с Сыном праздновало столетний юбилей. В журнале «Промышленность и торговля» в связи с этим событием было опубликовано две статьи. Первая – «Столетний юбилей фирмы А.И. Коновалова» – была посвящена истории возникновения и развития семейного предприятия,[16] а вторая – «Чествование столетнего юбилея Товарищества Мануфактур Ивана Коновалова с Сыном второго сентября 1912 г. в Москве» – непосредственно юбилейным торжествам.[17] В них подчеркивалось «теплое отношение рабочих к руководителям дела и, в особенности, к председателю правления товарищества – Александру Ивановичу Коновалову».[18] «…Еще нигде в России рабочие и служащие не пользовались таким исключительным вниманием со стороны хозяев. Ваше повседневное отношение к служащим нам хорошо известно; если у кого есть горе, неудача, нужда, он смело идет к Вам и находит и нравственную поддержку и помощь…», – выражали свою признательность рабочие.[19]

Основные торжества проходили в Москве, но и в фабричных поселках Бонячки и Каменка юбилей отмечался так же празднично и масштабно. Празднования везде отличались пышностью, «невиданной даже для Москвы» и длились две недели[20]. Проводились божественная литургия, молебны, освящение новой больницы, родильного дома и яслей. Для рабочих устраивались торжественные обеды и народные гулянья. Всем рабочим и служащим были вручены подарки: юбилейные часы или чайный сервиз, те же рабочие, кто прослужил на фабрике больше года, кроме этого получали юбилейные наградные деньги.[21] По случаю столетнего юбилея различными общественными и торгово-промышленными организациями и отдельными группами лиц было учреждено 14 стипендий имени Товарищества и имени Александра Ивановича Коновалова. Девять из них выдавались учащимся Кинешемского Реального Училища, три – студентам Московского Коммерческого Института и две – студентам Московского Императорского Технического Училища.[22]

А.И. Коновалов отличался стремлением к улучшению условий труда и быта своих рабочих и служащих, даже в ущерб не только собственному благополучию, но и финансовым показателям фирмы. Большая часть прибыли, получаемая на вичугских фабриках, им сознательно возвращалась рабочим и служащим в виде тех или иных социальных программ. Вследствие этого относительная прибыль на фабриках Коновалова была в 2-4 раза ниже, чем у остальных фабрикантов и обычно составляла от 1-го до 5-ти % от основного капитала (в отличие, например, от другого местного предпринимателя И. Кокорева, прибыль которого составляла 8-20%).[23]

Примечания

1 Товарищество мануфактур И.Коновалова с Сыном 1812 – 1912г. Краткий исторический очерк. М., 1912. С. 52.

2 ГАИО. Ф. 138. Оп.1. Д. 960. ОЦ. Л. 40.

3 ГАИО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3428. Л. 2.

4 Пирогов В. Очерки фабрик Костромской губернии: производство по обработке

волокнистых веществ. Кострома, 1884. 185 с. С. 164.// http://www.liveinternet.ru/users/1259518/.

[5] ГАИО. Ф. 807. Оп. 1. Д. 8. Лл. 5-5об.

[6] ГАИО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3429. Л. 20.

[7] ГАИО. Ф. 138. Оп.1. Д. 127. Л. 11 об.; Там же, Д. 3870. Л. 1; Там же, Д. 4882. Л. 1.

[8] ГАИО, Ф 138. Оп 1. Д № 127. Об открытии начального народного училища в д. Бонячки для детей, работающих на фабрике А.П. Коновалова (1878 г.). Л. 11.

[9] ГАИО, Ф 138. Оп. 1. Д 4882. Программа и материалы Бонячкинского училища. Л. 5.

[10] Товарищество мануфактур И.Коновалова с Сыном 1812 – 1912 гг. Краткий исторический очерк. М., 1912. С. 52.

[11] Там же. С. 54.

[12] ГАИО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3470. Л. 1.

[13] Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с Сыном. Краткий исторический очерк. М., 1912. С. 55.

[14] ГАИО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3428. Л. 2.

[15] ГАИО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3870. Лл. 1-1 об.

[16] Столетний юбилей фирмы А.И. Коновалова. // Промышленность и торговля. Петроград, «Ассоциация», 1912. № 17. С. 158-61.

[17] Чествование столетнего юбилея Товарищества Мануфактур Ивана Коновалова с Сыном второго сентября 1912 г. в Москве. // Промышленность и торговля. Петроград, «Ассоциация», 1912. № 18. С. 199-201.

[18] Там же. С. 199.

[19] ГАИО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2874. Л. 75.

[20] **Бурышкин П.А.** Москва купеческая. М., 1991. С. 279.

[21] ГАИО. Ф. 138. Оп.1. Д. 2874. Л. 38.

[22] ГАИО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2898. Л. 38.

[23] **Сметанин М.М., Ремизова Н.Г.** История фабрики «Красный Профинтерн». Иваново, 1994. С. 31.

М.А. Кириллова, Н.М. Губина

СОВРЕМЕННЫЕ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ Г. ИВАНОВА

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье анализируются современные культурно-досуговые практики, представленные на молодежной сцене г. Иванова. Методика социологического исследования, проводившегося на протяжении двух лет, была построена на принципах включенного наблюдения, а также фиксации форм культурно-досуговой активности молодежи с помощью предварительно апробированных анкет. Исследование показало, что современная молодежь, активно погружаясь в разнообразие существующих досуговых форм, тратя на это деньги и время, активно формирует свои жизненные стили.

Особенности социокультурного положения молодежи преломляются в ее досуге, который по сравнению с досугом других возрастных групп отличается разнообразием и преобладанием активных и развлекательных форм. Досуг необходимо рас-

сматривать как относительно самостоятельную сферу жизнедеятельности молодежи, содержание которой наполнено активностью, связанной с удовлетворением индивидуальных потребностей в развлечении, самосовершенствовании, творческой самореализации, удовлетворении интересов и желаний личности. Этимологически слово «досуг», на английском «leisure», означает позволение, разрешение. От последнего берет начало английское слово licsense (разрешение) и французское loisir (свободное время). Таким образом, слово leisure означает свободу действий. Именно так определяется данный термин в Оксфордском словаре.[1]

Колоссальный рост времени и места, которое досуг занял в жизни современного человека, привел к активизации исследовательского интереса к природе досуга, исторической эволюции его места и функций в жизни человека. Основным признаком досуга во всех концепциях становится «свобода для» интересной деятельности, а не «свобода от» правил человеческого общежития. Другим общим признаком для всех концепций является определенный набор занятий, предназначенных для отдыха, развлечений, физического и духовного развития человека.

С содержательной точки зрения современная досуговая деятельность представлена разнообразными формами досуговой активности, выступающими элементарными единицами содержательной типологии досуга:

Досуговая рекреация (отдых), т.е. «процесс восстановления психофизиологического баланса человеческого организма».

Развлечения - эта форма досуговой реабилитации и времяпрепровождения, которая внешне близка к рекреации, но содержательно вполне самостоятельна.

Досуговое общение, т. е. свободное (добровольческое) межличностное взаимодействие.

«Потребление культуры», т.е. восприятие и освоение накопленных человечеством культурных ценностей в ходе чтения, просмотра и прослушивания теле-, видео- и радиопередач, посещения зрелищных учреждений, выставок, концертов и т. д.

Игровая деятельность, т. е. «свободная деятельность, являющаяся формой самовыражения субъекта и направленная на удовлетворение потребностей в развлечении, удовольствии, снятии напряжений»[2].

Досуговый («любительский») труд, т, е. разнообразная трудовая деятельность, совершаемая в добровольном порядке и не имеющая товарной или бытовой ценности.

В наиболее полном виде сущность досуга проявляется в выполняемых им трех социальных функциях. Первая из них - функция реабилитации, восстановления израсходованных в ходе трудовой и бытовой жизнедеятельности сил. Вторая функция - развития личностных качеств человека, его творческой самореализации. Третья функция - поддержание социальной солидарности, известной сплоченности людей разных социальных статусов на основе общих для них досуговых традиций и интересов.

В последнее время в России увеличилось количество исследований, посвященных молодежи и молодежному досугу[3]. Исследования проводятся и в крупных городах, и в регионах[4]. По замечанию Б.А. Трегубова, особенности культурно-досуговой деятельности молодежи во многом обусловлены теми сложными и противоречивыми процессами, которые происходят в условиях нарастающей модернизации, развития научно-технической революции, кризиса основных институтов социализации, возрастающего разрыва между социальной и физической зрелостью молодого поколения, удлинением сроков обучения[5].

Традиционные институты социализации молодежи - семья, школа, молодежные организации - сегодня во многом утратили свои позиции. Молодые люди все

чаще перестают ощущать авторитет своих менее адаптированных к новым условиям родителей, неспособных передавать своим детям адекватный образ новой социальной реальности. Происходит значительное ослабление и другого института социализации - образования, функции которого определяются потребностями в социальном воспроизводстве и передаче накопленных знаний и навыков от поколения к поколению[6]. В настоящее время воспитательные структуры в системе образования в значительной степени разрушены.

Современные средства массовой коммуникации, приобретая глобальный характер, создают новый тип культуры, трансформируют структуры повседневности человека, вносят изменения в характер его деятельности и общения, смягчают социокультурные различия между людьми и типами поселений, обусловливают появление новых видов досуга.

В культурно-досуговой инфраструктуре Иванова, заметно трансформирующейся в последние годы под влиянием этих тенденций, можно сегодня весьма условно выделить несколько секторов. Прежде всего, **предприятия и организации «высокой» культуры с их мало изменившимся по сравнению с недавним прошлым набором возможностей (**театры, филармония, музеи, немногочисленные выставочные залы; детские и юношеские центры и школы искусств; дворцы и дома культуры). **Развлекательный сектор** представлен в нашем городе достаточно широко, но он еще значительно уступает по своей структуре столичному (кинотеатры и киноцентры, ночные и развлекательные клубы (например, «Экипаж», «Таганка», центр развлечений «Под крышей», развлекательный центр «Колизей», «Бриг», «Абриколь», «Атлант», «Дискавери», «Зеленый зал», «Ромео», Боулинг клуб «Бомба»); рестораны, кафе, бары, танцевальные клубы и студии; торгово-развлекательные дома и центры (например, ТК «Серебряный город»). **Растет и сектор спортивного досуга** (шейпинг-зал Ирэны Железновой, Фитнес-Центр «ДербенёвЪ», спортивные клубы «Точка», «Dialog Gym», «Нимфа», «Нега», «Империя красоты»»ИКС-ФИТ», «Энергия», «Форвард»,»Ультра», «Спорт - леди», «Парад», «RIO», «М-Плюс», «Елена», «Republik»). Это же направление досуга поддерживается сохраняющейся материальной базой спортивных федераций и ассоциаций. **Рекреационно-туристический сектор один из самых интенсивно развивающихся.**

В целях анализа досуга молодежи г. Иванова нами было проведено специальное социологическое исследование. Объектом исследования являлись молодые жители г. Иванова от18 до 23 лет. Целью исследования стало изучение характера и форм проведения ими своего досуга. Опрос проводился среди 200 человек – в основном, представителей студенческой молодежи г. Иванова. Дополнительными способами получения информации стали включенное наблюдение – посещение основных мест сбора представителей различных субкультур – и лейтмотивное анкетирование – 50 человек.

В качестве опросного метода нами было выбрано анкетирование, как самого информативного и распространенного метода социального измерения. Анкетирование проводилось анонимно в целях получения наиболее достоверной информации. Анкета включала открытые, закрытые, а также полузакрытые вопросы. Закрытые вопросы позволили более точно разделить мнения респондентов по заранее предполагаемым группам. С помощью открытых вопросов удалось получить дополнительную информацию, то есть ту, существование которой не учитывалось. Полузакрытые варианты ответов дали возможность разделить мнения опрашиваемых по предполагаемым группам, но с учётом индивидуальных особенностей респондентов.

В результате исследования нами были получены следующие данные: современная студенческая молодежь обладает незначительным объемом свободного времени:

2-3 часа - 45 %, 4-5 часа - 38 %. Это связано с тем, что многие в силу сложившихся обстоятельств стремятся в свободное время подработать, многие молодые люди занимаются на всевозможных курсах, получают второе высшее образование и т.д.

На вопрос: «Где Вы предпочитаете проводить свое свободное время?» ответы респондентов распределились следующим образом: дома - 49%, на улице - 21%, в гостях - 12% и другое - 18 % (в качестве другого чаще всего указывались посещения компьютерных клубов, кинотеатров, дискотек). Таким образом, налицо тенденция к «одомашниванию досуга». Перераспределение касается временных затрат, интересов, мотивации и затраченных средств внутри и вне дома. Это связано с изменением характера коммуникаций между производителем и потребителем ценностей культуры. Технологии лично-культурной деятельности обновляются быстрее публичных. Повышается роль второго жилища семьи. Дача, дом в деревне, садовый участок, жилище родителей воспринимаются как второй дом. Интенсивная нуклеаризация семьи и возникшие проблемы самообслуживания без кооперации со старшими родными сокращают время на посещение театров, парков, музеев, клубов. Кроме того, возросло время «общения с TV». В социологии появился термин «фонового» просмотра TV, слушания радио, совмещенного с работой на кухне, домашней трапезой и другими бытовыми делами.

Как показали результаты анкетирования, интересы и пристрастия молодого поколения в домашнем досуге отнюдь не замыкаются на одних развлечениях. Такие формы заполнения досугового пространства, как чтение, хобби, различные дополнительные занятия свидетельствуют о наличии значимой развивающей компоненты в досуговой деятельности современной ивановской молодежи. Причем наблюдается явное смещение досуговых интересов молодежи в сторону стремления к получению информации: по радио, телевидению, из периодической печати. Подавляюще большинство респондентов г. Иванова указывают, что они любят читать (69 %). Это является, безусловно, положительным фактом. Однако, сама структура читательских предпочтений не столь позитивна, очевиден чисто развлекательный уклон читаемой литературы.

Что касается «внедомашнего» досуга, то здесь на первый план выступает непосредственное общение, контакты с друзьями, сверстниками, совместные посещения концертов, дискотек, баров, кафе, ночных клубов, то есть активная развлекательная деятельность. 54% юношей и девушек, не обремененных семейной жизнью, свой досуг посвящают посещению дискотек, ночных клубов и т.п. Концерты, спектакли и т.п. регулярно посещают 39% молодежи. Увлеченность кафе, барами, ресторанами достаточно высока- 43%. В опросе молодежи г. Иванова при ответе на вопрос: «Какие зрелищные мероприятия Вы посещаете?» была предусмотрена возможность лишь одного варианта ответа, поэтому выбирали, очевидно, лидирующий вид досуга. Мнения отвечающих распределились следующим образом: кино - 38 %, театр - 10 %, концерты-20%, дискотеки - 32%.

В последнее время все большее количество времени занимают у современной молодежи компьютерные игры. С целью выявления так ли это, нами был поставлен следующий вопрос: «Какие игры Вам больше нравятся?» Ответы респондентов распределились следующим образом: логические игры (в т.ч. компьютерные) - 67 %, подвижные - 33 %. Вопрос, посвященный месту спорта в жизни респондентов показывает, что популярность спорта тоже высока: занимаются регулярно 37 % респондентов. Очевидно, спорт в жизни ивановской молодежи становится одной из базовых ценностей.

Развивающая компонента молодежного досуга проявляет себя в наличии таких форм проведения досуга, как посещение музеев, выставок, спортивных учреждений, занятий в кружках самодеятельности, в объединениях по интересам, клубном

движении. Тем не менее, пока не стоит переоценивать значимость этой стороны в жизни подавляющего большинства ивановской молодежи.

Как показало наше исследование, досуговая сфера г. Иванова сегодня действительно становится областью формирования ценностного сознания, социализации и становления личности молодого поколения. Современная молодежь, активно погружаясь в разнообразие существующих досуговых форм, тратя на это деньги и время, формирует свои жизненные стили. В каждом конкретном случае за маской определенной культурной идентичности стоят самые разные приоритеты и способы самореализации и самопрезентации.

Примечания

[1] Цит. по: Кэндо Т. Досуг и популярная культура в динамике и развитие // Личность. Культура. Общество. - 2000. Т. П. Вып. 1. С.288.

[2] Энциклопедический социологический словарь. - М., 1995. - С.205.

[3] См.: Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. - М.: Изд-во Институт социологии РАН, 2000. - 264с. Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004.-184 с. Щепанская Т.Б. Субкультуры // Современный городской фольклор. -М.: РГГУ, 2003. - 126 с. Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры.- СПб.: Наука, 1993. - 145 с.

[4] Батнасунов А.С. Досуг как сфера жизнедеятельности современной российской молодежи. - М.,2004.-143 с.; Котельникова Н.В. Инновационные тенденции в сфере молодежного досуга в современной России. Краснодар, 2003.

[5] Трегубов Б.А. Свободное время молодежи: сущность, типология, управление. - СПб., 1991. С. 33.

[6] См.: Григорьев С.И., Матвеева Н.А. Неоклассическая социология образования XXI века. - Барнаул, 2000. С. 67.

Д.В. Самотовинский, К.А. Афанасьева

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА ПЬЕРА ШАРРОНА — ОДНОГО ИЗ «ПОСЛЕДНИХ ГУМАНИСТОВ» ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена научной актуальности и перспективам изучения творчества выдающегося французского гуманиста эпохи Возрождения Пьера Шаррона (1541—1603), который был не только другом, но и последователем Мишеля де Монтеня. В отличие от наследия Монтеня, труды Шаррона практически не исследованы в отечественной науке, они не переводились на русский язык и не публиковались даже частично.

Творчество французского гуманиста, философа и теолога Пьера Шаррона (Charron) приходится на конец XVI — самое начало XVII в. В исторической науке этот хронологический отрезок относится к раннему Новому времени, а также к

концу эпохи Возрождения — периоду, когда творили так называемые «последние гуманисты», переосмыслившие многие идеи «классического» гуманизма (например, «антропоцентризм»). «Последним гуманистом» в отечественной науке называют Мишеля де Монтеня (1533—1592) [3]. Мы полагаем, что не менее обоснованно было бы признать «последним гуманистом» младшего современника и друга Монтеня — Шаррона. Если Монтеню в отечественной науке посвящены несколько десятков публикаций, то Шаррон удостоился лишь одного специального исследования (мы имеем в виду обстоятельную статью выдающегося исследователя культуры Возрождения во Франции Ю. Б. Виппера [1]). Оценка взглядов французского гуманиста даётся также в обзорных трудах по истории философии и французской литературы[1].

«Опыты», основной труд Монтеня, были полностью переведены на русский язык[2], неоднократно издавались и хорошо известны отечественному читателю. Трактаты Шаррона — до сих пор остаются недоступными для русскоязычного читателя, в том числе и для специалистов по культуре Возрождения. Цель нашей статьи — скромная: представить отечественному читателю интеллектуальный портрет французского гуманиста, выявить актуальность и наметить перспективы изучения его творчества, что будет делом нашего дальнейшего исследования.

Жизнь и творчество Пьера Шаррона. Шаррон родился в 1541 г. в Париже в семье книготорговца. Изучал право в университетах Орлеана и Монпелье. В 1571 г. ему было присвоена степень доктора права (docteur és droicts); несколько лет он выступал в суде. Разочаровавшись в судебной системе, Шаррон в 1576 г. начал изучать теологию, принял церковный сан и обрёл популярность как проповедник. В 1588 г. у него были серьёзные намерения стать монахом. В 1589 г. Шаррон, находясь в Бордо, познакомился с Мишелем де Монтенем, уже известным в качестве автора «Опытов»[3]. Между ними завязалась тесня дружба, основанная на духовной близости.

Тем временем во Франции продолжались кровопролитные Религиозные войны (1562—1598) между католиками (точнее — Католической лигой) и гугенотами. В 1589 г. Шаррон поддержал Лигу, затем, однако, убедившись, что её руководство ведёт Францию к гибели, выступил против неё.

В 1583 г. вышел в свет первый трактат Шаррона — «Три Истины — против атеистов, идолопоклонников, иудеев, магометан, еретиков и схизматиков» (Les Trois vérités contre les athées, idolâtres[4], juifs, mahométans, hérétiques, schismatiques). В этом сочинении гуманист приводил доказательства бытия Бога, показывал истинность христианства относительно иудаизма, ислама и истинность католицизма относительно протестантизма. Однако, как отмечают исследователи, даже в этом апологетическом трактате взгляды Шаррона далеки от ортодоксальных. Вслед за Монтенем (см. в частности его XII главу II книги «Опытов» «Апология Раймунда Сабундского») он утверждает, что опора на разум ведёт к отрицанию религиозных истин [1, с. 10]. Книга Шаррона вызвала нападки протестантов и заслужила одобрение видных деятелей католического лагеря. В 1594 Шаррон был назначен викарием епископа Кагорского, а затем получил должность каноника при соборе в Кондоме.

В 1601 г. были опубликованы его «Христианские рассуждения[5] о Божестве, Сотворении, Искуплении» (Discours chrestiens de la Divinité, Création, Rédemption) в трёх частях, посвящённых (1 часть) познанию Бога и поклонению ему, (2 часть) сотворению мира и (3 часть) искупительной миссии Иисуса Христа. В этом сочинении Шаррон развивает свою теологию — во многом в духе идей всё того же Монтеня. В этом же году вышел трактат «О мудрости» (De la sagesse) в трёх книгах, включавших 43 главы. Трактат представлял собой «сумму» философско-антропологических

представлений французского гуманиста. За идеи, противоречившие христианским догматам (в частности, за скандальные для той эпохи высказывания по проблеме бессмертия души), трактат в 1603 г. был осуждён Сорбонной. Обе этих работы были написаны, по-видимому, между 1596 и 1600 г. [1, с. 11]. Шаррон скончался 16 ноября 1603 г. Посмертно, в 1604 г., был опубликован его «Малый трактат о мудрости» (Petit Traicté de la sagesse), в котором Шаррон максимально кратко излагал идеи своего предыдущего труда, стремясь снять с себя обвинения в ереси. В этом же году увидело свет второе издание сочинения «О мудрости», текст которого был существенно переработан и лишён наиболее скандальных утверждений, противоречивших догматам католицизма [9, с. 4]. В 1635 г. увидело свет полное собрание сочинений Шаррона [7].

Полемика вокруг наследия Пьера Шаррона. Творчество Шаррона, его мировоззрение стали предметом многочисленных споров между учёными, изучающими историю мысли Возрождения. Как отмечает Ю. Б. Виппер, сложилось две традиции оценки Шаррона как мыслителя. Первая утверждает, что Шаррон (по крайней мере, начиная с 1590-х гг., после знакомства с Монтенем) — проповедник свободомыслия, рационалист, «последователь Монтеня». Этой точки зрения придерживается Ю. Б. Виппер, делая оговорки о том, что мысль Шаррона эволюционировала и далеко не сразу обрела вид гуманистической и рационалистической. Другие исследователи склонны видеть в Шарроне в целом ортодоксального католического мыслителя, который ставит перед собой задачу защиты католической веры от нападок «атеистов» и протестантов [1, с. 5—8].

Обе традиции находят основания для своих выводов в произведениях Шаррона, идеи которого для современного человека с его системой мировоззренческих координат могут показаться парадоксальными, противоречивыми, порой антиномичными. Исследователи, как правило, стараются акцентировать внимание на тех или иных произведениях и суждениях гуманиста и дать ему более или менее однозначную оценку. Примером этому может служить мнение авторов «Кембриджской истории философии XVII столетия». Они, рассматривая представления Шаррона о душе, её познавательных способностях, определили этого мыслителя как философа-скептика и «последователя Монтеня» [8, с. 961—962].

Перспективы дальнейших исследований. Неоднозначность оценок идей Шаррона свидетельствует о наличии поля для дальнейших исследований его творчества. Возможно, перспектива изучения наследия Шаррона связана с изменением проблематики, с тем, чтобы уделять больше внимания антропологии и этике гуманиста, его представлениям о человеческой природе, душе и теле, гениальности и безумии, о должном поведении, а также связи этих представлений с предшествующей гуманистической традицией, не исчерпывающейся Монтенем и не ограничивающейся Францией [4].

Трактат «О мудрости» и «Малый трактат о мудрости» являются великолепными источниками по антропологическим и этическим представлениям Шаррона. Гуманист посвятил эти трактаты «человеческой мудрости» (la Sagesse humaine), а также «способу обрести сию человеческую мудрость» [6, с. 823]. Согласно Шаррону, «мудрость» проявляется в особой ментальной ориентации и особом образе поведения человека. Первая заповедь мудрого, считает гуманист, — «познать себя и человеческий удел» (se cognoistre et l'humaine condition), вторая — «согласовывать свою жизнь внешне в соответствии с законами и обычаями» (regler sa vie au dehors selon les loix et coustumes) (т. е. человек должен быть внутренне свободен, но в то же время уважать внешние общественные условности ради гармоничного включения

в социум, который основан на этих самых условностях), также необходимо практиковать «постоянное освобождение от общепринятых заблуждений и страстей» (exemptions d'erreurs populaires et passions)[6] [6, с. 829] и «во всём следовать природе, то есть разуму, всеобщей справедливости» (suivre en tout nature, c'est à dire la raison, l'equité universelle) [6, с. 830]. Такова концепция мыслителя в предварительном и поверхностном изложении. Мы излагаем его концепцию таким образом для того, чтобы показать, что антропология Шаррона — крайне интересная и благодатная тема, изучение которой непременно приведёт к обогащению наших представлений об антропологии Возрождения.

Дальнейшее научное освоение творчества Шаррона связано не просто с изучением его произведений, но и с их переводом, комментированием и публикацией (пусть и постепенной). В настоящее время для этого сложились благоприятные условия. Текст трактата «О мудрости» оцифрован и размещён в двух версиях на сайте «Gallica», где доступен всем пользователем Интернета. Одна электронная версия создана на основе издания:

Charron P. De la sagesse, trois livres. Paris, 1961
(http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k878773).

Другая электронная версия — на основе издания:

Charron P. De la sagesse: trois livres. Paris, 1827
(vol. 1: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k207961j;
vol. 2: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k207962x;
vol. 3: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2079639).

К тому же на сайте размещена электронная версия ряда писем Шаррона, созданная на основе издания:

Lettres inédites de Pierre Charron. Paris, 1894
(http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k68109h;
http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k67207v).

Все электронные версии передают разбивку на страницы и нумерацию страниц изданий, послуживших источниками, что делает возможным ссылки на страницы.

В нашем распоряжении также имеется современное издание трактата «О мудрости» (издательство «Fayard», 1986), в качестве приложения к которому опубликованы «Малый трактат о мудрости» и «Христианские речи» [6]. В этом издании сохранена орфография ранненовофранцузского языка первых изданий, но, естественно, модернизирован шрифт [9, с. 4].

Примечание

1 Заметим, что П. Шаррону не уделено внимания ни в «Советской исторической энциклопедии» (1976), ни в «Большой Советской энциклопедии» (1978). Правда, в «Большой энциклопедии» (2006) статья о Шарроне всё же появилась. В этой статье, авторство которой не разглашается, нет ни перечня сочинений Шаррона, ни библиографии, что обусловлено принципиальной позицией издателей [5, с. 571].

2 Первый неполный перевод этого произведения вышел в России ещё в 1762 г.

3 Первые две книги «Опытов» вышли в 1580 г., а третья — в 1588 [2, с. 451, 454].

4 В статье Ю. Б. Виппера опечатка: вместо «idolâtres» — «isolâtres» [1, с. 9].

5 Или «речи», как предпочитает переводить Ю. Б. Виппер.

6 Шаррон пишет не «освобождение», а «освобождения» (exemptions), имея в виду, что это не одноразовый акт, а повторяющийся, перманентный, пожизненный. Поэтому мы сочли возможным дать перевод «постоянное освобождение».

Список использованной литературы

1. **Виппер Ю.Б.** Пьер Шаррон и его трактат «О мудрости» // Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1963. М., 1964.
2. **Коган-Бернштейн Ф.А.** Мишель Монтень и его «Опыты» // Монтень М. Опыты: В 3-х кн. Кн. 3. СПб, 1998.
3. **Косиков Г.К.** Последний гуманист, или подвижная жизнь истины // Монтень М. Опыты: Избр. главы. М., 1991.
4. **4. Ревякина Н.В.** Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново, 2000.
5. 5. Шаррон Пьер // Большая энциклопедия. М., 2006. Т. 58.
6. **Charron P.** De la sagesse. Paris, 1986.
7. **Charron P.** Œuvres complètes. Paris, 1635 (переиздание: Genève, 1970).
8. **Garber D., Ayers M., Ariew R.** The Cambridge History of Seventeenth-century Philosophy. Cambridge, 1998. Vol. 1.
9. **Negroni B. de.** [Introduction] // Charron P. De la sagesse. Paris, 1986.

Д.В. Самотовинский, О.В. Куренчанина

НАЧАЛО «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВНЕШНЕГО ВРАГА В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ (1945—1947 гг.)

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье на основе анализа вербальных и визуальных материалов газеты «Правда» делается попытка исследовать возникновение образа внешнего врага в советской пропаганде в 1945—1947 гг., когда вчерашние союзники по антигитлеровской коалиции медленно, но верно шли в своих отношениях к «холодной войне». Показывается, как первоначально «точечный», «дисперсный» образ врага, касавшийся отдельных политиков, политических кругов, превратился в целостный образ враждебного Запада во главе с США.

В годы «холодной войны» пресса была одним из основных средств пропаганды, в которой при помощи вербальных и визуальных (карикатуры, фотографии) средств власть формировала т. н. «образ врага» — внутреннего («враг народа», «космополит» и т. п.) и внешнего («капиталистический Запад», «американский империализм» и т. п.). Изучение образа внешнего врага позволяет по-новому осмыслить феномен «холодной войны» в целом. Именно в этом состоит научная актуальность нашей темы. Однако значимость изучения образа внешнего врага в начальный период «холодной войны» выходит за узкие научные рамки, поскольку подобное исследование позволяет нам лучше понять современные механизмы воздействия государства и различных политических сил на массовое сознание.

Образ врага — это виртуальная конструкция, создаваемая в массовом сознании с целью сформировать у людей привычки негативно реагировать на конкретных лиц, группы людей, целые общества. В современном социуме он формируется

государственной властью или другими организованными силами. Образ врага — психологический стереотип, позволяющий строить политическое поведение в условиях дефицита надежной информации о политическом оппоненте и о среде в целом [10, с. 222]. Мы считаем необходимым выделить несколько основных элементов образа врага: 1) объект (отдельные политики, общественные деятели, группы людей, целые общества и цивилизационные пространства); 2) концепция (модель образа врага); 3) средства, с помощью которых конструируется образ (вербальные средства — лексемы, высказывания относительно объекта; невербальные — визуальные изображения объекта).

С 1990-х гг. появились интересные исследования, посвящённые образу врага. Проблемой формирования образа врага в сознании участников Первой мировой войны занималась Е. С. Сенявская [11, с. 140—145]. Она использовала для своего исследования три основных вида источников, в которых отразились представления людей того времени о неприятеле: газеты, донесения и доклады, письма и дневники. Визуализацию образа внутреннего врага («буржуя») в советском плакате 1920-х — начала 1930-х гг. изучала Николаева М.Ф. [6, с. 70—88].

Исследованию образа врага в годы «холодной войны» посвящены исследования А.В. Фатеева — монография [14] и статьи [12, с. 2—10; 12, с. 7—12]. Хронологические рамки этих исследований: 1945—1954 гг. В своих работах ученый выделяет образы внешнего и внутреннего врага, прослеживает их изменения в зависимости от развития событий на международной арене и политики советского руководства. Ученый выявляет причины, условия возникновения и эволюцию образа врага, его формы и функции в различных сферах общественной жизни, цели его использования властью. Особый акцент А. В. Фатеев делает на исследовании практической деятельности органов советского пропагандистского аппарата и его отдельных руководителей, на то, как была поставлена пропаганда и какие органы её осуществляли. Исследователь опирается на архивные источники, широкий круг партийных документов, а также материалы периодической печати. Однако, на наш взгляд, А. В. Фатеев практически не использует возможности визуальных материалов, хотя и применяет в своём исследовании в качестве источника, например, журнал «Крокодил». С этим, на наш взгляд, связано и то, что в исследовании недостаточно разработан культурологический аспект образа врага, т. е. мало уделяется внимания самому его конструированию, тем вербальным и невербальным средствам, с помощью которых в массовом сознании формировался образ враждебного западного мира.

Цель данной работы — изучить образ внешнего врага, сложившийся в сознании советских людей в начальный период «холодной войны». Хронологические рамки исследования охватывают период с осени 1945 г. по осень 1947 г., когда, на наш взгляд, формируется образ врага (т.е. образы отдельных одиозных личностей и политических кругов постепенно трансформируются в образ враждебного Запада во главе с США). В качестве источников мы использовали советскую газету, с помощью которой государство формировало в сознании советских граждан миф о Западе. Миф — обобщенное представление о действительности, соединяющее реальность с вымыслом и несущее в себе нравственные, эстетические и политические установки. Следовательно, считать прессу достоверным источником информации о реальных событиях нельзя. Но в ней достаточно полно представлен миф о внешнем враге, образ внешнего врага, который формировало государство [4, с. 248—286]. Особый интерес для исследования представляет газета «Правда», которая являлась официальным печатным органом ЦК КПСС и отражала в наиболее чистом виде точку зрения власти и ее установки по ведению пропаганды.

Сразу после окончания Второй мировой войны, победы над общим врагом, между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции возникли противоречия, касавшиеся послевоенного устройства мира. Эти противоречия ещё не были столь явными и сглаживались обеими сторонами. Поэтому образ внешнего врага сначала имел «точечный», «дисперсный» характер — как враги преподносились отдельные политики и политические круги. Особую роль в пропаганде играл приём отождествления антисоветских персонажей с фашистами. Ярким примером здесь может послужить карикатура в «Правде» (от 18 октября 1945 г.) под названием «Новый Геббельс», под которым подразумевается Ялчин [6, с. 4]. Врагов СССР обряжали в фашистов не случайно: фашизм был ненавистен советским людям и людям всего мира как нечто бесчеловечное, отвратительное, мерзкое и крайне опасное.

Речь Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. спровоцировала усиление пропаганды, направленной на формирование образа внешнего врага. В своей речи Черчилль обрисовал новую схему международных отношений, в которой СССР занимал место не союзника, а противника. Дискредитацией выступления Черчилля занялся лично И. В. Сталин. 14 марта 1946 г. в «Правде» было опубликовано интервью вождя относительно речи Черчилля в Фултоне. В нем И. В.Сталин расценивает речь Черчилля как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и осложнить их сотрудничество. Он не скупится на выражения и называет Черчилля поджигателем войны, клеветником, лгуном. Сталин заявляет, что английский политик не одинок, у него имеются друзья не только в Англии, но и в США. Он утверждает, что установка Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР. Образ британского политика дегуманизируется (обретает зооморфные черты) — Черчилль «бросает ядом». Более того, британский политик прямо сравнивается с Гитлером (!) [3, с. 1]. Таким образом, антизападная пропагандистская машина стала набирать обороты. В сознании советских людей сложился образ внешнего врага — пока «точечный», «дисперсный».

Но с течением времени советская пропаганда создаёт образ целой «команды поджигателей войны», т. е. образ внешнего врага обогащается и приобретает целостность. В качестве врагов изображаются ведущие западные державы и политики — «…те же фашисты, на каком бы языке они не разговаривали…» [1, с. 3]. Они являются источником угрозы и агрессии, стремятся развязать новую войну — именно в этом заключается их схожесть с фашистами. Таким образом, советские пропагандисты опять используют клеймо фашизма как вербальное средство конструирования отталкивающего образа. Роль агрессоров подчёркивается через словесные штампы (эмоционально насыщенные, оценочные лексемы): «разжигатели войны», «команда поджигателей», «фашисты», а также через визуальные символы. Наиболее ярким примером является карикатура от 7 ноября 1946 г., которая так и называется: «Команда поджигателей войны». Эта карикатура интересна и тем, что в ней, как и во многих других, через «язык внешнего облика» врагу приписывается роль капиталиста-буржуя, маркерами которой являются полная фигура (или зловещая, хищная сухопарость), а также цилиндр, фрак [5, с. 6]. Использование подобного образа «буржуя» не случайно. Сформированный ещё довоенной пропагандой, он был уже хорошо знаком советским людям, о чём ярко свидетельствует исследование М. Ф. Николаевой [6, с. 70—88]. В карикатуре от 1 мая 1947 г. под названием «Оптический обман» черты «буржуя» приписываются Черчиллю, который предстаёт перед читателем газеты как толстяк с сигарой, в цилиндре, тёмном костюме. Также на данной карикатуре капиталистом-буржуем представлен Дядя Сэм — образ США. Его внешность отталкивает: острый хищный нос и подбородок с козлиной бородкой, костлявые и тощие пальцы, злое и

хищное выражение лица. Он стоит на рабе, закованном в кандалы, что символизирует порабощение и угнетение [8, с. 4].

Летом 1947 г., когда Европа определилась с планом Маршалла, мир окончательно раскололся на два лагеря: с одной стороны, «клиенты» США, с другой, — сателлиты Советского Союза. Противником для СССР становится «западный блок» во главе с Соединенными Штатами. 26 июля 1947 г. в газете «Правда» была напечатана карикатура под названием «Как некоторые американские мистеры представляют себе путь к «Объединению Европы». За рулем легковой машины-катка сидит «американский мистер» — уже знакомый нам буржуй-капиталист: важный, невозмутимый, в костюме, в шляпе и с сигарой. Его машина-каток давит жалкие деревянные таблички с надписью «СУВЕРЕНИТЕТ» [8, с. 4]. Осенью 1947 г. в «Правде» появилась карикатура под названием «“Дружное” голосование по американской команде» [2, с. 3]. На ней мы видим представителей стран, относящихся к «западному блоку». Они, будучи марионетками, руководимыми заокеанскими хозяевами, «дружно» голосуют за «план Маршалла», который рассматривался советским руководством и пропагандой как проявление экспансии США в Европе.

Таким образом, в советской пропаганде формируется образ единого «империалистического/капиталистического лагеря» во главе с бесспорным лидером (США). Этот лидер — «голова» империалистического чудовища и его олицетворение — становится основным объектом внимания советских пропагандистов.

Список использованной литературы

1. Выступление т.т. Галактионова, Симонова и Эренбурга на митинге в Нью-Йорке // Правда. 1946. №129 (10211).
2. «Дружное» голосование по американской команде // Правда. 1947. №271(10662).
3. Интервью тов. И.В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 1946. №62 (10144).
4. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / А. К. Соколов, Ю. П, Бокарев, Л. В. Борисов и др. Под ред. А. К. Соколова. М., 2004.
5. Команда поджигателей войны // Правда. 1946. №265 (10347).
6. **Николаева М.Ф.** Риторика и приёмы визуализации образа врага (на материале советского политического плаката 1920-х — начала 1930-х гг.) // Философский век. Альманах. Вып. 22. Науки о человеке в современном мире. Часть 2 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 2002.
7. Новый Геббельс // Правда. 1945. № 249 (10020).
8. Объединение Европы // Правда. 1947. №192 (10583).
9. Оптический обман // Правда. 1947. №106 (10497).
10. Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.
11. **Сенявская Е.С.** Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. №3.
12. **Фатеев А.В.** Державный патриотизм времен позднего сталинизма // Преподавание истории в школе. 1995. №7.
13. **Фатеев А.В.** Как создавался образ врага: у истоков холодной войны // История. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 1996. №3.
14. **Фатеев А.В.** Образ врага в советской пропаганде. 1945—1954 гг. М., 1999.

Е.В. Суверина, О.Н. Масленникова

КУЛЬТУРА КАК БОЛЕЗНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА: «СТЕПНОЙ ВОЛК», ИГРАЮЩИЙ В БИСЕР

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье предложена попытка интерпретации феномена культуры XX-XXI веков через призму художественных произведений Германа Гессе, а также указывается на их весомое культурологическое значение.

«Теперь только понял я его смех, смех
бессмертных. Он был беспредметен, этот смех,
он был только светом, только прозрачностью,
он был тем, что остается в итоге, когда подлинный
человек, пройдя через людские страдания,
пороки, ошибки, страсти, недоразумения,
прорывается в вечность, в мировое пространство».
(Г.Гессе, «Степной волк»)

Литература была, будет и останется отражением времени, пусть даже искаженным и субъективным, ибо гении, пишущие о той или иной эпохе, (вос)создают не только происходящее или произошедшее, но и, что немаловажно, формируют отношение к этому, зарождающееся в умах очевидцев, первопроходцев и абсолютно незаинтересованных в этом людей. Отражение это под разными углами падает на настоящее и будущее, оставляя «следы», которые «неотторжимы от нашего текущего сегодняшнего бытия, и, так или иначе, обуславливают наше завтра» [1,с.5]. Поэтому сколь бы не обвиняли художественно-литературные источники в погрешности исторических фактов и личностном их изложении, они останутся одними из наиболее четких и явных «следов», ведущих в наше настоящее.

Двадцать первый век, проходящий под знаком технократии, постмодерна и массового помешательства, смешал в себе все течения, законы, моральные принципы и традиции..… Памятуя об ошибках и потрясениях века двадцатого, он упорного отрицает всякую связь с прошлым, создавая новое время и новых людей. В сущности, мы возвращаемся к идее некоего переиначенного сверхчеловека, созданного почти полтора века назад Фридрихом Ницше. Это человек, возомнивший себя научно-техническим богом, «стоящий по ту сторону добра и зла, господин своих добродетелей, обладатель огромного запаса воли»[2, с.337], воли к власти! Забыв про «метафизическое утешение» или «необходимый коррелят науки» - искусство, двадцать первый век продолжает творить технократически-рационально-массового сверхчеловека, способного одной волей к власти достичь небывалых высот. «Утешительная иллюзия бессмертия духа» (Ф. Ницше) давно трансформировалась в некий массовый римейк, в котором за огромным количеством означающих уже невозможно найти первоисточник – культуру.

Поэтому истинная культура, если таковая имеется, человеком двадцать первого столетия воспринимается как нечто несуразное, выходящее за рамки традиционного, а в итоге – как плод нездорового воображения, более жестко – болезнь, от которой нужно избавиться, используя все «подручные» средства, и самое действенное из них – упрощение.

Все это неслучайно, ибо «следов», ведущих к этой очередной точке бифуркации или краху, было предостаточно. Одним из них был роман века двадцатого, о котором Д. Затонский напишет так: «Это книги, о которых сразу и не скажешь, что они такое: роман, автобиография, мемуары, дневники, сборник новелл или сборник эссе. «…» книги, ломающие и интегрирующие жанры, экспериментирующие со временем, обновляющие законы композиции, порождены характером эпохи» [1, с.10]. Примеров, достойных этого определения, найдется вполне достаточно: это произведения Камю, Сартра, Белля, Кафки, Гессе, Джойса, Беккета, Уэллса, Ремарка и многих других.

На этой вековой, протоптанной тропинке стоит задержаться на одном из поворотов, во многом определившим судьбу нынешней культуры, а именно на творчестве великого Германа Гессе, культовые романы которого захватили умы молодежи шестидесятых и до сих пор остаются одним из главных источников духовных поисков.

Его «Степной волк», запрещенный в годы триумфального национал-социалистического хаоса, является историей «Героя нашего времени», ибо «душевная болезнь Галлера - «…» не выверты какого-то одиночки, а *болезнь самой эпохи* (курсив наш - С.Е.), невроз того поколения, к которому принадлежит Галлер, и похоже, что неврозом этим охвачены не только слабые и неполноценные индивидуумы, отнюдь нет, а как раз сильные, наиболее умные и одаренные» [3, с.22].

Да, безусловно, отрицать то, что в духовных исканиях Галлера прямое отражение находят метания самого Гессе, не имеет смысла, но все же, опуская автобиографичность романа, можно с полной уверенностью утверждать, что «Степной волк» - это одно из «зеркал», отразивших бытие конца 20-х годов 20 века – «документ эпохи», представляющий нам «болезнь» того времени, когда «личная драма со всей полнотой перерастает <…> в драму эпохи – конфликт писателя с подавляющим его сознание бездуховным миром» [4, с.206]. И это «след», ведущий в наше настоящее, где «так называемая культура с их лживым дешевым мишурным блеском то и дело вызывают у нас тошноту…» [3, с.24]. Это та самая «болезнь духа», которую выводит на поверхность век девятнадцатый, пытается решить век двадцатый, и которую как наследство принимает и усугубляет век двадцать первый. У болезни этой было слишком много симптомов, но человеку как всегда было не до этого, больше всего его волновало мировое господство и технический прогресс, что собственно и показал нам Гессе, забросив Галлера в одну из дверей в магическом театре: «Дикие, великолепно-зажигательные плакаты на всех стенах, как факелы, буквами призывали нацию выступить, наконец, на стороне людей против машин, перебить, наконец, жирных хорошо одетых, благоухающих богачей, которые с помощью машин выжимают жир из других…. Зато другие плакаты…, сочиненные необычайно умно и талантливо, взволнованно предостерегали, наоборот, всех имущих и благонамеренных от грозящего хаоса анархии, живописуя поистине трогательно счастье порядка, труда, собственности, культуры, права и славя машины, как высочайшее и последнее открытие людей, благодаря которому они могут превратиться в богов» [3, с.156]. Это технократическая борьба, в которой «образ человека, некогда высокий идеал, грозит превратиться в стереотип» [3, с.163], если уже не стал им, ибо вся эта стереотипность бурно поддерживается массовой культурой, тиражируя псевдогероев и пропагандируя упрощенность и одинаковость.

Гессе вторит другой мыслитель двадцатого века испанец Хосе Ортега-и-Гассет, говоря о феномене массовости как о кризисе человеческого общества. Теперь оно разделилось на массу и тех, кого она не понимает, а следовательно, презирает: «Все, что не масса, она ненавидит смертно» [5, с.69]. Она верит в миф науки, не хочет ни в чем разбираться, потому что «массовый человек ощущает себя совершенным» [5, с.61], и не принимает ничего выходящего за рамки обыденности. И именно за этими рамками

окажется культура, в ее высоком смысле, и именно за ними останутся те самые «степные волки» - приверженцы культурных основ: «Мы, люди интеллигентные, все сплошь не знали действительности, были чужды ей и враждебны, а потому… в нашем общественном мнении роль интеллекта была такой жалкой» [3, с.118]. Образованные чудаки, как и герой Гессе, лелеющие надежду о том, что в очередной день своего рождения они возьмут в руки бритву и разом покончат со всей этой невыносимой грязью. Половине из них это с блеском удастся, другим придется учиться жить, но не мириться, с окружающей действительностью. Гессе нашел решение – это «Моцарт, слушающий радиоприемник», как ни курьезно это звучит, но это как никогда своевременно, ибо «…теперь вы слышите не только изнасилованного радиоприемником Генделя, который и в этом мерзейшем виде божественен, вы слышите и видите … превосходный символ жизни вообще… извечную борьбу между идеей и ее проявление…. Точно так же, мой дорогой, как радио в течение десяти минут бросает наобум великолепнейшую на свете музыку в самые немыслимые места…, как оно портит ее, корежит … и все же не в силах окончательно убить ее дух - точно так же и жизнь… и мы тут ничего не можем поделать, и если мы не ослы, то мы смеемся по этому поводу» [3, с.184]. В этих словах Моцарта содержится огромное культурологическое значение, имеющее прямое отношение к двадцать первому веку, ибо вся сегодняшняя культура, в том числе и литература, *смеется* над всем! Своего рода «Эпоха фельетона», названная так Гессе в «Игре в бисер»: «… эти бои за «свободу» духа свершились и как раз в эту позднюю, фельетонную эпоху привели к тому, что дух действительно обрел неслыханную и невыносимую уже для него самого свободу…» [6, с.129]. Отказавшись от мифа церкви и небесного гнева, сегодняшний человек придумал себе миф свободы, государства и великой техники. Космисты бы сейчас хором упрекали нас в отсутствии единства, но и на них достопочтеннейшая массовость нашла бы управу. Поэтому «истинная веселость», являющаяся лейтмотивом многих произведений Гессе, должна сочетаться со знанием и принятием реальных условий, ибо даже великий «Magister Ludi» Йозеф Кнехт, имеющий на вооружение то, чем не обладал Галлер, а именно способность располагать к себе людей, быть всегда спокойным и ни от кого не зависеть, не смог привнести касталийский дух в обыденный мир, потому что не знал его. И только лишь из разговоров с отцом Иосифом и Плинио он узнает, что его любимая элитарная «Игра в бисер», по сути заменяющая все искусства и создающая основы внешнего мира, ему (этому миру) не интересна, как и сама Касталия с ее дальнейшим существованием. Не имея уже никакого интереса к Игре, Кнехт захотел изучить реальность за стенами страны гениев. Совершив некую революцию, он добровольно уходит с поста «Ludi magister», прекрасно зная о том, что уже никто и никогда не примет его обратно. Но Гессе лишает своего героя «удовольствия» воочию увидеть то, о чем он так много слышал. Слишком долго Кнехт жил вне реальности, слишком был не похож на простого обывателя, поэтому, очутившись за пределами Касталии, он нелепо погибает. И нелепость здесь не случайна, потому что элитарному Магистру игры, прожившему половину своей жизни вдали от суетности окружающей реальности, каким бы талантливым он ни был, никогда не удастся понять и изменить то, чего он не знает, то, что кардинально противоположно его духу и мировоззрению: «Человеку, способному понять Будду, имеющему представления о небесах и безднах человечества, не пристало жить в мире, где правят здравый смысл, демократия и мещанская образованность» [3, с.58]. Соответственно «истинная веселость» и гениальность Кнехта никогда бы не помогла понять массам, которые все знают заранее, ту самую «Игру игр», и сегодняшнее болезненное отвращение вместо культуры.

Галлер научится смеяться и посмотрит на весь этот балаган из-за стен магического театра, Кнехт не узнает и не изменит доселе неизвестную реальность. Но если

не они, тогда кто? И как? Придется ли нам довольствоваться очередным римейком великой «Игры в бисер», и искать тех немногих оставшихся «степных волков», которые, как монастыри в эпоху раннего средневековья, сохраняют уцелевшие остатки культурных реалий?

Тенденция весьма печальная, более того, вполне осуществимая. Но и тут Гессе, проявляя свою гениальность, предлагает нам выход – Плинио Дезиньори. Человек, попавший в Касталию благодаря своей фамилии, получивший там блестящее образование и, тем не менее, оставшийся не оторванным от происходящего за ее пределами: «Это был юноша высокоодаренный, особенно блиставший в речах и спорах…открыто заявлял о своих некасталийских и мирских убеждениях» [6, с.72]. Вот что отличает его от Галлера, ненавидевшего окружающую его реальность, и от Кнехта, который просто в силу сложившихся обстоятельств к этой реальности не принадлежал. В нем соединяется та самая «касталийская истинная веселость» и осознание мира вне ее. Много лет спустя Плинио станет посещать курсы Игры, что тоже немаловажно, причем весьма заинтересованно займется изучением ее истории и правил, опять без отрыва от реальности. И именно он поможет осознать Кнехту значение Касталии для остального мира, но будет уже слишком поздно. Поэтому только такой человек как Плинио Дезиньори, зная особенности двух сторон, сможет привнести часть Игры во внешний мир. Часть, потому что вся Игра должна быть и останется привилегией немногих, ибо для других она всегда будет недостижима, но фрагменты ее, отражающие истинную культуру, смогут давать человеку критерии идеального, к которым он должен стремиться.

Соединяя Игру и «истинную веселость» в «век фельетона», который на наш взгляд, только набирает обороты, мы получим лекарство от страшного недуга, о котором в своем мартирологе Андрей Тарковский написал следующее: «…Дух и плоть, чувство и разум никогда уже не смогут соединиться вновь. Слишком поздно. Пока еще мы калеки в результате страшной болезни, имя которой *бездуховность…*» [7] (курсив наш - Е.С.). Но думаем, среди тысячи кафкианских «Никто-никто», все-таки найдутся те, кто совершит прогулку в горы, ибо, следуя строгой и иногда не действующей логике, выход, так же как и вход, есть всегда, и один из них - развернуться и посмотреть назад. Не нужно сотворять очередной культ прошлого, нужно всего лишь посмотреть на «следы», им оставленные.

Не беремся ставить под сомнение весомое культурологическое значение этих произведений. Ибо в них за занавесом литературных аллюзий и метафор, скрывается истинное положение вещей, доводы и пути выхода из очередной бифуркационной комы. Главное, чтобы нашелся тот самый Плинио, способный улыбаясь показать карнавал и войну одновременно.

Помнить всегда надо одно: ««Есть эпохи, когда целое поколение оказывается между двумя эпохами, между двумя укладами жизни в такой степени, что утрачивает всякую естественность, всякую преемственность в обычаях, всякую защищенность и непрочность! Конечно, не все это чувствуют с одинаковой силой. Такой человек, как Ницше, выстрадал нынешнюю беду заранее, больше чем на одно поколение, раньше других,- то, что он вынес в одиночестве, никем не понятый, *испытывают сегодня тысячи*» [3, с.23] (курсив наш - С.Е.).

Список использованной литературы

1. **Затонский Д.** Художественные ориентиры XX века. М., 1988.
2. **Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
3. **Гессе Г.** Степной волк. М., 2006.

4. **Науменко А.С.** Писатель, околдованный книгой// Гессе Г. Магия книги. М., 1990.
5. **Ортега-и-Гассет Х.** Восстание масс. М., 2007.
6. **Гессе Г.** Игра в бисер. М., 2007.
7. **Тарковский А.** «Мартиролог» // http://www.etoday.ru/2008/02/post-62.php.

А.С. Петрова, М.А. Миловзорова

«И В ЛЕГКОМ ОБЛАКЕ БЫЛ ВИДЕН ГОРОД ДАЛЬНИЙ…»: ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ НА БАЗЕ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ Г. ЮРЬЕВЕЦ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Данная публикация представляет собой краткое изложение концепции выставочного проекта, осуществленного в рамках выполнения квалификационной работы бакалавра культурологии. Проект имел целью представить культурно обусловленной «мифологический» образ г. Юрьевец, зафиксированный в многочисленных текстах культуры. Открытие выставки состоялось в дни II международного кинофестиваля «Зеркало» и получило положительные отклики участников и гостей фестиваля.

Одной из наиболее актуальных проблем современного мирового сообщества является проблема сохранения материального и духовного культурного наследия. Особенно остро эта проблема стоит в нестоличных и малых городах, традиционно бывших на периферии как в пространственно – культурном отношении, так и с точки зрения исследовательского интереса. К счастью, в последнее время ситуация начинает коренным образом меняться.

Для России проблема изучения и сохранения культурного наследия прошлого имеет особую актуальность. Россия – страна специфической культуры, порожденной «многогранным» феноменом провинции, который имеет здесь особое значение. Новое звучание в отечественной гуманитаристике в последние десятилетия приобрели исследования, посвященные анализу провинциальной культуры как особого национального феномена.

Сегодня очень распространенными стали примеры создания так называемых «мифов места». Миф или образ места – это умозрительная конструкция, построенная на основе выделения отличительных черт, ассоциативных характеристик образа города. Они могут быть связаны уникальной историей того или иного места, знаменитыми людьми, необычным архитектурно-природным ландшафтом. Вместе комплекс черт, отличающих данное пространство как уникальное, и создает «миф места».

Конструирование мифологического образа города – общероссийская тенденция, направленная, в первую очередь, на сохранение локальной идентичности. Создание «мифа места» лежит в основе процесса «географического имиджмейкерства», результатом которого является конструирование бренда этого города. Старинный город Юрьевец Ивановской области может быть назван «провинциальной жемчужиной» России. Основанный в 1225 году, этот город имеет совершенно уникальный

ландшафт, с его крутыми берегами, оврагами и пологими холмами. Город в основном сохранил в основном свое первоначальное архитектурно –природное лицо, а следовательно обладает богатым туристическим потенциалом, способствующим созданию богатого инвестиционного климата. Этим обусловлена актуальность проекта.

Создание «мифа места» может проводиться различными средствами. Одним из наиболее продуктивных является создание художественной выставки, построенной по принципу «образного восприятия». В качестве основной группы источников нами были проанализированы и отобраны живописные и графические работы из фондов историко–художественного музея города Юрьевец, а также из частных коллекций художников. Визуальные образы города, воплощенные, прежде всего, в живописных работах пейзажного жанра, ярче всего способны отразить суть восприятия и понимания мифа места. Художники, по нашему мнению, не просто изучают, описывают, а как бы смотрят на образ места «изнутри» и создают миф правдивый и ирреальный одновременно.

Данный проект является по сути культурологическим. Современное социально – культурное, и, в частности, музейное проектирование – это своеобразный синтез музейного дела и культурологического знания, причем роль культурологической составляющей постоянно растет. Проектирование художественных выставок выступает не только как вид музейной деятельности, но и как метод освоения историко–культурного наследия, его новой культурологической интерпретации, а также как механизм социализации и инкультурации. Такой новый принцип музейного проектирования приводит к созданию так называемых концептуальных выставок, содержащих новый взгляд на уже известное, представляющих собой экспозиционно–выставочное произведение искусства.

Наш проект – это материальное воплощение культурологической идеи с применением музейных средств. Он построен на основе анализа довольно обширного ряда источников различного характера и имеет значительную историко – культурную составляющую.

Культурологический характер обусловлен, в первую очередь, характером методологии, лежащей в русле философии постмодернизма. Современная культура – это культура, ориентированная на образы, человеку присуще образное мышление, а сущность культуры определяется, в первую очередь, знаково – символической функцией.

Историко–культурная составляющая проекта связана с поиском и анализом ряда литературы и текстовых источников различного характера: исторических, краеведческих, художественных. Среди обширного круга материалов мы отобрали ряд непосредственно экспозиционных источников, руководствуясь, прежде всего, принципом историзма, то есть, используя тексты 18 –20 веков, более устойчивые относительно современных.

На основе анализа и непростого отбора экспозиционных источников сложился определенный «миф» Юрьевца, который был впоследствии воплощен в выставочном пространстве. Восприятие города, запечатленное в различных формах (живописной, графической, текстовой) отражает своеобразный пространственно – временной образ места. Условно мы обозначили этот синтез пространственных и временных характеристик образа понятием «хронотоп».

Пространственное восприятие города отражается прежде всего в работах живописных и графических. Они представляют «топос» Юрьевца, то есть восприятие природно – архитектурного ландшафта. Нами были отобраны работы как юрьевецких, так и приезжающих художников разных временных периодов. Среди них такие авторы таких как В.Н. Моисеев, Г.М. Шегаль, Ф.С. Богородский, Ю.М. Обидиентов,

А.А. Ушаков, И.Г. Уруев, А.В. Фотеичев. Ландшафт города представляется как сочетание гор и оврагов, опоясанных тропинками и мостками. На полотнах запечатлены как небольшие уголки города, отдельные его части – домик, берег Волги, гора, двор, овраг, так и охвачено все пространство места в форме панорамы. Чаще всего это своеобразный «взгляд сверху», с горы, что отражает попытку описать весь образ места или сконцентрировать его в образе небольшого уголка Юрьевца. Визуальный образ подчеркивает серия старинных фотографий и открыток с видами города.

«Хронос» Юрьевца, то есть временное восприятие места прослеживается в источниках текстового характера. В результате анализа нами были отобраны следующие текстовые экспозиционные источники: из книги художников Г. и Н. Чернецовых «Путешествие по Волге» (1838), из книги воспоминаний писателя – путешественника Теофиля Готье «Путешествие в Россию» (1861), отрывок из письма художника В. М. Максимова В. Н. Третьяковой (29 июля 1882), отрывок из письма И. И. Левитана А. П. Чехову (1887, весна), отрывок из рассказа В. Г. Короленко «На затмении» (1887), отрывок из стихотворения Д. Семеновского «Юрьевец» (1937) из стиха Арсения Тарковского «Плыл вниз от Юрьевца по Волге звон пасхальный…»(1932), отрывок из дневников А.А. Тарковского.

Представленные выше источники рисуют город как нечто неуловимое, мимолетное, четко не определенное во временном измерении. Это, вероятно, связано с тем, что авторы текстов имели достаточно косвенное отношение к Юрьевцу, чаще всего просто проезжали мимо или останавливались на короткое время. В конечном итоге, создается ощущение, что Юрьевец – это особый загадочный мир, который то появляется, то исчезает, то снова появляется «размытым силуэтом» в «легком облаке».

Попытка подчеркнуть идею особого «хроноса» Юрьевца была представлена в своеобразной форме экспозиционного воплощения. Отрывки из текстовых источников были оформлены как мимолетные упоминания на почтовых открытках, оставленные лично каждым автором как воспоминания о городе.

Выставка «И в легком облаке был виден город дальний» – это проект концептуальный, а следовательно, допускающий ввод в выставочное пространство нетрадиционных арт – объектов, подчеркивающих основную идею концепции.

В нашем случае в качестве таких объектов были представлены 3 экспоната.

Главный символический объект – конструкция с увеличительной линзой. Она состоит из линзы на подставке и тумбе, за которой стоит декоративный живописный мольберт с фотографией старинного, не существующего сейчас уголка Юрьевца.

В этой конструкции сконцентрирована основная культурологическая идея проекта – представления Юрьевца как сферически замкнутого пространства, через отдельный элемент которого отражается, «проглядывается» весь образ данного места. Эта символическая конструкция своего рода знак – индикатор, который демонстрирует существенную особенность мифа места и является его материальным воплощением.

В качестве других нетрадиционных объектов, придающих специфичность выставочному проекту как проекту концептуальному, являются сетки с изображениями города, расположенные в оконных пространствах . Эти элементы отвечают идее «хроноса» Юрьевца, и в полной мере соответствуют названию выставки «И в легком облаке был виден город дальний», так как за счет проникновения солнечного света создают эффект «размытости», нечеткости.

И третьим арт-объектом, поддерживающим концептуальную идею нашего проекта, является видеоинсталляция, составленная из фильмов А. А. Тарковского с видами провинциальных пейзажей. Нами были использованы кадры из таких филь-

мов режиссера, как «Сталкер», «Андрей Рублев», «Иваново детство», «Зеркало», а также музыка Э. Артемьева. Данная видеоинсталляция создает дополнительный аудиовизуальный эффект, служит фоном для основных экспонатов.

В заключении скажем, что проект был осуществлен благодаря содействию Департамента культуры и культурного наследия Ивановской области, ИГХТУ, Историко-художественному музею Юрьевца, Художественному музею г. Иванова, ДЮЦу г. Юрьевца, а также благодаря художникам, предоставившим для выставки работы из частных коллекций. Выставка была открыта 31 мая 2008 года в зале Историко-художественного музея г. Юрьевец в рамках мероприятий 2-го международного кинофестиваля им. А. А. Тарковского «Зеркало».

Д.Н. Полуярова, М.А. Миловзорова

КУЛЬТУРНЫЕ ГНЕЗДА ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: УСАДЬБА ЧЕРНЦЫ-ВОРОТЫНСКИХ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Данная публикация представляет собой краткое изложение основных результатов исследования, проведенного в рамках выполнения квалификационной работы бакалавра культурологии, которое будет продолжено в дальнейшем. На редких, архивных и документальных, источниках автор показывает особенности культуры провинциальной усадьбы XIX века, определивших ее значение как местного «культурного гнезда».

Актуальность изучения усадебной культуры обуславливается устойчивым интересом к дворянской культуре как источнику нравственных, просветительских и эстетических идеалов своего времени, что отразилось в широком ряде современных исследований, обращенных к изучению усадебной жизни.

Особого внимания заслуживает культура провинциальной усадьбы, поскольку Россия – страна множественных культурных центров, удаленных от столицы на разные расстояния, что порождает широкий диапазон местных культур, отражающих многообразие отечественного культурного пространства. Сегодня наблюдается рост интереса к культуре провинциальных имений, таким образом, наша работа находится в русле современных тенденций изучения усадебной культуры.

Современным является также и использование концепции «гений места», для описания локальной культуры, которая позволяет осмыслить реальность, связывающую интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой.

Приблизиться к пониманию уникальности и культурной значимости исследуемого феномена нам помогает методология и методика описания «культурного гнезда», разработанная Н. К. Пиксановым в 20-е гг. прошлого века. Отметим, что подходы к культурному краеведению, появившиеся в то время, актуальны и сегодня. Они во многом опередили западные методы изучения, заложив основы культурологии, поскольку делали акцент на изучении индивидуального и личного в культуре как основы всеобщего.

Н.К. Пиксанов определяет «культурное гнездо» как «не механическую совокупность культурных явлений и деятелей, тесное их единение между собой, некоторое органическое слияние». «Культурное гнездо» имеет ряд признаков: тесный круг деятелей культуры, самодостаточность культурной жизни, выдвижение «питомцев».

Поскольку культурология – это интегративная область знания, вбирающая в себя результат исследования ряда научных дисциплин, анализ в нашей работе был реализован с помощью комплекса познавательных методов и установок, группирующихся вокруг некоего смыслового центра «культура и ее аспекты», а именно: методы и методики мы заимствуем из таких направлений как школа Анналов, социоистория, Новая интеллектуальная история, Новая культурная история, Новая биографическая история, устная история и других.

Источники для работы были получены из архивов Ивановской и Владимирской областей, частных архивов, краеведческого музея Чернцкой средней школы и Ивановского областного краеведческого музея.

Исследование строится на различных типах источников: письменных источниках (как официального, так и личного происхождения, дореволюционных печатных изданиях), устных источниках (интервью В. П. Кореловой, Т. В. Мотовой, М. С. Розановой, Т. В. Околот, Г. Г. Романовой –жителей села Чернцы, имеющих информацию о феноменах культуры усадьбы Чернцы-Воротынских и в отдельных случаях, являющихся частью ее истории), изобразительных источниках (карты, фотографии, рисунки) – и вещественных источниках, что позволяет, хотя бы частично, реконструировать культуру повседневности владельцев усадьбы.

Хронологические рамки исследования – конец XVIII – начало XX-го веков, отражают видимые исторические горизонты существования усадьбы.

В ходе работы мы решали следующие задачи: рассматривали аспекты «личной истории» усадьбы Чернцы-Воротынских, выявляли уникальные параметры «культурного гнезда» и феномены, определившие «гений места» усадьбы Чернцы-Воротынских (ландшафтно-архитектурное пространство имения, формирование и цели создания семейной библиотеки Митьковых, историю и функционирование начального народного училища в Чернцах-Воротынских) и проанализировали значимые в культурном отношении структуры повседневности.

Проанализировав культурно-творческую сторону деятельности владельцев, мы увидели, что культура усадьбы формировалась постепенно и зависела от воззрений «устроителей культурного гнезда»: Волконских, Измайловых, Митьковых, Детловой, каждый из которых по-своему реализовывал культурные идеи.

«Материальная среда», на основе которой происходило формирование «гения места» усадьбы, сложилась при семьях Волконских и Титовых. Были возведены особняк и хозяйственные постройки, церковь перестроена в едином стиле с архитектурой усадьбы, заложен парк. Таким образом, один из необходимых компонентов локальной культуры, подчеркнутых Пиксановым, – особая эстетическая среда – была сформирована уже в начале XIX века. В это время существует и особая духовно-интеллектуальная атмосфера. Подтверждением служит просветительская деятельность М. П. Волконского.

Рассмотрев этапы и цели формирования библиотеки Митьковых, мы пришли к выводу, что идеи воспитания закладывались еще предками Михаила Митькова, задолго до их реализации. Об этом свидетельствуют приведенные нами в работе цитаты и пометы в тексте, сделанные владельцами.

Мы пришли к выводу, что в семье Митьковых относились к книге как средству самоусовершенствования, воспитания «внутреннего человека». Не случайно, на

наш взгляд, и то, что, открыв начальное народное училище, М. П. Митьков тратил немалые средства на приобретения книг для него, что не могло не повлиять на культурное пространство Чернц-Воротынских.

Мы увидели, что при создании библиотеки семья Митьковых преследовала несколько целей. Во-первых, собирались книги, используемые в домашнем образовании: во-вторых, владельцев библиотеки интересовали издания по военному делу, юриспруденции, необходимые при несении или подготовке к государственной или военной службе; в-третьих, приобретались книги, используемые в культурно-просветительской деятельности.

Для нас ценно, что своеобразным «испытательным полем» реализации культурно-просветительских идей стала именно усадьба Чернцы-Воротынских. Наиболее значимым культурным событием стало открытие в 1861г., за четыре года до выхода в свет «Положения о начальных училищах», начального народного училища и обеспечение его лучшей в Ковровском уезде библиотекой Михаилом Митьковым (одним из авторов разработки реформ Александра II), а также реализация идей суфражизма Софьей Юрьевной Детловой, которая дала на свои средства образование дочери управляющего имением Пелагее Ивановне Кореловой и построила одно из удобнейших зданий школы.

В ходе исследования мы установили, что между владельцами усадьбы Чернц-Воротынских и их соседями были связи, носящие культурный и дружеский характер. Самыми примечательными являются культурные контакты семьи Чихачевых и Марии Петровны Измайловой. Очевидно, что в течение нескольких лет между владельцами усадеб Дорожаево и Чернцы-Воротынских происходило интенсивное интеллектуальное общение, которое выражалось в обсуждении прочитанного и увиденного, дружеских визитах и переписке, маленьких подарках и общих праздниках.

Итак, мы можем сказать, что имение Чернцы-Воротынских представляло собой особое «культурное гнездо», обладающее всеми признаками, обозначенными Н. К. Пиксановым. Владельцы усадьбы и их знакомые составляли «тесный круг деятелей», культурные идеи которых зародились и реализовывались в пространстве усадьбы, создавая особую, локальную, «самодостаточную культуру». Для дальнейшего продолжения нашего исследования мы планируем продолжить собирание и анализ документов.

Отметим, что собранный и проанализированный нами материал может стать основой различных культурных проектов.

При определенной спонсорской поддержке усадебный комплекс можно восстановить (сохранился парк, хозяйственные постройки, существуют фотографии и рисунки, позволяющие точно воссоздать облик имения) и создать один из интереснейших туристических объектов края.

Благодаря тому, что история усадьбы в XX веке не менее интересна (на ее территории располагался дом отдыха союзного значения, а затем лагерь военнопленных немецких и японских генералов), в последние годы с. Чернцы посещали делегации из Германии и Японии.

На наш взгляд, в перспективе возможно создание небольшого музейного комплекса, освещающего все вехи истории усадьбы и предназначенного для семейного культурного отдыха.

О.Н. Масленникова, Е.А. Балашова

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ФЕДОР СОЛОГУБ: «ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ»

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена рассмотрению не типичной для эстетики символизма «провинциальной темы» в творчестве А. Белого и Ф. Сологуба. Литературный текст представлен как один из возможных источников формирования негативных коннотаций понятия «провинция».

В судьбах замечательных русских литераторов Андрея Белого и Федора Сологуба творческих хитросплетений оказалось больше, нежели личных встреч и продолжительного общения. Хотя возможность такового была. В 1908 году Белый писал Сологубу: «Мне и ценно, и радостно думать, что между нами есть возможность взаимного приближения. Так мало людей, так много «недотыкомок»: так жутко в мире нежитей!.. Остаюсь сердечно вас любящий и глубоко уважающий Борис Бугаев» [6, с.190]. В том же году в статье «Ф.Сологуб» Белый назовет его «громадным художником» и призовет сказать ему: «Спасибо тебе, человек Божий» [2, с.350]. Десятью годами позже (в 1917г.) это не помешает Белому высказаться в другом тоне: «Федор Сологуб. Талантлив. Умен. Мелок. Обидчив; но с искрами благородства… Есть миф свой безусловно, но когда выражает свои мысли в печати - серо, глупо, граничит с пошлостью; очень зол; не мещанин, а мещанинище, каких мало. Удивительно крупный талант; удивительно «маленький человек». В великие люди решительно не годится» [12, с.427].

И все же совпадений - в широком смысле слова - оказалось больше. Потому что не могли не совпасть, хотя бы «заочно», близкие по мироощущению рубежной эпохи личности. А.В. Лавров, размышляя о том, как воспринимались современниками кумиры той эпохи, пишет: «А.Блок - это поэт исключительно и во всем, поэт даже в своих не стихотворных произведениях. Валерий Брюсов … повсеместно оценивался прежде всего как поэт и поэтический «мэтр»… Федор Сологуб в равной мере и с равной силой выражал себя в прозе и поэзии, но его рассказы и романы во многом вырастали из образов, идеологем и мотивов, уже разработанных в его стихах. В этом отношении Андрей Белый, казалось бы, способен опровергнуть наметившуюся закономерность: в творческом наследии автора… проза…явно доминирует над поэзией» [12, с.9]. Однако, напрашивающийся вывод о «первичности» Белого-прозаика, а не Белого-поэта А.Лавров считает глубоко неверным. Связь здесь намного сложнее и многограннее: с одной стороны, множество примеров свидетельствуют о прямом отзвуке поэтических тем и сюжетов в прозе писателя; с другой - эта неразрывная связь прозы и поэзии привела Белого к созданию уникальных «Симфоний» и ритмизованной прозы. (Более того, теоретические штудии Белого, в частности «Ритм как смысл», обозначат один из основополагающих элементов его мировидения и мирочувствования - ритм, понятия, которое в равной степени применимо и к поэзии, и к прозе, и шире - к жизни, культуре, творчеству).

В этом смысле «Лирические отрывки в прозе», вошедшие в первую поэтическую книгу А.Белого «Золото в лазури», подобным соединением стиха и прозы современников вряд ли удивило. Аналоги уже были, например, Ф. Сологуб в 1896 году издал «Рассказы и стихи. Кн. 2».

В неопубликованных списках М. Кузмина, предполагавшего создать монографии об авторах современной поэзии, Сологуб и Белый вновь «нечаянно» совпали: книги о них предполагалось поручить одному автору - К.А. Сюннербергу [4, с.221].

Но сопряжение этих авторов явно не исчерпывается обретением псевдонимов, «близостью» начала, оценкой романов «Мелкий бес» и «Петербург» как выдающихся текстов XX века или более глубоким «совпадением» тем, мотивов, поэтики в целом. По большому счету, на сегодняшний день до сих пор нет репрезентативного собрания сочинений А.Белого, а Ф. Сологуба нельзя назвать самым изученным автором. (Хотя новые исследования появляются: Павлова М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников. М., НЛО, 2007).

Их литературное «после» тоже оказалось в чем-то общим. Критик и историк литературы Иванов-Разумник подметил «общественную тенденцию, особенно беспощадную к символистскому литературному направлению, когда в 1934 г., констатируя уже прочное забвения Ф. Сологуба, с горькой прозорливостью предрекал: «Через немного времени эта же судьба постигнет и Белого» [12, с.263].

К этому «списку совпадений» вполне вероятно добавить еще один сюжет - «провинциальный». Известно, что литературный текст создает некий архетипический художественный образ, который «эмпирически реален, исторически типичен, символичен и вместе с тем мифологически осмыслен» [15,с.312].

Особый художественный образ провинции появился в творческой практике символистов именно в таком дискурсе – будучи эмпирически реальным, исторически типичным, символичным и мифологически осмысленным одновременно. Подобное «совпадение», как нам кажется, ярко прочитывается в текстах А.Белого и Ф. Сологуба, в частности «Серебряном голубе» и «Мелком бесе». И есть веские основания полагать, что образ этот в значительной мере выдержан в стилистике негатива. Кроме собственно литературных (традиция XIX века), можно назвать и экстралитературные источники формирования отрицательной коннотации слова, понятия, явления под названием «провинция».

В современном исследовании «Провинция: опыт историографии» отмечается, что «в массовой литературе рубежа XVIII-XIX веков провинциальный топос впервые после реформы 1775 года обретает имя – деревня. В это время постепенно начинает входить в употребление уничижительное слово провинция» [9]. В словаре церковнославянского и русского языка 1847 года «весь комплекс производных от провинции фиксируется как единое понятие с означаемой территорией в виде области или округа, культурной идеологией, закрепляющей противостояние между провинцией и столицей»… Провинциал - живущий не в столице житель губернии, уезда, захолустья» [16]. Последнее определение топоса – захолустье – одно из самых очевидных слагаемых формулы «провинция=негатив. Как указывается в словаре В.И. Даля: «захолустье – глушь, глухое место; закоулок или малолюдная часть в городе; чаща в лесу; отдаленное и малонаселенное, малопроезжее место; затишье. Захолустник, житель глуши, захолустья» [5].

Со второй половины XIX века у слова «провинция» формируется своя специфическая литературная среда обитания. «В первую очередь, это художественная литература, со страниц которой в 20-30-е годы XIX века слово провинция с еще не вполне устоявшимся, скользящим значением было экспортировано в иные жанры словесности и массовую культуру. В системе художественной поэтики слово прижилось очень скоро, поскольку обладало подвижной семантикой и открытой смысловой формой. Художественная литература XIX века обеспечила слову «провинция» невероятный тираж, благодаря чему за столетие оно прошло путь, несколько утрируя, от аморфной

лексемы до «литературного жанра» (литературный роман, провинциальные письма, записки провинциала). Это была наиболее органичная среда для лексемы такого рода, среда живительная, во всех смыслах способствующая росту ее «популяции»» [9].

В начале XX века термин стал переходить в разряд анахронизмов, идеологически «неудобных», буржуазных понятий и начал изыматься из словарей. Однако то, что составляло суть этого явления, искоренить из сознания и огромных географических просторов России оказалось невозможным. Хотя формально вопрос решился: слово провинция было заменено на привычные нам район, область, край.

Среди устоявшихся определений понятия провинции мы бы хотели привести те из них, которые, так или иначе, отразили негативный оценочный компонент в его толковании. Например, Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой предлагает нам следующее:

ПРОВИ'НЦИЯ, и, ж. [лат. provincia]. Местность, находящаяся вдали от столицы, крупного культурного центра. Употребляется как символ косности, отсталости.

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой отражает схожую языковую картину:

«Провинция, -и, ж. 1. В некоторых странах: административно-территориальная единица. 2. Местность, территория страны, удаленная от крупных центров. Приехать из провинции. Глухая провинция» [18, с.606]. (Аналогичная трактовка изложена и в Комплексном словаре русского языка под ред. А.Н. Тихонова. М., 2001.)

Следует отметить, что в словаре Ожегова-Шведовой приведено большое количество производных от термина провинция: «Провинциал, а, м. 1.Житель провинции. 2. Человек провинциальных нравов»; «Провинциализм, -а, м. Провинциальные взгляды, манеры»; «Провинциальный - отсталый, наивный, простоватый» [18, с.606].

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона среди прочих дается и такая трактовка: «Провинция обозначает в том числе вражескую область, которая назначалась полководцу как театр военных действий» [22, с.332].

На нецелостный, разделенный характер этого пространства указывается в энциклопедическом словаре «История Отечества с древнейших времен до наших дней»: «Провинция (лат. provincia), в 1719—75 административно-территориальные единицы в составе губернии. Делились на доли и дистрикты» [10, с.346].

Очевидна определенная тенденция к изменению, сдвигу семантического наполнения понятия «провинция». Это не только и не столько административно-территориальная единица, сколько некий негативный комплекс: это не единое пространство (оно делится на доли, следовательно, не является целостным, =органичным), удаленное от крупных культурных центров (глухая провинция, отсталая, наивная, простоватая, «вражеская»).

Стоит отметить, что наращиванию подобного отрицательного потенциала способствовали и тексты художественной литературы. Однако из этого не следует, что тот облик провинции, который литературой создается, является единственно верным. Е.А. Сайко в работе «Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века» пишет: «Укоренившийся в литературе традиционный образ русской провинции и ее истинный облик, что называется провинция во плоти – изрядно отличаются друг от друга. Реальная российская провинция, представляет собой определенную социокультурную среду, которая неоднородна по структуре и многообразна в своих видовых формах, и уже поэтому интереснее книжного обобщенного образа» [19]. Последнее безусловно так, если под обобщенным образом понимать какой-то один, например, негативный образ провинции. Но это невозможно хотя бы потому, что онтологическое понимание мира предполагает возможность других вариантов «прочте-

ния» сюжета. Провинция – это в том числе: идиллия, патриархальная старина, семейственность, традиции, дворянские гнезда, усадьбы, родина и т.п.

Однолинейность в восприятии провинциального миропорядка сформировала также сознание, что провинция - это «плохо», а столица - это «хорошо». Как отмечает Е.А. Сайко, в период XIX-XX веков подобная тенденция была очень популярной, можно сказать даже модной, и считалась «хорошим тоном», в результате многие литераторы создавали неприглядное лицо провинциальной жизни. Более того, автор называет такое отношение к русской провинции обычным явлением. Полностью согласиться с данным суждением трудно: подобное явление не может быть «общим местом», даже если этого требуют «идеи времени». Для таких больших художников как Белый и Сологуб - создание мрачного образа провинции, думаем, не было ни изначальной, ни конечной целью, и не может быть сродни сознательному негативизму или «госзаказу». Опять же по причине диалектичности мира и сложности мировоззрения обоих авторов. «Недотыкомки», «бесы», «сноровистые суетилки» вместо живых людей - не единственные образы в романе Ф.Сологуба. Есть еще «красота - единственное, что противостоит хаосу и всеуничтожению». [17, с.460]. Не случайно и Белый позднее напишет, что Россия - это не бесовская лихая провинция, не Лихов, не «Передоновск» и не Скотопригоньевск. [2, с.421].

В этом смысле интересен взгляд Л.Г. Березовой и Н. П. Берляковой, предложенный в работе «Культурная среда русской провинции». Авторы отмечают, что русская провинция являет собой потенциал национальной культуры, которая содержит в себе много бесценных реликвий, и обращение литераторов к этой теме закономерно: с «Ревизора» и «Мертвых душ» началось время, когда русские писатели обратили свое внимание на провинцию, ее быт, повседневную жизнь простого провинциального человека. Традицию Гоголя продолжили М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Н.С. Лесков и др. «Через провинциальную жизнь русская литература попыталась понять суть «русской души» [3,с.31].

Особый интерес в данном контексте представляет художественная интерпретация образа провинции в романе Ф.Сологуба «Мелкий бес» и повести А.Белого «Серебряный голубь», где провинция осмысляется через особый, объединяющий оба текста, семантический ряд: пыль, грязь, лихо (беда, злой дух, сатана), бездна, мгла, ночь, смерть и т.п.

Практически с первых строк читатель сталкивается с характеристикой провинциальной жизни в романе Сологуба «Мелкий бес»: «После праздничной обедни прихожане расходились по домам. Иные останавливались в ограде, за белыми каменными стенами, под старыми липами и кленами, и разговаривали. Все принарядились по-праздничному, смотрели друг на друга приветливо, и казалось, что в этом городе живут мирно и дружно. И даже весело. Но все это только казалось» [20, с.26]. (Ср. у а Белого: «Обернись - только пыльная мгла на том месте, где Лихов; будто никакого такого не бывало Лихова».)

Роднит провинциальное пространство, изображенное Сологубом и Белым, такая характеристика, как пыль и грязь. «Пыльные улицы», «пыльные просторы», герой с фамилией Пыльников - это провинция Сологуба. Описание провинции у Белого появляется в ранних «Симфониях, где провинция фигурирует «как источник «ужасных бедствий», с ней оказывается связанной идея темной, вредоносной, черной магии». [21, с.29]. Этот опыт, как пишет М.Спивак, Белый развил в «Серебряном Голубе», причем «грязь» и «пыль» выступают в качестве концептов оформления темы провинциального пространства: «Грязь, подобно электрическим фонарям, асфальту и монополии, приобретает значение этнографического своеобразия города,

удивительной и даже восхищающей рассказчика достопримечательности» [21, с.32]. А.Белый не щадит и обитателей: «Так обитатели богоспасаемого сего города вели образ существования своего между двумя, так сказать, безднами, бездной пыли и бездной грязи; и все делились на обитателей грязи и любителей пыли – все без исключения»[1, с.78]. Усугубляет картину еще одно метко-саркастическое высказывание автора: «Лихов был город не спасаемый, так сказать, никогда, никем и ничем: истребляемый, наоборот, желудочными болезнями, пожарами, пьянством, развратом и скукой».

А. Белый рисует это пространство в такой темной, даже демонической явленности, что образ провинции перед нами предстает пугающий: «Еще и еще в синюю бездну дня, полную жарких, жестоких блесков, кинула зычные клики целебеевская колокольня»; «И жар душил грудь» [1, с.33]. Даже колокольня, которая по своей сакральной связанности с миром духа просто не может быть местом пристанища демонов, вдруг превращается в нечто устрашающее, где призыв на службу звучит не как колокольный звон, а как «зычный клик» из преисподней. Постоянное присутствие таких лексем как жар, бездна, жаркие блески, зычные клики дополнительно наращивают «заряд отрицательности» провинциального пространства села Целебеево и города Лихова.

О. Лекманов проницательно говорит о подобных образах-символах следующее: «У символиста Белого, так же, как и у символиста Сологуба, сквозь искусно выписанный быт русской провинции отчетливо просвечивают следы инфернального, отданного во власть дьявола и его слугам мира. Дьявол усыпляет человека, подавляя его сознание и волю…». Вот почему «и в «Мелком бесе», и в «Серебряном голубе» настойчиво провидится мысль о недостаточности, а часто и ложности первого впечатления человека от наблюдаемых им пейзажей, ландшафтов, интерьеров» [14].

Все только казалось. Этот лейтмотив становится ведущим. Так рождается и тема понимания человека, находящегося в этом сомнительном, «грязном», «пыльном» мире. Главный герой «Мелкого беса» - угрюмый гимназистский учитель с «маленькими, заплывшими глазами», с «обыкновенно равнодушно-сонным», но нередко и свирепым лицом. Дополнительный штрих – готов нарушить табу на инцест. Но эта рамочная конструкция дополняется более значимыми характеристиками: «Среди этого томления.., по нечистой и бессильной земле, шел Передонов и томился неясными страхами, - и не было для него утешения в возвышенном и отрады в земном, - потому что и теперь, как всегда, смотрел он на мир мертвенными глазами, как некий демон, томящийся в мрачном одиночестве страхом и тоскою». Но это не тот притягательный образ демона, созданный фантазией Гете, Лермонтова, Булгакова. Не было света в его душе, мысли его «были тяжелыми и печальными»: «Скверно жить среди завистливых и враждебных людей» [20,с.71].

Сологуб уловил важную тенденцию своего времени, изменения в литературе, когда не только личность, но и антиличность в большей степени интересовала творческую фантазию авторов. Можно говорить о том, что «Сологуб, продолжая начатый Гоголем процесс анатомирования человеческих душ, приходит к все более и более пессимистическим выводам. Мир, по его убеждению, перевернулся и то, что кажется жизнью, на самом деле смерть: разрушается не телесная оболочка, сковывающая бессмертную, жаждущую пробуждения душу, а сама душа»[13, с.347].

Но многих героев Ф. Сологуба сопровождает еще и лейтмотив глупости: «Вошел, молодой человек…: волосы, как у барашка, курчавые, глаза выпуклые и тупые, - все, как у веселого барашка, - глупый молодой человек» [20, с.37].

В. Ерофеев, анализируя роман «Мелкий бес», особо отметил этот «всеобъем-

лющий мотив человеческой глупости»: «Сологуб создает свой собственный «город Глупов». Слово «глупый» - одно из наиболее часто встречающихся в романе. Оно характеризует значительное количество персонажей и явлений» [7]. Парадокс, представленный «печальным» оксюмороном глупый старик, глупый инспектор, глупый городской голова, глупый исправник, глупая молодежь, - еще один способ обратить читательское внимание на нелепости, несуразности провинциальной жизни. Ведь именно они (исправники, инспекторы и т.п.) по статусу должны представлять почтенных и уважаемых людей. Но это еще один фантом, очередная «кажимость». В. Ерофеев объясняет такое несоответствие: «Сологубский город поистине славен своим идиотизмом; при этом его обитатели еще больше глупеют, веря всяким небылицам, так как «боятся» прослыть глупыми. Нагромождение глупости производит впечатление ее неискоренимости» [7]. Следствием этого является, в том числе, и нарастание негативных характеристик образа провинциального пространства в целом.

А. Белый также своих героев представляет через характеристики, далекие от положительного прочтения - например, «простак, чудак». При этом автор «ссылается» на особый источник знаний о герое – молва, говорят, прослыл: «Дарьяльский сызмальства прослыл простаком»; «Дарьяльский сызмальства прослыл чудаком» [1, с.35]. Однако возможность снисходительного отношения к простаку-чудаку автором же и исключается: «простак в нем уживался с уму непостижимой простотою, глухотою и слепотою к что ни на есть всему; от всякого желания прислушаться к составленному о себе мнению Дарьяльского передергивало, как передергивало других его поведенье», потому что знал, что в борьбе «за будущий лик жизни ему позволено все и нет над ним ничего, никого»[1, с.118].

Еще один персонаж «Серебряного голубя» - столяр Митрий Кудеяров, основатель и главный предводитель секты: «Сам колченогий, хворый, бледный, и нос как у дятла, и все кашляет» [1, с.49]. Примечательно, что навещают его люди самые разные и в разное время суток. «Всякий люд по дороге гнала неведомая сила: цыганы, сицилисты, городские рабочие, божьи люди так бы и проходили; ан, нет: случилось тут у нас Кудеярову быть: к нему-то и завертывали» [1,с.49]. Вновь ассоциативный ряд со знаком «минус»: неведомая сила «завертывает» людей к Кудеярову. Харизматичная личность? Э.Клюс считает: «Хотя Кудеяров обрисован как личность неотразимая, он пользуется своей привлекательностью и даром убеждения, чтобы сеять анархию, одурманивать и, в конечном счете, подавлять. Он с глубокой злобой относится к созидательным силам в других людях и стремится использовать эти силы в своих целях, чтобы затем уничтожить их» [11, с.99].

Смысловой ряд очень выразительный: неведомая сила, непрямая дорога ведет не к живущему здесь, а «случившемуся тут быть» Кудеярову.

Дарьяльский и Кудеяров как персонажи примечательны еще и потому, что они имели прототипы в реальной жизни: «ряд штрихов у Дарьяльского списаны с С.М. Соловьева – эпохи 1906 года: идеология – помесь идеологии Соловьева (периода 1906 года) с моею теорией ценности; странно: столяр Кудеяров есть помесь: своеобразное преломление черточек одного надовражинского столяра М. А. Эртелем и …с Д.С. Мережковским» [12, с.106].

В пору написания «Серебряного голубя» Белый гостил у С.Соловьева в Дедове, сюжет о том, что Соловьев стал прототипом Дарьяльского, хорошо известен. Однако самим Соловьевым это воспринималось болезненно. А.В. Лавров считает, что осложнение дружеских отношений произошло из-за неприятия Соловьевым оккультного знания и теософии. Но было бы возможным предположить, что не только поэтому. Объединили их когда-то «символистские зори», чаяния Грядущего, горние выси.

«Серебряный голубь» и для самого Белого был явлением новым - это первый опыт обращения к традиционному «эпосу», большой повествовательной форме. И, как положено эпическому полотну, в романе Белого сопряглись и светлые и темные стороны жизни. Однако темных оказалось отталкивающе много, «зычные клики целебеевской колокольни» прозвучали устрашающе, город Лихов оправдал свое название. Инфернальная стихия романа «родила» другого Белого: его-то Соловьев и не принял («это лето наши души встречались редко»), потому и так точно определил состояние – «между нами стало тяжелое и душное». Но именно это «тяжелое и душное» - один из лейтмотивов «Голубя».

Там же, на даче у С.Соловьева, Белый писал Сологубу: «Было время, когда я не пропускал ни одной зари; …научился разговаривать с близкими мне по зорям… И вот, бывало, отсияет заря - и отсияет, просияв, знакомая душа. Так прежде я умел летать к милым и близким. А потом замутились, разложились для меня зори: посмотришь - трупная шкура… Я полюбил тогда то, что против зари: тусклую, мутную, синюю мглу»[6, с.190]. С.Соловьев (безотносительно к повести Белого) в 1908 году констатировал: «В нашем мире происходит непрерывное Распятия Красоты» [17, с.461]. Возможно, это и разъединило на время друзей, хотя позднее Соловьев поддержал Белого: «Конечно, «Голубь» лучшее из твоих произведений, и в истории литературы будет помещен рядом с «Мелким бесом». Но по-моему, «Голубь» несравненно выше, свежее, сильнее» [Цит. по:12,с.129].

Надо сказать, «разъятие красоты» в текстах Белого и Сологуба происходит даже на уровне имярек героев: Передонов, Пыльников, Ершиха, Голокрестовский. Традиционно провинциальное мироустройство измеряется значимостью и непременностью религиозной составляющей. Приходской священник - фигура не просто культовая, но и сакральная. Белый же разрушает эту сакральность одним только именованием героя: «Поп Вукол Голокрестовский, с попадьихой, знатный поп, в округе не встретишь такого попа – объезди на сорок верст округу! – трудолюбивый поп, строгий, молитвенник» [1, с.44]. Не снимает негативного подтекста даже прием контраста. Ведь ездил он по селам, чтобы прихожане приносили ему «даров» разных, в том числе и питейных, после чего Попадьиху заставлял он на гитаре персидский марш играть, а сам в этот момент начинал «воображать взятие крепости Карса храбрым воякой и турок жестокое поражение». А обыватели? Обыватели собираются, «глазеют, лущат подсолнухи, хихикают, тискают девок... Хорошо воображает поп; а в прочее время – ни-ни, чтобы что-нибудь такое: требовательный, исправный, хозяйственный» [1, с.45-46].

Подобные образы героев невольно способствуют формированию определенного стереотипа, и в значительной мере конституируют провинциальный колорит со знаком минус. Продолжают линию негатива и собственно отношения между жителями этих лихих, пыльных, демонических пространств. Поп на своих же прихожан доносы пишет, Передонов проверяет свою возлюбленную - «нюхаю, не подсыпано ли яду», другие видят в друзьях и родственниках врагов, «расподлых людишек» и «мерзких людей» и т.п. Недоверие лишает общение его исходного значения, люди без доверия – мертвы. Как сказал бы Белый, это «против зари».

Перед нами - призрачный, полуживой-полумертвый мир: «В этом призрачном мире жизнь изменить не возможно. Из него лишь можно совершить бегство в другой план реальности» [7, с.56]. Появляется так называемое «второе пространство» - галлюцинации, сумасшествие, бреды, то есть бессознательная жизнь персонажей. Но попытка вырваться из обыденного мира - столь же иллюзорна, ибо даже этот другой мир - обратный, не живой, лживый, «расподлый». Пир (Серебряный голубь) и

маскарад (Мелкий бес) – лишены своего исходного смыслового наполнения: это не праздник, не игра, не веселье – это жертвенный ритуал, прелюдия к убийству и сумасшествию. «Друг на друга глазами блеснули; пьяные счастьем смеются; плюются; загрохотал басом космач; все плеснули в ладоши. Пошла в пляс Матренка: пляшет женка, приговаривает столяр: «Сусе, Сусе, стригусе: бомбарцы… Господи помилуй». (Подобные звукоподражания как особый язык мира тьмы активно использует и Сологуб - чур-чурашки, чурки-болвашки, чур-перечуррасчур и др. – *прим.авт.*). Топотом, ропотом, щекотом себя услаждают, смеются, блестят зубы, блестят очи; Матренка юбки задрала и отделывает стрекача-ягача; слепнут очи от этих молитвой озаренных тел; блестит для чего-то на столе оставленный нож; вдруг лезвие запищало: «Тела белого – молодецкого» [1, с.255]. Бесовские танцы и пляски – не иначе. Герой Белого - Дарьяльский - становится жертвой сектантов. Герой Сологуба становится жертвой недотыкомки: «Безумный ужас в нем выковал готовность к преступлению, и несознаваемое, темное, таящееся в низших областях душевной жизни представление будущего убийства, томительный зуд к убийству, состояние первобытной озлобленности угнетали его порочную волю. …оно находило себе удовлетворения и в том, что он ломал и портил вещи, рубил топором, резал ножом, срубал деревья в саду, чтобы не выглядывал из-за них соглядатай» [20, с.219].

«Картины повседневного бытия жителей русской провинции, созданные Сологубом, не просто фантастически преображены, но напоены ядом декадентского миропонимания, поэтизирующего смерть» [13,с.346]. Такое видение провинциальной действительности было свойственно и А. Белому в его повести «Серебряный голубь».

Однако, «нельзя думать, что то, что мы привыкли называть провинциальностью, отсутствует в столицах; …то, что мы видим в провинции, не обязательно есть порождение места» [3, с.23]. А значит, проблемы времени авторы просто поместили в нетипичное для символистского плана пространство. Побочным следствием этого стала своеобразная провинциальная рефлексия в негативе. Проанализированные тексты - не только «о нелепости русской провинциальной жизни», но и «о нелепости жизни вообще, если под жизнью разуметь бытовую каждодневную земную реальность» [7, с.67]. В этой земной реальности «ругательные слова в виде общего приветствия», все, что вокруг - «не люди, а тени», там «земная жизнь лишена внутреннего смысла: в лучшем случае она смешна, а в худшем нелепа» [11,с.99].

Иными словами, Белый и Сологуб в предложенном «провинциальном» сюжете частично сохранили литературную традицию в изображении провинции, но в чем-то и усложнили ее. Они создали такой х у д о ж е с т е н н ы й образ провинциального мира, который в своей эмпирической реальности и исторической типичности не мог, хотя бы частично, не повлиять на обобщенный негативный стереотип восприятия провинции и сегодня.

Список использованной литературы:

1. **Белый А.** Серебряный голубь. М., 1990.
2. **Белый А.** Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 т. М., 1994. Т.1.
3. **Березовая Л., Берлякова Н.** Культурная среда русской провинции // История русской культуры, М., 2002.
4. **Богомолов Н.А.** Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999.
5. **Даль В.** Толковый словарь живого Великорусского языка. М., 2005.
6. **Демин Д.** Андрей Белый. Жизнь замечательных людей. М., 2007.

7. **Ерофеев В.** «Мелкий бес» Ф. Сологуба и русский реализм// В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990.
8. **Ефремова Т.Ф.** Современный толковый словарь русского языка// http://dic.academic.ru
9. **Зайцева Л.** Провинция: опыт историографии // Отечественные записки. http: // www.Strana-oz.ru.
10. История Отечества с древнейших времен и до наших дней. М., 1999.
11. **Клюс Э.** Ницше в России. Революция морального сознания. С.-Петербург, 1999.
12. **Лавров А.В.** Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., НЛО, 2007.
13. **Левин П.** Певец лучезарной мечты // Сологуб Ф. Мелкий бес. М., 2000.
14. **Лекманов О.** Недотыкомка и Незнакомка (о двух подтекстах «Серебряного голубя» Андрея Белого). http: //ruthenia.ru.
15. **Максимов Д.** Русские поэты начала века. В. Брюсов, А. Блок, А. Ахматова. Л., 1986.
16. **Мельников П.** Критико-биографический очерк//Даль В. И. Полное собрание сочинений. Т. I СПб., 1897 С. LXVI.
17. **Минц З.Г.** Блок и русский символизм. С-Пб., 2000.
18. **Ожегов С., Шведова Н.** Толковый словарь русского языка. М., 2003.
19. **Сайко Е.А.** Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. М., 2004. http://deja-vu.4narod. ru.
20. **Сологуб Ф.** Мелкий бес. М., 1991.
21. **Спивак М.** «Заветные Грязищи» и «славный город Лихов»: топонимика// Спивак М. Андрей Белый - мистик и советский писатель. М., 2006.
22. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, Т. XXV, С.Пб, 1898.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ФАКУЛЬТЕТА В 2008 г.

Январь-февраль. Кафедрой истории и культурологии была организована киноакция, посвященная Году семьи, проводившаяся среди студентов гуманитарного факультета и студентов-химиков (1 курс). В рамках киноакции демонстрировались лучшие современные видеофильмы семейной тематики, ставшие лауреатами Всероссийского кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России».

Март. Получен Грант РГНФ на исследование проблемы «Другое искусство» провинции в контексте эпохи». Руководители творческого коллектива: Е. М. Раскатова, М. А. Миловзорова (кафедра истории и культурологии).

Университетский грант на продолжение научного исследования (postdoc) получала доц. кафедры иностранных языков и лингвистики, к.ф.н. С.В.Мощева.

А**прель.** Дни науки ИГХТУ. В рамках университетской конференции была организована работа секции «Гуманитарные науки в техническом вузе», работа которой была организована по трем подсекциям:

1. «Проблемы мировой культуры и культуры региона». Дипломами отмечены лучшие научные доклады студентов специальности «Культурология»: М. Бойковой (гр. 4/50) и Д. Полуяровой (гр. 4/50).
2. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Лучшие доклады по итогам научно-исследовательской работы: А. Крупновой (ИУФИС), М. Криушкиной (аспирант ИГХТУ), О. Федориной (ИГСХА-ИГХТУ).
3. «Русский язык, литература и культура». Лучшие выступления: Г. Боровкова, Д. Малышева (гр. 1/50), Ю. Коваленко (гр. 1/38), Чжан Хау (подготовительное отделение ИГХТУ).
   Состоялось также заседание «круглого стола» на тему “Information Technologies and their Application in Students’ Research Work.”

Май. Научный семинар « Фонетика и фонология языка и речи»

По инициативе кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ и при поддержке руководства университета, он стал местом постоянного проведения научного семинара «**Фонетика и фонология языка и речи»**, посвященного памяти известного ученого в области фонетики, фонологии и речевых технологий Лии Васильевны Бондарко (1932-2007).

На открытии семинара, который состоялся 13 мая, проректор ИГХТУ по научно-исследовательской работе В.А. Шарнин отметил важную роль гуманитарных исследований и активную научно-исследовательскую работу гуманитариев нашего вуза.

Новый научный семинар, посвященный памяти доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета Л.В. Бондарко призван объединить научные усилия фонетистов и фонологов в изучении тайн звучащей речи.

Именно благодаря усилиям Л.В.Бондарко в течение 30 лет в нашем городе формировалась своя фонетическая школа: выпускники аспирантуры этой кафедры работают почти во всех вузах Иванова. При помощи и участии Л.В. Бондарко, авторитет-

ного ученого-фонетиста, многолетнего члена Экспертного совета ВАК, председателя Диссертационного совета в СПбГУ, в нашем техническом университете была открыта аспирантура по специальности «Теория языка» (10.02.19), а ее выпускники – преподаватели кафедры иностранных языков А.Н.Смирнова, Р.В.Кузьмина, С.В.Мощева, И.В.Лобанова успешно защитили свои кандидатские диссертации.

Кроме научных выступлений, публикуемых в данном номере «Вестника», участники семинара из разных вузов города посмотрели фильм о Л.В.Бондарко, подготовленный Е.Ю.Борзовым по материалам его личного фотоархива.

Май. Состоялся **IV Областной студенческий конкурс ораторов «Риторику славлю, которая есть, но трижды – которая будет!..»** . Конкурс проходил под эгидой Совета по русскому языку при Правительстве Ивановской области и в рамках областной программы «Русский язык» и был посвящен 90-летию Ивановской губернии. В конкурсе участвовали представители 7 вузов области: ИГХТУ, ИГЭУ, ИГМА, ИГАСУ, ИГСХУ, ИвГУ и ШГПУ.

Цель конкурса - показать учащейся молодежи силу, целесообразность и красоту звучащего слова, научить молодых людей, на лучших образцах ораторского искусства, грамотно владеть этой силой.

Жюри конкурса возглавил **В.И. Аннушкин**, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, председатель Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики. Также в состав жюри вошли: **Ю.В. Поленов** – консультант Департамента образования Ивановской области, член Совета по русскому языку при Правительстве Ивановской области; **Г.В. Лобачева** – заслуженная артистка России, актриса драматического театра, преподаватель Училища культуры; **Т.А. Майорова** – кандидат филологических наук, преподаватель Ивановского Института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, учитель высшей категории лицея № 22; **Д.С. Громматикополо** – ведущий специалист Комитета по делам молодежи администрации города Иваново; **Иерей Валерий** (**Голубович**) – священнослужитель храма преподобного Серафима Саровского; **Р.В. Вичужанин** – студент 2 курса ИГХТУ, победитель III Областного конкурса ораторов.

Организаторы конкурса преподнесли всем гостям и участникам свой «творческий» подарок – изящную зарисовку по мотивам стихов поэтов Серебряного века. Студенты химико-технологического университета предстали в образах Н.Гумилева, М.Цветаевой, А.Ахматовой, А.Блока, С.Есенина и В.Маяковского, а в строчки знаменитых поэтов органично вписались пожелания успеха и победы конкурсантам.

Состязание в красноречии прошло в благоприятной и благожелательной атмосфере. Слушатели не скупились на аплодисменты и активно участвовали в игре со зрителями, победитель которой получил специально учрежденный приз. Оценки жюри были положительными даже в случае «маленьких риторических неудач» со стороны конкурсантов, а сам турнир украшали мультимедийные презентации, которые подготовили организаторы и участники конкурса.

Таким образом, в 2008 году Областной студенческий конкурс ораторов оказался не просто соревнованием юных риторов, но и настоящим праздником, ярким шоу. Тем не менее, цель его организаторов была самая серьезная – популяризация искусства красноречия, владение которым помогает добиться успеха в жизни.

Председатель жюри IV Областного студенческого конкурса ораторов профессор В.И. Аннушкин подчеркнул, что конкурс очень актуален: «Прежде всего, для

самих ораторов – психофизическое, нравственное, интеллектуальное развитие личности можно осуществить только через слово. Особенно хорошо для молодого человека, когда это слово публично – тогда рождается особенно острый спектр эмоциональных переживаний, а мысли и идеи приходится тщательно готовить и отбирать. Конкурс ораторов необходим обществу, потому что слово объединяет людей и люди объединяются только словом (добрым, чистым, умным, красивым, уместным».

Гость и председатель жюри конкурса профессор В.И. Аннушкин дал ***специальный мастер-класс*** на тему «*Риторика – наука и искусство убедительной и эффективной речи*», на котором каждый мог узнать, каким должен быть современный оратор и как можно подготовиться к публичному выступлению.

Формулировки основных положений лекции были доступными, примеры – убедительными, задания – интересными и ориентированными на раскрытие риторических талантов слушателей мастер-класса. Слушателям был предложен «Манифест ритора», содержащий 17 четких и красивых правил современного оратора. Под руководством В.И. Аннушкина студенты и преподаватели поэтапно разобрали и прорепетировали речь о важности риторики. Внимание уделялось не только правильному тону, паузам, но и жестам, мимике и, конечно, общему настрою.

Июнь. В рамках международного кинофестиваля А.А. Тарковского 30 мая в г. Юрьевце была открыта выставка «*И в легком облаке был виден город дальний…*» (автор и куратор проекта студентка 4 курса специальности «Культурология» Анастасия Петрова, научный руководитель – доц. М.А. Миловзорова).

Участники и гости форума высоко оценили профессиональную работу авторов проекта – сестра великого режиссера М.А. Тарковская написала в книге отзывов: «Спасибо за запечатленный город моего детства»; А. Гордон, современник и исследователь творчества А.А. Тарковского, отметил: «Эта выставка и радует, и удивляет мыслью и чувством»; начальник Департамента культуры и культурного наследия Ивановского области Т.Б. Котлова подчеркнула европейский уровень выставочного проекта.

Июль. Состоялась защита выпускных квалификационных работ культурологов - специалистов и бакалавров. Председатель ГАК доктор фил. наук, профессор Н. В. Капустин (ИвГУ) отметил высокий научный уровень, актуальность и практическую значимость представленных социокультурных проектов. Лучшие работы были рекомендованы к публикации в научных журналах, а также приняты к реализации государственными учреждениями культуры.

В ходе защиты квалификационной работы бакалавра Д.Н. Полуяровой «Культурные гнезда» Ивановской области: усадьба Чернцы-Воротынских», рецензентом, известным в стране специалистом по проблеме – Т.Н. Головиной, к.ф.н., доцентом кафедры русской словесности и культурологии ИвГУ, было предложено создать совместный исследовательский центр ученых ИвГУ и ИГХТУ на базе Гуманитарного факультета ИГХТУ. Предметом изучения станут история и культура усадеб Ивановской области. Исследование позволит реконструировать повседневные практики владельцев имений, архитектурно-ландшафтный облик усадеб, выявить общее и особенное в формировании пространства провинциальной культуры. Научное сотрудничество университетов позволит по-иному взглянуть на культуру нашего региона, даст основу для создания принципиально новых образовательных и туристических проектов.

Сентябрь. В конференц-зале ИГХТУ при активном содействии кафедры русского языка (заведующая кафедрой *Л.Н. Михеева*) и Ивановского областного отделения Российского фонда мира (руководитель фонда мира *Г.Т. Азеева*) была организована встреча группы членов немецкого общества «Друзья города Иваново» (Мюнстерланд, ФРГ) с иностранными студентами нашего вуза. Она прошла под девизом «**Навстречу миру и толерантным отношениям».** Встречу отличала теплая неформальная обстановка. Говорили на русском языке, который в этот день стал языком международного общения и объединил представителей разных национальностей: русских, немцев, вьетнамцев, монголов, китайцев, грузин, нигерийцев…

30 сентября декан ГФ Е.М. Раскатова участвовала в заседании Комиссии по культуре Ивановской областной Думы. Среди обсуждавшихся вопросов – «Театральные спектакли и художественное кино – детям».

Е.М.Раскатова стала членом Совета по культуре при губернаторе Ивановской области, членом редколлегии сборника «Иваново-Вознесенская краеведческая энциклопедия».

Октябрь. Состоялась II научно-практическая конференция «**Практики культурологов: прагматический потенциал специальности»**.

Выступавшие (было представлено 9 докладов) анализировали итоги летних (учебной и специальной) практик. Выступления привели к бурному обсуждению проблем: профессиональной реализации будущих культурологов (менеджеров в сфере культуры), сохранения культурного наследия региона, современного музейного менеджмента в столице и провинции, участия студентов в организации таких крупных культурных акций, как «День города», «День губернии», международного кинофестиваля «Зеркало» и т.д.

Активное и неформальное участие студентов в дискуссии позволило им сформулировать рабочие предложения по корректировке учебного плана специальности, совершенствованию рабочих программ практик и др. Конференция показала, что учебные практики помогают студентам-культурологам получать необходимые профессиональные компетенции. Студенты 5 курса особенно отметили, что «благодаря возможности попробовать свои силы в течение 5 недель «специальной практики» в учреждениях культуры нашего города и области, выпускник-культуролог ощущает свою востребованность и способность применить приобретенные навыки в различных сферах культурной деятельности».

Высоко оценила уровень организации кафедрой всех видов практик студентов-культурологов зав.практикой ИГХТУ Н.И. Иоффе, участвовавшая в работе конференции.

Ноябрь.Состоялись «Менделеевские чтения» на английском языке и студенческая научная конференция, посвященная Д.И.Менделееву.

Декабрь. На «Шереметевских чтениях» был представлен доклад Е.Галкиной (5/50) и доц. Н.М.Губиной, посвященный изучению деятельности А.И.Коновалова известного Костромского предпринимателя.

УЧАСТИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА В НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

1. Международный симпозиум студентов, аспирантов, молодых учёных: «*Мир без границ*», ИвГУ **(** доценты кафедры философии **М.Е. Торшинин, М.Б**. **Клейман**).
2. Международный симпозиум: «*Организаторские способности в системе ментального управления*», г. Кострома, Москва **(**доценты кафедры философии **М.Е. Торшинин, М.Б. Клейман**).
3. 8-я Международная научно-практическая конференция: *«Формирование профессиональной культуры специалистов XXI века в техническом университете*» (СПб Государственный политехнический университет, зав. кафедрой философии, доцент **М.Ю. Иванов).**
4. Международная конференция «*Международное сотрудничество в образовании и науке*», СПб Государственный политехнический университет (зав. кафедрой иностранных языков проф. **Н.К. Иванова).**
5. Международный конгресс «*Психология XXI века*», г. Ярославль (доценты кафедры философии **М.Е. Торшинин, М.Б. Клейман**).
6. Международная научная конференция: «Философия В.С. Соловьёва в истории мысли и современных дискуссиях», ИГЭУ (профессор кафедры философии **М.Г. Зеленцова**).
7. Международная конференция: «Актуальные проблемы современной когнитивной науки», ИвГУ (профессор кафедры философии **М.Г. Зеленцова,** доц. кафедры иностранных языков и лингвистики **С.В. Мощева**, проф. **Н.К. Иванова**, доц. **Е.Н. Золина**).
8. Научная конференция Общества изучения российской усадьбы (Ленинские горки, Москва), выступление на тему «Культурные гнезда Ивановской области: усадьба Чернцы-Воротынских» магистранта кафедры истории и культурологии **Д. Полуяровой**.
9. Научный симпозиум в г. Омске «Проблемы городов России». Творческий коллектив ученых кафедры истории и культурологии представляла аспирантка **М.Н. Трефилова**.
10. Научная конференция **«***Тверская земля и сопредельные территории древности***»,** Тверь, (ст. преподаватель кафедры истории и культурологии **В.А. Аверин**).
11. Научная конференция **«***Коммунистические ритуалы: анализ, контексты, эхо***»,** Ельнево, Польша, апрель 2008 (доц. кафедры истории и культурологии **Л.А. Кривцова**).
12. Научная конференция **«***Культурные очаги и гнезда в провинции: художественная картография пространства***»,** пос. Всеволодо-Вильва, Пермский край, Пермский ГУ, отдел истории русской литературы Института истории и археологии УрО РАН, (доц. кафедры истории и культурологии **М.А. Миловзорова)**;
13. Научная конференция *«Советская культура: проблемы теоретического осмысления»,* Санкт-Петербург (доц. **Е.М. Раскатова**).
14. Научная конференция **«***Драма и театр***»** (Тверь, ТГУ, доц. **М.А. Миловзорова**).
15. Научная конференция **«***Литература Урала: локальные тексты и типы региональных нарративов***»,** Екатеринбург, Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН (доц. **М.А. Миловзорова**).
16. Научная конференция «*Межсекторные взаимодействия по противодействию и дискриминации»,* Плес - Калининград (ст. препод. **А.В. Макарова**).

17. Научная конференция **«***Литература и театр***»** (Самара, доц. **М.А. Миловзорова**).
18. Международная научная конференция «*Англистика в XXI веке*», Санкт-Петербург (ст. преп. **Р.Ю. Блинов**, проф. **Н.К. Иванова**, доц. **С.Г. Шишкина**).
19. XXXVIII научная конференция Института филологии и искусств СПбГУ (ст. преп. **Р.Ю. Блинов)**
20. III Международная конференция по когнитивной науке, Институт психологии РАН (доц. **В.В. Ганина**).
21. I –й конгресс Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) *«Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России* (зав.кафедрой русского языка проф. **Л.Н. Михеева**, доц. **Е.В. Атаева).**
22. Научно-практическая конференция *«Язык и межкультурная коммуникация»,* Санкт-Петербургский государственный университет профсоюзов (доц. **С.В. Мощева**).
23. Региональная научно-практическая конференция *«Художественное слово в пространстве культуры»,* ИвГУ (доц. **С.Г. Шишкина**).
24. Международная конференция «Понимание текста: междисциплинарный подход к исследованию и обучению», МГУ им. М.В. Ломоносова (доц. **С.В. Мощева**).
25. Международная конференция «*Россия в культурном сознании Запада»*. XX Пуришевские чтения», Москва, МПГУ (доц. **С.Г. Шишкина**).
26. VIII Международная научно-практическая конференция *«Формирование профессиональной культуры специалистов XXI века в техническом университете»* в СПбГПУ, Санкт-Петербург (ИГХТУ, доц. **М.Н. Милеева**).
27. Международная научно-практическая конференция *«Информационные технологии в гуманитарном образовании»* в ПГЛУ, Пятигорск (ИГХТУ, доц. **М.Н. Милеева**).
28. Вторая международная научно-практическая заочная конференция «*Профессиональное лингвообразование»* в Волго-Вятской академии государственной службы, Нижний Новгород (ИГХТУ, доц. **М.Н. Милеева**).
29. XIV международная конференция *«TESOL-ELT SELTA"* в Самарском аэрокосмическом университете, Самара (ИГХТУ, доц. **М.Н. Милеева**).

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. **Коллективные монографии: «**Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции», Иваново, ИвГУ, 2008; «Интеллигентоведение в системе гуманитарных дисциплин», Иваново, ИвГУ, 2008; среди соавторов – **С.С. Садина**, к.и.н., доцент кафедры истории и культурологи.
2. **Материалы международной научной конференции** «Феномен Андрея Тарковского в интеллектуальной и художественной культуре», Москва-Иваново, 2008 (опубликованы статьи **М.А. Миловзоровой, Е.М. Раскатовой**).
3. **Учебное пособие** с грифом УМО по специальностям педагогического образования (иностранный язык) **Н.К. Ивановой «**Spelling Spell**.** Орфография английского языка», Москва: АСТ, Восток-Запад, 2007 (тираж 4 000 экз.).
4. **Учебное пособие М.Г. Зеленцовой «**Мир, человек, общество. Актуальные проблемы философского знания». Ч.1. Иваново, ИГХТУ.
5. **Учебное пособие С.Г. Шишкиной** «Как говорить по-английски об искусстве». Иваново, ИГХТУ.
6. **Учебное пособие М.Н. Милеевой** «Innovations and inventions» Иваново, ИГХТУ.

ДИССЕРТАЦИИ, ЗАЩИЩЕННЫЕ В 2008 г. ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА

1. **Стрельчук Е.Н.** (кафедра русского языка): «Лингводидактические основы обучения иностранных учащихся русской письменной речи на этапе довузовской подготовки». Москва, РУДН.
2. **Аверин В.А**. (кафедра истории и культурологии): «Мезолит Волго-Клязьменского междуречья».Москва, Институт археологии РАН.

СПИСОК АВТОРОВ

1. **Аверин Вадим Александрович** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и культурологии ИГХТУ.
2. **Алаева Оксана Викторовна** – студентка 2-го курса факультета ветеринарной медицины и биотехнологии в животноводстве ИГСХА.
3. **Атаева Елена Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ИГХТУ.
4. **Афанасьева Кристина Александровна** – студентка гр. 4/50 ГФ ИГХТУ.
5. **Балдина Юлия Викторовна** – студентка 2-го курса факультета ветеринарной медицины и биотехнологии в животноводстве ИГСХА.
6. **Бартош Анна Владимировна** – студентка 2-го курса факультета ветеринарной медицины и биотехнологии в животноводстве ИГСХА.
7. **Благовестный Алексей Юрьевич** – аспирант кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ.
8. **Блинов Роман Юрьевич** – старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ.
9. **Бобкова Елена Викторовна** – студентка гр. 5/126 ГФ ИГХТУ.
10. **Галкина Елена Сергеевна** – студентка гр. 5/50 ГФ ИГХТУ.
11. **Ганина Вера Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ.
12. **Гречихина Мария Александровна** – старший преподаватель кафедры истории и культурологии ИГХТУ.
13. **Губина Надежда Михайловна** – доцент кафедры истории и культурологии ИГХТУ.
14. **Долинина Ирина Вячеславовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, ИГХТУ.
15. **Егоров Александр Дмитриевич** – доктор исторических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры механики ИГХТУ.
16. **Емельянов Алексей Анатольевич** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков РГТЭУ.
17. **Здорикова Юлия Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ИГХТУ.
18. **Зеленцова Марина Григорьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии ИГХТУ.
19. **Золина Елена Наполеоновна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ.
20. **Иванова Наталья Кирилловна** – доктор филологических наук, профессор, зав. каф. иностранных языков и лингвистики ИГХТУ.
21. **Кириллова Мария Алексеевна** – выпускница ГФ ИГХТУ.
22. **Киселёва Елена Николаевна** – выпускница ИУФИС ИГХТУ.
23. **Коваленко Юлия Олеговна** – студентка гр. 2/38 ИГХТУ.
24. **Корнилова Любовь Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков РГТЭУ.
25. **Кузьмина Римма Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ.
26. **Куренчанина Ольга Валерьевна** – студентка гр. 5/50 ГФ ИГХТУ.

27. **Левицкая Ирина Александровна** – 2-ой курс магистратуры ВХК РАН ИГХТУ.
28. **Литова Элла Павловна** – старший преподаватель кафедры социально-экономических теорий ИГХТУ.
29. **Лобанов Виктор Алексеевич** – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков ИвГМА.
30. **Лобанова Ирина Владмимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ.
31. **Лукашин Илья Сергеевич** – студент 2/32 ИГХТУ.
32. **Малкова Юлия Леонидовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ.
33. **Масленникова Ольга Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и культурологии ИГХТУ.
34. **Милеева Марина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ.
35. **Миловзорова Мария Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и культурологии ИГХТУ.
36. **Мощева Светлана Васильевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ.
37. **Наумов Владимир Викторович** – доктор филологических наук, профессор института иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.
38. **Нечаева Елена Александровна** – аспирант кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ.
39. **Палей Елена Вадимовна** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии ИГХТУ.
40. **Песьякова Анна Александровна** – выпускница ИГХТУ.
41. **Петрова Анастасия Сергеевна** – студентка гр. 5/126 ИГХТУ.
42. **Полуярова Дина Николаевна** – студентка гр. 5/126 ИГХТУ.
43. **Портнов Александр Николаевич** – доктор философских наук, профессор кафедры истории и культурологии ИГХТУ, зав. кафедрой философии ИвГУ.
44. **Портнов Антон Александрович** – аспирант кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин ИГАСУ.
45. **Раскатова Елена Михайловна** – кандидат исторических наук, зав. кафедрой истории и культурологии ИГХТУ, декан ГФ.
46. **Рыжкова Наталья Анатольевна** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и культурологии ИГХТУ.
47. **Самотовинский Дмитрий Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии ИГХТУ.
48. **Сапожникова Ольга Анатольевна** – старший преподаватель кафедры философии ИГХТУ.
49. **Сироткин Алексей Сергеевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и культурологии ИГЭУ.
50. **Смирнова Анна Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков РГТЭУ.
51. **Староста Павел** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой «Малого городского и сельского поселения» Института социологии Лодзинского университета, Польша.
51. **Столбов Вячеслав Павлович** – кандидат экономических наук, профессор, зав. кафедрой социально-экономических теорий ИГХТУ.
52. **Страдымова Валентина Ивановна** – кандидат филологических наук, доцент каф. истории и культурологии ИГХТУ.
53. **Стрельчук Елена Николаевна** – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры русского языка ИГХТУ.
54. **Суверина Екатерина Викторовна** – студентка гр. 3/50 ГФ ИГХТУ.
55. **Тихомирова Ольга Владимировна** – студентка 5-го курса ИГХТУ.
56. **Торшинин Михаил Евгеньевич** – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры философии ИГХТУ.
57. **Трефилова Мария Николаевна** – аспирант кафедры истории и культурологии ИГХТУ.
58. **Фалина Вера Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры интенсивного обучения английскому языку ИГЭУ.
59. **Шастина Галина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков географического факультета СПбГУ.
60. **Шишкина Светлана Григорьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ.